

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 07-05-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 07-05-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

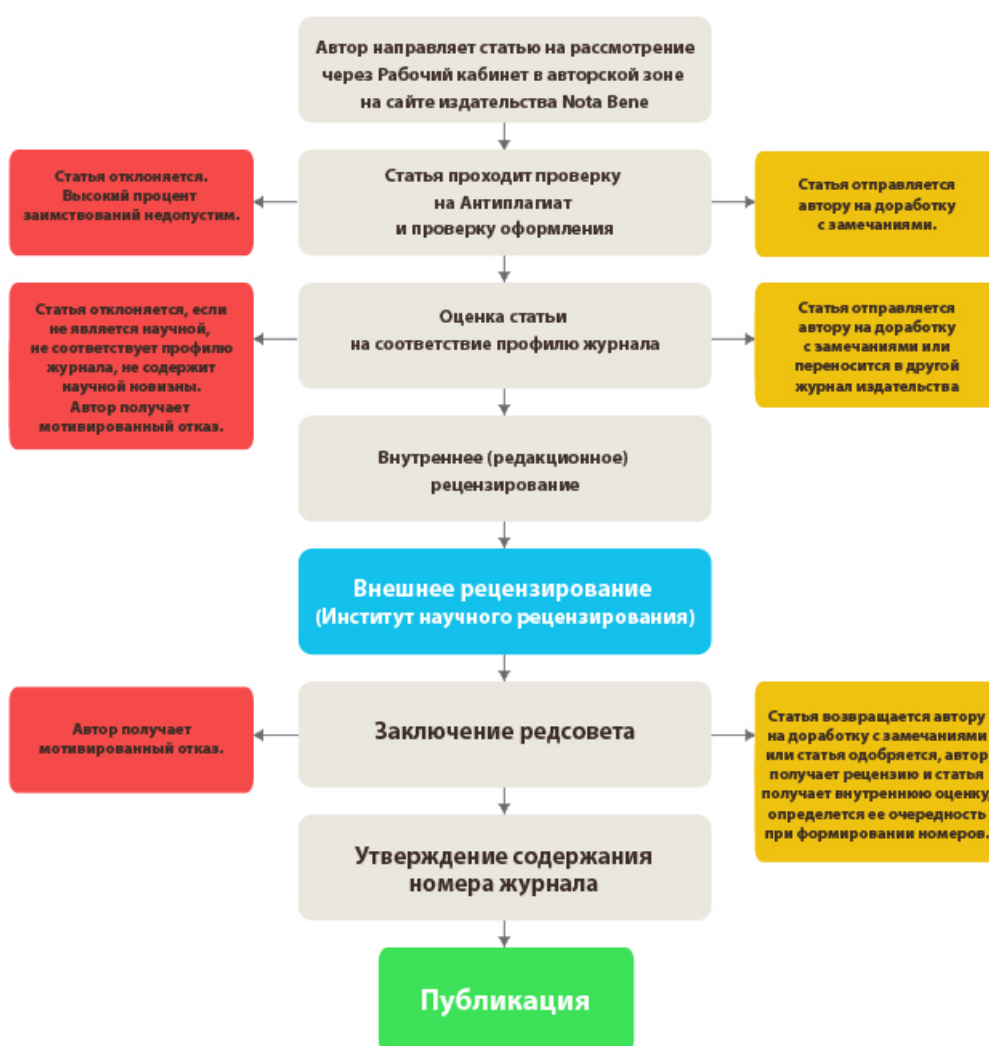
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Ван Ц. Фразеологические единицы с семантикой «внешность человека» в русском и китайском языках	1
Вострикова А.О., Никонов С.Б., Шафир Т.В., Байчик А.В. Трансформация медиасистемы Афганистана в условиях становления государственности	16
Гаджилова Ш.М. Художественные размышления Магомеда Ахмедова о русской поэзии (к вопросу о развитии дагестано-русских литературных связей)	31
Абдуллаев Р.С. Поддерживаемые государством языковые стратегии в Азербайджане: продвижение азербайджанского и многоязычных инициатив	44
Долгополова Л.А., Мустафаева А.Х. Изменение функционирования артикля в истории немецкого языка	64
Ли С. Глагольная лексика как средство выражения межличностных отношений в русском и китайском языках	80
Табатабаи С., Булгарова Б.А., Котеча К., Патил Ш. Декодирование иранской культуры мемов и ее применение в журналистике	89
Дмитриева Н.М., Коробейникова А.А., Малахова О.М., Половникова А.Ю. Семантика и структура концепта «Богатырство» в былинах и современном языковом сознании	97
Голиков А.А., Акимов Д.А., Данилова Ю.Ю. Оптимизация традиционных методов определения сходства наименований проектов и закупок с использованием больших языковых моделей	109
Ню Ю. Система образов в романе А. Варламова «Мысленный волк»	122
Ли И. Механизмы метафорического образования и интерпретации зоосемизмов в русских словарях	135
Ху Ц. Особенности реализации речевых стратегий и тактик в слогане телевизионной рекламы продуктов питания	145
Лемаев В.И., Лукашевич Н.В. Автоматическая классификация эмоций в речи: методы и данные	159
Ван Ц., Мельник Г.С., Лабуш Н.С., Байчик А.В. Медиаанализ текста о китайской стратегии информационной войны на примере опубликованных материалов.	174
Хань Х., Дугалич Н.М. Средства указания на автора в научных текстах: корпусное исследование	182
Егорова Н.В., Щипанова Ю.В., Горошко В.С. Семантическое изменение слова как основной способ создания комического эффекта в речевых жанрах интернет-коммуникации	195
Иванова Е.В. Еще раз о переводческих принципах Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (на материале «Епитомий»)	204
Кузина М.А. Роль заимствований с национально-культурным компонентом значения в пополнении класса этимологических дублетов в современном английском языке	214
Карташева А.О. Мета-жанровые образования в поэзии Валерия Брюсова	228
Ли С., Баранова Е.А. «Российско-украинский конфликт» через призму пользователей	244

китайской социальной сети «Weibo»

Платицын А.В., Арепьев А.В., Голованов А.Н. «Привет, подружка»: рекламный нарратив в контексте визуального поворота (на примере брендов Wrigley's и Dirol)	255
Ашан Л. Приемы речевого воздействия в конечной части рекламного видеоролика к онлайн-курсам	264
Цуй Ю. Рецепция пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» в Китае	273
Лянь Х. Национальная идентичность в контексте исторической травмы в рассказах Василия Шукшина	282
Садовникова Ю.М. Новый исторический роман: традиции, эволюция и специфика жанра на примере романа Барри Ансуорта «Моралите»	289
Петров Д.В. Терминология на границе лингвистики и психологии: к проблеме строгих определений	296
Ма Л. Сравнительный анализ структуры простых предложений в русских и китайских дипломатических документах	314
Полянская А.И. Образ матери в фэнтези-романе Дж. Мартина «Игра Престолов»	324
Скрыпник Е.Р. Невербальные компоненты общения в диалогах как маркер отношений персонажей в повести А.П. Чехова «Три года»	333
Хаджи Мусаи С.А., Мадаени Аввал А. Выражение эмоционального состояния человека при помощи фразеологических единиц с цветовым компонентом в русском и персидском языках	340
Ло С. Частотность употребления слова «Тибет» в русскоязычном дискурсе 18-20 вв.	352
Фэн В. Способы перевода медицинских терминов на китайский язык	365
Лобанова Т.Н., Дубяга А.М. Репрезентация и стереотипизация женского образа в современных масс-медиа (на материале глянцевого журналов)	375
Садовникова Ю.М. Реализация концепции особенностей исторического романа Вальтера Скотта на примере романа Барри Ансуорта «Моралите»	388
Хуан И. Метафорика стыда в китайском и русском языках	397
Англоязычные метаданные	408

Contents

Wang J. Phraseological units with the semantics of "human appearance" in Russian and Chinese	1
Vostrikova A.O., Nikonov S.B., Shafir T.V., Baichik A.V. Transformation of the media system of Afghanistan in the context of the formation of statehood	16
Gadzhilova S.M. Magomed Akhmedov's Artistic Reflections on Russian Poetry (on the Development of Dagestan-Russian Literary Relations)	31
Abdullayev R.S. State-supported language strategies in Azerbaijan: promotion of Azerbaijani and multilingual initiatives.	44
Dolgoplova L.A., Mustafaeva A.H. Changing the functioning of the article in the history of the German language	64
Li X. Verbal vocabulary as a means of expressing interpersonal relations in Russian and Chinese	80
Tabatabai S., Bulgarova B.A., Kotecha K., Patil S. Decoding Iran's meme culture and implications in journalism	89
Dmitrieva N.M., Korobeynikova A.A., Malahova O.M., Polovnikova A.Y. Semantics and structure of the concept of "Bogatyrstvo" in epics and modern linguistic consciousness	97
Golikov A.A., Akimov D.A., Danilova Y. Optimization of traditional methods for determining the similarity of project names and purchases using large language models	109
Niu Y. The system of images in A. Varlamov's novel "The Mental Wolf"	122
Li Y. Mechanisms of metaphorical formation and interpretation of zoosemisms in Russian dictionaries	135
Hu Z. Features of the implementation of speech strategies and tactics in the slogan of television food advertising	145
Lemaev V.I., Lukashevich N.V. Automatic classification of emotions in speech: methods and data	159
Wang Z., Mel'nik G.S., Labush N.S., Baichik A.V. Media analysis of the text on the example of Chinese strategy of information warfare	174
Han H., Dugalich N.M. Self-mention in Chinese linguistic MA novices' and experts' academic writing: A corpus-driven investigation of 'we'	182
Egorova N.V., Shchipanova Y.V., Goroshko V.S. Semantic word change as the main way to create a comic effect in the speech genres of Internet communication	195
Ivanova E.V. Once again about the translation principles of Epiphanius Slavnetsky and Euphemia Chudovsky (based on the material "Epitomy")	204
Kuzina M.A. Contribution of Culture-loaded Loanwords to the Class of Etymological Doublets in the Contemporary English Language	214
Kartasheva A.O. Meta-genre formations in the poetry of Valery Bryusov	228
LI X., Baranova E.A. "Russian-Ukrainian conflict" through the prism of users of the Chinese social network "Weibo"	244
Platitsyn A.V., Arepjev A.V., Golovanov A.N. "Hello, girlfriend": an advertising narrative	255

in the context of a visual turn (using the example of Wrigley's and Dirol brands)

Ashan L. Techniques of speech influence in the final part of the promotional video for online courses	264
Cui Y. Reception of Anton Chekhov's play "Uncle Vanya" in China	273
Lian H. National identity in the context of historical trauma in the stories of Vasily Shukshin	282
Sadovnikova Y.M. A New Historical novel: traditions, evolution and specifics of the genre by the example of Barry Unsworth's novel "Morality Play"	289
Petrov D.V. Terminology at the border of linguistics and psychology: to the problem of strict definitions	296
Ma L. Comparative analysis of the structure of simple sentences in Russian and Chinese diplomatic documents	314
Polyanskaya A.I. The Image of Mother in the fantasy novel "A Game of Thrones" by G. Martin.	324
Skrypnik E.R. Nonverbal components of communication in dialogues as a marker of character relationships in the work by A. P. Chekhov "Three Years"	333
Haji Mousaei S.A., Madaeni Awwal A. Expression of a person's emotional state using phraseological units with a color component in Russian and Persian languages	340
LUO X. The frequency of the use of the word "Tibet" in the Russian-language discourse of the 18th and 20th centuries.	352
Feng W. Ways to translate medical terms into Chinese	365
Lobanova T.N., Dubyaga A.M. Representation and stereotyping of the female image in modern mass media (based on glossy magazines)	375
Sadovnikova Y.M. The realization of the concept of the features of the historical novel by Walter Scott on the example of Barry Unsworth's novel "Morality"	388
HUANG Y. Metaphor of Shame in Chinese and Russian	397
Metadata in english	408

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Ц. Фразеологические единицы с семантикой «внешность человека» в русском и китайском языках // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70109 EDN: BWJWJB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70109

Фразеологические единицы с семантикой «внешность человека» в русском и китайском языках

Ван Цзин

ORCID: 0009-0009-8848-0400

старший преподаватель, факультет русского языка, институт иностранных языков, Хулунбуирский университет (КНР); аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, 2, каб. Кафедра РЯМИ

✉ jing-wang@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70109

EDN:

BWJWJB

Дата направления статьи в редакцию:

12-03-2024

Дата публикации:

22-03-2024

Аннотация: Язык является одним из основных инструментов общения и передачи информации между людьми, позволяя нам выражать свои мысли и чувства, а также описывать окружающий мир. Фразеология, как неотъемлемая часть любого языка, играет важную роль в передаче культурных ценностей и традиций народа. Одной из ключевых групп фразеологических единиц являются фразеологизмы с семантическим полем «внешность человека», которые отражают представления о красоте, уродстве, возрасте и других характеристиках внешнего вида. В данной статье мы рассмотрим фразеологические единицы с семантикой «внешность человека» на примере русского и китайского языков. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью изучения и анализа фразеологии как средства выражения культуры, менталитета и национальных

особенностей народов. Кроме того, изучение фразеологических единиц в разных языках позволяет выявить сходства и различия в восприятии определенных понятий, а также особенности перевода этих единиц на другие языки. Предмет исследования: фразеологические единицы с семантикой «внешность человека» в русском и китайском языках. Методы: 1. анализ научной литературы по фразеологии русского и китайского языков; 2. сравнительный анализ фразеологических единиц с семантикой «внешность человека» в русском и китайском языках; 3. изучение примеров фразеологических единиц и их перевод на другой язык; 4. выявление сходств и различий между фразеологическими единицами в русском и китайском языках. Научная новизна: впервые проводится сравнительный анализ фразеологических единиц с семантикой «внешность человека» в русском и китайском языках. В статье выявляются сходства и различия между этими единицами, а также исследуются особенности их перевода с одного языка на другой. Выводы: 1. В русском и китайском языках существуют фразеологические единицы со значением «внешность человека», которые выполняют важную роль в общении и описании людей. 2. Несмотря на некоторые сходства, фразеологические единицы в двух языках имеют свои особенности в плане структуры, семантики и прагматики. 3. Перевод фразеологических единиц требует учета их коннотаций, культурных особенностей и исторического контекста. 4. Фразеологические единицы могут служить источником для изучения культурных различий и взаимодействия между народами.

Ключевые слова:

идиоматические выражения, семантика внешности, русский язык, китайский язык, культурные различия, перевод, общие выражения, исторические контексты, фразеология, сравнение языков

Целью данной статьи является анализ фразеологических единиц с семантическим значением «внешность человека» и сравнение их использования в русском и китайском языках. Для достижения этой цели необходимо решить **следующие задачи**: изучить теоретические основы фразеологии, рассмотреть классификации фразеологических единиц, проанализировать примеры фразеологических единиц на русском и китайском языках, а также выявить сходства и различия между ними.

Объект исследования – сходства и различия между фразеологическими единицами с семантикой «внешность человека» в русском и китайском языках, а также особенности их перевода и интерпретации.

Автор подробно рассматривает такие темы, как:

1. Определение и классификация фразеологических единиц с семантикой «внешность человека» в русском и китайском языках.
2. Сходства и различия между фразеологизмами в двух языках, описывающими внешность человека.
3. Особенности перевода и интерпретации фразеологических единиц, связанных с внешностью, с русского на китайский и наоборот.
4. Примеры использования фразеологических единиц в литературе и повседневной речи.

5. Роль фразеологических единиц во взаимодействии культур и народов.

Введение

Фразеологическая единица – это устойчивое словосочетание или выражение, обладающее определенным значением, структурой и особенностями употребления в языке. Фразеологизмы являются неотъемлемой частью любого языка и играют важную роль в выражении мыслей, описании эмоций и событий. Согласно Н.М. Шанскому, фразеология – это раздел языкознания, который изучает устойчивые выражения и словосочетания в языке, их значение, происхождение и употребление [1]. Фразеология включает в себя фразеологизмы, пословицы, поговорки и другие устойчивые выражения. Фразеологизмы в китайском языке также известны как идиомы. Идиома – это устойчивое выражение, значение которого не может быть выведено из значений отдельных слов. Фразеологизмы в китайском языке имеют свои особенности, связанные с культурой и традициями Китая [2].

Изучением фразеологии занимались многие ученые, как русские, так и китайские. Среди русских исследователей можно выделить таких ученых, как Н. М. Шанский, В. В. Виноградов, А. И. Молотков и другие. Китайские ученые, занимающиеся изучением фразеологии, также внесли значительный вклад в развитие этой области науки. Среди них можно выделить Ли Чжэндао, Люй Шусян и других.

Что касается существующей классификации фразеологических единиц, то необходимо обратить внимание на следующие моменты, о которых писала в своей статье А. М. Гришечкина [3]. Классификация В. В. Виноградова является наиболее полной и подробной. Она разделяет фразеологизмы на 4 группы: фразеологические сращения, единства, сочетания и выражения [4]. Однако, например, классификации Ю. А. Гвоздарёвой, Н. Н. Амосовой, Д. Н. Шмелёва, А. В. Кунина, могут быть использованы как дополнительные источники информации о фразеологизмах.

Фразеологизмы, характеризующие внешность человека в русском языке. В русском языке существует множество фразеологизмов, использующихся для описания внешности человека. В качестве основы для анализа использовались данные Фразеологического словаря русского языка [5], а также других справочных материалов.

В китайском языке существует множество фразеологизмов, описывающих внешность человека. Основываясь на данных Китайско-русского фразеологического словаря [6], а также словарях 汉语成语词典 [7] (Словарь китайских идиом) и 现代汉语词典 [8] (Словарь современного китайского языка), были отобраны различные фразеологизмы для описания внешности человека и проведен их семантический и грамматический анализы. В данной работе рассматриваются словарные и разговорные фразеологизмы, заимствованные из личной речевой практики автора, являющегося носителем китайского языка.

В данной статье был проведён семантический и грамматический анализ фразеологизмов в русском и китайском языках. Семантический анализ направлен на изучение смыслового значения фразеологизмов и определение контекста, в котором они используются. Грамматический анализ помогает определить грамматические связи между компонентами фразеологизма и включает морфологический и синтаксический анализ [9].

Фразеологизмы, описывающие внешность человека, в русском и китайском языках

можно разделить на несколько групп в соответствии с их семантическими особенностями [10]. Мы представим несколько групп, включающих в себя фразеологизмы, обозначающие различные аспекты внешности, такие как «внешность», «возраст», «рост».

Таблица 1 – Внешность

№	Значение	Пример в русском языке	Пример в китайском языке
1)	«Привлекательный, красивый»	«Красота неземная» – фразеологизм используется для описания человека, который обладает настолько красивой внешностью, что кажется неземным, сверхъестественным.	«Закройте луну и запугайте цветок» – 闭月羞花 Выражение описывает очень красивую женщину, заставляя цветок стыдиться, а луну скрывать.
		«Первый парень на деревне» – это фразеологизм, который используется для описания самого видного, красивого и успешного молодого человека в деревне или небольшом городе. Он обычно является объектом восхищения для других жителей и может быть лидером среди своих сверстников.	«Незнакомец подобен нефриту» – 陌上人如玉 («Прекрасен как нефрит на макушке»). Метафора мужской красоты.
		«Кровь с молоком» – это устойчивое выражение, которое используется для описания здорового, сильного и румяного человека. Обычно так говорят о молодых людях или детях.	«Прекрасна, как цветок» – 娇艳如花 (Женщина прекрасна, как распутившийся цветок)
		«Апполон Бельведерский» – это образ идеального мужчины, красивого	«Выглядеть как Пан Ань» – 掷果潘安

		и стройного, с идеальными чертами лица. Это выражение используется для описания очень красивого мужчины.	(«Бросающий фрукты Пан Ань» или «Бросание фруктов Хэян»). Выражение используется для описания красоты мужчины.
2)	«Непривлекательный, безобразный»	«Пугало огородное» – это человек, который выглядит очень некрасиво, обычно из-за старой или грязной одежды. Это выражение используется для того, чтобы описать кого-то, кто выглядит очень плохо.	«Сто неуклюжестей и тысяча уродств» – 百拙千丑 Крайне неуклюжий и некрасивый.
		«Ни кожи ни рожи» – так говорят о человеке, который очень некрасив, не имеет никаких привлекательных черт во внешности.	«30% от человека, 70% от призрака» – 三分像人, 七分似鬼 («Три четверти, как у человека, семь частей, как у призрака» – идиома, обозначающая человека с уродливой внешностью.
		«Страшный как черт» – так говорят об очень некрасивом человеке.	«Острый рот и тонкие щеки, как у обезьяны» – 尖嘴猴腮 Описывает внешность человека как уродливую.
3)	«Незаметный, непримечательный»	«Ногтя не стоит» – это выражение используется для описания чего-то или кого-то настолько незначительного, что даже не заслуживает внимания.	«Неизвестный солдат» – 无名战士 (Метафора о человеке без славы и статуса)
		«Ни рыба ни мясо» –	«Волос на девяти

		так говорят о ком-то или чем-то, что не является ни хорошим, ни плохим, ни полезным, ни вредным.	быках» – 九牛一毛 («Один волос из девяти бычьих шкур») незначительный пункт в огромном количестве

На основе сравнительной таблицы фразеологизмов русского и китайского языков на тему «Внешность человека» можно сделать следующие выводы:

1. В обоих языках присутствуют фразеологизмы, которые описывают привлекательную внешность человека, его красоту и превосходство над другими.
2. В китайском языке больше метафор и образов, связанных с природой и ее красотой, например, луна, цветы, нефрит.
3. В русском языке часто используются сравнения с мифологическими персонажами и образами из литературы, например, Апполон Бельведерский.
4. Оба языка имеют фразеологизмы, описывающие привлекательность как мужчин, так и женщин. Однако в китайском языке есть больше выражений, которые подчеркивают мужскую красоту.

Таблица 2 – Возраст

№	Значение	Пример в русском языке	Пример в китайском языке
1)	«Старый»	«Не первой свежести»	«Год гладких ушей» – 耳顺之年 (про пожилой возраст)
		«Из него песок сыплется»	«Рыбья спина» – 鲐背之年 про 90-летнего человека
		«Древний (старый) как мир»	«Висящие колесницы» – 杖国之年 про 70-летнего человека
		«Божий одуванчик»	«Трепещущая на ветру свеча, которую легко задуть»

			– 风中残烛 (о старом человеке, который вот-вот умрет)
		«Быть в рассвете сил»	«Волосы у нее белые, как журавлиные перья, а лицо розовое, как у ребенка» – 鹤发童颜 (о старом человеке)
2)	«Молодой»	«У него еще молоко на губах не обсохло»	Букв.: «Во рту все еще пахнет молоком» – 乳臭未干 (презрение к молодежи)
		«Еще совсем зеленый»	«Красота и зеленые виски» («Красное лицо и зеленые виски») – 绿酒朱颜 (описывает девушку в молодости)

Возрастные титулы у древних китайцев имели различное происхождение [\[11\]](#): большинство из них были названы в соответствии с физиологическими особенностями разных возрастов, но некоторые стали фиксированными титулами на основе того, что говорили предшественники. Среди всех возрастных титулов звание «девяностолетний» является самым распространенным и интересным. Ее еще называют «рыбьей спиной». Скумбрия — это разновидность рыбы, и пятна на ее спине напоминают морщинистую кожу старика. В пожилом возрасте на коже появляются пигментные пятна, похожие на кожуру замороженной груши, поэтому ее еще называют «замороженной грушей».

В обоих языках есть выражения, описывающие различные возрастные категории. В китайском языке часто используются образы, связанные с возрастом и старостью, например, «风中残烛» (букв.: «Трепещущая на ветру свечка, которую легко задуть») используется для описания старого человека, который находится на грани смерти. В русском же языке чаще используется образные сравнения, например, «Божий одуванчик» [\[12\]](#). В обоих языках также присутствуют выражения, подчеркивающие красоту пожилых людей или молодость молодых. Например, «鹤发+童颜» (буквально «волосы как журавлиные перья + лицо как у младенца») используется в китайском языке для описания пожилого человека с благородной внешностью, а в русском языке «У него еще молоко на губах не обсохло» используется для выражения презрения к молодым людям [\[13, с. 44\]](#).

Таблица 3 – Рост

№	Значение	Пример в русском языке	Пример в китайском языке
1)	«Высокий»	«Коломенская верста». Это выражение означает очень высокого человека. (Истоки его от названия высокой колокольни в Коломне, которая была одним из самых высоких зданий в России).	«Нефритовое дерево, обращенное к ветру» – 玉树临风 («Юшу Линьфэн» – идиома, которая описывает человека, высокого и стройного, как нефритовое дерево; в основном относится к мужчине).
		«Пожарная каланча». Это выражение означает что-то очень высокое. Оно произошло от названия пожарной каланчи, которая была самым высоким зданием в городе и использовалась для наблюдения за огнем.	«Высокий бегемот» – 庞然大物 (Относится к чему-то высокому и громоздкому. Теперь его также используют для описания вещей, которые кажутся сильными, но на самом деле являются слабыми).
		«Косая сажень в плечах» – это фразеологизм, который используется для описания высокого и широкоплечего человека. Он обозначает, что у человека широкие плечи и его плечи находятся под косым углом к земле.	«Подняться на вершину неба» – 顶天立地 (или «Небо над головой, а ноги на земле». Описывает образ как высокий и героический).
2)	«Невысокий»	«От горшка два вершка». Это выражение означает,	«Хоть воробей и маленький, но у него есть все

		что кто-то очень маленький или молодой. Оно происходит от старой русской меры длины, где вершок - это часть пальца. Когда кто-то был очень мал, говорили, что он ростом в два вершка, то есть очень маленький. Сейчас это выражение используется для описания кого-то маленького или молодого, даже если они не такие маленькие, как раньше.	внутренние органы» – 麻雀虽小,五脏俱全 (описывает человека невысокого роста, но с хорошей фигурой)
		«Мужичок с ноготок». Это выражение используется для описания маленького мальчика или мужчины, который выглядит очень молодым или маленьким для своего возраста.	«Третьесортный калека» – 三级残废 (короткий и бесполезный)
		«От земли не видать». Это выражение означает, что кто-то или что-то находится очень близко к земле или на очень низком уровне.	«Короткая зимняя дыня» – 短冬瓜 (Человек маленького роста и толстый, как зимняя дыня)
		«Метр с кепкой». Это выражение означает, что кто-то очень маленького роста. Оно происходит от того, что раньше люди часто носили кепки, и если кто-то был маленького роста, то его кепка была на уровне метра (поскольку метр – это	«Гномы могут побеждать генералов» – 矮人可以打败将 Человек или существо невысокого роста.

		единица измерения высоты). Сейчас это выражение используется в переносном смысле для описания людей любого роста, которые выглядят маленькими или незначительными.	

В данной таблице мы видим, что в русском языке есть несколько фразеологизмов, которые используются для описания высокого или низкого роста человека. Например, «Косая сажень в плечах» используется для описания высокого человека, а «от горшка два вершка» – для описания невысокого человека. В китайской культуре, как и в русской, есть множество фразеологизмов и идиом, связанных с описанием роста и внешности человека. Некоторые из них имеют прямой перевод на русский язык, например, «Нефритовое дерево, обращенное к ветру», которое описывает высокого и стройного человека. Другие идиомы, такие как «Высокий бегемот», используются для описания чего-то высокого и громоздкого, или «Подняться на вершину неба», которое описывает образ как высокий и героический. Также есть идиомы, которые описывают невысокий рост, как «Хоть воробей», которая говорит о том, что даже если кто-то маленький, у него все равно есть все необходимые органы. Идиома «Третьесортный калека», с другой стороны, используется для описания человека невысокого роста с плохой фигурой.

Особенности перевода фразеологических единиц с китайского языка на русский и обратно включают в себя культурные различия, грамматические особенности и разные способы выражения одних и тех же идей. Например, в китайском языке часто используются идиомы для выражения эмоций и мыслей, в то время как в русском языке больше внимания уделяется точности и ясности выражения. Кроме того, некоторые фразеологизмы могут иметь разные значения в разных культурах, что требует тщательного перевода и анализа контекста. В целом, перевод фразеологизмов с одного языка на другой требует внимательного отношения к деталям и глубокого понимания культуры и истории обоих народов.

Идиоматические выражения являются неотъемлемой частью любого языка и культуры [14]. Они могут быть общими для разных культур или специфическими для одной. В этом разделе мы рассмотрим некоторые сходства и различия между русскими и китайскими идиоматическими выражениями, описывающими внешность человека.

Таблица 4 – Сходства и различия между русскими и китайскими фразеологизмами с семантикой внешности

№	Сходства	Различия
1.	В обоих языках существуют фразеологизмы для описания привлекательной внешности.	В русском больше выражений, которые описывают общую привлекательность, в то время как китайские больше фокусируются на конкретных чертах, таких как цвет лица

		или фигура [15] .
2.	Есть сходства между китайскими и русскими фразеологизмами при описании старости. Например, «из него песок сыпется» и «рыбья спина».	Китайские фразеологизмы часто связаны с конкретными числами, такими как 70 или 90, в то время как русские больше ориентированы на общую идею старости. При описании молодости в китайском языке есть выражение «鹤发童颜», которое трудно перевести буквально. Оно описывает старого человека с белыми волосами и розовым лицом, что не имеет прямого аналога в русском языке.
3.	И в русском, и в китайском языках есть идиоматические выражения, описывающие высокий рост. Например, «Коломенская верста» в русском и «顶天立地» в китайском. Есть также выражения, описывающие низкий рост, например «от горшка два вершка» в русском и «麻雀虽小» в китайском.	В русском языке есть много выражений, описывающих внешность человека в целом, например «Косая сажень в плечах». В китайском языке таких выражений меньше, и они в основном описывают рост или телосложение [16]. Китайские выражения часто связаны с историческими или культурными событиями, которых нет в русском языке. Например, выражение «顶天立地», которое связано с китайской мифологией. В китайском языке есть множество выражений, описывающих различные части тела, которые не имеют прямых аналогов в русском языке.

За долгую историю человечества каждый народ лелеял и развивал уникальную традиционную культуру. Это общее интеллектуальное богатство человечества. Будьте инклюзивны, ищите точки соприкосновения, сохраняя при этом различия, понимайте и принимайте с открытым сердцем. Только проявляя терпимость друг к другу, мы можем добиться прогресса всего человечества [\[17\]](#).

В обоих языках фразеологические единицы используются для описания внешности человека, выражая определенные характеристики или идеалы. Понимание

фразеологизмов важно для успешной коммуникации и культурного обмена между носителями этих языков.

Заключение

В данной статье были рассмотрены фразеологические единицы, связанные с семантическим полем «внешности человека», на примере русского и китайского языков, и были выявлены сходства и различия их использования [\[18\]](#).

Исследование показало, что фразеологические единицы играют важную роль в выражении культурных, ментальных и национальных особенностей народа, и изучение их помогает лучше понять культурные различия и особенности перевода на другие языки [\[19\]](#). В частности, было обнаружено, что в русском языке имеется больше фразеологических единиц для описания общей внешности человека, в то время как китайские единицы более конкретны и детальны. Также китайские единицы часто связаны с историческими или культурными контекстами [\[20\]](#).

Проведенный анализ также показал, что оба языка ценят красоту и молодость. Однако подходы к описанию внешности и возраста могут различаться. Так, русские единицы больше направлены на описание общей привлекательности или непривлекательности, в то время как китайцы предпочитают описывать конкретные черты внешности.

Результаты данного исследования могут быть полезны для переводчиков, преподавателей и студентов, изучающих русский и китайский языки, а также для тех, кто интересуется культурой и особенностями этих языков.

Библиография

1. Шанский Н.М. Учебник для студентов пед.институтов. – М.: Просвещение, 1987. – 192с.
2. Ван Синьцзюй. Фразеологизмы, характеризующие поведение человека, в русском и китайском языках // Вестник Башкирского университета, Т. 22, – 2017. – №4. С. 1159-1164.
3. Гришечкина А.М. Фразеологизм как смыслообразующий феномен языковой системы и его влияние на языковую картину страны (на материале русского и французского языков) // Вестник Брянского государственного университета – 2013. – №2. С. 284-290.
4. Виноградов, В.В. Вопросы изучения словосочетаний [Текст] / В. В. Виноградов // Исследования по русской грамматике, М., 1975.
5. Жуков А.В. Фразеологический словарь русского языка. Издательство «ФЛИНТА», 2017. – 758 с.
6. Готлиб О.М. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хуаин. – 2-е изд., стереотип. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. – 596 с.
7. Словарь китайских идиом, 2-е издание, содержит 10 000 идиом. Издательский центр словарей бюро Chongwen Bureau, 2018. – 960 с.
8. Словарь современного китайского языка, переработанный (3-е издание). Издательство по преподаванию и исследованиям иностранных языков (китайско-английское двуязычное издание, 2002 г.), 2016. – 1894 с.
9. Лонг Цинран. Анализ симметричной структуры китайских идиом // Академия Шаоян. 2003. Номер страницы литературы: 64-67 URL:

<https://www.relun.com/qikan/d4219445c3b63dde5f068399bd50d94d.html>

10. Ли Дэсян. (Краткое обсуждение российской цифровой культуры – сравнение российской и китайской цифровой культуры // Журнал Института иностранных языков Народно-освободительной армии Китая, 2003 (02): 54-58.
11. Веренич, Т.К., Еремина, Е.В. К вопросу о выражении времени в русской и китайской идиоматике (лингвокультурологический аспект) // Мир науки, культуры, образования, – 2012. – № 2 (33). – С. 253-257.
12. Дай Синь. Сравнение китайской и русской лексики [D]. Хэйлунцзянский университет, 2002.
13. Шэнь Цзясюань. Смесь китайского и английского // Всемирное обучение китайскому языку, 2006. – С. 44.
14. Ши И. К сравнительно-сопоставительному анализу фразеологизмов русского и китайского языков и их переводу русского языка на китайский язык // Русистика. – М., 1999. – С. 281-286.
15. Большой фразеологический словарь китайского языка / Вань Сэн, Шен Яньлин, Лу Шупин; – Пекин.: 2013.
16. Го Синь-и. Телесный код в китайской фразеологии и его русское соответствие : дис. ... канд. филол. наук / Го Синь-и. – М., 2004. 187 с.
17. Ся Сю. Исследование по изучению идиом при преподавании китайского языка как иностранного // Зарубежное китайское образование – 2009. – № 3(всего № 52): 12-18.
18. Фокина, А.А. Сопоставительное изучение семантики фразеологизмов, номинирующих характеристик деятельности человека (на материале русского, марийского и английского языков) // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 2. С. 237-242.
19. Ли Ю. О роли культурного компонента в сопоставительной фразеологии: на материале русско-китайских и китайско-русских словарей // Филол. зап. – Воронеж. – 1988. – Вып. 10. – С. 153-158.
20. Лю Ян. Комментарий к когнитивному исследованию китайских идиом // Журнал Аньцинского педагогического университета (издание по социальным наукам) – 2018

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья направлена на анализ фразеологических единиц с семантикой «внешность человека» в русском и китайском языках. Выбранный вектор исследования, на мой взгляд, достаточно интересен, продуктивен. Автор достаточно умело комбинирует оценку двух разных по типу и культурологической подаче семантических потоков. Как отмечено в начале труда, «целью статьи является анализ фразеологических единиц с семантическим значением «внешность человека» и сравнение их использования в русском и китайском языках. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: изучить теоретические основы фразеологии, рассмотреть классификации фразеологических единиц, проанализировать примеры фразеологических единиц на русском и китайском языках, а также выявить сходства и различия между ними». Поставленная цель / задачи определяют и строго выверенную логику анализа. Информационно-теоретический уровень предельно точен, каких-либо разночтений не

выявлено: например, «фразеологическая единица – это устойчивое словосочетание или выражение, обладающее определенным значением, структурой и особенностями употребления в языке. Фразеологизмы являются неотъемлемой частью любого языка и играют важную роль в выражении мыслей, описании эмоций и событий. Согласно Н.М. Шанскому, фразеология – это раздел языкознания, который изучает устойчивые выражения и словосочетания в языке, их значение, происхождение и употребление...», или «Изучением фразеологии занимались многие ученые, как русские, так и китайские. Среди русских исследователей можно выделить таких ученых, как Н. М. Шанский, В. В. Виноградов, А. И. Молотков и другие. Китайские ученые, занимающиеся изучением фразеологии, также внесли значительный вклад в развитие этой области науки. Среди них можно выделить Ли Чжэндао, Люй Шусян и других...» и т.д. Чередование теоретического и практического блоков равносильны. Должный комментарий по ходу научной наррации делается выверено: «в данной статье был проведён семантический и грамматический анализ фразеологизмов в русском и китайском языках. Семантический анализ направлен на изучение смыслового значения фразеологизмов и определение контекста, в котором они используются. Грамматический анализ помогает определить грамматические связи между компонентами фразеологизма и включает морфологический и синтаксический анализ...». Методология работы направлена на компаративные принципы, что вполне закономерно. Считаю, что автору удастся полновесно раскрыть тему, объективировать актуальность и новизну исследования: «в китайском языке существует множество фразеологизмов, описывающих внешность человека. Основываясь на данных Китайско-русского фразеологического словаря [6], а также словарях 汉语成语词典 [7] (Словарь китайских идиом) и 现代汉语词典 [8] (Словарь современного китайского языка), были отобраны различные фразеологизмы для описания внешности человека и проведен их семантический и грамматический анализы. В данной работе рассматриваются словарные и разговорные фразеологизмы, заимствованные из личной речевой практики автора, являющегося носителем китайского языка». Выборка из словарей сделана верно, открытость данных налична. Параметричность, которая взята как оценочный ценз, тоже выбрана не случайна, именно эти показатели дают возможность увидеть разницу: «фразеологизмы, описывающие внешность человека, в русском и китайском языках можно разделить на несколько групп в соответствии с их семантическими особенностями. Мы представим несколько групп, включающих в себя фразеологизмы, обозначающие различные аспекты внешности, такие как «внешность», «возраст», «рост». Сведение полученных данных внесено в таблицы, визуальный порядок потенциальному читателю даст возможность наглядно увидеть точки сопоставлений, а также разницу. Иллюстративный фон достаточен, общие целевые точки достигнуты: автор в финале тезирует, что «фразеологические единицы играют важную роль в выражении культурных, ментальных и национальных особенностей народа, и изучение их помогает лучше понять культурные различия и особенности перевода на другие языки. В частности, было обнаружено, что в русском языке имеется больше фразеологических единиц для описания общей внешности человека, в то время как китайские единицы более конкретны и детальны. Также китайские единицы часто связаны с историческими или культурными контекстами. Проведенный анализ также показал, что оба языка ценят красоту и молодость. Однако подходы к описанию внешности и возраста могут различаться. Так, русские единицы больше направлены на описание общей привлекательности или непривлекательности, в то время как китайцы предпочитают описывать конкретные черты внешности». Общие требования издания учтены; текст не нуждается в серьезной правке. Рекомендую статью «Фразеологические единицы с семантикой «внешность человека» в русском и китайском языках» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Вострикова А.О., Никонов С.Б., Шафир Т.В., Байчик А.В. Трансформация медиасистемы Афганистана в условиях становления государственности // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70290 EDN: VZCDOK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70290

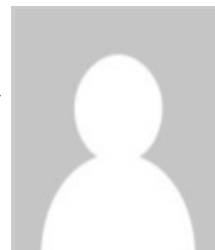
Трансформация медиасистемы Афганистана в условиях становления государственности

Вострикова Анна Олеговна

магистр, Кафедра международной журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7/9

✉ asya-vostrikova@mail.ru

Никонов Сергей Борисович

ORCID: 0000-0002-8340-1541

доктор политических наук

профессор, кафедра международной журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7/9, 707

✉ NikonovS@mail.ru

Шафир Тимур Владимирович

преподаватель, кафедра коммуникационных технологий, Московский государственный лингвистический университет

119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38

✉ tim.shafir@yandex.ru

Байчик Анна Витальевна

ORCID: 0000-0003-0527-5858

доктор политических наук

профессор, кафедра международной журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская, 7/9

✉ annabaichik@gmail.com

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70290

EDN:

VZCDOK

Дата направления статьи в редакцию:

26-03-2024

Дата публикации:

02-04-2024

Аннотация: Объектом исследования являются СМИ Афганистана. Предметом исследования является генезис методов регулирования медиасистемы Афганистана. В статье особое внимание уделяется формированию медиасистемы современного периода, который авторы определяют с конца 2021 года. С начала XX века медиасистема Афганистана формировалась под влиянием Международных сил содействия безопасности (ISAF, действовал в соответствии с резолюцией № 1386[39] Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 года) и желанием создать либерально-демократическое государство в понимании руководства ISAF. Свобода слова, выражения мнений и СМИ, которые были достигнуты в этот период, с августа 2021 года находится под контролем временного правительства Афганистана. В данной статье определяется, к каким методам прибегает действующая власть Афганистана для регулирования медиасистемы. Основным методом исследования является контент анализ документов и информации о практике правоприменения, соблюдения действующего законодательства. Естественно, он не мог быть осуществлён в отрыве от метода систематизации информации - исследования информационных объектов. Впервые в научной литературе представлено эмпирическое исследование представляющее важный материал по истории медиасистемы Афганистана, её современному состоянию, анализу изменений законодательства. Исследование представляется значимым и расширяющим знание о СМИ этого региона. Медиасистема Афганистана в течение 20 лет формировалась под влиянием международной коалиции во главе с США, которые пытались создать либерально-демократическое государство. Она была основана на компромиссе западных «демократических» и исламских ценностей, более плюралистическая и свободная, чем до и после этого периода. В августе 2021 года к власти пришла другая политическая сила, формирующая государство на других принципах, которая стала осуществлять контроль над всеми сферами, в том числе и медийной, взяв за основу нормы шариата. Одним из выводов исследования стало укрепление новой политической властью традиционной идентичности государства, «расшатанной» западными реформами. После прихода к власти временное правительство Афганистана отменило Конституцию 2004 года и Закон о СМИ 2009 года. Закон о доступе к информации 2019 года не был официально отменен, но при этом в стране он не соблюдается. Таким образом, в стране началась трансформация медиасистемы государства.

Ключевые слова:

Медиасистема Афганистана, журналистика, Афганские СМИ, Афганистан, международная журналистика, СМИ, политическое управление, захват медиасистемы, Голос шариата,

медиакратия

Введение в проблематику

Исходя из информации СМИ, после организованных «Аль-Каида» в странах исламского Магриба» (Признана террористической организацией на основании Решения Верховного Суда Российской Федерации, от 13.11.2008 № ГКПИ 08-1956, вступило в силу 27.11.2008) (далее АК) терактов в США 11 сентября 2001 года и отказа лидеров «Движения Талибан» (Признана террористической организацией на основании Решения Верховного Суда Российской Федерации, от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступило в силу 04.03.2003) (далее ДТ) выдать террористов «АК» США и Великобритания начали военную операцию «Несокрушимая свобода» (Enduring Freedom). Операция не была одобрена Советом Безопасности ООН. США и Великобритания лишь уведомили СБ ООН о начале военных действий в Афганистане, квалифицировав их «как реализацию права на индивидуальную и коллективную самооборону в соответствии со статьей 51 Устава ООН» (Военная операция "Несокрушимая свобода" в Афганистане. РИА Новости 01:36 07.10.2021 (обновлено: 07:30 07.10.2021) <https://ria.ru/20211007/afghanistan-1753135767.html> (Дата обращения 25.01.2024).

В 2001–2021 гг. под эгидой ISAF формировалась медиасистема, основанная на компромиссе западных демократических и исламских ценностей, — более плюралистическая и свободная, чем до и после этого периода. Юридическое признание свободы слова, выражения мнений и СМИ постулировались в качестве одного из самых больших достижений афганского правительства. Благодаря политическому и финансовому участию со стороны западной коалиции в стране была сформирована медиасистема с правовыми гарантиями для журналистов. В августе 2021 года к власти в Афганистане пришло ДТ с консервативными взглядами на информационную свободу. Было создано временное правительство Афганистана, представители которого не включены в санкционный список лиц, являющихся террористами, и контакт с которыми не запрещен. Именно с ними в настоящее время и работает МИД РФ. По мнению ведомства, термины «Движение Талибан» и «Движение талибов» по сути означают одно и то же. При этом с лексической точки зрения «Движение талибов» является более корректным названием, поэтому оно используется в работе (Ответы официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопросы СМИ в связи со встречей 28 мая в Москве Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова с делегацией Движения талибов «на полях» торжественного заседания, посвященного 100-летию установления российско-афганских дипломатических отношений 05.06.2019 17:21 https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1462820/ (Дата обращения 25.01.2024). ДТ начало работу по изменению медиасистемы, устанавливая свои правила, направленные на разрушение «прозападной» медиасистемы. Важно подчеркнуть, что МИД РФ, отмечая правовую особенность территориального состояния Афганистана в 2000 году, обращал внимание, что «провозглашенный талибами "Исламский эмират" официально признан Пакистаном, Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами» (О Ситуации в Афганистане 19.07.2000 23:57 https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1639354/ (Дата обращения 25.01.2024). Тогда ДТ контролировало 80% территории современного Афганистана. Хотя Конституция и закон о СМИ Исламского Эмирата Афганистан до сих пор находятся в разработке, в период предыдущего правления ДТ (1996–2001 гг.) было упразднено телевидение, а единственная радиостанция «Голос шариата» принципиально обходилась без дикторов-женщин. Это заставляет беспокоиться о будущем медиасистемы Афганистана.

Подавляющее большинство афганских СМИ уже находится под жестким контролем ДТ, пытается адаптироваться к новым условиям и действовать в рамках новых требований, что говорит о кардинальном изменении медиасистемы. Ранее работавшие на территории страны международные и иностранные СМИ вынуждены вести свою деятельность из-за рубежа, получать информацию от источников, которые рискуют попасть под преследование, использовать только соцсети и онлайн-платформы для распространения новостей. Теперь медиасистема, которая формировалась в Афганистане в течение последних 20 лет, может быть полностью «захвачена» и, как следствие, разрушена в понимании исследователей концепции *media capture* («захвата медиа»).

Систематического изучения стратегии «захвата» СМИ ДТ после прихода к власти в августе 2021 года ранее не проводилось. В 2015 году Ж. Релли и М. Зангер из Университета Аризоны установили, что СМИ подвергались «захвату» со стороны правительства, политических деятелей, ДТ, повстанцев, мафии, иностранных правительств и спонсоров. Их исследование лишь дает представление об акторах этого процесса (Relly, J. E., & Zanger, M. (2017). *The enigma of news media development with multi-pronged 'capture': The Afghanistan case*. *Journalism*, 18(10), 1233-1255. <https://doi.org/10.1177/1464884916670933>). Также оно утратило свою актуальность, так как роль и деятельность большинства описанных в нем субъектов после смены власти изменилась, а некоторые из них и вовсе перестали существовать в рамках медиасистемы Афганистана. Данная работа же призвана восполнить этот пробел и определить, какими методами пользуется действующая власть для «захвата» медиасистемы, которую в течение 20 лет пыталась построить коалиция во главе с США.

Методы исследования — анализ документов (Конституции Афганистана 1964 и 2004 годов, Закон о СМИ 2009 года и Закон о доступе к информации 2019 года) и качественный контент-анализ, основанный на концепции *media capture*. Категории анализа (в данном случае методы) — финансовое давление, произвольное вмешательство регулирующих органов, монополия на информацию, преследование и запугивание журналистов, контроль над собственностью СМИ. Они были взяты и обобщены из изученных нами работ по теме: Г. Коскуна о «захвате медиа» в Турции со стороны правящей с 2003 года Партии справедливости и развития (Coskun, G. B. (2020). *Media capture strategies in new authoritarian states: the case of Turkey*. *Publizistik*, 65, 637–654. Retrieved from <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s11616-020-00600-9.pdf>), К.-М. Хеглунда и Й. Шаффера о «захвате медиа» правительством Уганды с 2000-х (Höglund, C.-M., & Schaffer, J. K. (2021). *Resisting Media Capture: Mobilizing for Media Freedom in Uganda*. In M. & (eds.), *Media Capture in Sub-Saharan Africa and Latin America: Power & Resistance*. doi:<https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3912443>).

Анализируемыми источниками стали сайты частных общенациональных СМИ Афганистана — информационного агентства Khaama Press, новостных каналов Tolo News и Ariana News на английском языке; интернет-ресурсы Комитета защиты журналистов (CPJ), «Репортеров без границ» (RSF), Международной федерации журналистов (IFJ) и Международного центра журналистов (ICFJ). Стоит отметить, что сайты выбранных для исследования СМИ стали лидерами в Афганистане по количеству посетителей в 2020-м по версии Alexa (сервис по анализу веб-трафика от Amazon) (<https://www.khaama.com/khaama-press-ranked-first-among-afghanistans-media-websites-alexa-report-97976/>). Первое место заняло Khaama Press — крупнейшее информационное агентство страны, основанное в 2010 году. На втором — Tolo News — первый круглосуточный новостной канал, созданный в 2010 году. На шестом — Ariana

News — один из ведущих теле- и радиоканалов, запущенный в 2005 году.

Поиск материалов осуществлялся за период с 15 августа 2021 года по 15 декабря 2023 года по следующим тегам: media in Afghanistan, journalists in Afghanistan, Afghan journalists, journalism in Afghanistan, Afghan media.

Обзор литературы

Существуют различные представления о медиасистеме. Д. Маккуэйл определял ее как «актуальный набор СМИ в данном национальном обществе», очерченный по таким основным признакам, как размер, степень централизации и политизации, профиль разнообразия, источники финансирования, уровень общественного регулирования и контроля» (McQuail's, 2005). Дж. Харди подчеркивал, что «медиасистема включает в себя все массмедиа, организованные или действующие в рамках определенной социальной и политической системы, то есть национального государства» (Hardy J. 2012). Т. Флю и С. Вайсборд называли ее «концептуальной конструкцией, которая рассматривает комплекс структур и их динамику таким образом, что позволяет систематически изучать медиа, политику и стратегию» (Flew T., Waisbord S., 2015). Они отмечали, что «медиасистема находится в центре важных структур и процессов, тесно связанных с национальным государством».

С.С. Бодрунова интерпретировала медиасистему «как крупную функциональную подсистему общества, имеющую собственные границы, логику развития, степени открытости и характер взаимодействия с остальной социальной системой» (Бодрунова С.С. 2015). По мнению Е.Л. Вартановой, это «взаимосвязанный комплекс медиаканалов, медиаконтента, медиатехнологий, адресованных аудитории, действующих в рамках национального и международного законодательства в контексте геополитического и экономического положения страны, ее этнокультурных условий и исторических традиций, а также особенностей идентичности аудитории» (Вартанова Е.Л., 2020). Она подчеркивала, что медиасистема является неотъемлемой частью современного государства, которое нуждается в общенациональных СМИ как в институте поддержания своей целостности, и обеспечивает жизнедеятельность и функционирование социума посредством распространения разного рода информации и массовых культурных продуктов других типов (Вартанова и др., 2021). Таким образом реализуются несколько задач — от обеспечения политических процессов до поддержания национальной идентичности, от формирования культуры граждан до распространения знаний, ценностей, стереотипов.

Стоит отметить, что медиасистема всегда «привязана» к конкретной территории или организации (Гавра Д.П., Науменко К.А. (2021). Она функционирует по определенным законам, регламентам, этическим кодексам, действующим в отношении связанных с ней медиаакторов. Развивается медиасистема под влиянием внешних факторов, которые определяют характер содержания СМИ. В пределах государства к таким можно отнести исторические, культурные, политические, социальные, этнические и другие особенности его населения.

Медиасистема Афганистана

Данное исследование посвящено медиасистеме Афганистана, которая за последние 20 лет претерпела множество изменений. В результате применения прозападного политического «шаблона» без учета истории и религиозно-культурного облика страны возник особый гибридный режим — демократический авторитаризм (Новикова О.Н., 2023). При нем демократические государственные институты и гражданское общество,

включая СМИ и протестные движения, используются для достижения целей, которые по сути являются авторитарными. Идеологическая составляющая при таком жестком политическом контроле предполагает маргинализацию оппозиционных сил и навязывание определенной идеологии путем лишения легитимности конкурирующих. Основная проблема, с которой сталкивались ISAF во время операции в Афганистане, — борьба с пропагандой движения ДТ, АК и «Исламское государство» (другие названия: «Исламское Государство Ирака и Сирии», «Исламское Государство Ирака и Леванта», «Исламское Государство Ирака и Шама») (Признана террористической организацией Решение Верховного Суда Российской Федерации,

от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С, вступило в силу 13.02.2015), которая шла изнутри страны и извне (Цветкова Н.А., Сытник А.Н., 2018). Указанные запрещенные в РФ организации вели ее традиционными средствами — включали радио «Шариат» при помощи передвижных станций, рассылали письма с призывами жертвовать на джихад и вредить коалиционным силам, проводили проповеди около мечетей. В ответ на это при администрации США в период президентства Джорджа Буша-младшего (2001–2009 годы) были созданы две радиостанции на известных платформах VOA («Голос Америки») и «Радио Свобода» — Radio Deewa и Radio Mashaal. Они осуществляли вещание в северо-западном регионе между Афганистаном и Пакистаном, через которые поступали оружие, наемники и пропаганда. Основные вопросы, поднимавшиеся в программах, были связаны с исламом, поведением террористов-самоубийц, политическими целями боевиков. В 2004 году была принята конституция Исламской Республики Афганистан. СМИ посвящена 34-я статья: «Свобода выражения мнений неприкосновенна. Каждый афганец имеет право выражать свои мысли посредством речи, письма, иллюстраций, а также другими способами в соответствии с положениями настоящей конституции. Каждый афганец имеет право, в соответствии с положениями закона, печатать и публиковать материалы по темам без предварительного представления государственным органам. Директивы, касающиеся прессы, радио и телевидения, а также публикаций и других средств массовой информации, регулируются законом». Согласно 16-й статье о государственном языке (пушту и дари), «использование всех существующих в стране языков должно быть свободным в печатных изданиях и средствах массовой информации» (Конституция Афганистана 2004 года: https://www.constituteproject.org/constitution/Afghanistan_2004).

Закон о СМИ Афганистана был принят в 2006 году и состоял из 43 статей, а в 2009 году его изменили в связи с широким распространением онлайн-сми и дополнили до 54 статей. Он был призван «поощрять и поддерживать право на свободу мысли и слова; защищать права журналистов и обеспечивать основу для свободной деятельности СМИ; продвигать и развивать свободные, независимые и плюралистические СМИ; обеспечить подходящую среду для свободного выражения взглядов и чувств граждан, а также для отражения истины посредством речи, письма, рисования, фотографии, записи, актерского мастерства, движения и других научных, художественных, литературных явлений, печати и радиовещания; соблюдать право на свободу слова и СМИ, закрепленное во Всеобщей декларации прав человека, соблюдая основы ислама; поддерживать здоровое развитие СМИ, чтобы они стали эффективным средством передачи достоверных новостей, информации, обучения, продвижения знаний и культуры и отражали общественное мнение в соответствии с журналистскими стандартами, принципами и ценностями (честность, беспристрастность и взвешенность)» (Закон о СМИ Афганистана 2009 года: <https://www.refworld.org/docid/5ddce5604.html>). Однако в законе также есть статьи, направленные на ущемление свободы религии и слова. В частности, в 45-й статье говорится о недопущении опубликования в СМИ

материалов, противоречащим принципам и положениям ислама, пропаганды и распространения отличным от ислама религий. В 15-й и 20-й отмечается, что частные и государственные радио- и телеканалы обязаны соблюдать в программах принципы и положения ислама, национальные и духовные ценности афганской нации, пропагандировать религиозное образование. Согласно 50-й статье, представители иностранных СМИ, намеревающиеся работать на территории Афганистана, должны получить рекомендательное письмо от МИД Исламской Республики, предоставить данные Минкультуры и получить специальную пресс-карту. В 51-й говорится, что издатель должен зарегистрировать книги или пособия в Минкультуры после публикации, а владелец — предоставить ведомству и публичной библиотеке по два экземпляра каждого своего произведения.

Администрация США в период президентства Барака Обамы (2009–2017 годы) расширила подход предшественника и выдвинула стратегию публичной дипломатии, предполагающую немедленную реакцию на действия экстремистов в информационном пространстве, развитие свободной прессы и уменьшение влияния пропаганды со стороны повстанцев. В качестве основного средства распространения информации стали использовать мобильные телефоны — афганцы получали СМС-сообщения с заявлениями властей США. Также администрация решила создать единое медийное пространство с преобладанием американских ценностей и западной демократии. Так, в Афганистане появилась сеть Ближневосточного вещания, которая включала в себя несколько радио и телеканалов, самый популярный из них — ToloTV (Afghanistan's Fourth Estate Independent Media. PEACEBRIEF: <https://www.usip.org/sites/default/files/PB189-Afghanistans-Fourth-Estate-Independent-Media.pdf>). Этот канал, созданный по западному образцу, транслировал музыку и художественные фильмы, многие программы были направлены на вовлечение афганских женщин в политические и экономические вопросы страны. В 2011–2013 годах многие члены коалиции создавали информационные каналы и оповещали афганскую публику о своих действиях. Появились такие телеканалы, как BBC, CNN, Al Jazeera English, Al Arabia. Глобальные фонды и организации тем временем активно распространяли информацию о правах человека.

В стратегии действий США по Афганистану в период президенства Дональда Трампа (2017–2021 годы) акцент был сделан на военном решении проблемы, однако финансирование проектов публичной дипломатии продолжилось в полной мере (The Administration's 2017 Budget Request for Assistance to Afghanistan and Pakistan. Hearing. House Committee on Foreign Affairs. April 27, 2016. Available at: <https://foreignaffairs.house.gov/hearing/joint-subcommittee-hearing-presidents-plan-afghanistan-pakistan-objectives-resources/>). В 2019 году в Афганистане вступил в силу закон о доступе к информации, состоящий из шести глав и 41 статьи и гарантирующий право всех граждан Афганистана на получение информации от государственных ведомств (Afghanistan's Access to Information Law: <https://www.refworld.org/pdfid/5b165b2b4.pdf>).

Его основные цели — содействие прозрачности, улучшение распространения информации, поощрение участия граждан в управлении, обеспечение институциональной подотчетности и борьба с коррупцией. Для противостояния пропаганды, идущей со стороны различных стран и группировок, были привлечены популярные зарубежные и местные блогеры (ISIS Online: Countering Terrorist Radicalization and Recruitment on The Internet and Social Media. Hearing. U.S. Senate Committee on Homeland Security and Governmental Affairs. Permanent Subcommittee on Investigations. July 6, 2016. Available at:

https://www.hsgac.senate.gov/Subcommittees/Investigations/Hearings/Isis-Online-Countering-Terrorist-Radicalization-And-Recruitment-On-The-Internet_Social-Media).

Однако за годы операции правительство США так и не сумело победить пропаганду ДТ и в итоге было лишено поддержки со стороны большинства афганского населения. В феврале 2020 года президент США Д. Трамп договорился с представителями ДТ о выводе всех международных сил, возглавляемых США, к маю 2021-го. Сразу после ухода американских войск боевое крыло ДТ начало активное наступление против правительственных сил Афганистана. 15 августа 2021 года представители ДТ вошли в президентский дворец в Кабуле и объявили «о создании в скором времени Исламского Эмирата Афганистан, президент Ашраф Гани покинул страну» (Taliban sweep into Afghan capital after government collapses: <https://apnews.com/article/afghanistan-taliban-kabul-bagram-e1ed33fe0c665ee67ba132c51b8e32a5>).

Так, в 2021 году Афганистан перешел от демократического авторитаризма к авторитаризму, при котором СМИ являются одним из ключевых механизмов влияния власти на общественное мнение и выполняют в основном демонстративную функцию (Lorentzen, P., 2014). С их помощью автократы доносят до народа собственную позицию по значимым вопросам, показывают наличие общественной дискуссии в ограниченном объеме и без привлечения всех основных игроков (Нечай В.В., 2019). У СМИ есть и витринная функция, когда режим использует их как доказательство собственной демократичности в виде соблюдения формальных требований к «свободам», добиваясь таким образом признания на международной арене. Например, независимые медиа разрешают критиковать власть, но только в определенных рамках. Также СМИ используют как источник информирования о реальном положении дел и способ контроля за ситуацией на локальном уровне. Однако у автократов может возникнуть дилемма: при максимальном контроле повестка окажется чрезвычайно скучной и однообразной и не будет соответствовать реальности, а при слабом могут появиться альтернативные источники информации, представляющие серьезную угрозу для стабильности режима (Marquez, X, 2019).

Власть в лице временного правительства Афганистана руководствуется нормами шариата, что практически означает отказ от парламентской, демократической системы управления страной, которая существовала ранее. Для установления и сохранения своего монопольного идеологического доминирования они берут под контроль органы формирования общественного мнения, СМИ и образовательные учреждения (Новикова О.Н., 2023). Цель этого — укрепить традиционную идентичность государства, «расшатанную» западными реформами. Временное правительство Афганистана, сформированное ДТ, позиционирует себя как абсолютную власть, поддержанную большинством и в силу этого получившую легитимность. Одновременно представители ДТ стремятся дискредитировать и лишить легитимности деятельность законодательных институтов, избирательных комиссий, светских судебных органов и ряда других социальных институтов, которые были созданы в годы присутствия коалиции. Почти сразу пришедшие к власти боевики отменили действие конституции 2004 года, так как она «недостаточно» исламская, не признает повеления Бога в качестве основы закона и политики (Issue update: Religious freedom and womens right in Afganistan: <https://www.uscirf.gov/sites/default/files/2023%20Religious%20Freedom%20and%20Women>). За два года временное правительство Афганистана так и не представило новую конституцию Афганистана. Пока она находится в процессе разработки. При этом на переходный период они решили восстановить действие конституции 1964 года, времен последнего короля Мухаммеда Захир-шаха, исключая ее положения, которые

противоречат законам шариата и Корана (Taliban to implement a constitution from nearly 60 years ago: <https://www.khaama.com/taliban-to-implement-a-constitution-from-nearly-60-years-ago-457457/>).

Стоит отметить, что в 31-й ее статье говорится следующее: «Свобода мысли и выражения неприкосновенна. Каждый афганец имеет право выражать свои мысли устно, письменно, посредством изображений и другими средствами в соответствии с положениями закона. Каждый афганец имеет право печатать и публиковать идеи в соответствии с положениями закона, без предварительного представления властям государства. Разрешение на создание и владение общественными типографиями и выпуск публикаций предоставляется только гражданам и государству Афганистан в соответствии с положениями закона. Создание и функционирование общественного радиовещания и телевещания является исключительным правом государства» (Конституция Афганистана 1964 года: https://www.constituteproject.org/constitution/Afghanistan_1964). То есть в отличие от конституции 2004 года она разрешает существовать только государственным радио- и телеканалам, а также запрещает деятельность иностранных медиа на территории страны. Про регулирование прессы в документе не сказано, а онлайн-СМИ в то время еще не существовало.

По данным Центра журналистов Афганистана (AFJC), в сентябре 2021 года глава медиацентра правительства Юсуф Ахмади объявил новые правила для журналистов (The Taliban's 14 Directives on Freedom of Media and Access to Information: <https://afjc.media/english/killed/the-taliban-s-13-directives-on-freedom-of-media-and-access-to-information>):

- Запрещено публиковать темы, противоречащие исламу.
- Запрещено оскорблять национальных деятелей в СМИ.
- Необходимо воздерживаться от оскорбления национального и личного достоинства.
- Запрещено искажать содержание новостей.
- Необходимо придерживаться журналистских принципов в материалах.
- Необходимо соблюдать баланс в публикациях.
- Следует проявлять осторожность при публикации материалов, подлинность которых неизвестна или не подтверждена властями.
- Следует с осторожностью подходить к публикации материалов, которые оказывают негативное влияние на общественное мнение или подрывают моральный дух людей.
- Необходимо сохранять нейтралитет при публикации новостей и уделять первостепенное внимание распространению правды.
- Необходимо согласовывать специальные репортажи с правительственным медиацентром.

В эти правила включены первые три статьи из закона о СМИ Республики Афганистан. Однако отсутствие ясности в определении вопросов, противоречащих исламу, а также оскорбляющих национальное и личное достоинство, может создать излишнее давление на журналистов и СМИ. Помимо этого, ДТ ввело обязательство называть себя правительством Исламского Эмирата Афганистана, а не группировкой; запретило музыкальные публикации в СМИ, критиковать деятельность должностных лиц, проводить интервью с противниками и критиками движения, а также призвало воздерживаться от приглашения их к участию в теледебатах.

В 2022 году Министерство информации и культуры Исламского Эмирата объявило закон о СМИ, принятый предыдущим правительством, не подлежащим исполнению (Afghanistan's new media law sent to supreme leader for approval: <https://www.ariananews.af/afghanistans-new-media-law-sent-to-supreme-leader-for-approval/>). Только в августе 2023-го временное правительство Афганистана подготовило проект нового закона о СМИ и направило его на утверждение верховному лидеру Хайбатулле Ахундзаде. Пресс-секретарь движения Забихулла Муджахид заявил, что

примерно 70% проекта взято из старого закона (Afghanistan's new media law submitted to supreme leader for approval: <https://www.khaama.com/afghanistans-new-media-law-submitted-to-supreme-leader-for-approval/>). Были внесены изменения в целях приведения в соответствие с шариатом. По словам представителя ДТ, все граждане Афганистана, включая женщин, будут иметь возможность создавать СМИ, осуществлять надзор за ними и работать в медиаорганизациях. Иностранные СМИ, в том числе BBC и «Голос Америки», а также журналисты-фрилансеры смогут работать в Афганистане при условии соблюдения ими внутренних правил страны. Также проект предполагает, чтобы источники финансирования медиа были прозрачными. Однако после этого информации о принятии, доработке или вступлении нового закона о СМИ не было.

Следует обратить внимание, что, по данным Афганской ассоциации независимых журналистов (AIJA), более половины из 547 СМИ, зарегистрированных в 2021 году, исчезли (Afghan journalism still resisting after two years of Taliban persecution <https://rsf.org/en/afghan-journalism-still-resisting-after-two-years-taliban-persecution>). Из 150 телеканалов осталось менее 70. Из 307 радиостанций только 170 все еще вещают. Количество информационных агентств сократилось с 31 до 18.

Согласно исследованию Internews, проведенному в декабре 2023 года, 53% афганцев для получения информации используют телевидение, 39% — сарафанное радио, 38% — соцсети (The Information Ecosystem in Afghanistan and Implications for Humanitarian Action <https://reliefweb.int/report/afghanistan/information-ecosystem-afghanistan-and-implications-humanitarian-action>). В ходе опроса респонденты отмечали, что основные новостные источники, к которым они обращались до смены власти в 2021 году, были расформированы, запрещены или перешли под контроль нового МИД, тем самым изменив содержание информации. Телевидение и радио являются наиболее часто используемыми источниками получения информации из-за их удобства. Афганцы, которые могут позволить себе спутник, получают международные новости, другие же по телеантенне получают доступ в основном к местным новостям, поскольку иностранный контент запрещен. Большинство смотрящих ТВ называли телеканал Tolo News (66%), Afghanistan International (34%) и Ariana (18%). Жители, слушающие радио, чаще упоминали BBC (40%), Azadi (21%), Arman (20%) и Shamshad (14%). Доступ к интернету есть у 73% городских жителей, у 54% проживающих в пригородах и у 43% проживающих в селах. Самые популярные соцсети в Афганистане — Facebook* (пользуются 80% респондентов) и WhatsApp (51%). Далее следуют IMO (17%), Instagram* (15%), Telegram (15%) и X (11%).

По данным опроса GeoPoll, проведенного в период с декабря 2023-го по январь 2024-го, 67% взрослого населения Афганистана смотрят телевизор не реже одного раза в месяц (Afghanistan Media Audience Landscape <https://325431.fs1.hubspotusercontent-na1.net/hubfs/325431/GeoPoll%20Afghanistan%20Media%20Landscape%20-%20Establishment%20Survey%20Report.pdf>). В топ телеканалов по количеству зрителей входят Tolo TV/Tolo News, Afghanistan International, Ariana TV, Gem Bollywood Faza TV, Lemar TV, Shamshad TV, Afghanistan National TV, BBC, Tamadon TV, Watan TV, Arezo TV, Yak TV и Amu TV. В топ радиоканалов — BBC, Radio Azadi, Arman FM, Afghanistan International, National Radio, Shamshad Radio, Ariana FM, Islamic Radio, Radio Ashna, Salam Watandar, Radio Tolo, Sharq Radio, Deewa Radio и Laghman Province Radio. Также было установлено, что 67% афганцев живут в семьях, где есть доступ к интернету, 58% пользуются соцсетями или приложениями хотя бы раз в месяц, 43% смотрят ТВ или видео онлайн хотя бы раз в месяц. 16,2 млн взрослых жителей Афганистана еженедельно просматривают новостные материалы СМИ. 54% используют для этого

телевидение, 24% — радио, 17% — соцсети, 3% — онлайн-видео и потоковое вещание, 1% — сайты.

По сути, после возвращения к власти в 2021 году ДТ происходит процесс, когда новая власть «захватывает» медиасистему Афганистана. Под media capture («захват медиа») следует понимать ситуацию, при которой СМИ не смогли стать автономными в проявлении собственной воли и выполнять свою основную функцию, в частности «информировать людей, продолжая находиться в промежуточном состоянии, когда заинтересованные лица, не только действующее правительство, используют их в других целях» (Mungiu-Pippidi, A. (2013). В данной работе концепция media capture рассмотрена на примере двух исследований. Г. Коскун определил, что правящая в Турции с 2003 года Партия справедливости и развития для «захвата медиа» использовала три стратегии: изменение структуры собственности СМИ с помощью полномочий различных госинститутов и введения финансовых санкций, штрафование независимых медиа Верховным советом радио и телевидения, преследование и запугивание критически настроенных журналистов. К.-М. Хеглунда и Й. Шаффера, изучая «захват медиа» правительством Уганды с 2000-х, выделили следующие методы: контроль над собственностью национальных и локальных СМИ, рекламой и нормативно-правовой базой, произвольное вмешательство регулирующих органов, преследования и нападения на журналистов.

ДТ, согласно проведенному нами контент-анализу, прибегало к следующим методам «захват медиа»: произвольное вмешательство регулирующих органов, монополия на информацию, преследование и запугивание журналистов, контроль над собственностью СМИ, финансовое давление. Произвольное вмешательство регулирующих органов проявлялось как прямая или косвенная цензура (IEA warns media against publishing rumors / <https://www.ariananews.af/iea-warns-media-against-publishing-rumors/>), ограничение в отношении женщин-журналистов (Women-Run Radio Station Banned in Afghanistan's Badakhshan / <https://www.khaama.com/women-run-radio-station-banned-in-afghanistans-badakhshan>, NEW REPORT: Afghanistan press freedom is in crisis as local journalists fight for survival / <https://cpj.org/2022/08/new-report-afghanistan-press-freedom-is-in-crisis-as-local-journalists-fight-for-survival/>, Women journalists face dire situation in Afghanistan under Taliban rule / <https://ijnnet.org/en/story/women-journalists-face-dire-situation-afghanistan-under-taliban-rule>), введение новых правил журналистики (Afghan journalism still resisting after two years of Taliban persecution / <https://rsf.org/en/afghan-journalism-still-resisting-after-two-years-taliban-persecution>). Также ДТ часто устанавливало монополию на информацию посредством ограничения доступа к получению информации от официальных лиц (Journalists Criticize Restrictions on Access to Information / <https://tolonews.com/afghanistan/attack-mediajournalists-181616>) и запрету на работу иностранных СМИ (VOA, RFE/RL Radio Broadcasts Halted in Afghanistan / <https://tolonews.com/afghanistan-180995>). Третий самый используемый метод — преследование и запугивание журналистов. В материале говорится о 109 случаях насилия над журналистами, включая убийство восьми, в 2021 году и росте уровня насилия в отношении сотрудников СМИ на 138% в 2022 году (Standing Strong / <https://samsn.ifj.org/SAPFR22-23/afghanistan>).

Кроме того, в ходе контент-анализа мы выделили два метода, которые в изученных исследованиях не приводились. Первый — контроль над журналистским образованием — был найден в материале «Министр Талибана (МЭА) говорит об изменении учебной программы по журналистике» (Министр Талибана (МЭА) говорит об изменении учебной программы по журналистике / <https://www.khaama.com/taliban-iea-minister-speaks-on-altering-journalism-curriculum/>). Министерство высшего образования Афганистана

объявило, что предприняты первоначальные инициативы по пересмотру учебной программы по журналистике в университетах: «администрация планирует существенно пересмотреть учебную программу по журналистике, чтобы научить молодых журналистов честно и добросовестно освещать события в стране, а не пропагандировать неправильные вещи, направленные против какой-либо группы, режима или исламских ценностей». При анализе материала «Стоять смирно (Standing Strong)» выявлен такой метод, как принудительное отключение связи и интернета (Standing Strong <https://samsn.ifj.org/SAPFR22-23/afghanistan/>). В материале отмечалось, что «ДТ неоднократно отключало интернет во время протестов 2021 года и во время боевых действий в Панджшере. Сейчас интернет в Афганистане работает медленно и недоступен за пределами крупных городов, что ограничивает возможности репортеров по сбору информации, а также доступ к онлайн-новостям».

Выводы

Медиасистема Афганистана в течение 20 лет формировалась под влиянием международной коалиции во главе с США, которые пытались создать либерально-демократическое государство. Она была основана на компромиссе западных «демократических» и исламских ценностей, более плюралистическая и свободная чем до и после этого периода. Результатом работы прозападного правительства стало юридическое признание свободы слова, выражения мнений и СМИ. Были приняты законы о СМИ и доступе к информации, благодаря которым афганские журналисты вели свою деятельность и были защищены. Однако в августе 2021 году к власти пришло ДТ, которое стало осуществлять контроль над всеми сферами, в том числе и медийной, взяв за основу нормы шариата. Так они укрепляют традиционную идентичность государства, «расшатанную» западными реформами, и позиционируют себя как абсолютную и легитимную власть.

После прихода к власти временное правительство Афганистана отменило Конституцию 2004 года и Закон о СМИ 2009 года. Закон о доступе к информации 2019 года не был официально отменен, но при этом в стране он не соблюдается. Таким образом, ДТ начало трансформацию медиасистемы государства.

В ходе контент-анализа было установлено, что ДТ «захватывает медиа», вмешиваясь и ограничивая работу СМИ, вводя монополию на информацию, а также преследуя журналистов. Кроме того, были выявлены новые методы «захвата» — контроль над журналистским образованием и принудительное отключение связи и интернета.

Примечание: Запрещена деятельность американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов-социальных сетей Facebook и Instagram на территории Российской Федерации по основаниям осуществления экстремистской деятельности. Решение Тверского районного суда города Москвы. 21 марта 2022 года. Дело № 02-2473/2022.

Библиография

1. Бодрунова С.С. Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах : автореферат дис. ... доктора политических наук : 10.01.10 / Бодрунова Светлана Сергеевна ; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2015. - 47 с. .
2. Вартанова Е. Л. МЕДИАСИСТЕМА В НАЦИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: В ПРОДОЛЖЕНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИАСИСТЕМ СТРАН БРИКС) // Меди@льманах. 2020. №4 (99).

3. Вартанова, Е. Л. Медиа-система России : учебник / Е. Л. Вартанова, А. В. Вырковский, Т. Э. Гринберг ; под редакцией Е. Л. Вартановой. — 2-е изд., испр. — Москва : Аспект Пресс, 2021. — 424 с.
4. Гавра Д.П., Науменко К.А. Концепт «медиа-система» в современной теории массовых коммуникаций // Медиа-скоп. 2020. Вып. 1. DOI: 10.30547/mediascope.1.2020.5
5. Новикова Ольга Николаевна Афганистан от «демократического авторитаризма к авторитаризму PER SE // АПЕ. 2023. №1 (117). 223-242
6. Нечай Валерий Владимирович / Valerii Vladimirovich Не пропагандой единой: как СМИ помогают автократам выживать / not just single propaganda: how the media help Autocrats to survive // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2019. №1. 83-89
7. McQuail, D. (2005) *McQuail's Mass Communication Theory*. 5th Edition, Sage Publications Ltd., London.
8. Hardy J. (2012) *Gomparing Media Systems*. In: Esser F., Hanitzsch T. (eds.) *Handbook of Comparative Communication Research*. London: Routledge, pp. 185–206.
9. Flew T., Waisbord S. (2015) *The Ongoing Significance of National Media Systems in the Context of Media Globalization*. *Media, Culture & Society* 37 (4): 620–636.
10. Lorentzen, P. (2014) 'China's Strategic Censorship: CHINA'S STRATEGIC CENSORSHIP', *American Journal of Political Science*, 58, pp. 402-414. Available at: <https://doi.org/10.1111/ajps.12065>.
11. Marquez, X. (2016) *Non-Democratic Politics: Authoritarianism, Dictatorship and Democratization*. Macmillan International Higher Education.
12. Mungiu-Pippidi, A. (2013). *Controlling Corruption Through Collective Action*. *Journal of Democracy*, 101–115. doi:<https://doi.org/10.1353/jod.2013.0020>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Проблема регулирования медиа-системы в разных странах мира, пожалуй, в формате журналистики самая сложная. Появляются исследования довольно общей направленности, возникают и работы точечной оценки. Большая часть авторов, которые избирают данный предмет анализа, старается объективно подойти к этому вопросу. Систематизируются данные, сводятся в единое информационное поле имеющиеся наработки, обобщается опыт. Рецензируемая статья предметно дает разверстку проблемы трансформации медиа-системы Афганистана. Считаю, что выбор вполне оправдан, при этом автор старается актуализировать сложившуюся ситуацию в целом для заинтересованной публики. Работа имеет цельный вид, она самостоятельна, основные жанровые критерии выдержаны. Проблема объективируется, что вполне логично, практически с самого начала рецензируемого труда: «подавляющее большинство афганских СМИ уже находится под жестким контролем ДТ, пытается адаптироваться к новым условиям и действовать в рамках новых требований, что говорит о кардинальном изменении медиа-системы. Ранее работавшие на территории страны международные и иностранные СМИ вынуждены вести свою деятельность из-за рубежа, получать информацию от источников, которые рискуют попасть под преследование, использовать только соцсети и онлайн-платформы для распространения

новостей. Теперь медиасистема, которая формировалась в Афганистане в течение последних 20 лет, может быть полностью «захвачена» и, как следствие, разрушена в понимании исследователей концепции *media capture* («захвата медиа»)). Думаю, что подобный вариант раскладки темы вполне закономерен и оправдан. Методология исследования включает традиционный набор приемов, в данном случае работает т.н. открытая аналитика: «Методы исследования — анализ документов (Конституции Афганистана 1964 и 2004 годов, Закон о СМИ 2009 года и Закон о доступе к информации 2019 года) и качественный контент-анализ, основанный на концепции *media capture*. Категории анализа (в данном случае методы) — финансовое давление, произвольное вмешательство регулирующих органов, монополия на информацию, преследование и запугивание журналистов, контроль над собственностью СМИ». Иллюстративной базой стали источники общего доступа: «анализируемыми источниками стали сайты частных общенациональных СМИ Афганистана — информационного агентства Khaama Press, новостных каналов Tolo News и Ariana News на английском языке; интернет-ресурсы Комитета защиты журналистов (CPJ), «Репортеров без границ» (RSF), Международной федерации журналистов (IFJ) и Международного центра журналистов (ICFJ)», «Поиск материалов осуществлялся за период с 15 августа 2021 года по 15 декабря 2023 года по следующим тегам: *media in Afghanistan, journalists in Afghanistan, Afghan journalists, journalism in Afghanistan, Afghan media*». Научная новизна работы заключается в максимальной концентрации разных позиций, при этом автор стремится аргументировать базовый стандарт тезисов, отчасти спрогнозировать дальнейший путь трансформации медиасистемы Афганистана. Суждения по ходу работы выверены, точны: например, «Существуют различные представления о медиасистеме. Д. Маккуэйл определял ее как «актуальный набор СМИ в данном национальном обществе», очерченный по таким основным признакам, как размер, степень централизации и политизации, профиль разнообразия, источники финансирования, уровень общественного регулирования и контроля» (McQuail's, 2005). Дж. Харди подчеркивал, что «медиасистема включает в себя все массмедиа, организованные или действующие в рамках определенной социальной и политической системы, то есть национального государства» (Hardy J. 2012)», или «Стоит отметить, что медиасистема всегда «привязана» к конкретной территории или организации (Гавра Д.П., Науменко К.А. (2021). Она функционирует по определенным законам, регламентам, этическим кодексам, действующим в отношении связанных с ней медиаакторов. Развивается медиасистема под влиянием внешних факторов, которые определяют характер содержания СМИ. В пределах государства к таким можно отнести исторические, культурные, политические, социальные, этнические и другие особенности его населения», или «Закон о СМИ Афганистана был принят в 2006 году и состоял из 43 статей, а в 2009 году его изменили в связи с широким распространением онлайн-сми и дополнили до 54 статей. Он был призван «поощрять и поддерживать право на свободу мысли и слова; защищать права журналистов и обеспечивать основу для свободной деятельности СМИ; продвигать и развивать свободные, независимые и плюралистические СМИ; обеспечить подходящую среду для свободного выражения взглядов и чувств граждан, а также для отражения истины посредством речи, письма, рисования, фотографии, записи, актерского мастерства, движения и других научных, художественных, литературных явлений, печати и радиовещания; соблюдать право на свободу слова и СМИ, закрепленное во Всеобщей декларации прав человека, соблюдая основы ислама; поддерживать здоровое развитие СМИ, чтобы они стали эффективным средством передачи достоверных новостей, информации, обучения, продвижения знаний и культуры и отражали общественное мнение в соответствии с журналистскими стандартами, принципами и ценностями (честность, беспристрастность и взвешенность)» (Закон о СМИ Афганистана 2009 года:

<https://www.refworld.org/docid/5ddce5604.html>)» и т.д. Необходимый набор сносок вводится в текст с учетом требований издания. В работе используется хронологический принцип включения данных, это, на мой взгляд, правильно. Фактические и статистические данные позволяют объективно рассуждать относительно выбранного вопроса: «Следует обратить внимание, что, по данным Афганской ассоциации независимых журналистов (AIJA), более половины из 547 СМИ, зарегистрированных в 2021 году, исчезли (Afghan journalism still resisting after two years of Taliban persecution <https://rsf.org/en/afghan-journalism-still-resisting-after-two-years-taliban-persecution>). Из 150 телеканалов осталось менее 70. Из 307 радиостанций только 170 все еще вещают. Количество информационных агентств сократилось с 31 до 18». Выводы по тексту не противоречат основной части: «Медиасистема Афганистана в течение 20 лет формировалась под влиянием международной коалиции во главе с США, которые пытались создать либерально-демократическое государство. Она была основана на компромиссе западных «демократических» и исламских ценностей, более плюралистическая и свободная чем до и после этого периода. Результатом работы прозападного правительства стало юридическое признание свободы слова, выражения мнений и СМИ. Были приняты законы о СМИ и доступе к информации, благодаря которым афганские журналисты вели свою деятельность и были защищены. Однако в августе 2021 году к власти пришло ДТ, которое стало осуществлять контроль над всеми сферами, в том числе и медийной, взяв за основу нормы шариата. Так они укрепляют традиционную идентичность государства, «расшатанную» западными реформами, и позиционируют себя как абсолютную и легитимную власть». Цель данного исследования достигнута, задачи решены; стиль соотносится с научным типом, содержательный уровень достаточно информативен. Рекомендую статью «Трансформация медиасистемы Афганистана в условиях становления государственности» к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гаджилова Ш.М. Художественные размышления Магомеда Ахмедова о русской поэзии (к вопросу о развитии дагестано-русских литературных связей) // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.40633 EDN:

YRQIBR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40633

Художественные размышления Магомеда Ахмедова о русской поэзии (к вопросу о развитии дагестано-русских литературных связей)

Гаджилова Шанисат Магомедовна

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук

367000, Россия, республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Аскерханова, 18, оф. Б

✉ shanisat05@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.40633

EDN:

YRQIBR

Дата направления статьи в редакцию:

02-05-2023

Дата публикации:

02-04-2024

Аннотация: Предметом настоящего исследования стали литературные этюды М. Ахмедова и его поэтические произведения, посвященные русским литераторам и русской поэзии. Цель данной статьи – представить картину развития художественных размышлений о русской поэзии в творчестве М. Ахмедова. Концепция статьи строится на материале произведений, имеющих отношение к русской литературе, и дагестано-русских литературных связей. Вводя в исследование часть художественных размышлений, связанных с русской поэзией, мы ставим перед собой задачу определить и выявить принципы и приемы художественной выразительности и изобразительности М. Ахмедова, служащие воплощению национальной и интернациональной характеристики его художественного мышления. Методологическая основа данного исследования

опирается на анализ художественных произведений и призвана определить следующие исследовательские методы: сравнительно-исторический, посредством которого характер литературных связей М. Ахмедова осмысливается как художественное явление, прошедшее определенные исторические этапы и развивающееся до настоящего времени; сравнительно-сопоставительный, который позволил сопоставить и сравнить идейную и художественную значимость литературных связей М. Ахмедова с русскими литераторами в лице его предшественников и единомышленников; метод целостного анализа литературного произведения, позволивший определить специфику эволюции художественного мышления М. Ахмедова и ее связи с историей национальной и русской литератур. Результаты проведенного исследования могут служить перспективной опорой для дальнейшего изучения дагестано-русских литературных связей, а также художественного творчества М. Ахмедова в контексте национального и интернационального литературного процесса. Научная новизна исследования обусловлена тем, что анализ произведений М. Ахмедова, посвященных русской поэзии и русским поэтам предпринят впервые. Полученные результаты показали, что художественные размышления М. Ахмедова о русской поэзии позволяют шире представить роль и значимость дагестано-русских литературных связей.

Ключевые слова:

аварская поэзия, литературные связи, жанровая система, болдинская осень, художественные размышления, национальная культура, русская поэзия, этюды, сонеты, поэтическое мировидение

Творческие размышления современного дагестанского поэта М. Ахмедова от самых первых шагов в литературе до сегодняшнего дня свидетельствуют о процессе развития художественного слова, выходящего за рамки национального художественного сознания, о путях, ведущих к художественному синтезу. В этой связи особое место в творческой лаборатории М. Ахмедова занимает русская поэзия. А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов, А. А. Блок, С. А. Есенин, В. В. Маяковский и другие мастера поэтического искусства представляются в художественных размышлениях М. Ахмедова как яркие фигуры русской поэзии, «воспевшие свободу миру» (А. С. Пушкин), отличившиеся «верностью таланту» (Р. Гамзатов).

Изучение творчества того или иного поэта или писателя в контексте национальных художественно-эстетических традиций всегда можно рассмотреть, как одна из несложных задач литературоведческих направлений. Но «исследование проблемы национального и интернационального дает широкие возможности для плодотворных выводов о процессах, происходящих в разноразличных и разноразличных литературах, для выявления творческой индивидуальности того или иного художника слова» [\[12, с. 113\]](#). Отсюда изучение поэта-интернационалиста, в размышлениях которого корни национального миропонимания тесно связаны с интернациональными проблемами – задача сложная, тем не менее важная, актуальная. Выполнение данной задачи, если рассмотреть ее относительно творчества М. Ахмедова, связано с общими вопросами о литературных связях, о взаимовлиянии и взаимоуважении дагестанских и русских литераторов. М. Ахмедову в этом плане повезло в том смысле, что его приход в литературу совпал с периодом интенсивного сотрудничества дагестанских и русских поэтов. Как известно, первая группа русских писателей в составе Н. Тихонова, П. Павленко, В. Луговского по инициативе М. Горького прибыла в Дагестан еще в 1933

году. В доме своего отца их встречал вместе со своей семьей и десятилетний Р. Гамзатов. С тех пор литературные связи и дружеские отношения между русскими и дагестанскими писателями только росли и укреплялись. «Значительная роль в таком повороте принадлежит выходу дагестанской литературы на арену, давшую ей возможность сомкнуться с общероссийским литературным движением» [\[5, с. 107\]](#). Значение русской культуры в судьбах народов Дагестана, в их духовном и творческом развитии стало высоким.

Шаг за шагом дагестанская литература развивалась, определяя в своих масштабах не только идеи, пронизанные током интернационализма и дружбы между народами, но и отражая портреты и судьбы русских писателей и поэтов. Как пишет об этом Н. Капиева, «дагестанская поэзия получила возможность черпать из опыта и богатств русской классической поэзии, прежде всего Пушкина, Лермонтова, Маяковского. К ним обращаются постоянно, их переводят» [\[10, с. 159\]](#).

Так, в 1953 году Р. Гамзатов назвал свой сборник стихов «Слово о старшем брате», с тех пор определение русского народа как старшего брата утвердилось как общепринятое. «Национальный русский поэт в моем сознании стал национальным аварским поэтом» [\[7, с. 73\]](#), - писал Р. Гамзатов. В творчестве Г. Цадасы, С. Стальского, А.-Г. Ибрагимова, Р. Гамзатова и других дагестанских литераторов особое место занимали А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и другие представители русской литературы, их произведения переводились на национальные языки. В произведениях аварских писателей встречаются и частые реминисценции из творчества русских поэтов и писателей, и попытки анализировать их человеческие и творческие судьбы, представить их портреты.

Особую ценность в этой связи представляют размышления М. Ахмедова о русских писателях и поэтах, которые проходят через его творчество в разных формах и вариациях, представленные как художественный диалог на «границе столетий» (М. Ахмедов). Так, называя А. С. Пушкина «солнцем поэзии» М. Ахмедов в одном из своих этюдов подчеркивает, что это солнце, не имеющее «своей национальности», согревает уже два столетия и благодарит Бога за это. Как известно, «став уже при жизни средоточием народного сознания, смыслом духовных исканий эпохи, Пушкин выдвинул и обосновал идеал, реальный в своей перспективе, идеал масштабный и величественный, идеал в котором в дальнейшем предстал весомей и глубже, шире и значительней всех его жизненных представлений. Истинно русский гений, Пушкин пришел к человечеству, стал достоянием всех народов, всех поколений» [\[6, с. 493-494\]](#).

В художественном диалоге с А. С. Пушкиным дагестанский поэт не чувствует себя одиноким, он словно со своим преданным другом говорит о русском поэте, акцентируя при этом внимание на вопросах, которые беспокоят его самого. Самый грустный вопрос в размышлениях М. Ахмедова – вопрос о смерти поэта, который ассоциируется с вечностью и воспринимается автором в неразрывной связи с понятием бессмертия. Отсюда «подлинную основу жизни, по мнению поэта, можно найти лишь за пределами того пространства, которое отведено на время» [\[4, с. 360\]](#). Здесь категория времени, связанная с феноменом бессмертия, выступает как одна из граней художественного сознания автора. Поэт по праву растягивает или сужает столетия, переносит из одного пространства в другое художественные образы, символы, имеющие отношение к гибели поэта. Вот, что пишет М. Ахмедов, к примеру, в стихотворении «Погиб поэт».

Уже столетия минули,

От горя высохла река.

Но до сих пор бессмертна пуля,

Летящая к нам сквозь века [\[2, с. 318\]](#).

Мысль о «пуле, летящей сквозь века», удачно продолжает М. Ахмедов также в «Болдинских сонетах», связывая с ней смерть другого, аварского поэта – Махмуда из Кахаб-Росо, который «сделал свой исторический выбор, сознательно определил свою генеральную линию, свою тему и цели, которым следовал неукоснительно и преданно всю свою творческую жизнь. Вся его поэзия, его художественная и литературная судьба, сама его трагическая гибель – образец редкостного мужества, непокорности духа, верности своему призванию» [\[15, с. 5\]](#).

На пушкинское я взойду крыльцо

И говорить всем людям горько буду,

Как подлецы в ауле не в лицо –

Стреляли в спину славному Махмуду [\[1, с. 285\]](#).

Говоря о Махмуде из Кахаб-Росо, который был убит в аварском селе пулей Магдилава, взойдя на «пушкинское крыльцо», М. Ахмедов обобщает мысль о смерти двух поэтов, иными словами, связывает объективные социально-исторические факты с субъективными возможностями восприятия читателя. Смерть Пушкина не остается определенной ценностью неизменного смысла, данная проблема многолика и многогранна, главное, она имеет свое продолжение, с ней М. Ахмедов связывает и смерть Махмуда, и даже смерть детей Беслана, которые погибли в сентябре 2004 года в результате террористического акта.

Наш век – он продолженье Черной речки,

Везде, везде стреляют без осечки.

Осенний день – дымящаяся рана –

Окрашен кровью детского Беслана [\[1, с. 285\]](#).

Как видно, М. Ахмедов без акцента на талант Пушкина, без восторженных описаний, характеристик Пушкина-поэта раскрывает свои размышления в диалоге с Пушкиным не только как с поэтом, но и как с человеком, который способен понять боль, которая однажды лишила поэта жизни, боль матерей, которые потеряли своих детей, страх народа, спасение которого зависит от мудрого правителя. В «Болдинских сонетах» идейное содержание произведения, воссоздание образов произведения и в целом художественный замысел М. Ахмедова связаны с лирическим настроением поэта, с его ощущением и полным пониманием себя как человека, в душе которого «сияет Пушкинская осень».

Коснулось чудо пушкинского слова

Природы скромной болдинского крова...

Творил здесь Пушкин, глядя в эти дали,

Для Болдина стихи молитвой стали [\[1, с. 283\]](#).

Так М. Ахмедов представляет читателю опыт отношения русского поэта к поэзии, к творческому вдохновению, здесь автор не напоминает читателю, что болдинские произведения Пушкина свидетельствуют о необыкновенном творческом настрое поэта, о его творческом подъеме и вдохновениях этого периода, благодаря которым поэт писал, словно ему кто-то со стороны диктовал, подсказывал идеи. Эту мысль М. Ахмедов выражает через свои представления, дагестанский поэт мысленно переносит себя в пушкинское время, в болдинскую осень, ощущает себя частью пушкинского мира.

Я, горец, тоже духом непокорный,

Но Пушкину я творчество сверяю.

На языке аварском повторяю:

«Я памятник воздвиг нерукотворный...»

Где б ни был я потом, но и средь ночи

Мне светит осень болдинская в очи [\[1, с. 284\]](#).

«Болдинские сонеты» М. Ахмедова – яркий образец творческого процесса, свидетельствующий о возможности диалога между литературами, как между разными по своему национальному генезису художественными явлениями. И здесь национальное своеобразие художественной мысли М. Ахмедова, национальная сущность его поэтического мировидения становятся наиболее яркими благодаря сопоставлению или взаимодействию, встрече с другой культурой. Русская художественная культура на примере наследия А. С. Пушкина, о котором пишет М. Ахмедов, безусловно, представляется удачным случаем, чтобы понять, раскрыть глубины и просторы обеих культур. Так, в монологе М. Ахмедова, в его лирических описаниях болдинской осени, усадьбы Пушкина появляются новые вопросы, которых автор поднимает. Здесь стираются границы двух культур, но каждая из них не теряет свою самобытность, а лишь получает ответы на вопросы, которые не возникали раньше, до этой диалогической встречи.

Средь дагестанских гор стоит одна,

Причудливо в пути людскому взору

Являет профиль Пушкина она,

Я в Болдине припомнил эту гору.

Да, Пушкин и гора у нас, и море,

И поле хлебное в простом уборе.

Ах, осень... Урожай убрали в сроки.

Но светят в поле пушкинские строки [\[1, с. 284-285\]](#).

Интересно отметить, что М. Ахмедов как поэт-певец национальных чувств, национальных интересов, как художник-голос своего народа, используя национальные образы, привычки, национальные художественные мотивы, свободно, без особых усилий создает феномен второго родного языка, второй культуры, чужой, но близкой национальному мировидению. Так, если дагестанские горы, поля и море напоминают поэту о Пушкине,

то русское поле в представлениях поэта ассоциируется с чувством бессмертной любви, любимая его также нежна и грустна, как русское поле, русское поле – символ света и воли, символ неизменности и постоянства.

Снег идет, не видать ни луны, ни звезды,

И душа холодеет от выпавшей доли.

Словно конь подо мною летит без узды,

И лечу на коне я по русскому полю.

Ты – как русское поле нежна и грустна,

И в груди от тебя столько света и воли!

Все проходит – любовь остается одна,

Если эта любовь словно русское поле [\[1, с. 306\]](#).

Проблема междисциплинарного синтеза, смещение межкультурных границ относительно русской литературы и русской культуры – одна из значимых художественных моделей, согласно которым М. Ахмедов строит определенный угол зрения, который поможет увидеть в литературе то, что существенно важно, что актуально не только для одного поколения, столетия, а то, что, действительно, останется в истории литературы, переходя из века в век.

Приблизительно так выстраивает свои размышления М. Ахмедов и о других русских литераторах. К примеру, поэзия М. Ю. Лермонтова, с точки зрения М. Ахмедова – это некая «небесная тайна», «небесная азбука», «заставившая плакать всех людей от гордости и восторга» [\[2, с. 320-321\]](#). Несокрушимую мощь духа русского поэта М. Ахмедов видит особенно в его молитвенной лирике. В потоке волнительных мыслей М. Ахмедов вспоминает первый и последний прижизненный сборник стихов М. Ю. Лермонтова. В стихотворении «Лермонтов» дагестанский поэт снова смешивает свои вдохновения с русским литературным контекстом, с художественными процессами, связанными с творчеством М. Ю. Лермонтова, а также и А. С. Пушкина, с их судьбами, поэзией и особенно смертью поэта.

В полдневный жар в долине Дагестана,

Как Лермонтов лежу недвижим я...

И это мне не снится как ни странно –

В упор душа расстреляна моя [\[1, с. 219\]](#).

Поэт М. Ахмедова представлен как человек, понимающий, что спасение родины зависит от правды, как гражданин и патриот, переживающий за братство, воспринимающий родину как «свое Бородино». Поэт лежит недвижно «с зажатой честью в руке», льется на горы Дагестана «свинцовый дождь проклятый», светлые мысли поэта о Родине, о «спасительном братстве» «заглатывает тьма», «гремят вокруг то выстрелы, то взрывы, и падают Отечества сыны». В такой обстановке убит поэт. В образе поэта М. Ахмедов видит человека, которого было бы желательно прислушаться, чтобы сохранить мир, Родину, «но Родина уходит из-под ног» и нет поэта другого, который бы мог оплакивать смерть поэта, как это сделал М. Ю. Лермонтов после смерти А. С. Пушкина.

В полдневный жар в долине Дагестана

Твердит мне эхо горное опять:

- Погиб поэт!..

И ноет в сердце рана...

«Невольник чести!», - некому сказать [\[1, с. 220\]](#).

Так «поэт апеллирует к важнейшим событиям национальной истории, но не прямо, а через подтекст, через образы, которые понятны его современникам» [\[14, с. 113\]](#). Мотив одиночества – один из художественных приемов М. Ахмедова, которым он пользуется особенно часто, когда пишет о судьбе и роли поэта в обществе. «Русские писатели, особенно крупные, всегда пытались угадать героя, который определил бы собой тип человека, могущего обустроить Россию» [\[9, с. 171\]](#). В понимании М. Ахмедова к такому типу человека относится именно поэт, слово которого несет в себе мужественную правду. Одиноким, но терпеливо усердный, разбирающий извечные вопросы человека, стоящий «на границе совести» поэт М. Ахмедова – это образ спасителя человека, общества, Отчизны, мира, планеты. Если одиночество М. Ю. Лермонтова – эта сфера полунебесная, полужемная, то одиночество В. В. Маяковского – это проблема социально-психологическая, это борьба за «новое искусство», за «новую любовь», за новое общество. «В начале двадцатого века Россия дала миру блестящую плеяду великих поэтов – А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина, В. Хлебникова, Б. Пастернака, Н. Гумилева, М. Цветаеву, О. Мандельштама.

Все эти поэты были разительно не схожи с собой, но украшали небо «серебряного века» русской поэзии своим неповторимым звездным блеском и несли в своем творчестве отсветы того гигантского зарева, которым были озарены эти беспокойные, бурные и революционные годы» [\[2, с. 356\]](#) – пишет М. Ахмедов. По его мнению поэзия В. В. Маяковского – это воплощение эпохи, его гигантская, открытая, честная эпохальность будет удивлять и волновать еще много поколений. Многие стихи В. В. Маяковского, посвященные В. И. Ленину, революции, социализму, М. Ахмедов считает отражением времени, эпохи, отражением перемен в общественных сферах, где подобного рода произведения были востребованы, как писал сам В. В. Маяковский: «Слабосильные топчутся на месте, а сильные забегают вперед, чтобы тащить понятое время» [\[2, с. 357\]](#). Разумеется, В. В. Маяковский был впереди, но предупреждал:

Я хочу быть понят моей страной,

А не буду понят – что ж.

По родной стране пройду стороной,

Как проходит косой дождь [\[2, с. 357\]](#).

В размышлениях о В. В. Маяковском М. Ахмедов не исключает мысль, что были и еще будут попытки свести творчество гиганта русской поэзии к лозунгу, к заказным маршам, при этом подчеркивает, что пафос созидания в его «поэзии, сделанной из невозможного» является не показателем простой риторики, а новым образцом творчества, литературного процесса. Как новый образец М. Ахмедов рассматривает и любовную лирику русского В. В. Маяковского, задумываясь над парадоксальными метафорами, раскрывающими бунт поэта, угрозы, а главное его страдания и невиданные

страсти. В качестве примера М. Ахмедов приводит следующие строки В. В. Маяковского:

Мама! Ваш сын прекрасно болен!

Мама! У него пожар сердца [\[2, с. 360\]](#).

Особенное место в размышлениях М. Ахмедова занимает и поэзия С. А. Есенина. М. Ахмедов вспоминает 1975 год, когда он, будучи студентом Московского Литературного института участвовал в мероприятии по случаю 80-летнего юбилея С. Есенина. «Мы приехали в Рязань поездом и в этом прекрасном русском городе уже с перрона дышалось Есениным и его поэзией» [\[2, с. 345\]](#), – вспоминает поэт. Пытаясь проникнуть в поэтическую душу С. Есенина, понять ее реакцию на окружающий мир, на внешнее бытие, которое сопровождается внутренними противоречиями, М. Ахмедов пишет: «Стихи Есенина похожи на полевые цветы, они полны неповторимых звуков, запахов, красок, они, как бабочки на огонь, летят на земную жизнь и чувства, умирающие в пламени его поэтического огня, возрождаются в сердцах читателей как Феникс из пепла» [\[2, с. 347\]](#).

Обнаруживая живое сплетение разнородных чувств, мыслей в поэзии Есенина, М. Ахмедов приходит к выводу, что его произведения почти непередаваемы на другие языки, объясняя это тем, что невозможно переводить с одного языка на другой дыхание, вздох, стук сердца, глубину взгляда. Для М. Ахмедова важно уловить основной психологический стержень, вокруг которого строятся разнообразные мотивы лирики С. Есенина, основанные на чувствах, схожих на «обнаженный электрический провод» (М. Ахмедов). Аварский поэт пытается понять свет и мрак, чередующиеся в художественных поисках русского поэта, нежное слово о человеке, о любви к человеку и грубый выкрик, выступающий как защитный панцирь, он обращает особое внимание на смысл «необходимого для поэта пути духовного и душевного страдания, которое в 1925 году сформулирует как лирический манифест – «кровью чувств ласкать чужие души»» [\[13, с. 106\]](#). Эта мысль близка и понятна М. Ахмедову во всей ее полноте, о чем свидетельствуют и многочисленные стихи, посвященные теме поэта и поэзии, в которых показана художественная картина системы образов и образа поэта в ней, позволяющая «реконструировать, расширить поэтическую концепцию мироустройства, выделить в нем заслуженное место человеку-поэту» [\[3, с. 152\]](#). Но, размышляя о поэтических поисках С. Есенина, о его отношении к поэту и поэзии, в данном случае, вместо каких-либо художественных интерпретаций или выражения своего отношения к этой теме через поэтическое слово, М. Ахмедов просто цитирует самого С. Есенина:

Быть поэтом – это значит тоже,

Если правды жизни не нарушить,

Рубцевать себя по нежной коже,

Кровью чувств ласкать чужие души [Ахмедов, 2008, с. 351].

М. Ахмедов вспоминает замечания и высказывания М. Горького, А. Блока, А. Козловского, Н. Рубцова и других о творчестве С. Есенина. Так, анализируя ранние стихи Есенина, он цитирует А. Козловского, описание «брызжущего счастьем» начала поэзии Есенина связывает с трагическим концом его жизни, о котором он пишет в своих последних стихах. Противоборство враждебных стихий в художественном сознании С. Есенина М. Ахмедов интерпретирует как инстинкт самосохранения, как желание поэта сохранить право быть и остаться значимым на земле.

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой, на земле угрюмой

Счастлив тем, что я дышал и жил [\[2, с. 350\]](#).

Стихи С. Есенина «Черный человек», «Стихи скандалиста» и другие, по мнению М. Ахмедова, свидетельствуют о том, что страдания стали уделом поэта, силы добра в его судьбе постоянно противоборствовали в неравной борьбе с силами зла, свет и мрак были его неразлучными спутниками во всем, учитывая при этом, что свет поэтом рассматривается как «ценностная составляющая человеческого сознания, которая обуславливает мировосприятие человека, выступает своеобразным мерилom, определяющим существование природы и его самого» [\[11, с. 144\]](#).

В качестве подтверждения своей мысли М. Ахмедов приводит следующие строки С. Есенина:

Дар поэта – ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черной жабой

Я хотел на земле повенчать [\[2, с. 349\]](#).

В размышлениях о поэзии и поэте М. Ахмедов почти всегда судьбу одного поэта связывает с судьбой и поисками другого. Выше мы уже отмечали, что, размышляя о Пушкине, М. Ахмедов вспоминает о Махмуде, творческие поиски М. Ю. Лермонтова тесно связаны с судьбой А. С. Пушкина. Так, и в своем этюде о С. Есенине М. Ахмедов приводит стихотворение С. Есенина, посвященное А. С. Пушкину, подчеркивая, что именно это стихотворение он читал на мероприятии, посвященном юбилею С. Есенина. И завершает свой этюд М. Ахмедов стихами другого талантливого русского поэта Н. Рубцова о С. Есенине.

Это муза не прошлого дня.

С ней люблю, негодую и плачу.

Много значит она для меня,

Если сам я хоть что-нибудь значу [\[2, с. 353\]](#).

Приблизительно таковы и поэтические думы М. Ахмедова о С. Есенине в стихотворении «Русские поэты», смешанные с чувствами тоски и печали, с мыслями о присутствии духа Есенина в своей жизни, выраженные через описание природы родного Гуниба. Здесь опять же влияние Есенина на художественное мышление М. Ахмедова очевидно, особенно в последних двух строках второй строфы, напоминающих строку Есенина – «Я не буду больше молодым...»:

И лишь однажды заблестят

В глазах скупые слезы,

Когда в Гунибе зашумят

Есенины березы.

Прижавшись, словно в детстве, к ним

С наивной верой в чудо,

Пойму, что больше молодым

И я уже не буду [\[1, с. 245\]](#).

Так, М. Ахмедов открывает для своего читателя мысль о возможности и необходимости понять русского поэта в лице С. Есенина, творчество которого, в последние десятилетия привлекает интерес читателей не только русского или российского, но и мирового масштаба. Как пишет К. А. Жулькова, - «проблема восприятия С. А. Есенина в мировой культуре впервые была акцентирована отечественными литературоведами в 80-е годы XX столетия.

В 1990-е годы особенным этапом в попытке осмысления мировой рецепции русского поэта можно считать издание сборника «Русское зарубежье о Есенине» Н. И. Шубниковой-Гусевой в 1993 г.» [\[8, с. 143\]](#).

В поэзии М. Ахмедова особое внимание обращают также стихотворения, посвященные поэтам Г. Иванову, В. Соколову, Ю. Кузнецову, Н. Рубцову и другим. Почти все они пронизаны мыслью о роли и значимости поэта. Так представлен, к примеру, образ поэта в стихотворении М. Ахмедова «Поэт», посвященном М. Андрееву.

Идет поэт, камнями побитый,

И мир несет на согнутых плечах.

В его душе дымится поле битвы,

И свет молитвы у него в стихах [\[1, с. 339\]](#).

М. Ахмедов видит в поэзии особую силу, которая играет важную роль в переменах человека, его характера, его жизни и его судьбы. В стихотворении «Огонь глагола», посвященном Н. Рачкову, М. Ахмедов в каждой строке задается вопросами, ожидая в ответ верное мнение от своего друга и талантливого поэта.

Где судьбы нашей, горе измеривший пик,

Где из сердца рванувшийся горестный крик?

Где стихов об отчизне пленительный свет,

Чтоб остался в народе бессмертным поэт? [\[1, с. 311\]](#)

Разнообразные мотивы в лирике М. Ахмедова, в целом представляющие психологический стержень его миропонимания, в цепи созданных им поэтических образов раскрывают желание автора сохранить свое право остаться поэтом-патриотом.

И не зря, неспроста есть в стихах наших все ж,

И величие гор, и волнистая рожь,

И глагол наш горящий возвышен и строг,

Коль живут в наших строчках Отчизна и Бог [\[1, с. 312\]](#).

Приведенный в статье материал указывает на необходимость уделять должное внимание художественным связям между дагестанскими и русской литературами, которые имеют много общего, что хорошо отражается в художественных размышлениях М. Ахмедова.

Таким образом, проведенное исследование позволяет выводить следующие основные положения:

- сфера поэтического влияния, эстетического воздействия русской поэзии на художественное сознание М. Ахмедова имела возможность расширяться, развиваться еще со студенческой скамьи. Россия для М. Ахмедова не только Родина, но и реальный, действительный мир творческих вдохновений;
- освоение России, русской поэзии в восприятии М. Ахмедова – это процесс сугубо художественно-эстетический, который сопровождается с упором в национальность. Отталкиваясь от своей национальной культуры, он в своем творчестве открывает возможность проникнуть в русскую художественную культуру, при этом поднимая роль и значимость обеих культур;
- вопросы, связанные с русской поэзией, к которым обращается дагестанский поэт в своем творчестве историчны, обращением к русской поэзии поэт раскрывает важные факты и события национальной и интернациональной культуры. Здесь наиболее ярко выделяются типологические схождения, которые свидетельствуют о традициях и преемственности в дагестанской, в частности, в аварской литературе.
- художественные размышления М. Ахмедова имеют глубокие, крепкие корни, связанные с русской поэзией и с судьбами русских писателей.

Библиография

1. Ахмедов М. Граница столетий. – Махачкала, 2015. – 496 с.
2. Ахмедов М. Классические звезды. – Махачкала, 2008. – 478 с.
3. Гаджилова Ш. М. Система образов и образ поэта в поэмах М. Ахмедова // Litera. – 2022. – № 7. – С. 152 – 163. – DOI: 10.25136/2409-8698.2022.7.35192
4. Гаджилова Ш. М. Поэтическая концепция пространства и времени М. Ахмедова // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2020. – №5 (84) – С. 360-361 DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00991
5. Гамзатов Г. Г. Дагестанский феномен возрождения. – Махачкала, 2000. – 324 с.
6. Гамзатов Г. Г. Художественное наследие в калейдоскопе памяти. – М., 1996. – 653 с.
7. Гамзатов Р. Верность таланту. – М.: Советская Россия, 1970. – 256 с.
8. Жулькова К. А. Есенин без границ: рецепция творчества С. А. Есенина в мировом литературном процессе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение. – №3. – М, 2019. – 143-150
9. Кантор В. К. «Керенский как фантом русских революций 1917 года. Глазами русских поэтов и писателей» // Вопросы литературы. – М., 2018. Май-июнь. – 170-198. (413 с.)
10. Капиева Н. «Размышление над онтологией дагестанской поэзией». Литература Дагестана и жизнь / Статьи и выступления. – Махачкала, 1985. – С. 159 154-162
11. Лаптева М. Л. Стихия света в образном мировидении славян // Вестник Рязанского

- государственного университета имени С. А. Есенина. – 2022. – № 2 (75). – С. 138–148. – DOI: 10.37724/RSU.2022.75.2.014.
12. Расулов Г. Национальное и интернациональное в поэзии Р. Гамзатова. //Литература Дагестана и жизнь. – Махачкала, 1985. – С. 113. 113-137 199 с.
13. Федосеева Т. В. О православных аспектах этнопоэтики С. А. Есенина 1910-х годов // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2021. – № 1 (70). – С. 103–116. – DOI: 10.37724/RSU.2021.70.1.011
14. Хазуева Б. А. Художественное осмысление категории времени в лирике Шайхи Арсанукаева // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2022. Вып.1 (292). С.108-113. DOI 10.53598/2410-3489-2022-1-292-108-113
15. Юсупова Ч. С. Махмуд из Кахаб-Росо. Высший духовный подвиг. – Махачкала, 2003. – 256 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ МАГОМЕ, АХМЕДОВА О РУССКОЙ ПОЭЗИИ (к вопросу о развитии дагестано-русских литературных связей)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения творческих размышлений современного дагестанского поэта М. Ахмедова о русской поэзии. В статье автор ставит задачу представить информацию об особенностях развития дагестано-русских литературных связей. Кроме того, несомненно важными и актуальными являются исследования, посвященные рассмотрению творчества писателя, творящего в том числе на языках народов Российской Федерации.

Целью статьи является изучение поэта-интернационалиста, в размышлениях которого корни национального миропонимания тесно связаны с интернациональными проблемами. Статья является новаторской, одной из первых в российском литературоведении, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом. В настоящей работе автор приводит языковые примеры из произведений писателя на русском языке.

Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы, а также описание, структурный и культурно-исторический методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части не представлена историография исследуемого вопроса в полном мере, а заключительная часть не в полном объеме отражает задачи исследования. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом. Однако автор не указывает объем полученной выборки, который использовался при

проведении исследования, а также источники ее происхождения и временной период. Библиография статьи насчитывает 15 источников, среди которых теоретические работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к работам на иностранном языке по исследуемой проблематике, несомненно, обогатили бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по литературоведению. В исследовании прослеживается возможность его продолжения. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ МАГОМЕДА АХМЕДОВА О РУССКОЙ ПОЭЗИИ (вопрос о развитии дагестано-русских литературных связей)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Abdullayev R.S. State-supported language strategies in Azerbaijan: promotion of Azerbaijani and multilingual initiatives. //

Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70295 EDN: SBCKSG URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70295

**State-supported language strategies in Azerbaijan:
promotion of Azerbaijani and multilingual initiatives. /
Поддерживаемые государством языковые стратегии в
Азербайджане: продвижение азербайджанского и
многоязычных инициатив**

Абдуллаев Рамиль Сахибоглы

ORCID: 0000-0001-6087-2458

аспирант, кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ abdullayevram@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70295

EDN:

SBCKSG

Дата направления статьи в редакцию:

27-03-2024

Дата публикации:

03-04-2024

Аннотация: Богатством каждой независимой и суверенной страны является изобилие языка на его территории, в котором проживающие национальности свободно могут использовать свои языки. В Азербайджанской Республике помимо государственного языка, существует более 15 языков на котором говорят этнические меньшинства. Помимо языков этнических меньшинств, население страны пользуются другими иностранными языками, которые входят в группу мировых языков. Объектами исследования в этой статье выступают иностранные языки и их соотношение с государственным языком. Законодательные акты, принятые для регулирования

языкового вектора в стране, является предметом исследования. Автором подробно описываются и освещаются законодательные органы и государственные структуры, которые играют решающую роль в тенденции развития языковой политики в стране. В ходе изучения языковой политики не обойтись без рассмотрения следующих двух основных социолингвистических терминов: языковое регулирование и языковое планирование, которые носят характер государственного или социального воздействия на функционирование или развитие языков в государстве. Автор в исследовании статьи в основном пользовался теоретическим методом, также проводил общий анализ данных. В основу построения выводов взяты правовые методы, а также социолингвистические методы (статистические и экспертные оценки). Иностранные языки мирового значения пользуются большим спросом среди молодежи, все чаще изучая эти языки они углубляются в истоки этого языка, изучают историю этой страны и через эту призму наблюдается феномен аккультурации посредством языка. Автором подробно рассмотрен статус государственного языка как де-юре, так и де-факто, также подробно рассмотрено положение наиболее распространенных на территории республики иностранных языков. Языковые реформы, проводимые в Азербайджанской Республике, в основном служат для усиления роли азербайджанского языка как государственного и носят характер языкового пуризма. Несмотря на проводимые реформы в области усиления государственного языка, мы рассматриваем также сбалансированную языковую политику в отношении других языков, существующих на территории Азербайджанской Республики.

Ключевые слова:

азербайджанский язык, полилингвизм, иностранный язык, языковое регулирование, языковое планирование, языковая политика, языковое законодательство, языковая ситуация, языковой плюрализм, языковой пуризм

1. Introduction

Following the dissolution of the Soviet Union in the early 1990s, the newly established states that asserted their independence embarked on the pursuit of autonomous foreign and domestic policies across diverse realms. Within these nations, the designated official languages (representing the language of the populace upon which the nomenclature of administrative-territorial entities is founded, in accordance with the sociolinguistic terminology elucidated in the Dictionary of Sociolinguistic Terms (Dictionary of Sociolinguistic Terms 2006: 230)) attained the stature of state languages, a designation subject to legislative oversight. The legislative enactments promulgated by these sovereign entities primarily facilitated the establishment of propitious circumstances conducive to the advancement and operational efficacy of state languages. Targeted initiatives were implemented to broaden the societal roles of these languages, alongside the allocation of resources to realize such initiatives. An influential phenomenon expounded upon by V. M. Alpatov in his scholarly works necessitates emphasis: the legal entrenchment of linguistic predominance may, however, be absent, a circumstance with no bearing on its effective functionality (Alpatov 2014: 11).

The aforementioned transformations also affected the Republic of Azerbaijan, over the years trade, industrial, social and humanitarian relations with advanced countries have expanded, which contributed to the formation of foreign language institutes on the territory of Azerbaijan. The most socially communicative foreign languages in Azerbaijan, in various socially significant spheres, are Russian and English (Garibova 2019), Arabic, Persian and

Turkish are rarely used among the population, while it should be noted that Turkish is understood by most of the population. This is due to the fact that Azerbaijani and Turkish are from the same branch of the Turkic languages included in the qualification. Speaking about the status of languages in Azerbaijan, the author first considered the situation of foreign languages in Azerbaijan in primary schools and gave a general assessment of each language appearing in educational institutions, also the article investigated the state of minority languages (Moskvitcheva, Abdullaev 2021).

Language regulation and language planning play a crucial role in shaping and sustaining language policy, state-sponsored multilingualism, and cultural diversity across various countries. Azerbaijan stands as an example of a country where the state's support for the Azerbaijani language and multilingualism holds a central position.

In this article, we examine language regulation and planning in the Republic of Azerbaijan, assessing their roles in safeguarding and promoting the Azerbaijani language, as well as fostering multilingualism within the nation. We will delve into the official status accorded to the Azerbaijani language, evaluate the strategies implemented for its preservation and enhancement, and elucidate the state's role in endorsing other languages spoken in Azerbaijan.

By analyzing the language policy and practices of the Republic of Azerbaijan, we can attain a more profound understanding of the state's efficacy in supporting the Azerbaijani language and multilingualism within the nation, and discern their influence on both linguistic diversity and the cultural identity of its populace.

2. Methods and Literature Review

Linguistic diversity represents the wealth and cultural heritage of a nation, with its preservation and protection being responsibilities shared by both the state and society.

The significance of this research stems from observable trends in the Azerbaijan community: despite the established regulatory frameworks governing the state language and other native tongues, there's a growing inclination towards using foreign languages—namely English and Russian—in daily communication, either wholly or partially (Hamlet Isaxanlı 2017). This shift contributes to linguistic unease among segments of the population who either remain dedicated to their native language or lack proficiency in these foreign languages.

In examining and analyzing the objectives outlined in this article, the author effectively utilized both theoretical and comprehensive analytical methods, including a systems approach, analysis, analogy, synthesis, and modeling. The drawn conclusions are rooted in legal methodologies, complemented by sociolinguistic methods, such as statistical and expert evaluations.

An examination of policy documents related to the country's linguistic strategy revealed key approaches for bolstering support for both national and international languages, as well as for indigenous minority languages in Azerbaijan.

In the article under review, we will employ two principal sociolinguistic terms: 'language regulation' and 'language planning'.

In the Dictionary of Sociolinguistic Terms, 'language regulation' is presented alongside other terms such as 'structuring of linguistic reality' and 'language legislation' (Dictionary of Sociolinguistic Terms 2006: 271). The latter term is more pertinent to our study, as

language regulation might emanate from the state to society, mediated by laws pertaining to language (here, the interest arises from the state's external language policy and its application to society). Alternatively, it could stem from societal demands to the state for the establishment of new normative linguistic legislations that govern the languages spoken within that society.

Both 'language regulation' and 'language legislation' denote the state's or society's influence on the operation or evolution of languages within a country.

The appropriate framework for understanding linguistic regulation in a multilingual context can be ascertained by examining the linguistic landscape that has emerged in the Republic of Azerbaijan.

For the discussion of the roles and functionalities of both the state and foreign languages in the Republic of Azerbaijan, this article will reference the symbolic systems introduced by Roger T. Bell, selectively pertaining to this particular polyglossic context (Roger T. Bell 1980: 240-243):

Language type:

S – Standard

C – Classical

K – Creole

Language status:

SO – Sole official language

PL – Promoted language without official status but used in communication

TL – Tolerated language, neither encouraged nor prohibited by authorities

Percentage of speakers using the language as L1 (scale from 0-100%):

100%-90%

89%-70%

69%-40%

39%-20%

19%-3%

Less than 3%

Language functions:

WE – Language of wide external communication, used for diplomatic interactions with other countries

WI – Language of wide internal communication, serving as a lingua franca, regularly used by those whose native language is different

M1 – Language of instruction in primary schools

M2 – Language of instruction in secondary schools

M3 – Language of instruction in higher education institutions

M4 – Academic language, employed for publishing scientific articles and monographs

R – Language used in public religious services

Table 1. Sociolinguistic Characteristics of the Republic of Azerbaijan

Languages	Language Type	Language Status	Percentage of L1 Speakers (according to AzStat)	Language Functions
Azerbaijani	S	SO	1 (99.6%)	WE/WI (ethnic group) / M1 / M2 / M3 / M4 / R
Russian	S	PL	5 (7.5%)	WE/WI / M1 / M2 / M3 / M4 / R (ethnic group)
English	S	PL	6 (1.3%)	WE/WI / M1 / M2 / M3 / M4
Turkish	S	PL	-	WI / M4
Arabic	C	TL	-	M4 / R
Persian	C	TL	-	M4

In Table 1, the sociolinguistic characteristics of various languages in the Republic of Azerbaijan are presented. Azerbaijani, being the dominant language, has a staggering 99.6% of speakers who identify it as their L1 (first language). It is categorized as a standard (S) language and holds the sole official language (SO) status. The language functions of Azerbaijani encompass a wide range, including both external and internal broad communication, instruction at all educational levels, academic publications, and public religious services.

Russian, with 7.5% L1 speakers, and English, with 1.3% L1 speakers, are both considered standard languages but have a promoted status (PL). They share many of the same functional roles as Azerbaijani, although Russian has an additional role in the context of its ethnic group.

Turkish, another standard language with a promoted status, is primarily used for wide internal communication and academic purposes. Both Arabic and Persian are categorized as classical (C) languages with a tolerated status (TL) and are predominantly utilized for academic purposes, with Arabic also being used in religious contexts. At a certain historical juncture in the Republic of Azerbaijan, these languages held a prestigious status. They were used for composing poetry and were prevalent in specific communicative domains such as religion and science.

In the Republic of Azerbaijan, Azerbaijani and Russian serve as the most functional languages across various sectors, including humanitarian, socio-economic, and industrial fields. While prayers (namaz) in mosques are conducted in Arabic, the khutba (sermon) is elucidated in Azerbaijani for the congregation. Orthodoxy represents the second largest religious denomination after Islam in the Republic of Azerbaijan. Statistically, the Orthodox Christian population numbers around 209.7 thousand, constituting 2.3% of the total. The

country is home to five Orthodox Christian churches, with three of them situated in Baku, the capital of the Republic of Azerbaijan (Wikipedia. Christianity in Azerbaijan 2022). Orthodox services are conducted in Russian.

Given the intricate polyglossic linguistic landscape in the Republic of Azerbaijan, there arises an imperative for meticulous language regulation. To avert potential linguistic crises and to direct the trajectory of the language policy, language planning becomes indispensable.

The sociolinguistic dictionary provides the following definition for language planning: "A type of human activity dedicated to addressing language challenges. The goals of language planning can encompass changing the functional relationships among languages or language subsystems in society and addressing issues of correctness—codifying specific linguistic realities" (Dictionary of Sociolinguistic Terms 2006: 270). From this description, it's evident that language planning, serving as a tool for language regulation, is oriented towards the future.

Tollefson characterizes language planning as the deliberate efforts by planners to shape the structure or functions of a language(s) (Tollefson 1991). Such intentional endeavors might involve language purification, language revival (as seen with Hebrew), language reform (like in Turkish), language standardization (as with Swahili), and language modernization (exemplified by Swedish) (Eastman 1983). Hence, language planning practices are perceived differently in monolingual and multilingual societies. Clearly, contingent on the particular circumstances of a country or speech community, language planning can manifest in diverse ways.

Language policy, as an integral component of overarching state policy, is implemented through language planning. There must be a synergy between these two entities to preclude potential linguistic crises in a nation. As M. Rannut astutely observes, "language policy is orchestrated by politicians, whereas planning is the domain of specialists" (Rannut 2004: 63).

3. Results

3.1. State structures regulating language legislation in the Republic of Azerbaijan.

The fundamental legislative document of the Republic of Azerbaijan is its Constitution, which holds enduring legal authority within the nation's territory. This cornerstone of statehood is anchored in a three-tiered system of governance. This consists of the executive branch, headed by the President of the Republic of Azerbaijan; the legislative branch, represented by the Milli Majlis (National Assembly) of the Republic of Azerbaijan; and the judicial branch, which is the judicial system of the Republic of Azerbaijan. Article 8 of the Constitution of the Republic of Azerbaijan, titled "The Head of the Azerbaijani State," outlines the conceptual role of the President of the Republic of Azerbaijan as both the head of state and leader of the executive branch.

The Milli Majlis, or National Assembly, serves as the legislative body of the state and is composed of 125 deputies. This entity bears the responsibility for the adaptation, rejection, and annulment of legislative acts and directives at a national level. Within the National Assembly, there are 15 active committees. Specifically, the Committee on Science and Education is tasked with shaping and executing the state's policy in its respective domain. Duties of this committee encompass proposing and evaluating initiatives and directives related to implementation and strategy in areas such as language, science, education, mass

media, and religion.

The executive branch of the Republic of Azerbaijan is embodied by the Cabinet of Ministers, which operates directly under the jurisdiction of the President. This entity supervises the actions of various ministries and aids in the execution of social and economic programs.

The State Language Commission serves as the primary authority concerning the use of the Azerbaijani language in public domains. It oversees its application in television and radio broadcasts, dubbed movies, translated literature, and is also responsible for monitoring and enhancing the linguistic proficiency of journalists. The commission commits to devising strategies that elevate the standards of Azerbaijani language usage in the media. Based on surveys conducted by journalists, commission members acknowledged existing issues related to the use of the Azerbaijani language in both media and the wider public realm (Decree of the President of the Republic of Azerbaijan on the approval of the new composition of the State Language Commission of the Republic of Azerbaijan, 2017).

The President of the Republic of Azerbaijan personally chairs the State Language Commission. The deputy roles within the Commission are held by the First Vice-President, the Chief of Administration of the Republic of Azerbaijan, the President of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, and the Chairman of the Azerbaijan Writers' Union. Additionally, the Commission encompasses 33 active members.

The primary authority in Azerbaijan overseeing educational matters is the Ministry of Education (Ministry of Education of the Republic of Azerbaijan). This ministry collaborates with the Ministry of Finance to sustain the funding of diverse educational initiatives, both nationally and internationally. The ministry enforces the decrees issued by the President of the Republic of Azerbaijan.

The National Academy of Sciences of Azerbaijan (ANAS) is responsible for organizing and executing research dedicated to the preservation of Azerbaijan's culture and traditions. This scholarly institution undertakes an analytical evaluation of the performance of other educational entities, ministerial laboratories, and private institutions, offering recommendations for enhancement. The ANAS orchestrates and oversees pivotal scientific endeavors that focus on preserving the culture and traditions linked with the Azerbaijani language.

The academy acts as the central scientific nexus, amalgamating the nation's universities, educational institutions, and research centers. Its function entails offering recommendations, appraisals, guidance, and formulating proposals concerning the operations of various institutes within the country. Additionally, it presents suggestions to the government on shaping the standing of the Azerbaijani language, as well as issues in education and science (Charter of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, 2014).

In conclusion, it's vital to underline that the ANAS stands as one of the most prominent educational and scientific entities in the Republic of Azerbaijan, playing a pivotal role in the progression of the scientific domain and linguistic diversity, including the bolstering of the Azerbaijani language.

3.2. Legal Standards for Language Regulation in the Republic of Azerbaijan.

The primary legislative documents governing language regulation in the Republic of Azerbaijan encompass the Constitution of the Republic of Azerbaijan, the Law "On the State Language of the Republic of Azerbaijan", several subsidiary regulatory acts, and

international commitments undertaken by Azerbaijan.

3.2.1. Constitution of the Republic of Azerbaijan

Article 21, titled "State Language", of the Constitution of the Republic of Azerbaijan designates the Azerbaijani language as the sole official language within the country. The state is responsible for promoting the development of its official language. Furthermore, the second provision stipulates that the state ensures the fostering and utilization of other languages spoken by the population within the boundaries of the Republic of Azerbaijan (Constitution of the Republic of Azerbaijan, 1995).

Article 25, titled "Right to Equality", safeguards the rights and freedoms of all individuals irrespective of their race, ethnicity (previously referred to as "nationality" until 2016), religion, language, gender, origin, property and official status, convictions, and affiliations to political parties, trade unions, or other public organizations. It prohibits any curtailment of rights and freedoms based on the aforementioned criteria. In 2009, predicated on a nationwide referendum, an amendment to the Constitution of the Republic of Azerbaijan was made, introducing the following clause: based on the aforementioned criteria, harm must not be inflicted upon individuals, nor can privileges or benefits be granted or denied to them.

Article 42 "The Right to Education" states that citizens are entitled to free compulsory general secondary education, with the State overseeing the education system. Furthermore, for talented students, the state guarantees continued education regardless of their financial status.

Article 45 "The Right to Use One's Native Language" lays the foundation for fostering a multilingual environment. This article asserts that individuals have the autonomy to pursue education and upbringing in any language of their preference, ensuring that the use of one's native language is never restricted in communication.

Article 45. The Right to Use the Native Language:

I. Everyone reserves the right to utilize their native language. All have the prerogative to receive upbringing and education and to create in any language they desire.

II. No individual can be denied the right to use their native language.

3.2.2. On the State Language of the Republic of Azerbaijan

The Law concerning the State Language of the Republic of Azerbaijan was enacted on September 30, 2002, and is registered under the designation No. 365 –IIQ. It comprises three sections and a total of 20 articles [Azərbaycan Respublikasında dövlət dili haqqında 2002].

Article 1. Legal Status of the State Language: This section emphasizes that the Azerbaijani language stands as the official language of the Republic of Azerbaijan. Moreover, it mandates every citizen of the Republic of Azerbaijan to be proficient in the state language.

Article 5. The Application of the State Language in Education: This article underscores the significance of mastering the state language. It further stipulates that all prospective university entrants in the Republic of Azerbaijan are required to pass an examination in the state language.

5.1. In the Republic of Azerbaijan, educational processes are conducted in the state

language.

5.2. Educational institutions operating in languages other than the state language in the Republic of Azerbaijan must adhere to regulations stipulated by law. In such institutions, instruction in the state language is compulsory.

5.3. Candidates seeking admission to higher and secondary vocational educational institutions in the Republic of Azerbaijan must clear an examination in the Azerbaijani language.

Article 7. Application of the State Language in Service, Advertising, and Announcements.

Per Article 7, the state language is employed across all sectors of service, advertising, and announcements within the Republic of Azerbaijan's territory. It is further highlighted that in contexts associated with serving foreigners, other languages may be used alongside the state language. When deemed necessary, in advertising (the term "advertising" is currently struck out) and in announcements (such as on boards, displays, posters, etc.), languages other than the state language can be employed. In these instances, the space taken by a foreign language should not exceed that of the state language and should always follow the text in the state language.

Article 14. Alphabet of the State Language

This article specifies that the alphabet of the Republic of Azerbaijan's state language is the Azerbaijani alphabet, which utilizes Latin script.

3.2.3. The Education Law of the Republic of Azerbaijan

The Education Law of the Republic of Azerbaijan was enacted on June 19, 2009, and comprises 47 articles. Notably, another statute, the General Education Law of the Republic of Azerbaijan, was adopted on March 29, 2019, which consists of 33 articles. Within these two legislations, we will only examine the article titled "Language of Instruction" (Article 7 in the Education Law and Article 6 in the General Education Law), which holds significance for our research (Təhsil haqqında Azərbaycan Respublikasının qanunu 2009, Ümumi təhsil haqqında Azərbaycan Respublikasının qanunu 2019).

Both laws specify in their initial sections that in both higher and general educational institutions, the primary language of instruction is the state language, Azerbaijani. However, instruction in these establishments can also be provided in other languages, considering the preferences of the citizens and the institution's founders, and in alignment with international treaties endorsed by the Republic of Azerbaijan or agreements with bodies or institutions as defined by the appropriate executive authority. Additionally, such institutions must adhere to the national educational standards or educational programs that have received international accreditation. For general education institutions that offer lessons in a foreign language, the teaching of Azerbaijani language, literature, history, and geography is mandatory. For students with limited proficiency in Azerbaijani, preparatory classes and courses are organized, following the guidelines set by the designated institution or body under the relevant executive authority.

Another salient point in the General Education Law within the "Language of Instruction" article stipulates that in state educational establishments, students aiming to pursue their studies in another language, in line with national educational standards, are required to undergo an interview in their desired language of instruction. This process is determined and overseen by an institution or body as recognized by the appropriate executive authority

(Ümumi təhsil haqqında Azərbaycan Respublikasının qanunu 2019).

3.2.4. Decree on Measures to protect the Purity of the Azerbaijani Language and Enhance the Use of the State Language.

By Decree No. 323 dated November 1, 2018, the President of the Republic of Azerbaijan established a state-funded legal entity of public law named "Monitoring Center under the State Language Commission of the Republic of Azerbaijan." This entity oversees the application of the state language of the Republic of Azerbaijan and ensures the preservation of literary language norms within the media, Internet resources, and advertising mediums (Azərbaycan dilinin saflığının qorunması və dövlət dilindən istifadənin daha da təkmilləşdirilməsi ilə bağlı tədbirlər haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin fərmanı 2018).

3.2.5. Orders and state programs of the President of the Republic of Azerbaijan for the advancement of the state language.

The directive issued on January 12, 2004, under the reference number 56, concerning the publication of materials in Azerbaijani using Latin script, paved the way for the wide-scale republication of valuable Azerbaijani works in literature, culture, and science that were previously printed in Cyrillic. This order highlighted significant decrees from June 18, 2001, "On the Enhancement of the Use of the State Azerbaijani Language", and August 9, 2001, "On the Commemoration of the Azerbaijani Alphabet and Language Day", both of which solidified the transition to using the Azerbaijani alphabet in Latin script. (Reference: Azərbaycan dilində latın qrafikası ilə kütləvi nəşrlərin həyata keçirilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin sərəncamı, 2004).

An order from September 2008 focused on financing the translation and publication of masterpieces from prominent global authors into Azerbaijani. This was in line with the directive No. 2613 from December 30, 2007, "On the Approval of the List of Works by Eminent Global Authors Scheduled for Publication in Azerbaijani". For this initiative, a fund of 5 (five) million manats (equivalent to 276 million rubles) was allocated from the Presidential Reserve Fund of the Republic of Azerbaijan. (Reference: Decree of the President of the Republic of Azerbaijan on Financing the Publication of Masterpieces from Eminent Global Authors in Azerbaijani, 2008: 53).

The State Program, implemented on April 9, 2013, under the directive No. 2837, aims at promoting the use of the Azerbaijani language in the backdrop of globalization, while aligning with contemporary needs and furthering the study of linguistics within the country.

The primary objective of the State Program is to enhance state attention and commitment to the usage and application of the Azerbaijani language. It seeks to promote the Azerbaijani language within the context of globalization, aligning with contemporary demands, fundamentally improve linguistic research in the nation, consolidate creative initiatives focused on the growth of foundational and applied linguistic research, and integrate linguistic studies with pressing issues in modern society.

A principal task of the State Program is to examine the linguistic scenarios and relationships in Azerbaijan. Furthermore, the program aims to refine the legislative foundation that supports the language's growth while safeguarding the standards of the literary language (The State Program on the Utilization of the Azerbaijani Language in the Framework of Globalization in Line with Current Demands and Advancement of Linguistics in the Country, 2013).

The directive titled "On Measures to Amplify the Use of the Azerbaijani Language in Digital Spaces," dated July 17, 2018, and registered under number 346, underscores the need to expand the presence of the Azerbaijani language in digital platforms. This ensures its accessibility to those keen on learning the language and aims to simplify its study. Following this directive, there was a proposal to initiate the "Digital Platform for the Azerbaijani Language for Non-Natives" project. [Reference: Azərbaycan dilinin elektron məkanda daha geniş istifadəsinin təmin edilməsi ilə bağlı bir sıra tədbirlər haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin sərəncamı, 2018].

3.2.6. Participation of the Republic of Azerbaijan in International Conventions.

A primary indicator of the preservation and advancement of tolerance and multiculturalism in any country is its stance towards minority populations, ethnic groups, and the linguistic and religious diversity within its borders.

Azerbaijan acceded to the Declaration adopted by the UN General Assembly on December 18, 1992, titled "On the Rights of Persons Belonging to National, Ethnic, Religious, and Linguistic Minorities". Furthermore, on June 16, 2000, it became a signatory to the Council of Europe's Framework Convention "On the Protection of the Rights of National Minorities" dated February 1, 1995. Additionally, Azerbaijan endorsed the European Charter for Regional or Minority Languages (Reference: Azərbaycan Respublikasının qoşulduğu Beynəlxalq Konvensiyalar: 14).

Almost all national minorities residing within the territory of the Republic of Azerbaijan are conversant in the Azerbaijani state language. Approximately four out of every five also speak Russian. While there are varying degrees of proficiency in these languages, the level is generally adequate for interethnic interactions (Reference: Azərbaycanda milli və dini azlıqlara bərabər hüquqlu vətəndaş kimi yanaşılır. Hökumət "Regional dillərin və ya azsaylı xalqların dillərinin Avropa Xartiyası"nın prinsiplərini daim diqqət mərkəzində saxlayır 2018: 10).

3.3. Language Planning of the Republic of Azerbaijan Based on Foreign Languages

The Government of the Republic of Azerbaijan, in light of a comprehensive assessment of its linguistic landscape and considering legal and regulatory perspectives in the realm of language policy, prioritizes the development of the state language. Besides the Azerbaijani language, the government also promotes the development of other languages spoken by ethnic communities within its territory, as well as foreign languages deemed important for broader outreach.

While official documents of the Republic of Azerbaijan do not specify the status of foreign languages, administrative documents from the Ministry of Education of the Republic of Azerbaijan indicate that the following languages are considered foreign in general education institutions: English, German, French, Russian, Arabic, and Persian (Tədris planlarına dair qeydlər 2022). Notably absent from this list is the Turkish language. However, there are Turkish lyceums operating within the Republic of Azerbaijan, and the author emphasizes the importance of examining the presence and influence of the Turkish language in the country.

In this sub-chapter, the author aims to outline the current state of language development and the support that the Republic of Azerbaijan provides to these languages.

3.3.1. Russian: A Prestigious Language in the Republic of Azerbaijan

Russian is the second most spoken language in Azerbaijan after Azerbaijani, with 7.6% of

the total population using it (Azərbaycan Respublikasının Dövlət Statistika Komitəsi 2009).

Over 150,000 individuals in Azerbaijan consider Russian as their first language. This group primarily consists of ethnic Russians but also includes Russified Azerbaijanis, Ukrainians, Jews, and other minorities. As of 1994, 38% of Azerbaijanis were fluent in Russian as a second language (Suny, Ronald, and others 1996). The term "Russified Azerbaijani" refers to an individual with at least one Russian parent or a Russian-speaking Azerbaijani who predominantly speaks in Russian, possessing limited proficiency in Azerbaijani.

Out of 4,472 secondary schools in Azerbaijan, 15 schools exclusively use Russian as the medium of instruction. Additionally, 314 schools have both Azerbaijani and Russian sectors, cumulatively accounting for 7.6% of all schools. In total, 90,000 students receive their education in Russian within these institutions (Abdullayev, Hasanov 2021). Notably, the Azerbaijani state budget sponsors education in the Russian language.

A study by the Caucasus Research Resource Center revealed that among the South Caucasus republics (Azerbaijan, Armenia, Georgia), Azerbaijan leads in the number of students studying in Russian (Caucasus Research Resource Centers. Knowledge of Russian in Azerbaijan 2014).

Table 2. Number of Students Studying in Russian in the South Caucasus Republics (in thousands)

Countries	2000/2001	2010/2011
Azerbaijan	107.5	94.7
Armenia	9.2	1.5
Georgia	38.1	8.5

The table 2. presents data on the number of students receiving education in the Russian language within the South Caucasus republics over two academic years: 2000/2001 and 2010/2011. From the data, it's evident that all three countries saw a decline in the number of students studying in Russian over the decade. Azerbaijan had the highest number of students in both years, even though there was a decline from 107.5 thousand to 94.7 thousand. Armenia witnessed a significant drop from 9.2 thousand to just 1.5 thousand, and Georgia's numbers decreased from 38.1 thousand to 8.5 thousand over the same period.

Russian, similar to English, is highly sought after in employment scenarios. Proficiency in these languages is always esteemed by employers. A majority of parents aspire for their children to be educated in the Russian language, attributing this desire to the prospects it offers their children in terms of employment opportunities or pursuing higher education in Russia post-schooling, which in turn broadens their perspectives. This aspiration among parents results in a scarcity of vacancies in Russian schools, subsequently leading to an issue of an insufficient number of qualified educators in the Russian-speaking domain (Iskanderova 2023).

Nearly every university in the Republic of Azerbaijan designates spots for education in Russian, aimed at training adept professionals. Leading this trend is the Baku State University with 795 places, followed by the Azerbaijan State University of Economics, offering 525 places (Iskanderova 2023).

It's also pertinent to highlight other universities and branches of Russian higher education

institutions located in Azerbaijan. One notable institution is the Baku Slavic University, which was established on the foundation of the erstwhile Azerbaijani Pedagogical Institute of Russian Language and Literature named after M. F. Akhundov. There are also branches of the Lomonosov Moscow State University and the I.M. Sechenov Moscow State Medical University.

In Azerbaijan, it's not uncommon to hear conversations in Russian, especially in public places. This phenomenon is most pronounced in Baku, largely attributed to the significant influx of tourists from the Russian Federation. These tourists often encounter local employees who can communicate seamlessly in Russian to cater to various services.

Proficiency in the Russian language among the population varies, but compared to other foreign languages, Russian holds a distinct position. For instance, a recent study conducted by the Caucasian Research Resource Center, aimed at determining the proficiency and number of foreign language speakers in the Republic of Azerbaijan, revealed that 7% of the population have an advanced proficiency in Russian, while 37% possess a basic proficiency. In contrast, the proficiency rates for English are notably lower, with only 1% having an advanced understanding of the language. The vast majority, 74%, possess merely fundamental knowledge of English. Proficiency in other languages is also low, with 88% having only fundamental knowledge. These findings provide valuable insights into the linguistic landscape of Azerbaijan, emphasizing the prominence of Russian and the potential room for growth in English language acquisition. Refer to Table 3. for details:

Table 3. Language Proficiency in Azerbaijan (%) in 2013 (Source: Caucasus Research Resource Centers. Knowledge of Russian in Azerbaijan 2014)

Language	Advanced Level	Intermediate Level	Basic Level	Fundamental Knowledge	No Knowledge
Russian	7	28	37	27	1
English	1	7	16	74	1
Other Language	2	4	5	88	2

In line with the Russian Federation's commitment to preserving and promoting the Russian language in the Republic of Azerbaijan, there has been an establishment and sponsorship of the "Russian House" in Baku (previously named the "Russian Information and Cultural Center"). This institution has a close collaboration with the Embassy of the Russian Federation in Azerbaijan. The primary mission of the Russian House in Baku involves conducting various humanitarian and cultural projects that aim to enhance cooperation between Azerbaijan and Russia (Kazimova 2022).

According to Margarita Rusetskaya, a member of the Council on the Russian Language under the President of the Russian Federation, the Russian language is highly sought after in the Republic of Azerbaijan. In light of this high demand, Rusetskaya envisions the solution in the form of state initiatives to open more Russian schools and introduce new teaching positions. The substantial number of scientific publications in Russian within Azerbaijan underscores the fact that Russian maintains its status as a primary language for academic discourse. As Margarita Rusetskaya expressed, "In Azerbaijan, the Russian language feels most at home in the realm of scientific communication" (2022).

3.3.2. English as an Important Language

After the Republic of Azerbaijan declared its independence, its leadership began to forge close ties with European and American institutions. Azerbaijan has become a magnet for international investments, and numerous long-term contracts, predominantly in the oil industry, have been signed with Western nations.

The international contracts and institutions present in Azerbaijan have played an integral role in its development trajectory, complemented by the growing prestige of the English language within society. Over the past 15 years, English schools have sprouted up across the country, a testament to the burgeoning interest and rapidly increasing demand for English proficiency. This has led to a surge in the establishment of private educational courses and institutions catering to those eager to learn the language.

For many in Azerbaijan, the motivation to learn English lies in the prospects of securing a job with a lucrative salary, often provided by foreign companies, or the opportunity to pursue higher education in primarily Western countries.

However, the Ministry of Education of Azerbaijan does not foresee the establishment of English-medium public schools in the near future, citing a lack of English-speaking children (Nazimqızı 2022).

Table 4. Number of students in educational institutions in the Republic of Azerbaijan by language department (Nazimqızı 2022).

Language Sector	Number of Students in 2022
Azerbaijani	1,428,608
Russian	131,412
English	5,457
Georgian	1,114
Turkish	295
French	130

Table 4 presents data on the distribution of students across different language departments within educational institutions in the Republic of Azerbaijan for the year 2022. As detailed in the table, the Azerbaijani language department has the highest enrollment, with 1,428,608 students, while departments for languages like English, Georgian, Turkish, and French have comparatively fewer students. Notably, the Russian language department also exhibits a significant number of students, at 131,412. This table provides insight into the linguistic landscape of education in Azerbaijan, highlighting the dominance of the Azerbaijani language and the relative importance of other languages in the educational setting.

There are several private schools in Baku offering instruction in English, including: Baku Oxford School, British School in Baku, the "XXI Century" Center for International Education and Innovation, The International School of Azerbaijan (TISA), Azerbaijan British College (ABC), and LANDAU School. These schools are among the most expensive in the Republic of Azerbaijan, making them unaffordable for the majority of citizens (Ramizgizy 2019).

For higher education in English within the Republic of Azerbaijan, institutions such as ADA University (Azerbaijan Diplomatic Academy), Azerbaijan University of Languages, Odlar Yurdu University, and Khazar University are available.

In collaboration with the Embassy of the United States of America in Azerbaijan, the Baku

American Center operates in partnership with the Azerbaijan University of Languages. The center provides a wide range of programs and services for English language learning, information on studying in the U.S., and lectures on U.S. culture and history. For students learning English and interested in opportunities to study in the U.S., the center houses an American library, abundant with resources, books, and periodicals on American society and culture. In addition to internet access, the center also offers complimentary access to reference and analytical databases like EBSCO, E-Library USA, and J-STOR (Reference: The Baku American Center started operating after renovation, 2014).

3.3.3. Turkish

The Turkish language holds a distinct position in Azerbaijan, largely due to the cultural, historical, and political bonds between the two nations. Azerbaijan and Turkey have robust diplomatic and economic relationships. These ties also foster cultural and linguistic exchanges between the countries. Owing to business collaborations and shared initiatives, numerous Azerbaijanis engage with Turkish companies and agencies, which in turn, encourages the learning of the Turkish language.

The significance of the Turkish language in Azerbaijan can be characterized by the following aspects:

Linguistic Affinity: Azerbaijani and Turkish are both part of the Turkic language family, rendering them mutually comprehensible up to a certain point. Nevertheless, variations in vocabulary, grammar, and pronunciation persist.

Education: Several Turkish educational institutions operate within Azerbaijan. For instance, Turkish lyceums provide top-tier education, with numerous graduates proceeding to pursue higher education in Turkey. Examples of these lyceums are the Baku Turkish Lyceum "Turkiye Diyanet Vakfı" and the "Anadolu" Turkish Lyceum. The Qafqaz University in Baku stood out as a prominent university established with Turkish backing. It was the pinnacle of the educational consortium belonging to the Çağ Holding (Çağ Öyrətim İşlətmələri), instrumental in bolstering scientific and cultural relations between Azerbaijan and Turkey. It was, however, shut down in 2017.

Educational Programs: Reciprocal scholarships and programs, encompassing student exchanges, further augment the linguistic bonds. Azerbaijani students who study in Turkey not only attain proficiency in the Turkish language but also act as cultural bridges between the two countries.

Language Proficiency: While Azerbaijanis and Turks can comprehend each other to some degree without formally learning each other's languages, Turkish is neither native nor prevalent in daily life in Azerbaijan. However, numerous Azerbaijanis opt to learn Turkish, particularly those aspiring to study or work in Turkey.

Cultural and Media Relations: Turkish television shows, series, movies, and music enjoy significant popularity in Azerbaijan, thereby aiding the proliferation of the Turkish language. These media sources not only serve as entertainment but also as valuable linguistic tools, especially among the youth.

Tourism: Turkey is a favored destination for Azerbaijani tourists. This popularity fosters an increased interest in the Turkish language, especially among frequent travelers or those with familial connections in Turkey.

Turkish Cultural Centers: Azerbaijan houses several cultural centers endorsed by Turkey.

These centers orchestrate a myriad of events, offer Turkish language courses, and curate cultural programs. Their presence is instrumental in the promotion of Turkish language and culture in Azerbaijan. In this context, the Yunus Emre Institute in Baku stands out significantly. The core missions of this institute encompass the promotion of the Turkish language, history, culture, and arts. It also facilitates access to information and documents in this domain and extends services to those wishing to immerse themselves in Turkish language, arts, and culture studies. Furthermore, the institute endeavors to enhance Turkey's cultural exchange with other nations.

In conclusion, we can note the following, even though Turkish isn't an official or commonly spoken language in Azerbaijan, its significance and sway in the nation have been escalating, attributable to the profound cultural, economic, and diplomatic connections between Azerbaijan and Turkey.

3.3.4. The French and German Languages in the Republic of Azerbaijan

Both French and German, being among the most widely spoken languages in Europe, hold a unique position in Azerbaijan's linguistic landscape. The prominence of these languages can be attributed to the cultural, economic, and political interactions between Azerbaijan and Western European nations.

The German culture and population significantly influenced Azerbaijan, particularly during the 19th and early 20th centuries. This has resulted in a sustained interest in learning German, which continues today.

Presently, the country boasts schools and courses that offer instruction in both German and French. Additionally, there are centers dedicated to cultural exchange.

The Deputy Minister of Education, Firudin Gurbanov, states that 59,947 students are studying French as a foreign language across 345 secondary educational institutions in Azerbaijan. French is also part of the curriculum in specialized departments of seven higher educational institutions. The Hugo Center for French Language and Culture, situated within the Baku Slavic University, and the French Information Center at the Azerbaijan University of Languages both play pivotal roles in promoting the in-depth study of French language and literature in the country. From 2015 to 2018, as part of the Sabah program, French was taught by experts with support from the French Embassy. The Baku French Lyceum, established in 2011 through a joint initiative by the Presidents of France and Azerbaijan, currently educates 150 students and has been operating successfully. Moreover, the Azerbaijani-French University has an enrollment of over 400 students ("Azərbaycan məktəblərində fransız dili yüksək səviyyədə tədris edilir" - Orelia Bugez 2019).

The German language enjoys particular demand among medical professionals, especially doctors, in the Republic of Azerbaijan. A considerable number of citizens aspire to migrate to Germany, underlining the strong interest in the nation. It's noteworthy that German serves as the official language in several European countries, allowing those proficient in the language to freely reside and work across multiple nations.

In educational institutions where English is the primary foreign language, Russian often serves as the secondary choice. Notably, there are institutions in the country where both German and French can act as the primary or supplemental foreign languages. However, such educational institutions are represented in a limited number (К каким иностранным языкам проявляют интерес азербайджанские школьники? 2018).

3.3.5. Arabic and Persian Languages in the Republic of Azerbaijan.

The Republic of Azerbaijan, owing to its unique geographical position, has historically served as a bridge between the East and the West. This strategic location facilitated intense cultural and linguistic exchanges, particularly with neighboring regions of the Middle East and Central Asia. Within this framework, both the Arabic and Persian languages have secured a distinctive position in Azerbaijan's cultural and historical landscape.

The Arabic language has profoundly influenced the linguistic and cultural history of Azerbaijan, most notably during the Arab dominion in the early Middle Ages. Azerbaijani literature, science, and art extensively employed the Arabic script. In Azerbaijan's contemporary education system, Arabic is offered in religious institutions and specialized university departments. The Rector of the Azerbaijan Institute of Theology emphasized the institution's commitment to Arabic instruction, facilitating in-depth studies in theological sciences and fostering research in this domain (Safarova 2019).

The Persian language boasts deep historical ties to Azerbaijan. Throughout the epochs of various Persian dynasties, Persian language and culture profoundly shaped Azerbaijani traditions. Numerous classical Azerbaijani literary works are composed in Persian. In the Republic of Azerbaijan, Persian is imparted as a foreign language in tertiary institutions and select secondary schools. It also plays a role in cultural and academic interactions. As per the Ministry of Science and Education, two schools in Azerbaijan offer Persian as a foreign language curriculum. Nonetheless, the republic lacks any wholly Persian-medium secondary institutions (Azərbaycandakı iki məktəbdə fars dili tədris olunur 2023).

4. Conclusion

Language regulation and planning are pivotal to the language policy of the Republic of Azerbaijan. Advocating for and fostering the Azerbaijani language as the official state language is crucial not just for safeguarding national identity and cultural heritage but also for the nation's integration into the global community.

The government undertakes initiatives to fortify the status of the Azerbaijani language across all facets of public life, ensuring its utilization in formal contexts, educational establishments, the media, and beyond. Concurrently, Azerbaijani leadership recognizes the significance of promoting multilingualism. Indeed, multilingualism serves as a conduit for broadening international dialogue, facilitating cultural and scientific exchanges, and anchoring peace and stability in the region.

Nonetheless, endorsing multilingualism doesn't diminish the prominence of the Azerbaijani language. Rather, it underscores Azerbaijan's strategic insight into the imperative of honing the linguistic aptitude of its populace, enriching them with the requisite knowledge and prowess for active engagement in an increasingly globalized world.

To encapsulate, language regulation and planning endeavors in Azerbaijan have illuminated that striking a balance between conserving the national language and integrating foreign languages is feasible. This reaffirms the significance of language policy as an instrument that underpins social advancement, integration, and cross-cultural comprehension.

Библиография

1. Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. 312 с.
2. Алпатов В. М. Языковая политика в России и мире, с. 11-24 // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция (Москва,

- 16–19 сентября 2014): Доклады и сообщения / Отв. ред. А.Н.Биткеева, В.Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. — М., 2014. — 637 с
3. Гарибова Д. Русский язык в Азербайджане: меняющиеся практики и формирующиеся парадигмы. В А. Мустайоки, Э., 2019
4. Москвичева С., Абдуллаев Р. Векторы и ключевые факторы динамики языков в системе среднего образования Азербайджанской Республики в 1990-2020 гг. // Международный электронный журнал достижений в области образования, Cilt 6, 18 сентября 2020 г., 365-372 <https://doi.org/10.18768/ijaedu.819371>
5. Исаханли Г.: "вы не увидите двух грузин, говорящих по-русски, а азербайджанцев..." / / Каспийские новости, № 366, 2017, стр. 22-25 (азерб. яз.)
6. Белл, Р.Т. Социоллингвистика : Цели, методы и пробл. [Пер. с англ.] / Роджер Т. Белл; [Предисл. А. Д. Швейцера, с. 5-22].-Москва : Междунар. отношения, 1980.- 318 с.
7. Государственный комитет Азербайджанской Республики по статистике [Электронный ресурс] URL: <https://www.stat.gov.az/?lang=az> (дата обращения: 20.03.2024)
8. Википедия. Христианство в Азербайджане [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%B2_%D0%90%D0%B7%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D0%B5#cite_note-8 (дата обращения: 20.03.2024)
9. Толлефсон, Дж.У. Язык планирования, планирования неравенство. Лондон: Лонгман. 1991
10. Истман, С. Языковое планирование: Введение. Сан-Франциско: Chandler & Sharp. 1983.
11. Раннот М. Пособие по языковой политике. Таллин, 2004.
12. В Азербайджане к национальным и религиозным меньшинствам относятся как к равноправным гражданам. Правительство постоянно акцентирует внимание на принципах "Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств" / / параллель.-2018.-3-5 марта.-№ 42.-С.10. [Электронный ресурс] URL: https://www.elibrary.az/docs/qazet/qzt2018_1124.htm (дата обращения: 20.03.2024)
13. Суни, Рональд и другие, "Армения, Азербайджан и Грузия". Издательство "ДИАНА Паблишинг", 1996; С. 103 [Электронный ресурс] URL:http://tale.loc.gov/storage-services/master/ford/frd_cstdy/ar/armeniaazerbaija00curt/armeniaazerbaija00curt.pdf (дата обращения 20.03.2024)
14. Абдуллаев Р., Гасанов М. Языковая незащищенность выпускников азербайджанских школ, проживающих в Российской Федерации: методологические вопросы для обсуждения // Материалы EDULEARN21, 2021, стр. 6086-6092.
15. Кавказские исследовательские ресурсные центры. Знание русского языка в Азербайджане. 2014. [Электронный ресурс] URL:<http://ccrc-Кавказ.blogspot.com/2014/04/knowledge-of-russian-in-azerbaijan.html>. (дата подачи заявки: 20.03.2024)
16. Искандерова Н. Востребован, но не хватает кадров: русский язык в Азербайджане 2023 [Электронный ресурс] URL: <https://az.sputniknews.ru/20230606/vostrebovan-no-ne-khvataet-kadrov-russkiy-yazyk-v-azerbaydzhane--455652643.html> (дата обращения: 20.03.2024)
17. Кязимова С. Руководитель представительства Россотрудничества в Азербайджане Ирек Зиннуров: В последнее время в России растёт интерес к азербайджанскому

- языку 2022 [Электронный ресурс] URL: https://moscow-baku.ru/news/society/rukovoditel_predstavitelstva_rossotrudnichestva_v_azerbaydzhan_e_irek_zinnurov_v_poslednee_vremya_v_r/ (дата обращения: 20.03.2024)
18. Маргарита Русецкая: "В Азербайджане русский язык увереннее всего себя чувствует в сфере научной коммуникации" 2022 [Электронный ресурс] URL: <https://vestikavkaza.ru/interview/margarita-ruseckaa-v-azerbajdzane-russkij-azyk-uverennee-vsego-seba-cuvstvuet-v-sfere-naucnoj-kommunikacii.html> (дата обращения: 20.03.2024)
 19. Назимкызы Г. Почему в Азербайджане не открываются англоязычные школы? 2022 [Электронный ресурс] URL: <https://anews.az/az/azerbaycanda-niye-ingilis-dili-mektebler-acilmir-nazir-cavabladl/> (дата обращения: 20.03.2024)
 20. Рамизгызлы Л. Самые дорогие школы Баку: 61 000 AZN в год. 2019 [Электронный ресурс] URL: https://ru.baku.ws/hot_news/106628 (дата обращения: 20.03.2024)
 21. Бакинский американский центр приступил к деятельности после ремонта. 2014 [Электронный ресурс] URL: https://azertag.az/ru/xeber/Bakinskii_amerikanskii_centristupil_k_deyatelnosti_posle_remonta-795789 (дата обращения: 20.03.2024)
 22. "Французский язык преподается в азербайджанских школах на высоком уровне"- Орелия Бушез. 2019 [Электронный ресурс] URL: <https://hafta.az/-azerbaycan-mekteblerinde-fransiz-dili-yukse-seviyyede-tedris-edilir--234140-xeber.html> (дата обращения: 20.03.2024)
 23. К каким иностранным языкам проявляют интерес азербайджанские школьники? 2018 [Электронный ресурс] URL: <https://1news.az/news/20181113124603432-K-kakim-inostrannym-yazykam-proyavlyayut-interes-azerbaidzhanskie-shkolniki> (дата обращения: 20.03.2024)
 24. Сафарова С. В Азербайджанском институте теологии прошел семинар, посвященный Международному дню арабского языка. 2019 [Электронный ресурс] URL: <https://aztehsil.com/news/10105-a-de-beynelxalq-ereb-dili-gunune-hesr-olunmus-seminar-kecirilib.html> (дата обращения: 20.03.2024)
 25. Персидский язык преподается в двух школах Азербайджана. 2023 [Электронный ресурс] URL: <https://modern.az/tehsil/400732/azerbaycandaki-iki-mektebde-fars-dili-tedrisolunur> (дата обращения: 20.03.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Поддерживаемые государством языковые стратегии в Азербайджане: продвижение азербайджанского и многоязычных инициатив», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», представлена на английском языке, несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению истории развития национальных языков стран, получивших независимость после распада Советского Союза. С учетом того, что национальные языки стали государственными, были созданы благоприятные условия, способствующих развитию и эффективности функционирования государственных языков в сферах официально-деловой коммуникации.

В рецензируемой статье автор рассматривает языковое регулирование в Азербайджане,

оценивает его роль в сохранении и продвижении азербайджанского языка, а также в укреплении многоязычия внутри страны. Автор оценивает стратегии, реализуемые для сохранения и приумножения национального языка, и изучает роль государства в поддержке других языков, на которых говорят в Азербайджане.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Автор прибегал к комплексным и аналитическим методам, включая системный подход, анализ, аналогию, синтез и моделирование, а также социолингвистические методы и статистические.

Практическим материалом работы послужили тексты юридического характера. К сожалению, в работе автор не указывает объем практического материала отобранного для проведения исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 25 источников, среди которых представлены работы как отечественных, так и зарубежных исследователей.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвященным связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Поддерживаемые государством языковые стратегии в Азербайджане: продвижение азербайджанского и многоязычных инициатив» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Долгополова Л.А., Мустафаева А.Х. Изменение функционирования артикля в истории немецкого языка // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70312 EDN: PXFRKM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70312

Изменение функционирования артикля в истории немецкого языка

Долгополова Лилия Анатольевна

ORCID: 0000-0003-1327-2454

доктор филологических наук

профессор, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

295044, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Бастионная, 41, оф. –

✉ lilian2000@mail.ru

Мустафаева Алие Хайрединовна

старший преподаватель, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

295015, Россия, республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, 8, оф. –

✉ alie_mail@mail.ru

[Статья из рубрики "Грамматика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70312

EDN:

PXFRKM

Дата направления статьи в редакцию:

27-03-2024

Дата публикации:

03-04-2024

Аннотация: Предметом исследования являются исторические изменения синтаксического строя немецкого языка; объектом исследования - артикли. Авторы подробно рассматривают употребление определенного, неопределенного и нулевого

артиклей на материале фрагмента Евангелии Луки, которые были опубликованы в различные периоды немецкого языка: текст Татиана, перевод Мартина Лютера, выполненный в 1545 году; адаптированная версия перевода Лютера, опубликованная в 2017 году и облегченный электронный вариант, созданный в результате отклонения от канонического перевода. Особое внимание уделяется частотности употребления артиклей, причинам роста или уменьшения их употребления, а также другим средствам детерминации. Установлено, что современный электронный текст показывает тенденцию к уменьшению именных групп, что соответственно приводит к уменьшению и артиклей. Тенденция к уменьшению нулевого артикля проявляется к ранненововерхненемецкому периоду; современном немецком языке наблюдается вытеснение определенного артикля. Методологическая основа базируется на системном подходе к интерпретации явлений языковой онтологии в диахронии. Методами исследования являются сравнительно-исторический анализ, метод дистрибутивного анализа, количественный анализ, приемы теории управления и связывания Н. Хомского. Основными выводами предлагаемого исследования являются выявленные исторические процессы в системе артиклей немецкого языка. Установлено, что на раннем этапе развития языка в текстах доминировал нулевой артикль, что значительно сужало проявление детерминации. Основная нагрузка в этот период приходилась на притяжательные именные группы, куда входили в первую очередь имена собственные. Определенный артикль употреблялся гораздо реже. В именных группах, являющихся частью предложной группы, преимущественно употреблялся нулевой артикль, что со временем привело к созданию устойчивых предложных конструкций с нулевым артиклем. Наибольшее количество всех видов артиклей приходится на адаптированный к современному грамматическому строю немецкого языка перевод Лютера, что связано с максимальным употреблением именных групп. Новым является установление в современном немецком языке тенденции к уменьшению нулевого и определенного артиклей.

Ключевые слова:

категория определенности, нулевой артикль, определенный артикль, неопределенный артикль, именная группа, предложная группа, инфинитив датив, Библия, древненоверхненемецкий, категория неопределенности

Введение

Язык находится в постоянном развитии, которое сопровождается изменениями на всех языковых уровнях, в том числе и на грамматическом. Это связано с непрерывным процессом познания окружающего мира, в результате которого мы получаем новые знания о предметах, явлениях; о связях и взаимоотношениях между ними. Меняются наши представления о мире, подвергаются изменениям и средства их вербализации.

Отечественная и зарубежная лингвистика уделяла и продолжает уделять большое внимание историческим изменениям грамматических явлений, знаменательных частей речи, представляющих собой значительный пласт языкового богатства. В то же время за рамками исследований нередко остаются лексико-грамматические классы, которые традиционно относят к служебным частям речи. Их количество и сущность определяется грамматическим строем конкретного языка. Так во многих современных европейских языках присутствуют артикли, выполняющие в первую очередь функцию маркера категории определенности / неопределенности.

Целью нашего исследования является установление особенностей употребления артиклей в истории немецкого языка. Как объект исторического исследования, артикли немецкого языка представляют собой достаточно интересное явление, поскольку их становление пришлось на ранние этапы письменного периода. Этот факт позволяет отследить эволюцию артиклей и установить основные тенденции их дальнейшего употребления.

Методология

Теоретической базой интерпретации грамматического статуса артикля послужили, прежде всего, фундаментальные работы отечественных лингвистов В. Г. Адмони и В. М. Жирмунского, зарубежных – Г. Пауля, а также наработки современных исследователей Е. В. Горбуновой, Р. В. Жаворонковой и др.

Практическая часть исследования базируется на материале Евангелия Луки, опубликованного на немецком языке в различные периоды его развития. Для иллюстрации примеров используется также Синодальный перевод текста на русский язык.

Исследование и результаты

Традиционно в лингвистике артикль рассматривается как маркер категории определенности/неопределенности ряда современных языков [19; 20], которую характеризуют как грамматическую [20], функционально-семантическую [11] и текстологическую [12], коммуникативно-грамматическую [8]. С самого начала в германистике выделяли две формы выражения – определенный и неопределенный артикль; со временем эта оппозиция становится трехчленной за счет включения в нее нулевого артикля [4; 7]. Сегодня в современных лингвистических работах понятие артикля употребляется узким и в широком значениях. В первом случае речь идет о двух его видах – определенном и неопределенном – как средств выражения категории определенности / неопределенности.

При широком понимании артикля мы говорим о словах, которые выполняют функцию детерминации и участвуют совместно с существительным в образовании номинальной фразы [16]. Такое толкование позволяет включать в группу артиклей любую словоформу или морфему, которые сопровождают существительное, выражая при этом определенные грамматические значения. Таким образом в этой группе оказываются определенные/неопределенные артикли, W-артикли, демонстративы, поссессивы и др. В современных грамматиках они известны под именем *Artikelwörter*, *Determinativ*, *Determinierer*, *Determinator* [16].

Наибольшее количество исследований в последние десятилетия пришлось на выявление функционального потенциала артиклей. К традиционно приписываемым функциям генерализации/индивидуализации за последние десятилетия добавлены такие функции, как передача видовой семантики [1], индивидуализация, классификация, отвлечение (абстракция) [3], текстообразующая функция [5], эмоционально-выделительная [10] и др. Данный факт свидетельствует о полифункциональном характере артиклей, который проявляется непосредственно на текстовом уровне.

Материалом нашего исследования является текст *Евангелия от Луки, Глава 1: 1-45* в следующих публикациях:

- *Tatian*: Lateinisch und altdeutsch mit ausführlichem Glossar, second edition (далее – Т): евангельская гармония, составленная предположительно во II веке н.э. сирийцем Татианом на сирийском языке; позже переведена с латинского языка на восточнофранкский диалект около 830 г. Текст относится к древневерхненемецкому периоду и является исходным для нашего исследования [\[17\]](#);

- *Lutherbibel 1545* (далее – LB 1545): перевод Библии на немецкий язык, осуществленный Мартином Лютером и опубликованное в полном издании Библии *Biblia Deudsch* под его редакцией в 1545 году. Текст создан в ранненововерхненемецкий период [\[21\]](#);

- *Lutherbibel 2017* (далее – LB 2017): современная редакция Библии Лютера, адаптированная к нормам современного немецкого языка [\[15\]](#). В результате адаптации произошла замена старых грамматических форм новыми;

- *BibleGateway* (далее – BG): евангельский христианский веб-сайт с адаптированным для легкого чтения и понимания текстом Библии на различных языках [\[14\]](#);

- *Новый завет. Синодальный перевод*. Текст Евангелия от Луки, Глава 1: 1-45 на русском языке; используется нами для иллюстрации примеров на русском языке [\[9\]](#).

Предварительный анализ текстов показал, что для передачи одной и той же ситуации в разные периоды истории немецкого языка употребление артиклей могло не совпадать, что наглядно показывают следующие фрагменты:

Tatian:

1,1. Uuas in Ø tagun *Herodes thes* cuninges Iudeno *sumer* biscof Ø namen Zacharias fon *themo* uuehsale Abiases intin quena *imo* fon Aarones tohterun inti *ira* namo uuas Elisabeth [\[17\]](#).

Lutherbibel 1545:

5. ZV *der* zeit Herodis *des* Königes Jüdee / war *ein* Priester von *der* ordnung Abia / mit Ø namen Zacharias / vnd *sein* Weib von *den* töchtern Aaron / welche hies Elisabeth [\[21\]](#).

Lutherbibel 2017:

5. Zu *der* Zeit *des* Herodes, *des* Königs von Judäa, lebte *ein* Priester von *der* Ordnung Abija mit Ø Namen Zacharias, und *seine* Frau war von *den* Töchtern Aaron, die hieß Elisabeth [\[15\]](#).

BibleGateway:

5. Als Herodes Ø König von Judäa war, lebte dort *ein* Priester namens Zacharias. Er gehörte zur Dienstgruppe Abija. Wie Zacharias stammte auch seine Frau Elisabeth aus *der* Familie von Aaron [\[14\]](#).

Новый завет:

5. 'Во дни Ирода, царя Иудейского, был священник из Авиевой чреды, именем Захария, и жена его из рода Ааронова, имя ей Елисавета' [\[9\]](#).

В тексте *Tatian* использовано 14 существительных, среди них 6 имен собственных. Как правило, имена собственные ограничено употребляются с определенным /

неопределенным артиклем. В рассматриваемом нами фрагменте 5 имен собственных образуют посессивную именную группу и сами выступают детерминаторами, обозначая субъекта обладания: *in Ø tagun Herodes, thes cuninges Iudeno, Ø namen Zacharias, fon themo uuehsale Abiases, fon Aarones tohterun*: [NP N1 [D N2]].

Имя собственное *Elisabeth* выполняет функцию предикатива, которые также употребляются чаще всего с нулевым артиклем: *ira namo uuas Elisabeth*: [VP Vf Pr].

Среди оставшихся нарицательных существительных наблюдаем применение следующих видов детерминаторов: 2 именные группы с определенным артиклем, 2 – с нулевым артиклем, 2 – с посессивными местоимениями и 1 – с неопределенным местоимением.

Именные группы с определенным артиклем: *thes cuninges* и *fonthemo uuehsale Abiases*. В первом случае мы имеем дело с оформлением группы существительного в родительном падеже, где речь идет о конкретном лице – Ироде, царе Иудейском.

В примере *fonthemo uuehsale Abiases* артикль сопровождает группу существительного *uuehsale* 'чреда' в дательном падеже с предлогом *fon* 'из Авиевой чреды', где также указывается известный род по имени главы Авии, потомка первосвященника Аарона: [pp P [NP DA [NP N1 [NP D N]]]].

Именные группы с нулевым артиклем: *in Ø tagun, sumer biscof Ø namen Zacharias*. По своим грамматическим характеристикам обе группы неравнозначны. Первая именная группа входит, с одной стороны, в предложную группу с предлогом *in*, с другой стороны – именную притяжательную группу с именем собственным *Herodes* 'Во дни Ирода': [pp P [NP Ø [NP N1 [NP D N2]]]].

Именная группа *namen Zacharias* также является частью предыдущей именной группы и выступает ее определением: (*sumer biscof*) *Ø namen Zacharias* 'священник ... именем Захария': [NP D [NP N1][NP Ø N2 [NP D N3]]].

Детерминаторами (Det) других именных групп выступают неопределенное местоимение *sumer* 'некий': *sumer biscof* 'священник', посессивные местоимения *imo* 'его': *quena imo* 'его жена' и *ira* 'ее': *ira namo* 'ее имя'.

Таким образом, основную нагрузку детерминации в этом фрагменте выполняют имена собственные, отсылающие реципиента к известным лицам, либо притяжательные местоимения, которые коррелируют с субъектами описываемой ситуации. В целом отмечаем равномерное (по 2 случая) употребления определенного и нулевого артикля.

В переводе Мартина Лютера *Lutherbibel 1545* задействовано 13 существительных, из них – 6 имен собственных, употребление которых полностью совпадает с текстом *Tatian*. Единственное отличие – перемещение имени *Aaron* в постпозицию определяемого существительного: *den töchtern Aaron*.

Во фрагменте отмечаем 4 случая употребления определенного артикля:

- ZV *der zeit Herodisdes Königes Jüdee* 'во времена/дни царя Иудейского'. Определенный артикль в двух случаях сопровождает существительные с детерминативом-именем собственным и входит в предложную группу: [pp P [NP DA [NP N1 [NP D N2]] [NP DA [N3 [NP D N4]]]]. Артикль в первой именной группе указывает на конкретные исторические временные рамки, во второй – на конкретную личность;

- *von der ordnung Abia*, 'из Авиевой чреды' и *von den töchtern Aaron*; 'из рода/дочерей Ааронова' где именная группа с детерминативом-именем собственным также является частью предложной группы [pp P [NP DA [NP N₁ [NP D N₂]]].

Отмечаем также наличие использования одного неопределенного артикля: *ein Priester* (некий/один из) священник', где артикль входит в именную группу с существительным в роли предикатива: *war ein Priester*: [vp Vf Ø N], обозначающим лицо, которое ранее не упоминалось. Артикль в данном случае выполняет функцию маркера ремы в высказывании.

Нулевой артикль: *mit Ø namen Zacharias* 'именем Захария', где существительное с нулевым артиклем и именем собственным в роли детерминатора входят в предложную группу: [pp P [NP Ø N₁ [NP D N₂]]].

В отличии от раннего текста отмечаем увеличение использования определенного артикля с абстрактным существительным 'времена' и именной группы, куда входят титул 'царь' и топоним 'Иудейский'. Новым является употребление неопределенного артикля, который, как считают, сформировался в средневерхненемецкий период [6, с. 207-208; 2, с. 39]. В тексте встречается только один детерминатор – притяжательное местоимение *sein* 'его': *sein Weib*.

Стоит отметить, что сохраняется преобладание детерминации именами собственными в родительном падеже, в то же время вдвое увеличивается число употреблений определенного артикля в именных группах с притяжательными именами собственными. При этом именные группы входят в предложные группы с предлогами *zu* и *von*. Неопределенный артикль входит в именную группу, где существительное является предикативом; нулевой артикль участвует в формировании именной группы с детерминативом-именем существительным, которая является частью предложной группы.

В новой версии Библии Лютера *Lutherbibel 2017* синтаксис оригинала, в том числе и распределение артиклей, сохраняется, что соответствует основному принципу перевода и адаптации библейских текстов, не допускающих какого-либо отклонения в передаче священного слова. Отметим, однако, употребление определенного артикля с именем собственным *des Herodes*, где артикль усиливает указание на конкретное лицо: *Zu der Zeit des Herodes, des Königs von Judäa* [pp P [NP DA [NP N₁ [NP DA N₂]]] → [NP DA [NP N₁ [NP D N₂]]].

В тексте христианского сайта *BibleGateway* функционируют всего 11 имен существительных, среди которых количество имен собственных количество остается прежнем – 6. Их синтаксическая роль также не меняется. Кроме того, имя *Elisabeth* из предикатива *hieß Elisabeth* (LB 2017) становится детерминатором *seine Frau Elisabeth*: [vp Vf Pr] → [NP D [NP N₁ [D N₂]]].

Число именных групп в тексте сокращается следующим образом:

- сложная именная группа в функции обстоятельства времени *Zu der Zeit des Herodes, des Königs von Judäa* заменяется зависимой клаузой *Als Herodes König von Judäa war*. В результате трансформации происходит опущение именной группы *Zu der Zeit* 'во времена' [pp P [NP DA [NP N₁ [NP DA N₂]]] [NP DA [NP N₃ [NP D N₄]]] → [S C [NP N₁ [NP N₂ [pp P N₃] vp Vf]]];

- именная группа, входящая в состав предложной группы *mit Ø Namen Zacharias* (LB 2017) заменяется застывшей генитивной формой *namens*, которая в результате грамматикализации становится наречием: *namens Zacharias*. Это приводит к упрощению синтаксической структуры в целом:

$[PP [NP \emptyset N_1[NP N_2]]] \rightarrow [NP Adv N]$.

Следует также отметить изменение оформления именной группы с существительным *König*, где в отличие от ранних текстов употребляется нулевой артикль, ср.: *des Königs von Judäa* (LB 2017) / *Ø König von Judäa* (BG). Данный факт мы связываем с трансформацией синтаксической роли именной клаузы с существительным *König*, которое становится предикативом:

$[NP D N_1[PP P [NP N_2]]] \rightarrow [VP Vf [NP \emptyset N_1 [PP P N_3]]]$

Рассмотрим еще один фрагмент текста.

Tatian:

3. Uuad thô, mit thi u her in Ø biscofheite giordinot uuas in Ø antreitu sines uuehsales fora Ø gote, after Ø giuonu thes biscofheites, in Ø lôzze framgieng, thaz her Ø uuihrouh branti ingangenti in gotes tempal, inti al thi u menigi uuas thes folkes ûzze betonti in thero ziti thes rouhennes [\[17\]](#).

Lutherbibel 1545:

8 VND es begab sich / da er Ø Priestersampt pfleget fur Ø Gote / zur zeit seiner Ordnung

9 nach Ø gewonheit des Priesterthums / vnd an jm war / das er reuchern solt / gieng er in den Tempel des HERRN

10 Vnd die gantze menge des Volcks war haussen vnd betet /vnter der stunde des Reuchens [\[21\]](#).

Lutherbibel 2017:

8 Und es begab sich, als Zacharias den Priesterdienst vor Ø Gott versah, da seine Ordnung an der Reihe war,

9 dass ihn nach dem Brauch der Priesterschaft das Los traf, das Räucheropfer darzubringen; und er ging in den Tempel des Herrn.

10 Und die ganze Menge des Volkes betete draußen zur Stunde des Räucheropfers [\[15\]](#).

BibleGateway:

8 Wieder einmal tat Zacharias *seinen* Dienst als Ø Priester vor Ø Gott, weil die Gruppe Abija an der Reihe war.

9 Wie üblich wurde ausgelost, wer zur Ehre Gottes im Tempel den Weihrauch anzünden sollte. Das Los fiel auf Zacharias.

10 Er betrat den Tempel, während die Volksmenge draußen betete [\[14\]](#).

Новый завет:

8 Однажды, когда он в порядке своей чреды служил пред Богом,

9 по жребию, как обыкновенно было у священников, досталось ему войти в храм Господень для каждения,

10 а всё множество народа молилось вне во время каждения [\[9\]](#).

В тексте *Tatian* употребляются 14 нарицательных существительных, одно из них – *biscofheite* – употребляется дважды. В первом случае *in* Ø *biscofheite* в именной группе, входящей в предложную группу с *i* *n* участвует нулевой артикль, во втором – существительное образует притяжательную именную группу с определенным артиклем: *thes biscofheites*. Очевидно, что нулевой артикль выполняет функцию маркера ремы в первом случае и темы – во втором, что характерно для средств выражения категории определенности / неопределенности.

Всего во фрагменте встречаются 6 случаев использования нулевого артикля, 5 – определенного артикля; в качестве детерминаторов участвуют посессивное местоимение *sines uuehsales* 'своей чреды' и существительное в родительном падеже *in gotes tempal* 'в храм Господень'. Отметим, что нулевой артикль встречается преимущественно в предложных группах, чаще всего с предлогом *in*: *in* Ø *biscofheite* 'у священников / в священнослужительстве', *in* Ø *antreitu sines uuehsales* 'в порядке своей чреды', *in* Ø *lôzze* 'по жребию', а также с предлогом *fora* Ø *gote* 'пред Богом' и *after* Ø *giuuonu* 'как обыкновенно': [PP P [NP Ø N]]. В выражении *Øuuihrouh (branti)* '(курить) фимиам' нулевой артикль сопровождает именную группу, входящую в глагольную группу.

Как мы видим, речь большей частью идет об абстрактных понятиях – *очередь*, *священнослужительство*, *порядок*, *жребий*, *обыкновение*, *фимиам*.

Вероятно, что массовое отсутствие в древневерхненемецкий период в предложных группах определенного артикля со временем привело к возникновению в немецком языке устойчивых предложных групп с нулевым артиклем. Этот факт в свое время отмечал В. М. Жирмунский [\[6, с. 208\]](#).

Что касается использования определенного артикля, то кроме рассмотренного нами выше случая, он употребляется также с собирательным существительным *толпа*: *a l thiū menigi* 'всё множество', где артикль усиливает определительное местоимение *a l* 'весь' в сочетании с собирательным существительным *народ*: *thes folkes*; с абстрактным именем *время*: *thero ziti* 'во время'.

Выделим именную группу, которую образует инфинитив в притяжательном (родительном) падеже и определенный артикль: *thes rouhennes* ' (во время) каждения', выполняющую роль определения другой именной группы: *in thero ziti thes rouhennes* [pp P[NP D N₁[NP D Vinfg/N₂]]].

В общегерманский период выделяют от четырех до восьми падежей инфинитива [\[13, с. 39\]](#). Из них только четыре отмечаются во всех германских языках: *номинатив*, *генитив*, *датив* и *аккузатив*; в древневерхненемецкий период некоторое время сохраняется также *инструменталис*. Наличие данных форм свидетельствует о том, что инфинитив на тот момент представлял собой гибридную глагольно-именную форму, что затрудняет его частеречную идентификацию.

Известно, что родительный падеж имен существительных выступает в качестве

приименной, приглагольной и приадъективной формы [18]. Он стоит также при числительных, вопросительных местоимениях, отрицаниях и т. д. [2, с. 43]. В нашем случае с инфинитивом реализуется его приименное употребление, а определенный артикль указывает на хорошо известное церковное действие. Отметим, что в древневерхненемецкий период более распространенным являлось приглагольное употребление инфинитива генитива. Этому способствовало наличие в языке группы глаголов с генитивным управлением *giniozan* 'вкушать, наслаждаться', *geban* 'давать', *gilusten* 'доставлять радость', *jehan* 'говорить, признавать', *antworten* 'отвечать'.

Утрата генитивной формы инфинитива в целом происходит в двух направлениях. Во-первых, приглагольный генитив, служащий для обозначения отношения принадлежности между целым и его частью (разделительный генитив или партитив), вытесняется, как правило, формой аккузатива инфинитива. Причиной является переосмысление глаголов, которое привело к развитию новых валентных отношений. Во-вторых, форма родительного падежа инфинитива со значением принадлежности вытесняется причастием I и II.

Сближение обеих глагольных форм – инфинитива и причастия – происходит в средневерхненемецкий период. В нововверхненемецком из генитивных форм инфинитива *nemannes* и *gebennes* развиваются формы *nemens* и *gebens* [6, с. 274].

Lutherbibel 1545. В Библии Мартина Лютера встречаются 12 существительных, в именные группы которых входят два типа артиклей, среди которых 3 случая употребления нулевого, 8 – определенного; присутствует также 1 притяжательное местоимение в функции детерминатора.

Использование нулевого артикля совпадает в трех случаях с фрагментом *Tatian*: в именной группе с существительным в аккузативе $\emptyset$ *Priestersampt* (*pfleget*) 'священнослужительство (выполнять / осуществлять)' [VP [NP $\emptyset$ N] Vf]; в двух предложных группах – *fur* $\emptyset$ *Gote* 'пред Богом', *nach* $\emptyset$ *gewonheit* 'как обыкновенно'.

Именные группы *in* $\emptyset$ *antreitu sines uuehsales* (T) 'в порядке (чреды)' и $\emptyset$ *uuihrouh* (*branti*) '(курить) фимиам'(T) в тексте Лютера заменяется глагольной группой *vnd an jm war*, либо глаголом *reuchern*: *das er reuchern solt*, что приводит к исключению в обоих случаях именных групп:

in $\emptyset$ *antreitu sines uuehsales* (T) / *vnd an jm war* (LB 1545)

[_{PP} P [_{NP} $\emptyset$ N₁]][_{NP} D N₂] → [_{PP} P [_{VP} PPr Vf]]

$\emptyset$ *uuihrouh branti* (T) / *reuchern solt* (LB 1545)

[_{VP} [_{NP} $\emptyset$ N] Vf] → [_{VP} Vinf Vf]

Отметим также отсутствие в тексте Лютера предложной и именной групп *in* $\emptyset$ *lôzze* 'по жребию', что также приводит к сокращению употребления артиклей.

Совпадение именных групп с определенным артиклем в обоих текстах отмечается в 5 случаях: *thes biscofheites* (T) / *des Priesterthums* (LB 1545), *al thiū menigi thes folkes* (T) / *die gantze menge des Volcks* (LB 1545), *in therō ziti thes rouhennes* (T) / *vnter der stunde des Reuchens* (LB 1545). В последнем примере форма инфинитива генитива *thes rouhennes* (T) заменяется субстантивированным инфинитивом в родительном падеже *des Reuchens*:

$$[_{PP} P[_{NP} D N_1[_{NP} D V_{inf}/N_2]] \longrightarrow [_{PP} P[_{NP} D N_1[_{NP} D N_2]]]$$

В остальных случаях определенный артикль участвует в оформлении именной группы *in den Tempel des HERRN* 'в храм Господень' (Tatian – *gotes tempal*). В сочетании *zur zeit seiner Ordnung* 'во время своей чреды' вводится отсутствующий в раннем тексте определенный артикль в функции конкретизации.

Lutherbibel 2017. В обновленной версии библейского текста Лютера обнаруживаем 15 существительных, среди которых – имя собственное *Zacharias*, отсутствующее в ранних текстах. Распределение артиклей / детерминаторов происходит таким образом: 1 случай употребления нулевого артикля, 12 – определенного артикля, 1 – посессивного местимения. Нулевой артикль используется в именной группе, входящей в предложную *vor Ø Gott* 'перед Богом', что можно рассматривать как устоявшуюся архаичную конструкцию, либо как трансформацию лексемы *Gott* в уникальную, где допускается употребление определенного артикля перед определительным словом, напр., *der liebe Gott*.

Основным отличием употребления определенного артикля от предыдущих текстов касается именных групп с существительным *Priesterschaft* 'священнослужительство'. В текстах *Tatian* и *Lutherbibel 1545* данная лексема в первом употреблении выступает с нулевым артиклем в рематической функции, во втором – с определенным артиклем. В *Lutherbibel 2017* в обоих случаях встречаем определенный артикль: *den Priesterdienst* 'священнослужительство, (nach dem Brauch) der Priesterschaft' 'у священников / в священнослужестве'.

Определенный артикль в версии *Lutherbibel 2017* появляется в предложных именных группах, где в ранних версиях также употребляется нулевой артикль: *an der Reihe* 'в порядке своей чреды', *nach dem Brauch* 'по обыкновению'. Вероятно, что данные конструкции сложились уже в более позднее время, когда категория определенности / неопределенности в основном сформировалась и охватила весь лексический пласт языка.

Соответствие именной предложной группы *zur zeit* в позднем тексте отсутствует; в то же время вместе зависимой клаузы *das er reuchern solt* используется инфинитивная клауза, куда входит именная группа с определенным артиклем: *das Räucheropfer darzubringen* 'войти ... для каждения':

$$[s C [_{NP} PPr[_{VP} V_{inf} V_f]]] \longrightarrow [_{VP} [_{NP} D N] V_{inf}]$$

Отметим также появление именной группы с определенным артиклем *das Los* '(по) жребию', которое отсутствует в оригинальном переводе Лютера (LB 1545), но используется в самом раннем тексте (T).

BibleGateway. В облегченной версии текста используются 15 именных групп, среди которых дважды встречается имя собственное *Zacharias*: *tat Zacharias seinen Dienst* 'Захария нес свою службу', *auf Zacharias* 'на Захария', а также *Abija* 'Авия': *die Gruppe Abija* 'Авиева чреда'. В обоих случаях перед именами стоит нулевой артикль, что в целом характерно для грамматического строя современного немецкого языка, как и наличие нулевого артикля в именной группе с коннектором *als* (*seinen Dienst*) *als Ø Priester* 'как священнослужитель'.

Нулевой артикль расположен также в именной притяжательной группе с существительным *Gott*: (*zur Ehre*) *Ø Gottes*.

Среди отличных от предыдущих текстов употребление определенного артикля в именных группах *die Gruppe Abija* 'Авиева чреда' и *zur Ehre* 'в честь', которая в современном немецком языке имеет устойчивый характер. Обе группы в ранних текстах отсутствуют.

Кроме того, в рассматриваемом фрагменте отсутствует лексема, соответствующая форме инфинитива генитива *thes rouhennes* (Т).

Количественный анализ артиклей в анализируемых нами текстах свидетельствует о неравномерности употребления артиклей, которую мы отразили в таблице, где Ø – нулевой артикль, ОА – определенный артикль, НА – неопределенный артикль:

Таблица 1

**Употребление артиклей в Евангелия от Луки 1: 1-45
в разные периоды немецкого языка**

Tatian	Lutherbibel 1545	Lutherbibel 2017	BibleGateway
Ø – 47	Ø – 15	Ø – 12	Ø – 11
ОА – 28	ОА – 80	ОА – 91	ОА – 65
НА – 0	НА – 12	НА – 17	НА – 18
Всего: 75	Всего: 107	Всего: 120	Всего: 94

Как мы видим, в самом раннем тексте *Tatian* доминируют именные группы с нулевым артиклем; количество употребления именных групп с определенным артиклем значительно меньше; неопределенный артикль отсутствует. Согласно В. М. Жирмунскому неопределенный артикль появляется в древневерхненемецкий период, но является необязательным [\[6, с. 207\]](#).

В тексте *Lutherbibel 1545* наблюдаем значительное понижение употребления нулевого артикля на фоне роста именных групп с определенным артиклем, а также появление именных групп с неопределенным артиклем.

В адаптированной версии библии Лютера *Lutherbibel 2017* отмечается наибольшее количество именных групп с артиклями, среди которых – заметное увеличение употребления определенного артикля.

Облегченная версия текста *BibleGateway* показывает, с одной стороны, резкое понижение числа именных групп с определенным артиклем; в то же время показатели нулевого и неопределенного артикля в целом совпадают с текстом *Lutherbibel 2017*.

Разрыв между общим количеством артиклей текстов *Tatian* и *Lutherbibel 1545* объясняется тем, что в средневерхненемецкий период уже сложилась система артиклей и их употребление в ранненововерхненемецкий период, к которому относится *Lutherbibel 1545* стало обязательным; также в этот период дополнительно формируются новые функциональные возможности артикля.

Различие количества употребления определенного артикля текста *Lutherbibel 1545* и его адаптированной версии *Lutherbibel 2017* можно объяснить введением новых именных групп, что по намерениям авторов адаптации способствует более полному пониманию описываемого. Так, появляются фразы *die Gruppe Abija*, *an der Reihe*, *den Auftrag* и др.; в некоторых случаях определенный артикль стоит с именем собственным: *im geist vnd*

krafft Elias (LB 1545) / *im Geist und in der Kraft des Elia* (LB 2017) 'в духе и силе Илии'. Кроме того, отмечаем случаи замены при адаптации глагольных групп на именные с определенным артиклем, напр., *das er reuchern solt* (LB 1545) / *das Räucheropfer* (LB 2017) 'для каждения'.

Выводы

Артикль в немецком языке функционирует в его самый древний письменный период в двух формах – нулевой и определенной. Анализ показывает, что в ранних текстах значительно доминирует нулевой артикль, преимущественно в предложных именных конструкциях, которые со временем становятся устойчивыми. При этом детерминация существительных происходит за счет имен собственных или нарицательных существительных в притяжательной форме, а также неопределенными или притяжательными местоимениями.

Модификация синтаксического строя в средне- и ранневерхненемецкие периоды приводит к росту определенного артикля, который в некоторых позициях вытесняет нулевой артикль. Анализ динамики употребления артиклей показывает тенденцию к уменьшению употребления нулевого и определенного артикля, в то время как неопределенный артикль, начиная с ранневерхненемецкого периода демонстрирует относительную стабильность.

Уменьшение употребления нулевого артикля объясняется следующими причинами:

- отсутствие неопределенного артикля в древневерхненемецкий период; в ряде случаев в более поздних текстах нулевой артикль заменяется на неопределенный:
- детерминация происходит за счет употребления других средств, как неопределенные местоимения *некий*: *sumer biscof* (T) / *ein Priester* (LB 1545 / LB 2017); притяжательным существительным, сопровождающим другую именную группу: *in Ø gotes tempal* (T) / *in den Tempel des HERRN* (LB 1545);
- расширение функциональных возможностей определенного артикля в следствие изменения наших представлений о христианских ценностях: *Ø heilages geistes* (T) / *mit dem heiligen Geist* (LB 1545).

Электронный текст *BibleGateway*, созданный в результате отступлений от канонического перевода или обработки Библии и соответствующий современному синтаксическому строю в целом, показывает тенденцию к уменьшению определенных артиклей в результате перестройки синтаксического строя. Авторы текста отказываются от сложных, нередко рекурсивных именных групп в пользу композитов, глагольных групп или зависимых клаузов, что значительно облегчает восприятие текста.

Список условных обозначений

Adv – обстоятельство

C – коннектор

D – детерминатор

DA- определенный артикль

N – имя собственное

NP – именная группа

P – предлог

PP – предложная группа

Pr – предикатив

PPr – притяжательное местоимение

S – предложение

Vf – финитная форма глагола

Vinf – инфинитив

Vinfg – инфинитив генитив

VN – глагольная группа

Список условных обозначений

Библиография

1. Аверина А. В. Аспектуальный потенциал артикля и падежных форм в немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 17-29.
2. Адмони В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. Библиотека филолога. М. : Высш. школа, 1963. 336 с.
3. Долгина Е. К. О роли когнитивного направления в современных исследованиях английского артикля // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4. С. 25-32.
4. Егорова О.С. Артикль как средство актуализации коммуникативной структуры предложения // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 1. С. 131-137.
5. Жаворонкова Р. Н. Textoобразующие функции артикля в английском языке // Вестник МГУЛ. Лесной вестник. 2003. № 4. С. 32-35.
6. Жирмунский В. М. История немецкого языка. Серия История языков народов мира. М. :URSS. 2023. 408 с.
7. Кацитадзе И. М. Функционально-семантический анализ определенного артикля на страницах электронных версий современных германских печатных СМИ //Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (77). Ч. 3. С. 117-119.
8. Мурясов Р. З. Категория неопределенности существительных в разноструктурных языках // Вестник Башкирс. ун-та. 2016. № 3. С.662-667.
9. Новый завет. Синодальный перевод. URL: http://www.my-bible.info/biblio/biblija/ev_luka.html
10. Парамонова М. Г. Роль артикля и его эмоционально-выделительная функция в дискурсе рекламы (на материале английского и немецкого языков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2016. № 1 (172). С. 73-77.
11. Сибгатуллина А. А. Способы выражения категории «определенность/неопределенность» в русском, татарском и немецком языках // Многоязычие в образовательном пространстве. 2021. № 13. С. 66-75.
12. Тимошенко И. В. Опыт анализа функционирования артиклей в английском языке (на материале параллельных текстов) // Ученые записки ОГУ. Серия : Гуманитарные и

- социальные науки. 2015. № 2. С.162-165.
13. Bammesberger, A. Untersuchungen zur vergleichenden Grammatik der germanischen Sprachen. Die Morphologie des urgermanischen Nomens (1986). Heidelberg : Carl Winter. 2. Band (1990). Heidelberg : Carl Winter. 290 S.
 14. Biblegateway. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Lukas%201%2CОт%20Лыки%201%2CЛк%201&version=HOF;NRT;CARST>
 15. Bibleserver. Lutherbibel 2017. Лыки 1: 1-45. URL: <https://www.bibleserver.com/LUT/Lukas1>
 16. Grammis. Grammatisches Informationssystem. Artikel. URL: <https://grammis.ids-mannheim.de/systematische-grammatik/275>
 17. Germanic Lexicon Project. Texts. URL: http://lexicon.ff.cuni.cz/texts/ohg_sievers_tatian_about.htm
 18. Konopka M., Fuß E., Genitiv im Korpus. Untersuchungen zur starken Flexion des Nomens im Deutschen (2016). Tübingen: Narr Francke Attempo Verlag GmbH + Co. KG. 283 S.
 19. Lang Ch., Schneider R. Schwinn H., Suchowolec K., Wöllstein A.(Hrsg.) Grammatik und Terminologie (2020). Tübingen: Narr Francke Attempo Verlag GmbH + Co. KG. 256 S.
 20. Witwicka-Iwanowska M. Artikelgebrauch im Deutschen. Eine Analyse aus der Perspektive des Polnischen (2012). Tübingen: Narr Francke Attempo Verlag GmbH + Co. KG. 230 S.
 21. Zeno.org. Meine Bibliothek. URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Luther,+Martin/Luther-Bibel+1545/Das+Neue+Testament/Das+Lukasevangelium/Lukas+1>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет изучения рецензируемой статьи непосредственно связан с т.н. функционированием естественной языковой системы. Целью работы является установление особенностей употребления артиклей в истории немецкого языка. Автор отмечает, что «как объект исторического исследования, артикли немецкого языка представляют собой достаточно интересное явление, поскольку их становление пришлось на ранние этапы письменного периода. Этот факт позволяет отследить эволюцию артиклей и установить основные тенденции их дальнейшего употребления». Обоснованность данной гипотезы не вызывает сомнений, следовательно, работы продуктивна, конструктивна и актуальна. Общий ход анализа имеет достаточно выверенный, логика переходов соблюдается на протяжении всего сочинения. Автор дает и т.н. информационно-пропедевтические справки, они, безусловно, дополняют работу. Например, «отечественная и зарубежная лингвистика уделяла и продолжает уделять большое внимание историческим изменениям грамматических явлений, знаменательных частей речи, представляющих собой значительный пласт языкового богатства. В то же время за рамками исследований нередко остаются лексико-грамматические классы, которые традиционно относят к служебным частям речи. Их количество и сущность определяется грамматическим строем конкретного языка. Так во многих современных европейских языках присутствуют артикли, выполняющие в первую очередь функцию маркера категории определенности / неопределенности», или «при

широком понимании артикля мы говорим о словах, которые выполняют функцию детерминации и участвуют совместно с существительным в образовании номинальной фразы. Такое толкование позволяет включать в группу артиклей любую словоформу или морфему, которые сопровождают существительное, выражая при этом определенные грамматические значения» и т.д. Работы соотносятся с жанром научного типа, стандарт номинация введен правильно; автор указывает на практическую значимость, обозначает теоретическую основу исследования: «теоретической базой интерпретации грамматического статуса артикля послужили, прежде всего, фундаментальные работы отечественных лингвистов В. Г. Адмони и В. М. Жирмунского, зарубежных – Г. Пауля, а также наработки современных исследователей Е. В. Горбуновой, Р. В. Жаворонковой и др.», «практическая часть исследования базируется на материале Евангелия Луки, опубликованного на немецком языке в различные периоды его развития. Для иллюстрации примеров используется также Синодальный перевод текста на русский язык». Материал структурно выверен, считаю, что языковой блок анализа нетривиален, он поддерживает новизну данного сочинения. Автор указывает, что «материалом исследования является текст Евангелия от Луки, Глава 1: 1-45 в следующих публикациях: - Tatian: Lateinisch und altdeutsch mit ausführlichem Glossar, second edition (далее – Т): евангельская гармония, составленная предположительно во II веке н.э. сирийцем Татианом на сирийском языке; позже переведена с латинского языка на восточнофранкский диалект около 830 г. Текст относится к древневерхненемецкому периоду и является исходным для нашего исследования; - Lutherbibel 1545 (далее – LB 1545): перевод Библии на немецкий язык, осуществленный Мартином Лютером и опубликованное в полном издании Библии Biblia Deudsch под его редакцией в 1545 году. Текст создан в ранненововерхненемецкий период; - Lutherbibel 2017 (далее – LB 2017): современная редакция Библии Лютера, адаптированная к нормам современного немецкого языка. В результате адаптации произошла замена старых грамматических форм новыми; - BibleGateway (далее – BG): евангельский христианский веб-сайт с адаптированным для легкого чтения и понимания текстом Библии на различных языках; - Новый завет. Синодальный перевод. Текст Евангелия от Луки, Глава 1: 1-45 на русском языке; используется нами для иллюстрации примеров на русском языке». Собственно языковой анализ-комментарий имеет подробный вид: «именные группы с нулевым артиклем: in Ø tagun, sumer biscof Ø namen Zachrias. По своим грамматическим характеристикам обе группы неравнозначны. Первая именная группа входит, с одной стороны, в предложную группу с предлогом in, с другой стороны – именную притяжательную группу с именем собственным Herodes 'Во дни Ирода': [PP P [NP Ø [NP N1 [NP D N2]]]]. Именная группа namen Zacharias также является частью предыдущей именной группы и выступает ее определением: (sumer biscof) Ø namen Zacharias 'священник ... именем Захария': [NP D [NP N1][NP Ø N2 [NP D N3]]» и т.д. Вариации оценки складываются ввиду точечного обращения к тексту, к функциональности артиклей: «таким образом, основную нагрузку детерминации в этом фрагменте выполняют имена собственные, отсылающие реципиента к известным лицам, либо притяжательные местоимения, которые коррелируют с субъектами описываемой ситуации. В целом отмечаем равномерное (по 2 случая) употребления определенного и нулевого артикля». Примечательно, что язык сочинения имеет собственно научный тип, не исключает автор и такие лексические модели-связки как «стоит отметить», «при этом», «рассмотрим», «как видим», «что касается», «выделим», «известно» и т.д. Материал имеет открыто выраженный практический характер, хотя общая теоретическая канва также прописана конструктивно. Например, «известно, что родительный падеж имен существительных выступает в качестве приименной, прилагательной и приаждективной формы. Он стоит также при числительных, вопросительных

местоимениях, отрицаниях и т.д. В нашем случае с инфинитивом реализуется его приименное употребление, а определенный артикль указывает на хорошо известное церковное действие. Отметим, что в древневерхненемецкий период более распространенным являлось прилагольное употребление инфинитива генитива. Этому способствовало наличие в языке группы глаголов с генитивным управлением *giniozan* 'вкусать, наслаждаться', *geban* 'давать', *gilusten* 'доставлять радость', *jehan* 'говорить, признавать', *antworten* 'отвечать' и т.д. Автору удается в работе сложить определенную типологию изменений, вывести свод групп, в которых проявляют себя артикли в разной действительной составляющей. Семантическая составляющая не исключается: «основным отличием употребления определенного артикля от предыдущих текстов касается именных групп с существительным *Priesterschaft* 'священнослужительство'. В текстах *Tatian* и *Lutherbibel 1545* данная лексема в первом употреблении выступает с нулевым артиклем в рематической функции, во втором – с определенным артиклем. В *Lutherbibel 2017* в обоих случаях встречаем определенный артикль: *den Priesterdienst* 'священнослужительство, (nach dem Brauch) der Priesterschaft 'у священников /в священнослужительстве'», или «Разрыв между общим количеством артиклей текстов *Tatian* и *Lutherbibel 1545* объясняется тем, что в средневерхненемецкий период уже сложилась система артиклей и их употребление в ранневерхненемецкий период, к которому относится *Lutherbibel 1545* стало обязательным; также в этот период дополнительно формируются новые функциональные возможности артикля. Различие количества употребления определенного артикля текста *Lutherbibel 1545* и его адаптированной версии *Lutherbibel 2017* можно объяснить введением новых именных групп, что по намерениям авторов адаптации способствует более полному пониманию описываемого» и т.д. Полученные данные сводятся автором в табличный вид (фактор сопоставления наличен и действителен). Выводы по работе объективны, они соотносятся с базовым блоком. В финале отмечено, что «артикль в немецком языке функционирует в его самый древний письменный период в двух формах – нулевой и определенной. Анализ показывает, что в ранних текстах значительно доминирует нулевой артикль, преимущественно в предложных именных конструкциях, которые со временем становятся устойчивыми. При этом детерминация существительных происходит за счет имен собственных или нарицательных существительных в притяжательной форме, а также неопределенными или притяжательными местоимениями...». Основные требования издания учтены, тема работы раскрыта, материал продуктивно использовать при изучении истории немецкого языка. Рекомендую рецензируемую статью «Изменение функционирования артикля в истории немецкого языка» к открытой публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ли С. Глагольная лексика как средство выражения межличностных отношений в русском и китайском языках // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70345 EDN: XWAZGF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70345

Глагольная лексика как средство выражения межличностных отношений в русском и китайском языках

Ли Сююй

аспирант, кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклуха-Маклая, 6

✉ lixu0525@yandex.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70345

EDN:

XWAZGF

Дата направления статьи в редакцию:

28-03-2024

Дата публикации:

04-04-2024

Аннотация: Предметом исследования являются семантические и функциональные особенности лексико-семантической группы глаголов, обозначающих межличностные отношения в русском и китайском языках. Глагольная лексика, представляющая категорию отношения, описывает отношения, возникающие между людьми в форме чувств, суждений и обращений друг к другу в процессе повседневной жизни. Целью предлагаемой статьи является выявление семантических и функциональных особенностей глаголов лексико-семантической группы межличностных отношений в системе русского и китайского языков. В ходе исследования были выявлены сходства и различия в значении этих глаголов. Как показал анализ, некоторые китайские глаголы не совпадают по значению с глаголами русского языка. В данной статье также рассматриваются типы семантических изменений в смысловой структуре глагольной

словоформы, функционирующей в контексте. Основным методом изучения данной группы глаголов в русском и китайском языках является сопоставительный метод. При отборе и использовании языкового материала применялись описательный метод и функционально-семантический метод, а также метод компонентного анализа. Научная новизна исследования заключается в том, что на материалах русского и китайского языков глаголы межличностных отношений по-прежнему остаются недостаточно изучены. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания вузовских курсов таких дисциплин, как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, межкультурная коммуникация. Исследование позволяет сделать вывод о том, что глаголы межличностных отношений довольно часто используются в обоих языках. Значения китайских и русских глаголов не всегда эквивалентны. Их семантические структуры также могут различаться. При анализе межъязыковых лакун выявляется наличие неполного лексического соответствия иноязычному слову. Некоторые глагольные лексемы выражают межличностные отношения в своих прямых значениях, у других эта способность развивается в результате семантической модуляции и семантической деривации. Межличностные отношения могут быть выражены глаголами из других лексико-семантических групп, приобретая в контексте семантику межличностных отношений. В заключении заметим, что выразителями межличностных отношений могут быть также глагольно-именные сочетания, которые при анализе различных конкретизаторов в контексте указывают на причины положительного или отрицательного отношения к человеку.

Ключевые слова:

лексика, глагол, межличностные отношения, семантическая структура, глагольно-именные сочетания, эмоционально-оценочное отношение, внешнее проявление отношения, глаголы контакта, русский язык, китайский язык

В реальной действительности в целом и в сфере человеческой деятельности, отношений отдельные акты, состояния, поступки, действия органически связаны друг с другом, взаимодействуют, а язык располагает достаточно богатым набором средств для выражения этих связей. Но наряду с этими достаточно хорошо изученными средствами, в словаре существуют лексические средства, выполняющие функции по выражению взаимосвязей. К ним относятся, прежде всего, глаголы.

В системе русской лексики глагол, по мнению Н. Ю. Шведовой, занимает центральное место и является «доминантой русской лексики» [\[1, с. 409\]](#). С точки зрения лексики, глагол включает многочисленный класс слов, отличающихся сложностью в значении. Эта особенность семантики глагола, обусловленная комплексным характером отображаемых ситуаций, объясняет особые трудности классификации глагольной лексики, которые отмечаются всеми исследователями.

Лексико-семантическая группа (далее – ЛСГ) рассматривается как один из важнейших способов систематизации лексического состава языка. ЛСГ представляет собой совокупность языковых единиц, относящихся к одной части речи, объединенных общностью значения и состоящих из общей категориально-лексической семы и дифференциальных сем. Значение глаголов можно представить в виде совокупности семантических компонентов. Семы, находящиеся в определенных связях и иерархических отношениях, формируют семантическую структуру глагола. По сравнению с категориально-лексической семой, интегральная сема более конкретна и реализуется

с помощью дифференциальных сем.

Безусловно, роль глагола в семантической структуре предложения и в целом в системе русского языка является центральной, организующей [2, с. 46]. ЛСГ глагольных слов обладает сложной семантической структурой по своей природе. По мнению В. В. Виноградова, «семантическая структура глагола более емка и гибка, чем всех других грамматических категорий. Это свойство глагола зависит от особенностей грамматического строя глагола» [3]. Это утверждение разделяют многие ученые в области российской и китайской лингвистики, которые, в свою очередь, считают, что глагол занимает ключевое место в семантической структуре и управляет другими семантическими компонентами.

Отражая объективную действительность, язык отражает и отношения, которые существуют в мире [4, с. 2594]. Глагольная лексика межличностных отношений, представляющая подполе отношения, описывает отношения, возникающие между людьми в форме чувств, суждений и обращений друг к другу в процессе повседневной жизни: любви, дружбы, веры и др. Под межличностными отношениями понимается совокупность различных взаимодействий между людьми в процессе их общения. Во все времена межличностные отношения были важной частью жизни людей, именно они предоставляют нам эмоции и переживания, необходимые для гармоничного развития личности, мотивации и просто чувства удовлетворенности жизнью [5, с. 41]. Именно глаголы обозначают не отдельные явления, а явления-ситуации, явления-отношения, действия-отношения. В своем исследовании Т. П. Акимова анализирует глаголы межличностных отношений как «антропоцентрические единицы», так как эти глаголы вербально оформляют отношения между людьми [6, с. 12]. Идея изучения лексико-семантического пространства языка в аспекте антропоцентрической парадигмы в настоящее время получила широкое признание.

Материалом для исследования послужила выборка глаголов из толковых словарей Л. Г. Бабенко (1999 г.) [7, с. 593-606]. Согласно ее исследованиям, глаголы межличностных отношений выражаются в системе русского языка глаголами эмоционально-оценочного отношения, внешнего проявления отношения, контакта.

К первой группе относятся глаголы со значением эмоционально-оценочного отношения, где интегральная сема «характер эмоционально-оценочного отношения» может быть представлена как: положительное, отрицательное, и нейтральное отношение. Например: **Ненавижу** ходить к начальству и добиваться чего-то.; У нас не умеют **уважать** человека, полностью расходясь с ним во мнениях.

Обширную группу составляют глаголы внешнего проявления отношения, в которых можно выделить интегральную сему «способ проявления отношения». Семантическая структура этих глаголов характеризуется наличием оценки и чувства. Внешнее проявление отрицательного и положительного отношения может быть выражено речью (*хвалить, двуличничать*), мимикой (*улыбнуться, нахмуриться*), жестом (*обнимать, грозить*), действием (*ухаживать, третировать*), поведением (*нежить, оскорблять*) и т. д. Например: Он повысил голос и стал **грозить** пальцем.; Тот прочел, **нахмурился** и впился глазами в Корнилова.; 133 человека не вернутся домой, не **обнимут** близких.

Заметим, что один и тот же глагол в разных контекстах может иметь разные способы внешнего проявления отношения. Например: А если мама попросит помочь *ухаживать* за ним, то ничего страшного в этом нет.; Не работала, за ребенком не **ухаживала**, в доме

— антисанитария, на окнах — плотная темная ткань, прогулки на улице — под запретом.; За Любой начинает **ухаживать** приятель Петра Сабашников. Глагол *ухаживать*, выступающий в значении «проявлять заботливое отношение к кому-либо, оказывая помощь, услуги кому-либо», употребляется в первом и втором предложениях, при употреблении которого актуализируется признак «действие», а в третьем предложении данный глагол, имеющий значение «проявлять особо внимательное отношение к кому-либо (обычно к женщине, девушке), заботиться о ней, добиваясь ее расположения», выражает внешнее проявление отношения с помощью дифференциального признака «жест».

Группу глаголов контакта составляют такие глаголы, как *венчаться, знакомиться, связываться, условливаться* и др. Например: *Накануне мы **познакомились** на концерте Пендерецкого, выяснилось, что Алибасов его обожает и понимает его музыку как никто.; Мне вообще неохота было с ним **связываться**.*

Семантическая структура глагольных словоформ может перестраиваться в зависимости от контекста. Исследуя функционирование глагола в тексте, С. П. Лопушанская установит две типы семантических изменений в смысловой структуре словоформы – семантической модуляции и семантической деривации.

Семантические изменения модуляционного характера отмечены в словоформах глаголов *уважать, относиться* и др. Объект отношения можно определить как абстрактный, выраженный в тексте именами, описывающими качества, свойства человека [8, с. 76]. Так, в контексте: – *Я возлагаю на тебя большие надежды, – прошептал первый министр, всегда **уважавший ясный ум** своего воспитанника* отношение субъекта к объекту передается через отношение к личным качествам объекта.

Деривационные семантические изменения отмечены в смысловой структуре глаголов других ЛСГ, в которых в прямом лексическом значении реализуются категориально-лексические семы «качественное состояние», «эмоциональное состояние», «перемещение» и другие [9, с. 231]. В концепции Ю. Д. Апресяна семантическая деривация приводит к появлению нового значения у слова [10, с. 187].

Так, в предложении: *Таким я и храню его в памяти. И очень по нему **скучаю*** – глагол *скучать* со прямым значением «томиться из-за отсутствия кого-нибудь», относящийся к ЛСГ «эмоциональное состояние», выражает межличностные отношения. В данном контексте объект отношения обозначается формой дательного падежа с предлогом *по*: *по нему*.

Глагол качественного состояния *сердиться/рассердиться*, выступающий в прямом значении «испытывать раздражение, недовольство, злобу на кого-либо», также может выражать межличностные отношения: *Илона **сердится** больше не на Валеру, а на себя*. Объект отношения выражается формой винительного падежа с предлогом *на*: *на Валеру; на себя*. В данном контексте: *Подумав, что учитель **сердится** за то, что мы насорили в классе, я бросился поднимать листок* указана причина отрицательного отношения субъекта *учитель* к объекту *нам* с помощью употребления слов *за*.

Важно отметить, что китайский глагол 生气 [shēng qì] (*сердиться/рассердиться*), который имеет лексико-семантические варианты значения, не совпадает по значению с глаголами русского языка. Глагол shēng qì в китайском языке обозначает: а) *сердиться*; б) *жизненная сила*. Приведем пример: 我父亲没生气 (*Мой отец не **рассердился***); 青年是最有生气的 (*Молодежь очень **энергична***). Раздражение как главное (первичное) значение

глагола *сердиться* относится к ЛСГ межличностных отношений, но в отличие от китайского глагола, в русском глаголе *сердиться* такого значения, как жизненная сила нет.

Существует также ситуация, когда есть некоторые русские глаголы, значение которых выражается словосочетаниями на китайском языке. Например: значение русского глагола *переглядываться/переглянуться* в китайском языке выражается как словосочетание: 互使眼色 [hù shǐ yǎn sè] – 互使 (обмениваться) + 眼色 (взгляд): 和旁边的人互使眼色 (*Переглянуться с соседом*). Для того чтобы эквивалентно выразить значение русского глагола, необходимо использовать именно данное сочетание, отдельное невозможно. Подобными глаголами являются: *дискредитировать* (破坏.....名声 [pò huài... míng shēng]), *дискриминировать* (对.....歧视 [duì qí shì]) и т. д.

Межличностные отношения могут быть выражены не отдельной глагольной лексемой, а глагольно-именным сочетанием [11, с. 14], содержащим другую ЛСГ глаголов. Глагол, входящий в состав глагольного-именного сочетания, может использоваться для выражения межличностных отношений в его прямом значении, а также может употребляться в переносном значении, как отмечается М. В. Фролова, «при этом в смысловой структуре глагольных словоформ происходят модуляционные или деривационные семантические изменения» [12, с. 107].

Отметим, что глагол с именем существительным может выражать межличностные отношения как внешнее проявление отношения, которое может выражаться глаголами *обнаружить, проявить, оказать, выражать/выразить* и другими в сочетании с существительным *благодарность, нежность, ласку, любезность* и т. д.: *выражать благодарность, выразить нежность, проявить заботы*. Смысловая нагрузка переносится на существительное; значение межличностного отношения выражает все глагольно-именное сочетание [13, с. 19].

Так, в контексте: – Милорд, позвольте **выразить благодарность** в поисках девочки – глагол *выразить* выступает в прямом значении «показать, обнаружить каким-л. внешним проявлением», и интегральная сема «способ внешнего проявления отношения» конкретизируется дифференциальным признаком «речь» в смысловой структуре глагола *выразить*, который входит в состав глагольного-именного сочетания *выразить благодарность*. Данное словосочетание синонимично глаголу *благодарить*.

Глагол *рассыпаться* обычно используется в основном значении «что-либо падает и раскатывается по поверхности чего-либо». В контексте: *Из вежливости молодая женщина **рассыпалась в благодарностях**, хоть и была заранее уверена, что рубашка, взятая из запасов хозяйки, ей никак не подойдет* – данный глагол означает, что «человек многословно выражает свое подобоострастное, любезное отношение к кому-либо» и выражает межличностные отношения. Глагол *рассыпаться* в сочетании со словом *в благодарностях* указывает как на действие, к которому относится глагол, так и на внешнее проявление положительного отношения. Данное словосочетание используется для выражения искренней и глубокой благодарности субъекта.

В китайском языке аналогичные глагольно-именные сочетания также используются для выражения благодарности, которые можно выразить следующим образом: 表达 [biǎo dá] (*выразить*) + 感激/感谢 [gǎn jī / gǎn xiè] (*благодарность*). Например: 我很少向别人表达感激,但是你给了我这个老猎人一个目标,还有活下去的理由 (*Я не очень хорошо умею **благодарить** людей, но тебе удалось мне, старому охотнику, цель в жизни*).

Мы обнаружили, что несколько глагольно-именных сочетаний имеют значения, близкие к значению глагола *подружиться*. В контексте: *Ты прав, я в самом деле стараюсь **войти в дружбу** с одним могучим магом* сочетание *войти в дружбу* выполняет своего рода характерологическую функцию. Установление дружеских отношений с другими людьми проявляется у субъекта как желание. В предложении *Граф любил меня и искреннейше **навязывался** ко мне **в друзья**, я же не питал к нему ничего похожего на дружбу и даже не любил его* значение словосочетания *навязываться в друзья* также близко по значению глаголу *подружиться*, но имеет иной оттенок, стирается положительная оценка данного глагола.

Используя подобные сочетания *получить отставку, дать отставку*, в их основном лексическом значении обозначают «прекращать отношения», в которых реализуется интегральная сема «характер контакта». Например: *Знакомые наши друзья понемногу **разъехались**; Нарышкин, Оболенский в Москве, Тучков, также **получив отставку**, отправляется на родину.; Совсем родной матери **отставку дала**, в гости не дозовешься.*

На основании проведенного мной исследования, можно сделать следующие выводы. Глаголы межличностных отношений довольно часто используются в обоих языках, значения которых не всегда эквивалентны. Их семантические структуры также могут различаться. При анализе межъязыковых лакун выявляется наличие неполного лексического соответствия иноязычному слову. Установлено, что некоторые глаголы в двух языках выражают межличностные отношения в своих прямых значениях, у других эта способность развивается в результате семантической модуляции и семантической деривации. Как показал анализ, выразителями межличностных отношений могут быть также такие глагольно-именные сочетания, как *выразить благодарность, рассыпаться в благодарностях, войти в дружбу, получить отставку, дать отставку, 表达感激* и другие, которые при анализе различных конкретизаторов в контексте указывают на причины положительного или отрицательного отношения к человеку.

Библиография

1. Шведова Н. Ю. Глагол как доминанта русской лексики // Филологический сборник: К 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова. М.: ИРЯ, 1995. С. 409-414.
2. Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1997.
3. Виноградов В.В. Русский язык. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5310&0a0=15>. Дата обращения: 01.04.2024.
4. Костицина Р.В. Новый проект семантической классификации глагольной лексики русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 8. С. 2592-2599.
5. Белова Е.Е., Беляева А.А. Особенности обучения старшекласников глагольной синонимии // Гаудеамус. 2021. № 3 (49). С. 41-46.
6. Акимова Т. П. Коммуникативно-прагматические особенности глаголов межличностных отношений. Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
7. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: «АСТ – ПРЕСС», 1999.
8. Фролова М.В. Функционально-семантические особенности глаголов со значением межличностных отношений (на материале повести А. Платонова «Котлован») // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2007. № 4. С. 74-79.

9. Стародубцева Н.А., Харченко С.Ю. Специфика функционирования глаголов межличностных отношений в прозе А.П. Чехова // Известия ВГПУ. 2022. № 1 (164). С. 229-234.
10. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
11. Минеева З.И., Николаев А.А. Новые предикативы: образование, семантика, употребление // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. № 3. С. 14-20.
12. Фролова М. В. Функционирование глаголов межличностных и социальных отношений в произведениях русской литературы 20-х годов XX века (на материале текстов А. П. Платонова и М. А. Булгакова). Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
13. Русская грамматика: [в 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Н.Ю. Шведова. Москва: Наука, 1980

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Лексический состав языка, тем более глагольные формы, безусловно, являются средством выражения межличностных отношений. Данная работа строится на сопоставлении русской и китайской глагольной лексики, которая имеет ярко выраженную номинацию выражения указанной выше позиции. Автор констатирует, что «в реальной действительности в целом и в сфере человеческой деятельности, отношений отдельные акты, состояния, поступки, действия органически связаны друг с другом, взаимодействуют, а язык располагает достаточно богатым набором средств для выражения этих связей. Но наряду с этими достаточно хорошо изученными средствами, в словаре существуют лексические средства, выполняющие функции по выражению взаимосвязей. К ним относятся, прежде всего, глаголы». Суждение имеет достаточно объективный тон, его можно признать в качестве отправной точки исследования. Материал полновесен в формате научного изыскания: в тексте даны ссылки, как на теоретические работы, так и полновесно представлен практический опыт. Например, «в системе русской лексики глагол, по мнению Н. Ю. Шведовой, занимает центральное место и является «доминантой русской лексики». С точки зрения лексики, глагол включает многочисленный класс слов, отличающихся сложностью в значении. Эта особенность семантики глагола, обусловленная комплексным характером отображаемых ситуаций, объясняет особые трудности классификации глагольной лексики, которые отмечаются всеми исследователями». Нарботки, думаю, можно продуктивно использовать в вузовской практике, применять в качестве иллюстративного фона в рамках освоение русского и китайского языков. Новизна работы заключается в предметно-тематическом развороте проблемы, при этом в качестве лингвистической базы взяты разноформатные языковые системы. Суждения по ходу работы выверены, точны, категориальный аппарат унифицирован. Например, «глагольная лексика межличностных отношений, представляющая подполе отношения, описывает отношения, возникающие между людьми в форме чувств, суждений и обращений друг к другу в процессе повседневной жизни: любви, дружбы, веры и др. Под межличностными отношениями понимается совокупность различных взаимодействий между людьми в процессе их общения. Во все времена межличностные отношения были важной частью жизни людей, именно они предоставляют нам эмоции и переживания, необходимые для

гармоничного развития личности, мотивации и просто чувства удовлетворенности жизнью...». Таким образом, стиль данного труда полноценно соотносится с собственно научным типом речи. Материалом для данного исследования послужила выборка глаголов из «толковых словарей Л. Г. Бабенко (1999 г.) [7, с. 593-606]». Автор отмечает, что «согласно исследованиям, глаголы межличностных отношений выражаются в системе русского языка глаголами эмоционально-оценочного отношения, внешнего проявления отношения, контакта». Примеров, на мой взгляд, достаточно, хотя и формат выборки является ключевым: «Обширную группу составляют глаголы внешнего проявления отношения, в которых можно выделить интегральную сему «способ проявления отношения». Семантическая структура этих глаголов характеризуется наличием оценки и чувства. Внешнее проявление отрицательного и положительного отношения может быть выражено речью (хвалить, двуличничать), мимикой (улыбнуться, нахмуриться), жестом (обнимать, грозить), действием (ухаживать, третировать), поведением (нежить, оскорблять) и т. д. Например: Он повысил голос и стал грозить пальцем.; Тот прочел, нахмурился и впился глазами в Корнилова.; 133 человека не вернутся домой, не обнимут близких», или «Группу глаголов контакта составляют такие глаголы, как венчаться, знакомиться, связываться, условливаться и др. Например: Накануне мы познакомились на концерте Пендерецкого, выяснилось, что Алибасов его обожает и понимает его музыку как никто.; Мне вообще неохота было с ним связываться», или «Так, в предложении: Таким я и храню его в памяти. И очень по нему скучаю – глагол скучать со прямым значением «томиться из-за отсутствия кого-нибудь», относящийся к ЛСГ «эмоциональное состояние», выражает межличностные отношения. В данном контексте объект отношения обозначается формой дательного падежа с предлогом по: по нему» и т.д. Разность / отличие русской глагольной лексики от китайской продемонстрирована конструктивно, точно: «важно отметить, что китайский глагол 生气 [shēng qì] (сердиться/рассердиться), который имеет лексико-семантические варианты значения, не совпадает по значению с глаголами русского языка. Глагол shēng qì в китайском языке обозначает: а) сердиться; б) жизненная сила. Приведем пример: 我父亲没生气 (Мой отец не рассердился); 青年是最有生气的 (Молодежь очень энергична). Раздражение как главное (первичное) значение глагола сердиться относится к ЛСГ межличностных отношений, но в отличие от китайского глагола, в русском глаголе сердиться такого значения, как жизненная сила нет», или «В китайском языке аналогичные глагольно-именные сочетания также используются для выражения благодарности, которые можно выразить следующим образом: 表达 [biǎo dá] (выразить) + 感激/感谢 [gǎn jī / gǎn xiè] (благодарность). Например: 我很少向别人表达感激,但是你给了我这个老猎人一个目标,还有活下去的理由 (Я не очень хорошо умею благодарить людей, но тебе удалось мне, старому охотнику, цель в жизни)» и т.д. Основной блок касается буквальной разверстки темы, достижений целевой составляющей. Считаю, что эти показатели выполнены, проблема как таковая раскрыта. М.б. работа задает еще и некий импульс для дальнейших исследований, что также весьма неплохо. Общие требования издания учтены; формальная правка текста излишня. Автор в итоге приходит к выводу, что «при анализе межъязыковых лакун выявляется наличие неполного лексического соответствия иноязычному слову. Установлено, что некоторые глаголы в двух языках выражают межличностные отношения в своих прямых значениях, у других эта способность развивается в результате семантической модуляции и семантической деривации. Как показал анализ, выразителями межличностных отношений могут быть также такие глагольно-именные сочетания, как выразить благодарность, рассыпаться в благодарностях, войти в дружбу, получить отставку, дать отставку, 表达感激 и другие, которые при анализе различных конкретизаторов в контексте указывают на причины положительного или отрицательного отношения к человеку». Противоречий в этой части

нет, вывод дается в пределах жанра. Ссылочный «фон» ориентирован на труды Н.Ю. Шведовой, В.В. Виноградова, Т.П. Акимовой, М.В. Фроловой, Ю.Д. Апресян и т.д. Материал может быть интересен читателям, так как построен в режиме сопоставления двух разных языковых систем, но имеющих общий коммуникативный ценз связности. Считаю, что работа «Глагольная лексика как средство выражения межличностных отношений в русском и китайском языках» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Tabatabai S., Bulgarova B.A., Kotecha K., Patil S. Decoding Iran's meme culture and implications in journalism// Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70410 EDN: FDQHKH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70410

Decoding Iran's meme culture and implications in journalism / Декодирование иранской культуры мемов и ее применение в журналистике

Табатабаи Сара

ORCID: 0009-0003-6165-6978

аспирант, кафедра массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ saratabatabayee@gmail.com

Булгарова Белла Ахмедовна

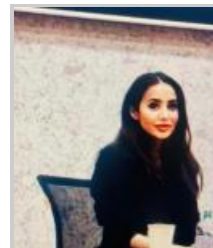
ORCID: 0000-0001-6005-2505

кандидат филологических наук

доцент, кафедра массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ bulgarova-ba@rudn.ru

Котеча Кетан

ORCID: 0000-0003-2653-3780

кандидат технических наук

Профессор компьютерных наук и инженерии. Руководитель Центра прикладного искусственного интеллекта Symbiosis (SCAI), декан инженерного факультета Международного университета Симбиоз, директор Технологического института Симбиоз

412115, Индия, Лавале область, г. Пуна, Лавале, 1, оф. 1

✉ director@sitpune.edu.in

Патил Црути

ORCID: 0000-0002-4903-1540

кандидат технических наук

Профессор кафедры искусственного интеллекта и машинного обучения Центра прикладного искусственного интеллекта Symbiosis (SCAI), Технологический институт Symbiosis, Международный университет Symbiosis (SIU)

412115, Индия, Лавале область, г. Пуна, ул. Лавале, 1, оф. 1

✉ shruti.patil@sitpune.edu.in

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70410

EDN:

FDQHKH

Дата направления статьи в редакцию:

04-04-2024

Дата публикации:

11-04-2024

Аннотация: Изучение цифрового юмора и культуры мемов как комплексного явления среди носителей цифровых технологий в сочетании с дефицитом научного внимания и исследований на эту тему в Иране становится все более актуальным. Данная статья посвящена сложному взаимодействию между мемами, культурой и технологиями. Анализируя неотъемлемую роль юмора, в частности карнавального и гротескного юмора Бахтина, в иранской цифровой культуре, авторы исследовали природу и функции иранской культуры мемов. Анализ показывает, что иранский цифровой юмор и культура мемов функционируют как платформа для смеха, бросающая вызов устоявшимся культурным нормам и подвергающая сомнению существующие идеологии. Методология исследования строится на воспроизведении гендерных конвенций и иерархии власти в Иране с помощью интернет-мемов. Применяются следующие методы: контент-анализа, дистрибутивный и сопоставительный. Исследование также строится на концепции "хронотопа" Бахтина при мультимодальном анализе мемов, распространенных среди иранских иммигрантов. Новизна исследования состоит в том, что оно вносит ценный вклад в область журналистики и медиаисследований, подчеркивая важность понимания роли юмора и мемов в формировании общественного восприятия и навигации по сложным идеологическим ландшафтам, а также в изучение способов, которыми мемы могут быть использованы для нарушения или изменения этой динамики. Результаты анализа иранского цифрового юмора и мемов показывают, что культура мемов функционирует как средство борьбы с неравенством во власти и статусе. Помимо этого исследование продемонстрировало переосмысление иммигрантского опыта иранским населением, тем самым подтверждая гибридную идентичность иранцев как транснациональных индивидов. Этот процесс разворачивается посредством воссоздания различных пространственно-временных конфигураций в рамках мема.

Ключевые слова:

мем, цифровые аборигены, культура мемов, цифровой юмор, иранский, культура, журналистика, технология, трансформация, общество

Given the rising consumption and prominence of memes, particularly among digitally native individuals, coupled with the scarcity of scholarly attention and research on this subject matter in Iran, it becomes increasingly evident that examining digital humor and meme

culture as a multifaceted and intricate phenomenon is of utmost importance [1]. Over the last few years, studies focusing on humor, specifically digital humor and jokes, have demonstrated the evolution and transformation of humor and memes among the Iranian populace. This shift is inherently linked to the progression of technology and social media platforms, as well as the intricate socio-political landscape of Iran, which encompasses power structures and gender norms, emphasizing the necessity for alternative modes of expression. Consequently, this underscores the significance of meme culture as a complex and multidimensional phenomenon, necessitating further in-depth exploration.

The most noticeable transformation is related to the reduction of ethnic humor, which was prevalent in the past, and its replacement with digital gender-based jokes and memes [2][3][4]; Online humor has facilitated the involvement of various ethnic groups and genders to be a part of this humor creation, many of whom did not agree with this style or even started fighting with it. Consequently, ethnic humor has vanished from the Iranian digital sphere, and there has been a surge in gender-based jokes as well as anti-feminist and anti-male sexist jokes [5].

It is noteworthy to highlight that, through our analysis of Persian memes, a developing Farsi "manosphere" appears to be emerging in Iran [5]. The manosphere, which encompasses a variety of online communities advocating for misogyny, anti-feminism, and anti-queer mobilizations, seems to be gaining traction, which could be a cause for concern. The manosphere, in general, is known for promoting regressive ideas and attitudes that can negatively impact gender equality and social harmony. However, it is essential to approach the topic with caution and consider various factors that might be contributing to this phenomenon, such as political, economic, and cultural aspects. For instance, the conservative nature of Iranian society and its traditional gender roles might play a more significant role in the prevalence of misogynistic and anti-queer sentiments online than the popularity of memes alone. Furthermore, it is plausible that the increasing popularity of memes has led to a reliance on traditional power structures and gender norms in order to maintain their appeal and significant cultural relevance.

Gender is widely recognized as a prominent theme in Iranian humor and memes, encompassing two primary subcategories: those centered around females and those centered around males [6]. The basis for the creation of these jokes and memes stems from the examination and portrayal of gender-specific characteristics and identifiers [2]. This suggests that the humor is deeply rooted in societal perceptions and expectations of gender roles. In Iran, gender-based internet humor and memes, whether in the form of text messages or multimedia content, consistently serves as a source of amusement and social critique. These jokes have either criticized or validated various social phenomena. The anonymity within Iranian online life has significantly contributed to this, as the intent, audience, and speaker involved in these jokes often remain obscure [7].

The gender-related humor within Iranian mobile applications in 2016 has illustrated a detrimental and subordinate portrayal of females as compared to males [2]. The observed content of sexist jokes specific to women has a higher frequency than those targeting men. In this context, men attempt to show differences in power and position by attributing various characteristics and titles. Among the most prevalent content related to women are characteristics such as stupidity and ignorance, while in men's gender jokes, characteristics such as infidelity, lack of identity, and mocking of men's appearance are more frequently observed [6].

These traits are not exclusively gender-specific and ascribable to women, but rather appear to be culturally ingrained labels deeply rooted in Iranian values and popular culture. The attributes assigned to women within these humoristic contexts suggest that men are portrayed as being in a position of power and enjoying a sense of security. Iranian gender-based humor concerning women can be perceived as a form of societal aggression against them, aimed at upholding traditional values and serving as a means to control women, thereby discouraging them from diverging from the norms upheld by a particular segment of society [8]. This aligns with the gender discrimination in Iran that permeates almost all facets of legislation and practice, where Iranian women are often regarded as second-class citizens (UnitedNations, 2021).

It has been observed through research on gender-specific humor and memes in Iran that a higher prevalence of jokes targeting women exists, thereby enabling the male gender to establish itself through distinctive traits, assert dominance, and create hierarchical distinctions with the female gender. The narrative portrayed in these memes, which depict women as inferior and negatively, can be traced back to the perpetuation of patriarchal discourse, ultimately reinforcing and legitimizing this societal structure [5]. These memes exemplify the enduring cultural influence of traditional gender norms and power structures, relying on these foundations for their popularity and impact. This underscores the nature of memes as cultural artifacts and their influence on gender dynamics, emphasizing the importance of examining these effects in the context of social change.

Historically, Iranian culture has been characterized by a patriarchal structure, with the father or husband serving as the head of the family and household. This deeply rooted patriarchal institution has permeated Iranian society since ancient times, influencing religious, legal, and cultural practices. The topic is extensively addressed in Persian literature, encompassing metaphors, cultural constructs, moral frameworks, as well as both religious and secular explanatory systems.

The patriarchal system, which entails the control of both wife and offspring by the husband or father, as well as other male relatives in their absence, has been a prevalent aspect of Iranian family dynamics. However, some scholars, such as Qanei Rad [10] and Ezazi [11], argue that this system has evolved and given way to filial piety or alternative forms of family administration. This shift has led to a more democratized family structure, with the reduction of the father's authority. Nonetheless, these observances are optional and do not encompass legal provisions ensuring a balanced distribution of power between couples and their offspring. Notwithstanding the recent alterations, the Iranian judicial system maintains a predominantly male-centric framework, affording the male head of the household a superior legal standing in contrast to his spouse and offspring. This upholds the patriarchal system that persistently impacts numerous families within Iran.

Furthermore, the Iranian digital landscape showcases this ongoing issue of familial dynamics, through humor. Memes and jokes serve as a medium that center around the intricate dynamics between fathers and their family members. These comedic expressions emphasize themes such as conflict, ridicule, bullying, assigning blame, evasion of paternal responsibilities, and financial disputes [7] [12]. These online expressions of patriarchal intricacies function as a tool for Iranian digital natives to scrutinize and challenge deeply entrenched cultural and societal norms surrounding patriarchy in the country.

However, Iranian memes addressing child-parent dynamics primarily focus on the mother-

child relationship, rather than fathers. The primary themes observed in these memes predominantly encompass the mother-child relationship, including aspects such as the mother's irresponsibility, excessive surveillance, limited understanding of contemporary technology, high expectations from her children, physical discipline, and the use of insults and profanity [12].

In essence, Iranian digital natives perceive memes addressing child-parent dynamics as a means to illustrate the existing power imbalance and their relative positions within these relationships. This often leads to a wide range of predominantly negative emotions experienced by them. It can be posited that this power disparity extends not only to real-world contexts but also to the digital sphere, influencing meme content. As suggested by Kemper's theory, humor may serve as a potential remedy to counterbalance these inequalities [13]. Consequently, Iranian digital natives utilize memes to critique these familial connections and challenge the deeply ingrained cultural and social norms surrounding patriarchy and power dynamics within their society.

This Iranian meme culture typology serves as a carnival setting, wherein various proscribed and restricted behaviors in real-life familial dynamics, such as humorously addressing parents' vulnerabilities, are permitted through the medium of memes. In accordance with Eckert's (2003) assertions, Iranian digital natives employ these memes to fulfill their need for group affiliation through discourse, leveraging the tool of internet memes [14]. By recounting certain aspects of their relationships with their parents in a humorous light, they foster camaraderie among friends who share comparable experiences. It is crucial to acknowledge the potential influence of relatability on the popularity of these memes, which may consequently lead to the formation of a distinct sub-discourse and novel stereotypes in the realm of parent-child relationships, challenging established norms.

Iranian Meme culture overview:

This comprehensive analysis delves into the replication of gender conventions and power hierarchies in Iran via internet memes. Consequently, Iranian meme culture can be regarded as a form of digital discourse, reflecting and contesting existing power dynamics, patriarchal systems, and cultural norms within Iranian society. The primary theme of Iranian meme culture, predominantly focused on gender, mirrors and reinforces deeply ingrained societal perceptions and cultural values, exacerbating gender disparities and contributing to the broader issue of gender inequality in Iran. Additionally, Iranian meme culture serves as a platform for digital natives to articulate their perspectives, emotions, and critiques on familial relationships and societal norms. By employing humor and shared experiences, this culture fosters a shift in societal discourse, ultimately challenging traditional power dynamics and patriarchal structures in Iran.

Upon analyzing Iranian online humor, jokes, and memes, it becomes apparent that within Iranian digital humor and meme culture, various forms of Bakhtin's carnival and grotesque humor are observed. While the online space functions as a public domain, providing equal opportunities for individuals to engage in laughter, these humorous expressions often target serious matters and, at times, criticize the gravity of official culture through laughter. In essence, the humor published in the Iranian online space as carnival culture represents a liberating action from existing ideologies. It dismantles hierarchies and established orders, as individuals within this public domain are equal. As a result, the seriousness of Iranian official culture is negated by these humorous expressions, momentarily weakening the system and creating a temporary liberation [15].

The analysis results of Iranian digital humor and memes reveal that the meme culture function as a medium to contest power and status disparities [6] [12]. The scarcity of venues for criticism and discussion has, in turn, sparked a cultural trend of generating and sharing humorous content in the form of jokes and memes [16]. Additionally, Bakhtin's concept of 'chronotope' (1981) has been utilized in the multimodal analysis of memes shared among Iranian immigrants. This examination demonstrated how they consistently recontextualize their immigrant experiences, thereby authenticating and further refining their hybrid identities as transnational Iranians. This process unfolds through the evocation of diverse time-space configurations within the meme's framework.

Conclusion:

The article emphasizes the significance of comprehending digital humor and meme culture in Iran due to its intricate and multifaceted characteristics. It underscores the influence of technology, social media platforms, and socio-political factors on shaping this phenomenon. The research demonstrates the transition from ethnic humor to digital gender-based jokes and memes, as well as the impact of patriarchal structures on Iranian humor and memes. By employing memes to critique familial ties and challenge established norms, Iranian digital natives contribute to the development of this cultural phenomenon. To attain a thorough understanding of the implications and potential consequences of digital humor and meme culture in Iran, more in-depth analysis is essential. In the realm of **future research**, it is crucial to address the prominence of relationship-centered memes within the Iranian digital native population, which has not been explicitly discussed in previous studies focusing on Iranian memes. This highlights a substantial gap in existing research that necessitates further examination.

This study offers valuable **contributions** to the fields of journalism and media studies by shedding light on the role, impact, and potential of meme culture in contemporary society. It has the potential to significantly influence journalism in various ways. Firstly, it emphasizes the importance of humor, specifically Bakhtin's carnival and grotesque humor, within digital and meme culture in Iran. This insight can assist journalists in understanding the role humor plays in shaping public opinion and engaging audiences.

Secondly, the research underscores the potential for social critique and liberation within Iranian meme culture. By comprehending this, journalists can explore the use of memes as a tool for challenging established norms and questioning prevailing ideologies, contributing to a more inclusive and diverse journalism landscape.

The study also highlights the significance of discursive power within meme culture, which can aid journalists in analyzing the power dynamics at play in online spaces and how memes can be used to disrupt or reshape these dynamics. Lastly, the findings encourage journalists to delve deeper into the interplay between culture, technology, and meme culture, potentially leading to innovative storytelling techniques and engaging content that resonates with diverse audiences.

In summary, this research has the potential to enhance journalism by providing a more profound understanding of the role, impact, and potential of meme culture in contemporary society.

Библиография

1. Лопухов С.В. Смеховые Интернет-жанры в современном коммуникативном пространстве // Научный журнал. – 2023. – С.129.

2. Форгани М.М., Абди С.Э. Репрезентация женщин в гендерных шутках. Критический дискурсивный анализ гендерных шуток о женщинах // Журнал исследований культуры и коммуникации. – 2016. – № 17 (33). С. 31-52.
3. Талеби М.А., Мирзай Х., Махдави С.М.С. Особенности гендерной репрезентации в персидских шутках Telegram // Научный ежеквартальный журнал исследований коммуникативной культуры. – 2018. – № 50. – С. 95 -117.
4. Абединифард М. Персидские шутки «Рашти»: современные иранские палимпсесты мужественности, основанной на гейрате // Британский журнал ближневосточных исследований. – 2019. – Т.46. -№ 4. – С. 564-582.
5. Талеби М.А., Мирзай Х., Махдави С.М.С. Диверсификация атмосферы шуток в персидском Telegram до и после ограничения использования этого мессенджера в Иране // Ежеквартальные исследования новых медиа. – 2019. -№ 21. – С. 213-246.
6. Разипур П., Торкаман Ф., Рахмани А. Социологическое исследование шуток, связанных с отношениями между социальными группами в Иране (с акцентом на шутки в Telegram в 2018 году) // Журнал социальных наук ATU. – 2018. – Т. 27. - № 89. – С. 201-232.
7. Сафири Х., Шахразад З. Тематический анализ шуток, которыми обмениваются в программе «Комната шуток» // Ежеквартальный журнал изучения культуры общения. – 2016. - № 39. - С. 81-108.
8. Молаасгари Ф. Исследование гендерного насилия в киберпространстве: магистерская диссертация по социологии. - Университет Пайам Нур, Центр Паранд, 2018. – 173 с.
9. Табатабаи С. Гендерная репрезентация в интернет-мемах как цифровой юмор /С. Табатабаи // Язык и речь в интернете: личность, общество, коммуникация, культура. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции: в 2-х томах. – М.: РУДН, 2022. - Т.2. – С. 354-361.
10. Канеи Р., Сейед М.А. Упадок патриархата, распад семьи или возникновение гражданского общества? Тегеран: Культурное обозрение, 2017. – 268 с.
11. Эзази Ш. Социология семьи с акцентом на роль, структуру и функции семьи в современную эпоху. Тегеран: Рошанган и женские исследования, 2008. – 234 с.
12. Табатабаи С. Интернет-мемы как эмоциональный дискурсивный инструмент нового поколения /С. Табатабаи // Язык и речь в интернете: личность, общество, коммуникация, культура. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции: в 2-х томах. – М.: РУДН, 2023. - Т.2. – С. 372-379.
13. Кемпер Т.Д. Власть и статус и властно-статусная теория эмоций. Справочник по социологии эмоций // Бостон, МА: Springer US. - 2006. – С. 87-113.
14. Экерт П. Язык и подростковые группы сверстников // Журнал языка и социальной психологии. – Т. 22. - № 1. – С. 112-118.
15. Торбати С., Махдави А. Критический дискурс-анализ шуток о ядерной сделке; репрезентация ядерного соглашения в персидских шутках // Квартальные исследования новых медиа. – Т.15. - № 1. – С. 111-146.
16. Таваколи С., Мансурель-Корж. Влияние социальных сетей на изменение личностных характеристик студентов Исламского университета Азад, Западный филиал Тегерана // Управление образованием и перспективы. – 2019. – Т.2. - №1. – С. 35-48.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Декодирование иранской культуры мемов и ее применение в журналистике», предлагаемая к публикации в журнале «Litera» на английском языке, несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения особенностей мемов в исламской стране. Так, за последние несколько лет исследования, посвященные юмору, в частности цифровому юмору и шуткам, продемонстрировали изменения в рецепции юмора и мемов среди населения Ирана.

Автор обращается к довольно животрепещущей теме наших дней. Как известно СМИ являются инструментом влияния на умы людей, кроме того, благодаря современным средствам связи информация быстро распространяется, а часть контента становится вирусным.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке.

Однако, при знакомстве с текстом работы возникают вопросы по практической части исследования. Из текста статьи не совсем ясен практический материал исследования, а именно автор не указывает объем отобранного языкового корпуса, методологию выборки и принципыбора.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Кроме того, не понятны задачи и цель исследования, что не позволяет соотнести их с полученными выводами.

Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых теоретические работы исключительно на русском языке, в том числе переводные зарубежные издания. Считаем, что обращение к оригинальным трудам на иностранном языке, несомненно, обогатило бы настоящую работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Декодирование иранской культуры мемов и ее применение в журналистике» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Дмитриева Н.М., Коробейникова А.А., Малахова О.М., Половникова А.Ю. Семантика и структура концепта «Богатырство» в былинах и современном языковом сознании // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70435 EDN: DUBLJU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70435

Семантика и структура концепта «Богатырство» в былинах и современном языковом сознании

Дмитриева Наталья Михайловна

ORCID: 0000-0002-5860-5374

доктор филологических наук

доцент, кафедра русской филологии и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный университет

460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, проспект Победы, 13

✉ dmitrieva1977@yandex.ru

Коробейникова Анна Александровна

ORCID: 0009-0002-9683-2962

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русской филологии и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный университет

460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Проспект Победы, 13

✉ SSSR2004@yandex.ru

Малахова Ольга Михайловна

ORCID: 0000-0002-0193-1646

старший преподаватель, кафедра русского языка, Оренбургский государственный медицинский университет

460000, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Советская, 6

✉ o1gamalahova@mail.ru

Половникова Анастасия Юрьевна

ORCID: 0000-0002-6024-0319

преподаватель, кафедра русского языка, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ polovnikova_ayu@pfur.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70435

EDN:

DUBLJU

Дата направления статьи в редакцию:

07-04-2024

Дата публикации:

14-04-2024

Аннотация: Предметом исследования является концепт «Богатырство» и его структурно-семантические особенности. Богатырство неразрывно связано с героем-богатырем и с сюжетом былин. В былинах он воспринимается как концепт-сценарий (скрипт), то есть формируется в процессе всего повествования. Однако исконная структура концепта представляется как концептуальное поле смыслов, вписанных в более сложное структурное образование – этический концепт «Мужество». Актуальность исследования продиктована высокой прецедентностью имени концепта и его доминантных вербализаторов. Семантическое поле концепта исследуется в этимологическом, историческом и актуальном слоях. Основная смысловая нагрузка этимологического слоя концепта складывается в церковнославянском языке. Исторический слой ярко представлен в словарях XIX и XX веков, в последнем фиксируется ограниченность "бытования" концепта жанром былины. Актуальный слой выявлен в процессе изучения сознания современной студенческой молодежи. Целью статьи является выявление опорных точек (слотов), которые легли в основу концепта «Богатырство», для чего были использованы методы анализа (анализ словарных дефиниций и контекстуальный анализ былин), семантический анализ (определены «опорные» семантические доли концепта «Богатырство», выделены их ключевые вербализаторы) и метод семантического эксперимента для выявления современного восприятия концепта. Основные выводы исследования: 1) концепт «Богатырство» имеет статичную фрейм-структуру и полевую структуру, включающую слоты «духовная сила» и «физическая сила». Духовная сила заключается в постоянной готовности постоять за родину как проявлении истинного мужества и героизма; в судьбе героя-защитника, предначертанной свыше; в христианской вере. Физическая сила богатыря является как бы олицетворением всей силы русского народа, данной Богом. 2) Эти слоты присутствуют в былинах в динамичной структуре скрипта: слот «физическая сила» разворачивается до целого эпического действия; слот «духовная сила» выражен через весь былинный нарратив – это само побуждение к активному действию, подвигу. Особым вкладом авторов и новизной исследования является проведение семантического эксперимента, установившего, что в сознании современных носителей языка концепт «Богатырство» представлен статично и включает оба слота, с преобладанием слота «духовная сила».

Ключевые слова:

концепт, этический концепт, языковая картина мира, богатырь, богатырство, фрейм, слот, концепт-сценарий, былина, поле концепта

Введение

Современное коммуникативное пространство характеризуется широкой прецедентностью. Одними из ярких прецедентных феноменов являются вербализаторы концепта «Богатырство». Лексемы *богатырь*, *богатырский*, прецедентные имена *Илья Муромец*, *Алеша Попович*, *Добрыня Никитич*, устойчивые словосочетания *силушка богатырская*, *богатырское здоровье*, *сила духа* и др. частотны в разных типах дискурса: в СМИ («На тотальном диктанте побывал Алеша Попович»; «В Чебоксарах родился Добрыня Никитич» «Комсомольская правда»), художественной литературе («Да, были люди в наше время, / Не то, что нынешнее племя: Богатыри – не вы» М. Лермонтов; «А дядя Прохор погиб, какой богатырь был!» Д. Балашов «Младший сын»; «В горницах жара, дым коромыслом, от богатырского пляса ходуном ходит посуда на столе»; «Келья разом показалась тесна для его богатырской стати» Д. Балашов «Симеон Гордый»; «Он был высокий – настоящий русский богатырь» В. Пелевин «Омон Ра»), кино («Последний богатырь», «Три богатыря» и т. д.) и других видах искусства («Три богатыря» Васнецова и др.).

Нашей задачей стало исследование становления концепта «Богатырство», особенностей его семантики и структуры, обусловивших ему столь значимое место в русской ментальности.

Методология исследования

В данной статье особое внимание уделено смыслам, составляющим поле концепта «Богатырство». С этой целью мы провели анализ словарных дефиниций и определили этимологический, исторический и актуальный слои концепта. С помощью контекстуального анализа выявили лексемы, формирующие образ главного героя былины и служащие вербализаторами концепта, выявили структуру концепта в дискурсе былин и определили константные семантические доли исследуемого концепта, наиболее соответствующие ментальности русского человека. Семантический эксперимент, проведенный разных специальностей Оренбургского государственного университета, позволил установить специфику восприятия вербализаторов концепта современной молодежью.

Полевая структура концепта в диахронии

Русская культурная традиция корнями уходит во времена Древней Руси, к первым векам принятия христианства, поэтому этимологический слой концепта следует искать в церковнославянском языке. Анализ семантики имени концепта показал, что исконно слово «богатырь» означало «силач, храбрец» [1, 50]. Само слово «храбръ» определяется в церковнославянском языке как «храбрец, силач, мужественный подвижник» и связывается с санскритским *sara* – «твердость, сила, крепость» и греческим словом, означающим «одаренный силой герой, храбрец» [1, 793–794]. Слово «сила» составителем словаря церковнославянского языка Г. Дьяченко сравнивается с санскритским и толкуется как «свойство, достоинство, красота и мощь» [1, 596]. К происхождению слова «богатырь» часто обращаются исследователи, пытаясь объяснить, почему из множества наименований смелых воинов именно богатырь укоренился в русской традиции как символ мужества. Нам думается, что основную роль сыграла в этом так называемая «народная/наивная этимология», связавшая главный смысл слова с Богом, который *богато* одарил богатыря духовным богатством и здоровьем, силой, умом и храбростью [2]. Именно об этом свидетельствует указанная Г. Дьяченко сема «мужественный подвижник», то есть совершающий подвиги. Обратим внимание, что на протяжении многих веков подвижниками назывались монахи, аскеты, которые принимали на себя тяжелые подвиги во имя Бога.

В. И. Даль определяет богатыря как «человека рослого, дородного, дюжего и видного; необычайного силача; смелого и удачливого, храброго воина; витязя» Кроме того, указывается и на такое значение как «сказочные богатыри-великаны, побивающие одним махом десятки врагов и чудовищ» [3, с. 102], что отсылает нас прежде всего к «старшим богатырям», олицетворявшим силы природы. В «Толковом словаре живого великорусского языка» вербализатор «богатырь» имеет большое словообразовательное гнездо, среди компонентов которого можно выделить этически значимые: богатырство (состояние, свойство богатыря) и богатырствовать (витязествовать, искать богатырских походов и совершать доблестные воинские подвиги) [3, с.102]. Интересно, что в XIX столетии богатырство мыслится и как черта характера, иначе говоря мужество, присущее не только мужчинам, о чем свидетельствуют лексемы: богатырка (женщина-богатырь), богатыренко (мальчик-богатырь) [3].

Итак, этимологический слой свидетельствует об этической значимости концепта (то есть о его отнесенности к системе ментальных ценностей), а включенные в его поле смысловые доли (*твердость, сила, крепость, достоинство, красота, мощь, одаренность Богом, подвиг*) говорят о включении его в структуру более сложного этического концепта «Мужество» [4, с. 136].

В XX столетии функционирование концепта изменяется, основной «средой его обитания» становятся былины. Обратим внимание, что слово «богатырь» Д. Н. Ушаковым определяется прежде всего как «герой русских былин», и хотя в толковании имени концепта сохраняется главная смысловая доля «подвиг» (в словаре: «преимущественно совершающий подвиги»), а в качестве примера указывается Илья Муромец, прославленный русский святой, ограниченность дискурса со временем приводит к устойчивой ассоциированности богатырства в основном только с былинным жанром и с физической силой (второе значение слова в словаре – «силач, храбрец») [5, с. 69]. Так, сема «герой русских былин» становится основной в толковании лексемы «богатырь» на протяжении всего XX века, но переносное значение «человек очень большой силы, стойкости, отваги» [6, с. 53], «воин, отличающийся необычайной силой, удалью, мужеством и умом» [7] актуализирует именно исконные этические смысловые доли концепта.

Словарь рубежа последних веков Т. Ф. Ефремовой закрепляет этически значимую сему «защитник родины, воин, отличающийся необычайной силой, мужеством, удалью» и вводит еще одно значение «незаурядный, выдающийся в какой-либо области человек», также относящееся к этической сфере [8].

Таким образом, слово «богатырь» и его производные в историческом слое концепта сохраняют исконное этическое значение (*человек богато одаренный физической и духовной силой, способный на подвиг, приводящий к святости*) как неосновное, а в первом значении четко ассоциируются с былинным эпосом.

Былина как среда «обитания» концепта «Богатырство»

В русской литературе насчитывается около ста сюжетов былин, причем каждый из них вариативен. При этом композиция эпического произведения стандартна и состоит из запева (не имеет прямого отношения к сюжету былины), зачина (начало повествования, как например, выезд богатыря из дома, встреча в чистом поле, пир, начало вражеского нашествия), кульминации, или основного действия, и исхода (финальная часть, то, что следует после разрешения конфликта, после победы богатыря). В эпическом

произведении всегда присутствуют устойчивые образы: богатырь, богатырский конь и чистое поле, – все они являются неотъемлемой частью традиционного былинного сюжета, без которых повествование невозможно.

Образ богатыря неотделим от определенных действий, которые он должен совершить: пребывание в чистом поле, сражение с врагом и победа над ним. Это обусловило особое «бытование» концепта «Богатырство» в былинах и его представление как концепта-сценария или скрипта. Под последним мы понимаем концепт, представляющий собой последовательность событий, разворачивающихся во времени и пространстве, то есть концепт, обладающий сюжетным характером: включает в себя объект, субъект, действие, причину и цель. Так, по словам М. Минского, «сценарий <...> может разветвляться на множество возможных путей, которые сходятся в особо характерных для сценария точках – элементарных действиях» [\[9, с. 133\]](#).

Следовательно статичное, характерное для русской картины мира представление концепта как фрейма, который состоит из нескольких статичных частей, иначе называемых опорными точками, слотами, которые мы определили как «духовная сила» и «физическая сила» [\[10\]](#) в былинном дискурсе структурируется иначе.

На современном этапе мы уже имеем стереотипное представление о богатырстве, поэтому сценарий, который разворачивается в былинном тексте, в отрыве от него сужается до фрейма, который отражает ключевые смыслы, то есть идеи богатырства в русской языковой картине мира. В период сочинения былин в сознании людей еще не сложился стереотип о богатырстве и богатырях, поэтому особую роль в экспликации концепта играют сюжеты былин. По мнению Н. В. Волосухиной «фрейм как концептуальная структура предполагает возможность его преобразования в сценарий при переходе в динамичное состояние, когда терминальные узлы и слоты функционируют в действии» [\[11, с. 43\]](#). Так, базовые слоты фрейма «Богатырство» – «духовная сила» и «физическая сила» – под воздействием эпического жанра приобретают динамичное состояние. Общая модель скрипта «Богатырство» в былинах включает в себя такие сюжетные элементы, как 1) появление героя (дорога к князю Владимиру или наставление родителей), 2) получение героем мотивировки к дальнейшему сражению / получение задания от князя или просьбы от людей защитить родную землю, 3) сражение героя с врагом, 4) победа героя над врагом. В отдельно взятой былине сюжет может видоизменяться: элементы могут дополняться, дублироваться или меняться местами.

Первым сюжетным действием в былине всегда выступает появление главного героя. В эпическом произведении о богатырях присутствуют определенные топосы. Первый представлен дорогой к Киеву: «Нам ехать, не ехать во Киев-град, – / Да Киеву-городу на оборону...» [\[12, с. 97\]](#); «Из того ли города из Муромля, / Из того ль села да Карочирова / Выезжал дуродный добрый молодец <...> В стольно-Киев-град» [\[12, с. 75\]](#). Отметим, что главный герой всегда направляется в Киев, преследуя благие намерения: он хочет проявить себя как защитник родной земли, сослужить службу князю и народу: «Да Киеву-городу на оборону, / А нам, добрым молодцам, на выхвальбу» [\[12, с. 97\]](#).

Следующим топосом является чисто поле, которое неразрывно связано с дорогой в Киев, оно является как бы промежуточным пунктом между отчим домом и столицей: «Из далече-далече из чиста поля...» [\[12, с. 97\]](#); «Едет добрый молодец да во чистом поле» [\[12, с. 67\]](#). В сюжете данный топос сопряжен с получением богатырем благословения или наказа от родителей, а также с мыслями о предстоящем пути. Указанные элементы

выполняют сюжетно-прогностическую функцию, так как задают и прогнозируют те части концепта-сценария, которые будут совершены богатырем. Наказ родителей выражен в форме отрицательного наклонения, нарушение наказа представлено в форме прошедшего времени изъявительного наклонения. Такое соотношение глагольных форм обеспечивает динамику: ирреальная модальность преобразуется в реальную, причем действие мыслится не просто как совершаемое, как процесс, а как уже совершенное, причем в этом фрагменте сюжета важен не само действие как таковое, а нарушение наказа: *«Ты не ездит-тко на гору Сорочинскую, / Не топчи-тко там малых змеенышов, / Не выручай же полону там русского, / Не куплись-ка ты во матушке Пучай-реки...»* [12, с. 104]; *«Ездил он на гору Сорочинскую, / Топтал он тут малых змеенышков, / Выручал тут полону да русского, / Тут купался да Добрыня во Пучай-реки...»* [12, с. 104]. Обратим внимание также на глагольные формы, используемые при передаче размышлений главного героя о выборе пути. При описании начала пути употребляется глагол настоящего времени изъявительного наклонения. Это указывает на то, что богатырь именно в настоящий момент делает выбор, который определит дальнейший сюжет: *«Из далече-далече из чиста поля / Тут едут удали два молодца...»* [12, с. 97]. Сами размышления переданы с помощью глаголов будущего времени или инфинитива, передающих возможные варианты развития событий и их последствия: *«Да будет добрым молодцам испропитися, / Пройдет про нас славушка недобрая...»* [12, с. 97]. Выбранный героем путь и движение по нему даются в форме прошедшего времени изъявительного наклонения: *«Но поехал добрый молодец в ту дорожку, где убиту быть»* [12, с. 68]. Нами было также обнаружено использование глагола настоящего времени с приставкой при-со значением завершенности, достижения результата: *«Приезжают ко городу ко Киеву, / Ко тому жо князю ко Владимиру...»* [12, с. 97]. Данная форма указывает на обусловленность сделанного богатырем выбора: у него не может быть другого пути. Такая детерминированность выбора, подчеркнутая глагольными формами, выражает, на наш взгляд, представление о богатырстве в сознании русского народа как о судьбе защитника Земли Русской, начертанной свыше, о жизненном пути, с которого герою невозможно свернуть.

Итак, использованные в начале былины глаголы со значением движения («попасть», «едут», «ходил-гулял», «выезжал») и лексемы, называющие пространство и сам путь («чисто поле», «путь-дорожка»), демонстрируют динамичность концепта «Богатырство». Стоит также отметить, что средством передвижения героя всегда является богатырский конь, который в сражениях выступает его верным помощником. Так, представление о богатырстве имеет тесную связь с двумя фундаментальными для русской культуры образами – богатырским конем как постоянным помощником народного героя и чистым полем как главным пространством проверки русского духа. Поэтому богатырь в былинах отражает главный смысл русского концепта «Богатырство», он не является каким-то отдельным героем, а олицетворяет собой героизм и мужество в целом.

Обязательным условием при создании былинного героя является вера в Бога. На это указывают лексемы, репрезентирующие христианское мироощущение богатыря: «молитва», «прощение», «христовский», «благословенье», «Бог», «крест», «Исусовый», «Богородица» и другие. Подчеркивает христианское мировоззрение героя и почитание родителей, и безраздельное служение родной земле и русскому народу, и сам топос Земли Русской и чистого поля как ее неотъемлемого элемента, который всегда становится основным местом сражения героя с врагами. Главным мотивом действий и решений богатыря всегда выступает желание защитить родину, что отсылает нас к статичной структуре концепта.

Однако стоит отметить, что в сюжете былины сражение героя с врагом происходит по просьбе его родителей, народа, князя Владимира или по необходимости. Такая постоянная готовность вступить в сражение с недругом ради другого, «за други своя» – проявление истинного героизма. Например: *«Нагнано там силушки черным-черно, / А черным-черно как черна ворона, – / Хотут черных мужичков да всех повырубить, / Хотут церкви божии на дым спустить»* [12, с. 67]. При этом богатырем движет желание спасти русского мужика, мирного крестьянина, которому грозит опасность, защитить родную землю, которую собирается погубить враг, спасти церкви. У героя нет иного выбора, он воин, которому судьбой предначертано защищать Землю Русскую. Отметим, что невозможность отказа от сражения продиктована, в том числе, и жанровой особенностью эпического произведения. И первый, и второй элементы концепта-сценария в основном отображают слот «духовная сила» в его подвижном состоянии: мы можем не только определить элементы этого слота, его экспликации, но и понять, почему он является базовым в строении концепта. Концепт «Богатырство» осмысливается через духовную силу, потому что богатырь воспринимается русским народом как герой, всегда готовый встать на защиту родной земли. При этом им движут не корыстные мотивы, а чувство долга и искренняя любовь к родине, желание подвига во имя веры. Богатыри полагаются на Бога, возносят молитвы и действуют во имя русского народа, во имя Руси: *«Пресвятая ти ли мати богородица! / А стоел я за веру христовую, / Я держался того креста распятого...»* [12, с. 115], *«...Он втапоры, Олеша сын Попович-от, / Он молится Спасу воздержателю, / Чудной мати Богородице...»* [1, с. 100], *«Молится Миколы Можайскому, / Еще пресвятой богородице, / Самому Христу, царю небесному...»* [12, с. 316].

Значима и сама динамичная часть сюжета – сражение богатыря с врагом. В большей степени в этом эпизоде вербализуется слот «физическая сила». Место богатырского сражения никогда не меняется: действие происходит во чистом поле. Интересны размышления В. В. Колесова об особом семантическом наполнении концепта «Чистое поле», в котором отражено его и поэтическое, и историческое осмысление. Так, «чистое поле» понималось средневековым человеком как бесконечное пространство, что «и взглядом не окинешь», которое ничем не ограничено, а в XIV-XVI вв. в эпических произведениях этот образ приобретает значение «место битвы». Мы считаем, что важной характеристикой «чистого поля» является не только его неограниченность и бесконечная протяженность, но и то, что оно является определенной границей, исторически разделяющей страны и народы, а эпически – добро и зло, свое и чужое, героя и врага. Однако поле, воспринимаясь как пограничное пространство, все же остается «своим»: здесь герой сражается с врагом – «чужим» русскому народу, в этом месте он вырастает физически и духовно, во время битвы мы слышим угрозы врага, направленные к полю, то есть недруг тоже воспринимает это место как часть русской земли. В целом, в эпической традиции поле есть «мир, открытый для подвигов, пределы знакомой жизни» [13, с. 171]. Ученый также упоминает отличительную особенность поля как места сражения: во чистом поле все герои равны, причем не только друг перед другом, но и перед судьбой. И угрозы врага в былине направлены не только Руси, народу и герою, но и чистому полю: *«Как все травушки-муравы уплетались, / Все лазоревы цветочки осыпались, / Мелкие лесушки к земле да приклонялись...»* [12, с. 77]. В этом случае образ чистого поля становится символом самой Руси. Как отмечает В. В. Колесов, чистое поле является и местом гибели богатыря. Обагрённое богатырской кровью поле становится святым.

В целом, структура всех сражений и их итог в былинах одинаковы. Герой, движимый глубоким чувством справедливости, вступает в схватку с недругом. Обычно враг не уступает герою в силе. Возникает вопрос: почему же победа всегда на стороне героя? По нашему мнению, причина кроется в различной природе сил. Богатырская сила олицетворяет всю силу русского народа, она исходит от самой Русской земли, благословлена Богом и всегда направлена во благо. Сила врага же необычайна, но ее цель – захват земли и убийство народа. Эти силы как бы представляют собой противостояние «своего» и чужого», поэтому победа всегда остается за богатырем, выступающим на стороне добра. Согласно закону эпического жанра, не может быть другого исхода. Однако в этом неизменно проявляется и духовный закон, ключевая идея, свойственная менталитету русского народа.

Обратим внимание, что в описании врагов всегда присутствуют признаки нечеловеческого или чужого: Тугарин – «змея» и «собака», разбойники – с земли Индийской, у Соловья-разбойника – звериные черты во внешности. При характеристике богатыря же часто встречается постоянный эпитет «добрый молодец», у него всегда есть родители, он назван обычным русским именем и имеет отчество – все указывает на то, что он человек своего рода, своей земли.

Христианское мироощущение героя, чувство справедливости и желание уничтожить зло переводят сражение в сферу духовного. Указанная составляющая боя проявляется в том, что богатырь храбро вступает в него, полагаясь на данную Богом невероятную физическую и духовную силу. Однако в некоторых сюжетах встречаются эпизоды, когда сама божественная сила становится помощником богатыря в страшной битве. Такая сила неувидительна для героя, так как он является защитником святой христианской земли и бьется за правое дело, спасая русский народ от поганой силы, оскверняющей родную землю. Например, Алеша Попович бьется с Тугариным Змеем, который «...богу собака не молится» [12, с. 98], Илья Муромец – с татарами, пытающимися уничтожить христианскую веру, и с разбойниками, разворовывавшими ценности в православном храме, Добрыня Никитич – с похищавшим русский народ змеем.

Сюжет любой былины стремится к описанию богатырского подвига, кульминация которого всегда – победа богатыря над вражеской силой. При этом богатырь не просто побеждает какого-то определенного врага, а искореняет в его лице всю чужеродную силу, которая несла гибель земле русской. В конце битвы враг всегда умирает, причем его смерть описывается так же подробно, как и само сражение. Отметим, что данный эпизод строится по определенной формуле, сложившейся в былинной традиции. Так, проливается поганая кровь в традиционном месте сражения – во чистом поле, а разрубленное тело врага и отсечение его головы является олицетворением полной победы богатыря: «Он машот шалыгой подорожною / По Тугариновой-де по буйной головы, – / Покатилась голова да с плеч, как пуговица <...> Правой-то рукой да он трупье секет, / Рассек-то трупье да по мелку частью, / Разметал-то да по чисту полю...» [12, с. 101], «Отрубил ему тут буйну голову, – / Половину роет он серым волкам, / А вторую половину – черным воронам» [12, с. 83]. В конце повествования приводится подтверждение богатырской силы, выраженное в невозможности возвращения врага на русскую землю: «Как ведь с той поры, с того времечка / А не стало Соловья-разбойника» [12, с. 83].

Каждый элемент былины рассказывает именно о подвиге, совершенном богатырем. Если во фреймовой структуре концепта «Богатырство», богатырский подвиг становится частью стереотипа, то здесь, в концепте-сценарии, мы видим процесс разворачивания

богатырского подвига – от появления богатыря во чистом поле до одоления врага, причем подвиг этот осмысливается в масштабе глобальном: богатырь борется за всю Русь, за весь русский народ.

Подводя итоги изучения функционирования концепта в былинном тексте, необходимо подчеркнуть, что фреймовая структура представляет собой основу концепта, тогда как до сценария концепт разворачивается в определенных условиях, в нашем случае – в былине. Единицы, которые осмыслились статично в фрейме, теперь даны в динамике: весь слот «физическая сила» теперь не просто называется, а разворачивается до целого эпического действия. В полной мере он выражен в элементах «Сражение героя с врагом», «Победа героя над врагом». Слот же «духовная сила» также проходит через всю былинную: само побуждение к активному действию, подвигу носит высоко духовный характер.

Представление о богатырстве в сознании современных носителей языка

Для исследования современного представления концепта «Богатырство» нами был проведен семантический эксперимент среди 147 студентов разных специальностей Оренбургского государственного университета. Отметим, что количество респондентов женского и мужского пола было практически одинаковым (75 юношей, 72 девушки), и разница в содержании ответов не обнаружена. Респондентам предлагалось определить значения слов-имен концепта «богатырь» и «богатырство». Результаты эксперимента показали, что 19 % испытуемых соотносят лексемы «богатырь» и «богатырство» с героем былин. Однако ответов, в которых не задействована фреймовая структура концепта оказалось очень мало: *персонаж былин (ж), герой сказок (ж), герой русских сказок, былин (м), герой русских былин (м)*. Большая часть ответов содержала семы, относящиеся к слотам «духовная сила» и «физическая сила»: *образ из русских сказок, описывающий храброго, мужественного, сильного героя-защитника (ж), герой в рассказах с положительным набором качеств: честность, сила, храбрость (ж), герой былин, сильный и храбрый (м), герой русских произведений. Он сильный, крупный и смелый (м), литературный герой, наделенный силой и способен защищать свой народ (ж), герой русского фольклора, символ чести, доблести, силы и справедливости на Руси (м), герой сказок, совершающий подвиги (ж), герой русских былин, сильный, отважный, храбрый мужчина (ж), сильный, крепкий мужчина, герой русских сказок (ж) и другие.*

Ответов, где бы указывался только слот «физическая сила», оказалось меньшинство – 10 %. Например, *человек, обладающий сильной физической силой (ж); человек с высокими физическими показателями (м); человек, обладающий великой силой (м); человек, имеющий огромную силу (м) и другие*. Подавляющее большинство ответов показало актуализацию для современных носителей языка именно слота «духовная сила»: *человек, наделенный силой воли, характером, храбростью, помогающий людям без корыстных целей (ж); человек, любящий свою страну, имеющий невероятную силу и храбрость, совершающий героические поступки (ж); человек-патриот с высокими духовными ценностями, готовый всегда защищать свою родину (ж); сильный, волевой, мужественный русский мужчина с крепким телосложением (ж); герой, воин крепкого телосложения, способный пойти на отважный, смелый поступок (м); мужественный, отважный и храбрый человек (м); сильный, мужественный человек, готовый прийти на помощь в тяжелое время (ж); человек, обладающий большой силой и совершающий подвиги (ж); крепкий физически и морально мужчина, способный постоять за себя, свою семью и родную землю (ж); мужественный и сильный человек, который умеет постоять за свою родину (ж); русский мужчина, который совершает какие-то подвиги, сильный, смелый, честный человек (ж); русский защитник, который обладает силой и умом (ж);*

человек, сильный духом и одаренный физически, который помогает из лучших побуждений (ж); сильный, мужественный, отважный человек, который готов на все ради Родины, семьи (м); сильный мужчина, который всегда выступает за добро (м); доблестный воин, который защищает честь народа (м) и другие.

Анализ ответов показал, насколько актуален сегодня исконный смысл (этимологический слой концепта), в ответах использовались почти все доминантные вербализаторы концепта «Богатырства», объединяющие его с этическим макроконцептом «Мужество»: *бескорыстный, готовый на подвиг, добрый, жертвенный, защитник Родины, защитник, мужественный, одаренный, отвага, сила духа, смелый.*

Выводы:

- 1) обозначены этимологический, исторический и актуальный слои концепта,
- 2) прослежена структура концепта в диахронии от статичного концепта-скрипта до концепта-сценария и стереотипа,
- 3) исследование текстов былин позволило проследить формирование опорных точек, составивших основу стереотипного представления о концепте «Богатырство», закрепившегося в русской языковой картине мира,
- 4) семантический эксперимент позволил определить актуальность слота «духовная сила» в сознании современных носителей языка и подтвердить включенность концепта «Богатырство» в семантическое поле этического концепта «Мужество».

Библиография

1. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь / Г. Дьяченко. М. : Отчий дом, 2001. 720 с.
2. Дмитриева Н. М. Семиотика концептов «Мужество» и «Богатырство» в русской языковой картине мира // Н.М. Дмитриева / Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика: сб. Международной научно-практической конференции. М. : РУДН, 2022. С. 59–66.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1 А-З. 6-е изд. М., 2011. 699 с.
4. Дмитриева Н. М. Морально-нравственные концепты в этической концептосфере русской языковой картины мира / Н.М. Дмитриева. Оренбург : ОГУ, 2017. 196 с.
5. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. М. : Дом. XXI век, 2010. 512 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 80 000 слов. 4-е изд., дополненное / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М. : «Азбуковник», 2003. 944 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е издание. Т.1. М.: Русский язык, 1985. 696 с.
8. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 1. М. : АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2005. 1168 с.
9. Минский, М. Фреймы для представления знаний: [пер. с англ.] / М. Минский. М. : Энергия, 1979. 152 с.
10. Дмитриева Н. М. Этическая составляющая концепта «Богатырство» в русской языковой картине мира (на примере творчества Ф. М. Достоевского) // Н. М. Дмитриева, А. Ю. Половникова / Творчество Ф. М. Достоевского в контексте мировой культуры: сборник М. Ю. Елепова. Архангельск : ИД САФУ, 2022. С. 114–

119.

11. Волосукина, Н.В. К вопросу о трактовке понятий «концепт» и «фрейм» в современной лингвистике // Н.В. Волосукина / Университетские чтения. 2020. Т. 2010. С. 41–45.
12. Былины / вступ. статья, подготовка текста и примеч. Б.Н. Путилова. Л. : Советский писатель [Ленингр. отделение], 1957. 486 с.
13. Колесов, В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове / В. Колесов. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 1120 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Семантика и структура концепта «Богатырство» в былинах и современном языковом сознании», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», содержит рассмотрение составных компонентов концепта «Богатырство» в современном русском языковом сознании. Основными методами исследования послужили анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ, семантический эксперимент.

Тема статьи является актуальной, так как результаты исследования помогают охарактеризовать один из значимых элементов традиционной русской духовной культуры в структурно-семантическом и лингвокультурологическом аспектах. Статья затрагивает проблемы мужества, патриотизма, заключенные в языковом сознании народа, что является очень востребованной сферой изучения в условиях современных социокультурных реалий. В этом отношении материалы и результаты исследования будут полезны не только для языкознания, но и для дидактики, в воспитательной работе с обучающимися.

Статья четко структурирована. В имеющихся разделах «Полевая структура концепта в диахронии», «Былина как среда «обитания» концепта «Богатырство», «Представление о богатырстве в сознании современных носителей языка» последовательно проводится анализ исследуемого концепта.

Следует согласиться с автором, который прослеживает видоизменение понятия богатырства в сознании носителей языка, связывающих его не с конкретными людьми, как было в былые времена, а с былинными героями.

Необходимо отметить, что работа содержит новые выводы относительно использования компонентов концепта «Богатырство». Так, автор представляет свою трактовку этимологии слова «богатырь», связывая слово с «мужественным подвижником» Бога, подразумевая под подвижниками монахов, аскетов, «которые принимали на себя тяжелые подвиги во имя Бога». Также рассматривает морфологическую обусловленность детерминированности выбора тех или иных грамматических форм («детерминированность выбора, подчеркнутая глагольными формами, выражает, на наш взгляд, представление о богатырстве в сознании русского народа как о судьбе защитника Земли Русской, начертанной свыше, о жизненном пути, с которого герою невозможно свернуть»).

Интересен проведенный автором семантический эксперимент среди 147 респондентов для исследования современного представления концепта «Богатырство», который «позволил определить актуальность слота «духовная сила» в сознании современных носителей языка и подтвердить включенность концепта «Богатырство» в семантическое

поле этического концепта «Мужество».

В целом, статья раскрывает этимологический, исторический и актуальный слои концепта «Богатырство»; прослеживает структуру концепта в диахронии от статичного концепта-скрипта до концепта-сценария и стереотипа; устанавливает опорные точки, составившие основу стереотипного представления о концепте «Богатырство» в русской языковой картине мира.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Статья безусловно представляет интерес для читательской аудитории, помогает составить полноценное представление об изучаемом концепте.

Указанные в библиографии статьи 13 источников способствуют раскрытию основной темы исследования.

Считаю, что статья «Семантика и структура концепта «Богатырство» в былинах и современном языковом сознании» может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Голиков А.А., Акимов Д.А., Данилова Ю.Ю. Оптимизация традиционных методов определения сходства наименований проектов и закупок с использованием больших языковых моделей // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70455 EDN: FRZANS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70455

Оптимизация традиционных методов определения сходства наименований проектов и закупок с использованием больших языковых моделей

Голиков Алексей Александрович

аспирант, Отделение филологии и литературы, Кафедра русского языка и литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Елабужский институт)

109316, Россия, г. Москва, ул. Волгоградский Пр., 42

✉ ag@mastercr.ru

Акимов Дмитрий Андреевич

ORCID: 0009-0004-2800-4430

кандидат технических наук

Аналитик, ООО "Мастерская цифровых решений"

109316, Россия, г. Москва, Волгоградский пр., 42

✉ akimovdmitry1@mail.ru

Данилова Юлия Юрьевна

ORCID: 0000-0001-5736-0590

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка и литературы, Елабужский институт (филиал) Казанского федерального университета

423604, Россия, республика Татарстан, г. Елабуга, ул. Казанская, 89

✉ danilovaespu@mail.ru

[Статья из рубрики "Автоматическая обработка языка"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70455

EDN:

FRZANS

Дата направления статьи в редакцию:

09-04-2024

Дата публикации:

16-04-2024

Аннотация: Предметом исследования является анализ и совершенствование методов определения релевантности наименований проектов к информационному содержанию закупок с использованием больших языковых моделей. Объектом исследования служит база данных, содержащая наименования проектов и закупок в сфере электроэнергетики, собранная из открытых источников. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как применение метрик TF-IDF и косинусного сходства для первичной фильтрации данных, а также детально описывает интеграцию и оценку эффективности больших языковых моделей, таких как GigaChat, GPT-3.5, и GPT-4 в задачах сопоставления текстовых данных. Особое внимание уделяется методикам уточнения сходства наименований на основе рефлексии, введенной в промпты больших языковых моделей, что позволяет повысить точность сопоставления данных. В исследовании использованы методы TF-IDF и косинусного сходства для первичного анализа данных, а также большие языковые модели GigaChat, GPT-3.5 и GPT-4 для детальной проверки релевантности наименований проектов и закупок, включая рефлексию в промптах моделей для улучшения точности результатов. Новизна исследования заключается в разработке комбинированного подхода к определению релевантности наименований проектов и закупок, сочетающего традиционные методы обработки текстовой информации (TF-IDF, косинусное сходство) с возможностями больших языковых моделей. Особым вкладом автора в исследование темы является предложенная методика повышения точности сопоставления данных за счет уточнения результатов первичного отбора с помощью моделей GPT-3.5 и GPT-4 с оптимизированными промптами, включающими рефлексию. Основными выводами проведенного исследования являются подтверждение перспективности применения разработанного подхода в задачах информационной поддержки процессов закупок и реализации проектов, а также возможность использования полученных результатов для развития систем интеллектуального анализа текстовых данных в различных отраслях экономики. Исследование показало, что использование языковых моделей позволяет улучшить значение F2-меры до 0,65, что свидетельствует о значительном повышении качества сопоставления данных по сравнению с базовыми методами.

Ключевые слова:

TF-IDF, косинусное сходство, большие языковые модели, GigaChat, GPT-4, анализ текстовых данных, рефлексия в промптах, определение релевантности, проекты и закупки, оптимизация бизнес-процессов

1. Введение

Решение задачи определения сходства документов или предложений актуально для большого количества бизнес-кейсов: в рекомендательных системах, в поисковых системах, чат-ботах, при проверках научных работ на плагиат и др. [\[1, 2\]](#). В компании авторов статьи (ООО «Мастерская цифровых решений», г. Москва) данная задача решается для сопоставления проектов и закупок в электроэнергетике в России по их

наименованию. Например, закупка «Выполнение строительно-монтажных работ по модернизации систем компенсации емкостных токов на ПС 110 кВ Бурдун для нужд филиала АО «Россети Тюмень» Тюменские электрические сети», очевидно, связана с проектом «Модернизация систем компенсации емкостных токов на ПС 110 кВ Бурдун (4 шт.)» и не связана с проектом «Оборудование комплексом по обеспечению информационной безопасности энергообъектов ПАО «МОЭСК» (5 этап), в т.ч. ПИР (26 шт. (прочие))». Решение данной задачи позволяет компаниям, желающим принять участие в поставке своих материалов, комплектующих и изделий для того или иного проекта, отыскать нужные закупки и принять участие в соответствующих тендерах, а также косвенно по наличию или отсутствию закупок отслеживать ход проекта. Для заказчиков данный сервис помогает привлечь большее количество поставщиков и тем самым повысить конкуренцию и улучшить условия закупки. Кроме того, решение задачи соответствует современным трендам по интеллектуальной обработке больших объемов данных, продолжающейся цифровой трансформации предприятий и их бизнес-процессов.

Вышеупомянутая задача на первый взгляд представляется обманчиво простой, поскольку требуется эффективно попарно сопоставить между собой не большие объемы текста со сложной смысловой нагрузкой, а наименования в виде двух предложений. Однако на самом деле данная задача является довольно нетривиальной, поскольку количество проектов и закупок в электроэнергетике в России измеряется ежегодно десятками и сотнями тысяч, присутствуют специализированные термины, номинации, аббревиатуры, не представленные широко за пределами отрасли. Кроме того, зачастую в наименовании проекта или закупки не содержится полная информация, позволяющая выполнить однозначное сопоставление. Например, не представляется возможным точно определить, соотносятся ли между собой проект «Создание интеллектуальной системы учета электрической энергии в рамках исполнения Федерального закона от 27.12.2018 № 522-ФЗ в филиале ПАО «Россети Кубань» Усть-Лабинские электрические сети (5129 т.у.)» и закупка «Право заключения договора на поставку приборов учета электрической энергии (мощности) в рамках исполнения требований Федерального закона от 27.12.2018 № 522-ФЗ для обеспечения потребности ПАО «Россети Кубань» в 2023 году», поскольку невозможно, исходя из названий, однозначно ответить на вопрос, пойдут ликупаемые для ПАО «Россети Кубань» приборы учета электрической энергии для его филиала Усть-Лабинские электрические сети, указанные в наименовании проекта.

Таким образом, решаемая задача является нечеткой, ее ответ не всегда возможно определить достоверно даже с участием эксперта, однако объем сопоставляемых данных при этом диктует необходимость создания алгоритмического решения. Вместе с тем данная задача является актуальной, обладающей большим практическим значением для заказчиков и поставщиков товаров и услуг не только в электроэнергетике, но и в иных отраслях экономики, а методологические подходы, использованные при ее успешном решении, могут быть использованы и для решения аналогичных задач (например, для создания рекомендательных систем, предлагающих схожие закупки с теми, которыми интересовался пользователь и др.). Объектом исследования является база данных, содержащая наименования проектов и закупок (для сбора эмпирического материала были использованы открытые источники, содержащие инвестиционные программы и закупки электросетевых компаний), предметом исследования – определение релевантности наименования проекта информационному содержанию закупки. Научная значимость исследования заключается в применении оперативных возможностей больших языковых моделей в качестве дополнения к классическим методам обработки текстовой информации. Целью исследования является повышение точности сопоставления проекта и закупки, а задачи включают анализ текущих методов

определения сходства двух предложений и оценку эффективности новых подходов к этой же задаче.

2. Реализация алгоритма определения сходства наименований проектов и закупок

Для решения задачи определения сходства двух предложений могут быть использованы различные методы:

- 1) методы, использующие метрики сходства последовательности символов (сходство Жаккара, расстояние Левенштейна, сходство Джаро-Винклера и др.) [\[3, 4\]](#);
- 2) методы, использующие преобразование текста в векторное представление (Word2vec, TF-IDF), что позволяет на следующем шаге выполнить расчет косинусного сходства [\[5, 6\]](#);
- 3) методы, также использующие преобразование текста в векторное представление, но задействующие при этом глубокие нейронные сети с большим числом параметров (BERT, GigaChat, ChatGPT и др.) [\[7, 8\]](#).

Поскольку, как было упомянуто выше, ежегодное количество проектов и закупок в электроэнергетике России измеряется десятками, а то и сотнями тысяч в год, то количество попарных сопоставлений наименований каждого проекта и закупки может достигать 10 миллиардов, что естественным образом подталкивает к применению не слишком вычислительно затратных решений или же, по крайней мере, к использованию для первоначального отбора потенциальных пар «проект – закупка» достаточно простых и быстрых методов.

К простым методам можно отнести методы, использующие метрики сходства последовательности символов, или же преобразование слов в векторы с использованием TF-IDF с последующим расчетом косинусного сходства. Очевидно, что в данном случае больше подходит второй вариант – вычисление TF-IDF и косинусного сходства, поскольку схожесть проекта и закупки в первую очередь проявляется в достаточно редких для рассматриваемого корпуса текста словах (адресах, наименованиях подстанций), а не в сходстве последовательностей символов полных наименований проекта и закупки.

Напомним, что TF-IDF (аббревиатура от англ. term frequency inverse document frequency, что буквально «частота термина, обратная частота документа») рассчитывается как произведение двух сомножителей – TF и IDF.

$$TF(t, d) = \frac{n_t}{\sum_k n_k},$$

где n_t – количество раз, когда термин t встречается в документе d ; $\sum_k n_k$ – общее количество терминов в документе d . То есть TF – мера частоты вербального воспроизведения термина (или другой конкретной номинации) в документе.

$$IDF(t, D) = \log \frac{|D|}{|\{d_i \in D \mid t \in d_i\}|},$$

где $|D|$ – общее количество документов, $|\{d_i \in D \mid t \in d_i\}|$ – количество документов, содержащих термин t . Так, IDF отражает обратную частоту встречаемости слова в документах: чем реже слово, тем больше IDF.

Соответственно TF-IDF является произведением вышеупомянутых показателей TF и IDF и принимает высокое значение для редких терминов (например, наименования подстанций, географические названия) и низкое для частотных (служебные части речи,

ключевые слова типа «подстанция», «линия» и т.д.):

$$TF-IDF(t, d, D) = TF(t, d) \times IDF(t, D)$$

В данном случае, поскольку в качестве «документа» из классического определения TF-IDF выступает достаточно короткое наименование проекта или закупки, является допустимым и использование только IDF, т.к. в коротких наименованиях внутри самого наименования отдельный термин зачастую встречается один раз, однако использование классического показателя TF-IDF дает, как показали результаты анализа, аналогичный результат.

За счет вычисления TF-IDF для каждого термина в тексте возможен перевод наименований проектов и закупок в векторное представление. Например, если есть проект «установка приборов учета» и «закупка приборов учета», то возможным векторным представлением для наименования проекта является четырехмерный вектор {1, 0, 0.5, 0.5}, а для наименования проекта {0, 1, 0.5, 0.5}, т.е. общий корпус слов состоит из четырех терминов, из которых два слова встречаются один раз (более высокое значение TF-IDF) и два слова встречаются два раза каждое (более низкое значение TF-IDF). Для корпуса, содержащего тысячи слов, векторы, соответствующие отдельным наименованиям закупок и проектов, будут разреженными, т.е. почти для всех координат будут нули кроме координат, соответствующих словам, содержащимся в наименовании.

Далее после определения векторов, соответствующих наименованиям проектов и закупок, возможно провести попарный расчет косинусного сходства между каждым проектом и каждой закупкой. Косинусное сходство между двумя векторами A и B может быть рассчитано как [\[9\]](#):

$$\cos(A, B) = \frac{\sum_{i=1}^n A_i B_i}{\sqrt{\sum_{i=1}^n A_i^2} \times \sqrt{\sum_{i=1}^n B_i^2}},$$

где A_i , B_i – i-е элементы векторов A и B размерностью n каждый.

Таким образом, возможно получить все попарные значения сопоставлений проектов и закупок, выраженные численно: по результатам анализа было определено, что соответствующие друг другу проекты и закупки встречаются, начиная с косинусного сходства 0,44 и выше (максимальное значение 1 соответствует полностью совпадающим словам в наименовании проекта и закупки). Однако не все проекты и закупки со значением косинусного сходства больше 0,44 являются соответствующими друг другу. Можно лишь отметить общую тенденцию: чем больше косинусное сходство, тем больше вероятность того, что проект и закупка соответствуют друг другу. Поэтому отбор пар «проект – закупка» с помощью расчета косинусного сходства векторов, полученных на базе TF-IDF, можно считать первоначальным. На наш взгляд, его можно оптимизировать с помощью применения больших языковых моделей.

Было реализовано обращение по API к большим языковым моделям Gigachat, GPT-3.5, GPT-4 со следующим промптом: «Твоя задача: точно определить, есть ли связь между проектом и закупкой. Связь существует, только если название объекта (с прописной буквы) или его номер, или географический адрес в названии проекта и закупки полностью идентичны. "Проект: 'наименование проекта'. Закупка: 'наименование закупки'. Есть ли между ними точная связь?».

Впоследствии по результатам анализа качество работы больших языковых моделей было

улучшено за счет такого известного приема, как введение рефлексии [10], а именно в промпт было добавлено: «В случае ответа 'да', будь готов точно указать, в чем состоит связь. В случае ответа 'нет', будь готов пояснить, почему нет».

Для возможности автоматической обработки ответа модели формат ответа должен быть зафиксирован, поскольку иначе большая языковая модель может отвечать длинным предложением, непригодным для последующей автоматической обработки. Для этого в промпт было добавлено: «Ответ 'да' или 'нет' в формате JSON. Например: {'answer': 'да'}». Таким образом, финальный пайплайн обработки данных по проектам и закупкам выглядит следующим образом (рисунок 1).

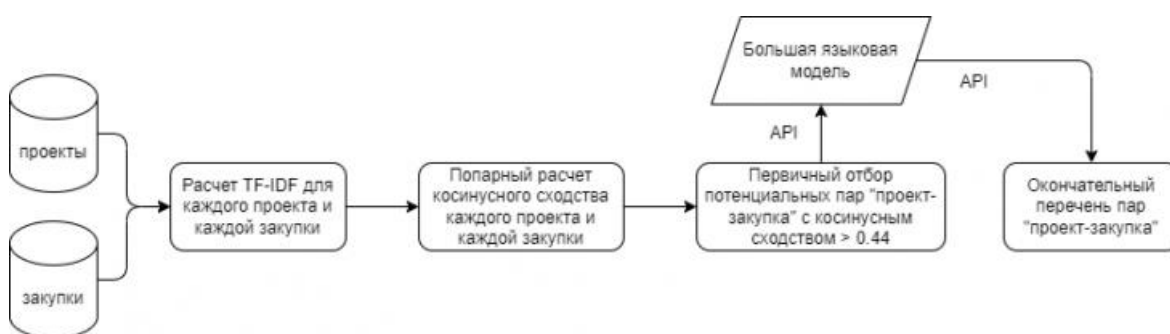

Рисунок 1: Пайплайн алгоритма определения соответствующих друг другу проектов и закупок

Приведем пример, как работает данный алгоритм. Для наименования каждого проекта и каждой закупки выполняется расчет TF-IDF, на основе чего выполняется попарный расчет косинусного сходства каждого проекта и каждой закупки, что позволяет выполнить первичный отбор потенциальных пар «проект – закупка» с косинусным сходством более 0,44. Далее для всех отобранных пар выполняется запрос по API к большой языковой модели. Возьмем в качестве примера пару, состоящую из проекта «Модернизация ПС 110/35/10 кВ Пречистое с монтажом оборудования систем видеонаблюдения» и закупки «Право на заключение Договора на выполнение строительно-монтажных работ по объектам: «Модернизация ПС 110/35/10 кВ Пречистое, ПС 110/35/10 кВ Ершичи, ПС 110/35/10 кВ Каспля с монтажом оборудования систем видеонаблюдения» для нужд ПАО «Россети Центр»». Итоговый текст запроса к большой языковой модели следующий: «Твоя задача: точно определить, есть ли связь между проектом и закупкой. Связь существует, только если название объекта (с прописной буквы) или его номер, или географический адрес в названии проекта и закупки полностью идентичны. Проект: «Модернизация ПС 110/35/10 кВ Пречистое с монтажом оборудования систем видеонаблюдения». Закупка: «Право на заключение Договора на выполнение строительно-монтажных работ по объектам: "Модернизация ПС 110/35/10 кВ Пречистое, ПС 110/35/10 кВ Ершичи, ПС 110/35/10 кВ Каспля с монтажом оборудования систем видеонаблюдения" для нужд ПАО «Россети Центр»». Есть ли между ними точная связь?». В случае ответа 'да', будь готов точно указать, в чем состоит связь. В случае ответа 'нет', будь готов пояснить, почему нет. Ответ 'да' или 'нет' в формате JSON. Например: {'answer': 'да'}».

Ответ модели GPT-4 в данном случае: «{'answer': 'да'}». Таким образом, из тех первично отобранных пар «проект – закупка», для которых большая языковая модель ответила «{'answer': 'да'}», формируется окончательный перечень пар «проект – закупка».

3. Результаты и обсуждение

Для оценки результатов следует выбрать подходящую метрику для данной задачи

определения релевантных пар «проект – закупка». Очевидно, идеальным результатом была бы классификация всех релевантных пар «проект – закупка» как релевантных, а остальных как нерелевантных. Однако на практике достижение подобного идеального результата в этой задаче маловероятно, поскольку возможны 2 вида ошибок [\[12, 13\]](#):

Ошибка первого рода – ложноположительный результат, False Positive, FP: алгоритм определяет пару «проект – закупка» как релевантную, в то время как на самом деле пара нерелевантна.

Ошибка второго рода – ложноотрицательный результат, False Negative, FN: алгоритм определяет пару «проект – закупка» как нерелевантную, в то время как на самом деле пара релевантна.

С точки зрения бизнес-логики, в данной задаче ложноположительный результат (вывести нерелевантную закупку для проекта) является менее грубой ошибкой, чем ложноотрицательный результат (не вывести релевантную закупку для проекта). В подобных случаях в качестве метрики зачастую выбирается полнота (recall) [\[14, 15\]](#):

$$Recall = \frac{True\ Positives\ (TP)}{True\ Positives\ (TP) + False\ Negatives\ (FN)},$$

где TP – количество правильно идентифицированных релевантных пар, FN – количество релевантных пар, которые были отмечены алгоритмом как нерелевантные.

Однако при использовании подобной метрики отдается слишком большой приоритет недопущению ложноотрицательных результатов – количество ложноположительных результатов никак не влияет на итоговый результат, и в случае, если алгоритм отметит все пары «проект – закупка» как релевантные, то метрика полноты будет максимальной.

Иной часто используемой метрикой является точность (precision):

$$Precision = \frac{True\ Positives\ (TP)}{True\ Positives\ (TP) + False\ Positives\ (FP)},$$

где TP – то же, что и в формуле полноты, FP – количество нерелевантных пар, которые были отмечены алгоритмом как релевантные. Данная метрика подходит нам еще меньше, т.к. количество ложноотрицательных результатов, которых мы стремимся избежать больше, чем ложноположительных, вообще не оценивается.

Поэтому для нас оптимальной метрикой будет метрика, сочетающая в себе метрики полноты и точности, но со смещением важности в пользу полноты (в приоритете – недопущение ложноотрицательных результатов). В этом случае зачастую используют так называемую F2-меру [Быстров и др., 2022, с. 140-141]:

$$F_2 = (1 + \beta^2) \times \frac{Precision \times Recall}{(\beta^2 \times Precision) + Recall},$$

где $\beta = 2$.

Из результатов первичного отбора потенциальных пар «проект – закупка» путем вычисления TF-IDF и попарного расчета косинусного сходства была сформирована случайная выборка из 100 пар «проект – закупка» с косинусных сходством не менее 0,44 – значение, начиная с которого встречаются релевантные пары. Среди этих 100 пар лишь 18% оказались на самом деле релевантными, что можно считать относительно приемлемым результатом для быстрого вычислительно не слишком затратного метода с учетом большого размера изначальных баз данных проектов и закупок (десятки тысяч

записей в каждой).

Применение на втором этапе больших языковых моделей по схеме, описанной в разделе 2, позволяет достичь следующих значений F2-меры в задаче классификации релевантных и нерелевантных пар «проект – закупка» (рисунок 2).

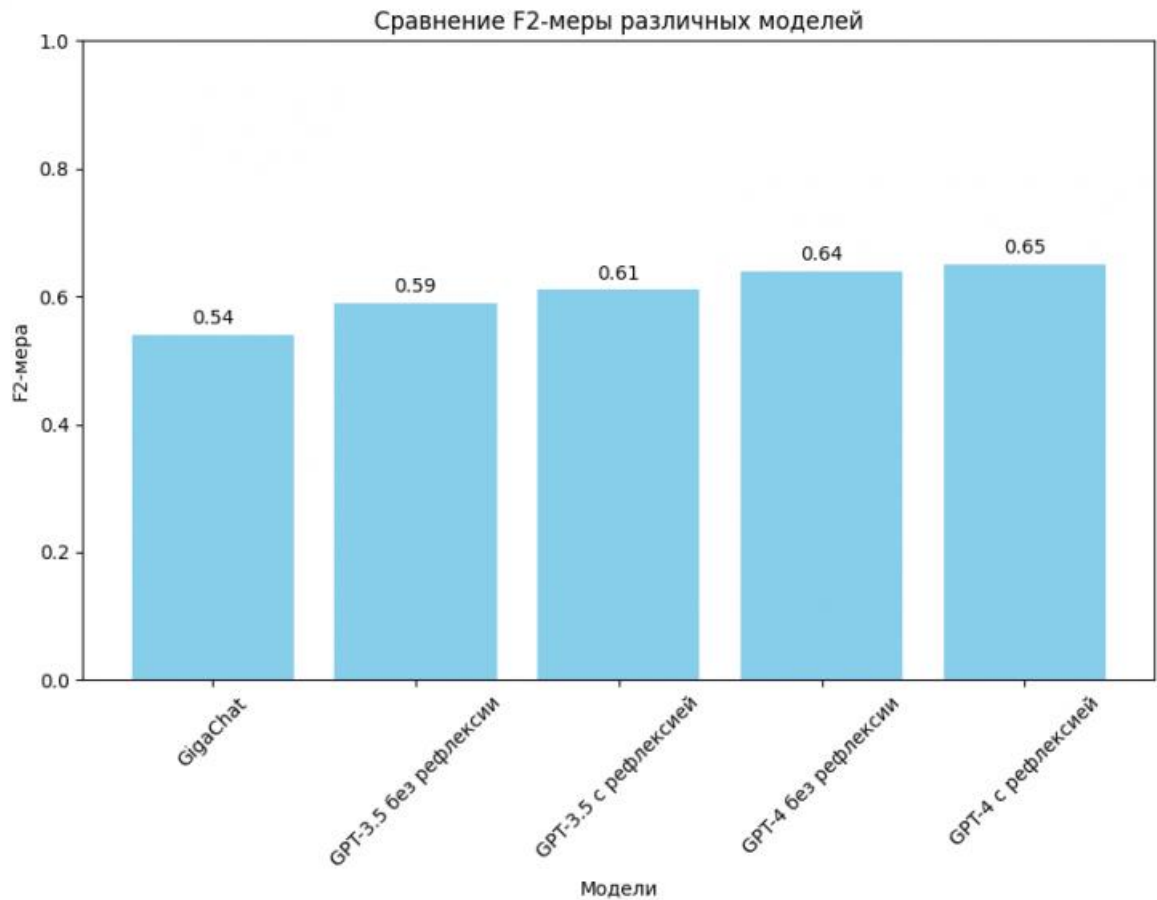

Рисунок 2: Значения F2-меры в задаче классификации пар «проект – закупка» при использовании различных больших языковых моделей и промптов

Наихудший результат продемонстрировала модель GigaChat: значение F2-меры составило всего 0,54, при этом модель практически не позволяет улучшить первичный отбор, поскольку, по мнению модели GigaChat, 96 пар из 100 являются релевантными.

Наилучшего результата (табл. 1) достигла модель GPT-4 при использовании блока рефлексии в промпте, описанного в разделе 2.

	Предсказано релевантно	Предсказано нерелевантно
Действительно релевантно	12	6
Действительно нерелевантно	9	73

Таблица 1: Матрица ошибок (confusion matrix) модели GPT-4 с рефлексией

Приведенные в таблице 1 результаты модели GPT-4 можно описать следующим образом:

- True Positives (TP): 12 – действительно релевантные пары, правильно классифицированные как релевантные (например: Проект «Техпереворужение КТП

10/0.4 кВ №476 ф.01 ПС 35/10 кВ Рышково с заменой силового трансформатора 100 на 100 кВА п.Рышково Железнодорожный р-он (трансформаторная мощность 0.1 МВА)» и закупка «Выполнение СМР по объекту: Техперевооружение КТП 10/0,4 кВ №476 ф.01 ПС 35/10 кВ Рышково с заменой силового трансформатора 100 на 100 кВА п.Рышково Железнодорожный р-он»);

- True Negatives (NP): 73 – действительно нерелевантные пары, правильно классифицированные как нерелевантные (например: Проект «Приобретение в ЦАР колонковых элегазовых выключателей 110кВ – 5 шт.» и закупка «Приобретение в ЦАР измерительных трансформаторов напряжения 110кВ – 9 шт.»);

- False Positives (FP): 9 – нерелевантные пары, ошибочно классифицированные как релевантные (например: Проект «Реконструкция ПС 500 кВ Усть-Кут с установкой ШР 500 кВ мощностью 180 Мвар для ВЛ 500 кВ Усть-Илимская ГЭС-Усть-Кут № 3» и закупка «Право заключения договора на выполнение работ по РД, СМР, ПНР, поставка оборудования по строительству РЭБ по титулу «Строительство ВЛ 220 кВ Усть-Кут – Ковыкта № 1 и № 2 ориентировочной протяженностью 256 км каждая»);

- False Negatives (FN): 6 – релевантные пары, ошибочно классифицированные как нерелевантные (например: Проект «Модернизация оборудования энергообъектов и РДП 12 РЭР МКС-филиала ПАО "МОЭСК, в т.ч. ПИР: г. Москва (6 шт.(прочие))» и закупка «Выполнение СМР, ПНР, материалы, оборудование по титулу: Модернизация оборудования энергообъектов и РДП 22 РЭР МКС-филиала ПАО "МОЭСК, в т.ч. ПИР: г. Москва (4 шт.(прочие))»).

Таким образом, 85 пар «проект – закупка» из 100 классифицированы моделью GPT-4 верно. Например:

- Проект «Техперевооружение КТП 10/0.4 кВ №476 ф.01 ПС 35/10 кВ Рышково с заменой силового трансформатора 100 на 100 кВА п.Рышково Железнодорожный р-он (трансформаторная мощность 0.1 МВА)» и закупка «Выполнение СМР по объекту: Техперевооружение КТП 10/0,4 кВ №476 ф.01 ПС 35/10 кВ Рышково с заменой силового трансформатора 100 на 100 кВА п.Рышково Железнодорожный р-он»;

- Проект «Модернизация систем компенсации емкостных токов на ПС 110 кВ Бурдун (4 шт.)» и закупка «Выполнение строительно-монтажных работ по модернизации систем компенсации емкостных токов на ПС 110 кВ Бурдун для нужд филиала АО Росети Тюмень Тюменские электрические сети».

Такой результат можно расценивать как удовлетворительный, поскольку позволяет значительно точнее отражать для пользователей релевантные закупки. Однако следует отметить относительно высокое значение ложноотрицательных результатов – 6 пар (типа: Проект «Модернизация оборудования энергообъектов и РДП 12 РЭР МКС-филиала ПАО "МОЭСК, в т.ч. ПИР: г. Москва (6 шт.(прочие))» и закупка «Выполнение СМР, ПНР материалы, оборудование по титулу: Модернизация оборудования энергообъектов и РДП 22 РЭР МКС-филиала ПАО "МОЭСК, в т.ч. ПИР: г. Москва (4 шт.(прочие))»), т.е. треть релевантных пар неверно отмечена, как нерелевантные, что, очевидно, оставляет значительный потенциал для дальнейшего улучшения качества дифференциации пар «проект – закупка» на (не-)релевантные. Также стоит отметить относительную дороговизну обращения по API к модели GPT-4 (обработка 100 пар «проект – закупка» стоит около 0,62\$), хотя и с развитием моделей имеет место тенденция к удешевлению их использования.

Таким образом, применение больших языковых моделей является перспективным инструментом, позволяющим значительно улучшать результаты более быстрых, но менее точных традиционных подходов по обработке текстовых данных. Наиболее адекватной моделью для рассматриваемой задачи оказалась модель GPT-4 с добавленным блоком рефлексии, верно классифицировавшая 85 пар «проект – закупка» из 100. Вместе с тем относительное большое количество ложноотрицательных результатов и достигнутое значение F2-меры (0,65) указывают на то, что остается широкое пространство для более четкой и точной дифференциации пар «проект – закупка» на (не-)релевантные.

4. Заключение

В работе была исследована актуальная задача определения по наименованию релевантных закупок для бизнес-процесса, в частности, для инвестиционных проектов в сфере электроэнергетики. Ее решение благоприятно отразится на рыночных условиях отрасли, позволит поставщикам материалов и оборудования эффективнее находить подходящие тендеры для участия, а заказчикам привлекать больше поставщиков. Кроме того, эффективные методы решения задачи могут быть применены и в иных отраслях экономики.

Были рассмотрены возможные подходы к определению сходства двух предложений, обосновано применение на первом этапе вычислительно быстрого метода, заключающегося в переводе наименований проектов и закупок в векторное представление с помощью расчета метрики TF-IDF каждого наименования и последующего попарного расчета косинусного сходства всех проектов и закупок с отсечением всех пар «проект – закупка» с косинусным сходством выше 0,44 (ниже 0,44 релевантные пары, как показал выборочный анализ, не встречаются). Однако из 100 отобранных таким образом пар «проект – закупка» лишь 18 в среднем являются релевантными, что диктует необходимость дальнейшей дифференциации пар «проект – закупка» на релевантные и нерелевантные.

На втором этапе были протестированы различные большие языковые модели с одним из возможных промптов и добавлением в него блока рефлексии модели. Было выявлено, что модель GigaChat практически не приводит к улучшению первичного отбора, в то время как модель GPT-4 с блоком рефлексии показывает наилучшие результаты (значение F2-меры 0,65). Было продемонстрировано, что рефлексия несколько улучшает результат работы больших языковых моделей (значение F2-меры улучшается на 0,01-0,02). Контроль формата ответа модели был осуществлен путем добавления в промпт указания отвечать в формате JSON.

Авторы планируют продолжить исследование с целью дальнейшей оптимизации алгоритма сопоставления проектов и закупок как путем уточнения промптов для обращения к большим языковым моделям (существуют и иные варианты улучшения промптов помимо введения блока рефлексии), так и использованием дополнительных алгоритмов классификации на вручную размеченных данных: например, модель градиентного бустинга с такими признаками, как длины наименований проектов и закупок, количество прописных букв в наименованиях проектов и закупок и др.

Библиография

1. Оськина К. А. Оптимизация метода классификации текстов, основанного на tf-idf, за счет введения дополнительных коэффициентов //Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – №. 15 (754). – С. 175-187.

2. *Murugesan M. et al.* Efficient privacy-preserving similar document detection // The VLDB Journal. – 2010. – Vol. 19. – № 4. – Pp. 457-475.
3. *Знаменский С. В.* Модель и аксиомы метрик сходства // Программные системы: теория и приложения. – 2017. – Т. 8. – № 4 (35). – С. 347-357.
4. *Гайдамакин Н. А.* Мера сходства последовательностей одинаковой размерности // Математические структуры и моделирование. – 2016. – № 4 (40). – С. 5116.
5. *Лыченко Н. М., Сороковая А. В.* Сравнение эффективности методов векторного представления слов для определения тональности текстов // Математические структуры и моделирование. – 2019. – № 4 (52). – С. 97-110.
6. *Jurgens D.* Learning about word vector representations and deep learning through implementing word2vec // Proceedings of the Fifth Workshop on Teaching NLP. – 2021. – Pp. 108-111.
7. *Салып Б. Ю., Смирнов А. А.* Анализ модели BERT как инструмента определения смысловой близости предложений естественного языка // StudNet. – 2022. – Т. 5. – № 5. – С. 3509-3518.
8. *Савенков П. А., Ивутин А. Н.* Методы анализа естественного языка в задачах детектирования поведенческих аномалий // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. – 2022. – № 3. – С. 358-366.
9. *Валиев А. И., Лысенкова С. А.* Применение методов машинного обучения для автоматизации процесса анализа содержания текста // Вестник кибернетики. – 2021. – № 4 (44). – С. 12-15.
10. *Shinn N. et al.* Reflexion: Language agents with verbal reinforcement learning // Advances in Neural Information Processing Systems. – 2024. – Vol. 36.
11. *Степанов А. С., Степанов С. М.* О смысле ошибок первого и второго рода // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2010. – Т. 1. – № 6. – С. 239-241.
12. *Савинов А. Н. и др.* Анализ решения проблем возникновения ошибок первого и второго рода в системах распознавания клавиатурного почерка // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2011. – № 18. – С. 120-125.
13. *Заикин Д. А.* Подход к ранжированию результатов для терминологического поиска // Ученые записки Казанского университета. Серия Физико-математические науки. – 2014. – Т. 156. – № 1. – С. 12-21.
14. *Wang R., Li J.* Bayes test of precision, recall, and F1 measure for comparison of two natural language processing models // Proceedings of the 57th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. – 2019. – Pp. 4135-4145.
15. *Быстров И. С., Котенко И. В.* Показатели для оценки результатов машинного обучения применительно к задаче обнаружения кибер-инсайдеров // Региональная информатика (РИ-2022). – 2022. – С. 140-141.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья направлена на практическое решение задачи по оптимизации традиционных методов определения сходства наименований проектов и закупок с использованием больших языковых моделей. Автор ставит цель, которая в современных условиях является актуальной и значимой. Объектом исследования является база

данных, содержащая наименования проектов и закупок (для сбора эмпирического материала были использованы открытые источники, содержащие инвестиционные программы и закупки электросетевых компаний), предметом исследования – определение релевантности наименования проекта информационному содержанию закупки. Стоит согласиться, что «научная значимость исследования заключается в применении оперативных возможностей больших языковых моделей в качестве дополнения к классическим методам обработки текстовой информации». Практический характер работы начилен: «для решения задачи определения сходства двух предложений могут быть использованы различные методы: 1) методы, использующие метрики сходства последовательности символов (сходство Жаккара, расстояние Левенштейна, сходство Джаро-Винклера и др.) [3, 4]; 2) методы, использующие преобразование текста в векторное представление (Word2vec, TF-IDF), что позволяет на следующем шаге выполнить расчет косинусного сходства [5, 6]; 3) методы, также использующие преобразование текста в векторное представление, но задействующие при этом глубокие нейронные сети с большим числом параметров (BERT, Gigachat, ChatGPT и др.) [7, 8]». Методология исследования синкретична, в статье использованы математические принципы рассмотрения и аргументации проблемы. Общий блок данных включен полновесно; считаю, что материал можно использовать далее. Суждения по ходу работы объективны, выверены: например, «было реализовано обращение по API к большим языковым моделям Gigachat, GPT 3.5, GPT-4 со следующим промптом: «Твоя задача: точно определить, есть ли связь между проектом и закупкой. Связь существует, только если название объекта (с прописной буквы) или его номер, или географический адрес в названии проекта и закупки полностью идентичны. "Проект: 'наименование проекта'. Закупка: 'наименование закупки'. Есть ли между ними точная связь?"», или «Приведем пример, как работает данный алгоритм. Для наименования каждого проекта и каждой закупки выполняется расчет TF-IDF, на основе чего выполняется попарный расчет косинусного сходства каждого проекта и каждой закупки, что позволяет выполнить первичный отбор потенциальных пар «проект – закупка» с косинусным сходством более 0,44. Далее для всех отобранных пар выполняется запрос по API к большой языковой модели. Возьмем в качестве примера пару, состоящую из проекта «Модернизация ПС 110/35/10 кВ Пречистое с монтажом оборудования систем видеонаблюдения» и закупки «Право на заключение Договора на выполнение строительно-монтажных работ по объектам: «Модернизация ПС 110/35/10 кВ Пречистое, ПС 110/35/10 кВ Ершичи, ПС 110/35/10 кВ Каспля с монтажом оборудования систем видеонаблюдения» для нужд ПАО «Россети Центр» и т.д. Примеры даются в режиме т.н. открытости данных; фактический уровень учтен. Работа дробится на смысловые / стандартные части, общая логика поддерживается на протяжении всего исследования. Обобщение полученных данных представлено в виде таблиц, схем, графиков, рисунков. Выводы промежуточного типа созвучны финальным: «применение больших языковых моделей является перспективным инструментом, позволяющим значительно улучшать результаты более быстрых, но менее точных традиционных подходов по обработке текстовых данных. Наиболее адекватной моделью для рассматриваемой задачи оказалась модель GPT-4 с добавленным блоком рефлексии, верно классифицировавшая 85 пар «проект – закупка» из 100. Вместе с тем относительное большое количество ложноотрицательных результатов и достигнутое значение F2-меры (0,65) указывают на то, что остается широкое пространство для более четкой и точной дифференциации пар «проект – закупка» на (не-)релевантные». Весьма удачен общий итог относительно того, что работа в данном русле должна быть продолжена: «авторы планируют продолжить исследование с целью дальнейшей оптимизации алгоритма сопоставления проектов и закупок как путем уточнения промптов для обращения к большим языковым моделям

(существуют и иные варианты улучшения промптов помимо введения блока рефлексии), так и использованием дополнительных алгоритмов классификации на вручную размеченных данных: например, модель градиентного бустинга с такими признаками, как длины наименований проектов и закупок, количество прописных букв в наименованиях проектов и закупок и др.». Требования издания учтены; цель работы достигнута; поставленный спектр задач решен. Рекомендую статью «Оптимизация традиционных методов определения сходства наименований проектов и закупок с использованием больших языковых моделей» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ню Ю. Система образов в романе А. Варламова «Мысленный волк» // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70403 EDN: GHCIQQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70403

Система образов в романе А. Варламова «Мысленный волк»

Ню Юэцю

аспирант, кафедра русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет

690922, Россия, г. Владивосток, ул. Аякс, 101007

✉ nyu.yu@dvfu.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70403

EDN:

GHCIQQ

Дата направления статьи в редакцию:

08-04-2024

Дата публикации:

17-04-2024

Аннотация: Данная статья посвящена изучению образов главных героев романа, репрезентирующих сложный взгляд автора на досоветский период истории России, на Первую мировую войну и революцию. Для каждого героя характерна своя система мировоззренческих координат, формирующих картину мира в романе, выражающих национально-культурное сознание эпохи. В основе глубинной характеристики персонажа лежит ценностная парадигма, составными элементами которой является отношение к природе, к религии, к родине, к войне. Рассмотрено, как эти ценностные характеристики отражены в жизненной позиции каждого представленного в романе героя. Цель статьи заключается в рассмотрении системы образов в романе А. Варламова «Мысленный волк». Необходимость рассмотрения данной проблемы определяется общим литературоведческим положением о том, что через систему персонажей выражается авторское представление о жизни. В статье применяются следующие методы

исследования: сопоставительный, герменевтический и сравнительно-типологический. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое исследование образов. Анализ системы образов в романе позволил соотнести образы с композиционной структурой произведения, рассмотреть их положение в хронотопе, определить характерологический конфликт в романе. Герои романа Варламова образуют систему. Главным ее свойством являются сложные связи между персонажами. Система образов в романе построена на идее их притяжения – отталкивания. Актуальность видится в обращении к одной из ключевых проблем литературоведения на материале произведения современного автора. Установлено, что между героями романа устанавливаются сложные связи притяжения отталкивания и парного взаимодействия, что в итоге позволяет говорить о сложной идейной концепции романа, изображающего человека и его духовный мир в эпоху смены социальной, культурной и политической парадигмы.

Ключевые слова:

Варламов Алексей Николаевич, Мысленный волк, роман, система образов, характерологический конфликт, антиномии, двойничество, авторская модальность, прототип, современная русская проза

Цель статьи заключается в рассмотрении системы образов в романе А. Варламова «Мысленный волк». Необходимость рассмотрения данной проблемы определяется общим литературоведческим положением о том, что через систему персонажей выражается авторское представление о жизни. Актуальность видится в обращении к одной из ключевых проблем литературоведения на материале произведения современного автора. Предметом исследования становятся образы главных героев в романе, что позволило определить мотивные и символические связи между ними, расширить интерпретационные возможности рассматриваемого текста.

Герои романа уже привлекали внимание исследователей с разных позиций: прототипы героев [\[1, с. 83\]](#), образы реальных исторических лиц, которые встречаются на страницах романа [\[2, с. 358\]](#), об эстетической преемственности при изображении национального характера [\[3, 4\]](#), описание судеб множества героев, исторических и вымышленных [\[5, с. 55\]](#), выражение своего понимания революции с показанием судьбы различных персонажей [\[6, с. 159\]](#), обращение с судьбой персонажей, вкрапляя в точную биографическую канву повествования эпизоды вымышленные, подчиняя общему замыслу романа [\[7, с. 62\]](#). Новизна данного исследования заключается в системном анализе героев романа, что позволяет через ключевые характеристики отдельного персонажа определить художественный мир произведения.

Роман Алексея Варламова «Мысленный волк» имеет сложную систему героев, которых можно разделить на вымышленных (например, Василий Христофорович Комиссаров, его жена Вера Константиновна, дочь Уля и т.д.), позволяя автору свободно манипулировать героями [\[8, с. 180-188\]](#), исторических, присутствующих на страницах романа под собственными именами (такие как император Николай II, императрица Александра Федоровна, цесаревич Алексей и другие), исторических, действующих в романе под вымышленными именами (к этой группе относятся исторические личности - герои биографических книг А. Варламова: М. Пришвин (в романе Павел Матвеевич Легкобытов

(«Герой Павел Матвеевич Легкобытов имеет яркий отпечаток личности Пришвина» [\[9, с. 102\]](#)), А. Грин (Савелий Круд), Г. Распутин («мужик», «старец» и «он», но ни разу не названный в романе по имени), Исидор Щетинкин, имеющий сразу двух прототипов – расстрига Илиодор и глава хлыстовской секты чевреков Алексей Щетинин, а также другие эпизодические персонажи [\[1, с. 83\]](#). Каждый из героев манифестирует собственную систему ценностей, вступает в споры с другими героями по главным вопросам бытия, в силу чего возникают оппозиции, определяющие характерологический конфликт в романе.

В романе намечается пространственная оппозиция: деревня – город. Оба локуса соотнесены с определенным периодом жизни героев. Жизнь поделена на довоенную (лето перед войной в деревне Высокие Горбунки) и военную и революционную (несколько лет в Петербурге - Петрограде).

Природа – одна из ценностных составляющих в произведении, отношение к ней героя помогает увидеть многие ценностные вехи его образа. Размышление о природе Легкобытова [\[10, с. 140\]](#), изменение природных явлений в романе Варламова, отражающее взлеты и падения сюжета романа, не только помогают понять глубокий смысл произведения, но и дают новую точку входа к теме романа [\[11, с. 191\]](#). В романе не описывается красота природы, но передается любовь к ней разных персонажей [\[12, с. 31\]](#). Герои Варламова по-разному воспринимают природу в силу своего духовного опыта. Прототип, выбранный для одного из главных героев, закономерно выводит на первый план именно эту тему.

При раскрытии этой темы намечаются оппозиции героев Легкобытова и Ули, Комиссарова и Легкобытова. Основное противостояние намечается относительно взглядов героев на гармоничное сосуществование человека с природой. Первая пара героев определяется благодаря антиномическому взгляду на идею о бессердечии природы, высший замысел которой не всякому дано понять, и идею о сострадании ко всем живущим бессловесным тварям, которая в контексте романа приобретает несколько иной смысл: возможно ли человеку вмешиваться в жизнь природы исходя из своих принципов. Вторая антиномичная пара в романе – Комиссаров и Легкобытов, столкновение их взглядов опирается на идею враждебности природы, которую нужно подчинить человеку, и идею о невмешательстве в ее жизнь. Если рассматривать идеи героев с этой позиции, то понимание Ули об установлении законов милосердия в природе и ее отца о подчинении в данном случае будут читаться как синонимичные. Рассмотрим, как репрезентируются эти точки зрения в романе.

Павел Матвеевич Легкобытов считает, что все в природе живет по своим законам, гармоничным и совершенным: «Это был его возлюбленный мир, та простодушная, милая природа, с которой он был обручен, чувствовал себя её единственным женихом, ничего с ней не боялся, смело смотрел в глаза любому хищнику, знал поименно зверей в своих угодьях, знал, как называются все деревья, кустарники и травы, прозревал подземный рост корней и движение древесных соков и если б мог попросить о чем Небеса, то помолился бы о том, чтоб никогда не кончалась чередя дня и ночи, тепла и холода, сухости и влаги, ветра и безветрия, ясности и хмари и чтобы в этом распорядке действий ему было отведено вечное бессонное место зрителя и хранителя, а никакого Царствия Небесного ему не надобно» [\[13, с. 49\]](#). Важно отметить антропоморфную метафору, которая неоднократно употребляется при описании природы в тех случаях, когда дается внутренняя точка зрения героя (например, в приведенном отрывке:

«чувствовал себя ее единственным женихом»), подобного же рода метафору мы можем встретить и у самого Пришвина, что неоднократно отмечали исследователи его творчества (Н.В. Гидрович [\[14, с. 21-23\]](#), М.Т. Наср [\[15, с. 177\]](#), Н.А. Туранина [\[16, с. 103-104\]](#), Н.Н. Иванов [\[17, с. 5-163\]](#)). В индивидуальной картине мира, которую сам Пришвин (прототип Легкобытова) выразил в своем творчестве, можно также наблюдать единство природы и человека. Любовь Павла Матвеевича к природе соответствовала любви Пришвина. «Пришвин - пророк экологической литературы» [\[18, с. 150\]](#). Об органическом родстве человека и природы, о ее вечных и непреложных законах Пришвин писал не только в своих прозаических произведениях, но и в своих дневниках: «Любовь к природе, как и родине человека, везде одинакова: и в голодную степь будет тянуть, если в ней родился» [\[19, с. 49\]](#). Мир природы – одна из главных тем дневников Пришвина, так как он считал, что природа как своеобразное зеркало души откроет прекраснейшие стороны в душе человека. Как видим, в романе сделана попытка как можно полнее воплотить точку зрения на некоторые мировоззренческие вопросы прототипа в герое.

Алексей Варламов как автор биографии М. Пришвина признавался в интервью Зинаиде Шпачековой, что он смог высказать через этих героев романа то, что не высказал в их биографиях [\[20, с. 46\]](#), тем самым подчеркивая границу между историческими прототипами и вымышленными героями в романе. Писатель допускает вымысел, комбинирует исходный материал, конструирует стилевые эффекты в романе, вкладывает в уста героя идеи, которыми руководствовался его прототип, но при этом создается эффект реальности самого героя, и попытки поставить знак равенства между персонажем и прототипом не вполне рациональны.

Идеи Легкобытова в романе сродни пантеистическим принципам обожествления природы и растворении в ней человека. Исторически на смену им придут идеи о рациональном отношении к природе, которую привнесет новое общество. Эти идеи озвучит тайный революционер Комисаров, но о них ниже.

Интересно в плане отношения к природе противостояние Легкобытова с Улей Комиссаровой, которая, по мнению охотника, будто бы предупреждала «зверей о появлении человека с ружьем» [\[13, с. 51\]](#). Обоих героев вроде бы объединяет естественность их взаимоотношений с природой, но одновременно намечается внутренняя оппозиция: стремление Ули установить «милосердные законы» в природе противопоставлено идее Легкобытова о том, что природа «выше жалости и сострадания», она добра в высшем смысле, который не всякий может постичь.

Для Ули близость природе связана прежде всего со свободой и возможностью жить, летать и избавиться от страха обезножить, который оставлял ее только летом, «когда Уля уезжала в деревню Высокие Горбунки на реке Шеломи и ходила там по тамошним лесным и полевым дорогам, сгорая до черноты и сжигая в жарком воздухе томившие ее дары и кошмары» [\[13, с. 7\]](#). С началом войны Уля среди прочих потрясений сожалела о невозможности вернуться в деревню. И уже повзрослевшая Уля смогла понять книги, написанные Легкобытовым, потому что они оказались как будто о ней: «Ах, какой это был замечательный писатель! Уля даже не подозревала, что кто-то способен чувствовать ее душу, изображать ее через движение ночного ветра...» [\[13, с. 280\]](#).

Интересно в романе еще одно обстоятельство, которое объединяет героев (помимо намечающейся любовной линии): они оба оказываются связаны с мистической стихией оборотничества. Уля – лесная дева, дриада, русалка, способная, по мнению ее мачехи и

Легкобытова, к превращению, одаренная возможностью не только влиять на окружающий мир, но и получать от него поддержку и помощь: «... Уля то появлялась, то исчезала, но все равно плыла, и казалось, птицы ей помогают как своей, а в воде поддерживают пучеглазые рыбы и несут к берегу» [13, с. 93]. Эта же возможность превращения определяет и перемещения во времени: «... когда однажды ее взгляд встретился с отражением в зеркале, она поразились тому, что сидящая напротив нее девушка похожа на ту, которую Уля никогда не видела, но всегда знала, чувствовала как свою сестру, - девочку, играющую в кости, из берлинского старого музея на улице под тенистыми липами, о которой очень давно рассказывал не отцу и не мачехе, а ей одной Павел Матвеевич Легкобытов» [13, с. 279]. Образ девочки, играющей в кости, становится символом, также связанный с двумя этими героями: Легкобытовым и Улей. Легкобытов, впервые встретивший свою первую возлюбленную возле этой древней статуи, расскажет о ней родителям Ули. Впоследствии она сама начнет узнавать черты той древней безымянной девочки в себе, хотя никогда и не видела эту статую вживую. пять раз встречается в романе, сама героиня отождествляет себя с ней в ситуациях жизненного слома, изменения существующего бытия: «Она хотела уйти, не оставив своего имени и родства, как девочка, играющая в кости на древней могилке» [13, с. 508]. Провидец Круд, назовет её так же: «Ты назовешь меня сумасшедшим, а сама когда-то почти летала, девочка, играющая в кости» [13, с. 405].

В большей степени мистическое преображение связано с образом Легкобытова: дуальный характер его существа отмечают и Уля, и ее мачеха. Именно сокрытая от Ули сущность Легкобытова, которую она пытается разгадать, определяет форму ее восприятия: «... напрасно Уля неслышно за охотником следовала в догадке, что не просто так идет этот человек своей тропой, а стремится в то место, где выпускает из рук ружье, вешает его на ветку и меняет обличье. <...> Стоило только зайти в лес поглубже и пересечь неведомую границу, как Легкобытов исчезал, и Уля была готова поклясться, что он сам превращается в неведомое существо, в птицу, в лешего или в дерево...» [13, с. 51]. В представлении маленькой Ули Легкобытов – воплощение зла, охотник, который стреляет в безвинных зверушек.

Следующее оборачивание Легкобытова произошло в сознании Веры Константиновны Комисаровой перед самым его роковым выстрелом в Улю: «Женщина могла поклясться, что он не просто пропал, но превратился то ли в зверя, то ли в птицу. Она даже видела момент этого превращения, видела, как Легкобытов опустился на четвереньки и, припадая на стертую ногу, поскакал с ружьем на спине, и ей стало жутко» [13, с. 218]. Иллюзия реальности происходящего в романе создается за счет смены повествовательных инстанций, когда слово повествователя вытесняется словом и сознанием героинь. Оба «превращения» происходят в момент, когда герой выходит на охоту. Отсылка к оборотничеству условна, так как видевшие или предполагающие момент перехода в иную ипостась героини воспринимают только внешние признаки, ореол демонического снимается, но особенность героя для сознания обеих женщин не вызывает сомнений. Интересен рефрен, сближающий эти два видения, «готова поклясться» и «могла поклясться». Оборачивание героя, на наш взгляд, коррелирует с его внутренним представлением о себе как о «женихе природы», женщины ощутили в нем именно эту попытку разорвать связь с миром цивилизации, стать частью окружающего мира. Исчезновение границ тела, которую заметила Вера Константиновна, приводит к появлению некоего странного существа: с одной стороны, оно способно стать на четвереньки, с другой, остаются признаки человека (ружье, с которым он не разлучается, припадает на ногу, которую стер из-за того, что жена не намотала ему

портянки). Фантасмагорическое смещение, которое зафиксировала Вера Константиновна, позволяет воспринять героя на грани животной и человеческой ипостаси.

Отметим также, что есть еще одна женщина в романе, чье мнение о герое приводится, и это видение в силу отсутствия мистических коннотаций достаточно объективно характеризует Легкобытова как мужчину, мужа, отца. Пелагея – народная жена Легкобытова – в своих молитвах о нем, просит Господа простить «умствующего дурака». В целом видя все его недостатки, такие как эгоизм, взбалмошность, капризность, взрывной характер: «... Пелагея угадывала беззащитность, детскость и невероятную тайную глубину и зоркость его натуры» [\[13, с. 55\]](#). Так, в романе создается своего рода мерцающий образ, показывающий возможность противоречивого восприятия героя женщинами.

Один из важных эпизодов, связанным с оборотничеством героя - эпизод накануне газовой атаки немцев, в которую попадает Легкобытов: «Павел Матвеевич различал все подробности, точно был больше не человеком, смиренно идущим к месту ночлега, но бессонной ночной птицей, поднявшейся над землей и зорко высматривающей добычу» [\[13, с. 334\]](#). Ощущение полета прерывается, когда взгляд героя натывается на мертвое тело. Символично, что также как и Вера Константиновна, Легкобытов вскоре увидит мысленного волка во плоти, выстрелит в него, после чего зверь, представляющийся как будто сделанным из железа, «пошатнулся, но не упал, а стал терять свои строгие, величественные черты» [\[13, с. 336\]](#). Далее последовала газовая атака, от которой Легкобытов чудом спасся. Пережитые мгновения, в которые герой находился между жизнью и смертью, заставили его по-новому писать о войне: «акварельные» слова в защиту природы, которую уничтожает война, сменились пафосной статьей о победе России, ее восхождении, героизме воинов. Впервые герой пишет, как человек, причастный событиям. Оборотничество физическое (последнее зафиксированное в романе) трансформируется в изменение мировоззрения героя.

В этой парадигме героев, связанных с мистическим пластом романа, необходимо отметить также Алешу. Прежде всего необходимо указать его собственное желание изменить свой социальный статус. Он считает, что война поможет ему стать офицером, выбраться из мужицкой кабалы. Но Алеша, в отличие от других героев завершил свой оборот полностью и безвозвратно, настолько утратив прежние черты, что ни Уля, любившая его, ни Комиссаров, принимавший в его судьбе деятельное участие, не узнали его. Самому читателю дается только авторский намек на единственный внешний признак («длинные ресницы», «густые ресницы»), который позволяет уловить связь между мальчиком в начале романа и одним из тюремщиков и насильников в конце.

Любовь к природе Легкобытова и Ули противопоставлена негативному либо равнодушному отношению других героев. Например, Комиссаров в споре с Легкобытовым, говоря о общей ситуации в стране среди прочего гневно говорит о том, что человек должен освободиться от власти природы из-за её враждебности к нему: «Природа должна быть побеждена, потому что ее царство есть царство горя и несправедливости. Она должна быть полностью заменена техникой» [\[13, с. 119\]](#). Механик Комиссаров, любящий свою профессию, успешно реализующий себя в ней, пожалуй, и не мог бы противопоставить природе ничего иного, кроме техники. В его словах звучат те идеи, которые также существовали в обществе и в искусстве начала XX века: о пренебрежении природой ради «рацио». Впоследствии этот пафос о преобразовании природы будет утвержден в 30-40-е годы многими творческими людьми. Лозунги о

наступлении на природу, о решительном ее покорении, да еще и в определенные сроки – частое явление в советской литературе.

Столкновение Легкобытова и Комиссарова происходит и при обсуждении еще одной ключевой для романа темы – темы родины: «А дальше Легкобытов и вовсе понес такие поклепы на народ и околесицу про сильную власть, которая единственная этот народ может привести в чувство, что Комиссаров и слушать не захотел» [\[13, с. 132\]](#). Проявляется противопоставление революционного взгляда на дальнейший путь страны и ее общества и идей царизма.

Еще одной точкой соприкосновения идейных позиций героев становится война, перевернувшая мир каждого из них.

Прежде всего отмечается общественный ракурс восприятия начавшейся войны, разрозненное и раздираемое противоречивыми идеями общество сплотилось: «Война обнаружила подлинный масштаб вещей, личное скукожилось, съежилось и попряталось по тайникам души и тела, а все общественное стало большим и важным. Слова «Отечество», «Россия», «государь», «Царь-град», над которыми потешались еще неделю назад интеллигенты, вдруг зазвучали во всю мощь, никто более не стыдился их произносить...» [\[13, с. 250\]](#).

Война особенно оказала влияние на мировоззрение женских образов в романе. Вера Константиновна Комиссарова, приемная мать Ули, вышла замуж за хорошо зарабатывающего механика Василия Христофоровича. Война разрушила условный комфорт ее жизни и изменила мышление. Перед войной Вера Константиновна ненавидела неромантического мужа, непослушную приемную дочь, ненавидела жизнь в деревне Высокие Горбунки, стремилась к жизни, наполненной литературой, искусством, салонной атмосферой. Вера Константиновна писала статьи, стихи и рисовала, ее работы получали похвалы, над которыми иронизирует повествователь: «Её игру хвалили поэты, пейзажи – актеры, а стихи – художники, однако никаких прямых талантов у нее не обнаружилось» [\[13, с. 38\]](#). Когда пришла война и муж отправился на фронт, она почувствовала, что не была хорошей женой, и бунт приемной дочери заставила ее осознать, что она не выполнила своего обещания стать хорошей матерью.

Прозрение, что все, к чему она стремилась, оказалось неважно из-за войны, жестоко ударило по ее мировоззрению. По мнению Веры Константиновны, война была никому не нужна. Но она смогла измениться, поступила на курсы медсестры, где училась ухаживать за ранеными. На специальных курсах было много женщин, которые находились в похожем положении с Верой Константиновной, но Вера Константиновна никогда не говорила, как они, о так называемых патриотических обязанностях и милосердии. Героиня решила делать все, что нужно, и старательно училась: «Ей было хорошо среди своих новых сестер, с ними можно было не сомневаться, не отчаиваться, не унывать, а просто и без рассуждения верить. Она больше не просыпалась от страха по ночам, не смотрела с непонятной тоской на порошки из аптеки, спокойно проходила по высоким мостам над вязкой невской водой, и мчащийся поезд не вызывал у нее притяжения и страха» [\[13, с. 276\]](#). Но она упорно думала, что все, что она делала, было для мужа, для семьи. Вера Константиновна готова бороться с немцами: «Вот придут немцы и наведут порядок. А я, если они посмеют сюда войти, убивать их стану... Им не место в этом городе» [\[13, с. 472-473\]](#). Такие изменения произошли с женщиной, которая до войны жила праздно и эгоистично.

Война оказала на Василия Христофоровича не меньшее влияние. Он прошел путь от восторженного приятия до жестокого разочарования. В начале войны Василий Христофорович решил вступить в армию, стал командиром на фронте. Случившаяся война полностью изменила Василия Христофоровича и превратила его в радикального патриота. Война сделала Василия Христофоровича уверенным, решительным, смелым, патриотический энтузиазм достиг максимума: «Никогда Василий Христофорович не выглядел так бодро, свежо и молодцевато. Похудевший, загоревший, с необыкновенно ясными, глубокими глазами» [\[13, с. 311\]](#). В середине войны, еще до своего пленения Василий Христофорович пришел к своему мнению о войне: «Эта война, вот увидите, будет многим во благо... <...> Война - это воспитание, война - это лечение, война - это наше спасение. <...> Вся страна должна стать одним военным лагерем, все без исключения ее подданные должны нести на себе тяготы военного времени. Война - это как Великий пост у верующих ...<...>... война - это благо для России. Она призвана очистить, освежить наши души» [\[13, с. 312-318\]](#). Он полагал, что, выиграв эту войну, Россия не только изменится изнутри, но и восстановит прежнее положение в мире. Война дала стране возможность изменить судьбу, и если не воспользоваться этой возможностью, страна будет разрушена, «мы будем последними преступниками, предателями и вероотступниками» [\[13, с. 314\]](#). Озвучивая эту экстремальную идею, Василий Христофорович на поле битвы защищал достоинство страны, как защищал свою территорию. В то время как обстановка ухудшалась, Василий Христофорович по-прежнему был уверен в победе: «Государь, государь, ты не должен бояться крови, даже невинно пролитой, пусть не смущается твое сердце никакими жалобами и упреками. Тебя никто не осудит даже за несколько тысяч безвинно пострадавших людей, но тебя проклянут за поражение в этой войне. Ты должен быть решительным, властным и мудрым, не слушать ничьих советов, не поддаваться ни на какие уговоры и предостережения, а идти до конца» [\[13, с. 364\]](#). Семья отошла на второе место, особенно в плену: «Он единственный не ждал писем из дома, потому что не писал их, запретил себе писать домой, не имея на это морального права как человек...» [\[13, с. 364\]](#).

Время пребывания в военном плену, возвращение в революционную Россию ослабило его дух и лишило прежних амбиций, дав взамен чувства вины и стыда перед потомками: «Мы дали разрушить тысячелетнее царство, мы проиграли войну, которую не имели права проигрывать. Мы навеки останемся в истории бесславным, бесчестным поколением, которое к чему-то стремилось, рвалось, мечтало, но потеряло все, что у него было, и будет проклято потомками» [\[13, с. 485\]](#). В тот момент Василий Христофорович, потеряв веру, потерял интерес к делам мира: «Мне нечего здесь больше делать. Я не знаю, что ждет меня там, но здесь - ничего. Я пуст, как прошлогодний жук, от которого осталась одна оболочка» [\[13, с. 492\]](#).

Павел Матвеевич Легкобытов рассматривает войну с точки зрения идеологии и культуры. Варламов сформировал образ Павла Матвеевича как писателя, который умеет наблюдать за жизнью, передавать мысли, мужественно раскрывать правду. «Ставший военным корреспондентом шеломский охотник по обыкновению добросовестно и цепко описывал то, что видел в зимних Августовских лесах во время отступления русской армии из Польши, во Львове, в Галиции и на Карпатах, упоминал про шпионов и про дезертиров, сравнивал войну с родами и говорил о том, что война искажает природу, меняет поведение животных и птиц и природа за это уничтожение людям ответит. Легкобытов никого не пугал, он писал осторожно, почти акварельно...» [\[13, с. 277\]](#).

В споре с Василием Христофоровичем Павел Матвеевич снова посмотреть на свое

творчество, и он планировал принять совет Василия Христофоровича и переключить свой творческий центр с природы на человека: «Но не в том была его писательская задача, чтобы обличать зло и скудоумие - это дело нехитрое, это всякий сможет, - Павлу Матвеевичу Легкобытову надобно было не отрицать, но утверждать и показать гармоничную жизнь обрученного с природой человека» [13, с. 297]. Внутренний спор героев продолжался и потом, после того как они расстались, видимо, навсегда. Интересно, что в романе эти люди, несмотря на диаметрально противоположность взглядов, оказались друг для друга своеобразными духовными наставниками, ценностные ориентиры которых позволяли пересмотреть взгляд на мир, найти свою правду.

Выводы

Как позволил определить проведенный анализ, герои романа Варламова образуют систему. Главным ее свойством являются сложные связи между персонажами. Система образов в романе построена на идее их притяжения – отталкивания.

В первую очередь обращает на себя внимание парность героев, которая реализуется в их диалогах, спорах, отношении друг к другу (последнее формулируется не столько самими героями, сколько повествователем, который часто занимает внутреннюю позицию по отношению к герою).

В зависимости от ценностных ориентиров, которые намечены в романе, герои либо образуют антиномичные пары, либо становятся двойниками друг друга. Все это определяет характерологический конфликт в романе. Первая такая пара – Легкобытов и Уля, связь которых выявляется благодаря такому ценностному компоненту как отношение к природе. В первой части романа они расходятся в отношении представления о возможности вмешаться в жизнь природы. Во второй части романа уже повзрослевшая Уля принимает точку зрения писателя, погружаясь в мир его книг, которые воспринимает как написанные о ней.

Характерно, что Легкобытов играет немаловажную роль в процессе взросления Ули: он заменяет Алешу в день побега, он становится объектом пристального внимания девочки, совершает роковой выстрел, после которого происходит стремительное взросление Ули (от прежней легконогой девочки-подростка мало остается в тот момент, когда читатель видит её сидящей перед зеркалом с кусочком свинца в руке), его книги читает девочка и понимает свое духовное родство с ним, он становится её опорой в революционное время, когда её покидает Круд. Сюжетно линия Легкобытова и Ули не завершена: Легкобытов сидит в тюрьме, его жизнь под угрозой, Уля на последних страницах романа замирает над бездной, пытаясь прозреть вечность. Но если читатель знает историю жизни прототипа романа - Пришвина, то поймет, что с героями все будет хорошо, если так можно говорить последующих невзгодах, которые им предстоит испытать в том непростом периоде истории страны.

Внутреннее противоречие имеет место быть в самой личности Ули, что связано в романе с идеей становления личности ребенка (можно выявить жанровую канву романа-воспитания). Девочка-подросток в начале романа сюжетно проходит стадии взросления, связанные с принятием или отторжением идей, осознанием себя в этом мире. Неизменным символом, связанным с Улей, становится образ девочки, играющей в кости. Важно, что эта статуя сыграла важную роль в судьбе самого Легкобытова, и именно от него Уля узнает об этом произведении искусства, а затем воспринимает как своего двойника, делая его своего рода статусом-кво. Но среди прочих героев точно так же её

воспринимает только она сама и Савелий Круд, который также связан с мистическим пластом романа и выполняет роль провидца, защитника, резонера.

На мистическом уровне романа герои оказываются связаны друг с другом благодаря способности к оборачиванию. Здесь взаимосвязанными оказываются Легкобытов, Уля и Алеша.

Несовпадение взглядов на природу противопоставляет Легкобытова и Комисарова. В этом случае каждый из героев становится рупором идей, существующих в начале XX века: на смену идее принятия природы и невмешательства в ее жизнь приходит идея о подчинении природы человеку. Еще одна тема, в которой намечаются точки соприкосновения взглядов героев, - это судьба России: революционные взгляды Комисарова об изменении существующего порядка противопоставлены идеям Легкобытова о сильной царской власти.

Изменения ценностных ориентиров героев связаны с хронотопом, который антиномически разделен на пространство деревни и города и довоенное и военное, революционное время. Пересмотр взглядов и ценностей происходит во время войны, каждый из героев при этом, пытаясь совместить прежнюю картину мира с исторической реальностью, частично или кардинально меняет свои взгляды.

Затронув в данном исследовании только двойничество главных героев романа, мы можем утверждать, что между ними устанавливаются сложные связи притяжения отталкивания и парного взаимодействия, что в сумме поддерживает сложную идейную концепцию романа. Более того, подчеркнем, что характерологический конфликт в «Мысленном волке» имеет несколько семантических пластов.

Что же касается меры участия автора в конфликте, то авторская модальность в романе преимущественно не заявлена. Не повествователь, а герои становятся именно тем центром истинной оценки происходящего, что влияет на композиционную фрагментарность романа.

Библиография

1. Клабукова Ю. В. Историческое прошлое России в художественно-философском осмыслении А. Варламова в романе «Мысленный волк» // Успехи современной науки. – 2016. – Т. 3, № 5. – С. 82-85.
2. Еркина В. И. Образы поэтов «Серебряного» века в романе А.Варламова «Мысленный волк» и их характеристика в контексте ницшеанской философии // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 2(75). – С. 357-358.
3. Солдаткина Я.В. Мотивы и сюжеты прозы А.П. Платонова в русской романистике 2010-х годов (А.Н. Варламов, Е.Г. Водолазкин) // Андрей Платонов и художественные искания XX века: проблемы рецепции: Сборник статей Международной научной конференции, посвященной 120-летию писателя А.Платонова, Воронеж, 26–28 сентября 2019 года. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019. – С. 249-255.
4. Солдаткина Я.В. Творческое наследие А. П. Платонова и семантико-эстетические поиски в современной русской прозе (А.Н. Варламов «Мысленный волк», А.В. Иванов «Ненастье») // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2016. №1. С. 45-54.
5. Мескин В. А. «Мысленный волк» Алексея Варламова как опыт символистского романа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2017. – Т. 22, № 1. – С. 55-65.
6. Кротова Д. В. Образ революции в романе А.Н. Варламова «Мысленный волк» //

Литература и революция век двадцатый / Печатается по постановлению редакционно-издательского совета филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. – Москва : ЛИТФАКТ, 2018. – С. 159-167.

7. Цыпленкова А. В. Особенности изображения исторических личностей в романе А. Варламова «Мысленный волк» // Неофит : сборник статей по материалам научно-практических конференций аспирантов, магистрантов, студентов, Нижний Новгород, 01–30 апреля 2021 года. Том выпуск 18. – Нижний Новгород: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», 2021. – С. 57-62.
8. Латынина А. Кто управляет историей: Заметки о романе Алексея Варламова «Мысленный волк» // Новый мир, 2014. №9. С. 180-188.
9. 于明清. 俄罗斯生态文学发展态势及其三维构成[J]. 河北学刊, 2019, 39(06):100-104. Юй Минцин. Тенденции развития русской экологической литературы и её структуры. // Хэбэйский академический журнал. 2019, 39(№06), с.100-104.
10. Маглий А. Д. Победил ли мысленный волк? // Вопросы литературы. – 2016. – № 5. – С. 139-150.
11. Ишимбаева Г. Г. Функции природы в романе А. Варламова «Мысленный волк» // Природа и человек в пространстве культуры : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой Году экологии в РФ (кафедра этики, культурологии и связей с общественностью факультета философии и социологии Башкирского государственного университета), Уфа, 27 апреля 2017 года. Том Часть 1. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2017. – С. 191-193.
12. 裴曼芳. 阿列克谢·瓦尔拉莫夫的长篇小说《臆想之狼》的创作研究[D]. 辽宁: 辽宁师范大学, 2022. 35. Пэй Маньфан. Исследование творчества романа Алексея Варламова «Мысленный волк». // Ляонин: Ляонинский педагогический университет, 2022, 35с.
13. Варламов А.Н. Мысленный волк: роман.-Москва: Издательство АСТ: Реакция Елены Шубинной, 2022.-508с.
14. Гидрович Н.В. Природа в метафорическом представлении М.М. Пришвина // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2015. №3. С. 20-23.
15. Наср М.Т. Образы русской природы в эволюции художественной философии Михаила Пришвина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. №3. С. 172-181.
16. Туранина Н.А. Словарь метафорических образов М. Пришвина: опыт создания // Philologos. – 2007. – № 1-2(3). – С. 103-104.
17. Иванов Н.Н. Философия, эстетика и поэтика творчества Михаила Пришвина: монография. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. – 175 с.
18. 李勇. 普里什文作品中的生态文学思想及其浪漫主义气质[J]. 江苏社会科学, 2013, (04):149-154. -Ли Юн. Экологическая литературная мысль и романтический темперамент в произведениях Пришвина. // Социальные науки провинции Цзянсу, 2013, (№04): 149-154.
19. Пришвин М.М. Дневники. М.: «Правда», 1990. 482 с.
20. Шпачекова З.С. Алексеем Варламовым не только о русской литературе // Русский язык в центре Европы. – 2021. – № 1(21). – С. 41-51.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Творчество Алексея Варламова полномерно включается в современный отечественный литературный процесс. Его тексты однозначно интересны, новы, конструктивны. В

критике работ относительно произведений А. Варламова не так много, следовательно, работа явно значима и необходима. Формирование т.н. диалога позиций дает основание спектрально выявлять приметы поэтики текстов А. Валамова, дешифровать смысловое множество. Как отмечает автор работы, цель исследования «заключается в рассмотрении системы образов в романе А. Варламова «Мысленный волк». Необходимость рассмотрения данной проблемы определяется общим литературоведческим положением о том, что через систему персонажей выражается авторское представление о жизни». Считаю, что «актуальность данного труда в обращении к одной из ключевых проблем литературоведения на материале произведения современного автора». Предметная область верифицирована – это образы главных героев в романе «Мысленный волк». Анализ данного уровня позволяет определить также мотивные и символические связи, расширить интерпретационные возможности рассматриваемого текста. Образный уровень анализируемого текста объемён, сложен, многогранен: отмечается, что «роман Алексея Варламова «Мысленный волк» имеет сложную систему героев, которых можно разделить на вымышленных (например, Василий Христофорович Комиссаров, его жена Вера Константиновна, дочь Уля и т.д.), позволяя автору свободно манипулировать героями [8, с. 180-188], исторических, присутствующих на страницах романа под собственными именами (такие как император Николай II, императрица Александра Федоровна, цесаревич Алексей и другие), исторических, действующих в романе под вымышленными именами (к этой группе относятся исторические личности - герои биографических книг А. Варламова: М. Пришвин (в романе Павел Матвеевич Легкобытов («Герой Павел Матвеевич Легкобытов имеет яркий отпечаток личности Пришвина» [9, с. 102]), А. Грин (Савелий Круд), Г. Распутин («мужик», «старец» и «он», но ни разу не названный в романе по имени), Исидор Щетинкин, имеющий сразу двух прототипов – расстрига Илиодор и глава хлыстовской секты чевреков Алексей Щетинин, а также другие эпизодические персонажи [1, с. 83]. Каждый из героев манифестирует собственную систему ценностей, вступает в споры с другими героями по главным вопросам бытия, в силу чего возникают оппозиции, определяющие характерологический конфликт в романе». Подобная полновесная раскладка дает возможность увидеть спектр персонифицированных фигур, уже с начала работы представить сложность образной системы. Статья имеет концептуальную основу, автор погружается в специфику фигур романа «Мысленный волк», уточняет принципы создания образов. Примечательно, что не исключается, а наоборот манифестируется т.н. культурно-исторический контекст. Например, «Алексей Варламов как автор биографии М. Пришвина признавался в интервью Зинаиде Шпачековой, что он смог высказать через этих героев романа то, что не высказал в их биографиях, тем самым подчеркивая границу между историческими прототипами и вымышленными героями в романе. Писатель допускает вымысел, комбинирует исходный материал, конструирует стилевые эффекты в романе, вкладывает в уста героя идеи, которыми руководствовался его прототип, но при этом создается эффект реальности самого героя, и попытки поставить знак равенства между персонажем и прототипом не вполне рациональны». Работа, таким образом, становится интересной, целостной, более сложной. Цитаты, сноски даются в режиме унификации; правка в данном случае излишня. Например, «один из важных эпизодов, связанным с оборотничеством героя - эпизод накануне газовой атаки немцев, в которую попадает Легкобытов: «Павел Матвеевич различал все подробности, точно был больше не человеком, смиренно идущим к месту ночлега, но бессонной ночной птицей, поднявшейся над землей и зорко высматривающей добычу» [13, с. 334]. Ощущение полета прерывается, когда взгляд героя натывается на мертвое тело. Символично, что также как и Вера Константиновна, Легкобытов вскоре увидит мысленного волка во плоти, выстрелит в него, после чего

зверь, представляющий как будто сделанным из железа, «пошатнулся, но не упал, а стал терять свои строгие, величественные черты» [13, с. 336]», или «Время пребывания в военном плену, возвращение в революционную Россию ослабило его дух и лишило прежних амбиций, дав взамен чувства вины и стыда перед потомками: «Мы дали разрушить тысячелетнее царство, мы проиграли войну, которую не имели права проигрывать. Мы навеки останемся в истории бесславным, бесчестным поколением, которое к чему-то стремилось, рвалось, мечтало, но потеряло все, что у него было, и будет проклято потомками» [13, с. 485]. В тот момент Василий Христофорович, потеряв веру, потерял интерес к делам мира: «Мне нечего здесь больше делать. Я не знаю, что ждет меня там, но здесь - ничего. Я пуст, как прошлогодний жук, от которого осталась одна оболочка» [13, с. 492]» и т.д. Считаю, что литературоведческий анализ романа делается с учетом современных методов и приемов, нарушений в данной части нет. Фактическая аналитика свойственна всей работе; материал уместно использовать при изучении истории новейшей русской литературы. Стиль статьи соотносится с собственно научным типом; термины / понятия используются в режиме прямой коннотации. Работа целостна, самостоятельна, оригинальна; основная цель исследования достигнута, задачи, которые поставлены, решены. Автор приходит к выводу, что «герои романа Варламова образуют систему. Главным ее свойством являются сложные связи между персонажами. Система образов в романе построена на идее их притяжения – отталкивания. В первую очередь обращает на себя внимание парность героев, которая реализуется в их диалогах, спорах, отношении друг к другу (последнее формулируется не столько самими героями, сколько повествователем, который часто занимает внутреннюю позицию по отношению к герою)», «на мистическом уровне романа герои оказываются связаны друг с другом благодаря способности к оборачиванию. Здесь взаимосвязанными оказываются Легкобытов, Уля и Алеша», «затронув в данном исследовании только двойничество главных героев романа, мы можем утверждать, что между ними устанавливаются сложные связи притяжения отталкивания и парного взаимодействия, что в сумме поддерживает сложную идейную концепцию романа. Более того, подчеркнем, что характерологический конфликт в «Мысленном волке» имеет несколько семантических пластов». Библиографический список объемён (В.А. Мескин, Д.В. Кротова, А. Латынина, А.Д. Маглий и т.д.), работы имеют разножанровый вид, временные рубежи также спектральны. Основные требования издания учтены, новизна исследования заключается в обобщении, систематизации данных, далее же объективации собственной точки зрения на образную систему романа А. Варламова. Думаю, что работа также является импульсом для последующих научных изысканий. Рекомендую статью «Система образов в романе А. Варламова «Мысленный волк» к открытой публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ли И. Механизмы метафорического образования и интерпретации зоосемизмов в русских словарях // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70437 EDN: ZDBZKA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70437

Механизмы метафорического образования и интерпретации зоосемизмов в русских словарях

Ли Имо

кандидат филологических наук

Преподаватель, филологический факультет, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

518172, Китай, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1, каб. 214

✉ liyimo@mail.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70437

EDN:

ZDBZKA

Дата направления статьи в редакцию:

10-04-2024

Дата публикации:

17-04-2024

Аннотация: Предметом исследования является лексико-семантические особенности русских зоосемизмов, характеризующих внутренние признаки человека. Объектом исследования являются русские зоосемизмы, то есть вторичные названия лиц, мотивированные названиями животных (зоонимами). В работе рассматриваются взаимосвязи между первичными значениями животных и их метафорическими зоосемическими значениями; взаимодействие метафорических связей и культурных представлений в языке; также оценивается потенциал развития зоосемизмов в русском языке. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы как зоосемизмы, отражающие внутренние характеристики личности и напрямую связанные с мотивирующими их зоонимами; зоосемизмы, отражающие внутренние черты человека и косвенно связанные с мотивирующими их зоонимами. Особое внимание уделяется анализу

возможных источников зоосемизмов, которые косвенно связаны с мотивирующими их зоонимами, а также их устойчивости в психологическом состоянии носителей русского языка. В исследовании применяются следующие методы: описательный, компонентный анализ, сравнительный анализ, а также методика сплошной выборки материала. Новизна данной работы заключается в глубоком анализе конкретной подгруппы зоосемизмов; выявлении разнообразных связей зоонимами и мотивированными ими зоосемизмами; а также в освещении особой роли зоосемизмов в языковой картине мира русскоговорящих. Результаты исследования подтверждают сложность и многообразие связей между зоонимами и мотивированными ими зоосемизмами, многие из которых напрямую связаны с культурными, историческими и фразеологическими аспектами русского языка. Зоосемизмы баран, гад, жук, лис, индюк существуют как более сильные культурные элементы, устойчиво присутствуют в сознании носителей русского языка. Зоосемизмы воробей, гусь, животное, собака, тварь, курица находятся в статусе динамичного развития. Источником зоосемизмов могут служить фразеологически связанные значения соответствующего животного (зоосемизмы коза, овца, осёл, петух); метафорические значения соответствующего животного мужского рода (зоосемизмы гадина, лиса/лисица, ослица/ослиха, сука); метафорические значения, связанные с видом или семейством соответствующего животного (зоосемизмы барбос, тигрица, шилохвостка). Данный анализ обогащает понимание механизмов образования метафор в русском языке и может служить базой для дальнейших лингвистических исследований, а также методик преподавания русского языка иностранным студентам.

Ключевые слова:

лексикология, Лексико-семантические группы, вторичное наименование лиц, зоосемизмы, зоонимы, названия животных, психолингвистика, лексикография, русские толковые словари, русский ассоциативный словарь

Лексико-семантические группы названий животных анализируются с разнообразных точек зрения. Некоторые ученые рассматривают одновременно метафорическое значение и сравнительное значение зоонима: Р. В. Патюкова [\[1\]](#); А. А. Шарова [\[2\]](#); М. А. Гаврилюк [\[3\]](#). Другие рассматривают только сравнительные значения зоонима: О. А. Васькова [\[4\]](#); Г. М. Сафаралиева [\[5\]](#); Салим Ахмед Ибрагим [\[6\]](#). Между тем, интерес к метафорическим значениям зоонимов, или зоосемизмам, растет среди исследователей, в числе которых: А. А. Киприянова [\[7\]](#); Цай Сяо-лин [\[8\]](#); М. В. Шульга [\[9\]](#); Ли Имо [\[10\]](#). Зоосемизмы – вторичные названия лиц, мотивированные названиями животных (зоонимами), – являются одной из самых регулярных моделей метафорической номинации [\[11, с. 90\]](#).

Источниками данного исследования являются «Русский семантический словарь» [\[12\]](#) (далее: РСС); «Словарь обидных слова» Л. В. Дуличенко [\[13\]](#) (далее: СОС). Эти два словаря в совокупности отражают основные научные традиции современной лексикографии: традиции Большого и Малого академических словарей и нормативного толкового словаря общеупотребительной лексики С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. Методом сплошной выборки материала в этих двух изданиях нами выявлено 162 русских зоосемизмов.

В работе основное внимание уделяется изучению зоосемизмов в русском языке, которые

отражают разнообразные аспекты человеческой натуры, включая внутренние качества, поведенческие особенности, внешность, социальный статус и отношение говорящего к собеседнику. Особый акцент делается на тех зоосемизмах, что используются для описания внутренних характеристик личности.

Из общего числа 162 зоосемизмов, выявленных в русских словарях, 46 принадлежат к категории, отражающей внутренние признаки человека. Примечательно, среди этих, 24 зоосемизма сохраняют непосредственную связь с мотивирующими их зоонимами, отраженную в толковых словарях, для остальных 22 зоосемизмов связь является косвенной. Наша цель – на основе словарных статей рассмотреть взаимосвязь между первичными и метафорическими зоосемическими значениями, проанализировать механизмы их метафоризации и оценить степень их устойчивость и значимость в языковом сознании носителей русского языка.

Зоосемизмы, отражающие внутренние характеристики личности и напрямую связанные с мотивирующими их зоонимами

В русских толковых словарях взаимосвязь между толкованиями зоонимов и мотивированными ими зоосемизмами строится на основе трех ключевых аспектов:

- 1: Физические и внешние характеристики животных;
- 2: Поведения и привычки животных;
- 3: Референции к древнегреческой мифологии.

К первому группе относятся 10 зоосемических единиц: *аспид*, *гадюка*, *ехидна*, *змеёныш*, *змея*, *кобра*, *овечка*, *телёнок/телок*, *теля*, *ягнёнок*.

Зоосемизмы, указывающие на внутренние признаки человека могут опираться на физической и внешней особенности мотивирующих зоонимов. Например, у животного *аспид* признак 'ядовитый' [13, с. 13], который связывается с признаками 'злой, коварный' [12, с. 116; 13, с. 13] у омонимичных зоосемизмов. Также зоосемизмы *гадюка*, *ехидна*, *змеёныш*, *змея*, *кобра*.

Зоонимы *телёнок*, *телок*, *теля* обозначают детёныша некоторых парнокопытных (коровы). Соответствующие зоосемимы характеризуют детей по признакам 'простодушный, беспомощный, безвольный, безответный' [13, с. 193]. Зооним *ягнёнок* обозначает детёныш овцы, соответствующий зоосемим характеризует человека по признакам 'кроткий, незлобивый' [12, с. 97]. Зооним *овечка* как 'уменьшительное к овца' [12, с. 421], характеризует человека с признаками 'смирный, кроткий, бесхарактерный' [13, с. 119]

Зоосемизмы, указывающие на внутренние признаки человека могут опираться на поведении и привычки соответствующих животных. К данному типу относятся 10 зоосемических единиц: *вьюн*, *зверь/зверюга*, *зубр*, *лиса/лисица*, *пантера*, *росомаха*, *скорпион*, *стрекоза*, *сыч*, *шакал*.

У зоонима *зверь / зверюга* признак 'хищный' [12, с. 403], который связывается с признаками 'злой, коварный' [12, с. 116; 13, с. 13] у омонимичных зоосемизмов.

Большинство хищных животных являются опасными для человека, поэтому зоосемизмы мотивированные такими зоонимами как *лиса/лисица*, *пантера*, *скорпион*, *сыч*, *шакал*, сопровождаются сильными негативными оценками. Например, у зоосемизма *пантера*:

‘изворотливый, агрессивный’ [12, с. 414]; у зоосемизмов *шакал*: ‘подлый, гнусный, ничтожный’ [13, с. 229]; у зоосемизмов *пантера*: ‘темно окрашенный леопард, хищный’ [12, с. 414].

К тому же, животные *росомаха, стрекоза, зубр* являются дикими, и люди не так хорошо знакомы с ними, как с домашним скотом. Вероятно, именно поэтому их толкования имеют только в энциклопедических словарях. Мы предполагаем, что метафорическое значение этих зоонимов может происходить от поверхностного наблюдения человека за поведением и особенностями этих животных.

Зооним *росомаха* в энциклопедическом словаре толкуется с признаками ‘тело коренастое, очень неуклюжее’, ‘не отличающее быстрое животное’ [14, с. 88]. Зоосемизм *росомаха* характеризует человека с признаками ‘несобранный, неорганизованный, вялый и нерасторопный’ [13, с. 163].

Животное *стрекоза* в энциклопедическом словаре толкуется с признаками ‘летают очень быстро’ [15, с. 167]. Зоосемизм *стрекоза* характеризует ребёнка с признаками ‘живой, подвижный’ [12, с. 99].

Животное *зубр* в энциклопедическом словаре толкуется с признаками ‘почти совершенно истребленный человеком,’ [16, с. 89]. Зоосемизм *зубр* характеризует человека с признаками ‘опытный и ценный’ [12, с. 90].

Зоосемизмы, указывающие на внутренние признаки человека могут опираться на древней греческой мифологии. К этому типу относятся 5 зоосемических единиц: *агнец, гидра, дракон, змей, цербер*. Они характеризуют мифологические существа негативно, как и мотивированные ими зоосемизмы. Например: зооним *драгон* ‘в мифологии, сказках: чудовище в виде крылатого огнедышащего змея’ [12, с. 458; 13, с. 49]. Соответствующий зоосемизм характеризует человека с признаками ‘жестокий, безжалостный’ [13, с. 49].

Зоосемизмы, отражающие внутренние черты человека и косвенно связанные с мотивирующими их зоонимами

Примерно 48% из этих зоосемизмов (то есть 22 единицы), которые указывают на внутренние характеристики человека, имеют лишь косвенное отношение к характеристикам их мотивирующих зоонимов.

Возникает вопрос о происхождении характеризующих признаков у зоосемизмов. В рамках психолингвистики мы стремимся выявить ассоциации, возникающие у носителей языка при встрече с данными зоосемизмами. Особый интерес представляет выяснение наличия связи между ассоциативными словами и характеризующими признаками зоосемизмов.

В ходе нашего исследования мы опирались на «Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. Том 2. От реакции к стимулу» [17] (далее: РРАС). Этот словарь базируется на данных ассоциативного эксперимента с участием носителей русского языка. Он иллюстрирует комплексное взаимодействие между словами и их концепциями, представляя слова-стимулы и соответствующие им слова-реакции, включая зоосемизмы. Цифра после стимула является числом испытуемых, ответивших данной реакцией на этот стимул [17, с. 3]. Словарь также вскрывает объективно существующие в психике носителя

языка семантические [\[18, с. 210\]](#).

Выявлено нами 22 зоосемизмов, которые отражают внутренние характеристики человека и косвенно связаны с признаками мотивирующих их зоонимов. Среди них половина зоосемизмов зафиксированы в РРАС в качестве слов-реакций. Стимулы, которые вызвали эти реакции, совпадают с характеризующими признаками зоосемизмов. Зоосемизмы *баран, гад, жук, лис, индюк* существуют как более сильные культурные элементы, описывающие внутренние характеризующие признаки человека в русском языке. Эти зоосемизмы устойчиво присутствуют в сознании носителей русского языка и играют важную роль в языковой картине мира русскоговорящего населения. Зоосемизмы *воробей, гусь, животное, собака, тварь, курица* тоже зафиксированы в РРАС как слова-реакции, но количество и частотность вызывавших их стимулы мало. Они находятся в статусе динамичного развития.

У остальных 11 зоосемизмов характеризующие признаки не соответствуют признакам их стимулирующих слов. Источником этих зоосемических значений могут служить фразеологически связанные значения соответствующего животного (*коза, овца, осёл, петух*); метафорические значения соответствующего животного мужского рода (*гадина, лиса/лисица, ослица/ослиха, сука*); метафорические значения, связанные с видом или семейством соответствующего животного (*барбос, тигрица, шилохвостка*). Рассмотрим примеры.

Характеризующие признаки у таких зоосемизмов, как *баран, гад, жук, лис, индюк* полностью соответствуют слова-стимулам, которые их вызывают. Частотность слова-стимулов этих зоосемизмов гораздо больше чем других зоосемизмов. Эти единицы являются устойчивыми культурными элементами в сознании носителя русского языка и отражают часть языковой картины мира русского народа.

Например:

Лис ← 'хитрый 174; хитрость 9; коварный, осторожный 3' [\[17, с. 308\]](#)

Лис: -а, м. 'Хитрец, лиса, лисица' [\[12, с. 111\]](#).

Баран ← 'упрямый 64; настойчивый 8; настырный 6; глупый 3' [\[17, с. 19\]](#)

Баран: -а, м. 'О глупом, упрямом человеке' [\[13, с. 16\]](#).

Характеризующие признаки у некоторых зоосемизмов совпадают со слова-стимулами, которые их вызывают, но частотность ответов на данные стимулы заметно ниже. К таким зоосемизмам относятся *воробей, гусь, животное, собака, тварь, курица*. В сознании носителей русского языка эти образы не столь устойчивы, и находятся в процессе динамичного развития. В будущем метафорические значения этих слов, описывающие человеческие особенности, могут либо исчезнуть, либо, напротив, получить более широкое распространение и укрепиться.

Например:

Гусь ← 'важный 6; надутый, хитрый 2; агрессивный, гордый, застенчивый, крупный, надменный, опасный, приехать, спокойный 1' [\[17, с. 144\]](#)

Гусь: -я, м. перен., 'Ловкач и мошенник (прост.)' [\[12, с. 110\]](#).

Гусь: -я, м. 'О ненадежном или плутоватом человеке (разг. презр.)' [\[13, с. 43\]](#).

Воробей ← 'слово 19; сокол 2; глупый, голубь, гордый, орел, осторожный' [\[17, с. 102\]](#)

Воробей: -ья, м. 'О робком, пугливом человеке' [\[13, с. 31\]](#).

Характеризующие признаки у 48% зоосемизмов не совпадают со слово-стимулами, которые их вызывают. Это свидетельствует о том, что такие характеристики зоосемизмов пока не устоялись в сознании носителей русского языка и продолжают формироваться. Мы исследуем истоки их происхождения.

Характеризующих признаков у зоосемизмов *коза*, *овца*, *осёл*, *петух* тесно связано с их фразеологическими зоонимическими значениями. То есть, источниками их метафорических значений являются фразеологизмы, пословиц, поговорок или фольклоры.

Например у зоосемизма *коза* характеризующие признак 'непоседливой, непослушной и назойливой молодой' [\[13, с. 78\]](#). Зооним *коза* в составе фразеологических единиц характеризуют человека с признаками 'подвижный, бегущий, скачками, быстрый, легкость движений, с бестолковыми движениями...' [\[19, с. 9\]](#)

У зоосемизма *овца* характеризующие признак 'Робкий и безответный' [\[12, с. 114\]](#) Зооним *овца* в составе фразеологических единиц характеризуют человека с признаками 'беспомощный, безропотный, послушный, беспамятливый, бестолковый...' [\[19, с. 10\]](#).

У зоосемизма *осёл* характеризующие признак 'Дурак, упрямый глупец' [\[12, с. 90\]](#). Зооним *осёл* в составе фразеологических единиц характеризуют человека с признаками 'глупый, упрямый, несговорчивый...' [\[19, с. 10\]](#).

У зоосемизма *петух* характеризующие признак 'Задиристый' [\[12, с. 116; 13, с. 130\]](#) Зооним *петух* в составе фразеологических единиц характеризуют человека с признаками 'задиристый, самодовольный...' [\[19, с. 10\]](#).

Характеризующие признаки некоторых зоосемизмов женского рода могут быть образованы на основе метафорических значений их мужских аналогов. Примерами таких зоосемизмов служат слова *гадина*, *лиса/лисица*, *ослица/ослиха*, *сука*.

Зоосемизм *гадина* характеризует человека с признаками 'подлый, отвратительный, мерзкий' [\[12, с. 118; 345\]](#). Также его половая пара - зоосемизм *гад* [\[12, с. 118\]](#).

Зоосемизм *лиса/лисица* характеризует человека с признаками 'Хитрый и лживый' [\[12, с. 111; 13, с. 93\]](#). Также его половая пара - зоосемизм *лис* [\[12, с. 111\]](#).

Зоосемизм *ослица/ослиха* характеризует человека с признаками 'Глупый и упрямый' [\[12, с. 90\]](#). Также его половая пара - зоосемизм *осёл* [\[12, с. 118\]](#).

Зоосемизм *сука* характеризует человека с признаками 'Безнравственный и гадкий' [\[12, с. 119\]](#). Также его половая пара - зоосемизм *кобель* [\[12, с. 111\]](#).

Характеристики некоторых зоосемизмов формируются на основе метафорических значений, связанных с видом или семейством соответствующего животного. Например, зоосемизмы *барбос*, *тигрица*, *шилохвостка*.

Барбос - это одно из прозвищ, которым часто обзывают собаку. Поэтому характеризующие признаки у зоосемизма *барбос* 'злой, грубый' [13, с. 17] как у зоосемизма *собака* [12, с. 117].

У зоосемизма *тигрица* не имеет аналога мужского рода. Однако зоосемизмы *тигрица* и *львица* характеризуют человека с одинаковыми признаками, такими как "агрессивность" [13, с. 194]. Вероятно, подобное сходство объясняется тем, что оба этих животных относятся к семейству кошачьих.

Зоосемизм *шилохвостка* используется для характеристики женщины с признаками 'пустоты, непоседливости и легкомыслия' [13, с. 233]. Аналогичным образом, зоосемизм *кукушка* может означать 'легкомысленную женщину' [13, с. 88].

Заключение:

Таким образом, рассмотрев в данной работе механизма образования зоосемизмов характеризующие внутренние признаки человека в русских словарях, мы пришли к следующим выводам:

1: Из 162 зоосемизмов, выявленных в русских словарях, 46 характеризуют внутренние признаки человека, является самой плодотворной подгруппой в нашем материале. Среди них, больше половины зоосемизмов имеют прямую связь со своими мотивирующими зоонимами в толковых словарях, у остальных 22 зоосемизмов связь является косвенной. Это разнообразие свидетельствует о сложности метафорических связей и культурных представлений в языке.

2: На основе русских толковых словарей, мы выявлены, что прямые взаимосвязи между зоонимами и мотивированными ими зоосемизмами строятся на основе трех аспектов: физические и внешние характеристики животных (зоосемизмы *аспид, гадюка, ехидна, змеёныш, змея, кобра, овечка, телёнок/телок, теля, ягнёнок*); поведения и привычки животных (зоосемизмы *вьюн, зверь/зверюга, зубр, лиса/лисица, пантера, росомаха, скорпион, стрекоза, суч, шакал*); референции к древнегреческой мифологии (зоосемизмы *агнец, гидра, дракон, змей, цербер*).

3: Почти половина из этих зоосемизмов (то есть 22 единицы), которые указывают на внутренние характеристики человека, имеют лишь косвенное отношение к характеристикам их мотивирующих зоонимов. Зоосемизмы *баран, гад, жук, лис, индюк* существуют как более сильные культурные элементы, устойчиво присутствуют в сознании носителей русского языка. Зоосемизмы *воробей, гусь, животное, собака, тварь, курица* находятся в статусе динамичного развития. Но, все они играют важную роль в языковой картине мира русскоговорящего населения.

4: Метафорические значения зоосемизмов в русском языке могут происходить из различных источников. Источником зоосемизмов могут служить фразеологически связанные значения соответствующего животного (зоосемизмы *коза, овца, осёл, петух*); метафорические значения соответствующего животного мужского рода (зоосемизмы *гадина, лиса/лисица, ослица/ослиха, сука*); метафорические значения, связанные с видом или семейством соответствующего животного (зоосемизмы *барбос,, тигрица, шилохвостка*).

Данное исследование подчеркивает сложность и многообразие связей между зоонимами и мотивированными ими зоосемизмами, акцентируя внимание на возможных источниках

зоосемизмов, характеризующих внутренние признаки человека, в русских словарях. Работа представляет особую ценность для студентов русского языка как иностранного. Она поможет углубить понимание связи между русским языком, культурой и менталитетом, что будет способствовать эффективному изучению русской лексики, семантики и других аспектов языка. Более того, представленный анализ может послужить ценным источником для разработки методик преподавания русского языка иностранцам, обогащая учебные курсы интересными и содержательными материалами.

Библиография

1. Патюкова Р. В. Зоосемические компоненты устойчивых единиц: опыт словаря (на материале английского и русского языков). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2008.
2. Шарова А. А. Гендерный аспект зооморфных образов (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Ярославль, 2010.
3. Гаврилюк М. А. Зооморфизмы китайского языка как средство аксиологической характеристики человека // Вестник ТПГУ. 2013. №10. С. 136–140.
4. Васькова О. А. Гендер как предмет лексикографического описания (на материале фразеологии): Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2006.
5. Сафаралиева Г. М. Зооморфная метафора как способ образной характеристики человека (на материале русского и азербайджанского языков) // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2013, № 3. С. 121–128.
6. Салим Ахмед Ибрагим. Зооморфные образы в русских и арабских пословицах // Молодой ученый. 2018. № 11. С. 281–283.
7. Киприянова А. А. Об ассоциативной семантической нагрузке зоосемизмов // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. М., 1998. С. 330–332.
8. Цай Сяо-лин. Зоонимы и зоосемизмы в отношении к роду и биологическому полу // Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: Вестник факультета русского языка и литературы. Вып.
9. Тайбэй, 2006, № 9. С. 84–93. 9. Шульга М. В. Грамматические оппозиции в истории морфологии имени. М.: Индрик, 2017.
10. Ли Имо. Лексикографический аспект дифференциации метафорических и фразеологически связанных значений зоонимов (на материале русско-китайского двуязычного словаря). Славянские чтения, 2021; № 18. С. 72–86.
11. Складневская Г. Н. Метафора в системе языка. Санкт-Петербург: Наука. 1993.
12. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Шведовой Н. Ю. М.: «АЗБУКОВНИК», 2000. Т. I.
13. Дуличенко Л. В. Словарь обидных слов: наименования лиц с негативным значением. Тарту: Тартуский университет, 2000.
14. Энциклопедический словарь (Р) / под ред. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. М.: «Русское слово», 1996.
15. Энциклопедический словарь (С) / под ред. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. М.: «Русское слово», 1996.
16. Энциклопедический словарь (Е-Й) / под ред. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. М.: «Русское слово», 1996.
17. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. Т. 1. От стимула к реакции: [Электронный ресурс] / Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева. М., 2014. URL: https://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf (дата обращения: 10.04.2024).
18. Психоллингвистика: [Электронный ресурс] / В.П. Белянин. М. : ФЛИНТА, 2016. URL:

http://lib.ysu.am/disciplines_bk/e500b25109704ac96d0c0c6ce5f32c77.pdf (дата обращения: 12.04.2024).

19. Козлова Т. В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. М.: Издательство "Дело и Сервис", 2001

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Механизмы метафорического образования и интерпретации зоосемизмов в русских словарях», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, в которой автор обращается к изучению коннотативных значений номинации.

Цель работы - на основе словарных статей рассмотреть взаимосвязь между первичными и метафорическими зоосемическими значениями, проанализировать механизмы их метафоризации и оценить степень их устойчивость и значимость в языковом сознании носителей русского языка.

В работе основное внимание уделяется изучению зоосемизмов в русском языке, которые отражают разнообразные аспекты человеческой натуры, включая внутренние качества, поведенческие особенности, внешность, социальный статус и отношение говорящего к собеседнику. Особый акцент делается на тех зоосемизмах, что используются для описания внутренних характеристик личности.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике как в отечественном языкознании, так и в зарубежном. Таким образом, статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В качестве методологии применены специфические методы лингвистического анализа, в том числе сравнительно- сопоставительный концептуальный анализ, семантический анализ и контент- анализ, а также методология корпусного исследования. Практическим материалом исследования являются лексические единицы из «Русский семантический словарь», «Словарь обидных слова» Л. В. Дуличенко. Методом сплошной выборки материала в этих двух изданиях нами выявлено 162 русских зоосемизмов.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом на русском языке. Библиография статьи насчитывает 19 источников, изданных на русском языке. Считаю, что обращение, в том числе, к работам зарубежных исследователей, несомненно, могло бы усилить теоретическую составляющую работу, в том числе, в русле зарубежных научных школ.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и

может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов лексикологии и стилистике, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Механизмы метафорического образования и интерпретации зоосемизмов в русских словарях» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ху Ц. Особенности реализации речевых стратегий и тактик в слогане телевизионной рекламы продуктов питания // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70481 EDN: VRYUXI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70481

Особенности реализации речевых стратегий и тактик в слогане телевизионной рекламы продуктов питания

Ху Цзымин

ORCID: 0009-0007-7570-1126

аспирант, кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет

199397, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Новосмоленская, 1В

✉ st082227@student.spbu.ru

[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70481

EDN:

VRYUXI

Дата направления статьи в редакцию:

12-04-2024

Дата публикации:

19-04-2024

Аннотация: Статья посвящена изучению речевых стратегий и тактик в слогане телевизионной рекламы продуктов питания. Слоган как элемент рекламного текста играет значительную роль в воздействии на сознание и поведение адресата. В слоганах реализуются различные речевые стратегии и тактики для обеспечения успешности рекламной коммуникации. Сложность изучения данного феномена заключается в короткой формулировке с большим стратегическим потенциалом и её неопределённом отношении с основным текстом телевизионной рекламы. Актуальность данного исследования связана со значимостью слогана в рекламном тексте и перспективностью изучения речевых стратегий и тактик в слогане телевизионной рекламы продуктов питания. В статье поставлена цель – выявить особенности речевых стратегий и тактик в слогане телевизионной рекламы продуктов питания. В работе использовался метод

лингвопрагматического анализа, который дает возможность выявить речевые стратегии и тактики в слогане телевизионной рекламы продуктов питания и описать лингвистические особенности их реализации. Новизна исследования заключается во всестороннем рассматривании речевых стратегий и тактик в слогане с учётом основного рекламного текста. В результате анализа в телевизионной рекламе выделены фирменный слоган, товарный слоган и праздничный слоган. В слоганах телевизионной рекламы продуктов питания выделены стратегия презентации, стратегия убеждения, стратегия уговаривания и напоминающая стратегия, а также тактики и приёмы в рамках соответствующих стратегий. Описаны языковые средства вербализации приёмов, используемых в рамках соответствующих речевых стратегий и тактик в телевизионной рекламе продуктов питания. Установлено соотношение их реализации с основным рекламным текстом. В слогане телерекламы обычно одновременно реализуется несколько стратегий и тактик. Реализация стратегии убеждения в товарном слогане имеет отношение к основному рекламному тексту. Реализация других стратегий в слогане не связана с основным рекламным текстом.

Ключевые слова:

речевые стратегии, речевые тактики, телевизионная реклама, приёмы, языковые средства, слоган, стратегия презентации, стратегия убеждения, стратегия уговаривания, напоминающая стратегия

Введение

Слоган трактуется как «рекламный лозунг, девиз, содержащий сжатую, легко воспринимаемую, эффектную формулировку рекламной идеи» [\[1, с. 313\]](#); «запоминающаяся фраза в рекламе, выражающая суть привлекательности товара. Лозунг, девиз, выражающий основную, существенную идею какого-л. политика» [\[2, с. 757\]](#). Важность рекламного слогана отмечена многими лингвистами и специалистами по рекламе. В своей работе В. В. Зирка рассматривает слоган как «одежку», по которой встречают бренд и его товар [\[3, с. 202\]](#). Согласно мнению И. А. Гольманой и Н. С. Добробабенко, «удачный слоган - это сильно действующее рекламное средство» [\[4, с. 27\]](#). В телевизионной рекламе именно слоган укрепляет образ бренда и товара в памяти адресата, поскольку, во-первых, в современном обществе ввиду ускоряемого темпа жизни человек склонен уделять внимание короткой формулировке, в которой сконцентрирована важная информация. Во-вторых, «как известно, взрослый человек воспринимает на слух фразу, состоящую не более чем из 15 слов. Порог детского восприятия (в возрасте до 12 лет) еще ниже – 7 слов в предложении» [\[5, с. 144\]](#). В связи с данной когнитивной особенностью человека лаконичность и запоминаемость слогана помогает адресату воспринимать информацию. В-третьих, для экономии расходов на размещение рекламы на телевидении в рекламном ролике обычно есть два варианта рекламного текста – полный и краткий. В обоих вариантах имеется слоган. Вышеизложенное определяет незаменимую роль слогана в телевизионном рекламном тексте.

Слоган в качестве значительной части рекламного текста имеет прагматическую установку, которая определяет интенсивное употребление языковых средств в рамках речевых стратегий и тактик с целью речевого воздействия на адресата и достижения

перлокутивного желаемого адресантом эффекта. Иными словами, для эффективного воздействия на адресата необходим подбор определенных языковых средств в рамках речевых стратегий и тактик согласно специфике рекламируемого товара и целевой аудитории, а также сверхзадачам самого рекламного текста.

Таким образом, **актуальность** данного исследования обусловливается важностью слогана в телевизионном рекламном тексте и его стратегическим потенциалом, определяющийся в большой степени успешностью рекламной коммуникации.

Объектом настоящего исследования являются речевые стратегии и тактики; **предметом** — особенности реализации речевых стратегий и тактик в слогане телевизионной рекламы продуктов питания. **Цель** данного исследования – выявить особенности реализации речевых стратегий и тактик в слогане телевизионной рекламы продуктов питания.

Задачи исследования:

1. Выделить речевые стратегии и тактики в телевизионной рекламе продуктов питания.
2. Проанализировать и описать языковые средства вербализации приёмов, используемых в рамках определенных речевых стратегий и тактик в телевизионной рекламе продуктов питания.
3. Выявить соотношение употребления речевых стратегий и тактик в слогане и основном рекламном тексте телевизионной рекламы продуктов питания.

Материалом данного исследования служат 120 отобранных методом сплошной выборки российских телевизионных рекламных видеороликов о продуктах питания (2016-2023 гг.).

Основная часть

Эффективную рекламную коммуникацию обеспечивает реализация уместных речевых стратегий и тактик. В нашем исследовании мы избрали в качестве понятийной основы три иерархически связанных понятия («стратегия-тактика-приём»), определённых Е. С. Поповой, которая определяет стратегию как «сверхзадачу, идущую от адресанта, направленную на достижение коммуникативной или практической цели и рассчитанную на определенный перлокутивный эффект» [\[6, с. 278\]](#), при этом тактика рассматривается как «некое речевое действие, направленное на решение одной задачи в рамках одной стратегической цели» [\[6, с. 278\]](#). «Тактика обретает свою форму с помощью приема, который связан с огромными возможностями языковой системы и потенциальными возможностями иллюстраций, элементов видеоряда» [\[6, с. 279\]](#).

Основываясь на моделях рекламного текста, предложенных Е. В. Медведевой [\[7, с. 34-36\]](#), Е. В. Ромата [\[8, с. 94-96\]](#) и Х. Кафтанджиев [\[9, с. 3\]](#), мы выделяем следующие составляющие вербального текста телевизионного рекламного ролика: основной рекламный текст, эфо-фраза (слоган/ название марки/ отдельная фраза), справочные сведения. Согласно мнению Х. Кафтанджиев, «слоган отражает сущность, философию фирмы, ее корпоративную политику в различных областях» [\[9, с. 3\]](#). Он используется в имиджевой рекламе. Отдельная фраза используется для продвижения конкретного товара или услуги [\[9, с. 73\]](#). И. Д. Морозова рассматривает слоган как краткое, легко запоминающееся высказывание, направленное на создание общего имиджа бренда или

продвижение конкретного товара [\[10, с. 131\]](#). В нашем исследовании мы избрали в качестве понятийной основы понятие слогана, предложенное И. Д. Морозовой, поскольку срок размещения рекламного ролика на телевидении является относительно долгим, ввиду чего «отдельная фраза для конкретного товара или услуги» (товарный слоган) носит постоянный характер, как фирменный слоган. Проанализировав материал исследования, мы ещё выделяем праздничный слоган, специально созданный для праздника или юбилея бренда в напоминающей рекламе и нацеленный на возможность воспоминания о существовании бренда.

Таким образом, мы выделяем три вида слогана в телевизионной рекламе: фирменный слоган, товарный слоган и праздничный слоган. Фирменный слоган используется для создания и укрепления имиджа фирмы в памяти потенциального потребителя, товарный – для информирования о появлении нового товара, убеждения или уговаривания потенциального потребителя в приобретении рекламируемого товара, праздничный – для напоминания потребителю о существовании бренда. По мнению О. А. Феофанова, фирменный слоган – «часть имиджа фирмы, и его изменение – это изменение имиджа, обычно нежелательное» [\[11, с. 222\]](#), он может прикрепляться в любом рекламном сообщении фирмы, поэтому он рассматривается как самостоятельный текст, не имеющий отношение к основному рекламному тексту. Товарный слоган специально создан для определённого товара фирмы, и праздничный слоган – для определенного праздника или юбилея бренда, поэтому их содержание обычно связано с основным рекламным тестом.

По признакам сверхзадачи слогана в телерекламе мы выделяем стратегию презентации, персуазивные стратегии (стратегию убеждения и стратегию уговаривания) и напоминающую стратегию, которые могут реализоваться также в основном рекламном тексте.

Стратегия презентации состоит в информировании потребителей о существовании, появлении определенного товара, его качествах и положительных чертах посредством его презентации в привлекательном виде [\[12, с. 96\]](#). Данная стратегия реализуется за счёт тактики привлечения внимания и мнемонической тактики. Языковые средства, используемые в рамках стратегии презентации, являются между собой самостоятельными, поэтому вне зависимости от вида слогана организация языковых средств в рамках стратегии презентации в слогане не обусловлена содержанием основного рекламного текста. Таким образом, мы рассматриваем особенности реализации данной стратегии и тактик в слогане отдельно от их реализации в основном рекламном тексте. Анализ материала нашего исследования показывает, что в слогане телерекламы продуктов питания актуализация тактики привлечения внимания происходит посредством приёма создания новизны и приёма «свой круг». Среди них, приём «свой круг» используется для привлечения внимания у определенной целевой аудитории. Согласно мнению Е. А. Шаглановой, «Существуют рекламные тексты, которые предлагают товары для определенной целевой аудитории, соответственно, форма и способ выражения выбираются для этой целевой аудитории такие, чтобы вовлечь потребителя в этот создаваемый круг» [\[12, с.100\]](#).

Вербализация приёма создания новизны в слогане реализуется в двух аспектах. Во-первых, для привлечения внимания адресата используются лексические единицы с семантикой новизны:

«Приправы Maggi. Новый уровень ваших блюд.»

«Взгляните на кофе по-новому с Nescafe Dolce Gusto.»

«Дым Дымыч. Попробуйте новинки серии коллекции.»

Во-вторых, в слогане телевизионной рекламы продуктов питания создание новизны осуществляется часто за счёт языковой игры, такой как окказионализм, необычная лексическая сочетаемость и каламбур. В следующих примерах употребляются окказионализмы:

«Моя Семья. Ново-Фруктово. Ягодно-выгодно.»

«Carlsberg Wild Безалкогольное. Датствуйте.»

В первом слогане с помощью окказионализма передаётся информация о новом и выгодном напитке. Во втором слогане окказионализм «датствуйте» ассоциируется со словом «Дания», где производится вкусное пиво. В слогане необычная лексическая сочетаемость делает аргумент более выразительным:

«Хрустим Багет. Притяжение вкуса.»

«Карат. Сырное удовольствие.»

С помощью каламбура сообщению придаётся сопутствующий смысл:

«Победа. Всегда на вашей стороне.»

В слогане телерекламы продуктов питания вербализация приёма «свой круг» реализуется за счёт:

1) использования лексики с нейтральной семантикой «человек»:

«Тесто Морозко. Хозяйке на заметку!»

«Фрутоняня. В помощь маме и папе»

«В мужской компании вкуснее вместе с Lays strong.»

2) использования жаргонизма

«Snickers. Не тормози. Сникерсни.»

«Flash Up Energy. Заряжен на новый уровень.»

Мнемоническая тактика реализуется за счёт приёма повторов и приёма выделения важной информации. Повтор является самым популярным стилистическим приёмом для удерживания слогана в памяти адресата. В слогане телерекламы продуктов питания данный приём реализуется на следующих уровнях языка:

1) на фонетическом уровне:

«Дары Кубани. Подарок природы.»

«Верховье. В ответе за каждый шаг.»

«Ряба фермерский. Молоко, желток и нежность.»

2) на синтаксическом уровне:

«Макароны Роллтон. Создано по-итальянски, вкусно по-домашнему.»

«Нет Рэдбул. Нет крыльев.»

3) на лексическом уровне:

«Nestle. Качество продуктов, качество жизни.»

«BORJOMI. Живая вода. Живая легенда.»

4) на морфологическом уровне:

«Моя Семья. Ново-Фруктово. Ягодно-выгодно.»

«Печенье Любятово. Любовь до последней крошки.»

Выделение важной информации помогает адресату запомнить особенности рекламируемого товара. В слогане часто употребляется назывное предложение:

«Ряба Фермерский. Молоко, желток и нежность.»

«Киндер Пингви. Наш вкусный перерыв.»

Суть стратегии убеждения и стратегии уговаривания состоит в формировании предпочтения к бренду, изменении у потребителя представления о товаре или услуге, разграничении своего товара от товаров конкурентов, поощрении к переключению на рекламируемый товар или услуги [\[13, с. 4\]](#). Но пути их решения представляются разными. Убеждение воздействует преимущественно на разум адресата и часто в открытой форме, а уговаривание – на эмоцию и часто в скрытой форме [\[14, с. 4\]](#).

Как отмечается в работе В. В. Зирка, «главное в слогане - мотивация рекламного предложения и апелляция к чувствам потребителя. Именно мотивация и апелляция обуславливают рекламное воздействие: сначала интерес к товару, объекту или услуге, максимальная запоминаемость и, как следствие, побуждение к действию» [\[3, с. 204\]](#). Конечная цель рекламной коммуникации заключается в побуждении потенциального потребителя к покупке рекламируемого товара или услуги. Однако в рекламной коммуникации прямой и эксплицитный призыв к покупке товара - «покупай(-те) / купи (-те) наш товар!» может вызывать отвращение к рекламному сообщению и товару, что приводит к провалу коммуникации. «Реклама – форма коммуникации, которая пытается перевести качества товаров и услуг на язык нужд и запросов потребителя» [\[15, с. 64\]](#). Итак, для обеспечения эффективной коммуникации рекламист часто создаёт текст на основании структуры деятельности, предложенной А. Н. Леонтьевым [\[16\]](#): Потребность → Мотив → Действия → Результат. При выборе товара продуктов питания мотив у потребителя может быть рациональным и (или) эмоциональным. «Рациональные мотивы – это прибыль (экономия), снижение риска, удобство, качество, гарантированное обслуживание, репутация. К эмоциональным же мотивам относятся: «свое Я», признание, познание, следование моде, желание быть принятым в обществе, престиж» [\[17, с. 109\]](#). Согласно теории иерархии мотивов, предложенной А. Маслоу, потребности человека могут быть врождёнными и приобретёнными. К врождённым потребностям относятся физиологические потребности и безопасность, и к приобретённым потребностям – принадлежность, уважение и самоутверждение [\[18, с. 142-144\]](#). Учитывая особенности продуктов питания и основываясь на теории иерархии мотивов, предложенной А. Маслоу, мы выделяем два вида потребности адресата: базовые (голод, жажда, отдых, вкус, здоровье, выгода, удобство) и небазовые (дружба, семья, развлечение, успех, высокое общественное положение, творчество, любовь, радость). С

базовыми потребностями соотнесены рациональные мотивы, а с небазовыми потребностями – эмоциональные мотивы.

В слогане телерекламы продуктов питания в рамках стратегии убеждения образование рационального мотива у адресата происходит за счёт реализации тактики апелляции к удовлетворению базовых потребностей. Анализ материала нашего исследования показывает, что в слогане телерекламы продуктов питания актуализация данной тактики происходит посредством приёма выделения положительного признака товара и приёма создания проблемной ситуации и её решения. Стоит отметить, что механизм убеждения является сложным, так как в рамках стратегии убеждения некоторые языковые средства используются взаимообусловлено, иными словами, эффект языковых средств, используемых в рамках стратегии убеждения, срабатывает в контексте.

Выделение положительного признака товара является самым популярным приёмом убеждения, используемым в слогане. «Ввиду того, что при убеждении слушающий воспринимает информацию рекламного обращения с критическим осмыслением, необходимо детальное описание состава и свойств рекламируемого товара» [\[14, с. 6\]](#). Вербализация приёма выделения положительного признака товара в слогане происходит в двух аспектах. Согласно мнению Е.М. Вольфа, «язык отражает мир со всех сторон. Прежде всего, в языке представлена объективная действительность, имеющиеся в мире предметы, свойства, действия, включая человека с его чувствами, мыслями, поступками, и их соотношения. Эту сторону языковых выражений можно рассматривать как дескриптивную. В языке отражается также взаимодействие действительности и человека в самых разных аспектах, одним из которых является оценочный: объективный мир членится говорящим с точки зрения его ценностного характера - добра и зла, пользы и вреда и т.п., и это вторичное членение, обусловленное социально, весьма сложным образом отражено в языковых структурах» [\[19, с. 5\]](#). В рекламной коммуникации при убеждении употребляются дескриптивные и оценочные речевые акты. Сначала рассмотрим объективное описание в слогане. В отличие от обычного разговора в рекламном дискурсе в большинстве случаев цель описания заключается не только в передаче информации о рекламируемом товаре, но и в убеждении потенциального потребителя, что рекламируемый товар имеет несомненные преимущества и является лучшим, чем товары конкурентов. При убеждении в контексте описательные высказывания носят положительную семантику:

«Пельмени Мираторг Black Angus. Пельмени из настоящего мяса.»

«Колбаса Дымов. 100% из настоящего мяса.»

«Добрый. Ни грамма добавленного сахара.»

В примерах 1 и 2 употребляется прилагательное «настоящий», которое само по себе является нейтральной лексемой, но в контексте носит положительную семантику. В примере 3 в контексте именное словосочетание «добавленный сахар» носит отрицательную семантику. С помощью употребления отрицательной частицы «ни» описательное высказывание носит положительную семантику.

В рекламной коммуникации часто употребляются оценочные речевые акты с целью воздействия на адресата и побуждения его к покупке рекламируемого товара. В рамках убеждения оценка должна происходить с объективным описанием товара, поскольку оценочные слова отражают субъективное отношение рекламодателя к собственному товару. Без детального описания товара оценочный аргумент рассматривается как

самопохвала, которая слабо воздействует на разум и логику потенциального потребителя:

«Матроскин: Ты куда, Шарик, собрался?»

Шарик: Ухожу. Надоело одно и то же на завтрак есть.

Матроскин: Да ты новинку нашу не пробовал. Натуральный творожок с клубникой. Только натуральный творог и спелые ягоды.

Шарик: Вкусная и сытная новинка.

Матроскин: И натуральная.

Простоквашино. Вкусный завтрак для всей семьи.»

В слогане употребляется оценочная лексема «вкусный». Снижается субъективность оценки в слогане посредством детального описания товара в основном рекламном тексте.

Анализ материала нашего исследования показал, что данный приём используется и в фирменном слогане, но гораздо реже, чем в торговом слогане, поскольку большинство брендов имеет разные продукты, и в фирменном слогане как самостоятельном рекламном тексте детальное описание товаров фирмы не является наиболее эффективным способом создания комплексного образа бренда и воздействия на адресата:

«Петелинка. Чистый продукт без вредных добавок.»

«Приём создания проблемной ситуации и её решения обычно охватывает целый текст» [\[14, с. 6\]](#) В рамках убеждения данный приём состоит из трёх частей: проблема - решение - эффект. В слогане, характеризующемся лаконичностью, данный приём, как правило, содержит не все три части. Вербализация данного приёма в слогане представлена как выделение главной идеи основного рекламного текста в обобщенном виде. Речевые высказывания, реализующие данный приём в рамках стратегии убеждения, позволяют «мотивированно обосновать достоинства рекламируемого продукта и пользы от его приобретения» [\[20, с. 217\]](#) Приём создания проблемной ситуации и её решения обычно используется в товарном слогане:

«Мальчик: Готово?»

Папа: Нет.

Мальчик: А теперь готово?

Папа: Нет.

Мальчик: А теперь готово?

Мама: Добавим пользу фруктов.

Папа: Теперь готово. Ужин готов, когда со сбалансированными полезными веществами. Яблочный сок Добрый содержит калий, магний и другие микроэлементы из спелых фруктов. Добрый. Добавить пользы фруктов к ужину? Легко!»

«Что нужно вашему малышу для спокойного сна? Удобная кроватка, любимая игрушка, или что-то ещё. Ему нужен спокойный животик. При кормлении Similac Premium 70% мам

отметили снижение колик. Ведь Similac Premium без пальмового масла. Это уникальный состав с бифидобактериями и пробиотиками для комфортного пищеварения малыша. Теперь ваш малыш может спокойно спать и вы тоже. Similac. Животик в порядке и мама спокойна.»

Тактика апелляции к удовлетворению базовых потребностей реализуется также в рамках стратегии уговаривания. При уговаривании информация о положительных признаках товара часто необходимо адресату самому из слогана извлечь, иными словами, такая информация представлена как имплицитная. Согласно мнению Ю. К. Пироговой, «она действует в обход аналитических процедур обработки информации. Поэтому адресат не склонен подвергать её какой-либо оценке, относиться к ней критично или сомневаться в ней» [21, с. 214]. В слоганах телерекламы продуктов питания она часто действует за счёт коннотативной и ассоциативной семантики слов:

«Дары Кубани. Сила солнца. Сила витаминов.»

«Пармалат. Шеф на вашей кухне.»

В первом примере имплицитный смысл сводится к следующему: благодаря солнцу растут фрукты, содержащие витамины. И из таких фруктов делаются напитки Дары Кубани, которые полезны для нашего здоровья. При употреблении слова «солнце» выстраивается ассоциативный ряд: солнце - натуральный ингредиент - здоровье - польза - качество. Во втором примере имплицитный смысл сводится к следующему: с Parmalat готовить вкусное способен каждый.

При уговаривании описывается положительный признак товара с помощью тропов, таких как эпитет, сравнение, метафора, гипербола, и языковых игр, что вызывает эмоцию у адресата:

«Ярче вкус, ярче настроения с брендом Я люблю готовить.»

«Молодая кукуруза Бондюэль. Навстречу вкусным приключениям!»

«Хрустяteam Багет. Притяжение вкуса.»

«Хрустяteam. Вся сила в гренках.»

В слоганах телерекламы продуктов питания в рамках стратегии уговаривания образование эмоционального мотива у адресата происходит за счёт реализации тактики апелляции к удовлетворению небазовых потребностей посредством приёма выделения важных жизненных ценностей для потребителя. В слогане употребляются лексемы с ценностной семантикой:

«Nesquik. Первая победа успешного дня.»

«Юбилейное. Для счастья всегда есть повод!»

«Oreo. Это у нас семейное.»

В слогане данная тактика часто реализуется вместе с тактикой надевания маски, актуализация которой происходит за счёт приёма подмены коммуникативной цели. Согласно мнению А. Н. Назайкина, «основной упор стоит делать на глаголы. Они лучше других частей речи создают образ, «картинку» в воображении читателя. Глаголы хорошо вовлекают, побуждают» [22, с. 152]. В слогане для достижения цели рекламной коммуникации, по сравнению с утверждением о возможности удовлетворять потребности

у адресата с помощью аргументов, более эффективно косвенное или скрытое побуждение адресата к покупке за счёт глаголов-сказуемых, не обозначающих приобретение товара. В слоганах телерекламы продуктов питания употребляются глаголы в повелительном наклонении (2-е л, ед. и мн. числа) и глаголы в изъявительном наклонении с частицей «пусть», глаголы в форме инфинитива. Проанализировав материал нашего исследования, мы выделим 3 типа призывов:

1 . призыв	2 . призыв	3 . призыв
удовлетворять небазовую потребность	удовлетворять базовую потребность:	удовлетворять базовую и небазовую потребности:
<i>Вопаqua. Настройся на хорошее.</i>	<i>Zatecky Gus Неалкогольное. Отдохни хорошечно.</i>	<i>Чистая линия. Порадуй свои и близкие вкусовые сосочки.</i>
<i>Lion. Разбуди в себе льва.</i>	<i>Активиа. Зарядись изнутри.</i>	<i>Jaguar. Приручи энергию!</i>
<i>Даниссимо. И пусть весь мир подождёт</i>	<i>Schweppes Russchian Original. Создайте бар дома.</i>	

В рамках стратегии уговаривания также реализуется тактика апелляции к личности, суть которой заключается в фокусировании на адресате (потенциальном потребителе) и адресанте (рекламодателе). Актуализация данной тактики происходит за счёт приёма комплимента и приёма самопрезентации личности. В рекламе комплимент акцентирует внимание на действительных или мнимых достоинствах потенциального потребителя. «Основная функция искреннего комплимента — установление контакта и поддержание добрых отношений» [23, с. 178]. В рекламной коммуникации данный приём используется для поддержки позиции адресата и внушения ему мысли о том, что приобретая данный товар, он есть такой человек. В слоганах комплимент выражается с помощью лексики с положительной семантикой:

«*Staropramen Безалкогольное. Сварено экспертами для истинных ценителей.*»

«*Krusovice. Королевское удовольствие.*»

В рекламной коммуникации иногда не показывают качество товара, а делают акцент на личности рекламодателя, такие как ответственность и заботливость, с целью апелляции к эмоциям и чувствам потенциального потребителя. Вербализация приёма самопрезентации личности реализуется за счёт семантической импликации.

«*Верховье. В ответе за каждый шаг.*»

«*Клинский. Делаем всё, чтобы вам было вкусно.*»

Если сверхзадача стратегии презентации состоит в том, чтобы адресат (потенциальный потребитель) обратил внимание на рекламный текст и запомнил бренд или его товар, то

сверхзадача напоминающей стратегии — чтобы, адресат (потребитель, приобретший рекламируемый товар) не забыл бренд. Таким образом, напоминающая стратегия обычно реализуется в праздничных слоганах, созданных для юбилея бренда и праздника, за счёт тактики демонстрации бренда к празднику и тактики апелляции к истории бренда.

Актуализация тактики демонстрации бренда к празднику происходит посредством приёма создания праздничной атмосферы за счёт употребления слов на тему «праздник» и лексем, вызывающих эмоции и чувства человека:

«Новый год веселее вместе. M&M's.»

«Пусть Новый год будет Добрый.»

«Майонез Ряба. Приготовь праздник для родных.»

В слоганах тактика апелляции к истории бренда реализуется за счёт приёма отметки «возраста» бренда посредством употребления числительного:

«Роллтон. 20 лет верны тем, кто верен своему вкусу.»

«Heinz. 150 лет вкусной еды.»

Для слогана телерекламы характерна компрессия. Для экономии языковых средств и обеспечения эффективности рекламной коммуникации, «одно и то же сообщение обычно совмещает в себе реализацию нескольких коммуникативных стратегий, соотнесенных с различными целями – как основными, так и дополнительными. <...> На тактическом уровне им может соответствовать один и тот же коммуникативный прием. Конкретные тактические приемы могут использоваться для реализации различных стратегий» [\[24, с. 457\]](#). К примеру, в приведённых примерах, где реализуется напоминающая стратегия за счёт тактики демонстрации бренда на праздник, ещё реализуется стратегия уговаривания и стратегия презентации с помощью разных тактик и приёмов.

Заключение

Таким образом, основываясь на вышесказанное, мы приходим к следующим выводам:

1. В слоганах телерекламы продуктов питания реализуется стратегия презентации, стратегия убеждения, стратегия уговаривания и напоминающая стратегия.
2. Стратегия презентация реализуется за счёт тактики привлечения внимания посредством приёма создания новизны и приёма «свой круг» и мнемонической тактики посредством приёма повторов, приёма выделения важной информации и приёма языковой игры. В слоганах данная стратегия реализуется вне зависимости от основного рекламного текста.
3. Стратегия убеждения реализуется за счёт тактики апелляции к удовлетворению базовых потребностей за счёт выделения положительного признака товара и приёма создания проблемной ситуации и её решения. Данная тактика реализуется также в рамках стратегии уговаривания. Приёмы их реализации представляются различными. В торговом слогане реализация данной тактики убеждения имеет отношение к основному рекламному тексту. В фирменном слогане её реализация представляется самостоятельной. Стратегия уговаривания также реализуется за счёт тактики апелляции к удовлетворению небазовых потребностей и тактики надевания маски. Для реализации тактики надевания маски имеется 3 типа призыва, которые скрывают настоящую цель рекламной коммуникации.

4. В праздничном слогане реализуется напоминающая стратегия за счёт тактики демонстрации бренда к празднику с помощью приёма создания праздничной атмосферы и тактики апелляции к истории с помощью приёма отметки «возраста» бренда.

5. В слогане телерекламы продуктов питания часто одновременно реализуется несколько стратегий и тактик для обеспечения эффективности рекламной коммуникации.

Библиография

1. Современный экономический словарь Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 496 с.
2. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2003. – 959 с.
3. Зирка В. В. Манипулятивные игры в рекламе: лингвистический аспект-Изд. стереотип. – М: Книжный дом «Либроком», 2014. – 260 с.
4. Гольман И. А. Добробаденко Н. С. Практика рекламы: Десять уроков для современного бизнесмена. Новосибирск, 1991. – 142 с.
5. Смирнова Ю. В. Реклама на телевидении: разработка и технология производства: учеб.пособие – М.: Издательство «Омега Л», 2011. – 256с.
6. Попова Е. С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. С. 276 –288.
7. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 278.
8. Ромат Е. В. Реклама: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2008. – 512 с.
9. Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы / пер. с болг.; под ред. М. Дымшиц. – М.: Смысл, 1995. – 73 с.
10. Морозова, И. Д. Слагая слоганы. – М.: РИП-холдинг, 2004. – 172 с.
11. Феофанов, О. А. Реклама: новые технологии в России – СПб.: Питер, 2001. – 384 с.
12. Шагланова Е. А. Компрессия текста телерекламы: стратегический аспект: дис. ... кан.ф.наук: 10.02.19 – Улан-Удэ, 2018. – 161 с.
13. Ху Ц. Речевые стратегии в телевизионной коммерческой рекламе // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. №2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK223.pdf>
14. Ху Ц. Реализация стратегии убеждения и стратегии уговаривания в российской телевизионной рекламе (на материале видеороликов о продуктах питания) // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14. – № 4. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/28FLSK423.pdf>
15. Сэндидж Ч., Фрайбургер В., Ротцолл К. Реклама. Теория и практика. – М.: Прогресс, 1989. – 630 с.
16. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
17. Пирогова Н. В., Юдина Е.А. Мотивы личности и пирамида потребностей: актуализация в туристической рекламе // Аграрный вестник Урала. 2016. № 5 (147) – С. 103-114.
18. Дубровин И. А. Поведение потребителей: Учебное пособие. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2018. – 310 с.
19. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Отв. ред. Г. В. Степанов.-М.: Наука, 1985.-228 с
20. Мирошниченко Г. А. Коммуникативная стратегия вербального убеждения в российской телевизионной рекламе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2018. –Т. 23. – № 2. – С. 215–223.
21. Пирогова Ю. К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) // Scripta

linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. / отв. Ред. Новиков А. И. – М: Азбуковник, 2001. – С. 209-227.

22. Назайкин А. Н. Практика рекламного текста. – М.: Бератор-Пресс, 2003. – 305 с.

23. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М: ЛКИ, 2008. – 288 с.

24. Пирогова Ю. К. Давление дискурса и выбор стратегии воздействия в маркетинговых коммуникациях // Труды международной конференции «Диалог-2007», – Бекасово, – 2007. – С. 455-459

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Особенности реализации речевых стратегий и тактик в слогане телевизионной рекламы продуктов питания», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению речевых манипулятивных стратегий рекламного дискурса.

Актуальность данного исследования обуславливается важностью слогана в телевизионном рекламном тексте и его стратегическим потенциалом, определяющийся в большой степени успешностью рекламной коммуникации.

Цель данного исследования – выявить особенности реализации речевых стратегий и тактик в слогане телевизионной рекламы продуктов питания.

Работа выполнена на материале русского языка.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу. Практическим материалом данного исследования служат 120 отобранных методом сплошной выборки российских телевизионных рекламных видеороликов о продуктах питания (2016-2023 гг.).

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Для решения исследовательских задач в статье использовались как общенаучные методы, так лингвистические. В данной работе используются такие методы исследования, как концептуальный анализ, сопоставительный анализ и корпусное исследование.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Библиография статьи насчитывает 24 источника, среди которых представлены труды как отечественных ученых, так и зарубежных лингвистов.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации. Считаем, что большее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/или кандидатские

диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения данных статьи в курсах по стилистике, теории дискурса. Статья «Особенности реализации речевых стратегий и тактик в слогане телевизионной рекламы продуктов питания» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лемаев В.И., Лукашевич Н.В. Автоматическая классификация эмоций в речи: методы и данные // Litera.

2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70472 EDN: WOBSMN URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70472

Автоматическая классификация эмоций в речи: методы и данные

Лемаев Владислав Игоревич

аспирант, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, Московский Государственный
Университет

119991, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1с51

✉ vladzhkv98@mail.ru

Лукашевич Наталья Валентиновна

доктор технических наук

профессор, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, Московский Государственный
Университет имени М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1с51, ауд. 953

✉ louk_nat@mai.ru

[Статья из рубрики "Автоматическая обработка языка"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70472

EDN:

WOBSMN

Дата направления статьи в редакцию:

14-04-2024

Дата публикации:

21-04-2024

Аннотация: Предметом настоящего исследования являются данные и методы, применяемые в задаче автоматического распознавания эмоций в разговорной речи. Данная задача приобрела в последнее время большую популярность, в первую очередь благодаря появлению больших датасетов размеченных данных и развитию моделей

машинного обучения. Классификация речевых высказываний обычно осуществляется на основе 6 архетипических эмоций: гнева, страха, удивления, радости, отвращения и грусти. Большинство современных методов классификации основано на машинном обучении и модели трансформера с использованием подхода самообучения, в частности, такие модели, как Wav2vec 2.0, HuBERT и WavLM, которые рассмотрены в данной работе. В качестве данных анализируются размеченные английские и русские датасеты эмоциональной речи, в частности, датасеты Dusha и RESD. В качестве метода был проведён эксперимент в виде сравнения работы моделей Wav2vec 2.0, HuBERT и WavLM на относительно недавно собранных русских датасетах эмоциональной речи Dusha и RESD. Основной целью работы выступает анализ доступности и применимости имеющихся данных и подходов распознавания эмоций в речи для русского языка, исследований для которого до этого момента было проведено сравнительно мало. В рамках проведённого эксперимента были получены хорошие результаты качества классификации эмоции на русских датасетах Dusha и RESD. Наилучший результат продемонстрировала модель WavLM на датасете Dusha - 0.8782 по метрике Accuracy. На датасете RESD лучший результат тоже получила модель WavLM, при этом для неё было проведено предварительное обучение на датасете Dusha - 0.81 по метрике Accuracy. Высокие результаты классификации, в первую очередь за счёт качества и объёма собранного датасета Dusha, говорят о перспективности дальнейшего развития данной области для русского языка.

Ключевые слова:

обработка естественного языка, распознавание эмоций, распознавание речи, машинное обучение, трансформеры, Wav2vec, HuBERT, WavLM, Dusha, RESD

Введение

Целью создания систем распознавания эмоций является определение внутреннего состояния говорящего посредством анализа его речи. Такие системы широко применяются как в областях взаимодействия человека с компьютером, так и в различных системах безопасности (например, при установлении эмоционального состояния водителя машины).

Задача автоматического распознавания эмоций содержит множество трудностей, которые для не знакомого с областью человека могут оказаться неочевидными. Так, речь и выражение эмоций варьируются в зависимости от многих параметров, будь то разные возрастные группы говорящих, разные языки, разный культурный бэкграунд. При этом не очень понятно, какие из акустических признаков в таком случае будут наиболее важны для классификации эмоции. Более того, в одном речевом высказывании может содержаться сразу несколько выраженных эмоций, каждая из которых относится к отдельному речевому фрагменту.

Создание системы автоматического распознавания эмоций делится на два основных этапа – сбор обучающих данных и создание алгоритма классификации эмоций. Первый этап на текущий момент относительно решён для английского языка, для которого существует множество работ по этой теме и свободно доступно значительное количество обучающих данных, но для других языков по-прежнему наблюдается недостаток размеченных данных. Подходы к решению второго этапа, однако, не прекращают активно развиваться и по сей день. Наиболее перспективными на данный момент

являются появившиеся недавно модели на основе архитектуры трансформера, такие как Wav2Vec [\[1\]](#), которые позволяют автоматически анализировать имеющиеся данные и на их основе уже самостоятельно классифицировать новые, ранее не встречавшиеся высказывания.

В статье описывается задача автоматического распознавания эмоций и подходы к её решению. Цель статьи – сравнить между собой результаты часто применяемых методов на основе трансформеров на материале русского языка. В разделе 1 дано описание инвентарей эмоций, на основе которых производится классификация. Раздел 2 посвящен сбору и обработке данных, а также имеющимся на данный момент корпусам эмоциональной речи. В разделе 3 приведены методы классификации, которые активно применяются исследователями в своих работах, в том числе и в этой статье. Наконец, в разделе 4 описано тестирование и сравнение результатов классификации эмоций, полученных разными моделями.

1. Составление инвентаря эмоций

Одной из первостепенных проблем области является определение инвентаря эмоций, на основе которого должна проводиться классификация. Само понятие эмоции до сих пор не имеет согласованного теоретического определения, а те эмоции, которые выражены в речи, имеют высокие вариативность и наложение. Типичные наборы эмоций, используемые в теоретических и практических областях психологии, насчитывают около 300 разнообразных эмоций и их вариаций. Однако это число чрезвычайно сложно реализовать в задаче автоматической классификации. Поэтому исследователи обычно используют набор из 6 *основных* эмоций, на которые часто принято раскладывать все остальные эмоции — это гнев, страх, удивление, радость, отвращение и грусть [\[2\]](#). Эти эмоции являются универсальными для большинства языков и носят название *архетипических*. Большинство датасетов используют данный набор эмоций, часто так или иначе его модифицируя [\[3, 4\]](#).

Помимо классификации на основе набора эмоций, исследователи также применяют подход классификации на основе двумерного пространства. Первой осью такого пространства выступает понятие «валентности», которое описывает выражаемую эмоцию в пространстве «положительность-отрицательность». Второй осью выступает понятие «возбуждения», которое описывает степень проявления выражаемой эмоции. Такое двумерное пространство в высокой степени коррелирует с названными выше архетипическими эмоциями. Так, возбуждение симпатической нервной системы происходит при выражении эмоций гнева, страха и радости и приводит к повышенному сердечному ритму, напряжению мышц, повышенному кровяному давлению и сухости во рту, быстрой и энергичной речи. Напротив, выражение эмоции грусти приводит к возбуждению парасимпатической системы и проявляется в пониженном сердечном ритме и кровяном давлении, что в свою очередь отражается в медленной и тихой, часто низкотоновой речи. Эти речевые характеристики и используются для оценки степени проявления эмоции по оси «возбуждения». Однако, хоть степень активации энергии и помогает разграничивать эмоции грусти и радости, она не даёт возможности разграничивать эмоции радости и гнева. Для этой цели и используется пространство «валентности», но, к сожалению, у исследователей нет чёткого понимания того, с какими из акустических характеристик оно коррелирует. Последние исследования показывают, что применение трансформеров позволяет улучшить качество предсказания по шкале «валентности» за счёт имплицитной лингвистической информации [\[5\]](#).

2. Данные для распознавания эмоций в речи

Одной из самых важных задач при проектировании подобных систем является сбор обучающих данных, большой объём которых необходим для методов на основе машинного обучения, активно применяющихся в данный момент. Базы данных эмоциональных высказываний можно категоризовать в терминах естественности, эмоций, говорящих, языка и т. д. Естественность является одним из важнейших параметров, который следует учитывать при сборе высказываний и создании базы данных. Можно выделить 3 степени естественности речи: естественная, полуестественная и искусственная. В базах данных с естественной речью [6] материал обычно собирается из реальных бытовых ситуаций с целью записи реальных эмоций. Подобные данные, однако, довольно редко используются в реальных исследованиях вследствие законных и моральных ограничений, которые могут возникнуть при таком подходе. Поэтому для исследований речевой материал обычно специально записывается отдельно с привлечением добровольцев.

В базах данных с полуестественной речью применяется 2 подхода: на основе сценария (например, [4]) и на основе актёрской игры [7]. При первом подходе говорящий сначала должен войти в нужное эмоциональное состояние (радость, гнев и т.д.) – это может быть выполнено посредством переживания различных воспоминаний, компьютерных игр или диалога с компьютером (последний метод носит название «Волшебник страны Оз»). Затем говорящему дают для прочтения заранее написанный текст, который по содержанию соответствует его эмоциональному состоянию. При втором же подходе языковые данные извлекаются из фильмов и радио-постановок.

Наконец, в базах данных с искусственной речью используются заранее написанные тексты (обычно в нейтральном стиле), которые даются на прочтение с заданной эмоцией профессиональным актёрам. Основной проблемой при таком подходе часто является наигранность различных эмоций. Для её решения записи порой проводят с привлечением людей, не обладающих профессиональными актёрскими навыками. Например, в базе данных датской эмоциональной речи [8] были записаны высказывания полупрофессиональных актёров, чтобы эмоции были более приближенными к реальным речевым ситуациям.

Помимо актёрского опыта важно также учитывать другие характеристики говорящих, а именно возраст, пол, родной язык. Мужчины и женщины, а также старики и подростки по-разному выражают в своей речи эмоции, поэтому для большинства датасетов, целью которых стоит универсальность и применимость для различных исследований, важно сбалансировать говорящих по полу и возрастным группам, чтобы классифицирующий алгоритм мог распознавать их с одинаковой уверенностью.

Родной язык говорящих обычно соответствует тому языку, для которого и создаётся датасет. Однако даже в пределах одного языка существует множество диалектов и локальных говоров, но их обычно не включают в датасеты, за исключением направленного исследования. Помимо этого, также создаются мультязычные датасеты с целью изучения выражения эмоций в разных языках и создания универсальной модели [9].

При создании корпуса также важно учитывать длительность высказываний и их количество. Так, в общем случае высказывания не должны быть слишком длинными или слишком короткими. Средняя длина высказывания в идеале должна составлять около 7

секунд (в пределах от 3 до 11 секунд [\[10\]](#)). При слишком большой длине эмоции могут чередоваться или сменяться — особенно при извлечении высказываний из фильмов или телепередач. При слишком маленькой же длине в высказывании будет слишком мало признаков, которые необходимы для классификации выражаемых эмоций. Однако, хоть такие данные и помогают добиться хороших результатов распознавания эмоций в контролируемой среде, они плохо отражают реальную картину их выражения. Для повышения валидности, датасет может быть составлен из несбалансированных по длине высказываний, но для хороших результатов требования по объёму к нему будут выше.

Также важно учитывать и распределение высказываний по классам. Для должной оценки качества распознавания эмоций, количество высказываний для каждой из классифицируемых эмоций должно быть примерно одинаковым. Однако в реальности частота встречаемости каждой эмоции зависит от условий, в которых происходит общение. Так, при извлечении данных из телепередач, особенно тех, что касаются социальных или политических тем, преобладающим будет количество высказываний с негативными эмоциями [\[11\]](#). При записи же диалога в контролируемых условиях между мало знакомыми участниками – которые, например, пытаются совместными усилиями решить данную им задачу, – высказывания будут носить преимущественно положительный или нейтральный эмоциональный окрас.

Наконец, важно учесть лексическое разнообразие высказываний, то есть количество в них уникальных слов. Это особенно необходимо при подходе с прочтением предложений с заранее заданными эмоциями. Часто в таких случаях одни и те же по лексическому составу предложения озвучиваются несколько раз с разными эмоциями, поэтому лексическое разнообразие может быть низким, что снижает дальнейшую результативность классификатора. Важно составить несколько наборов предложений, которые были бы как можно более лексически разнообразны.

Для английского языка наиболее популярными являются датасеты IEMOCAP и RAVDESS. Для русского языка среди имеющихся на данный момент в открытом доступе датасетов следует, в первую очередь, выделить датасеты Dusha и RESD. Рассмотрим далее доступные датасеты подробнее. Таблица 1 содержит характеристики наиболее известных датасетов.

IEMOCAP (Interactive Emotional Dyadic Motion Capture Database) [\[4\]](#) – это мультимодальный датасет, созданный для исследования коммуникации между людьми и состоящий из более 12 часов аудио и видеозаписей разговоров между актёрами. Датасет включает в себя 5 диалогов между актёрами (по 2 актёра в каждом разговоре), в записях участвовали 5 мужчин и 5 женщин. Актёров попросили сыграть заранее составленные реплики, а также импровизировать диалог в предлагаемом сценарии, с целью вызвать определённые эмоции. Каждая сессия записывалась с помощью специальной системы захвата движений, что позволило получить не только аудиозапись, но и информацию о движениях лица, головы и рук. Всего представлено 5 классов эмоций: Радость, Гнев, Грусть, Отвращение и Нейтральное состояние. Данный датасет в настоящий момент является наиболее популярным в задачах автоматического распознавания эмоций.

RAVDESS [\[12\]](#) – один из популярных датасетов, используемый в задачах распознавания эмоций в речи и пении. Датасет имеет большой объём (7356 высказываний) и содержит аудио и видеозаписи профессиональных актёров, проживающих в Северной Америке. Участники зачитывали и пели отведённые им предложения. В общей сложности в

датасете присутствуют записи 24 актеров (12 мужчин и 12 женщин). Для речевых записей выделялись эмоции Спокойствия, Радости, Грусти, Гнева, Страха и Отвращения. Для записей с пением – Спокойствия, Радости, Грусти, Гнева и Страха. Отличительной чертой данного датасета является то, что каждая эмоция имеет две степени интенсивности – слабую и сильную. RAVDESS широко используется в исследованиях и разработке систем распознавания эмоций. Он предоставляет хороший набор данных для тренировки и тестирования моделей машинного обучения, которые занимаются анализом эмоций на основе аудио и видеоданных.

Датасет **Dusha** [3] создан компанией SberDevices и является на данный момент крупнейшим датасетом на русском языке, предназначенным для решения задач распознавания эмоций в разговорной речи. Датасет разделён на 2 части: для первой части под названием Crowd авторы сгенерировали тексты на основе общения реальных людей с виртуальным ассистентом, которые затем были озвучены с помощью краудсорсинга (говорящим давались текст и эмоция, с которой данный текст должен был быть произнесён, и затем полученные аудиозаписи дополнительно проверяла вторая группа); вторая часть под названием Podcast содержит короткие (до 5 слов) отрывки из русскоязычных подкастов, которые были затем классифицированы по эмоциям. Всего представлено 5 классов эмоций: Гнев, Грусть, Позитив, Нейтральная и Другое. Полученный в итоге датасет содержит около 300 тысяч аудиозаписей длительностью около 350 часов и их письменные расшифровки.

RESD (Russian Emotional Speech Dialogs) [13] – русскоязычный датасет, представленный в открытой библиотеке Aniemore, предназначенной для обработки и распознавания эмоциональной окраски разговорной и письменной речи. Для записи были составлены диалоги с заранее заданными эмоциями, которые затем были озвучены актёрами. Всего датасет содержит около 4 часов записанной речи (около 1400 аудиозаписей) и соответствующую письменную расшифровку каждой аудиозаписи. Классификация произведена на 7 эмоций: Нейтральная, Гнев, Энтузиазм, Страх, Грусть, Радость и Отвращение.

Название датасета	Объём	Количество говорящих	Метод создания	Типы данных	Языки	Классификация (включая нейтральную)
IEMOCAP	151 запись (более 12 часов)	10	Прочтение реплик и импровизация (диалог)	Аудио и видео	Английский	Гнев, Грусть, Отвращение
RAVDESS	7356 высказываний	24	Прочтение реплик	Аудио и видео	Английский (Северо-американский акцент)	Гнев, Грусть, Отвращение, Спокойствие, Удивление
Dusha	300000 записей (350 часов)	Более 2000	Прочтение реплик / извлечение из подкастов	Аудио	Русский	Гнев, Позитив
						Гнев, Грусть

RESD	1400 записей (4 часа)	Около 50	Прочтение диалогов	Аудио	Русский	Страны Ра Отв

Таблица 1. Характеристики датасетов

3. Методы классификации

Ранние подходы к задаче автоматического распознавания эмоций представляли собой в основном ручное извлечение признаков, которые затем подавались на вход классическим алгоритмам классификации, таким как SVM [14] и Random Forest [15]. Наибольшей популярностью пользовались спектральные признаки. Одними из них были MFCC-признаки [16], которые используются и в современных моделях, например, в HuBERT (см. ниже). MFCC-признаки моделируют характеристики голосового тракта говорящего, тем самым позволяя анализировать произносимый в конкретный момент времени звук.

Следующим важным этапом стало развитие нейронных сетей в области обработки естественного языка, которые сначала продемонстрировали хорошие результаты в задачах классификации текстов, а затем привлекли к себе внимание и в задаче автоматического распознавания эмоций [17]. Подход с использованием модели LSTM [18] имел на тот момент наибольшую популярность.

Последние же годы на первый план вышел подход на основе самообучения (Self-Supervised Learning; SSL). Он позволяет алгоритмам самостоятельно находить закономерности в исходных данных и тем самым позволяет достичь более высоких результатов. При таком подходе открываются возможности использования огромных объёмов данных для обучения, вплоть до всех данных, доступных в интернете. Это стало возможно в первую очередь благодаря появлению архитектуры трансформера [19], которая, в отличие от предшествующих моделей нейронных сетей, позволила параллелизировать обработку данных при обучении. Большинство моделей, созданных на основе самообучения, лежат в открытом доступе и для хороших результатов перед применением требуют лишь небольшого дополнительного дообучения на данных из соответствующей области.

Одной из наиболее известных моделей самообучения, созданной на основе архитектуры трансформера, является BERT [20], который был создан исследователями корпорации Google с целью обработки письменного языка и активно применяется при формировании ответов на запросы в одноимённом поисковике. Однако, для обработки звучащей речи BERT подходит не так хорошо, как для обработки письменной. Во-первых, BERT требует на вход отдельные токены, то есть слова или их части. Для речи в таком случае необходимо использовать токенизатор, а это дополнительная задача, при выполнении которой в полученных данных будет много шума. Во-вторых, сам BERT обучен на большом корпусе текстовых данных, и их стиль плохо подходит для разговорной речи.

Для задач обработки разговорной речи были предложены специальные модели. Среди них наиболее популярными на данный момент являются Wav2vec 2.0 [21], HuBERT [22] и WavLM [23]. Все модели работают непосредственно с необработанными исходными аудиозаписями, разбивая их на "фреймы" – короткие отрезки, длительностью обычно 20 мс.

Wav2vec 2.0 случайным образом маскирует некоторые фреймы аудиозаписи, поступающей на вход, и учится предсказывать эти замаскированные фреймы, тем самым получая качественную репрезентацию аудиоданных без дополнительной разметки. Wav2vec 2.0 имеет архитектуру, представленную на Рис. 1.

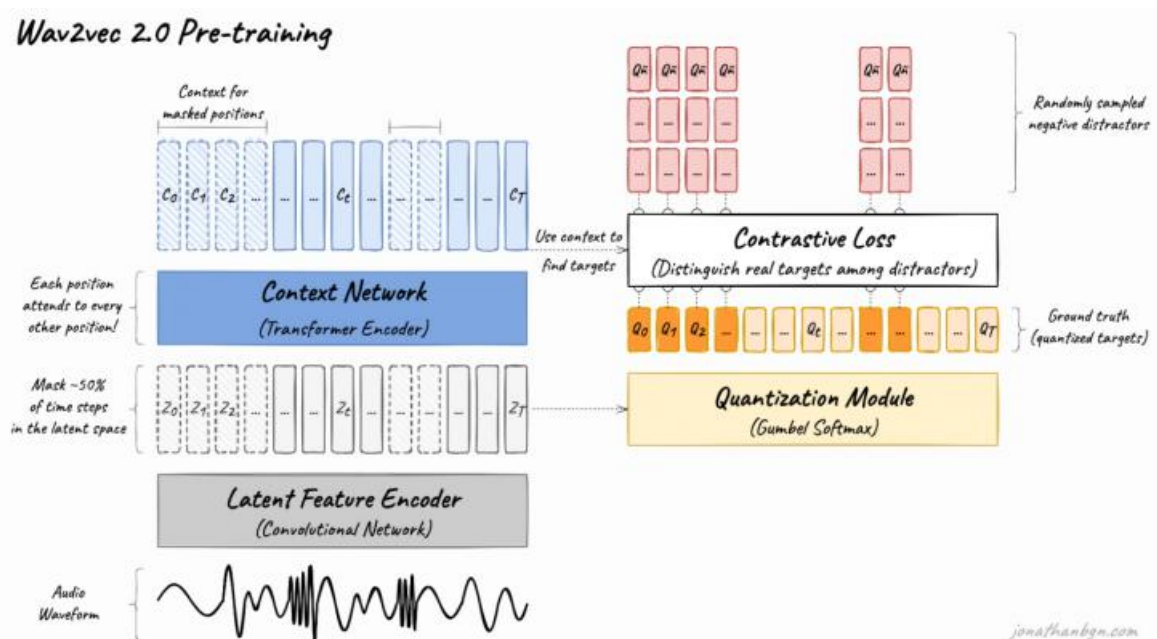

Рис. 1. Архитектура Wav2vec 2.0

Сначала исходная аудиозапись через модуль кодирования исходных данных, который состоит из 7 свёрточных слоёв (Рис. 2) и превращает аудиозапись в последовательность векторов для каждого 20 мс записи. Каждый свёрточный слой имеет размерность 512 (количество фильтров), а размерность фильтра и ширина шага свёртки постепенно снижается с последующими слоями.

Полученные на данном этапе векторы проходят этап квантизации для того, чтобы перевести непрерывные значения в определённый набор конечных. Для этого Wav2vec 2.0 использует две "кодовые группы" (codebooks) из 320 "кодовых слов" (codewords) каждая. Имеющиеся вектора умножаются на матрицу квантизации W_q , после чего к полученному результату применяется функция Gumbel softmax [24], которая выводит для каждого исходного вектора наиболее подходящие для него кодовые слова (по одному из каждой группы). Данные кодовые слова конкатенируются и путём линейной трансформации получается финальная репрезентация.

Следующие этапы используются для предварительного обучения модели. Извлечённые из аудиозаписи вектора (полученные до квантизации) маскируются с вероятностью 50%. Для этого из упорядоченных векторов случайным образом отбираются 0.065% плюс девять им последующих векторов с учётом наложения. Данные вектора заменяются на один и тот же маскирующий вектор. Далее все имеющиеся вектора проходят через проективный слой, который увеличивает их размерность (768 для модели BASE и 1024 для модели LARGE).

Следующий этап является основой модели и представляет из себя трансформер последовательностью из 12 или 24 энкодеров для BASE и LARGE моделей соответственно. Предварительно каждый вектор также проходит слой позиционного кодирования. В отличие от оригинальной модели трансформера, в которой позиционное кодирование реализовано путём конкатенации заранее сгенерированных позиционных

эмбеддингов и входных векторов, в Wav2vec 2.0 используется слой групповой свёртки [25].

Наконец, полученные после прохождения трансформера вектора проходят проективный слой, который уменьшает их размерность до размерности векторов, полученных на этапе квантизации, после чего сравнивает их и высчитывает функцию потерь. Функция потерь высчитывается как сумма контрастивной (contrastive loss) и различительной (diversity loss) ошибок. Для расчёта контрастивной ошибки модель должна на основе полученного вектора предсказать истинный квантизированный вектор Q_r из $K+1$ векторов, где $K=100$ отвлекающих векторов, извлечённых из других позиций той же записи. Различительная же ошибка используется для регуляризации, чтобы все возможные кодовые слова из групп 320×320 использовались с одинаковой вероятностью.

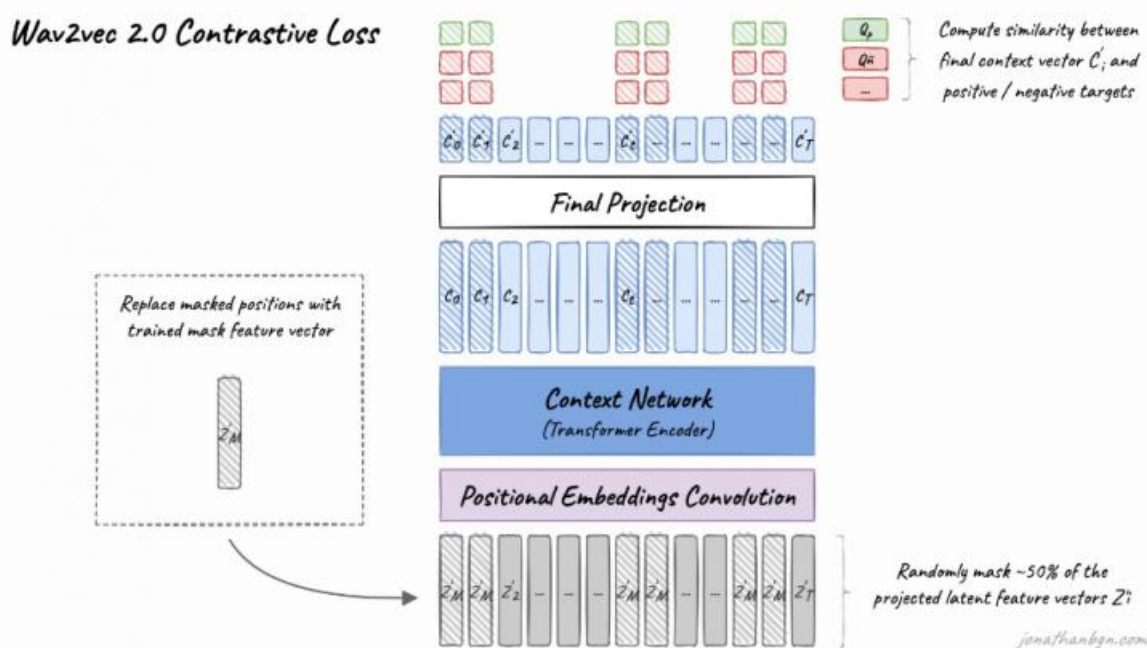

Рис. 2. Процесс предобучения Wav2vec 2.0

Наконец, полученная модель готова для дообучения на соответствующей задаче.

HuBERT использует схожий подход, но при обучении решается задача классификации, в ходе которой модель предсказывает каждому фрейму один из конечного списка классов. Алгоритм состоит из двух основных этапов: этапа создания классов и этапа предсказания.

На этапе создания классов HuBERT извлекает непосредственно из аудиозаписи MFCC-признаки для каждые 20 мс записи, после чего полученные вектора кластеризуются с помощью метода k-средних. После этого каждому вектору присваивается соответствующий класс, и для каждого класса создаётся эмбеддинг, который затем используется при вычислении функции потерь.

По архитектуре этап предсказания модели HuBERT полностью повторяет модель Wav2vec 2.0 за исключением двух вещей: во-первых, предсказываются, как уже было указано, не прошедшие квантизацию вектора, а классы замаскированных векторов, а во-вторых, в HuBERT в качестве функции потерь используется функция кросс-энтропии. Исходные признаки, точно так же как и в Wav2vec 2.0, извлекаются с помощью свёрточной нейронной сети.

После первой итерации HuBERT обновляет свой набор классов для предсказания. Для этого на второй итерации используются вектора, полученные на 6 слое энкодеров, которые точно так же кластеризуются методом k-средних (Рис. 3). Модель BASE имеет всего 2 итерации, модели LARGE и X-LARGE имеют уже 3 итерации. На третьей итерации используются уже векторы, полученные на 9 слое энкодеров второй итерации. Модель X-LARGE отличается от модели LARGE удвоенным количеством слоёв энкодеров.

HuBERT Clustering Step

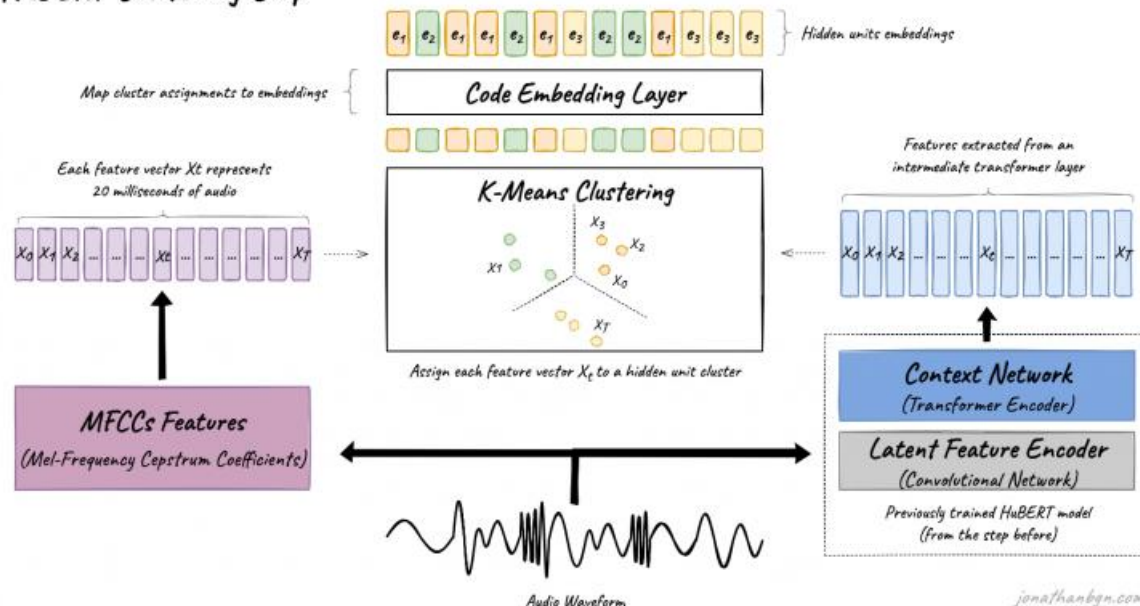

Рис. 3. Этап кластеризации модели HuBERT

WavLM использует тот же подход предсказания псевдо-классов для фреймов как и HuBERT, но также ещё добавляет задачу разделения говорящих и шумоподавления. Для этого на замаскированные вектора накладывается шум или фрагмент аудиозаписи, и модели нужно предсказать класс исходного вектора. Тем самым модель обучается не только задаче распознавания речи, но и, например, её разделению на разных говорящих. Архитектура WavLM также повторяет HuBERT, но в ней произведена небольшая модификация: если в HuBERT используется обычное относительное позициональное кодирование, то в WavLM используется относительное позициональное кодирование с гейтами. Идея гейтов позаимствована из рекуррентной нейросетевой архитектуры GRU [26] и позволяет учитывать содержание речевых фрагментов при кодировании расстояния между ними. WavLM на данный момент показывает наивысшее качество среди всех моделей Self-Supervised Learning в задаче распознавания эмоций на датасете IEMOCAP – 70.62% accuracy (на основе бенчмарка SUPERB [27]).

4. Тестирование

Для исследования эффективности применения описанных методов для автоматического распознавания эмоций в русском языке было проведено их тестирование на русских датасетах Dusha и RESD. Для испытаний были взяты модели wav2vec 2.0, HuBERT и WavLM. Конкретно использовались лежащие в свободном доступе модели на платформе Hugging Face, предварительно обученные на датасете Dusha, и модели из библиотеки Animore, предварительно обученные на датасете RESD. При тестировании все модели прошли дообучение на этом самом датасете с параметрами: 2 эпохи, размер батча 32 (2 * 16 шагов накопления градиента), AdamW в качестве оптимизатора. Результаты представлены в Таблицах 2 и 3 в формате "название_модели —

название_изначального_датасета". При этом у моделей из библиотеки Aniemore представлены те результаты, которые указаны авторами изначальной модели.

В качестве основной метрики использовалась Accurasy (также встречается название Weighted Accuracy (WA)), которая считается стандартной в задаче автоматического распознавания эмоций и вычисляется как соотношение правильно предсказанных классов к неправильно предсказанным.

Модель	Гнев	Позитив	Грусть	Нейтральная	Другое	Accurasy
HuBERT_Base-Dusha	0.83	0.78	0.79	0.94	0.71	0.866
HuBERT_Large-Dusha	0.87	0.81	0.80	0.93	0.7	0.8745
WavLM_Base-Dusha	0.87	0.77	0.83	0.94	0.82	0.872
WavLM_Large-Dusha	0.86	0.81	0.84	0.93	0.75	0.8782
Wav2vec2-RES	0.66	0.59	0.59	0.9	0.59	0.8063
HuBERT-RES	0.68	0.59	0.49	0.91	0.64	0.8134
WavLM-RES	0.65	0.53	0.54	0.92	0.63	0.8015

Таблица 2. Обучение и тестирование моделей на датасете Dusha

Модель	Гнев	Радость	Энтузиазм	Грусть	Отвращение	Страх	Нейтральная
HuBERT_Base-Dusha	0.34	0	0.03	0.03	0.22	0.02	0.39
HuBERT_Large-Dusha	0.14	0.48	0.1	0	0.03	0.33	0.11
WavLM_Base-Dusha	0.73	0.11	0	0.14	0.03	0.04	0
WavLM_Large-Dusha	0.11	0	0	0.06	0.32	0	0.42
Wav2vec2_Large-RES	0.91	0.59	0.7	0.63	0.76	0.67	0.79
HuBERT_Large-RES	0.84	0.7	0.8	0.78	0.73	0.67	0.74
WavLM_Large-RES	0.89	0.84	0.86	0.84	0.84	0.69	0.76

Таблица 3. Обучение и тестирование моделей на датасете RES

Обучение проводилось только на аудиоданных, без использования текстовых. При этом среди моделей, предобученных на датасете Dusha, нет моделей wav2vec 2.0. Из имеющихся наилучший результат показывает модель WavLM_Large, предобученная и

протестированная на датасете Dusha. На втором месте с небольшим отставанием HuBERT-Large_Dusha. Подтверждается информация из бенчмарка SUPERB, в том числе то, что модель WavLM_Base показывает себя хуже, чем HuBERT_Large, поэтому количество обучаемых параметров по-прежнему играет важную роль даже при модификации архитектуры.

Перенос моделей с одного датасета на другой показывает худшие результаты, чем непосредственно изначальное обучение. При этом результаты на датасете RESD оказались крайне низкими, что можно объяснить его малым размером.

Что касается эмоций, то здесь моделям в датасете Dusha проще всего определять нейтральную эмоцию и гнев. Хуже всего определяются эмоции из категории "Другое". Возможно, при более подробной классификации данной категории качество результатов также можно было бы улучшить. В датасете RESD же модель WavLM со сравнительно одинаковой точностью определяет все эмоции, кроме страха и нейтральной, которые здесь выделяются хуже. Гнев по-прежнему определяется лучше других эмоций.

5. Заключение

В данной статье были рассмотрены основные подходы в области автоматического распознавания эмоций в речи, использующиеся в данный момент. Наиболее популярным подходом в течение последних лет остаётся подход на основе самообучающихся моделей трансформеров, ориентированных на обработку разговорной речи, таких как Wav2vec 2.0, HuBERT и WavLM.

Этап сбора обучающих данных по-прежнему остаётся критически важным для хороших результатов работы моделей. Относительно недавнее появление открытых готовых русских датасетов, созданных для задач анализа эмоциональной разговорной речи, таких как Dusha и RESD, помогло снизить затраты на данном этапе и дало новые возможности для развития данной области применительно к русскому языку, в частности для независимых исследователей. Особенно хороший результат модели-трансформеры показывают на датасете Dusha, в первую очередь за счёт большого объёма собранных данных.

В качестве дальнейших исследований представляется перспективным изучение возможности дополнительного усложнения моделей анализа речи, например, за счёт учёта выделения разных уровней в речевом сигнале (фоном, слогов, слов) [\[28\]](#), а также использование мультимодального подхода с добавлением письменных данных, дублирующих речь.

Библиография

1. Schneider, S., Alexei Baevski, Ronan Collobert, Auli, M. wav2vec: Unsupervised Pre-Training for Speech Recognition // ArXiv (Cornell University). 2019.
2. Cowie, R., Douglas-Cowie, E., Tsapatsoulis, N., Votsis, G., Kollias, S., Fellenz, W., Taylor, J. G. Emotion recognition in human-computer interaction // IEEE Signal Processing Magazine. 2001. V. 18. No. 1. Pp. 32–80.
3. Kondratenko, V., Sokolov, A., Karpov, N., Kutuzov, O., Savushkin, N., Minkin, F. Large Raw Emotional Dataset with Aggregation Mechanism // ArXiv (Cornell University). 2022.
4. Busso, C., Bulut, M., Lee, C.-C., Kazemzadeh, A., Mower, E., Kim, S., Chang, J. N., Lee, S., Narayanan, S. S. IEMOCAP: interactive emotional dyadic motion capture database // Language Resources and Evaluation. 2008. V. 42. No. 4, Pp. 335–359.
5. Wagner, J., Triantafyllopoulos, A., Wierstorf, H., Schmitt, M., Burkhardt, F., Eyben, F.,

- Schuller, B. W. Dawn of the Transformer Era in Speech Emotion Recognition: Closing the Valence Gap // *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*. 2023. V. 45. No. 9. Pp. 10745-10759.
6. Kossaifi, J., Walecki, R., Panagakis, Y., Shen, J., Schmitt, M., Ringeval, F., Han, J., Pandit, V., Toisoul, A., Schuller, B., Star, K., Hajiyeve, E., Pantic, M. SEWA DB: A Rich Database for Audio-Visual Emotion and Sentiment Research in the Wild // *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*. 2021. V. 43. No. 3. Pp. 1022-1040.
7. Mohamad Nezami, O., Jamshid Lou, P., Karami, M. ShEMO: a large-scale validated database for Persian speech emotion detection // *Language Resources and Evaluation*. 2018. V. 53. No. 3. Pp. 1-16.
8. Inger Samsø Engberg, Anya Varnich Hansen, Ove Kjeld Andersen, Dalsgaard, P. Design, recording and verification of a danish emotional speech database // *EUROSPEECH*. 1997. V. 4. Pp. 1695-1698.
9. Hozjan, V., Kačič, Z. Context-Independent Multilingual Emotion Recognition from Speech Signals // *International Journal of Speech Technology*. 2003. V. 6. Pp. 311-320.
10. Lotfian, R., Busso, C. Building Naturalistic Emotionally Balanced Speech Corpus by Retrieving Emotional Speech from Existing Podcast Recordings // *IEEE Transactions on Affective Computing*. 2019. V. 10. No. 4. Pp. 471-483.
11. Grimm, M., Kroschel, K., Narayanan, S. The Vera am Mittag German audio-visual emotional speech database // *International Conference on Multimedia and Expo*. 2008. Pp. 865-868.
12. Livingstone, S. R., Russo, F. A. The Ryerson Audio-Visual Database of Emotional Speech and Song (RAVDESS): A dynamic, multimodal set of facial and vocal expressions in North American English // *PLOS ONE*. 2018. V. 13. No. 5.
13. Lubenets, I., Davidchuk, N., Amentes, A. Aniemore. GitHub. 2022. URL: <https://github.com/aniemore/Aniemore>
14. Andrew, A. M. An Introduction to Support Vector Machines and Other Kernel-based Learning Methods // *Kybernetes*. 2001. V. 30. No. 1. Pp. 103-115.
15. Ho, T. K. Random decision forests // *Proceedings of 3rd international conference on document analysis and recognition*. 1995. V. 1. Pp. 278-282.
16. Ali, S., Tanweer, S., Khalid, S., Rao, N. Mel Frequency Cepstral Coefficient: A Review // *ICIDSSD*. 2021.
17. Zheng, W. Q., Yu, J. S., Zou, Y. X. An experimental study of speech emotion recognition based on deep convolutional neural networks // *2015 International Conference on Affective Computing and Intelligent Interaction (ACII)*. 2015. Pp. 827-831.
18. Hochreiter, S., Schmidhuber, J. Long short-term memory // *Neural computation*. 1997. V. 9. No. 8. Pp. 1735-1780.
19. Vaswani, A., Shazeer, N., Parmar, N., Uszkoreit, J., Jones, L., Gomez, A. N., Kaiser, L., Polosukhin, I. Attention Is All You Need // *ArXiv (Cornell University)*. 2017.
20. Devlin, J., Chang, M. W., Lee, K., Toutanova, K. BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding // *ArXiv (Cornell University)*. 2018.
21. Baevski, A., Zhou, H., Mohamed, A., Auli, M. wav2vec 2.0: A Framework for Self-Supervised Learning of Speech Representations // *ArXiv (Cornell University)*. 2020.
22. Hsu, W.-N., Bolte, B., Tsai, Y.-H. H., Lakhota, K., Salakhutdinov, R., Mohamed, A. HuBERT: Self-Supervised Speech Representation Learning by Masked Prediction of Hidden Units // *IEEE/ACM Transactions on Audio, Speech, and Language Processing*. 2021. V. 29. Pp. 3451-3460.
23. Chen, S., Wang, C., Chen, Z., Wu, Y., Liu, S., Chen, Z., Li, J., Kanda, N., Yoshioka, T., Xiao, X., Wu, J., Zhou, L., Ren, S., Qian, Y., Qian, Y., Wu, J., Zeng, M., Yu, X., Wei, F. WavLM: Large-Scale Self-Supervised Pre-Training for Full Stack Speech Processing // *IEEE*

- Journal of Selected Topics in Signal Processing. 2022. V. 16. No. 6. Pp. 1505–1518.
24. Jang, E., Gu, S., Poole, B. Categorical Reparametrization with Gumbel-Softmax // ArXiv (Cornell University). 2016.
25. Krizhevsky, A., Sutskever, I., Hinton, G. E. ImageNet Classification with Deep Convolutional Neural Networks // Communications of the ACM. 2012. V. 60. No.6. Pp. 84–90.
26. Cho, K., van Merriënboer, B., Gulcehre, C., Bahdanau, D., Bougares, F., Schwenk, H., Bengio, Y. Learning Phrase Representations using RNN Encoder-Decoder for Statistical Machine Translation // ArXiv (Cornell University). 2014.
27. Yang, S., Chi, P. H., Chuang, Y. S., Lai, C. I. J., Lakhotia, K., Lin, Y. Y., Liu, A. T., Shi, J., Chang, X., Lin, G. T., Huang, T. H., Tseng, W. C., Lee, K., Liu, D. R., Huang, Z., Dong, S., Li, S. W., Watanabe, S., Mohamed, A., Lee, H. SUPERB: Speech processing Universal PERformance Benchmark // ArXiv (Cornell University). 2021.
28. Chen, W., Xing, X., Xu, X., Pang, J., Du, L. SpeechFormer++: A Hierarchical Efficient Framework for Paralinguistic Speech Processing // IEEE/ACM Transactions on Audio, Speech, and Language Processing. 2023. V. 31. Pp. 775–788

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Автоматическая классификация эмоций в речи: методы и данные», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к исследованию эмоций с применением техническим средств.

Цель статьи – сравнить между собой результаты часто применяемых методов на основе трансформеров на материале русского языка.

В данной статье были рассмотрены основные подходы в области автоматического распознавания эмоций в речи, использующиеся в данный момент.

В разделе 1 дано описание инвентарей эмоций, на основе которых производится классификация. Раздел 2 посвящен сбору и обработке данных, а также имеющимся на данный момент корпусам эмоциональной речи. В разделе 3 приведены методы классификации, которые активно применяются исследователями в своих работах, в том числе и в этой статье. Наконец, в разделе 4 описано тестирование и сравнение результатов классификации эмоций, полученных разными моделями.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

Для решения исследовательских задач в статье использовались как общенаучные методы, так лингвистические методы. Рассмотрение проблемы взаимодействия искусственного интеллекта и естественной языковой системы осуществляется с помощью методов лингвистического наблюдения и описания, также, применяются общепсихологические методы анализа и синтеза.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно

начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Библиография статьи насчитывает 28 источников, среди которых представлены труды зарубежных исследователей на иностранном языке. Считаем, что обращение к работам российских исследователей усилило бы теоретическую составляющую работы. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены.

Данные, полученные в результате исследования, представлены в формате графиков и диаграмм, что облегчает восприятие читателем.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения данных статьи в курсах по теории языка и компьютерной лингвистике. Статья «Автоматическая классификация эмоций в речи: методы и данные» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Ц., Мельник Г.С., Лабуш Н.С., Байчик А.В. Медиаанализ текста о китайской стратегии информационной войны на примере опубликованных материалов. // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70511
EDN: USCBSI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70511

Медиаанализ текста о китайской стратегии информационной войны на примере опубликованных материалов.

Ван Цзэкай

магистр, Кафедра Международной журналистики Санкт-Петербургского государственного университета

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7/9

✉ NikonovS@mail.ru

Мельник Галина Сергеевна

доктор политических наук

профессор кафедры цифровых медиакоммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7/9

✉ melnik.gs@gmail.com

Лабуш Николай Сергеевич

доктор политических наук

профессор, кафедра международной журналистики Санкт-Петербургского государственного университета

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7/9

✉ ns_labush@mail.ru

Байчик Анна Витальевна

доктор политических наук

профессор, кафедра Международной журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7/9

✉ annabaichik@gmail.com

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70511

EDN:

USCBSI

Дата направления статьи в редакцию:

15-04-2024

Дата публикации:

22-04-2024

Аннотация: Тема медиаанализа информационных войн в контексте китайского вопроса представляет академический интерес, как для понимания текущих событий, так и для усовершенствования методов анализа информации и медийных стратегий. В статье оценивается влияние медиа на поведение Китая в информационной войне, характеризуются вызовы, связанные с медиаанализом в информационной войне Китая, описываются методы и метрики для анализа медиаконтекста об информационной войне в Китае. Важным для нашего исследования является определение сущности информационной войны. Информационные технологии на современном уровне развития создают широкие возможности управления политическими конфликтами как в масштабах одного государства, так и на региональном уровне. Данные технологии, активно применяющиеся в информационных войнах, имеют ряд преимуществ перед традиционными средствами борьбы благодаря своему массированному воздействию на моральное и психологическое состояние населения страны-противника или отдельных партий, движений и политических объединений. В статье используется дискурс-анализ медийного текста, выявляются выразительные языковые средства, семантическое значение слов и выражений, коммуникативная направленность текста. Эмпирической базой исследования является статья «Поднебесная правда: кто и зачем ведет информационную войну с КНР». Основным выводом исследования является утверждение о том, что современные технологии и социальные медиа стали мощным инструментом для воздействия на общественное мнение и формирование перспективы событий. Информационная война в Китае имеет глобальное воздействие, привлекая внимание международного сообщества. Мировые медиа и международные платформы активно отслеживают и освещают события в регионе, что может влиять на восприятие конфликта за его пределами. Влияние информационной войны оказывает существенное воздействие на общественное мнение. Здесь наблюдается использование различных методов, включая фейковые новости, дезинформацию, влияющих на общественные настроения и взгляды. Китайская концепция сетевой войны открывает для китайского руководства и военных специалистов дальнейшие перспективы и возможности ведения работ по созданию и внедрению новейших образцов технологий.

Ключевые слова:

Журналистика, информационная война, фейковые новости, анализ данных, защита, вызовы, жесткая цензура, реакция Китая, манипуляции, мягкая сила

Введение

В мире, где медийные платформы играют ключевую роль в формировании общественного

мнения, информационные войны становятся все более значимыми. В конфликтах, подобным тем, что происходили в Гонконге Китая и в Синьцзяне Китая использовались всеми сторонами медийные инструменты для манипуляций и воздействия на мнения людей.

В эпоху цифровизации и развития социальных медиа люди получают информацию быстро и из разных источников. Это делает контроль и анализ информации крайне важными для понимания того, как осуществляется манипуляция общественным мнением [\[5\]](#).

Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать медиаанализ «раскрутки» Китая в информационной войне.

Задачи исследования состоят в том, чтобы:

- описать сущность информационной войны;
- показать роль медиаанализа в контексте информационной войны;
- охарактеризовать особенности информационной войны в современном мире;
- оценить влияние медиа на информационную войну в Китае;
- провести анализ вызовов, связанных с медиаанализом в информационной войне Китая;
- использовать методы и метрики для анализа медиаконтекста о информационной войне в Китае.

Важным для нашего исследования является определение сущности информационной войны. Информационные технологии на современном уровне развития создают широкие возможности управления политическими конфликтами как в масштабах одного государства, так и на региональном уровне. Данные технологии, активно применяющиеся в информационных войнах, имеют ряд преимуществ перед традиционными средствами борьбы благодаря своему массированному воздействию на моральное и психологическое состояние населения страны-противника или отдельных партий, движений и политических объединений.

Особое преимущество информационной борьбы заключается в том, что спецслужбы неспособны своевременно выявить подобный вид воздействия и принять защитные меры для обеспечения информационной безопасности. Информационная пропаганда, как неотъемлемая и значимая часть информационной войны, создает атмосферу безнравственности и бездуховности, дезориентирует население, контроль над которым становится невозможно установить мирными средствами [\[4\]](#).

Концептуальной основой теории информационной войны является теория «мягкой силы» С. Мана [\[8\]](#). Термин «мягкая сила» широко вошел в лексикон политиков и ученых. Следует дополнить, что концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. также основывается на идее, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится «мягкая сила» [\[1\]](#). В данном случае, «мягкая сила» становится комплексным инструментарием для достижения политических целей, которую можно использовать перманентно как в условиях открытого вооруженного конфликта, так и в мирные периоды сотрудничества. «Мягкая сила» включает прежде всего те технологии, которые наименее затратны, обладают слабой распознаваемостью и высокой эффективностью в трансформации поведения политического противника не силовыми методами.

«Мягкая сила» рассматривается теоретиком как способность влиять на другие государства с целью реализации собственных целей через сотрудничество в определенных сферах, направленное на убеждение и формирование положительного восприятия [\[9\]](#).

Таким образом, информационные войны с их возможностями манипулирования общественным сознанием, политической обстановкой и эмоциональным климатом в других государствах дают возможности для разрушения его политических и социальных ценностей без применения физического насилия.

Попытаемся определить роль медиаанализа в контексте информационной войны. Эта роль крайне важна и охватывает ряд ключевых аспектов:

Во-первых, это выявление манипуляций и фейковых новостей. К данному аспекту можно отнести анализ контента, проверку фактов и использование технологий.

1. Медиаанализ включает в себя детальный анализ текстов, изображений, видео и звуковых материалов для выявления несоответствий, противоречий или признаков фальсификации.

2. Использование фактчекинга для проверки информации и установления достоверности утверждений, сопоставление данных с независимыми источниками и фактами.

3. Применение специализированных алгоритмов и программ для автоматического или полуавтоматического анализа больших объемов данных с целью выявления аномалий и манипуляций.

Во-вторых, это оценка надежности источников. На данном этапе важно проверить достоверность информации и провести контекстуализацию данных.

1. Анализ медиа включает оценку источников информации на основе их репутации, истории предоставления точной информации, уровня доверия сообщества и других факторов.

2. Оценка данных в соответствии с контекстом их получения и публикации, чтобы определить их объективность и нейтральность.

В-третьих, это идентификация трендов и шаблонов, куда входит процесс анализа данных, а также использование аналитических инструментов:

1. Сбор и анализ данных из различных источников для выявления общих трендов, шаблонов поведения и информационных моделей.

2. Применение статистических методов, машинного обучения и других аналитических инструментов для выявления и интерпретации поведенческих моделей.

И, в-четвертых, это создание стратегий информационной защиты и контрмер.

Сюда входит процесс разработки защитных мер (использование данных анализа для разработки стратегий противодействия фейковым новостям, манипуляциям и информационным атакам) и процесс принятия мер по предотвращению (разработка проактивных мер по обнаружению и блокированию нежелательных информационных воздействий).

В информационной войне медиа реагируют на различные вызовы. В информационной

войне Китая – это ограничение общественности в доступе к актуальной и правдивой информации. Помимо этого, в Китае внедрена система жесткой цензуры. В Китае многие интернет-ресурсы попросту заблокированы; также есть ресурсы, внутренние, которые доступны только для жителей Китая. Все это значительно затрудняет медиаанализ по данной теме [\[3\]](#).

Второй вызов – размещение фейковой информации, поддельных новостей. В информационной войне данные инструменты активно используются. Это создает вызовы для аналитиков медиасферы в идентификации подлинной информации и фактов от ложных или искаженных данных.

Следующий вызов заключается в большом объеме информации, который необходимо обработать для получения качественной информации. Иногда информационных ресурсов по одному и тому же инфоповоду настолько много, что их обработка является проблематичной, на это уходит очень много времени. Так, в информационной войне используется множество различных источников информации: от официальных новостных агентств до социальных медиа и анонимных источников [\[6\]](#).

Четвертый вызов медиаанализу в информационной войне Китая заключается в систематических попытках манипуляции общественным мнением. Деятельность медийных кампании в информационной войне часто направляется на манипуляцию общественным мнением. Это создает проблему интерпретации данных, поскольку аналитики должны быть способны определять и различать факты и псевдоинформацию, пущенную в оборот для манипуляции.

Все эти вызовы создают проблемы и затруднения при проведении медиаанализов по анализируемой теме. Но, при этом, данные вызовы не делают медиаанализ недостижимой целью. Проведение медиаанализа с помощью различных метрик и методик все же остается доступным.

Методы исследования

В статье используется дискурс-анализ медийного текста, выявляются выразительные языковые средства, семантическое значение слов и выражений, коммуникативная направленность текста.

Источник для проведения анализа – это статья на тему «Поднебесная правда: кто и зачем ведет информационную войну с КНР». Рассмотрим сущность метрик и методик, использовались в ходе проведения медиаанализа.

Заголовок «Поднебесная правда: кто и зачем ведет информационную войну с КНР» имеет нейтральную или даже ироничную тональность.

Заголовок не является откровенно критическим или абсолютно поддерживающим статус Китая (КНР). Он скорее информативно-аналитический и может представлять собой поиск истины или разъяснение сложной ситуации. Использование фразы «Поднебесная правда» может означать попытку обозначить реальную истину или суть событий в Китае (Поднебесная – поэтическое название Китая), но в контексте информационной войны автор добавляет некоторую иронию или сарказм, указывая на сложность выявления истины в этом контексте [\[8\]](#).

Текст имеет критический оттенок в отношении обвинений в адрес Китая (КНР) по нарушениям прав человека в Синьцзяне. Он выражает сомнения и критику относительно

подобных обвинений, подчеркивая возможные скрытые мотивы и информационные операции со стороны США.

Аналитический жанр публикации - статья – позволяет всесторонне охарактеризовать Китай (КНР) как объект обвинений в информационной войне, представляя его как центральную фигуру в данных обвинениях.

Текст представляет собой аналитическую статью с элементами критического анализа и интерпретации международных отношений и информационной войны.

Суть текста сосредоточена на обвинениях в адрес Китая (КНР) по нарушениям прав человека в Синьцзяне и поднятии раскрытия вопроса о возможных скрытых мотивах и информационных операциях, связанных с этими обвинениями.

Представим более подробный анализ статьи:

1. Суть обсуждения состоит в следующем.

Статья упоминает, что Международный консорциум журналистов-расследователей опубликовал секретные документы, которые, по их утверждению, демонстрируют систему массового наблюдения и содержание около миллиона жителей в центрах заключения.

Британское и американское правительства призвали Китай разрешить экспертам ООН доступ в этот регион для независимой оценки ситуации с правами человека.

Китай отрицает подлинность документов, называя их фальшивкой, и утверждает, что события в Синьцзяне являются внутренними делами Китая.

2. Выявим основные моменты.

Публикация отмечает, что западные страны, особенно США и Великобритания, активно критикуют Китай и вводят санкции в связи с обвинениями в нарушениях прав человека в регионе Синьцзяна. Британия, а также другие страны, высказывали резкое осуждение Пекина ранее, обвиняя его в насильственном удержании людей в этом регионе.

Упоминается, что исторически Синьцзян был беспокойным регионом с сепаратистскими настроениями, и центральные власти Китая реагировали на эти тенденции введением мер по предотвращению радикализации и террористических актов.

Реакция Китая и его осведомленность: китайские официальные источники реагируют на обвинения и подчеркивают, что Китай должен бороться с западной информационной войной, формирующей общественное мнение о нем в мировом сообществе. Вместе с тем, статья указывает на некоторую неуверенность Пекина в эффективной работе с мировыми СМИ и организациями для контрсообщений.

В статье присутствует, как геополитический контекст, так и упоминание роли информационных операций [\[2\]](#).

1. Геополитический контекст: статья подчеркивает, что обвинения в нарушениях прав человека могут быть использованы для давления на Китай в рамках торговых переговоров между США и КНР.

2. Роль информационных операций: экспертные мнения связывают обвинения в адрес Китая с аналогичными информационными операциями в прошлом, что указывает на возможное использование тактики информационной войны.

Общий вывод по анализу: Эта публикация обсуждает актуальные обвинения в адрес Китая по поводу нарушений прав человека в регионе Синьцзяна, но также подчеркивает исторические и политические контексты данной проблемы. Она также указывает на разногласия между западными странами и мусульманскими странами в подходе к данной проблеме и на существующие противоречия в оценке ситуации.

Заключение

Китайская концепция сетевой войны открывает для китайского руководства и военных специалистов дальнейшие перспективы и возможности ведения работ по созданию и внедрению новейших образцов технологий.

В контексте информационной войны в Китае, становится ясно, что современные технологии и социальные медиа стали мощным инструментом для воздействия на общественное мнение и формирования перспективы событий. Информационная война в Китае имеет глобальное воздействие, привлекая внимание международного сообщества. Мировые медиа и международные платформы активно отслеживают и освещают события в регионе, что может влиять на восприятие конфликта за его пределами.

Влияние информационной войны оказывает существенное воздействие на общественное мнение. Здесь наблюдается использование различных методов, включая фейковые новости, дезинформацию, чтобы повлиять на общественные настроения и взгляды.

Библиография

1. Mann S.R. (1997). The Reaction to Chaos. In: Complexity, Global Politics, and National Security / edited by David S. Alberts and Thomas J. Czerwinski. National Defense University, Washington, D. C.
2. Katkova E. Y., Yunoshkina A. C. Chinese Concepts and Capabilities in Information Warfare: Rivalry between the PRC and the United States in Cyberspace // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: General History. 2022. Vyp. 14. № 2. - С. 197-210.
3. Burda M. A., Poroshina A. C. Social network "ShTok" as a new tool of political communication in the youth environment. 2021. № 11. С. 21-30.
4. Wang Y., Gegelova N. S. Features of the development of mobile Internet media in China // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies, Journalism. - 2016. - № 4. - С. 119-126.
5. Vernik A. G. Censorship on the Internet: historical aspect, modern experience and prospects // Discussion. 2014. № 11. С. 174-180.
6. Zhuravleva L. A., Zarubina E. V., Ruchkin A. V. V., Simachkova N. N., Chupina I. P. Modern information war // Education and Law. - 2022. № 9. С. 18-26.
7. Goryacheva A. I., Machnev I. P. Information warfare as an element of hybrid warfare // Skif. Issues of Student Science. 2023. Vyp. 5 (81). С. 168-172.
8. Поднебесная правда: кто и зачем ведет информационную войну с КНР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/947921/irena-shekoian/podnebesnaia-pravda-kto-i-zachem-vedet-informatcionnuu-voinu-s-knr> (дата обращения 16.04.2024)
9. Mann S.R. (1997). The Reaction to Chaos. In: Complexity, Global Politics, and National Security / ed. by David S. Alberts and Thomas J. Czerwinski. National Defense University, Washington, D. C.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Медиаанализ текста о китайской стратегии информационной войны на примере опубликованных материалов», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно является актуальной ввиду сложности, изменчивости и неопределённости процессов, которые образуют дискурс, а также тем фактом, что в последние годы в мире наблюдается процесс активной информатизации общества и глобализации всемирного информационного пространства. Особый интерес представляет то, что в современном мире мы наблюдаем информационные войны, одним из главных инструментов которых являются различные средства массовой информации, что делает работу по изучению лингвистического аспекта войн в СМИ актуальным. Предметом исследования выступает функционирование языка в механизмах информационных войн на материале дискурса СМИ.

Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать медиаанализ «раскрытия» Китая в информационной войне.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. В качестве методов исследования применяются теоретический анализ литературы, медиалингвистический анализ, методы критической лингвистики и др. В статье используется также дискурс-анализ медийного текста, выявляются выразительные языковые средства, семантическое значение слов и выражений, коммуникативная направленность текста.

Практическим языковым материалом исследования явилась статья на тему «Поднебесная правда: кто и зачем ведет информационную войну с КНР».

Выводы автора не были проиллюстрированы языковыми примерами, что не позволяет говорить о возможности тиражировать предложенный автором принцип исследования на иной языковой материал. Представленная статья выполнена в русле современных научных подходов. Статья структурирована, состоит из введения, в котором автор обозначает цели и задачи настоящего исследования, а также приводит историческую справку о разработанности рассматриваемой научной проблематики, основной части, включающей в себя описания результатов исследования и представления выводов. В статье нет информации о возможных перспективах исследования.

Библиография статьи насчитывает 20 источников на английском языке, в том числе отечественных исследователей.

К сожалению, отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации по заявленной тематике, что могло бы усилить теоретическую значимость работы.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц: филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения данных статьи в курсах по лингвокультурологии, журналистики и теории дискурса. Статья «Медиаанализ текста о китайской стратегии информационной войны на примере опубликованных материалов» может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Han H., Dugalich N.M. Self-mention in Chinese linguistic MA novices' and experts' academic writing: A corpus-driven investigation of 'we' // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70516 EDN: TSJZST URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70516

Self-mention in Chinese linguistic MA novices' and experts' academic writing: A corpus-driven investigation of 'we' / Средства указания на автора в научных текстах: корпусное исследование

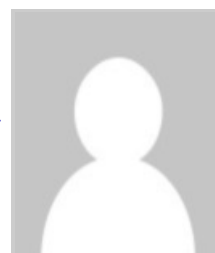
Хань Хао

ORCID: 0009-0004-3832-6660

аспирант, кафедра иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1042218192@rudn.ru

Дугалич Наталья Михайловна

ORCID: 0000-0003-1863-2754

кандидат филологических наук

заведующая кафедрой иностранных языков медицинского института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ dugalich_nm@pfur.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70516

EDN:

TSJZST

Дата направления статьи в редакцию:

16-04-2024

Дата публикации:

23-04-2024

Аннотация: Целью исследования является проведение сравнительного анализа средств указания на автора научного текста, в частности использования местоимения *we* 'мы', как средства убеждения в академическом дискурсе. Проводится сравнительный анализ научных текстов, выполненных магистрантами-лингвистами и китайскими учеными, для которых английский язык является иностранным. Средства, указывающие на автора научного текста, выполняют риторические функции убеждения. Для авторов, пишущих на неродном языке, овладение указанными риторическими функциями представляет собой продвинутое умение академического письма. Объект исследования – структурные элементы фраз, указывающих на себя как на автора научного текста. Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать характеристики средств указания на автора научного текста в научных статьях китайских лингвистов, опубликованных на английском языке в международных журналах, взятых из базы данных ILJA_C, и китайских магистерских диссертаций, выбранных из базы данных CLMA_C. Предмет исследования – сходства и различия в использовании средств указания на автора научного текста в ILJA_C и CLMA_C. В методологии исследования используется корпусный подход, дискурс-анализ (академический дискурс), сравнительный анализ на материале академического письма. Новизна данного исследования заключается в анализе коллокационных характеристик и особенностей употребления личных местоимений, прежде всего, местоимения *we* 'мы' в текстах баз данных CLMA_C и ILJA_C. Исследование позволяет оценить уровень корректности в использовании средств указания на автора научного текста авторами, которые пишут на английском языке как иностранном. Результаты показывают значительные различия в использовании рассматриваемых средств в научных работах, выполненных китайскими лингвистами и магистрантами: лингвисты отдают приоритет в использовании средств указания на автора научного текста для реализации контактоустанавливающей функции, выражения позиции и оценки; магистранты-лингвисты – преимущественно для описания выводов исследования; также обнаружены различия в сочетаемости рассматриваемых единиц. Анализ показал необходимость выделения структурных элементов фраз, указывающие на себя как на автора научного текста, как аспекта научного текста, который требует особого внимания в рамках обучения академическому письму.

Ключевые слова:

средства указания автора, сочетаемость, английский как иностранный, академическое письмо, магистерская диссертация, сравнительный анализ, научный текст, дискурс-анализ, личные местоимения, китайские магистранты

Introduction

Academic discourse serves as a crucial medium for knowledge dissemination and scholarly exchange. With the development of functional linguistics and the sociology of scientific knowledge, it has been increasingly recognized that academic discourse not only conveys scientific information and produces credible texts but also expresses rich interpersonal meanings (see: F. Jiang [\[12\]](#), K. Hyland [\[8\]](#), F. Jiang [\[13\]](#)). The credibility and acceptance of a paper depend not only on the reliability and validity of the research itself but also on the persuasiveness of the author's argumentation, namely academic persuasion. We should also consider the studies of Russian linguists V. V. Zueva [\[1\]](#) and I. Yu. Shchemeleva [\[2\]](#), devoted to the use of means of indicating the author of a scientific text. This is a relevant direction for theoretical and practical research, since English has become widespread as the

language of scientific communication.

The premise is that the presentation of viewpoints should adhere to academic discourse conventions to resonate with readers [12]. The process of persuasion and argumentation is most directly manifested when authors intervene in the discourse explicitly through linguistic means, organize text segments, evaluate discourse content, and guide readers in co-constructing discourse [11]. For example, the phrase 'we show that' compared to 'the results show that' highlights the author's involvement in the research findings, aiding readers in identifying the author's innovative contribution. Thus, self-mention serves as an important means of interactive persuasion and enhancing the author's visibility in academic discourse.

Self-mentions, such as 'I', 'my' and 'we', play crucial role in academic discourse, signaling the author's presence and fostering engagement with the reader. They serve as essential tools for establishing authorial identity and advancing persuasive arguments. Despite their growing importance in academic writing and knowledge construction [10], Chinese novice writers face challenges in utilizing self-mentions effectively to craft their academic texts and present coherent arguments (see: Y. Sun [19] and J. Wang & F. Jiang [22]). This difficulty is compounded by the limited emphasis on the lexical and grammatical aspects of self-mention in existing literature, which tends to focus more on their rhetorical functions (see: K. Hyland [7], F. Jiang [14], M. Walková [21]). Furthermore, traditional Chinese pedagogy often neglects the instruction of self-mention, with some educational materials even discouraging its use in academic writing (see: K. Bennett [3], F. Jiang & K. Hyland [15]), further hindering students' acquisition of effective self-referential techniques. M. Walková [21] suggests that rhetorical function is just one aspect of self-mention usage, and phrase structure pose greater obstacles for second language authors to master self-mention.

Hence, this research, utilizing self-compiled corpora of Chinese linguistic MA theses and international journal articles, compares the collocational and chunk features of 'we' usage between novices and experts, with the objective of offering insights and references for the comparative analysis of academic English writing instruction.

Therefore, this study primarily focuses on three tasks concerning the examination of self-mention 'we': firstly, extracting strong left and right collocates around 'we' and categorizing them from both disciplinary culture and semantic functional perspectives; secondly, utilizing corpus-driven methods to compute high-frequency chunks guided by 'we' in both corpora and summarizing the overall chunk characteristics in CLMA_C and ILJA_C; and finally, conducting a comparative analysis of the collocation features and chunk characteristics between Chinese learners and international journal authors.

Based on these three tasks, the research methodology of this study primarily employs a corpus-driven approach and academic discourse analysis. The examination of chunk characteristics of self-mention 'we' necessitates a bottom-up corpus-driven approach, while the comparison of collocation features of self-mention 'we' between Chinese linguistic MA novices and experts requires detailed analysis. Understanding the differences between the two groups relies on the application of academic discourse analysis.

The object of this study is to perform a comparative analysis of self-mention 'we' between Chinese linguistic MA novices and linguistic experts. The subject of this investigation is to examine the resemblances and disparities in the collocational patterns and chunk structures

of self-mention 'we' within the academic discourse of these two groups.

Previous research has identified various functions of self-mention in academic persuasion. K. Hyland [8] found that self-mention enhances the persuasiveness of academic discourse through five main functions: stating research objectives, introducing research processes, explaining arguments, presenting research results, and expressing personal contributions. R. Tang & S. John [20] argued that the persuasive function of self-mention constructs different academic identities for authors, such as 'guide', 'recounting', and 'opinion-holder', thereby influencing readers' acceptance of viewpoints. Additionally, disciplinary differences and author groups can also influence the use of self-mention. K. Hyland [7] and F. Jiang [12] found that self-mention is significantly less frequent in natural sciences compared to humanities and social sciences. However, recent studies indicate a significant change in this trend, with a notable increase in the use of self-mention in natural sciences, primarily in the form of 'we' (see: F. Jiang & K. Hyland [15]). Regarding differences in the author groups using self-mention, M. Walková [21] and X. Yang [23] found that second language learners tend to use self-mention less frequently compared to native speakers, thereby downplaying their personal knowledge contributions. K. Fløttum [6] suggests that this covert presentation contradicts the English writing culture, which emphasizes explicit presentation of key information. J. Wang and F. Jiang [22], and X. Yang [23] found instances of underuse and misuse of 'we' in Chinese students' academic writing, suggesting that differences in self-mention usage between students and experts warrant further systematic investigation.

The majority of previous studies in this area have primarily focused on identifying various rhetorical functions of self-mention, with minimal attention paid to collocational phrase structures. In fact, for second language (L2) writers, mastery of rhetorical functions represents an advanced writing skill, which cannot be achieved without a proficient command of the structural aspects of self-mention phrases.

Given this context, the present study employs a corpus-driven approach to contrast the collocational and chunk features of the use of the self-mention pronoun 'we' between Chinese linguistic MA novices and linguistic experts. Through this analysis, the aim is to gain insights into how novice scholars construct discourse, present knowledge, express academic stances, and establish interpersonal interaction when utilizing self-mention 'we' in academic writing. Therefore, the research questions are: (1) What are the collocation characteristics and chunk features of self-mention 'we' in Chinese linguistic MA theses and international linguistic journal articles? (2) Concerning these collocation characteristics and chunk features, what are the similarities and differences between them? And what are the reasons?

Research methodology

This study uses two corpora: the self-built Chinese Linguistic MA Theses Corpus (CLMA_C) and the International Linguistic Journal Articles Corpus (ILJA_C). The CLMA_C contains 804,935 words and contains 50 English Master of Arts theses written by Chinese postgraduate students in linguistics. The ILJA_C contains 802,490 words and contains 100 articles written by established linguistic experts. The research methodology involves the following steps:

1. Utilizing the GraphColl feature of the LancsBox 6.0 [5] software to calculate strong left and right collocates around the pronoun 'we' and categorizing them based on disciplinary culture and semantic functional perspectives.

2. Employing the N-grams feature of LancsBox 6.0 to compute high-frequency chunks within both corpora, and summarizing the overall chunk characteristics associated with the use of 'we' in CLMA_C and ILJA_C.
3. Conducting a comparative analysis of the collocation features and chunk characteristics between Chinese learners and authors of international journal articles.

Analysis and discussion

1. Overall collocation characteristics of 'we' in CLMA_C and ILJA_C

In this section, LancsBox 6.0 was utilized to calculate the frequency of left and right collocates of 'we' in the CLMA_C and ILJA_C corpora respectively. These frequencies were then sorted by MI3 score, a metric designed to rebalance the Mutual Information (MI) score by assigning greater importance to frequent words and lesser importance to infrequent ones [17]. This approach is influential for identifying strong collocates of a given search item. The detailed data concerning the left collocates of 'we' are presented in Table 1.

Table 1. Left collocates of 'we' in CLMA_C and ILJA_C

CLMA_C			ILJA_C		
Collocates	MI3	Frequency	Collocates	MI3	Frequency
in	21.70	78	in	22.20	671
of	20.63	569	of	21.40	618
this	19.97	511	this	20.67	297
from	19.96	236	and	20.63	483
and	19.51	206	as	19.77	278
above	19.29	358	what	18.08	104
as	18.74	95	if	17.71	79
so	18.05	201	is	17.59	171
is	17.62	92	for	17.47	149
when	17.48	186	here	16.51	50

Notes: To facilitate the presentation and comparison of data analysis, the minimum threshold for MI3 is set to 16.

Regarding the similarities, in both sets of data, the words 'in', 'of', 'this', 'and', 'as' and 'is' are observed as collocates of 'we'. This indicates that these words are commonly used in association with 'we', whether by Chinese master's students learning English or by authors of international authoritative journals. These words are primarily utilized for constructing discourse structures and logic, as exemplified by phrases such as 'in this section, we...', 'as we have seen...' and 'is what we call...'.

In terms of their differences, four words appear exclusively in each set of data: 'from', 'above', 'so' and 'when' in CLMA_C, and 'what', 'if', 'for' and 'here' in ILJA_C. These words reflect different linguistic functions and styles. 'From', 'above', 'so' and 'when' are primarily used to express relationships such as source, context, causality, and time, as seen in phrases like 'from this perspective, we...', 'above all, we...', 'so we can conclude...' and 'when we...', which are exemplified in complete sentences (1) to (4). These collocations align with the hypothesis that Chinese master's students emphasize guiding readers through discourse structure and logic when using 'we'.

(1) From this perspective, we should interpret the features of human communications and social processes, symbolization of social structures, and the language process in which social members constitute social semiotics (CLMA_C).

Sentence (1) elucidates the purpose, which is to understand social semiotics, and subsequently delineates the steps that 'we' need to undertake.

(2) From above all we can conclude that conjunctive Adjuncts are not the constituents within Mood structure but they form a constituent on their own, which is the part of the clause (CLMA_C).

Sentence (2) highlights the shared journey of analysis 'we' have undertaken and presents the conclusion.

(3) So we can conclude that the source selection in the legal metaphors, to some extent, is subject to the already existing targets (CLMA_C).

Sentence (3) emphasizes the shared investigation 'we' are conducting and the resulting observation.

(4) However, when we move onto the next stage of Interpretation, we find that the authentic recording of the direct citing form definite news source is rather limited (CLMA_C).

Sentence (4) highlights the transition in the discussion 'we' are making and presents a challenge encountered.

In all four sentences, the use of 'we' creates a sense of a shared journey with the reader. The author guides the reader through their analysis or interpretation, making the thought process and reasoning clear. This reinforces the hypothesis that Chinese master's students might use 'we' strategically to enhance clarity and guide readers through the logic of their arguments.

While 'what', 'if', 'for' and 'here' are mainly used to express questions, hypotheses, purposes, and positions, as shown in phrases like 'what we propose...', 'if we assume...', 'for this reason, we...' and 'here we present...'. These collocations also align with the hypothesis that authors of international authoritative journals or disciplinary experts prioritize using 'we' to present their academic positions and innovations.

In academic writing, employing words such as 'what', 'if', 'for' and 'here' in conjunction with 'we' to express questions, hypotheses, purposes, and positions is crucial for showcasing academic positions and knowledge innovations for authors of international authoritative journals or disciplinary experts. The following are examples and their explanations:

(5) What we found was that Victoria was seemingly working through three central questions in her accounts of her L2 writing (ILJA_C).

In this example, 'what' introduces the content discovered by the authors, emphasizing the three central questions that Victoria appears to be addressing in her description of second language writing.

(6) If we assume that L2 speakers are much more likely than L1 speakers to face problems.

Here, 'if' introduces a hypothetical scenario where it is assumed that L2 speakers are much more likely than L1 speakers to encounter problems.

(7) For this reason, we might expect to find it in the informal written conversations that

occur in online environments.

In this instance, ‘for’ introduces the reason or justification behind an expectation, indicating that it is logical to anticipate finding something in informal written conversations that occur in online environments.

(8) Here, we present a conceptual model for studying adolescent L2 writers and their writing and we identify distinct vantage points for understanding and researching this population.

In this example, ‘here’ introduces the current location or context of the discussion, emphasizing that the authors are presenting a conceptual model for studying adolescent L2 writers and their writing, as well as identifying distinct vantage points for understanding and researching this population.

These examples demonstrate how using these key words in conjunction with ‘we’ can emphasize authors’ academic positions, knowledge innovations, and research viewpoints. Such clear expression aids readers in understanding authors’ perspectives and facilitates comprehension and evaluation of research results.

The calculated numerical data pertaining to the right collocates of ‘we’ in CLMA_C and ILJA_C are presented in Table 2, organized in descending order based on their MI3 scores.

Table 2. Right collocates of ‘we’ in CLMA_C and ILJA_C

CLMA_C			ILJA_C		
Collocates	MI3	Frequency	Collocates	MI3	Frequency
can	24.18	568	be	21.54	599
see	21.99	199	have	20.43	276
find	21.32	197	can	19.86	181
be	20.37	459	see	19.66	147
will	20.22	163	will	19.14	113
have	20.10	234	find	18.33	95
know	19.69	91	believe	18.08	51
say	17.90	69	do	18.03	115
get	17.04	53	discuss	17.42	62
should	17.03	66	know	17.32	65
need	16.66	43	use	17.08	100
mention	16.63	42	argue	16.88	52
discuss	16.48	44	would	16.64	62
do	16.33	66	examine	16.61	53
conclude	16.20	32	observe	16.58	40
must	16.08	34	need	16.40	51
use	16.06	80	consider	15.99	48
analyze	15.93	50	present	15.88	42
go	15.77	33	focus	15.41	40
think	15.49	37	identify	15.11	38

Notes: To facilitate the presentation and comparison of data analysis, the maximum threshold for MI3 is set to 15.

Due to the predominance of verbs as right collocates in both corpora (exceeding 90%), we classify them based on their semantic functions as verbs, following D. Biber et al. [\[4\]](#). The

specific categorization is illustrated in the Table 3.

Table 3. Semantic functions of the right collocates of 'we' in CLMA_C and ILJA_C

Semantic functions	CLMA_C	ILJA_C
State or attribute	be, have	be, have
Ability or possibility	can, will, should, must	can, will, would, should
Cognition or judgment	see, find, know, say, conclude, think	see, find, know, believe, argue, consider,
Action or process	do, discuss, use, get, mention, analyze, go	do, discuss, use, examine, observe, present, focus, identify
Necessity or purpose	need	need

From Table 3, it is evident that both Chinese master's English learners and authors of international authoritative journals exhibit consistency in the classification of semantic functions. When paired with verbs, they generally reflect a scientific research status, demonstrating academic credibility and cognition, and describing academic research processes and purposes. Examples include phrases like 'we have made a/an... analysis', 'we can assume', 'we see... as' and 'we discuss....'.

However, there are differences in the specific vocabulary choices for the semantic functions of 'Cognition or judgment' and 'Action or process'. In the "Cognition or judgment" category, Chinese master's English learners tend to use more cognition-oriented verbs such as 'say' and 'conclude' to describe their findings or conclusions. For instance:

(9) For example, when we say 'by and large', it only requires retrieving from the memory knowledge of the idiom (CLMA_C).

(10) We conclude that the reverse form 'Ground-Figure' in news headlines greatly contributes to the strong emphasis of certain information (CLMA_C).

On the other hand, authors of international authoritative journals tend to use verbs from the 'judgment' category to engage in subjective arguments, such as 'believe', 'argue' and 'consider'. These verbs, when paired with 'we', indicate the authors' stance and guide the reader on interpreting the presented information. For example:

(11) We believe that the observed pattern of use of boosters can be plausibly explained in terms of the nature of the supports that claims in empirical vs. non-empirical academic articles are typically based on (ILJA_C).

Sometimes, they also utilize verbs from the 'possibility' category such as 'would' to convey a certain degree of humility and caution, as exemplified by:

(12) We would argue that such a dialogue is important for at least two reasons (ILJA_C).

Moreover, Chinese master's English learners tend to use more general action verbs (e.g., 'do', 'get') and 'mention' to introduce topics when paired with verbs from the "Action or process" category, reflecting their developing research skills. However, they also employ verbs like 'analyze', indicating deeper analysis. Examples include:

(13) Through analysis, we get that Chinese writers tend to employ more generic headings

than that of Canadian writers (CLMA_C).

(14) The second point we mention here is the features of metaphor (CLMA_C).

(15) On the one hand, the interaction we discuss in this study is a sort of social interaction (CLMA_C).

Authors of international authoritative journals, on the other hand, tend to use action verbs that reflect more rigorous research activities like examining, observing, presenting, and identifying. Their process verbs focus on collaboration (e.g., 'discuss') and applying methods to reach focused conclusions. Examples include:

(16) In the second part, we examine themes that emerged across the various interviews (ILJA_C).

(17) We observe three discourse markers – you know, and, and right? (ILJA_C).

2. Overall chunk characteristics of 'we' in CLMA_C and ILJA_C

This section will present the chunk characteristics of Chinese linguistic MA novices' and experts' aided with LancsBox 6.0. I will examine the four-word chunks in patterns guided by 'we'.

Table 4. Four-word chunks characteristics guided by 'we' in CLMA_C and ILJA_C

CLMA_C		ILJA_C			
Frequency	Text span	4-word chunks	Frequency	Text span	4-word chunks
68	24	we can see that	12	10	We believe that the
28	14	we can find that	8	5	we were able to
26	13	we can see the	7	6	we would like to
22	9	we can say that	7	5	we would argue that
19	7	we find that the	7	6	we can see that
15	9	we can conclude that			
13	5	we are going to			
11	5	We can see from			
10	7	we can get the			
9	7	we can find out			
8	6	we can find the			
6	6	we know that the			

Notes: The chunks appear with a minimum frequency of 6 times, and the text span of chunks appears with a minimum frequency of 5 times.

According to K. Hyland [\[9\]](#), chunks or lexical bundles can be functionally categorized into three types: research-oriented, text-oriented, and participant-oriented. Research-oriented bundles assist writers in organizing their activities and experiences in the real world. Text-oriented bundles concern the organization of the text and its meaning as a message or argument. Participant-oriented bundles are used to establish a relationship between the author and the reader, expressing the author’s attitudes, evaluations, and positions. Based on these types, I have categorized the provided lexical bundles as Table 5.

Table 5. Functional categories of four-word chunks guided by ‘we’ in CLMA_C and ILJA_C

Types	CLMA_C	ILJA_C
Research-oriented bundles	we can find that, we can find the, we can conclude that, we can get the, we can find out	
Text-oriented bundles	we are going to, we can see from	
Participant-oriented bundles	we can see that, we can see the, we can say that	we can see that, we believe that the, we were able to, we would like to, we would argue that

In terms of similarities, both Chinese master English learners and international authoritative journal authors use research-oriented, text-oriented, and participant-oriented bundles to achieve discourse and interpersonal functions in academic papers.

Concerning their discrepancy, there are significant differences in the frequency and type of bundles used by the two groups. Chinese master English learners tend to use research-oriented bundles and text-oriented bundles, such as “we can find that”, “we can conclude that” and “we can see from”, mainly to describe research results and activities.

(18) By analyzing these processes, we can find that quotation marks are used in these processes for three times (CLMA_C).

International authoritative journal authors, on the other hand, tend to use participant-oriented bundles, such as ‘We believe that the’ and ‘we would argue that’, mainly to establish a relationship with the reader and express the author’s evaluation and position.

(19) We would argue that such a dialogue is important for at least two reasons (ILJA_C).

These similarities and differences may reflect the different purposes and styles of the two groups in academic writing. Chinese master English learners may focus more on presenting the research process and data, while international authoritative journal authors may pay more attention to presenting the research contribution and opinion. This is consistent with the findings of other studies (see: L. Sun [\[18\]](#), B. Lou [\[16\]](#)), indicating that Chinese master English learners use metadiscourse to construct their identity in academic English writing, with lower overall frequency, evaluator identity, and interlocutor identity compared to

international journal authors.

To enhance the level of academic English writing, Chinese master English learners can learn from the bundle usage patterns of international authoritative journal authors, appropriately increasing the frequency of bundle usage, especially participant-oriented bundles, to improve the persuasiveness and communicative effectiveness of academic papers.

Conclusion

Based on the research analysis conducted, it is evident that there are notable differences in the usage patterns of 'we' in Chinese linguistic MA theses (CLMA_C) and international journal articles (ILJA_C). In CLMA_C, where Chinese MA novices engage in academic discourse, 'we' is predominantly paired with collocates such as 'in', 'of', 'this', 'and', 'as' and 'is', indicating a focus on constructing discourse structures and logic. Additionally, unique collocates like 'from', 'above', 'so' and 'when' suggest a strategic emphasis on guiding readers through discourse structure and logic. Conversely, ILJA_C authors, presumed to be disciplinary experts, utilize 'we' with collocates like 'what', 'if', 'for' and 'here' to express questions, hypotheses, purposes, and positions, showcasing academic positions and knowledge innovations.

Further analysis of four-word chunks guided by 'we' reveals functional categorizations into research-oriented, text-oriented, and participant-oriented bundles. While both groups employ these bundles to achieve discourse and interpersonal functions, Chinese MA novices tend to use research-oriented and text-oriented bundles to describe research results and activities, whereas ILJA_C authors predominantly utilize participant-oriented bundles to establish a relationship with the reader and express evaluation and position.

These findings underscore the need for Chinese MA novices to enhance their academic writing skills by learning from the usage patterns of international authoritative journal authors. Increasing the frequency of bundle usage, particularly participant-oriented bundles, can improve the persuasiveness and communicative effectiveness of academic papers. Additionally, understanding the nuanced differences in usage patterns can aid in constructing a stronger academic identity and effectively communicating research contributions and opinions.

Библиография

1. Зуева В. В. Просодические особенности научных текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10–2 (76). С. 80–83.
2. Щемелева И. Ю. Местоимения как средство передачи авторской позиции в английском и русском научных текстах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2013. № (4). С. 143–153.
3. Bennett K. English academic style manuals: A survey // Journal of English for Academic Purposes. 2009. № 8 (1). P. 43–54.
4. Biber D., Johansson S., Leech G. N., Conrad S., Finegan E. Grammar of Spoken and Written English. Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 2021.
5. Brezina V., Weill-Tessier V., McEnery A. Lancsbox (6.0). 2020 [Software]. Режим доступа: <http://corpora.lancs.ac.uk/lancsbox/> (дата обращения: 5.12.2023).
6. Fløttum K. Language and Discipline Perspectives on Academic Discourse. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars, 2007.
7. Hyland K. Humble servants of the discipline? Self-mention in research articles // English for Specific Purposes. 2001. № 20 (3). P. 207–226.
8. Hyland K. Authority and invisibility: Authorial identity in academic writing // Journal of

Pragmatics. 2002. № 8. P. 1091–1112.

9. Hyland K. As can be seen: Lexical bundles and disciplinary variation // English for Specific Purposes. 2008. № 27 (1). P. 4–21.

10. Hyland K., Jiang F. Academic Discourse and Global Publishing: Disciplinary Persuasion in Changing Times. London: Routledge, 2019.

11. Jiang F. Stance construction and interpersonal interaction of shell nouns // Modern Foreign Languages. 2016. № 4. P. 470–482+583.

12. Jiang F. Stance and voice in academic writing // International Journal of Corpus Linguistics. 2017. № 1. P. 85–106.

13. Jiang F. Corpora and EAP studies. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2019.

14. Jiang F. A diachronic multi-dimensional investigation into the stylistic features in academic discourse // Foreign Language Teaching and Research. 2020. № 52 (5). P. 663–673+798.

15. Jiang F., Hyland K. Prescription and reality in advanced academic writing // Ibérica. 2020. № 39. P. 14–42.

16. Lou B. Exploration of Corpus Application in Teaching Academic English for Graduate Students // Degree and Postgraduate Education. 2020. № 7. P. 51–56.

17. Oakes M. P. Statistics for Corpus Linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1998.

18. Sun L. A Study on the Use of Metadiscourse and Identity Construction Features in Chinese Master's Academic English Writing // Journal of Xi'an International Studies University. 2020. № 28 (4). P. 28–33.

19. Sun Y. An analysis of the genre structure patterns in the "Introduction" section of Chinese students' master's theses in English majors // Foreign Languages in China. 2010. № 7(6). P. 54–60+78.

20. Tang R., John S. The "I" in identity: Exploring writer identity in student academic writing through the first person pronoun // English for Specific Purposes. 1999. № 18. P. 23–39.

21. Walková M. A three-dimensional model of personal self-mention in research papers // English for Specific Purposes. 2019. № 53. P. 60–73.

22. Wang J., Jiang F. Stance construction in academic English writing by Chinese PhD students of science and engineering // Foreign Language World. 2019. № 3. P. 23–31.

23. Yang X. (Self-mention and authorial identity construction in second language academic writing // Foreign Languages and Their Teaching. 2015. № (4). P. 50–56

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Средства указания на автора в научных текстах: корпусное исследование», предлагаемая к публикации на английском языке в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к исследованию проблемы авторства, которая стала важной в наши дни, ввиду порождения научных текстов в том числе искусственным интеллектом, а также развитого копирайтинга. Автор обращается к материалу англоязычного научного дискурса в рецензируемой работе.

Целью данного исследования является сравнительный анализ использования авторского 'мы' китайскими магистрами лингвистики и специалистами в области языка.

Предметом данного исследования является изучение сходств и различий в

словосочетаниях и фрагментарных структурах самоупоминания "мы" в академическом дискурсе этих двух групп.

Практическим материалом исследования явился корпус магистерских работ по китайской лингвистике и статей в международных журналах на английском языке. В рецензируемой работе используются два корпуса: самостоятельно созданный корпус магистерских работ по китайской лингвистике (CLMA_C) и корпус статей в международных лингвистических журналах (ILJA_C). CLMA_C содержит 804 935 слов и 50 магистерских диссертаций на английском языке, написанных китайскими аспирантами в области лингвистики. ILJA_C содержит 802 490 слов и 100 статей, написанных признанными лингвистическими экспертами.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Для решения исследовательских задач в статье использовались как общенаучные методы, так лингвистические и статистические, в том числе методы сплошной выборки, основными методами явились лексико-семантический анализ и корпусные методы.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. В исследовании автор предлагает разработанную методику проведения текстовой экспертизы.

Библиография статьи насчитывает 23 источника, среди которых представлены труды как на русском, так и иностранном языках.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации.

Приведенные замечания нисколько не умаляют огромной работы, проведенной автором и не ухудшают общего положительного впечатления от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения данных статьи в курсах по теории языка, текстологии, а также в практике преподавания академического письма. Статья «Средства указания на автора в научных текстах: корпусное исследование» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Егорова Н.В., Щипанова Ю.В., Горошко В.С. Семантическое изменение слова как основной способ создания комического эффекта в речевых жанрах интернет-коммуникации // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70552 EDN: UGVWHQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70552

Семантическое изменение слова как основной способ создания комического эффекта в речевых жанрах интернет-коммуникации

Егорова Наталья Валентиновна

ORCID: 0009-0001-7841-1390

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русской филологии и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный университет

460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, пр. Победы, 13

✉ stella-env@yandex.ru

Щипанова Юлия Владимировна

ORCID: 0009-0001-4099-9678

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русской филологии и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный университет

460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, пр. Победы, 13

✉ yuliya_yuliya_77@mail.ru

Горошко Валентина Сергеевна

ORCID: 0009-0005-3867-3889

учитель, МОАУ "Лицей № 1" г. Оренбурга

460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Харьковская, 14

✉ valya03.03@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70552

EDN:

UGVWHQ

Дата направления статьи в редакцию:

18-04-2024

Дата публикации:

25-04-2024

Аннотация: Предметом исследования является семантическое изменение слова как способ создания комического эффекта в речевых жанрах интернет-коммуникации. Объектом исследования в статье стали интернет-мемы, представляющие собой разновидность речевых комических жанров. Особое внимание в статье уделяется нестандартному подходу к языку и новым способам создания комического эффекта, которые находят авторы мемов на фоне повышения уровня внутрижанровой конкуренции. Обозначенная ситуация приводит к тому, что комические жанры интернет-коммуникации становятся своеобразным тезаурусом, отражающим современное состояние русского языка и произошедшие в нём изменения. Тем не менее новизна и динамичная смена языковых тенденций в речевых комических жанрах интернет-коммуникации позволяют говорить о недостаточном теоретическом обосновании проблемы, что обуславливает актуальность данной работы. Целью работы является установление используемых в указанных жанрах способов создания комического эффекта с помощью семантического изменения слова. Для этого были применены методы анализа словарных дефиниций, контекстуального анализа лексических единиц в составе мема (в том числе влияния невербального компонента). Основные выводы исследования: 1) существует ряд способов создания комического эффекта, в основе которых лежит семантическое изменение слова (неожиданная трактовка многозначного слова, образование окказионализмов, каламбур, разделение лексических единиц на самостоятельные компоненты, образование новых лексических единиц путем соединения в одну лексему двух слов с помощью наложения их частей, совпадающих в звучании; сочетание прецедентности и разделения лексических средств на самостоятельные компоненты, при котором трансформируется значение слова; появление особого значения у сочетаний слов); 2) определённые особенности (условия) использования данных способов повышают их эффективность: многозначность лексем, отведение существенной роли невербальному компоненту мема, разговорный или жаргонный характер актуализированного значения, наличие лексемы-маркера, узнаваемость вербального и невербального компонентов, намеренное нарушение норм орфографии. Особым вкладом авторов и новизной исследования является изучение способов создания комического эффекта (на основе семантического изменения слова) в жанре интернет-мема, включающего невербальный компонент, который оказывает большое влияние на восприятие информации реципиентом.

Ключевые слова:

семантика, интернет-коммуникация, речевой жанр, каламбур, окказионализм, создание комического эффекта, интернет-мем, многозначное слово, прецедентность, лексическое значение

Введение

Изменения в языке являются естественным процессом, сопровождающим развитие человека и совершенствование способов коммуникации, используемых им.

Трансформация затрагивает все уровни языка, но в большей степени ей подвержен лексический: одни слова выходят из постоянного употребления, на их месте возникают новые, а другие обретают иные или дополнительные значения. Особенно активно подобные явления прослеживаются в опосредованной коммуникации, широкие возможности для которой предоставляет интернет, определяемый исследователями так: «Всемирная компьютерная система хранения, получения и передачи информации, объединяющая с помощью специальных средств связи множество находящихся в разных местах компьютеров и обеспечивающая их пользователям как доступ к общим информационным источникам, так и индивидуальные контакты» [8, с. 472]. Обмен информацией через всемирную компьютерную систему трактуется как интернет-коммуникация – «опосредованное компьютером общение двух или более лиц, характеризующееся невидимостью коммуникантов, письменной формой посылаемых сообщений, возможностью незамедлительной обратной связи, а также обменом электронными сообщениями» [14, с. 298]. В связи с тем, что комическое и юмор всегда занимали важное место во взаимодействии человека с обществом, они есть и в интернет-коммуникации. М. Р. Желтухина отмечает, что комическое «отражает предметы и явления действительности, характеризующиеся внутренней противоречивостью, то есть несоответствием между тем, чем они являются по существу, и тем, за что себя выдают» [5, с. 155]. Одним из видов комического является юмор, «выражающий мягкое отношение к объекту осмеяния, сочетающее внешне комическую трактовку с внутренней серьезностью» [5, с. 156]. Такие признаки онлайн-среды, как использование в общении медиа-контента, анонимность, возможность асинхронного общения, формируют благоприятные условия для семантических изменений лексического слоя русского языка и реализации различных приёмов создания комического эффекта. Особенности интернет-коммуникации легли в основу специфических комических речевых жанров: демотиватора, котоматрицы, комикса, эдвайса. Традиционно их объединяют в одну группу под термином «интернет-мем» [12, с. 75]. С. В. Канашина определяет «интернет-мем» как «комплексный феномен интернет-коммуникации, представляющий собой целостную, завершённую единицу с текстом и картинкой» [6, с. 2]. Отметим, что интернет-мемы создаются не только с помощью изображений, но и на основе видео-, аудиофайлов. Ключевым отличием интернет-мема является именно заложенный в нем комический эффект, который реализуется при конкретных условиях. Н. Н. Шоков выделяет два основных условия возникновения комического эффекта: во-первых, наличие поверхностного и скрытого семантических планов; во-вторых, скрытый смысл должен быть понятен и приятен реципиенту [15, с. 171]. Зарождение указанного комического жанра сопровождалось быстрым ростом его популярности, что привело к созданию и распространению многими пользователями сети интернет собственных интернет-мемов. На данный момент количество мемов не поддаётся подсчёту, установление авторов большинства мемов не представляется возможным.

Способы создания комического эффекта путём семантического изменения слова

Для изучения семантических изменений лексических средств в комических жанрах интернет-коммуникации мы рассмотрели мемы из популярных интернет-сервисов «Вконтакте» и «Pinterest». В результате исследования удалось выявить следующие способы создания комического эффекта с помощью семантического изменения слова:

1. Большое количество интернет-мемов основано на неожиданной (не подходящей контексту / не подразумеваемой контекстом) трактовке многозначного слова, приводящей к игре слов. В этом случае комический эффект создается одновременной

актуализацией в одном контексте нескольких значений. Например, на одном из мемов изображение в разрезе кровеносного сосуда с эритроцитами сопровождается надписью «Пацаны, сворачиваемся», которая может иметь два значения. В словаре Д. Н. Ушакова даны восемь определений лексики «сворачиваться», из которых к контексту подходит четвертое: «сгустившись, превратиться в комок или комки, застыть комками (о чем-нибудь жидком). Кровь свернулась» [13, с. 529]. На это же значение указывает и невербальный компонент (рисунок).

В сочетании с обращением «пацаны» названный глагол реализуется также в значении, зафиксированном в Большом универсальном словаре русского языка: «временно сократить, ограничить или прекратить деятельность чего-либо» [9]. Соответственно, сама фраза «Пацаны, сворачиваемся» является призывом к группе лиц прекратить определенную деятельность.

Таким образом, фраза «Пацаны, сворачиваемся» в данном интернет-меме имеет две трактовки: возникшую сугубо на текстовом материале (в значении прекращения деятельности) и полученную в результате взаимодействия текста с изображением (в значении «сгуститься, превратиться в комки»). Сочетание вербального и невербального компонентов и двух смысловых планов трансформирует восприятие картинки реципиентом: это не просто кровяные тельца (эритроциты), а группа молодых людей с конкретными намерениями («пацаны»).

Аналогичный процесс наблюдается в меме «Классики», который состоит из одноименной надписи и фотографии нарисованной мелом на асфальте детской игры, где в квадратах вместо цифр размещены портреты известных писателей. Слово «классики» имеет несколько значений. Оно из них – «детская игра, по правилам которой, прыгая на одной ноге, нужно провести камешек по начерченной на земле фигуре, разделенной на клетки» [6, с. 110]. В литературной энциклопедии зафиксированы два толкования лексики: во-первых, это «образцовые писатели древности, на произведениях которых следует воспитывать свой вкус» [10, с. 385], а, во-вторых, «все те писатели, которые творили в духе эстетических кодексов данного литературного направления» [10, с. 385]. Данные трактовки слова «классики» в контексте мема приводят к игре слов, лежащей в основе комического эффекта.

2. В некоторых случаях комический эффект создается с помощью образования окказионализмов. Н. А. Батырева определяет окказионализм следующим образом: «индивидуально-авторские слова, созданные поэтом и писателем в соответствии с законами словообразования языка, по тем моделям, которые в нем существуют, и использующиеся в художественном тексте как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры» [1, с. 6]. Также исследователь отмечает, что комический эффект окказионализмов создается с помощью неожиданности сопоставляемых явлений, непривычного звучания авторских слов [1, с. 6]. Так, в меме «Грузин» текст сопровождается не иллюстрацией представителя конкретной национальности в соответствии с ожиданием, а изображением человеческой фигурки со значком загрузки вместо головы. Окказионализм образован лексико-семантическим способом (семантическая деривация), а именно путем переосмысления слова, приведшего к возникновению омонимов. В результате семантической деривации лексема «грузин» в приведенном меме теряет свое первичное значение. На основе сходства в звучании слово трактуется как производное от глагола «грузить» в значении «сообщать, навязчиво передавать кому-либо информацию, которую собеседник считает ненужной,

обременительной, утомлять кого-либо рассуждениями, навязчивым изложением чего-либо (разговорное, переносное, неодобрительное)» [3], то есть приобретает значение «человек, утомляющий кого-либо ненужной, обременительной информацией, рассуждениями, навязчивым изложением чего-либо». На этапе появления у лексемы нового значения на первый план выходит невербальная часть мема (рисунок), корректирующая толкование реципиентом текста или слова. Изображённый в данном меме значок загрузки, называемый также «индикатором загрузки» или «индикатором прогресса», является элементом интерфейса, используемым в современных программных приложениях для обозначения текущего состояния обработки или загрузки конкретной операции или запроса. Таким образом, невербальный компонент указывает на то, что нарисованная человеческая фигурка со значком вместо головы является не субъектом, а объектом действия, передаваемого глаголом «грузить»; «грузин» – это человек, который долго «загружается» (в переносном значении – обременён информацией, поэтому долго думает). Можно предположить, что данный окказионализм используется автором и для обозначения группы людей, испытывающих затруднения в условиях быстрого принятия решений.

3. Следует отметить, что часто для возникновения комического эффекта используются каламбуры. Н. А. Батырева считает, что каламбур – это «фигура речи, состоящая в юмористическом использовании многозначного слова или звукового сходства различных слов» [1, с. 2]. Исследователь отмечает, что каламбур может быть образован с помощью буквализации метафоры. Буквальная метафора – стилистический прием, суть которого в том, что метафорическое выражение нарочито осмысляется и употребляется в непереносном значении [1, с. 2]. О. Е. Вороничев выделяет критерии удачности каламбура: «контрастное эксплицитное или имплицитное столкновение планов содержания омонимичных или паронимичных доминант и оптимальное для такого столкновения контекстуальное окружение этих ключевых слов» [2, с. 8]

Примером может послужить мем, представляющий собой текст «Почему ВДВшник бросил свою девушку? Она была не фонтан», написанный шрифтами разных размеров и цветов на фоне изображения обнимающихся парня и девушки. Лексема «ВДВшник» называет человека, являющегося действующим или бывшим военнослужащим воздушно-десантных войск. Обращает на себя внимание намеренное нарушение орфографической нормы с целью выделения внутри лексемы наименования рода войск. Комический эффект создается с помощью второй фразы. Выражение «не фонтан» в словаре русского арго В. С. Елистратова имеет трактовку «о чем-либо плохом или о нежелании что-то делать» [4]. Данное определение выстраивает смысл фразы в целом: «ВДВшник» бросил девушку, потому что она была недостаточно хороша». Однако в рассматриваемом меме пользователем угадывается и известная прецедентная ситуация, основанная на распространенной среди лиц, прошедших службу в воздушно-десантных войсках, традиции купаться в фонтанах в свой профессиональный праздник. В этом контексте ключевым является слово «фонтан» как «струя жидкости, с силой выбрасываемая вверх из трубы или отверстия под действием давления» [11, с. 796]. С учетом названной прецедентной ситуации смысл текста мема сводится к тому, что «ВДВшник» бросил девушку, потому что она не является фонтаном (устройством для подачи воды). Таким образом, комический эффект возникает с помощью каламбура, а именно в результате реализации не ожидаемого переносного значения выражения «не фонтан» (что-либо плохое, нежелательное), а прямого (что-либо, не являющееся устройством для подачи жидкости вверх), актуализированного с помощью прецедентности.

В меме «Несобранный» рисунок, на котором девушка собирает в корзину разбросанные части манекена, сопровождается фразой «До чего же ты человек несобранный». В энциклопедическом словаре О. М. Прохорова, «несобранный» обозначает человека рассеянного, неорганизованного [11, с. 582]. В контексте интернет-мема данное слово трактуется в прямом значении: не собранный в целое, а разобранный по частям. Следовательно, и в данном интернет-меме комический эффект создается с помощью каламбура.

4. Для возникновения комического эффекта с помощью семантического изменения слова употребляется разделение лексических единиц на самостоятельные компоненты (лексемы). Например, в меме используется фотография вывески «Выдача» на пункте выдачи заказов и подпись-слоган «Сами вы дача!». Соответственно, в данном меме слово «выдача» понимается не целиком, а делится по морфемам на личное местоимение «вы» и имя существительное «дача». Комический эффект возникает в результате неожиданной для восприятия зрителя неверной трактовки лексемы «выдача».

5. Комический эффект может создаваться сочетанием прецедентности и разделения лексических средств на компоненты, при котором трансформируется значение слова. Такой приём используется в меме «Приступ лени и наказание», где названная фраза расположена на фоне портрета Ф. М. Достоевского. Схожее звучание словосочетания «приступ лени» со словом «преступление», лексема «наказание» и портрет русского писателя отсылают реципиента к одному из известных произведений Ф. М. Достоевского – роману «Преступление и наказание».

Вербальный компонент мема, представленный прецедентным именем, лексические единицы которого разделены на элементы-слова, и невербальный направлены на выстраивание определенного ассоциативного ряда, связанного с содержанием произведения, и соответствующего смысла: за отрицательным явлением (лень) следует обязательное следствие (наказание).

Необходимо отметить, что вновь возникшие на основе прецедентного имени элементы демонстрируют смысловую жизнеспособность и создают комический эффект исключительно в контексте мема.

6. Широкое применение в интернет-коммуникации нашел такой способ семантического изменения слова, как образование новых лексических единиц (окказионализмов) путем соединения в одну лексему двух слов с помощью наложения их частей, совпадающих в звучании. Часто в основе этих мемов лежит объединение двух различных по значению лексем со сходным звучанием последней части одного компонента и первой части другого, но возможны и другие комбинации. Например, мем «тирамисуслик» основан на объединении слов «тирамису» и «суслик» с одинаковым звучанием частей этих слов. При этом мем дополняется фотографией суслика, выглядывающего из десерта. Комический эффект возникает из-за неожиданного совмещения совершенно различных по значению слов. Аналогичным образом построены мемы «беконь» («бекон» и «конь»), «батутка» («батут» и «утка»), «хомякиш» («хомяк» и «мякиш»), «шлакоблокунь» («шлакоблок» и «окунь») и многие другие. При использовании данного способа важным условием для создания комического эффекта является узнаваемость входящих в состав объединенного слова лексем (текст) и предметов (изображение), ими называемых.

По такому же принципу объединяются имена собственные и имена нарицательные, образуя лексему, подчеркивающую ту или иную черту определенного человека. Примечательно, что мемы данной группы оформлены в виде фотографии словарной

статьи и включают в себя слово и его пояснение. Например: «ХулигАня – (сущ.) Анна, которая любит подебосирить». Данный интернет-мем образован с помощью совмещения имени нарицательного «хулиган» и имени собственного «Аня». Трактовка словарной статьи указывает на ее лексическое значение. Таким же способом образованы мемы «Настяльгия – когда скучаешь по Анастасии», «Катястрофа – то же самое, что и Катяклизм», «Танчоус – Татьяна, которая везде, как рыба в воде».

Отдельную группу представляют в мемах слова, в состав которых входят имена известных людей: «мармеладзе», «желепс», «колбасков», «килькоров», «собчакчак» и другие. Невербальный блок обязательно включает фотографию упоминаемого лица.

7. Ещё один способ создания комического эффекта – появление и фиксация особого значения у сочетаний слов. Некоторые из таких сочетаний сначала закрепляются как устойчивые внутри жанра, а потом получают распространение в других жанрах (преимущественно комических) и в устной речи. Так, стала известной фраза «Наташ, мы все уронили». Она пришла из мема с фотографией котов, которые будят хозяйку по имени Наташа и «сообщают» ей, что уронили все вещи в доме. На сегодняшний день фраза используется для обозначения ситуаций, в которых группой тех или иных лиц был нанесен определенный ущерб. Фраза «Не могу, у меня лапки» закрепились и широко используется в значении «нежелание выполнять какое-либо действие». Также примером устойчивого сочетания из мемов стал риторический вопрос «Как тебе такое, Илон Маск?». Обязательным невербальным элементом мемов с данной фразой являются фотографии какого-либо странного, нелогичного, сломанного механизма, а сам вопрос адресован известному изобретателю с целью узнать его мнение.

Таким образом, можно сделать вывод, что слово в жанре мема с целью создания комического эффекта либо обретает новое значение, либо актуализирует одно из имеющихся, которое изначально не соотносилось с контекстом. Новое значение ставшего устойчивым сочетания слов способно существовать не только в ограниченном пространстве мема, но и за его пределами.

Выводы:

В процессе изучения мема как жанра нами были выявлены следующие способы создания комического эффекта с помощью семантического изменения слова:

- неожиданная (не подходящая контексту / не подразумеваемая контекстом) трактовка многозначного слова, приводящая к игре слов;
- образование окказионализмов;
- каламбур;
- разделение лексических единиц на самостоятельные компоненты;
- сочетание прецедентности и разделения лексических средств на самостоятельные компоненты, при котором трансформируется значение слова;
- образование новых лексических единиц (окказионализмов) путем соединения в одну лексему двух слов с помощью наложения их частей, совпадающих в звучании;
- появление особого значения у сочетаний слов.

Кроме того, отдельно необходимо сказать об особенностях использования указанных способов, которые повышают их эффективность при создании комического эффекта:

- многозначность лексем, ставших основой каламбура;
- отведение существенной роли невербальному компоненту мема, в том числе функции выбора конкретного лексического значения (невербальный маркер);
- актуализированное в меме значение слова часто имеет разговорный (и даже жаргонный) характер, является переносным;
- наличие в вербальном компоненте мема лексемы-маркера, которая даёт сигнал к реализации конкретного значения слова;
- узнаваемость входящих в состав мемов вербального и невербального компонентов;
- нарушение при необходимости норм орфографии.

Библиография

1. Батырева Н. А. Языковые средства создания комического / Н. А. Батырева // Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов XV Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов. Минск, 2021. С. 13-21
2. Вороничев О. Е. Каламбур как феномен русской экспрессивной речи: автореф. дис. ... док. филол. наук / О. Е. Вороничев. М., 2014. 52 с.
3. Елистратов В. С. Словарь русского аргот [Электронный ресурс] – 2000. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/russian_argot/грузить
4. Елистратов В. С. Словарь русского аргот [Электронный ресурс] – 2000. – Режим доступа: https://russian_argo.academic.ru/7511/не_фонтан
5. Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе (на материале немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М. Р. Желтухина. Волгоград, 2000. 230 с.
6. Кананшина С.В. Что такое интернет-мем? / С. В. Кананшина // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2017. 7 с.
7. Крюкова И. Окраины моего детства / И. Крюкова // Наука и жизнь. 2007. №5. С. 108-112.
8. Морковкин В. В. Большой универсальный словарь русского языка [Электронный ресурс] – 2018. – Режим доступа: [https://gramota.ru/poisk?query=интернет&mode=slovari&dicts\[\]=48](https://gramota.ru/poisk?query=интернет&mode=slovari&dicts[]=48)
9. Морковкин В. В. Большой универсальный словарь русского языка [Электронный ресурс] – 2018. – Режим доступа: [https://gramota.ru/poisk?query=свернуть&mode=slovari&dicts\[\]=48](https://gramota.ru/poisk?query=свернуть&mode=slovari&dicts[]=48)
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. М.: Азбуковник, 1999. 940 с.
11. Прохоров А. М. Большой энциклопедический словарь / А. М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1993. 1628 с.
12. Ухова Л. В. Жанровое своеобразие коммуникативного пространства социальных сетей / Л. В. Ухова // Человек в информационном пространстве, сборник научных трудов. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского, 2014. С. 72-80
13. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. М.: Дом славянской книги, 2008. 959 с.
14. Холод А. Л. Понятие интернет-коммуникации / А. Л. Холод // Карповские научные чтения. Минск, 2017. №11. С. 298-302.
15. Шоков Н. Н. Семантический механизм и приемы комического / Н. Н. Шоков //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. №7. С. 170-173

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в статье «Семантическое изменение слова как основной способ создания комического эффекта в речевых жанрах интернет-коммуникации», предложенной для публикации в журнале «Litera», стали интернет-мемы и особенности их образования. Человек – сущность социальная, общение является одним из главных его потребностей. В процессе общения важное место занимают комическое и юмор. Будучи составной частью общения, интернет-коммуникация так же не может обойтись без этих категорий. Интернет-мемы, которые объединяют специфические комические речевые жанры типа демотиватора, котоматрицы, комикса, эдвайса, как правило, содержат в себе ироническую или остроумную информацию, представленную обычно в форме медиаобъекта. Известно мнение о том, что сегодняшние мемы сродни произведениям народного творчества – легендам, сказкам: они быстро распространяются, приобретают широкую популярность, отражают культуру народа, но локализуются в цифровой среде. Их цель – воздействовать на эмоции людей, вызывать положительный отклик, которым захочется поделиться с другими. Изучение способов создания в мемах комического эффекта является актуальной задачей в современных условиях сверхбыстрого развития интернет-коммуникаций. С этих позиций автор рассматривает мемы из популярных интернет-сервисов «ВКонтакте» и «Pinterest».

Методы исследования соответствуют методам прагмалингвистики, т.к. в работе вскрывается отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в ситуации определенной коммуникации. Научная новизна предпринимаемого исследования заключается в выявлении, описании и классификации способов создания комического эффекта в речевых жанрах интернет-коммуникации посредством семантического изменения слова. В работе выделяется 7 способов создания комического эффекта: неожиданная трактовка многозначного слова, приводящая к игре слов; образование окказионализмов; каламбур; разделение лексических единиц на самостоятельные компоненты; сочетание прецедентности и разделения лексических средств на самостоятельные компоненты, при котором трансформируется значение слова; образование новых лексических единиц (окказионализмов) путем соединения в одну лексему двух слов с помощью наложения их частей, совпадающих в звучании; появление особого значения у сочетаний слов.

Стиль изложения вполне соответствует научному: статья структурирована на смысловые части, последовательность которых логична. Содержание полностью раскрывает заявленную тему статьи.

Интернет-мемы появились недавно, после широкого развития сети Интернет, поэтому их научное изучение так же отражено в трудах последних двух десятилетий. Соответственно, автор в статье апеллирует к новейшим работам, а его собственная статья существенно дополняет сферу лингвистического изучения интернет-мемов.

Выводы о сочетании вербального и невербального компонентов в интернет-мемах, сделанные автором, представляют интерес для широкой читательской аудитории.

Статья «Способы создания комического эффекта путём семантического изменения слова» может быть рекомендована в печать.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Иванова Е.В. Еще раз о переводческих принципах Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (на материале «Епитомий») // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70554 EDN: RINMRD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70554

Еще раз о переводческих принципах Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (на материале «Епитомий»)

Иванова Елизавета Вячеславовна

аспирантка кафедры русского языка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, ассистентка кафедры ин. языков РТУ МИРЭА

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51, ауд. 950

✉ atonical@mail.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70554

EDN:

RINMRD

Дата направления статьи в редакцию:

19-04-2024

Дата публикации:

26-04-2024

Аннотация: Предметом исследования являются языковые особенности славянского перевода «Епитомий» Константина Арменопула, выполненного Епифанием Славинецким. Объектом изучения стал сам перевод, представленный в нескольких основных рукописях. Работа над «Епитомиями» относится к одним из ранних трудов Епифания в Москве, т.к. ее киевский книжник начал в 1652-1653 гг. В ходе анализа нами были рассмотрены как наиболее ранние обнаруженные списки «Епитомий», так и самые поздние (вплоть до конца XIX – нач. XX вв.), однако наиболее важный текстологический и лингвистический материал представлен в следующих списках: Усп. 91, ГИМ – черновик руки Епифания Славинецкого; Унд. 40, РГБ – фиксирует активную редакторскую правку; Син. 129, ГИМ – итоговый вариант, переписанный Евфимием

Чудовским. В работе используется лингвотекстологический метод, а также методы сплошной выборки, аналитического наблюдения и сопоставления славянского текста с оригиналом на греческом языке. Новизна исследования состоит во введении в научный оборот списков, которые до этого не были изучены исследователями в лингвистическом аспекте. Анализ материала «Епитомий» не только позволяет восстановить историю текста, но и имеет принципиальную лингвистическую значимость. Он дает возможность суммировать общее и выделить отличное в языковых особенностях Епифания Славинецкого и его ученика Евфимия Чудовского. Так, у автора перевода Епифания Славинецкого и редактора Евфимия Чудовского обнаруживаются разные языковые ориентиры – первый опирается в большей степени на славянские грамматики, а для второго важна максимально точная передача греческого оригинала, что приводит также и к устранению регионализмов, свойственных для украинско-белорусского извода церковнославянского, и грецизации текста.

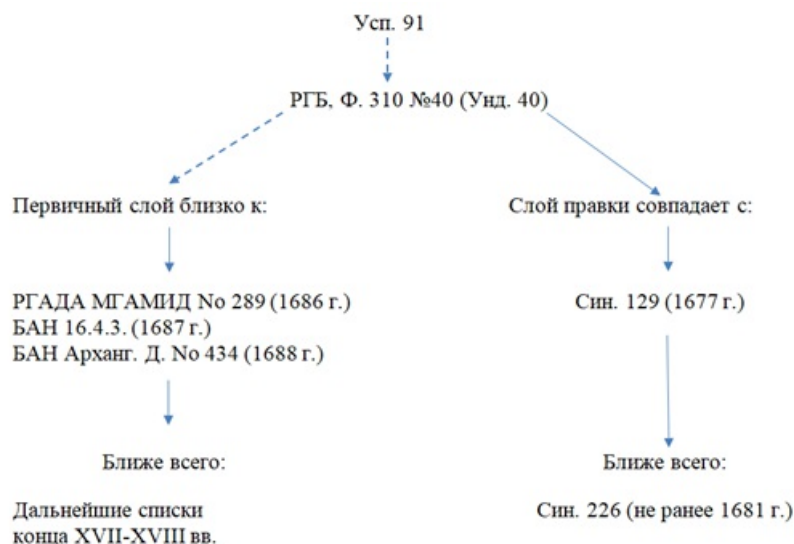
Ключевые слова:

Епифаний Славинецкий, Константин Арменопул, Переводы с греческого, Церковнославянский язык, Переводоведение, Чудовская книжная школа, Никоновская книжная справа, Епитомии, Евфимий Чудовский, Каноническое право

«Епитомии» или «Краткое изложение Божественных и святых канонов» (греч. $\square\pi\iota\omicron\tau\omicron\rho\ \tau\omicron\ \theta\epsilon\acute{\iota}\omega\nu\ \kappa\alpha\ \square\ \square\epsilon\rho\ \kappa\alpha\nu\acute{o}\nu\omega\nu$) – сборник канонического церковного права, принадлежащий Константину Арменопулу. Текст составлялся на византийском греческом в XIV в., а перевод на церковнославянский язык был осуществлен в сер. XVII в. Епифанием Славинецким в составе «Левенклавиева сборника», греческо-латинской диглотты. Работа над «Епитомиями» относится к одним из ранних трудов Епифания в Москве, т.к. ее киевский книжник начал в 1652-1653 гг. Более подробную историю славянского перевода и характеристику черновика Епифания мы приводили в работе [\[7, с. 88-89\]](#).

Анализ материала «Епитомий» не только позволяет восстановить историю текста, но и имеет принципиальную лингвистическую значимость. Он дает возможность суммировать общее и выделить отличное в языковых особенностях Епифания Славинецкого и его ученика Евфимия Чудовского. Казалось бы, мы многое знаем о том, как книжники работали с переводами, например, с текстом Нового завета [\[6, с. 79-80\]](#), но не всегда можем отделить принципы работы учителя от принципов работы ученика. Для исторической русистики – это не самая тривиальная задача, т.к. далеко не каждый текст дает возможность отделить узус Епифания от узуса Евфимия. Материал Епитомий позволяет это сделать с учетом главного источника – черновика Епифания Славинецкого, Усп. 91.

В ходе анализа нами были рассмотрены как самые ранние обнаруженные списки «Епитомий», так и более поздние (вплоть до конца XIX – нач. XX вв.). Пословная вычитка основных списков привела нас к следующему:

Рукопись **Усп. 91** (ГИМ) – черновик Епифания Славинецкого. Нам не удалось найти научной литературы, которая бы освещала эту рукопись, за исключением описи, где сказано, что Усп. 91 написана украинской скорописью и относится к XVII в. [\[8, с. 118\]](#). Мы же по характеру почерка и языковым особенностям атрибутируем эту рукопись Епифанию Славинецкому [\[7, с. 89\]](#).

Унд. 40 (РГБ) – фиксирует активную редакторскую правку, внесенную киноварью по написанному. Так, нижний слой отражает редакцию, возникшую вследствие вычитки текста по греческому оригиналу и отличную от той, что содержится в черновике Епифания. Самой серьезной переработкой перевода была именно эта первая, на этапе между Усп. 91 и Унд. 40, тогда как на остальных этапах текст подвергался переосмыслению более точно.

Слой правки Унд. 40 получает развитие в рукописи **Син. 129**, на определенном этапе ставшая итоговым вариантом, который создавался с целью печатного издания. Ее переписчиком стал Евфимий Чудовский, который также должен был участвовать в составлении предисловия и оглавления для Син. 129. Им же проводилась редакция текста, которая проходила многоступенчато, к правке и вычитке текста по греческому он обращался неоднократно.

Итоговый перевод «Епитомий» в составе «Левенклавиева сборника», отраженный в Син. 129, соответствует языковым установкам, выработанным чудовскими книжниками во второй половине XVII в. и характеризующим так называемый ученый церковнославянский. Однако после смерти Епифания Славинецкого Евфимий Чудовский продолжил работу по редактуре текста. Этот результат отражен в списке **Син. 226**. В нем «Епитомии» представлены отдельно от «Левенклавиева сборника», в составе которого Епифаний и совершил перевод труда Константина Арменопула. Известно также, что уже позже Евфимий Чудовский стремился создать полное собрание своих переводов церковных канонів. Завершением своего труда он считал собрание, представленное в рукописях Син. 223, 224, 225, 226 [\[2, с. 300\]](#), по филиграммам датируются не ранее 1681 года [\[10, с. 99-101\]](#). Последний текст, помещенный в Син. 226, – «Епитомии». Для дальнейшего исследования важно именно то, что текст «Епитомий» в Син. 226 представлен отдельно от «Левенклавиева сборника», таким образом перевод приобретает независимость от сборника и расценивается как самостоятельный текст.

Рассмотренный материал позволил выделить общее и различное в переводческих

техниках Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского.

I

Черты архетипа перевода, отраженного в черновике Епифания Славинецкого Усп. 91, проявляются на разных уровнях. Так, фиксируются орфографические регионализмы, характерные для украино-белорусского извода церковнославянского:

1.1. Спорадическая мена **ѣ** – **и** которая может становиться более устойчивой в отдельных лексемах (свѣдѣтель, свѣдѣтель – *свидетель*; формы мн.ч. мест. весь);

1.2. Смещение **и** и **ы** (съ биками – с *быками*, вина – *вина*);

1.3. Отражение отвердения **р**: раздрышити, раздрѣшити – *разрешить*. См. подробнее об этом [7].

На уровне лексики:

1.4. В церковной терминологии преобладают либо славянские лексемы (первое чтение – Усп. 91 и второе – Син. 129): причетникъ, а не клирикъ – *клирик*, служба, а не літѣргіа – *служба*, начальникъ, а не еѣархъ – *экзарх*, сщєнный, а не їерейскій – *священнический*, сщєнство, а не їерейство – *иерейство*, либо более адаптированные заимствования: мнихъ, а не монахъ – *монах*.

В большинстве примеров церковные термины в черновике Епифания переводятся славянскими аналогами и подвергаются грецизации на более поздних этапах работы с текстом.

1.5. Актуализация употребления отдельных слов (презь – *через*) и значения лексем (урѣдъ – *власть*) украинским и польским языками. Приведем примеры контекстов:

презь: ѣ ѣрнѣсіхрїстоу діа βίου προσκλαίετω – хрїстоѣверженникъ *през* житіє да плачетсѣ (Усп. 91, л. 49) – хр҃то отметникъ *през* (рукой редактора – *чрез*) *житіє* да приплачєствѣть (Унд. 40, л. 190) – хр҃тометникъ *чрезъ житіє* да приплачєствѣть (Син. 129, л. 62) – *отвергший Христа в течение жизни плачет*.

урядъ: ѣффікіов ѣхων діаконос – власть (урѣдъ) имѣѣ діаконъ (Усп. 91, л. 23 об.) оффікіоѣ (чинъ) имѣѣ діаконъ (Син. 129, л. 38) – *диакон, имея чин / должность*.

В грамматике:

1.6. Для выражения посессивного значения активно используются притяжательные прилагательные, а не gen. possessivus: ѣ мѣν τѣѣποστόλων канѣν – *апѣское* ѣбо правило (Усп. 91, л. 3) – *апѣлѣвъ* ѣбо правило (Син. 129, л. 19) – *апостольское правило*.

1.7. Несмотря на отсутствие в греческом языке дуалиса, эти формы в черновике Епифания преобладают в рамках контекстов со свободным и связанным двойственным числом, то есть при фиксации парных предметов и существительных с числительным два: ѣѣ мѣ τѣѣхѣрас ѣκτείνων – *ещѣнеѣ* простираѣ (Усп. 91, л. 40 об.) – *ещѣ неѣки* простираѣ (Син. 129, л. 54) – *не простирая руки*; δύο τѣν катήχουμένων ѣσαν τάξεις – два ѣглашенныхъ бѣста чина (Усп. 91, л. 43) – два ѣглашаемъбыша чини (Син. 129, л. 56) – *два оглашенных чина*.

Как известно, Мелетием Смотрицким в Грамматике 1619 г. были собраны остатки дв.ч. в

полноценные парадигмы с дифференциацией родовых и падежных форм у разных частей речи, что сохранилось и в переиздании 1648 года. Помимо самих форм Грамматика дает указания на необходимость согласования существительного и глагола, поэтому дуалис представлен в ней на уровне действующего морфологического средства [11, с. 52].

Таким образом, в данном случае приоритетными для Епифания были грамматические правила, а не устройство греческого языка. Для редактур Евфимия отказ от дв.ч. в пользу мн.ч. говорит об обратном – точная передача греческого текста была важнее грамматической традиции церковнославянского.

1.8. Изредка фиксируется отделяемая от глагола частица с□, появление которой может либо быть грамматическим архаизмом для XVII в. [5, с. 192-193], либо подкрепляться грамматикой польского и юго-западных диалектов украинского языка [4]: да съпричет же с□ (Усп. 91, л. 7) – да счисляется же (Унд, 40, л. 13) – да съчисл□етс□ же (Син. 12 л. 22).

1.9. Отражение а-экспансии в мн.ч. м.р. и ср.р. Например, □спер □ν λαχάνοις – □ко в зелѣахъ (Усп. 91, л. 51 об.) – □кѡже въ зелѣихъ (Син. 129, л. 64 об.) – *как в зельях*.

II

Можно выделить общие черты языка Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского, характерные для ученого церковнославянского. К ним в первую очередь относятся те позиции, которые не подвергались серьезной правке и особой языковой рефлексии, т.к., видимо, в их отношении были выработаны способы перевода предыдущей традицией. Они относятся в первую очередь к синтаксису, который в рассматриваемый период часто оказывается наиболее устойчивым. Например, как отмечают исследователи, на синтаксическом уровне проста мова может быть вообще не противопоставлена церковнославянскому языку [12, с. 389].

2.1. Одинарное отрицание, соответствующее синтаксису греческого текста. Разночтения в рукописях могут заключаться только в том, к какому слову относится отрицательная частица. Отличия Унд. 40 и Син. 129 от Усп. 91 объясняются более точным воспроизведением порядка слов оригинала в тексте: γόνυ τίς μὴ κλινέτω – кол□нада не кто приклон□ет (Усп. 91, л. 54) – кол□на ктода не клонит (Унд. 40, л. 214) – кол□на кто да не клонит (Син. 129, л. 67) – *колени никто пусть не приклоняет*; □μὴ ὑπὸ □πισκόπου προαχθε□ς ̱ епсѣа не произведень (Усп. 91, л. 24 об.) – не ̱ епсѣа произведень (Син. 129, л. 38 об.) – *произведен не епископом*.

2.2. Передача инфинитивных конструкций, таких как субстантивированный инфинитив и accusativus cum infinitivo. Первая из них встречается 26 раз, а субстантивированный accusativus cum infinitivo – 7, и на всех этапах в славянском тексте обнаруживается полная калька еже + inf., известная уже с древнейших славянских переводов [1, с. 375].

Субст. инфинитив: ε□ς τ□ □ναγινώσκειν – въ еже чести (Усп. 91, л. 31 об.) – въ еже читат (Син. 129, об. л. 45); *Субст. асс. cum inf.*: О□ πολλο□ ~~οἱ~~ τ□ μὴνητεῖαν ἐν Σαββάτῳ γίνεσθαι, о□δ□ γόνυ κλίνουσιν – мнози жеза еже пост□ в суббот□ не бывати, ни же кол□но преклон□ю□ (Усп. 91, л. 54) – за еже пост□ в савват□ не бывати (Унд. 40, л. 214) – мнози же, за еже пост□ в савват□ не бывати, ниже кол□но клон□тъ (Син. 129, л. 67).

Однако отдельно нужно отметить общие тенденции в узусе книжников, которые в силу

разных причин реализуются неодинаково.

2.3. Принцип поморфемного перевода, калькирование греческих слов и введение в текст композитов по аналогии с составными словами греческого языка характерны для узуса и Епифания Славинецкого, и Евфимия Чудовского, однако именно последним они реализуются наиболее точно и педантично. Если в переводе Епифания намечаются эти тенденции, их доработка и финальное видение принадлежит Евфимию. Например, относительно черновика уточняется перевод многих композитов (первое чтение – Усп. 91, второе – Син. 129): κλεψίγαρος – бракокрадец – крадобрачник – *тот, кто ищет любви вне брака*; ἡμιβλῶθριδιᾶ – изверготворное – извергователное – *абортирующее средство*, где ἡμιβλῶ – *прерывать, изгонять* + 2 форманта: -ιδιον и -θρο. Или вводится композит для несоставного слова в черновике: κυνήγιον – ловитва – пселовитва – *песья охота*.

2.4. Лексические грецизмы вводятся в текст обоими книжниками, но отношение к ним не совсем одинаково: если Епифаний зачастую предпочитает их для редких лексем (первое чтение – Усп. 91, второе – Син. 129): ἀπολόγιον – епїлохїонъ – породинное; νεφροδίκται καὶ γυτέυτα, καὶ φυλακτήριοι – нефодїкти, гтекти, и флакτїри – блакогонитє чаровници, и хранителнїи; περβερεταῖος – їпервереть – ктоврїй; χρυσοβούλλον – хрсовлонъ – хрсовлѡъ, то для Евфимия в целом грецизация текста становится ведущим принципом редактуры, охватывающим самые разные типы слов (см. пункт 1. 4.) Он также расширяет комментирующий уточняющий инструментарий за счет грецизмов в глоссах.

2.5. В черновике Епифания появляются варианты, актуализированные простомовным узусом (востанїе – в значении *воскресение*, костьрствовати – *играть в кости*), но активнее они вводятся в текст при редактуре, которая, по всей видимости, могла совершаться через призму понимания авторства перевода.

В грамматике:

2.6. Использование указательных местоимений той, та, тое в качестве местоимений 3-его лица для перевода греч. αὐτός намечается уже в черновике Епифания, но расширяется. Например, в 1-ой главе для 42-х контекстов с разными формами мест. αὐτός в черновике только в 11 случаях Епифаний обращается к формам мест. той, в Син. 129 – их становится 27: ἐν αὐτοῖς χρόνιζέτω – въ нихъ времѣнѣхъ (Усп. 91, л. 9) – в тыхъ да временствуеть (Син. 129, л. 24 об.) – *в них продолжается / пребывает*.

Евфимий также вводит четкое различие греч. αὐτός, οὗτος, и ὁκεῖνος. Для ὁκεῖνος последовательно прослеживается связь с местоимением онъ, однако не на всех этапах работы с текстом. Например, в рамках 1-ой главы из 16-ти контекстов с греч. мест. ὁκεῖνος в разных формах в черновике Епифания 11 примеров соответствует указанному распределению (5 – нет), тогда как в Син. 129 это касается всех 16 контекстов: ἐπὶ δὲ τῇ ἐπαρχίᾳ ἐπὶς μόνος ἐπίσκοπος κατελείφθηκεν παρὰ τὸν μητροπολίτου κληθεὶς – *аще ꙗкой епархїи единъ самъ епїскопъ остависѣ той митрополїта званъ* (Усп. 91, л. 3 об.) – *аще же нѣкой епархїи единъ самъ епїпъ встависѣ и онъ митрополїта званъ* (Син. 129, л. 19 об.) – *если же в какой-либо епархии сам епископ оставит (пост), и он зван митрополитом*. Подобное распределение было отмечено И.В. Вернер для перевода Нового Завета, ключевой работы чудовских книжников [2, с. 33].

2.7. Унификация форм компаратива прилагательных с помощью маркирующего эту форму средства **-ш-** была начата в черновике. Однако в Син. 129 она расширяется и на

наречия, что позволяет унифицировать формы компаратива вообще: *πρεσβύτερα* – древншй (Усп. 91, л. 1 об.) – старїи > старшїй (Унд. 40, л. 3 об.п.) – старшеи (Син. 129, л. 17 об.); *εὐχέρεστερον* – удобнѣе (Усп. 91, л. 53) – удобнѣе (Унд. 40, л. 210) ѡдобнше (Син. 129, л. 66).

III

Черты, свойственные редактуре Евфимия Чудовского, также можно отметить на каждом уровне, например, в орфографии:

3.1. Написание нарицательных слов, а также имен и топонимов в соответствии с греческим, зачастую граничащее с транслитерацией (первое чтение – Син. 129, второе – Усп. 91): *σάββατον* – саввата, а не сѡббота; *γράμμα, ἀτος* – граммоти, а не грамоти, *ἰουστινιανουπόλεως* – їѡстїанополѣ, а не їѡстїїанограда; *Ρώμη*, а не Римѣ. Известно тому же, что для Евфимия Чудовского и его учеников было характерно написание *Ρώμη* [9, с. 74].

В лексике:

3.2. Тенденция к закреплению славянского эквивалента за определенной греческой лексической единицей или ее отдельного специфического значения. Это же касается не только лексем, но и корней, основ. Расширяется фиксация элементов, употребление которых может быть подкреплено простомовным узусом: *λύη*, *δύνη*, *χρυσός*. В значительной части примеров это объясняется стремлением расподобить разные греч. лексемы или их варианты: *δύνη* – *δύνη* – в значении *могущество*, *δύνη* и *βία* – *насилие*; *δὴ χρυσοῦ* – за *злото* и *χρυσίον* – за *злото*.

3.3. Евфимий Чудовский осуществляет поиск стилистически более книжных или нейтральных вариантов (первое чтение – Усп. 91, второе – Син. 129): *ζωή* – *житїе* – *жизнь*; *βρῆμα* – *ѡдь* – *еда*; *κρομμύδα* – *ломленїа* – *куски*.

В грамматике:

3.4. Отказ от форм дуалиса, которые не соответствуют греческому языку, несмотря на то, что в нескольких контекстах чтения с дв.ч. сохранились из архетипа перевода, в большинстве примеров они подвергались правке, см. пример в пункте 1. 7.

3.5. Выражение значения притяжательности зачастую отталкивается от особенностей греческого языка, в котором нет притяжательных прилагательных, а ^поссесивное значение выражается преимущественно формой род.п.: *ἐκκλησίᾳ πόλεως* – *ѡцрквѣ градстѣи* (Усп. 91, л. 16 об.) – *ѡцркѣи града* (Арханг. Д. 434, л. 46) – *ѡцркѣи града* (Син. 129, л. 31).

3.6. Если в черновике Епифания греческие глаголы зачастую переводятся хаотично без строгой привязки к грамматической категории времени (особенно в контекстах предписательного характера), то правка Евфимия нацелена на соблюдение соответствия форм славянского и греческого глаголов: форма греч. гл. в fut. – слав. глагол сов. в. наст. вр. в значении буд., форма греч. гл. в praes. – слав. гл. несов. в. (первое чтение – Син. 129, второе – Усп. 91): *παίδευέσθω* – да накажетсѣ (л. 10) – да наказѣетсѣ (л. 25); *μετακαλεῖσθωσαν* – призовѣтсѣ (л. 12 об.) – призываютсѣ (л. 27 об.); *συμφωνοῖεν* – согласѣтсѣ (л. 12 об.) – съгласѣютсѣ (л. 27 об.); *αφορίζέσθω* – ѡлѣчитсѣ (л. 12 об.) – ѡлѣчается (л. 27 об.).

Выводы

Подводя итог, можно констатировать, что лингвистические ориентиры и сами методы перевода Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского неодинаковы, во всяком случае в отношении работы над «Епитомиями» Константина Арменопула. Основа идиолекта Епифания берет свое начало в украинско-белорусском изводе церковнославянского языка, что особенно отчетливо удастся проследить в архетипе перевод «Епитомий». Для черновика Епифания зачастую важнее оригинала оказывается обращение к языковым установкам, заданным грамматиками славянского языка. Главный ориентир Евфимия Чудовского – это греческий язык и текст оригинала. В тех позициях, когда выбор языкового средства находится в сфере исключительно церковнославянского у московского справщика можно отметить большее внимание к рекомендациям грамматик.

Задача редакторской работы Евфимия заключается, во-первых, в устранении значительной части региональных элементов, не соответствующих московской норме церковнославянского языка, а во-вторых и в главных – в собственно грецизации на разных уровнях. Однако редакция Евфимия не ограничивается одним лишь осмыслением специфики греческого текста: в одних случаях оказываются значимыми чтения первичной работы Епифания, а в других можно увидеть отталкивание от черновика и введение противоположных вариантов.

«Епитомии» Константина Арменопула переводились в переломный для православия в России исторический период, когда особенной могла ощущаться потребность в переводных церковно-юридических текстах. При этом анализ языка говорит о том, что редактор видел своей задачей именно очередь филологическую работу, так как работа над текстом была осуществлена не с ориентацией на возможного читателя (только если этот читатель не был превосходным знатоком греческого), а исходя из принципа буквализма.

Библиография

1. Авдеева Д. Б. Некоторые синтаксические особенности в тексте южнославянского перевода Жития Андрея Юродивого. Велико Търново : Търновска книжовна школа, 2007. – Т. 8. – С. 371–382.
2. Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А. Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.; СПб. : Институт российской истории РАН; Российский государственный архив древних актов; Центр гуманитарных инициатив, 2017.
3. Вернер И. В. Местоимения той, тая, тое в церковнославянском переводе Нового Завета Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (1670–1680-е годы) // Славяноведение. – М. : ИСЛ РАН, 2023. – № 4. – С. 31–46.
4. Гриценко. П. Е. Південно-західні наріччя // Українська мова: Енциклопедія. — Киев : Українська енциклопедія, 2000. Электронное издание: <http://litopys.org.ua/ukrmova/um159.htm> (дата обращения: 22.04.2024.)
5. Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М. : Языки славянских культур, 2008.
6. Исаченко Т. А. Новый Завет в переводе иеромонаха Чудова монастыря Епифания Славинецкого последней трети XVII в. (Особенности перевода и языка) / М. : Вопросы языкознания, 2002. – Вып. 4. – С. 73–92.
7. Иванова Е. В. Орфографические регионализмы в переводе «Епитомий» Епифания Славинецкого // М. : Вестн. Моск. ун-та. – Серия 9. Филология, 2024. – № 2. – С. 87–96.
8. Истомин Г. И. Описание рукописей Успенского собора. М. : ЧОИДР, 1895. – Кн. 3, отд. 2.
9. Пентковская Т. В., Бабаева Е. Э. Перевод Корана Петровской эпохи. М. : МАКС Пресс, 2022.

10. Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Ч. 1 : № 557–819. М. : Гос. ист. музей ; составила Т. Н. Протасьева, 1970.
11. Ремнева М. Л., Николнекова Н. В. Двойственное число в церковнославянских текстах переходного жанрового характера (конец XVI–XVII век) // М. : Вестн. Моск. ун-та., 2015. – № 1. – С. 50–61.
12. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М. : Аспект Пресс, 2002

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Еще раз о переводческих принципах Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (на материале «Епитомий»)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к проблематике изучения переводов, выполненных чудовскими книжниками во второй половине XVII века и в частности Епифанием Славинецким, являющимся деятелем русской церкви XVII века и его учеником Евфимием Чудовским. Изучение текста переводов представляет интерес и с лингвистической, и с текстологической точки зрения, так как позволяет точнее составить картину не только о деятельности переводчиков того времени, но и об истории развития русского литературного языка того периода. Кроме того, важным является возможность выделения методики работы с переводимыми текстами, особенности поиска более точного перевода, а также выделить лексико-грамматические особенности переводов Чудовской книжной школы второй половины XVII в. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основными методами явились контент- анализ, логико- семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы.

Практическим материалом исследования послужили как самые ранние обнаруженные списки «Епитомий», так и более поздние (вплоть до конца XIX – нач. XX вв.).

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем, так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников, что не позволяет в полной мере оценить авторский вклад. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом на греческом и русском языках периода создания исследуемого текста. Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых представлены научные труды отечественных исследователей и работа на украинском языке.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации по данной и смежной тематике.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым понятным читателю языком, хорошо структурирована, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены.

Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Еще раз о переводческих принципах Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (на материале «Епитомий»)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Кузина М.А. Роль заимствований с национально-культурным компонентом значения в пополнении класса этимологических дублетов в современном английском языке // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70592 EDN: QRPFMZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70592

Роль заимствований с национально-культурным компонентом значения в пополнении класса этимологических дублетов в современном английском языке

Кузина Марина Анатольевна

ORCID: 0000-0003-3359-3378

доктор филологических наук

доцент, кафедра фонетики и лексики английского языка им. В.Д. Аракина; кафедра английского языка и профессиональной коммуникации, Московский педагогический государственный университет, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

119571, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 88, ауд. 607

✉ kouzina-marina@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70592

EDN:

QRPFMZ

Дата направления статьи в редакцию:

23-04-2024

Дата публикации:

30-04-2024

Аннотация: В статье подробно рассматриваются заимствования из автохтонных языков Южной Азии и региональных вариантов английского языка в английский язык внутреннего круга (в рамках концепции концентрических кругов Бр. Качру) – ayah, baboo / babu, baksheesh, feringhee / feringhi / ferinji / firanghi, gooroo / guru, maharaja / maharajah, maharani, maharishi, mahatma, mandarin, mantra, pagoda – и их роль в расширении дублетности в современном английском языке. Актуальность проведенного исследования обусловлена существенной активизацией процесса заимствования из

автохтонных языков постколониального пространства и английского языка внешнего круга в современный плюрицентрический английский язык в связи с возросшей мобильностью населения, процессом диспатриации, ростом числа билингвов, расширением контактов носителей разных языков и представителей разных культур. В ходе исследования были задействованы следующие методы: сплошной выборки, статистический, описательный – с целью определения роли заимствований с национально-культурным компонентом значения в пополнении этимологических дублетов. Основными выводами проведенного исследования являются следующие положения. Среди условий образования этимологических дублетов выделяются обязательные (этимологическое сходство, т.е. возведение к одному и тому же этимону: *awo-; *bhag-; *gwere-; *meg-; *men-; *pæter-; *preng-, *pregn-; *ten-;) и дополнительные (допустимая графическая, фонетическая, морфологическая вариативность и семантическое тождество). Изучение эмпирического материала позволяет выделить тенденции к максимальной дивергентности составляющих этимологических дублетных пар, к увеличению числа употреблений заимствований с национально-культурным компонентом значения в связи с развитием полисемии, усилением словообразовательного потенциала, становлением синтагматических связей и включением в парадигматические отношения. На примере этимологических дублетов можно проследить формальную (преимущественно фонетическую) и функциональную (преимущественно семантическую) эволюцию слов-прототипов в языках-донорах.

Ключевые слова:

заимствование, национально-культурный компонент значения, этимон, автохтонные языки, плюрицентрический английский язык, этимологический дублет, этимологический триплет, этимологический квадропплет, тождество семантического содержания, фоно-морфологические различия

Введение

Объем словарного состава английского языка достигает одного миллиона единиц; в печатных изданиях авторитетных лексикографических изданий зарегистрированы 616 500 заголовочных слов («Oxford English Dictionary»), 470 000 («Webster's Third New International Dictionary») [\[5, 7, 11\]](#). В качестве сравнения можно привести статистические данные по охвату словарного состава литературных форм русского, немецкого и французского языков: «Большой академический словарь русского языка», работа над которым ведется с 2004 года и в настоящий момент отражена в 23 томах, ориентировочно охватит 150 000 заголовочных слов, самый большой словарь немецкого языка включает около 200 000 слов, максимальный объем словаря французского языка достигает 150 000 слов [\[7\]](#).

К универсальным внутренним тенденциям развития языковых систем относятся: тенденция к выражению разных значений разными формами, тенденция к выражению одинаковых значений одной формой, тенденция к избавлению от избыточности (или тенденция к экономии), тенденция к употреблению более экспрессивных форм, тенденция к устранению форм, утративших свою исконную функцию или имеющих малую семантическую нагрузку и др. Несмотря на панхронический характер тенденции к избавлению от избыточности английский язык сохраняет значительный пласт синонимов, что объясняется их активным использованием в текстах разной функциональной

направленности в составе стилистических средств (аллитерации, ассонанса, эпитетов, метафор и др.) [\[1, 3, 4\]](#).

В связи с активизацией процесса заимствования из автохтонных языков бывших колоний (в особенности, из группы индоарийских языков) и региональных вариантов английского языка (в рамках плюрицентрического английского языка) в английский язык бывшей метрополии (в частности, в британский и американский территориальные варианты) актуальным представляется рассмотрение пополнения класса этимологических дублетов.

Определенная научная новизна предпринятого исследования объясняется незначительным числом диссертационных исследований, объектом которых являются этимологические дублеты в английском языке: Е. Ф. Дмитриева «Этимологические дублеты латино-французского происхождения в современном английском языке» (1954), Фадеев В. И. «Этимологические дублеты общего происхождения в английском и русском языках» (1970), Никитина М. А. «Этимологические дублеты в истории английского языка (к проблеме тождества слова» (1985), Царевская И. В. «Этимологические единицы общего происхождения: лексико-семантический аспект исследования: на материале русских и английских языков» (2006). Теоретические аспекты дублетов на всех языковых уровнях исследуются в докторской диссертации Иванова А. В. «Метаязык фонетики и метрики» (2005); некоторые проблемы этимологической дублетности в немецком языке и во французском языке разрабатываются соответственно в диссертациях Машихиной Е. В. (2004), Кочуровой Ю. И. (2010), Морару Л. И. (1984).

Круг проблем, непосредственно связанных с дублетностью, включает: взаимосвязь трех видов тождества языковых единиц (актуального, исторического, этимологического), варьирование слова при условии сохранения его тождества самому себе, роль заимствования в сохранении или нивелировании тождества лексической единицы, градации фонетической и семантической дивергенции и др. [\[2\]](#).

Задачами проведенного исследования являются: выявление этимологических дублетов, возникших в результате контактов носителей английского языка и носителей индоарийских (индийских) языков; определение дистинктивных признаков новых дублетных пар; установление динамики их использования в современном английском языке (в частности, в художественной литературе и периодических изданиях).

В ходе исследования были задействованы следующие методы: метод сплошной выборки (при отборе эмпирического материала), статистический метод (при классифицировании и отслеживании динамики использования этимологических дублетов в текстах), описательный метод (при оценивании дистинктивных признаков новых этимологических пар).

Материалом исследования послужила картотека этимологических дублетов (и квадроуплетов), включающих заимствования с национально-культурным компонентом значения (15 единиц), отобранных методом сплошной выборки из словарей общей лексики английского языка.

Полученные результаты и их обсуждение

Теоретический анализ научных работ по проблемам этимологической дублетности в английском, русском и французском языках (М. С. Айрапетян (1953), Е. Ф. Дмитриева (1954), В. И. Фадеев (1970), М. О. Никитина (1985), И. В. Царевская (2006) и др.) позволяет определить этимологические дублеты как лексические единицы, восходящие к общему корню, общей основе, одному и тому же слову (как цельнооформленной

лексеме) и имеющие разную степень звуковой (фонематической или фономорфологической) и семантической дивергентности. Этимологическое тождество является необходимым и достаточным условием для отнесения лексемы к классу этимологических дублетов [\[2\]](#).

Этимологическая таксономия дублетных единиц подразумевает выделение трех случаев взаимодействия исконного и(ли) заимствованного языкового материала: исконное слово – исконное слово, исконное слово – заимствованное слово, заимствованное слово – заимствованное слово.

Этимологическая дублетность (тип 1), включающая только исконный материал, является результатом целого ряда внутриязыковых изменений и включает десять подтипов [\[10, с. 405-406\]](#).

Подтип 1: усечение начального и(ли) конечного слога в слове: defence – fence; cad – cadet;

Подтип 2: чередование корневого гласного звука: clench – clinch; preen – prune;

Подтип 3: чередование согласного звука: dike – ditch; wake – watch;

Подтип 4: изменение места ударения в слове: a – one; gentle – genteel;

Подтип 5: метатеза: through – thorough; worked – wrought;

Подтип 6: возрождение устаревшей формы: fancy – fantasy;

Подтип 7: использование разных флексий: mead – meadow; shade – shadow;

Подтип 8: орфографическая вариативность, при которой взаимозаменяемые написания слов начинают использоваться как разные слова: travail – travel;

Подтип 9: использование каузативной формы глагола как самостоятельной единицы:

Подтип 10: использование дублетной формы множественного числа как самостоятельной единицы: brother (ед.ч.) и brothers/brethren (мн. ч.) > brothers – brethren; penny (ед.ч.) и pennies/pence (мн. ч.) > penny – pence.

Этимологическая дублетность (тип 2) является результатом взаимодействия заимствованных (преимущественно из скандинавских, или северогерманских, языков) и исконных единиц и включает пять подтипов с характерными чередованиями согласных и гласных звуков [\[10, с. 403-405\]](#).

Подтип 1 с чередованием [sk > ʃ]: skirt – shirt; scatter – shatter

Подтип 2 с чередованием [g > j]: garth – yard; guild – yield

Подтип 3 с чередованием [k > tʃ]: kist – chest

Подтип 4 с чередованием [g > ɟ]: egg – edge

Подтип 5 с чередованием [ei > ou]: hail – whole, nay – no

Также к этому типу дублетности относятся пары из латинского заимствования и исконного слова без поддающих систематизации звуковых чередований: eatable – edible, foam – spume, kin – genus, mother – mater, naked – nude, nine – noon, thin –

tenuous, thole – tolerate.

Этимологическая дублетность (тип 3) является результатом взаимодействия заимствованных и исконных единиц и включает две большие группы с несколькими подтипами в каждой [\[6, с. 164-165; 10, с. 403-405\]](#).

Группа 1 состоит из асинхронных заимствований из одного и того же языка; сюда относятся

Подтип 1 включает галлицизмы, соотносимые с XI-XIV вв. и XV-XVII вв.; они характеризуются типичными чередованиями [k > tʃ] и [w> g]: canal – channel, catch – chase, cattle – chattel; wage – gage, warranty – guarantee, warden – guardian.

Подтип 2 представлен латинизмами, соотносимыми с периодами до XIV в. и после XVI в.: camp – campus, cross – crux, devilish – diabolical, inch – ounce, plum – prune, street – stratum.

Группа 2 включает асинхронные и синхронные заимствования из разных языков.

Подтип 1 представлен парами из латинских и французских заимствований: abbreviate – abridge, amicable – amiable, balsam – balm, camera – chamber, florid – flowery, legal – loyal, pauper – poor, potion – poison, pungent – poignant, regal – royal, secure – sure, strict – strait, wine – vine, zealous – jealous.

Подтип 2 включает пары из галлицизмов и итальянизмов: brave – bravo, flask – fiasco, porch – portico.

Подтип 3 состоит из пар слов, заимствованных из французского и испанского языков: army – armada, charge – cargo, musket – mosquito.

Подтип 4 иллюстрирует результаты заимствования из греческого и французского языков: basis – base, cathedral – chair, deacon – dean, papyrus – paper, paralysis – palsy.

Подтип 5 представлен заимствованиями, для которых языками-донорами являются индоевропейские языки и языки других языковых семей: zero – cipher.

Более редкими случаями функционирования в английском языке группы слов, объединенных общностью происхождения, являются триплеты, квадроуплеты и квинтиплеты; выборка их типичных примеров представлена в таблице 1 (Примечание: сокращение ПИ в таблице 1 обозначает праиндоевропейский).

Таблица 1

Этимологические триплеты, квадроуплеты и квинтиплеты в английском языке

Этимологические триплеты			
Латинский язык-донор	Старо-французский язык-донор	Ново-французский язык-донор	Примечания
captain (XIV в.)	chief (XIV в.)	chef (XIX в.)	от этимона *kaput (ПИ) со значением «голова»
candle	chandler	chandelier	от этимона *kand (ПИ) со значением «светить»

(до XI в.)	(XIV в.)	(XVIII в.)		
Этимологические квадропплеты				
Латинский язык-донор	Старо-французский язык-донор	Новофранцузский язык-донор		Примечания
cant (XVIII в.)	chant (XVII в.)	chantey/chanty (XIX в.)	shanty (XIX в.)	от этимона *kan (ПИ) со значением «петь»
gentile (XV в.)	gentle (XIII в.)	genteel (XVI в.)	jaunty (XVII в.)	от этимона *gene (ПИ) со значением «давать рождение»
Этимологические квинтипплеты				
Латинский язык-донор			Французский язык-донор	
discus (XVII в.)	dish (XII в.)	desk (XIV в.)	dais (XIV в.)	disk (XVII в.)
Примечание: от этимона *deik (ПИ) со значением «показывать и торжественно произносить»				

Заимствования из автохтонных языков Южной Азии или региональных вариантов английского языка в английский язык внутреннего круга (в рамках концепции концентрических кругов Бр. Качру) – **ayah, baboo/babu, baksheesh, feringhee/feringhi/ferinji/firanghi, gooroo/guru, maharaja/maharajah, maharani, maharishi, mahatma, mandarin, mantra, pagoda** – пополняют описанные выше типы 2 и 3 этимологической дублетности.

Взаимодействие заимствованных и исконных единиц (тип 2) представлено единственной парой этимологических дублетов: **father** (исконное слово со значениями «отец; родоначальник; предок» от праиндоевропейской основы *pāter- со значением «отец») vs. **baboo/babu** (заимствование XVIII века из хинди со значением «обезличенное обращение к пожилому или уважаемому мужчине»; слово может быть возведено от праиндоевропейской основы *pāter- со значением «отец»).

«Оксфордский словарь английского языка» регистрирует 10 значений лексемы **father**, которые можно суммировать следующим образом: 1) мужчина по отношению к своим детям (чаще) и самец по отношению к своим детенышам (реже); 2) отец небесный (в религиозных контекстах); 3) люди предшествующих поколений, прародитель; 4) люди у власти, покровители; 5) патриций в Древнем Риме; 6) обращение к пожилому мужчине или к мужу как отцу своих детей (в просторечии); 7) духовник, духовный отец; 8) родоначальник или основоположник чего-либо, а также исходный образец чего-либо; 9) человек, которые по-отечески заботится о более молодых, слабых, неопытных; 10) профессор Кембриджа и (реже) Оксфорда, особенно который сопровождает студентов при поступлении и окончании вуза [\[13\]](#).

Данное исконное слово отличается высокой частотностью употребления - оно входит в 500 наиболее употребительных слов английского языка и имеет 100-1000 случаев употреблений на миллион слов (по классификации, принятой «Оксфордским словарем

английского языка», данная частотность соотносится с группой 7, причем группа 1 содержит слова с самой низкой частотностью, а группа 8 – с самой высокой частотностью). Наименее частотным являются исторические и узкоспециализированные значения; примечательно, что **father** редко используется в разговорной речи при обращении детей к отцу – распространенными словами-заместителями для **father** являются: *daddy, dad, papa, pa, pop(s)*; например, Кейт Мидлтон, принцесса Уэльская, в интервью прессе упоминала, что дети называют Уильяма Артура Филиппа Луи, принца Уэльского, просто “pops”: «To most, Prince Williams is known as “His Royal Highness”. But to Prince George and Princess Charlotte, he’s simply “Pops” <...> Season ticket holder Fiona Sturgess told reporters, “Kate said that William was playing football with the children last night and one of them said, I think it was George, ‘Are you playing football tomorrow, Pops?’» [\[14\]](#).

Корень **-father-** характеризуется высокой словообразовательной активностью: в древнеанглийский период он присоединял суффиксы *-en, -ly* и *-less*: **fatheren, fatherly, fatherless**; в новоанглийский период в результате аффиксации было образовано прилагательное **fathered** (1543) и существительные **fatherhood** (1393), **fathership** (1482), **fathering** (1549), **fatherlessness** (1571), **fatherlike** (1500), **fatherliness** (1546). Образованный в результате конверсии глагол **father** отличается умеренной частотностью (2 употребления на миллион слов), что, в определенной степени, может объясняться его многозначностью. Свыше двух десятков композитов (со слитным написанием, раздельным написанием, написанием через дефис) вошли в состав новоанглийского языка: **father-breeder** (1624), **Father Christmas** (1646), **father complex** (1910), **father-dust** (1728), **father figure** (1916), **father-fixated** (1934), **father fixation** (1916), **Father-forger** (1624), **Father General** (1581), **fatherhead** (1384), **father image** (1912), **father-imag** (1913), **father-in-law** (1749), **fatherkin** (1405-1839), **fatherland** (1275) с последующими аффиксальными образованиями **fatherlandish** (1832) и **fatherlandless** (1870), **father-lasher** (1673), **father-long-legs** (1742), **father right** (1899), **father-rule** (1888), **Father’s Day** (1908), **father-substitute** (1917), **father-surrogate** (1916).

Одно из суффиксальных образований и 8 композитов, образованных с начала древнеанглийского периода по 1920-е гг. относятся к категории «устаревшие» в современном английском языке: **fatheren** (др.-англ.), **father-age** (1596-1633), **father-better** (1645-1705), **father-brother** (1382-1681), **father-law** (1445-1888), **father-queller** (1440-1641), **fathersick** (1748-1923), **father-sister** (1387-1672), **father-waur** (1500-1600) [\[13\]](#).

Заимствование **baboo/babu** фиксируется «Оксфордским словарем английского языка» в следующих значениях: господин (как обращение) или индийский дворянин (это также отражено в словаре Г. Юла и А.К. Бернелла: «properly a term of respect attached to a name, like Master or Mr., and formerly in some parts of Hindustan applied to certain persons of distinction»); клерк-индеец, получивший образование в английской школе и владеющий английским языком (это также объясняется в словаре Г. Юла и А.К. Бернелла: «a native clerk who writes English») [\[21, с. 72\]](#).

В первом из указанных значений заимствование чаще всего употребляется вместе с личным именем человека, но также может функционировать самостоятельно, особенно для обозначения сотрудника, отвечающего за определенный вид работы: «The broad-shouldered Mr Singh was a much-in-demand ‘tar babu’, a man in charge of the telegram desk» [\[16\]](#). Многие лексикографические источники указывают на негативную коннотацию **baboo/babu** при использовании во втором значении: «it is often used with a slight savour

of disparagement, as characterizing a superficially cultivated, but too often effeminate, Bengali» [21, с. 72]. Специализированное справочно-энциклопедическое издание П.К. Наяра «The British Raj: Keywords» фиксирует современные значения слова: офисный сотрудник в Индии; бюрократ, буквоед, волокитчик [12, с. 21].

Мишенью направленной критики становятся **Baboo English**, т.е. ломаная и напыщенная английская речь, и **White Baboos**, т.е. деевропеизированные английские офицеры, которые проживают в течение долгого времени среди местного населения полуострова Индостан [21, с. 73]. Образцы **Baboo English** с поучительными цитатами, выражениями для передачи излишней скромности и самоуничижения, множественными гиперболами, архаизмами и идиомами разбираются в целом ряде социолингвистических и стилистических работ. В частности, А. Райт в монографии «*Baboo English as 'tis Writ: Being Curiosities of Indian Journalism*» приводит много любопытных образцов подобной речи с вышеперечисленными характерными особенностями: «Honoured and much respected Sir, – With due respect and humble submission, I beg to bring to your kind notice that for a long days, I have not the fortune to pay you a respect, or not to have your mental or daily welfare, therefore my request that you will be kind enough to show me some mercy and thankfulness, by pending some few lines to your wretched son and thereby highly oblige» [20, с. 82].

Корень **-babu-** (совпадающий с основой лексемы **babu**, заимствованной в английский язык в 1763 г.) характеризуется относительно низкой словообразовательной активностью: в новоанглийский период в результате аффиксации от него было образовано два существительных: **babudom** (1870-е гг.) для обозначения бюрократической волокиты (преимущественно в Южной Азии) и **babuism** (1858) для обозначения типичных речевых ошибок (например, малапропизмов) в речи индийцев, владеющих английским языком [13]. Анализируемое слово отличается средней частотностью употребления – по классификации, принятой «Оксфордским словарем английского языка», данная частотность соотносится с группой 4 из 8 выделяемых групп).

Взаимодействие заимствований из разных языков (тип 3) представлено следующими парами этимологических дублетов:

1. **guitar** (заимствованное дважды в XIV и XVI веках из французского и испанского языков слово в значении «струнный музыкальный инструмент» от праиндоевропейской основы *ten- со значением «растягивать, тянуть») vs. **sitar** (заимствование XIX века из хинди в значении «музыкальный щипковый инструмент типа лютни», возводимое к слову-прототипу «sihtar» в персидском языке со значением «три вещи; три струны» и далее к праиндоевропейской основе *ten- со значением «растягивать, тянуть»); справедливо говорить о квадрофлексах в русском и английском языках: **кифара/cithara** (прямые заимствования из греческого языка) – **гитара/guitar** (заимствования итало-испанского происхождения) – **ситара/sitar** (заимствования из хинди) – **цитра/cittern** (прямые заимствования из немецкого языка);

2. **uncle** (заимствованное в XIV веке слово со значениями «дядя; дядька» от праиндоевропейской основы *awo- со значением «дедушка или родственник мужского пола помимо отца») vs. **ayah** (заимствование XVIII века из англо-индийского языка (Anglo-Indian) в значениях «служанка хозяйки дома; няня из числа местных жителей, воспитывающая детей в британской семье», которое может быть возведено к слову-прототипу «aia» в португальском языке, а далее к латинскому этиму и

праиндоевропейской основе *awo- со значением «дедушка или родственник мужского пола помимо отца»).

Заимствование **ayah** имеет ярко-выраженный национально-культурный компонент значения, так как его лексическое становление происходило при активном воздействии экстралингвистических факторов.

Во-первых, слово было заимствовано в английский язык внутреннего круга (по терминологии Бр. Качру) по следующей цепочке с несколькими языками-посредниками: *aidus* (латинский) в значении «помощник, ассистент» > *aia* (португальский) в значении «няня, гувернантка» > (местные языки Южноазиатского субконтинента) > *āyā* (англо-индийский) в значении «горничная, камеристка из числа местных жителей; няня или гувернантка из числа местных жителей» > *ayah* (английский язык внутреннего круга, а именно: британский английский) в аналогичном предыдущему этапу значении. Также особо оговаривается тот факт, что лексема **ayah** была заимствована из португальского языка в местные языки полуострова Индостан, так как португальцы основали колонии в Индии раньше англичан, в начале XVI века, а уже из местных языков слово перешло в английский язык британцев, служивших преимущественно в Ост-Индской компании, основанной в 1600 году.

Во-вторых, местные языки Южноазиатского субконтинента и португальский язык первых колонизаторов стали языками-источниками для многих других обозначений реалий эпохи Британского радж (1858-1947). В частности, **ayah** находится в ко-гипонимических отношениях с другим названием домашней прислуги, кормилицей детей англичан из числа местных жителей – **amma/ammah/amah**. Обозначение для женщины, кормящей грудью чужого ребенка, было заимствовано в английский язык по цепочке, сходной с цепочкой заимствования для **ayah**: *amma* (латинский) > *ama* (португальский) > (местные языки, в одном из которых – языке телугу – есть лексема *amma* с похожими фономорфологическими характеристиками) > *amma/ammah/amah* (англо-индийский) [\[13\]](#).

В-третьих, в современном английском языке **ayah** практически всегда сопровождается пояснительным комментарием: «She was one of hundreds, perhaps thousands of **ayahs** – Indian nannies (though the name came to refer to other nationalities too) who were brought to Britain by wealthy families as cheap travelling childcare between the 18th and mid-20th centuries» [\[16\]](#). Это может объясняться тем, что анализируемая лексема постепенно переходит в разряд историзмов; с одной стороны, на страницах современной периодики даже после 2000 года встречаются некрологи, посвященные аяя, которые за свою карьеру нянь воспитали значительное число британских детей: «She was a shining example of the conscientious and trustworthy 'ayah' – the Urdu word for the traditional children's nurse. By her own count, she cared for 19 children in her career, including three of ours» [\[16\]](#). С другой стороны, некоторые факты уходящей эпохи аяя запечатлены в литературе, искусстве, архитектуре и т.д.: в мемуарах (например, у Дж. Гранта в «First Love Last Love» (1868), у Ф.А. Стилз в «On the Face of the Waters» (1896) и др.) увековечен образ аяя как символа преданности местного населения Британской Индии английским семьям; в живописи сохранились целые серии картин, на которых аяя изображена вместе с другими членами английской семьи (например, у Дж. Рейнольдза «George Clive, Family and **Ayah**» (1765-66) и у Й. Цоффани «Colonel Blair with His Family and an Indian **Ayah**» (1786)); в 1897 году в Лондоне был построен Дом для аяя – в нем предоставлялись адекватные жилищные условия для нянь, которые пережили жестокое обращение в семьях или были уволены без выходного пособия, т.е. не имея средств к существованию или для покупки обратного билета на родину [\[12, с. 19-21\]](#).

К типу 3 также относится триплет: **Frank** (возводимый к нарицательному слову-прототипу **francus** и имени собственному **Frank** в древнеанглийском языке) vs. **French** (возводимый к прилагательному **frencisc** в древнеанглийском языке) vs. **feringhee** (с орфографическими вариантами **feringhi/ferinji/firanghi**), заимствованного по цепочке [латинизмы (или галлицизмы) **francus/Frank** > арабизмы **faranjī/firangī/al-firanj** или персизмы **farangī/firingī** > хинди **firaṅgī** или урду **firangī** > английский **feringhee**]. Три анализируемые единицы можно возвести к праиндоевропейской основе **preng-*, **pregn-* со значением «палка, шест; стебель, ствол» [13].

«Фиранги» (и его фонетические варианты: «фиринги» и «фаранги») и «ангрезии» (**angrezi**) справедливо рассматривать как синонимичные гиперонимы для обозначения иностранцев неазиатского происхождения на территории Малой Азии и Южной Азии, так как обе лексемы претерпели процесс расширения значения: обозначение племени или нации > обозначение иностранца, чужеземца, представителя «чужой» культуры. Примеры употребления **feringhee/feringhi/ferinji/firanghi** в художественной литературе и в периодической печати свидетельствуют о сопровождении данной лексики соответствующим авторским комментарием или интерпретирующим контекстом. В рассказе Т. Мэнди «The Soul of a Regiment» («Душа полка») (1912) фиранги отождествляется с употребляющим в пищу свинину и не исповедующим ислам англичанином: «He was told promptly that he was a liar; how came it that a **feringhee** – a pork-fed, infidel Englishman – should be allowed to live anywhere the Mahdi's long arm reached?» [15, с. 41]. В детективной повести А.К. Дойля «The Sign of the Four» («Знак четырех») (1890) в сцене, когда сикхи берут с англичанина Джонатана Смолла обещание хранить тайну об украденных сокровищах у индийского раджи лексема **feringhee** имеет положительную коннотацию, так как в понимании сикхов англичанин всегда держит слово: «The thing stands thus, sahib, and I tell it to you because I know that an oath is binding upon a **Feringhee**, and that we may trust you. Had you been a lying Hindoo, though you had sworn by all the gods in your false temples, your blood would have been upon the knife and your body in the water» [9, с. 167]. В романе А. Десаи «Baumgartner's Bombay» («Бомбей Баумгартнера») (1988) беженец из нацистской Германии Гуго Баумгартнер размышляет о своем полувековом пребывании в Индии: «In Germany he had been dark – his darkness had marked him *the Jew, der Jude*. In India he was fair and that marked him the **firanghi**. In both lands, the unacceptable» [8, с. 20]. В современных периодических изданиях на английском языке лексема может употребляться в нейтральных контекстах, обозначая иностранцев, граждан зарубежных стран: «There is also an important question of how far Indian writers in English have to compromise if they are writing primarily for a **firangi** audience» [16].

Также к одной и той же праиндоевропейской основе могут быть возведены следующие группы слов:

1. группа однокоренных слов с греческим корнем **-phage/phago** (например, **arphagia**, **esophagus**, **sarcophagus** и др.) vs. **baksheesh** – заимствование XVII века из персидского языка-донора со значениями «денежный подарок, вознаграждение; взятка»; **pagoda** – заимствование XVI века из персидского или тамильского языка-донора со значениями «многоярусное сооружение религиозного характера, являющееся хранилищем священных предметов»; все анализируемые лексические единицы могут быть возведены к праиндоевропейской основе **bhag-* со значением «делить на доли; получать свою долю»;

2. группа однокоренных слов с латинским корнем **-gravis** (например, **aggravate**, **aggrieve**,

gravity, gravitate, grief, grieve и др.) vs. **gooroo/guru** – заимствование XVII века из персидского языка-донора со значениями «денежный подарок, вознаграждение; взятка»; все анализируемые лексические единицы могут быть возведены к праиндоевропейской основе *gwere- со значением «тяжелый»;

3. группа однокоренных слов с латинским корнем **-magnus** (например, acromegaly, magistrate, magnate, magnitude, magnanimity, majority, maximum и др.) vs. **maharaja/maharajah, maharani, maharishi, mahatma** – заимствование XVII века из персидского языка-донора со значениями «денежный подарок, вознаграждение; взятка»; все анализируемые лексические единицы могут быть возведены к праиндоевропейской основе *meg- со значением «великий»;

4. группа однокоренных слов с греческим корнем **-mneme** (например, aphagia, amnesia, amnesty, anamnesis, comment, mania, mentor, mind, mnemonic, money, monitor, monster, mosaic, museum, music, reminiscence и др.) vs. **mandarin** – заимствование XVII века из персидского языка-донора со значениями «денежный подарок, вознаграждение; взятка»; **mantra** – заимствование XVI века из персидского или тамильского языка-донора со значениями «многоярусное сооружение религиозного характера, являющееся хранилищем священных предметов»; все анализируемые лексические единицы могут быть возведены к праиндоевропейской основе *men- со значением «думать».

Частотность употребления этимологических дублетов в современной периодической печати целесообразно проследить на примере «качественных» британских и американских изданий («The Guardian», «The Independent», «The Washington Post», «The USA Today») [16, 17, 18, 19]. В таблице 2 пятнадцать анализируемых заимствований представлены в алфавитном порядке со статистическими данными по общему числу их употреблений в онлайн-версиях британских и американских газет, а также по году их первой регистрации «Оксфордским словарем английского языка» (Примечание: в таблице данный словарь обозначен аббревиатурой OED).

Таблица 2

Динамика использования этимологических дублетов (тип 2: исконное слово – заимствованное слово, тип 3: заимствованное слово – заимствованное слово)

Заимствование из неевропейского языка	The Guardian	The Independent	The Washington Post	The USA Today	Группа частотности (OED)	Первая регистрация (OED)
1.ayah	218	138	70	16	2	1782
2.babu/ baboo	1410 91	159 8	312 29	40 1	4	1763
3.baksheesh	96	23	76	0	3	1686
4.cithara	5	0	4	0	3	1634
5.cittern	56	15	74	0	3	1567
6.feringhee/ feringhi/ ferinji/	0 55 0	2 0 8	2 0 1	0 0 0	3	1634

firanghi	7	0	1	0		
7. gooroo/ guru	18 200 9	46 700 3	17 300 1	98 0	5	1613
8.mandarin	10 600	3 920	5 510	120	4	1589
9.mantra	26 300	6 420	11 800	115	5	1794
10. maharaja/ maharajah	579 415	185 265	154 193	15 10	4	1698
11.maharani	58	60	59	1	3	1855
12.maharishi	603	238	266	39	4	1785
13.mahatma	2 180	866	1 280	100	5	1882
14.pagoda	2140	1010	1170	100	4	1582
15.sitar	1310	454	1040	32	4	1777

Приведенные в таблице данные позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, все 15 слов были заимствованы с XVI по XIX вв.: 3 слова перешли в английский язык-донор в XVI веке, 5 – в XVII веке, 5 – в XVIII веке, 2 – в XIX веке; таким образом, самые ранние заимствования функционируют в английском языке более 450 лет [13]. Во-вторых, анализируемые слова, входящие в состав этимологических дублетов, соотносятся с группами 2 (1 слово имеет частотность менее 0, 001 случаев употребления на 1 млн слов), 3 (3 слова имеют частотность менее 0,01 – 0, 001), 4 (6 слов имеют частотность менее 0,1 – 1,0), 5 (3 слова имеют частотность менее 1,0 – 10); таким образом, они не являются не исключительно редкими (группа 1), ни наиболее частотными (группы 6, 7, 8) [13]. В-третьих, по частотности употребления в современных периодических изданиях заимствования могут бы классифицированы на 4 группы: с очень высокой частотностью употребления (более 10.000 случаев в архиве хотя бы одной из газет) – **guru, mandarin, mantra**; с высокой частотностью употребления (от 1000 до 10.000 случаев в архиве хотя бы одной из газет) – **ayah, maharaja, maharishi**; с умеренной частотностью употребления (от 100 до 1000 случаев в архиве хотя бы одной из газет) – **babu, mahatma, pagoda**; с низкой частотностью употребления (менее 100 в архиве хотя бы одной из газет) – **baksheesh, cithara, cittern, feringhee, maharani**.

Выводы

Обязательным условием для образования этимологических дублетов (триплетов, квадроуплетов, квинтиуплетов) является этимологическое сходство; к дополнительным условиям относятся допустимая вариативность в графо-фонетических соответствиях и морфологической структуре элементов лексического уровня языка. На примере этимологических дублетов можно проследить формальную (преимущественно фонетическую) и функциональную (преимущественно семантическую) эволюцию слов-прототипов в языках-донорах. Тенденция этимологических дублетов к максимальной дивергенции в формальных и функциональных аспектах рельефно проявляется в парах с участием заимствований из европейских и неевропейских языков. Тенденция к расширению словообразовательных возможностей заимствования и к развитию полисемии у них являются одновременно и причиной, и следствием увеличения числа их употреблений в современном английском языке. Также справедливо отметить, что даже заимствования с низкой частотностью употребления сохраняются в языке: они закреплены за определенным элементом иноязычной культуры и, по этой причине, характеризуются уникальностью и незаменимостью при описании реалий, не типичных для стран языка-реципиента.

Библиография

1. Иванов А. В. Метаязык фонетики и метрики. Архангельск : Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования "Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова", 2004. 339 с.
2. Никитина М. О. Этимологические дублеты в истории английского языка : к проблеме тождества слова : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04. – Москва, 1985. 203 с.
3. Никулина Е. А., Солошенко М. А. Фразеологическая синонимия в современном английском языке (на материале устойчивых единиц *horse sense* и *common sense*) // Преподаватель XXI век. – 2022. – № 4-2. – С. 462-472.
4. Расторгуева Т. А. Очерки по исторической грамматике английского языка.– Изд. 2-е, стереотип. – Москва : URSS, 2022. 166 с.
5. Algeo J. The Origins and Development of the English Language. 7th ed. Boston: Wadsworth Publishing Company, 2014. 367 p.
6. Anttila R. Historical and comparative linguistics. 2nd ed. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1989. 465 p.
7. Denning K., Kessler B. & Leben W.R. English Vocabulary Elements. New York: Oxford University Press, 2007. 320 p.
8. Desai A. Baumgartner's Bombay. London: Penguin Random House, 1998. 231 p.
9. Doyle A. C. A Study in Scarlet and the Sign of Four. New York: Dover Publications, 2012. 253 p.
10. Kennedy A. G. Current English: A Study of Present-day Usages and Tendencies, Including Pronunciation, Spelling, Grammatical Practice, Word-coining, and the Shifting of Meanings. Boston: The Athenaeum Press, 1935. 737 p.
11. Merriam-Webster Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 27.04.2024)
12. Nayar P. K. The British Raj: Keywords. London and New York: Routledge, 2019. 171 p.
13. Oxford English Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 27.04.2024)
14. People. [Электронный ресурс]. URL: <https://people.com/> (дата обращения: 27.04.2024)
15. Seven Best Short Stories: War. Ed. by August Nemo. São Paulo: Tacet Books, 2019. 93 p.
16. The Guardian. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/> (дата обращения: 27.04.2024)
17. The Independent. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.independent.co.uk/> (дата обращения: 27.04.2024)
18. The USA Today. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usatoday.com/> (дата обращения: 27.04.2024)
19. The Washington Post. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/> (дата обращения: 27.04.2024)
20. Wright A. Baboo English as 'tis Writ: Being Curiosities of Indian Journalism. London: T.F. Unwin, 1891. 108 p.
21. Yule H., Burnell A. C. Hobson-Jobson: A Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases, and of Kindred Terms, Etymological, Historical, Geographical and Discursive. Oxford: Oxford University Press, 2013. 570 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Роль заимствований с национально-культурным компонентом значения в пополнении класса этимологических дублетов в современном английском языке», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», содержит изучение этимологических дублетов, возникших в результате контактов носителей английского и индийских языков. Автор выявляет дистинктивные признаки новых дублетных пар, определяет динамику их использования в современной английской художественной литературе и периодических изданиях. В работе задействованы методы сплошной выборки, статистический и описательный методы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения этимологических дублетов в связи с активизацией процесса заимствования из автохтонных языков бывших английских колоний и региональных вариантов английского языка. На фоне имеющихся работ, объектом которых являются этимологические дублеты в английском языке, данная статья вносит свой вклад в их изучение с точки зрения содержания в ряду заимствований слов с национально-культурным компонентом значения, коих выявлено 15 единиц.

На основе теоретического анализа научных работ по проблемам этимологической дублетности в английском, русском и французском языках автор трактует подобные слова как «лексические единицы, восходящие к общему корню, общей основе, одному и тому же слову (как цельнооформленной лексеме) и имеющие разную степень звуковой (фонематической или фоно-морфологической) и семантической дивергентности». Исследуемые единицы в работе классифицируются по принципу взаимодействия исконного и(ли) заимствованного языкового материала, согласно которому выделяются три подвида: исконное слово – исконное слово, исконное слово – заимствованное слово, заимствованное слово – заимствованное слово. Каждая разновидность анализируется с привлечением соответствующего иллюстративного материала. Особо оговариваются случаи дублетности, имеющие ярко выраженный национально-культурный компонент значения, например, слово *ayah*.

В работе также даются сведения о частотности употребления этимологических дублетов в современной периодической печати на примере британских и американских изданий «The Guardian», «The Independent», «The Washington Post», «The USA Today».

Стиль изложения соответствует научному, структура работы подчинена теме, содержание статьи полностью раскрывает заявленную тему. Библиография отображает теоретический задел, имеющийся в настоящее время в лингвистике по данной проблематике. Выводы исследователя, сделанные в попытке проследить формальную (преимущественно фонетическую) и функциональную (преимущественно семантическую) эволюцию слов-прототипов в языках-донорах, интересны для читательской аудитории. Так, автор выявляет время заимствования слов: «самые ранние заимствования функционируют в английском языке более 450 лет».

Статья «Роль заимствований с национально-культурным компонентом значения в пополнении класса этимологических дублетов в современном английском языке» может быть рекомендована в печать.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Карташева А.О. Мета-жанровые образования в поэзии Валерия Брюсова // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70584 EDN: QWELIA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70584

Мета-жанровые образования в поэзии Валерия Брюсова

Карташева Анна Олеговна

ORCID: 0009-0001-6086-1780

аспирант, кафедра Истории журналистики и литературы, Московский университет имени
А.С.Грибоедова

111024, Россия, г. Москва, ул. Энтузиастов, 21

✉ Anna.kartasheva@internet.ru[Статья из рубрики "Поэтика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.4.70584

EDN:

QWELIA

Дата направления статьи в редакцию:

23-04-2024

Дата публикации:

30-04-2024

Аннотация: Предметом исследования статьи выступает специфика формирования жанровых тенденций в творчестве Валерия Брюсова. Пристальное внимание уделяется обращению Брюсова к сверхциклам-каталогам, когда эволюция, или трансформация, жанра осуществляется в нескольких сборниках. Среди таких жанровых сверхциклов-каталогов особо выделяется жанр стихотворения-«памятника», или историко-мифологического медальона, который мог принимать у Брюсова разные формы (лирический экфрасис, стихотворение-«слава», которое объединяло в себе различные виды жанров). В этом контексте также рассматривается вопрос о преемственности и трансформации в творчестве поэта лирических жанров мировой и русской литературы. В предлагаемой статье автор ставит целью выявить особенности и характер взаимодействия традиционных и нетрадиционных жанровых образований в поэзии Брюсова. Автор использует системно-типологический и структурно-семиотический, а также сравнительно-исторический и культурно-исторический методы и ориентируется на

труды М. Л. Гаспарова и Л. Г. Кихней в качестве методологической базы. Новизна исследования заключается в исследовании жанра в лирике Брюсова как изменчивой категории, которая претерпевает трансформации и преобразования в творчестве поэта. В статье делаются следующие заключения: 1) формирование разделов лирики Брюсова осуществлялось не только по содержательной стороне, но и по жанровой принадлежности; 2) сверхциклы-каталоги большого объёма, созданные Брюсовым, были практически новым феноменом для русской литературной традиции; 3) стихотворение-«памятник» как жанр сверхцикла-каталога часто принимает разные формы в творчестве Брюсова; 4) мифо-исторические портреты, отраженные в стихотворениях-«памятниках», брали начало в скульптурных изображениях великих людей; 5) стихотворения-«славы» в свою очередь включали в себя различные жанровые типы (например, реквием и завещание).

Ключевые слова:

лирические жанры, жанровая традиция, трансформация жанров, Валерий Брюсов, жанры у Брюсова, сверхциклы-каталоги, стихотворение-памятник, поэзия Серебряного века, поэзия символистов, русский символизм

Специфика освоения лирических жанров в творчестве основоположника русского символизма продолжает оставаться достаточно малоизученным топосом в литературоведческих исследованиях. В то же время освоение жанровой системы или отдельных жанров, обновление функциональных основ конкретного жанра, изменение его формальных составляющих, выстраивание диалога с другими произведениями, созданными в соответствующем жанре, и т. д. – постоянная практика Брюсова-поэта, Брюсова – теоретика стиха, Брюсова – лидера поэтического направления. В этой связи релевантным становится вопрос о преемственности и трансформации в его творчестве лирических жанров мировой литературы, а также специфической тенденции его поэзии – формировании сверхциклов-каталогов, в которых особенно выделяется жанр стихотворения-«памятника».

От внутрисборниковых циклов к сверхциклам-каталогам

Для творчества Брюсова характерно стремление к созданию циклов, в том числе в аспекте жанра. Начало этому было положено уже в первом сборнике «Juvenilia». Ещё раньше – в сборниках «Русские символисты». Будущие его сборник-каталоги «Все напевы», «Сны человечества» и «Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам» также имеют прообраз в виде желания в середине 1890-х годов написать «Историю русской лирики» [\[22, 87\]](#).

В дальнейшем эта тенденция лишь усиливалась. В каждом из последующих сборников поэт обозначал один или два раздела по жанровому принципу. В сборнике «Urbi et Orbi», в заглавиях всех разделов (кроме первого) упоминается тот или иной жанр. Сам Брюсов подчёркивал, что сборник должен быть целостной книгой, которая «Как роман, как трактат <...> раскрывает своё содержание последовательно» [\[5, 605\]](#). В предисловии к этому сборнику он также писал о связи формы, несмотря на её искусственность, с содержанием и о том, что некоторые жанровые обозначения взяты им «не в обычном значении этих слов» [\[5, 605\]](#). Так, например, выше мы говорили о разделе «Песни» в этом сборнике, где поэт осваивает различные жанры песенного городского фольклора и зачастую радикально трансформирует их.

В сборнике «Chefs d'oeuvre» Брюсов характеризует группу стихотворений в качестве отдельного цельного произведения в условном жанре. В письме к П. П. Перцову он писал так: «В *Méditations* прозы много, но ведь это же зато "идейные" стихотворения, маленькая поэмка души...» [5, 579]. Стихотворения, входящие в этот миницикл, рисуют постапокалиптическую картину. Люди оказались в разрушенном мире («Мы, как звери, вгнездились в пещеру» [5, 88]), почти погибли («Наше тело на пададь похоже...» [5, 88]), но ищут диалога с миром трансцендентного:

Послышится ль голос спасенья:

Откуда – из бездны иль свыше?

[5, 89]

«Идейные» стихотворения «*Méditations*» исходят из концепции манихейства о существовании во вселенной двух начал – доброго и злого. Пространственно они соотносятся как верх и низ: добро, или свет, – это верх, зло, или мрак, это бездна [25, 125]. Отсюда неопределённость вопрошания с точки зрения адресата в стихотворении «Свиваются бледные тени...»: в мире нет очевидного и внятного бога, и люди – «путники ночи беззвёздной» [5, 89].

В сонете «Скала к скале; безмолвие пустыни...» манихейская концепция представлена зримо и отчётливо: «демоны в объятиях», «два брата и друзья», изображённые на скале, это «два образа святыни» [5, 89]. В этом сонете «нет контраста тезиса и антитезиса в композиции, но есть назойливый контраст образов в теме: из приёма построения контраст как бы становится предметом изображения» [10, 347].

Брюсов включает в сонет жанр надписи, характеризующейся «особым видом пространственно-временных отношений (ситуация длящегося посвящения / чтения надписи, схематично определяемая как «надписываемый предмет – зритель; сейчас, здесь») и неременным условием наличия субстанции (предмета или действия), воспринимаемой автором как надписываемая» [5, 89]. Надпись в «Скала к скале; безмолвие пустыни...», выполнена клинописью («Неясен смысл клинообразных знаков» [5, 89]), вызывающей ассоциацию с Персией, выступает в качестве пояснения к изображению двух «демонов». Мир опустел и обезлюдел («безмолвие пустыни»), и некому не только уточнить вопрос, но и прочесть и осознать ответ. Двойственность мира тем не менее сохраняется: к утёсу прилетает соловей, связанный с миром света, гармонии, и подходит тигр, связанный с миром мрака, насилия.

В манихействе свет проявляется в активном существовании Отца Величия, который обладает пятью атрибутами, связанными с феноменом сознания: Ум, Мысль, Разумение, Помышление, Размышление [28]. В этой связи название миницикла «*Méditations*» может быть понято не только как рецепция речевого жанра «размышление» или как вариант философской лирики – лирики медитативной, но и как отсылка к атрибутам Отца Величия в манихействе и способа приближения к нему.

Заметим, что сквозь призму оккультной символики можно прочесть также знаменитое брюсовское стихотворение «Каменщик» (1901). Кроме того, что оно написано в жанре рабочей, а также близко к жанру арестантской песни, в нём можно увидеть отсылки к масонской символике (белый фартук, лопата). Авторы статьи «"Городской текст" в

творчестве Валерия Брюсова» считают, что она «иронически обыгрывается автором: "вольный каменщик" строит тюрьму для таких же рабочих и бедняков, как и он сам» [\[3, 221\]](#). Однако возможно и иное, серьёзное прочтение: «вольный каменщик» строит таинственный храм культуры (символистски увиденный мир) или масонскую тёмную камеру, в которой размышляют о бренности бытия и проходят посвящение (в стихотворении «Каменщик от 1903 года появляется образ «земной тюрьмы» [\[5, 415\]](#)). В таком случае «Каменщик» сближается с масонским жанром философского диалога [\[26, 98\]](#). Можно предположить, что Брюсов соединяет в этом произведении несколько различных культурных пластов: отсылка к политическому стихотворному диалогу П. Л. Лаврова «Новая тюрьма», память жанров городского фольклора, масонская символика философского диалога. То же – в послании «В. И. Прибыткову», где речевой жанр «Застольная речь» [\[5, 355\]](#) (вынесенный в подзаголовок) вмещает в себя эзотерическое-символическое содержание: в стихотворении говорится о призрачности наличной реальности. (Прибытков – редактор оккультного журнала «Ребус».)

«Сны человечества» – большой брюсовский проект «лирических отражений жизни всех времён и всех стран» [\[6, 460\]](#). Он стремился создать циклы-каталоги мировой поэзии, насколько возможно репрезентативно отразив конкретную культуру. В предисловии к книге поэт оговаривал, что по разным причинам речь идёт не только о переводах, но и о подражаниях, о создании произведений в духе автора или эпохи. «Вместе с тем он отрицал, что его "образцы" в "Снах человечества" – это чистые имитации, он предпочитал называть свои работы другим термином – "вторение"» [\[14, 287\]](#).

Циклы «Японские танки и хай-кай» и «Японские танки и ута» одним из своих источников имеют книгу В. Г. Астона «История японской литературы», в которой приводятся переводы на английский японских хайку, танок и ута (в свою очередь переведённых на русский язык В. М. Мендриным). Хайку «О дремотный пруд!..» Мацуо Басё, по мнению Л. П. Давыдовой, Брюсов перевёл, «опираясь именно на перевод В. М. Мендрин» [\[13, 45-46\]](#). При этом «Брюсов в переводе <...> сумел удивительно точно передать принцип наличия незримого, но присутствующего, принцип тайны мира, на которую можно указывать, но невозможно выразить обычным образом» [\[13, 52\]](#).

Нужно отметить также, что брюсовская хайка «Кто назвал Любовь?..» – это трансформированная «Танка из Кокинсю» неназванного автора в переводе Мендрин:

Кто мог бы это быть,

Что дал любви

Такое имя?

Простое слово – Смерть,

Он мог бы также применить.

[\[2, 41\]](#)

Кто назвал Любовь?

Имя ей он мог бы дать

И другое: Смерть.

[\[6, 335\]](#)

Брюсов произвёл поэтическую редукцию, переделав одну твёрдую форму в другую и тем самым уплотнив смысл. Кроме того, его хайка стала напоминать афоризм. Интересно, что во всех стихотворениях цикла «Японские танки и хай-кай» поэт стремился ввести в японские жанры элементы западноевропейского эвфонизма: разного рода рифмы, аллитерации, ассонансы. В «Кто назвал любовь?..» каждая строка завершается словом, заканчивающимся на «ь». В третьей строке используется анжамбеман, порождающий двойной смысл: кроме «смерти», любовь могла бы получить, например, и личное имя – конкретной возлюбленной.

Прямые источники других текстов для брюсовских циклов нами не обнаружены, хотя отдельные их мотивы очевидно также восходят к текстам, имеющимся в «Истории японской литературы». Так, например, схожи брюсовское «Роса ложится, но солнце всходит...» и стихотворение неназванного японского «В страданиях любви...»:

В страданиях любви

Я пребывал до ночи,

Но завтра, длинный день весны,

С его плывущим вверх туманом,

Как проводить его отныне буду я?

[\[2, 31\]](#)

Роса ложится, но солнце всходит,

И в росах тают все отраженья,

Но дни, и ночи, и годы проходят, –

В душе моей всё те же любви мученья.

[\[6, 388\]](#)

Нужно, однако, отметить, что брюсовские танка, хайку и ута, помимо трансформации на уровне формы, имеют иное философское истолкование: «ощущение горечи от неумолимого хода времени, желание утвердить свое "я"» [\[24\]](#).

По мнению Л. П. Давыдовой, «Брюсов <...> сохраняет слоговой принцип организации строфы <...> и прибегает к рифме, вовсе чуждой и неорганичной для японской поэзии. Японская миниатюра при формальном следовании правилам выглядела искусственной, и ее содержательная сторона приносилась в жертву формальной» [\[12, 72\]](#). Однако нам представляется, что японская миниатюра при таком подходе у Брюсова просто перестала быть японской миниатюрой. Поэт оставляет количество слогов и членение на строки, параллель человеческих и природных состояний, но за счёт римф и концептуального логического завершения танка, утрачивая размыкание сюжета, а также пространства и времени в вечность, становится обычным лирическим стихотворением.

В комментарии к циклу танка в «Опытах» Брюсов написал следующее: «Для европейца танка кажется вступительным стихом к ненаписанному стихотворению» [\[7, 544\]](#). Также он привёл мысль Г. А. Рачинского о том, что «тридцать один слог танки совпадают с

тридцать одним слогом античного элегического дистиха; первые три стиха (пять, семь и пять слогов) образуют семнадцать слогов полного гексаметра, два последних стиха (семь и семь слогов) – четырнадцать слогов пентаметра» [7, 544]. Иными словами, Брюсов смотрел на традиционные лирические японские жанры сквозь оптику представлений об античном стихосложении, и потому что его танки, «хай-кай» и ута, скорее, напоминают афоризмы и эпиграммы.

При этом поэт создаёт именно циклы с единым сюжетом – смерти от любви или любви, подобной смерти. «Японские танки и хай-кай» имеют кольцевую мотивную структуру: они начинаются с образа месяца, который «мёртвого бледней», и завершаются словом «Смерть» [6, 335]. «Японские танки и ута» имеют линейную структуру: в каждом из стихотворений проявляется тема неразделённой любви, в последнем одиночество, неприкаянность, отчаянное положение героя выражается в образе улетающего к реке цветка вишни и многоточием.

Историко-мифологические медальоны: варианты жанра стихотворения-«памятника»

В брюсовском творчестве можно увидеть разные подходы к циклизации. Так, например, из сборника в сборник могут переходить не только схожие образы и идеи, но и схожие жанры, внутри которых образ или идея претерпевают определённое развитие. Один из таких сквозных жанров, составляющих цикл, это жанр стихотворения-«памятника» [17].

Стихотворение «Ассаргадон» из «Tertia Vigilia» имеет авторский жанровый подзаголовок – «Ассирийская надпись». Если в «Скала к скале; безмолвие пустыни...» (который так же, как и «Ассаргадон», можно прочесть как стихотворение-«памятник») из сборника «Chefs d'oeuvre» возможная «персидская» надпись включается в сонетную форму, то в данном случае «ассирийская надпись» целиком эту форму принимает. А. Э. Дудко обращает внимание, что «идея использовать форму сонета для создания тематического цикла «Любимцы веков» была почерпнута В. Я. Брюсовым, конечно же, у П. Б. Шелли [15, 43] и из стихотворений-экфразисов Д. С. Мережковского, которые «стали явлением символистского неомифологизма» [11, 18]. При этом важной особенностью сонетов-экфразисов В.Я. Брюсова является то, что они в основном представляют собой так называемый персоналистский тип, «посвященный описанию великой исторической личности прошлого – царя, императора, военачальника, ученого, деятеля искусств и т. д.» [11, 18].

М. Л. Гаспаров, характеризуя формальную сторону «Ассаргадона», обращает внимание на то, что этот сонет представляет собой «классический тип "перечня"»: «все высказывания в катренах и все высказывания в терцетах повторяют друг друга с незначительными вариациями, и это не скрывается, а подчеркивается: каждая из начальных строчек <...> повторяется в тексте еще по разу, вопреки самым элементарным правилам построения сонета. <...> Попытка такого нетрадиционного сонета-перечня с повторами (по образцу виланели) была впервые сделана Брюсовым еще в 1895 году в непечатавшемся стихотворении "Призрак луны непонятен глазам..."» [10, 347].

У «Ассаргадона» кольцевая структура: начало и конец текста – это одна и та же строка с разной пунктуацией, сущностно ничего не меняющей. Равно как сущностно ничего не меняется и от строфы к строфе: герой сонета «зациклен» на одной мысли – о своём величии; Брюсов перечисляет деяния и характеристики Ассаргадона, но все они сводятся к насилию как проявлению власти. Кольцевая структура – это также то, что отличает временную организацию текста. На первый взгляд, она линейная: есть точка

отсчёта – время жизни Ассаргадона, VII век до н.э., есть конечная точка – время написания стихотворения, 1897 год. Но Ассаргадон, по его собственным словам, «вождь земных царей», царь царей, он стоит один, «величием упоён», в вечности, он выше всех, кто был до него, и выше всех, кто будет.

Сонет «Ассаргадон» – это историческое стихотворение, но сам Брюсов письме к М. Горькому о сонетах Ж. М. де Эредиа и своём творчестве писал так: «У того все изображено со стороны, а у меня везде – и в Скифах, и в Ассаргадоне, и в Данте – везде мое "я"» [\[18, 640\]](#).

Об этом же – в отсылающей первой и последней строкой к «Ассаргадону» брюсовской пародии «На себя», которая, хотя и встроена в ряд других пародий и эпиграмм, юмора, самоиронии, кажется, лишена:

Я – фараон. Я жил на свете.

В Египте занимал я трон.

Тому уж двадцать пять столетий,

Как умер я. Я – фараон.

[\[8, 560\]](#)

Противопоставление мотива жизни и смерти в ней – в прошлом и настоящем, соответственно, и утверждение именно последнего – оспаривает идею и «Ассаргадона», и «Рамсеса», и «Египетского раба»: «любимец веков» умер 25 столетий назад, что бы ни говорили о его пребывании в вечности. Стихотворение можно прочесть и как утверждение своего, авторского статуса в мире, как минимум литературном: «Я – фараон», то есть вождь, мэтр. Ещё одной интерпретацией этой пародии может быть понимание её как надписи-эпитафии, написанной из настоящего времени тем, кто почувствовал связь между своими рождениями.

Утверждение – через на первый взгляд саморазоблачение – своего лидерского статуса – также присутствует в эпиграмме «В. Брюсов»:

Сам себе в солдатский ранец

Царский скиптр подбросил – он

В мире рифм воссел на трон –

Царь иль Самозванец?

[\[8, 561\]](#)

Отдельно можно обратить внимание на пародию «В стиле Ф. Сологуба». В. В. Филичева в статье «О пародии В. Я. Брюсова на Ф. К. Сологуба» отмечает, что пародия получилась двойная [\[27, 279\]](#): Брюсов в 1923 году не только пародирует сологубовский стиль (а также отчасти гумилёвский), но через него и собственный декадентский стиль прошлого. Пародия «В стиле Ф. Сологуба» приёмами комического, характером образов, поэтическим синтаксисом явно напоминает пародии В. С. Соловьёва, появившиеся в связи с выходом сборников «Русские символисты» (см., например, «На небесах горят паникадила...»). Таким образом, пародия Брюсова оказывается одновременно скрытой автопародией.

При этом Н. Г. Матвеевская считает, что в подобных стихотворениях Брюсова «о нивелировании позиций автора и героя или "маскараде" речь идти не может, но во многих случаях мы можем наблюдать пресуществление в чистой и "ролевой" лирике единого мировосприятия» [\[19, 256\]](#). Брюсов как бы совпадает с героем своего «исторического» стихотворения или, вернее, отчасти совпадает, отчасти подчиняет его своему видению мира. Так, в брюсовском «Ассаргадоне» по сравнению с надписью в Нар-эль-кельбе, в Сирии, отсутствует один значимый мотив: Ассаргадон, согласно надписи, властный царь, но он тот, кто «4. (кто с именем Ашшура, Бела), Сина, Шамаша, / 5. Набу, Мардука, Иштар Ниневийской, / 6. и Иштар Арбельской, великих богов, моих повелителей, / 7. от восхода до заката Солнца / 8. движется победоносно, не имея себе равных» [\[1\]](#). Иными словами, анналы Ассаргадона говорят о его встроенности в религиозную иерархию и религиозной мотивированности: «27. Я уничтожил людей Манны, / 28. которые не почитали богов на небесах» [\[1\]](#).

Сонет «Ассаргадон» – часть межтекстовой констелляции. Вместе с ним в раздел «Любимцы веков» входит стихотворение «Рамсес», «в котором четко обозначены все художественные линии, ведущие к «Озимандию» П.Б. Шелли» [\[15, 43\]](#), этот «Сонет Шелли тематически связан с <...> творчеством Брюсова (стихотворения «Ассаргадон», «Рамсес», «Египетский раб») [\[4, 302\]](#). Озимандия Шелли в оригинальном стихотворении побеждён вечностью, его статуя разрушена, его великие деяния остались в далёком прошлом. «Брюсов делает свой перевод в целом точным» [\[4, 302\]](#), подчёркивая пустоту и бесплодность, оставшуюся после Озимандии [\[9, 223\]](#). Тот же мотив – в переводе авсониевского стихотворения «О имени некоего Люция, вырезанном на мраморе»: время уничтожает текст, камень и человека, о котором надпись на камне [\[8, 568-569\]](#). Напротив, «Ассаргадон» спорит с шеллиевским «Озимандией», наделяя схожего героя победой над вечностью и принятием одиночества.

Брюсовский отрывок «Рамсес» – авторский вариант обоснования идеи «Ассаргадона». Озимандия – это греческая форма имени Рамсес:

– Кто ты, воитель дерзкий? Дух тревожный?

Ты – Озимандия? Ассаргадон? Рамсес?

[\[5, 145\]](#)

Поэт использует в «Рамсесе» шеллиевские антиозимандиевские аргументы:

Жильцы пустынь, мы все равно ничтожны

В веках земли и в вечности небес.

[\[5, 146\]](#)

Но опровергает их началом новой, последней, намеренно неоконченной строфы:

И встал тогда передо мной Рамсес

[\[5, 146\]](#)

Герой стихотворения, обнаруживает свою ничтожность в смехе над великим человеком: люди равно ничтожны перед вечностью, но не равны друг относительно друга. Поэт оспаривает право маленького человека на возможность неуважительного критического

высказывания в адрес человека большого.

Брюсов буквализирует такую характерную черту жанра отрывка, как незавершённость, заканчивая стихотворение отточием, немой сценой, за которыми скрывается реакция героя на мистическое чудо и вероятный трагический финал его жизни.

Сонет «Египетский раб» из сборника «Зеркало теней» вновь поднимает тему человеческого величия, переживающего века (в рукописи его сопровождал эпиграф из «Ассаргадона» [\[6, 410\]](#)). Брюсов уточняет способ сохранения в вечности: герой стихотворения отказывает себе в праве на долгую жизнь (подразумевается также, что это касается и царя), но говорит о том, что «не исчезнет след упорного труда, / И вечность простоит <...> / Гробница царская...» [\[6, 69\]](#). Этот же мотив присутствует в сонете «Клеопатра» из «Tertia vigilia», начинающемся подобно «Ассаргадону». Героиня стихотворения видит своё бессмертие в сохранённых бессмертным искусством женственности и страсти [\[6, 153\]](#).

«Египетский раб» – это диалог между разными текстами, но непосредственно в нём обозначается связь именно с «Ассаргадоном». Их начальные стихи имеют одинаковую структуру: «Я – вождь земных царей...» – «Я жалкий раб царя». В диалог в нём вступают два противоположных по социальному статусу «я», каждое из которых претендует на свою, по-своему понимаемую вечность.

Также образ Ассаргадона появляется у Брюсова в стихотворении-политической инвективе «Довольным» (1905) из сборника «Stephanos». По мнению В. В. Емельянова, Ассаргадон в нём выступает в качестве символа азиатской стихийной силы, подобной гуннам из «Грядущих гуннов» (это стихотворение в сборнике как раз следует за «Довольным») [\[16, 153\]](#). Однако синтаксическая конструкция строфы иная, она сопоставляет царя и толпу, сближенных по принципу двух крайностей:

Прекрасен <...>

Восточный царь Ассаргадон,

И океан народной страсти.

[\[5, 432\]](#)

Стихотворение «Довольным» рисует образ мещан, выступающих за покой, сохраняемый полумерами, и в противовес им – образ героя, призывающего к сокрушению мещанского строя. Брюсов в своей инвективе сравнивает «довольных» с животными:

Довольство ваше – радость стада.

Нашедшего клочок травы

[\[5, 432\]](#)

То же самое, но в более грубой форме, повторяет В. В. Маяковский в инвективе «Вам!» (1915):

Знаете ли вы, бездарные, многие,

думающие нажраться лучше как...

[\[21, 75\]](#)

Брюсовский финал, с призывом к уничтожению, у Маяковского заменён презрительным:

Я лучше в баре ... буду

подавать ананасную воду!

[\[21, 75\]](#)

Жанровый подзаголовок «Инвектива» имеет стихотворение «Товарищам интеллигентам» из сборника «В такие дни». Оно выглядит как продолжение спора поэта с русской и европейской интеллигенцией, стремящейся к полумерам, избегающей крайностей, желающей покоя, а не осуществления утопии.

Ассаргадон – символ абсолютного владычества, толпа – символ абсолютного хаоса. Герой же стихотворения выступает против мещанских «полумер» Конституции 1905 года. Одновременно он испытывает самоубийственный восторг перед сокрушающим обновлением мира, схожий с тем, что будет позже переживать «египетский раб» из стихотворения 1911 года. Можно сказать, что Брюсов 1897 года ощущает себя более Ассаргадоном, Брюсов 1905 года дрейфует в сторону «египетского раба». «Впоследствии "ассирийское" станет для Брюсова <...> синонимом "большевистского", образом тоталитарного общественного строя» [\[16, 153\]](#).

Отдельно можно обратить внимание на образ Ассаргадона в творчестве Л. Н. Толстого. Неизвестно, читал ли Толстой сонет Брюсова 1897 года, однако оптика его взгляда на Ассаргадона схожа с брюсовской. В сказке-притче «Ассирийский царь Асархадон» Толстой также концентрируется на проблеме власти, одиночества и вечности. При этом писатель, конечно, совершенно иначе осмысляет этот образ: «Поняв иллюзорность своих представлений о Другом и других, осознав единство бытия <...> Бывший царь становится странником, проповедующим недеяние зла [\[16, 154\]](#). В. В. Емельянов совершенно справедливо полагает, что Толстой здесь «руководствовался образами индо-буддийской мифологии» [\[16, 154\]](#). Если Брюсов увидел Ассаргадона сквозь призму культуры Юго-Западной Азии, то Толстой – через призму культуры Азии Южной.

Также в целом нужно отметить, что, говоря об Ассаргадоне, Брюсов избирает строгую сонетную форму, чтобы облечь в неё прямые слова царя и отлить в ней его (и свой) величественный образ, Толстой – жанр сказки, образы которой универсальны до полного умаления индивидуальности конкретного героя.

В разделе «Баллады» сборника «Urbi et Orbi» стихотворение «Помпеянка» является вариацией на тему возлюбленных, чья смерть остаётся в веках. Брюсов не воспевает в ней любовь, подобную чувству Франчески или Джульетты, что пытались обороть внешние преграды. Матрона Лидия иная по характеру и жизненному опыту женщина, и её гибель вызвана не социальными причинами, а природными. К тому же Брюсова интересует не она сама, а та вечная внечеловеческая любовная страсть, которую она испытывала на пороге смерти.

В последней строфе этой баллады появляется мотив памятника, который нужно установить, чтобы «память не угасла во вселенной / О страсти, перешедшей за предел!» [\[5, 289\]](#). Парадоксально, но этот памятник представляет собой «живое изваяние вечных тел» [\[5, 289\]](#), хотя является покрытыми помпейским пеплом мёртвыми телами. Также всё стихотворение целиком может быть рассмотрено как написанное в жанре стихотворения-«Памятник». «Помпеянка» открывается перечислением своих мужей и

своих любовных заслуг, главной из которых называет верность, пусть и относительная, связанная с переживанием её в моменте. В стихотворении можно обнаружить также черты реквиема и завещания [\[17, 4\]](#).

При этом Л. В. Пумпянский характеризует «Помпеянку» как стихотворение, написанное в новом жанре: «Слава славным. Брюсов создал новый жанр од тем, кого славили уже оды и эпос 25 веков. <...> Это особый новый жанр; это не ода, потому что в ней нет одической строфы и потому что прославляются "любимцы веков", т.е. давно прославленные; это не стансы, хотя строфы большей частью стансовые; это строфы "слав"» [\[23, 535\]](#).

Интересный вариант стихотворения-«памятника» – «Карл XII» из раздела «Приветствия» сборника «Все напевы». «Карл XII» имеет подзаголовок «Памятник с Стокгольме» и с точки зрения жанра может быть охарактеризован как экфрасис. Брюсов описывает стоящий в Швеции памятник королю:

Стоишь ты, призрак древней саги,

В своей столице над толпой

И вдохновенным взмахом шпаги,

Как прежде, манишь за собой

[\[5, 528\]](#)

С другой стороны, поэт указывает на достоинства короля: он выразил «сны заветные народа» [\[5, 528\]](#), его мечту о славе и других пространствах, попытку выхода за пределы севера Европы. Самое важное качество Карла XII, по мнению Брюсова, это его стремление играть с судьбой, вера в предопределение. В этом стихотворении понятие «памятник» реализовано в буквальном и переносном смысле.

Сонет «На смерть А. Н. Скрябина» из сборника «Семь цветов радуги» представляет собой эпитафию, которая говорит о безвременно ушедшем из жизни великом композиторе. И одновременно на это произведение можно посмотреть как на стихотворение-«памятник», главная идея которого – трагическая незавершённость скрябинской Мистерии и, соответственно, «недостроенность» его «памятника»:

Металл мелодий он посмел расплавить

И в формы новые хотел излить;

Он неустанно жаждал жить и жить,

Чтоб завершённым памятник поставить...

[\[6, 201\]](#)

Самое яркое обращение Брюсова к жанру стихотворение-«памятник» – это собственно «Памятник» из сборника «Семь цветов радуги», которое является отсылкой не только к оде Горация (которую он также перевёл, см. «Памятник» в «Опытах» [\[7, 488\]](#)), но и к державинскому «Памятнику», и к пушкинскому стихотворению «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Интересно при этом, как менялись строки, которые Брюсов выбирал для эпитафии: от нейтрального «Exegi monumentum...» через напоминающее о преодолении «Ex humili potens...» [\[6, 419\]](#) к однозначно гордому, самоутверждающему

«Sume superbiam...» [\[6, 96\]](#). Брюсовский «Памятник» своей композицией и отдельными мотивами следует за Державиным и Пушкиным, но при этом спорит с ними в главном: Брюсов ставит себе в заслугу не этические достижения, а литературные, интеллектуальные – и тем самым возвращается в прошлое, к Горацию, к Древнему Риму. С другой стороны, брюсовский памятник исходит из иных пространственно-временных координат: говоря о величии своей поэзии и о вечности, поэт выходит в своих надеждах за пределы русской культуры в широкий мир:

Венчай моё чело, иных столетий Слава,

Вводя меня в всемирный храм

[\[6, 97\]](#)

Черты стихотворения-«памятника» имеет также «Ода в духе Горация», или «Подражание Горацию», герой которой мечтает о том, что его поэзия переживёт его и распространится в «безвестных странах» [\[6, 326\]](#). Это не «памятник», но мечта о «памятнике». Кроме того, в стихотворении присутствует игра: русский поэт вкладывает в уста героя стихотворения, соотносимого с Горацием, желание быть читаемым и чтимым именно в России:

...Поэт земли Гиперборейской

Станет моим подражать напевам.

[\[6, 326\]](#)

Таким образом, Брюсов стремился не только к предельно широкому освоению новых жанровых возможностей, но и к упорядочиванию своей работы с жанрами. Начиная с первого сборника, он исходит из желания группировать стихотворения в разделы, которые называются не только по принципу содержания, но и по принципу обозначения их жанровой природы. Сам Брюсов оговаривал, что названия разделов не всегда буквально обозначают жанр в общепринятом его значении. Тем не менее налицо установка на систематизацию и циклизацию жанров в целом и отдельных жанровых групп.

Сборники «Urbi et Orbi», «Все напевы» и в особенности «Сны человечества» и «Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам» представляют собой примеры концентрированной работы Брюсова над освоением жанров мировой литературы, воспроизведением канонов жанров и парадоксально – над переосмыслением этих жанров на основе собственных художественных предпочтений, темы конкретного стихотворения, спора с предшествующей традицией и с учётом современного поэту литературного контекста [\[20\]](#).

Создание жанровых сверхциклов-каталогов большого объёма, предпринятое Брюсовым, для русской литературной традиции – явление почти беспрецедентное. Поэт наметил дорогу в мировую поэзию как подспорье литераторам и читателям, и сам не сумел, не успел реализовать полностью свои планы. Однако позже отдельные писатели, имея в виду необходимость культурного и литературного просвещения, создавали свои версии подобных каталогов. В качестве примера можно назвать «Некоторые заметки по стиховедению» (нереализованную книгу «Стиховедение») Д. Л. Андреева.

Помимо работы по каталогизированию жанров мировой литературы, в творчестве

Брюсова присутствует то, что можно назвать сверхциклами-каталогами: это инвариантные жанры, которые позволяют поэту наиболее ёмко реализовать главные его интенциональные образы и темы. Среди таких жанровых сверхциклов-каталогов можно особенно выделить жанр стихотворения-«памятника». Стихотворения-«памятники», часто – историко-мифологические медальоны/мифо-исторические портреты, могут принимать у Брюсова разные формы: это могут быть лирические экфрасисы, отталкивающиеся от скульптурных изображений великих людей, или стихотворения-«славы», соединяющие в себе разные жанры, вроде реквиема и завещания.

Создавая подобные стихотворения, Брюсов ориентируется на многообразную литературную традицию – от античности до Западной Европы и России XIX века. И одновременно закладывает основы для подобной поэтической работы, следы которой можно увидеть в творчестве В. И. Иванова, Н. С. Гумилёва, И. Северянина и др.

Библиография

1. Анналы Асархаддона. URL: <http://hworld.by.ru/text/assir/asarhadon.html> (дата обращения: 18.04.2024).
2. Астон, В. Г. История японской литературы. Перевод с английского В. Мендрин. Под ред. проф. Е. Спальвина. Владивосток: Паровая типо.-лит. газ. «Дальний Восток», 1904. – 326 с.
3. Бараханова, Н. В. "Городской текст" в творчестве Валерия Брюсова / Н. В. Бараханова, С. В. Игонина, Т. Л. Павлова // Казанская наука. 2019. № 12. С. 21-23.
4. Беджанян, К.Г., Нуралова, С.Э. В. Я. Брюсов – переводчик английской поэзии // Брюсовские чтения 2006 года. Ереван. Лингва. 2007. С. 298-306.
5. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 1892 – 1909. М.: Худож. лит., 1973. – 672 с.
6. Брюсов, В. Я. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2. Стихотворения. 1909-1917. М.: Худож. лит., 1973. – 494 с.
7. Брюсов, В. Я. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3. Стихотворения. 1918-1924. М.: Худож. лит., 1974. – 694 с.
8. Брюсов, В. Я. Стихотворения и поэмы [Текст] / Вступ. статья и сост. Д. Е. Максимова; Подготовка текста и примеч. М. И. Дикман. Ленинград: Сов. писатель, 1961. – 910 с.
9. Брюсов, В. Я. Торжественный привет (Стихи зарубежных поэтов в переводе Валерия Брюсова). Сост. М. Л. Гаспаров. М.: Прогресс, 1977. – 279 с.
10. Гаспаров, М. Л. Собрание сочинений в шести томах. Т. III. Русская поэзия. М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 992 с.
11. Гришин, А.С. Экфразис в поэзии старших символистов как форма сотворчества // Вестник Челябинского университета. Сер. 2. Филология. 2004. № 1. С. 14 – 33.
12. Давыдова, Л. П. Классические японские танка в русской поэзии: особенности генезиса и функционирования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2-2(32). С. 70-74.
13. Давыдова, Л. П. Поэтические особенности и художественное значение художественного перевода В. Брюсовым хайку о лягушке Мацуо Басе ("О, дремотный пруд!") // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. № 5-1. С. 45-46.
14. Дьяконова, Е. М. "Я видел сон, что каждый там поэт...". Образы Японии в поэзии Серебряного века // Ежегодник Японии. 2017. Т. 46. С. 283-306.
15. Дудко, А. Э. История переводов сонета П. Б. Шелли "Ozymandias" на русский язык в аспекте сравнительного стиховедения. Статья 2 // Ученые записки Орловского государственного университета. 2020. № 3(88). С. 41-45.
16. Емельянов, В. В. Асархаддон в русской литературе (В. Я. Брюсов, Л. Н. Толстой //

Тезисы докладов XXV международной конференции «Источниковедение и историография стран Азии и Африки «Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций» 22–24 апреля 2009. СПбГУ. Восточный факультет, 2009. С. 153–154.

17. Жилияков, С. В. Жанровая традиция стихотворения-"Памятника" в русской поэзии XVIII-XX вв.: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Елец, 2011. 22 с.

18. Ильинский, А. Горький и Брюсов // Литературное наследство. М., 1937. Т. 27–28. С. 639–660.

19. Матвеевская, Н. Г. Антиномия "пределов" и "беспредельности" в лирике В. Брюсова (к вопросу о структуре образа лирического субъекта) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 1. С. 255–259.

20. Карташева, А. О. К версификационным экспериментам В. Брюсова: рама текста как индикатор жанровой традиции в книге стихов «Все напевы» // Казанская наука. 2023. № 7. С. 43–45.

21. Маяковский, В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 1. М.: Худож. лит., 1955. – 463 с.

22. Молодяков, В. Э. Валерий Брюсов. Будь мрамором. М.: Молодая гвардия, 2020. – 543 с.

23. Пумпянский, Л. В. Памяти Брюсова (1924) // Классическая традиция: собрание тр. по истории рус. литературы. М.: Языки рус. культуры, 2000. – 864 с.

24. Пуртова, Т. О. Танки и уты в поэзии Валерия Брюсова // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2019. №4. С. 103–111.

25. Смагина, Е. Б. Манихейство: по ранним источникам. М.: Восточная литература, 2011. – 519 с.

26. Черненко, И. А. Код масона: ритуалы вольных каменщиков в литературе // Научная мысль Кавказа. 2009. №2 (58). С. 98–103.

27. Филичева, В. В. О пародии В. Я. Брюсова на Ф. К. Сологуба / В. В. Филичева // Русская литература. – 2022. – № 4. – С. 277–279.

28. Хосроев, А. Л. История манихейства (Prolegomena). СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2007. – 480 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Поэзия Валерия Брюсова – одного из ярких представителей литературной стихии начала XX века – должным образом изучается в массе критических изысканий. Исследователи касаются поэтики его текстов, тематики, художественных особенностей, жанров. Собственно последний предел и становится точечным уровнем анализа наследия В. Брюсова. Как отмечает автор, «специфика освоения лирических жанров в творчестве основоположника русского символизма продолжает оставаться достаточно малоизученным топосом в литературоведческих исследованиях. В то же время освоение жанровой системы или отдельных жанров, обновление функциональных основ конкретного жанра, изменение его формальных составляющих, выстраивание диалога с другими произведениями, созданными в соответствующем жанре, и т. д. – постоянная практика Брюсова-поэта, Брюсова – теоретика стиха, Брюсова – лидера поэтического направления». Считаю, что концептуальная основа работы выверена, сложно-параметрический грейд объективен. Фактические номинации, которые выводят в ходе суждений достаточно аргументированы: например, «для творчества Брюсова характерно стремление к созданию циклов, в том числе в аспекте жанра. Начало этому было

положено уже в первом сборнике «Juvenilia». Ещё раньше – в сборниках «Русские символисты». Будущие его сборник-каталоги «Все напевы», «Сны человечества» и «Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам» также имеют прообраз в виде желания в середине 1890-х годов написать «Историю русской лирики», или «в сборнике «Chefs d'oeuvre» Брюсов характеризует группу стихотворений в качестве отдельного цельного произведения в условном жанре. В письме к П. П. Перцову он писал так: «В *Méditations* прозы много, но ведь это же зато "идейные" стихотворения, маленькая поэмка души...». Стихотворения, входящие в этот миницикл, рисуют постапокалиптическую картину. Люди оказались в разрушенном мире («Мы, как звери, вгнездились в пещеру»), почти погибли («Наше тело на падаль похоже...»), но ищут диалога с миром трансцендентного...» и т.д. Цитируемый блок выверен, фактическая правка излишня; автор достаточно строг относительно включений стихотворных фрагментов, это примечательно и важно: «нужно отметить также, что брюсовская хайка «Кто называл Любовь?..» – это трансформированная «Танка из Кокинсю» неназванного автора в переводе Мендрин: Кто мог бы это быть, // Что дал любви // Такое имя? // Простое слово – Смерть, // Он мог бы также применить» и т.д. Предметная область работы соотносится с одной из рубрик издания, противоречий в данном случае нет. Считаю, что материал имеет как теоретическую, так и практическую значимость; его целесообразно использовать при изучении творчества Валерия Брюсова, истории русской литературы XX века. Работе присуща должная аналитика, стиль соотносится с собственно научным типом: например, «Брюсов произвёл поэтическую редукцию, переделав одну твёрдую форму в другую и тем самым уплотнив смысл. Кроме того, его хайка стала напоминать афоризм. Интересно, что во всех стихотворениях цикла «Японские танки и хай-кай» поэт стремился ввести в японские жанры элементы западноевропейского эвфонизма: разного рода рифмы, аллитерации, ассонансы. В «Кто называл любовь?..» каждая строка завершается словом, заканчивающимся на «ь». В третьей строке используется анжамбеман, порождающий двойной смысл: кроме «смерти», любовь могла бы получить, например, и личное имя – конкретной возлюбленной». Дробность текста на т.н. смысловые блоки оправдан, читатель легко сможет следить за переходами авторских изводов мысли. Не исключается, а наоборот пестует литературно-критическая основа исследования, в частности отсылка к мыслям М.Л. Гаспарова: «М.Л. Гаспаров, характеризуя формальную сторону «Ассаргадона», обращает внимание на то, что этот сонет представляет собой «классический тип "перечня"»: «все высказывания в катренах и все высказывания в терцетах повторяют друг друга с незначительными вариациями, и это не скрывается, а подчеркивается: каждая из начальных строчек <...> повторяется в тексте еще по разу, вопреки самым элементарным правилам построения сонета. <...> Попытка такого нетрадиционного сонета-перечня с повторами (по образцу виланели) была впервые сделана Брюсовым еще в 1895 году в непечатавшемся стихотворении "Призрак луны непонятен глазам..."». Отмечу объективный императив суждений, правильность терминологических вставок / отсылок, умении верно работать с литературным текстом. Статья являет собой хороший вариант разверстки достаточно непростой литературоведческой темы. Литературный контекст расширен, как и нужно, сегментация верифицирована: Л.Н. Толстой, В.В. Маяковский, Ф. Сологуб, Мацуо Басё и т.д. Методология работы современна, компаративный принцип, что хорошо, доминирует. Выводы по тексту соотносятся с основным блоком: автор отмечает, что «Создание жанровых сверхциклов-каталогов большого объёма, предпринятое Брюсовым, для русской литературной традиции – явление почти беспрецедентное. Поэт наметил дорогу в мировую поэзию как подспорье литераторам и читателям, и сам не сумел, не успел реализовать полностью свои планы. Однако позже отдельные писатели, имея в виду

необходимость культурного и литературного просвещения, создавали свои версии подобных каталогов. В качестве примера можно назвать «Некоторые заметки по стиховедению» (нереализованную книгу «Стиховедение») Д. Л. Андреева», «Создавая подобные стихотворения, Брюсов ориентируется на многообразную литературную традицию – от античности до Западной Европы и России XIX века. И одновременно закладывает основы для подобной поэтической работы, следы которой можно увидеть в творчестве В. И. Иванова, Н. С. Гумилёва, И. Северянина и др.». Текст не нуждается в серьезной правке и доработке, тема как таковая раскрыта, поставленная цель достигнута. Рекомендую статью «Мета-жанровые образования в поэзии Валерия Брюсова» к публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ли С., Баранова Е.А. «Российско-украинский конфликт» через призму пользователей китайской социальной сети «Weibo» // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.40065 EDN: OYRGOE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40065

«Российско-украинский конфликт» через призму пользователей китайской социальной сети «Weibo»

Ли Сюань

ORCID: 0000-0002-0799-0153

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра массовых коммуникаций, Российский Университет Дружбы Народов

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 21, кв. 3

✉ 1042215326@pfur.ru

Баранова Екатерина Андреевна

доктор филологических наук

профессор, кафедра коммуникативного менеджмента, Российский Государственный Социальный Университет

129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, кв. 1

✉ kat-journ@yandex.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.40065

EDN:

OYRGOE

Дата направления статьи в редакцию:

28-03-2023

Аннотация: Предметом данной статьи являются взгляды китайских пользователей сети на «российско-украинский конфликт». Объект исследования – посты в китайской социальной сети «Weibo» по этой теме. Авторы анализируют важность функции соцсети Weibo в производстве общественного мнения и её основных лидеров мнений. Авторы в статье также рассматривают количество постов за месяц (15.02-15.03) в сравнении с другими международными событиями и делают контент-анализ постов, чтобы узнать

основные темы и отношение пользователей соцсети "Weibo" к "Российско-украинскому конфликту". В конце статьи изучают связь результатов исследования со стереотипами о имидже России в Китае. Результаты исследования показывают, что китайские пользователи сети Weibo начали заботиться о событии с начала специальной военной операции, но интерес угас с первым раундом переговоров между Россией и Украиной. За месяц после начала СВО китайские пользователи сети Weibo обращали внимание на роль США в конфликте и санкции Запада против России. Они в основном отражают поддержку российской экономики и несогласии с санкциями Запада против России, что влияет на заявление китайского правительства в отношении этого события. В статье высказывается мнение, что такие взгляды тесно связываются со стереотипами о имидже России в Китае. Итоги исследования показывают, что в отношении будущих международных событий взгляды народов России и Китая будут совпадать.

Ключевые слова:

российско-украинский конфликт, Россия, Китай, китайские пользователи сети, Weibo, контент-анализ, стереотипы, имидж государства, специальные военные операции, санкции Запада

Китайские пользователи сети Интернет уделяют большое внимание российско-украинскому конфликту с начала специальной военной операции. Мы отобрали 1132 поста топ-10 авторов на Weibo по тегу «российско-украинский конфликт», опубликованные в период с 15 февраля по 15 марта 2022 года после того, как разведка США предупредила о возможном вторжении России на Украину. Анализируя эти посты, мы можем видеть тенденцию внимания китайских пользователей Weibo к российско-украинскому конфликту, а также отношение и уровень доверия китайских интернет-пользователей к разведке США. Используя качественный контент анализ, можно узнать, как китайцы относятся к этому событию и влияет ли это отношение на позицию правительства Китая.

Weibo как окно для наблюдения за общественным мнением китайцев о международных событиях

Социальные сети стали важным окном для наблюдения за мнением граждан о конфликтах, и общественное мнение одновременно влияет на их «конструирование». Некоторые исследователи считают, что социальные сети могут снизить затраты на связь и увеличить скорость распространения информации во время конфликтов. Социальные сети стали важным ресурсом в конфликтах, коренным образом изменяя о них информацию, доступную пользователям, и формируя сами конфликты. [\[1\]](#)

Ученые изучили взгляды проукраинских и пророссийских пользователей VK касательно украинского кризиса 2014 года и заметили, что первые считали его ограниченной военной операцией против местных повстанцев, тогда как последние – тотальной войной против русского населения на востоке Украины, поэтому в VK распространяются противоречивые взгляды, и существуют совершенно разные ожидания на платформе по поводу исхода конфликта на Донбассе. [\[2\]](#) В результате стороны конфликта также начали стратегически использовать социальные сети для влияния на общественное мнение за рубежом. [\[3\]](#)

Международное агентство We Are Social, занимающееся исследованиями в области

соцмедиа, совместно с платформой управления виртуальной активностью Hootsuite опубликовало отчет «Digital 2021: China». Согласно отчету, Weibo (Вейбо – микроблог) является наиболее часто используемой социальной сетью в Китае после WeChat.^[4]

Согласно «Отчету о развитии пользователей Weibo за 2020 год»^[5], только за сентябрь 2020 года количество активных пользователей в день достигло 224 миллиона, а число активных пользователей в месяц составило 511 миллионов (для справки: население Китая составляет 1,4 миллиарда человек). Основными пользователями (48%) являются те, кто родился в 1990-х годах.

Weibo превратилась в сегодняшнюю кофейню, позволяющую передавать идеи от одного человека к другому по социальной сети, а не через строгий контроль вещательных СМИ.^[6] Основные функции Weibo включают в себя мгновенное получение и публикацию информации, тем самым реализуя построение человеческих сетей.^[7] Таким образом, лидеры мнений в Weibo играют все более важную роль в инициировании событий и распространении общественного мнения. Они не только направляют производство информации в социальных сетях, но также влияют на общественное мнение и анализ публичных событий.^[8]

По сравнению с другой популярной в Китае соцсетью WeChat, Weibo является более открытой, и также предоставляет пользователям настройки конфиденциальности.

В сети Weibo публикуются микроблоги различных госструктур, СМИ и обычных граждан. Однако, несмотря на то, что Weibo является открытой общественной соцсетью, сила политики и капитала влияет на то, как в ней обсуждаются события. До 2014 года лидерами мнений среди пользователей Weibo были мужчины, в основном старше 60 и 70 лет. Больше всего прислушивались к представителям средств массовой информации, ученым, писателям и бизнесменам. После 2014 года лидерами мнений Weibo стали более молодые пользователи. В Weibo лидеры мнений делают репост контента в другие социальные сети, чтобы привлечь больше поклонников с помощью открытой среды и установить с ними близкие социальные контакты за короткое время.^[9] Влияние лидеров мнений заключается не только в познании и отношении, но может в дальнейшем реализовываться и в поведении.^[9]

Внимание китайских пользователей Weibo к российско-украинскому конфликту

Пользователи Weibo не могли не оставить без внимания российско-украинский конфликт. Интерес к нему возник с начала путинской специальной военной операции, однако быстро угас с первым раундом переговоров между Россией и Украиной.

До специальной военной операции, американские СМИ опубликовали новости о возможном вторжении России на территорию Украины 16 февраля. Но тогда китайские пользователи Weibo не восприняли эту новость всерьез, и поэтому не обратили на нее внимания. А после подписания президентом Владимиром Путиным указов о признании Донецкой и Луганской Народных Республик и начала военного конфликта с Украиной почти половина ежедневных поисковых запросов в Weibo была посвящена конфликту между Россией и Украиной. Можно выделить пять ключевых слов, связанных с российско-украинским конфликтом: «Россия Украина», «Путин», «Зеленский» и «НАТО». Исходя из того, что определение начала российско-украинского конфликта разнится, в этой статье изучаются новости с 15 февраля, за неделю до того, как Путин отдал приказ о проведении специальной военной операции, когда СМИ США предупредили о

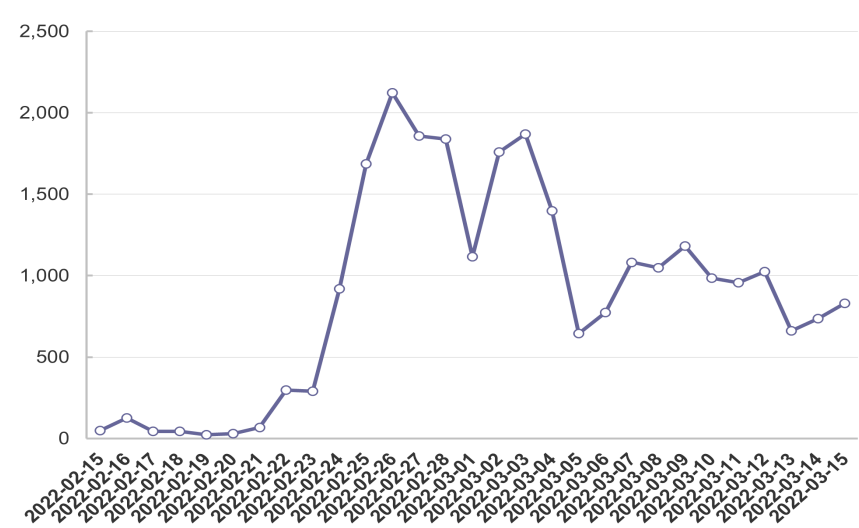
возможности военного конфликта между Россией и Украиной. В первую пятерку ключевых слов по теме «российско-украинский конфликт» входят: Россия, США, Украина, страны Запада и конфликты. Среди них самые популярные темы на Weibo: Россия Украина, Путин, Зеленский, НАТО. По состоянию на 15 марта, индекс горячих дискуссий ^[10] выглядел следующим образом:

таблица 1

	Россия Украина	Путин	Зеленский	НАТО
за час	46699(+11%)	12019(+14%)	31863(+1%)	25268(-16%)
за 24 часа	804691(+15%)	171136(-17%)	326061(+88%)	224126(+9%)

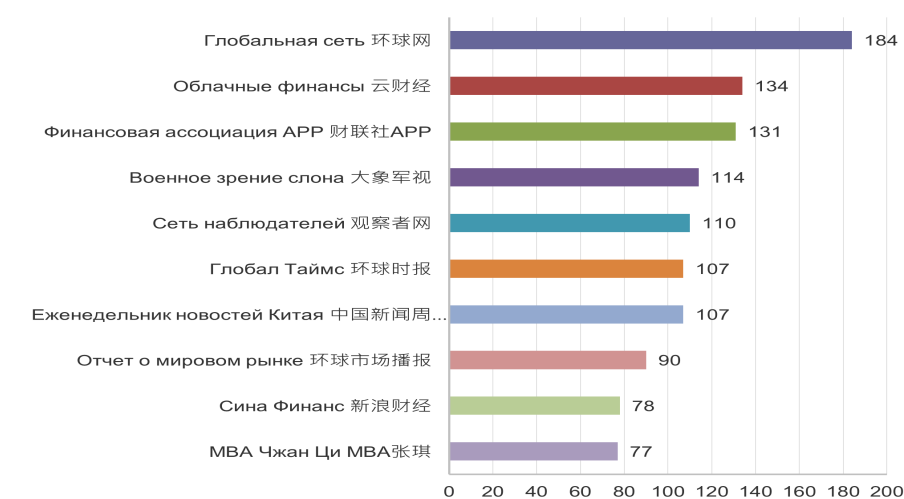
Тенденция количества постов Weibo о российско-украинском конфликте показана ниже:

Рисунок 1 Тенденция количества постов Weibo о "российско-украинском конфликте"

В первую десятку авторов, опубликовавших больше всего статей о российско-украинском конфликте, вошли следующие:

Рисунок 2 Топ-10 авторов, опубликовавших больше всего постов о "российско-украинском конфликте"

Из приведенных выше четырех таблиц видно, что, когда американские СМИ объявили о возможном нападении России на Украину, китайские интернет-пользователи придали мало значения тому, будет ли 16 февраля настоящая военная операция, пока Путин не отдал приказ о проведении специальной военной операции. Пик количества статей на эту тему пришелся на 26 февраля, в этот день российские официальные лица заявили, что президент России Владимир Путин пообещал направить более 50 процентов своих войск на конфликт между Россией и Украиной. После того, как 3 марта завершился второй раунд переговоров между Россией и Украиной и стороны достигли договоренности об установлении гуманитарных каналов для временного прекращения огня, количество связанных статей в Weibo снова достигло пика. После этого внимание к российско-украинскому конфликту на Weibo в целом снизилось. В то же время, открытие зимних Паралимпийских игр в Пекине 4 марта и созыв «двух сессий» Китая 5 марта отвлекли внимание пользователей сети.

Блогеры, которые размещали новости о российско-украинском конфликте, были в основном официальными. За месяц больше всего постов разместила «Глобальная сеть». Ведущие блогеры, в основном финансовые, помимо военных тем также обращали внимание на экономическое влияние конфликта, в том числе экономические санкции против России со стороны западных стран в связи с глобальными экономическими потрясениями.

Китайские пользователи сети Weibo обращают внимание на роль США в конфликте и не одобряют санкции против России

Через пять кодирований десяти самых популярных рейтингов контента: «Санкции западных стран против России», «Гуманитарный аспект конфликта», «Роль США в конфликте», «Санкции транснациональных корпораций против России», «Отношение Китая», получают следующие результаты:

Таблица 2

Роль США в конфликте	Западные санкции против России	Гуманитарный аспект конфликта	Санкции транснациональных корпораций против России	Отношение Китая
3	2	2	1	1

Из таблицы выше видно, что пользователей сети Weibo больше беспокоит роль США в

конфликте между Россией и Украиной, в том числе их интересуют следующие моменты: «почему Россия должна согласиться с присутствием НАТО на Украине, если США не могут принять военное присутствие на Кубе?», «организация США встречи влиятельных «интернет-знаменитостей» для пропаганды», «заявление президента США 25 февраля о том, что американские военные не будут участвовать в российско-украинском конфликте», несмотря на оказание в дальнейшем военной помощи Украине. Комментарии на эту тему в основном негативные, например, самый популярный комментарий под этой новостью в «People's Daily» — «у них (США) самая толстая кожа».

Первая популярная новость посвящена «эффекту бумеранга» Европы после введения экономических санкций против России. Кроме того, США тоже страдают от инфляции из-за санкций. Помимо экономических санкций, внимание общественности также привлекла новость о введении странами Запада санкций против российских кошек. Китайские интернет-пользователи считают, что эта санкция очень смешна и неразумна, и западные страны пользуются любой возможностью, чтобы ввести санкции против России. Санкции против России напомнили китайским интернет-пользователям подобные испытания в торговой войне между США и Китаем в 2017 году.

При кодировании «гуманитарного аспекта конфликта» учитывались «два китайских студента, застреленных в общежитии Харьковского института культуры» и «немецкие торговцы людьми, преследующие украинских беженцев». Первая новость показалась ложью, а вторая отражает, что, несмотря на заявления западных стран о принятии украинских беженцев, они не могут их должным образом расселить.

В новостях о санкциях, введенных транснациональными компаниями против России, некоторые пользователи сети Weibo заявили об отказе использовать Didi и Lenovo, поскольку обе компании приняли решение о приостановке обслуживания в России. Фактически, 24 февраля, на третий день после официального объявления Didi о закрытии своего российского бизнеса, конфликт между Россией и Украиной обострился. Отказ от участия на российской рынке в это время стал очень деликатным, и некоторые европейские и американские компании ввели санкции против России под разными «предлогами» из-за споров. Решение Didi уйти из России в это время было неизбежно ошибочно истолковано, и это непонимание было поднято на очень высокий уровень. Таким образом, это «досадное совпадение» после официального объявления о закрытии встретило возражение пользователей Weibo, так что Didi объявила об изменении своего первоначального решения уйти с российской рынка, о чем после опубликовала информацию на Weibo 26 февраля. Китайские пользователи Интернета демонстрируют беспрецедентные масштабы «противодействия санкциям против России». 3 марта на Weibo появилась новость о том, что китайцы спешат купить «товары Национального павильона России» на платформе электронной коммерции Jingdong (JD.com). Количество поклонников Национального павильона Пакистана на платформе Jingdong, которая объявила, что не будет вводить санкции против России, также резко возросло. Комментарии пользователей Weibo по поводу этого инцидента в основном выражают поддержку России в условиях западных экономических санкций, а интернет-пользователи, купившие российские товары, в основном хвалят их качество.

В новостях об «отношении Китая» в основном призывают к тому, чтобы «китайский народ твердо стоял на позиции Китая», а «дела китайского народа решались самим народом». Этот призыв в основном связан с манипуляциями Украины со стороны западных стран в российско-украинском конфликте. Среди 100 самых богатых людей Украины сбежали 96, а остальные 4 не смогли сбежать из-за судебного дела, что отражает отсутствие солидарности в стране. В то же время китайских интернет-пользователей призывают

оставаться рациональными и бдительными в отношении клеветы против Китая в поле международного общественного мнения. Например, во время российско-украинского конфликта некоторые пользователи распространяли информацию порнографического характера под видом «гуманитарной помощи», в своих постах указывали, что добровольно приняли 1-2 российских или украинских соотечественников из гуманитарных принципов, и при этом писали комментарии о желании познакомиться с красивой и светлокожей украинкой 18-26 лет. Под влиянием западного «Великого переводческого движения» этот небольшой по объему контент грубого характера был массово опубликован западными СМИ. 26 февраля «Китайская новостная сеть» Weibo опубликовала пост «Призыв к рациональному заявлению о войне» (всего 43 СМИ ответили на призыв), в котором говорится, что в сегодняшнем интернационализированном мире слова и поступки каждого из нас в определенной степени формируют национальный образ, и наша обязанность – ответственно поддерживать благоприятную социальную среду.

Выводы: стереотипы о России влияют на отношение китайских интернет-пользователей к российско-украинскому конфликту

Имидж государства основывается на устойчивой и дифференцированной политико-психологической основе. Стержневым элементом национального имиджа является сложившийся у каждого человека стереотип о других странах. Стереотипы о других странах во многом связаны с политической когнитивной схемой человека. Основываясь на определенных характерах и поведении членов общества, люди строят свои представления о государствах и их жителях. Такие представления являются упрощенным обобщением и могут быть как положительными, так и отрицательными.^[7] Стереотипы о других странах могут сильно повлиять на отношение людей к соответствующим международным событиям. Это особенно заметно в ситуациях, когда распространяются фейковые новости, которые трудно отличить от правды. В таких случаях стереотип о государстве может отразиться на мнении граждан. Например, в российско-украинском конфликте люди могут выбирать, кому верить, и кто является «жертвой», а кто «агрессором», в соответствии со своими стереотипами. Например, за неделю до спецоперации России на Украине, сервис Weibo, который был сертифицирован как аккаунт премьер-министра Великобритании и уже не обновлялся более трех месяцев, внезапно обратился к президенту России Владимиру Путину с сообщением о кризисе на Украине: «Мы находимся на краю обрыва». На следующий день аккаунт посольства России в Китае ответил, что это еще один пример информационной войны со стороны Запада против России. Пользователи Weibo больше склонны верить заявлению посольства России в Китае и его репосты, включая шутку президента Путина о том, что «страны Запада точно знают, через сколько минут Россия нападет на Украину». Ранние обвинения западных СМИ в сторону Китая о якобы существующих уйгурских концентрационных лагерях в Синьцзяне и т.п. привели к тому, что китайские пользователи Weibo больше склонны верить заявлениям России. В книге «Выиграл ли Китай?» бывшего председателя Совета Безопасности ООН Кишора Махбубани упоминается, что западные СМИ мало рассказывают о невероятном экономическом развитии Китая и его вкладе в сокращение бедности. Это связано с тем, что чрезвычайно положительные результаты этого развития не получают должного признания.^[8] То есть западные СМИ избегают сообщений о положительных аспектах Китая и чаще обращают внимание на негативные события. Опрос 2021 года, проведенный Чикагским советом по глобальным делам и Левада-центром, показал, что на сегодняшний день 75% россиян относятся к Китаю положительно. Интересно, что

отношение к Китаю резко улучшилось в 2014 году на фоне украинского кризиса: за полгода положительные оценки Китая выросли с 55% до 77%. Более половины опрошенных (55%) считает, что укрепление отношений России и Китая положительно влияет на международное положение России.^[9] Дружественные отношения России и Китая основываются на взаимопонимании, что способствует оказанию взаимной помощи в трудных экономических ситуациях. В результате этого китайские граждане надеются оказать реальную поддержку российским гражданам в российско-украинском конфликте. Стоит отметить, что сначала на фоне отсутствия четкого заявления МИД Китая, ввиду разных позиций китайских пользователей Weibo, происходили столкновения и даже ссоры. Опубликованные после китайскими официальными СМИ рациональные посты смогли примирить разные мнения и заставить пользователей Weibo ждать развития ситуации и объяснения от официальных СМИ. Поддержка российской экономики китайскими пользователями Weibo и их недовольство западными санкциями, введенными против России через месяц после начала специальной военной операции, также повлияли на заявления китайского правительства. 7 марта 2022 года министр иностранных дел Ван И подчеркнул, что Китай и Россия сохраняют свою стратегическую решимость и будут постоянно продвигать всестороннее стратегическое партнерство в новую эпоху.^[10] Это также означает, что в будущем Китай и Россия могут придерживаться схожих взглядов касательно международных событий.

Родившиеся после 1990-х и 2000-х гг. составляют почти 80% пользователей китайской платформы Weibo, то есть пользователи моложе 30 лет составляют более 80% пользователей Weibo. Внимание и отношение к российско-украинскому конфликту показывает, что китайская молодежь проявляет большую благосклонность к России, а в российско-украинском конфликте Китай готов понять бедственное положение России и оказать конкретную поддержку.

Роберта Кац, старший научный сотрудник Стэнфордского университета, Сара Огилви, старший научный сотрудник Оксфордского университета, и Джейн Шоу, профессор и вице-президент Оксфордского университета указывают в их новой книге «Расшифровка поколения Z: искусство жить в эпоху цифровых технологий», что социальные сети еще больше влияют на идентификацию личности поколения Z. Это также означает, что такие вопросы, как «кто сказал и сделал», «принадлежит ли этот человек к нашей группе?» и другие вопросы, указывающие на идентичность, становятся решающим фактором в вопросе «следует ли продолжать слушать», то есть «мы живем в эпоху, когда важно не то, что говорит человек, а то, кто это сказал». ^[11] Такой способ суждения может подтвердить чувство безопасности в группе. Другими словами, для поколения Z это эпоха «истина после идентичности».

Во время специальной военной операции молодые китайские интернет-пользователи показали, что они больше верят заявлениям российских СМИ. Такое отношение является результатом долговременного представления китайскими СМИ дружественного образа России и свидетельствует о памяти китайского народа о китайско-советской дружбе. Отношение, демонстрируемое молодым поколением Китая, означает, что политика России «Поворота на Восток» будет пользоваться большой популярностью в Китае.

Библиография

1. Зейтцф Т. Как социальные сети меняют конфликт // Журнал разрешения конфликтов. – 2017. – №(61). – С. 1970-1991.
2. Махортых М., Сидорова М. Социальные сети и визуальное оформление конфликта на востоке Украины // Медиа, война и конфликты. – 2017. – № 10(3). – С. 359-381.

3. Хиршбергер, Б. Внешняя коммуникация в социальных сетях во время асимметричных конфликтов: теоретическая модель и эмпирический пример конфликта в Израиле и Палестине. Билефельд: стенограмма Verlag. 2021.
4. Саймон Кемп, DIGITAL 2021: CHINA, 09.02.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-china> (Дата обращения: 14.03.2022)
5. Центр обработки данных «Вейбо», отчет о развитии пользователей Вейбо 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.weibo.com/report/reportDetail?id=456&sudaref=www.google.com.hk> (Дата доступа: 14.03.2022)
6. Стендедж, Т. Надпись на стене: социальные сети, первые 2000 лет/ Нью-Йорк: Bloomsbury, 2013. – 365-366 с.
7. Юй Гомин, Ценность микроблога: основные функции, расширенные функции и дополнительные функции // Новости и написание. – 2010. – №309(03). – С. 61-63.
8. Цзинмин, Чжу Яньдань, Фэн Синьяо, Исследование модели формирования влияния лидеров мнений Weibo // Университет журналистики. – 2021. – №07. – С. 1-13+119.
9. Сюй Сян, Лю Цзяци и Цзинь Цзин, Исследование пользователей парадигмы мнений и путей их действий в пространстве микроблогов. // Университет журналистики. – 2021. – №07. – С. 14-32+119-120.
10. Кац Р., Огилви С., Шоу Дж. и Вудхед Л. Поколение Z, Объяснение: искусство жизни в эпоху цифровых технологий [М]. Чикаго: Издательство Чикагского университета. 2021, С. 191.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Российско-украинский конфликт» через призму пользователей китайской социальной сети «Weibo», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка и культуры в нашей стране. В статье рассматриваются актуальные вопросы понимания китайцами современной политической ситуации. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем (направления исследования), так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников.

Практическим материалом для исследования послужили посты по данной теме (15.02—15.03 2022 года) на социальной платформе Weibo. Автор не указывает объем выборки и его принципы, почему столь неравномерный корпус был отобран?

Структурно отметим, что в данной работе не в полной мере соблюдены основные каноны

научного исследования. Работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, но в нем отсутствует упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, которая не начинается с обзора теоретических источников и научных направлений. К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Заключение в настоящей работе отсутствует по сути своей, так как в заключение должны быть представлены результаты исследования и его перспективы, а не перечислено то, что сделано.

Библиография статьи насчитывает 10 источников, среди которых представлены научные труды как на русском, так и на китайском языках. Однако возникает вопрос: ознакомился ли автор с оригинальными работами на китайском языке или они представлены в переводе, так как из оформления словарной статьи нет возможности понять это. В списке использованных работ отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно бы усилило теоретическую значимость работы.

В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания цитируемых трудов.

Язык статьи простой, а не научный. Статья изобилует стилистическими неточностями, рассогласованием, к примеру:

«...на социальном платформе ...,

...основные содержания...,

...с помощью качественного контента анализа, в том числе популярность новостей...,

...через строгую контроль вещательных...,

Количество поклонников Национальный павильон...» и ряд других по тексту статьи.

Возникает вопрос, что означает рукописная подпись «Ли Сюань» после каждого графика? Это отсылка на первоисточник? Тогда она оформлена не в соответствии с общепринятыми требованиями. Если это указание на собственно автора, то в данном случае нарушается принцип анонимности рецензирования.

Статья посвящена изучению текстов китайской соцсети, статья написана на русском языке. Возникает вопрос – почему названия рисунков даны на английском языке без перевода?

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по журналистике и теории дискурса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Российско-украинский конфликт» через призму пользователей китайской социальной сети «Weibo» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после 1) исправления стилистических неточностей текста, опечаток и орфографических ошибок, 2) расширению списка цитируемой литературы и обращению к фундаментальным работам, 3) технически верному оформлению источников, 4) указания задач работы и глубины исследования заявленной проблематики, 5) усиления выводов по итогу проведенного исследования.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование научная статья на тему: «Российско-украинский

конфликт» через призму пользователей китайской социальной сети «Weibo»» представляет собой исследование актуальной проблемы формирования имиджа современного государства посредством социальных сетей. Оно было проведено на примере китайской социальной сети Weibo. Авторами дана общая характеристика и оценка общественной значимости данной сети как лидера общественного мнения. В частности, авторами подчеркнуто, что она включает в себя мгновенное получение и публикацию информации, тем самым реализуя построение человеческих сетей. Иными словами, лидеры мнений в Weibo играют все более важную роль в инициировании событий и распространении общественного мнения на примере современной, прежде всего, китайской общественности.

С точки зрения оформления статьи необходимо отметить, что она, в целом, соответствует требованиям, предъявляемым к такому виду научных работ.

Статья структурирована и содержит теоретическое обоснование исследуемой проблемы. Положительно следует отметить широкий список использованных при подготовке статьи научных статей, других источников и информационных материалов отечественных исследователей и зарубежных учёных. Между тем, следует отметить также, что в рамках статьи не проведено широкой научной дискуссии. Возможно, предлагаемый исследовательский дизайн статьи ее не предполагал осуществлять. Заслуживает положительной оценки и количество использованного контента, подвергнутого анализу в целях реализации задач исследования. Это 1132 поста топ-10 авторов на Weibo по тегу «российско-украинский конфликт», опубликованных в период с 16 февраля по 15 марта 2022 года после того, как разведка США предупредила о возможном вторжении России на Украину. Статья содержит визуализированный материал – таблицы, графики, что улучшает восприятие материала статьи и делает ее более привлекательной для читателя.

Атором/авторами статьи представлены достаточно обширные выводы. Одноименный раздел выглядит достаточно объёмным.

Содержательно рецензируемая статья вызывает неподдельный интерес, так как предлагает видение значительной части китайского общества проблемы проведения СВО Россией на Украине. Усиливает исследовательский и читательский интерес определенные всплески и этапы формирования мнения по современным отношениям России и Украины, политическим и военно-политическим решениям, принимаемым в указанный период. Авторы отмечают более положительное отношение китайской общественности к России. Следует отметить, что такого рода научных статей не так много в соответствии со сделанным нами выводом на основе данных открытых научных специализированных источников – Научной электронной библиотеки, РГБ и т.д.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, считаем, что рецензируемая научная статья на тему: «Российско-украинский конфликт» через призму пользователей китайской социальной сети «Weibo»» заслуживает положительной оценки и ее опубликования в искомом научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Платицын А.В., Арепьев А.В., Голованов А.Н. «Привет, подружка»: рекламный нарратив в контексте визуального поворота (на примере брендов Wrigley's и Dirol) // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70396 EDN: OVWBQF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70396

«Привет, подружка»: рекламный нарратив в контексте визуального поворота (на примере брендов Wrigley's и Dirol)

Платицын Александр Владимирович

магистр; кафедра журналистики, медиакоммуникаций и рекламы; Московский университет имени А.С. Грибоедова

111396, Россия, Москва, г. Москва, ул. Зеленый Проспект, 66А, каб. 311

✉ alexanderplatitsyn@gmail.com

Арепьев Андрей Валентинович

старший преподаватель; кафедра перевода, переводоведения и межкультурных коммуникаций; Московский университет имени А.С. Грибоедова

111396, Россия, Москва, г. Москва, ул. Зеленый Проспект, 66А, каб. 211

✉ avarepev@yandex.ru

Голованов Александр Николаевич

преподаватель, кафедра Истории журналистики и литературы, Московский университет имени А.С. Грибоедова

111396, Россия, Москва, г. Москва, ул. Зеленый Проспект, 66А, каб. 311

✉ headmanjr@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70396

EDN:

OVWBQF

Дата направления статьи в редакцию:

08-04-2024

Аннотация: Предметом исследования являются материалы рекламных компаний

Аннотация. предметом исследования являются материалы рекламных кампаний брендов-производителей жевательных резинок Wrigley's (1930) и Dirol (2008). Объектом исследования является специфика рекламного нарратива в условиях обращения к оптическому языку коммуникации. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как нарративная структура рекламного текста и визуальные средства представления наглядных образов. Особое внимание уделяется динамичному контексту визуального поворота, а также основным эстетическим характеристикам рекламных материалов на разных исторических этапах. Предмет настоящей статьи рассматривается с точки зрения смены коммуникативной парадигмы, смешения вербального и оптического на экранной плоскости. Отмечаются основные направления, связанные с новой визуальной реальностью, благодаря которым определяется значение эстетики, степень ее влияния на актуальные форматы медиатекста. Методология исследования базируется на общенаучных методах работы с медиатекстом, в частности на описательном и контрастивном методах. Также в рамках предметного анализа задействуется спектр общефилологических методов, среди которых трансформационный, контекстологический и семантико-стилистический методы. Новизна исследования заключается в артикуляции эстетических компонентов анализа современного рекламного продукта. Основными выводами проведенного исследования являются наблюдение и толкование мотива двойничества в пределах рекламного нарратива, а также синкретический характер иконического образа и субъективного восприятия зрителя. Медиатекст предстает средством высвобождения образа из внешнего поля и его интеграции в эстетический опыт реципиента. Особым вкладом авторов в исследовании темы является обобщение двух ключевых измерений рекламного текста (нарративное, визуальное) и формулировка объективных критериев, позволяющих обнаруживать закономерности в рекламных нарративах (повторяемость сюжета, изменяемость визуальных средств, тождественность объектов рекламы, наличие достаточной исторической дистанции). Подчеркиваются возможные направления будущих исследований визуального поворота в различных отраслях, включая телевидение и кинематограф.

Ключевые слова:

Рекламный нарратив, визуальный поворот, мотив двойничества, рекламный плакат, телевизионная реклама, медиатекст, культурный код, иконическое, эстетика, образ

Рекламный нарратив в условиях медиаконвергенции испытывает влияние множества разнородных факторов. Главным из них принято считать технический аспект, то есть эволюцию аппаратных средств, которые позволяют передавать и распространять информацию. Однако в наше время доминирующие позиции в гуманитарных исследованиях занимает практика междисциплинарных работ, объединяющих разные методики, в том числе культурологического толка. Ряд исследователей (М. Маклюэн [\[1\]](#), М. Кастельс [\[2\]](#), В. В. Савчук [\[3\]](#), В. А. Евдокимов [\[4\]](#), М. Беднарек [\[5\]](#)) так или иначе обращались к культурному коду времени в целях интерпретации медиадискурса. Взаимосвязь между эстетикой и теорией коммуникации разработана в лекциях Ф. Киттлера [\[6\]](#).

Американский философ С. Сонтаг уже в середине 1970-х годов обращает внимание на коренное изменение структуры массовой коммуникации. По Сонтаг, в основе этого изменения лежит ориентация на интенсивное потребление не столько смыслов, сколько форм контента. В частности, она пишет, что «желание подтвердить реальность и

расширить опыт с помощью фотографии — это эстетическое потребление, которым сегодня заражены все» [7, с. 18]. Важно для нас обратить внимание не на сам процесс капитализации, но на его эстетический характер. Такого рода констатация означает, что массовая коммуникация на исходе века настраивается на визуальные ряды и — в более узком смысле — на зрительную перцепцию аудитории, что напрямую сопряжено с эстетизацией. Философ В. Мартынов также фиксировал инерцию визуального поворота в семантическом пространстве поздних 2000-х: «Выскальзывание из-под власти слова – это не соблазн, а данность <...> время, в которое мы живем, совпало со временем, когда на смену вербально ориентированной парадигме культуры приходит парадигма визуально ориентированная» [8].

Немецкий искусствовед Г. Бём в 1994 году первым формулирует концепт визуального поворота (*ikonische wende*). Его сущность заключается в переходе от классической вербальной модели общения к визуальным коммуникативным средствам. В фокусе внимания Бёма находятся вопросы, связанные со структурой образа и его ресурсным потенциалом. Он апеллирует к новой визуальной оптике, согласно которой «то, что даровано Логосу, должно быть также даровано образу, пусть и по-своему» [9, с. 31] (перевод наш — А.П., А.А., А.Г.). Важно отметить, что визуальный поворот не встает в оппозицию предшествующим трактовкам образа, он лишь предлагает альтернативу. Поскольку образ может быть истолкован как лингвистически (Р. Рорти), так и сквозь призму философии искусства, иконическое само по себе составляет предпосылку для междисциплинарности в вопросах осмысления эстетических феноменов.

Современные исследователи выделяют три базисных типа академической рефлексии визуального поворота: 1) тотальная реакция (иконическое вытесняет привычные формы взаимодействия, тем самым радикально преобразуя культурный код); 2) локальная реакция (иконическое вступает в диалог с привычными формами взаимодействия, и далее — либо конструирует синтетическую общность, либо сепарируется от них); 3) инструментальная реакция (попытка адаптировать субъект-объектные отношения под возникшую тенденцию в узкоспециальных отраслях) [10].

Случай тотальной реакции наиболее репрезентативен в социальных и политических науках, где поляризация мнений в последние годы набирает выразительный оборот. Другим областям гуманитарного знания свойственен более консервативный подход, направленный на теоретическое осмысление посредством синтеза (локальная реакция). Что касается медиаисследований, то здесь актуальнее прочих представляется инструментальная реакция, поскольку, во-первых, рынок информации характеризуется как узкоспециальная отрасль в авангарде гуманитарного дискурса, а во-вторых, динамика информационных потоков определяет своевременный характер разрешения тех или иных теоретических противоречий в пользу утилитарной эффективности.

На сегодняшнем этапе визуальный поворот диктует инерционную динамику трансформации актуальных средств наглядного представления образов в информационных источниках. Эта динамика просматривается прежде всего в формах массовой культуры. Медиатекст испытывает на себе метаморфозу художественного языка. Таким образом, осуществляется его интеграция в горизонтальное импульсное поле, производящее различные эстетические впечатления. Определим несколько основных направлений, связанных с визуальной реальностью:

1 . Массовый коммерческий кинематограф. На этапе 1970-х начинается активное использование трехмерной компьютерной графики прежде всего для воссоздания

искусственных физических объектов. После выхода киноленты «Челюсти» (1975, реж. Стивен Спилберг) в языке закрепляется понятие «блокбастер», определяющее коммерческий успех проектов, которые концентрируют внимание зрителя на визуальной стороне картины, в отличие от сценарной [\[11\]](#).

2 . Телевидение. Кризис информационных жанров на телевидении после 1980-х разрешается посредством интенсификации развлекательного спектра передач. Процент американских домохозяйств, имеющих в своем распоряжении по крайней мере один телеприемник, достигает пиковой точки в сезоне 1996-97 (98.4%) [\[12\]](#). Возникает бинарный термин «инфотейнмент», отражающий конвергенцию телевизионных форматов [\[13\]](#).

3 . Реклама. Отечественный медиарынок на фоне резких экономических изменений встречается с приватизацией прессы. Как писал на этот счет А. Левинсон, «при дефицитарном строе экономики, то есть при социализме, невозможна реклама. <...> Большинство из потребителей рекламы у нас в стране выросли именно при дефиците и без рекламы. Появление последней для них есть составная часть не до конца пережитого шока» [\[14\]](#). Важно обратить внимание на социокультурный характер этих размышлений. Здесь реклама рассматривается как лишь одно из звеньев цепи психологических потрясений. Подобная постановка вопроса на заре становления рекламной отрасли актуализирует необходимость расширения методологической базы в сфере продвижения частных предприятий, объектов творчества и персональных образов.

Говоря об эстетизации рекламного продукта более предметно, следует заведомо разделить его ключевые компоненты с точки зрения их воздействия на публику. Классический рекламный текст состоит из по крайней мере двух равновеликих измерений: 1) нарративное, включающее в себя содержание послания, его композиционную структуру; 2) визуальное, связанное главным образом со стилистическими аспектами организации послания. Мы исходим из гипотезы, согласно которой нарративное измерение нужно рассматривать как постоянную величину, уходящую корнями в литературный текст, и далее — в мифологию; в то время как визуальное измерение подвержено динамике социального запроса, что определяет его переменный характер.

Выбор частного примера для анализа в границах означенной темы может существенно дополнить картину ситуации, если мы обратим внимание на несколько объективных критериев, среди которых повторяемость сюжета, изменяемость визуальных средств, тождественность объектов рекламы, наличие достаточной исторической дистанции. Эти критерии позволяют нам обнаружить закономерность и отделить ее от корреляции, или же «ложной диагностики» рекламного нарратива.

Предметом нашего внимания являются материалы двух крупных компаний-производителей жевательных резинок Wrigley's и Dirol. В первом случае мы имеем дело с американским рекламным плакатом марки Doublemint. Отличительной чертой этой марки был элемент артикуляции «двойной силы» перечной мяты. Проводниками этого концепта служили первые рекламные кампании представленной марки, в которых принимали участие реальные близнецы [\[15\]](#). В 1930-х появляются цветные листовки и рекламные плакаты, где фигуры близнецов редуцируются в идентичные женские образы (см. рис. 1).

Рис. 1

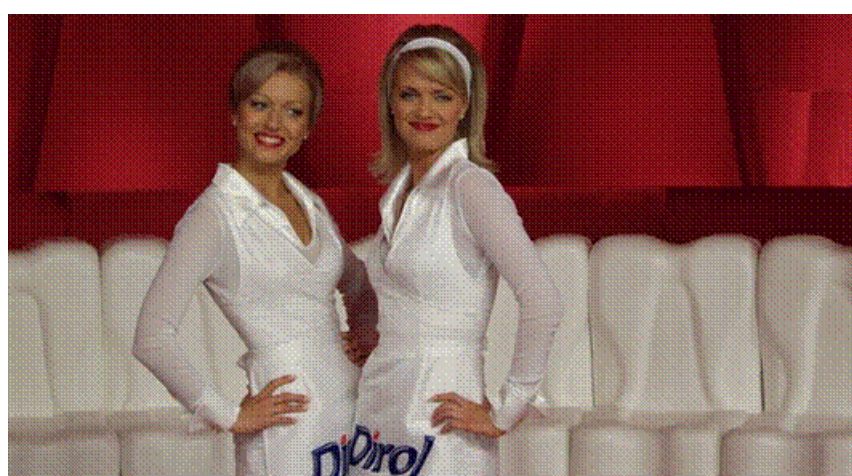

Рис. 2

Во втором случае мы обращаем внимание на телевизионный ролик марки Dirol «Сладкая мята» (2008). Героини ролика — две девушки, одетые в почти одинаковые белоснежные наряды (см. рис. 2). Они симулируют процесс «отбеливания» зубов в декоративном пространстве, стилизованном под ротовую полость. Характерно, что слоганом рекламной кампании становится фраза: «Привет, подружка!». Таким образом, в семантическом пространстве бренда обнаруживается эксплицитное указание на «двойственность» рекламного нарратива.

Мотив двойничества имеет обширные мифологические и литературные корни [\[16, 17\]](#). Традиционно двойничество принято понимать как своеобразную проекцию того или иного участка личности одного героя художественного текста на образ другого. При этом, называть персонажей двойниками имеет смысл лишь в том случае, если они обладают набором сходных качеств, наглядно демонстрирующих общность их происхождения. Обращаясь к литературоведческим работам, мы замечаем, что двойничество вариативно и способно преломляться соразмерно авторскому почерку. Так, например, исследователи обращают внимание на инварианты двойничества в поэтике Анны Ахматовой, которые также далеки от конвенционального прочтения этого мотива. Как пишут Л. Г. Кихней и О. Р. Темиршина, «герои, выходящие из зеркала, дwoятся, образуя коридор зеркальных отражений. Но это не простое двойничество, когда налицо "реальный" персонаж и его "нереальное" отражение, это бесконечное зеркальное двоение, при котором истинный прототип исчезает в глубине зеркальных

коридоров и оставляет лишь бесконечное множество смысловых возможностей» [\[18\]](#).

Реальность визуального поворота воздействует на канонические формы репрезентации двойничества. Если в христианской традиции мотив отражает структуру человеческой души, борьбу желаний и помыслов, то современная оптика смещает акценты в пользу «раскадровки» объектов осязаемой действительности. Рекламный нарратив стремится к наглядности в изображении желаемых эффектов, к устранению несовершенств, недостатков внешнего облика. Это наблюдение, пускай и выходит за пределы жанровых рамок, тем не менее согласуется с идеей двойничества с точки зрения переоценки свойств реальности, несовершенства ее природы. Как пишет на этот счет А. Крылова, «введение в произведение внешнего двойничества всегда маркирует эстетическую установку автора на неприятие современной ему действительности» [\[19\]](#).

В обоих примерах рекламных работ мы наблюдаем, как визуализация выступает проводником к интенсификации подсознательного творчества. Плакат Wrigley's Doublemint иллюстрирует «ядро» рекламного нарратива, определяемое желаемыми свойствами жевательной резинки, в то время как телевизионный ролик Dirol развивает этот мотив в направлении эффектного представления самого процесса потребления товара — героини видеоклипа «очищают» зубную поверхность, устраняя нежелательные загрязнения. Потребительский опыт соотносится с героической историей продукта, где последний наделяется субъектностью на экране. Иконический образ высвобождается из внешнего поля, активизируя внутренние ресурсы личности для экстернализации. На этот синкретизм указывает в частности вводная реплика первой героини рассматриваемого видеоролика: «Привет, подушка!». Наличие этой фразы в контексте общего лаконизма клипа Dirol выражает ассоциативную связь между формой продукта и аксиологической установкой на взаимопонимание и дружбу, характерной исключительно для мыслящего субъекта. Здесь намеренный акцент на ассонансном совпадении лексем «подушка» и «подружка» подкрепляется оптическим сходством двух героинь, что вновь подчеркивает симфонию зрителя и образа. Как замечает И. Инишев, анализируя взгляды Джеффри Александера, «воспринимающий становится в какой-то степени и на какое-то время воспринимаемой вещью», или же «иконой» [\[20\]](#).

Мотив двойничества, рассмотренный нами на примере двух рекламных кампаний, утверждает статический характер нарративного измерения. В свою очередь пластичность, гибкость визуального измерения отражает динамику стилистических средств, а также особую методологию современной рекламы. Синтез этих двух измерений на экранной поверхности обеспечивает многомерную интеракцию между образом, продуктом и воспринимающим субъектом (зрителем), где их эмпирические свойства носят взаимообратимый характер, переходя из одного состояния в другое. Таким образом, условия визуального поворота преобразуют этос рекламного нарратива, предлагая зрителю широкий круг эстетических впечатлений, заключенных главным образом в ролевых моделях актуальной коммуникативной формации.

Подводя итог, следует отметить, что наши выводы представляют собой не что иное, как частный случай инструментальной реакции в отдельно взятом направлении визуальной реальности. Культурологический фактор не исчерпывает своего влияния границами предметной области и может быть далее рассмотрен в том числе посредством иных регистров академической рефлексии, в других научных дисциплинах и ракурсах. Особый интерес представляет перспектива дальнейших исследований рекламного нарратива в контексте визуального поворота, а также другие изыскания эстетического толка в сфере телевидения и кинематографии.

Библиография

1. Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2023. 464 с.
2. Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010.
3. Савчук В. В. Медиа внутри нас // Звезда. 2012. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2012/6/media-vnutri-nas.html>
4. Евдокимов В. А. Массмедиа в социокультурном пространстве: Учебное пособие. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2024. 224 с.
5. Bednarek M. Language and Characterisation in Television Series: A corpus-informed approach to the construction of social identity in the media. Amsterdam: John Benjamins, 2023. 279 p.
6. Киттлер Ф. Философия литературы: Берлинские лекции 2002 / пер. с нем. А. Белобратова. М.: Московский международный университет. Московская школа нового кино: Издательство Des Esseintes Press, 2023. 352 с.
7. Sontag S. On Photography. New York: Farrar Straus and Giroux, 1977.
8. Нилогов А. Выскальзывание из-под власти слова // Независимая газета, 2009. URL: https://www.ng.ru/person/2009-05-14/2_martynov.html
9. Boehm G. Die Wiederkehr der Bilder // Was ist ein Bild? / Hrsg. von Gottfried Boehm. München: Wilhelm Fink Verlag, 1994. S. 13.
10. Полонников А. А. «Иконический поворот»: образовательные стратегии и альтернативы // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 127-136.
11. Перетятко В. Кино, не вызывающее эмоций, не может быть массовым // Slon, 2014. URL: <http://slon.ru/calendar/event/1130932/>
12. Gornam B. US Television Households by Season // TV Ratings Reference. 2007. URL: <http://tvbythenumbers.zap2it.com/2007/08/28/us-television-households-by-season/273/>
13. Matthews G. P. Infotainment // Britannica. 2015. URL: <https://www.britannica.com/topic/infotainment>
14. Левинсон А. Заметки по социологии и антропологии рекламы... и литература // Новое литературное обозрение. 1997. № 22. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/1997/3/zametki-po-socziologii-antropologii-reklamy-i-literatura.html>
15. Seaver C. The Doublemint Twins: The Faces of Wrigley's Iconic Gum // History Defined. 2022. URL: <https://www.historydefined.net/doublemint-twins/>
16. Erdrich N. Les mêmes et les doubles: la tension entre l'imitation et la représentation ou les paradoxes de l'identité fictionnelle. Thèse soutenue à l'Université de Lorraine en novembre 2021, 676 p. URL: <https://www.theses.fr/2021LORR0260>
17. Меркель Е. В. К мотивной структуре мистических новелл Э. А. По: мотивы двойничества и «погребения заживо» // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 4А. С. 292-303.
18. Кихней Л. Г., Темиршина О. Р. «Поэма без героя» Анны Ахматовой и поэтика постмодернизма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 2002. № 3. С. 53-64.
19. Крылова А. Определение понятия «двойничества» в литературе и философско-эстетическая база его возникновения // Парус. 2014. № 34. URL: <https://litbook.ru/article/6964/>
20. Инишев И. «Иконический поворот» в науках о культуре и обществе // Философско-литературный журнал «Логос». 2012. № 1 (85). С. 184-211.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Основная тема представленной к публикации статьи – рекламный нарратив в контексте визуализации. Как отмечено в начале работы, «рекламный нарратив в условиях медиаконвергенции испытывает влияние множества разнородных факторов. Главным из них принято считать технический аспект, то есть эволюцию аппаратных средств, которые позволяют передавать и распространять информацию. Однако в наше время доминирующие позиции в гуманитарных исследованиях занимает практика междисциплинарных работ, объединяющих разные методики, в том числе культурологического толка». Стоит признать это как определенную данность, вывести в качестве основной / базовой составляющей анализа. Статья имеет синкретический характер, фактор теории соотносится с практическими наработками. Информативные купюры точны, интересны: например, «современные исследователи выделяют три базисных типа академической рефлексии визуального поворота: 1) тотальная реакция (иконическое вытесняет привычные формы взаимодействия, тем самым радикально преобразуя культурный код); 2) локальная реакция (иконическое вступает в диалог с привычными формами взаимодействия, и далее — либо конструирует синтетическую общность, либо сепарируется от них); 3) инструментальная реакция (попытка адаптировать субъект-объектные отношения под возникшую тенденцию в узкоспециальных отраслях...», или «На сегодняшнем этапе визуальный поворот диктует инерционную динамику трансформации актуальных средств наглядного представления образов в информационных источниках. Эта динамика просматривается прежде всего в формах массовой культуры. Медиатекст испытывает на себе метаморфозу художественного языка. Таким образом, осуществляется его интеграция в горизонтальное импульсное поле, производящее различные эстетические впечатления» и т.д. Суждения по ходу работы оригинальны, конструктивны, выверены: «Говоря об эстетизации рекламного продукта более предметно, следует заведомо разделить его ключевые компоненты с точки зрения их воздействия на публику. Классический рекламный текст состоит из по крайней мере двух равновеликих измерений: 1) нарративное, включающее в себя содержание послания, его композиционную структуру; 2) визуальное, связанное главным образом со стилистическими аспектами организации послания. Мы исходим из гипотезы, согласно которой нарративное измерение нужно рассматривать как постоянную величину, уходящую корнями в литературный текст, и далее — в мифологию; в то время как визуальное измерение подвержено динамике социального запроса, что определяет его переменный характер». Автор старается объективно оценивать рекламный нарратив. Исследование строится на примере брендов Wrigley's и Dirol. Новизна работы заключается в систематизации данных, сведении в единое поле двух указанных брендов. Фактические данные выводят верно, грейд научности учтен. Аналитические блоки манифестированы правильно: например, «предметом нашего внимания являются материалы двух крупных компаний-производителей жевательных резинок Wrigley's и Dirol. В первом случае мы имеем дело с американским рекламным плакатом марки Doublemint. Отличительной чертой этой марки был элемент артикуляции «двойной силы» перечной мяты. Проводниками этого концепта служили первые рекламные кампании представленной марки, в которых принимали участие реальные близнецы [15]. В 1930-х появляются цветные листовки и рекламные плакаты, где фигуры близнецов редуцируются в идентичные женские образы (см. рис. 1)» и т.д. Не исключается, что вполне логично, и визуальное дополнение исследования. Стиль статьи соотносится с научным типом: «Реальность визуального

поворота воздействует на канонические формы репрезентации двойничества. Если в христианской традиции мотив отражает структуру человеческой души, борьбу желаний и помыслов, то современная оптика смещает акценты в пользу «раскадровки» объектов осязаемой действительности. Рекламный нарратив стремится к наглядности в изображении желаемых эффектов, к устранению несовершенств, недостатков внешнего облика. Это наблюдение, пускай и выходит за пределы жанровых рамок, тем не менее согласуется с идеей двойничества с точки зрения переоценки свойств реальности, несовершенства ее природы». Считаю, что тема работы раскрыта, автору удалось подчеркнуть специфику рекламного нарратива, показать при этом сильные и слабые стороны. Выводы по тексту соотносятся с основной частью. Автор отмечает, что «наши выводы представляют собой не что иное, как частный случай инструментальной реакции в отдельно взятом направлении визуальной реальности. Культурологический фактор не исчерпывает своего влияния границами предметной области и может быть далее рассмотрен в том числе посредством иных регистров академической рефлексии, в других научных дисциплинах и ракурсах. Особый интерес представляет перспектива дальнейших исследований рекламного нарратива в контексте визуального поворота, а также другие изыскания эстетического толка в сфере телевидения и кинематографии». Базовые требования издания учтены, работы интересна, самостоятельна. Рекомендую рецензируемую статью «Привет, подружка»: рекламный нарратив в контексте визуального поворота (на примере брендов Wrigley's и Dirol)» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ашан Л. Приемы речевого воздействия в конечной части рекламного видеоролика к онлайн-курсам // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70436 EDN: PCAQIK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70436

Приемы речевого воздействия в конечной части рекламного видеоролика к онлайн-курсам

Ашан Лайцзына

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра русского языка, Томский государственный университет

634050, Россия, г. Томск, ул. Ленина, 36

✉ 1375486401@qq.com

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.4.70436

EDN:

PCAQIK

Дата направления статьи в редакцию:

12-04-2024

Аннотация: В связи с растущим количеством онлайн-курсов авторам приходится все чаще использовать приемы речевого воздействия (далее РВ) в рекламных видеороликах для привлечения слушателей и побуждения их к действию (записи на курс). Рекламный видеоролик, являясь самостоятельным речевым жанром, имеющим устойчивую композицию и определенное содержание, а также набор специфических языковых особенностей, требует особого изучения. Целью исследования является выявление оптимальных лингвистических приемов речевого воздействия в конечной части рекламных видеороликов к онлайн-курсам, сопровождающих лингвистические образовательные ресурсы. Изучение конечной части рекламных видеороликов видится актуальным в связи с тем, что с ее помощью реализуется одна из главных целей рекламного текста – воздействие на адресата. Для анализа использовано 117 рекламных видеороликов к Массовым открытым онлайн-курсам, размещенных на открытой платформе Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. Метод научного описания, реализуемый в приёмах интерпретации, классификации и систематизации материала, используется при описании средств языковой репрезентации

речевого жанра рекламного видеоролика, его основных функций. Научная новизна исследования заключается в том, что 1) впервые рекламный видеоролик к онлайн-курсам рассматривается как сложный коммуникативный дискурс, т.е. синтез рекламного и образовательного дискурса; 2) впервые изучаются способы речевого воздействия в рекламных видеороликах к онлайн-курсам. В статье рассмотрены приемы «захвата внимания», используемые авторами онлайн-курсов при создании рекламных видеороликов. Выделены приемы, применяемые в заключительной части речи, с помощью которых авторы стремятся вызвать интерес к курсу, проведен их количественный анализ: 1) приглашение слушателя на курс; 2) обращение к цели слушателя или цели онлайн-курса; 3) обращение к цитатам; 4) обобщающий вывод; 5) юмористическая концовка; 6) советы для слушателей, содержащие призыв к действию; 7) прощание. Рекламные видеоролики к онлайн-курсам, представленные на платформе «Образование на русском», содержат определенный набор приемов речевого воздействия, в основном использующихся в заключительной части видео и характеризующихся специфическим набором языковых средств (преимущественно глаголов), способных воплощаться в речевых жанрах «Совета» и «Пожелания».

Ключевые слова:

реklamный видеоролик, онлайн-курс, рекламный текст, речевое воздействие, приемы речевого воздействия, образовательный дискурс, рекламный дискурс, речевые жанры, речевой жанр рекламного-видеоролика, массовые открытые онлайн-курсы

В связи с усилением влияния рекламной продукции на массовую аудиторию реклама все чаще привлекает внимание исследователей. В настоящей статье рассматривается рекламный видеоролик, выступающий средством ознакомления слушателя с массовым открытым онлайн-курсом (далее – МООК) и являющийся одним из видов рекламы, способным оказывать речевое воздействие.

Речевое воздействие определяется как влияние, оказываемое адресантом на сознание и поведение адресата в процессе речевой коммуникации [\[2,3,4,12\]](#). Эффективность воздействия рекламного текста в рекламном видеоролике зависит в основном от лингвистических характеристик рекламы, делающих ее оригинальной и информативной.

Поскольку средствами распространения рекламы являются масс-медиа, рекламный текст считается главным средством привлечения целевой аудитории [\[6, с. 1\]](#).

Рекламные материалы могут быть представлены на различных носителях информации: наружная реклама, телевизионная реклама, интернет-реклама, аудиореклама, имидж-реклама и т.д.

Одним из видов носителей рекламной информации является видеоролик. М.И. Седова характеризует рекламный видеоролик таким образом: «диктменно отстроенный текст-дискурс, то есть тематически организованная речь, речевое произведение, призванное эмоционально впечатлить реципиента в процессе реализации основных функций рекламы» [\[10, с. 64\]](#). Другими словами, М.И. Седова определяет рекламный видеоролик с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода, так как обращает внимание на особенности участников коммуникации, обусловленность выбора языковых единиц тематикой и ситуацией общения.

Рекламный видеоролик к онлайн-курсу также обладает признаками публичного выступления, среди которых: большое количество слушателей, наличие цели, подбор материала, его изучение и анализ, составление плана выступления, структурные части публичного выступления [7].

Стоит подчеркнуть, что рекламные видеоролики могут быть представлены в различных форматах (фрагменты курса, подзаголовок, формат «вопрос-ответ» и т.д.). Формат видеоролика будет влиять на содержание всех его частей: так, например, если видеоролик состоит из фрагментов курса, последние высказывания в нем не выполняют роль заключительного слова.

Ораторы используют в рекламных видеороликах различные языковые средства и приемы речевой выразительности для того, чтобы передать сообщение и привлечь внимание аудитории, тем самым побуждая потенциальных слушателей записаться на курс.

Любой рекламный видеоролик к онлайн-курсу состоит из начала, основной части и заключения. Начало включает приветствие оратора или его обращение к аудитории (или сочетает оба этих элемента). В основной части оратор обычно представляет краткое содержание курса, чтобы слушатели могли оценить его сложность и понять, для кого он предназначен. Заключение может содержать призыв к аудитории с приглашением присоединиться к курсу и пожелание успехов в освоении курса.

Все названные структурные компоненты рекламного видеоролика могут содержать речевое воздействие. В процессе просмотра рекламного видеоролика к онлайн-курсу зрители могут пропустить некоторые важные моменты в его основной части или не уделить прослушиванию информации о содержании курса столько же внимания, сколько уделяют началу видеоролика. По этой причине в конце рекламного видеоролика оратор использует приемы речевого воздействия, таким образом снова привлекая внимание аудитории или приглашая ее записаться на курс.

В результате проведенного анализа были выделены следующие приемы речевого воздействия в рекламных видеороликах к онлайн-курсам, встречающиеся в заключительной части текста:

1. Приглашение слушателя на курс (8 примеров).

Многие лингвисты, занимающиеся исследованием языка рекламы, подчеркивают, что при создании рекламных текстов необходимо чаще использовать глаголы, поскольку они позволяют создать образ в воображении потребителя [9, с. 123]. Так, наиболее частым глаголом, используемым в рассматриваемых видеороликах к онлайн-курсам и выражающим призыв к действию, является глагол «*пригласить*», функционирующий в форме первого лица ед. или мн. числа настоящего времени. С его помощью оратор побуждает слушателей присоединиться к курсу, совершить конкретное действие:

*Итак, дорогие друзья. Я вас **приглашаю** в увлекательное путешествие по территории «реализм» [8].*

***Приглашаем** вас ознакомиться с лекцией «Русская культура и мир» [8].*

*И, конечно же, мы **приглашаем** тех, кто любит, кто ценит народную речь, кому не безразлична судьба родного языка [8].*

Использование глаголов в повелительном наклонении также является одним из

распространенных способов выражения приглашения:

Смотрите, слушайте, узнавайте новое! Октябрьская революция 1917 года станет вам понятнее [8].

Отметим и использование ораторами композиционных приемов, в частности, прием параллелизма:

Смотрите, слушайте, записывайте и главное — **используйте** на практике [8].

Серия глаголов, представленная в приведенных выше примерах, моделирует последовательность действий, которые может совершить слушатель после просмотра рекламного видеоролика. Приведенные глаголы предполагают вовлеченность слушателей в содержание курса, подразумевают проявление их активности как участников образовательного процесса.

Однако исследователи имеют разные взгляды на уместность использования глаголов в форме повелительного наклонения в рекламных текстах. Е.Н. Сердобинцева отмечает, что в рекламе повелительное наклонение следует использовать осмотрительно, так как известно, что сила действия равна силе противодействия. Автор считает, что чем требовательнее будет звучать команда потребителю, содержащая указание на то, что ему купить или выбрать, куда пойти и что для себя открыть, тем больше будет он замыкаться в себе и пытаться избежать рекламного сообщения [11, с. 55].

М.А. Болотина и И.С. Волкова, напротив, считают, что императивные конструкции содержат коммуникативное намерение, которое идентифицируется адресатом рекламного текста как рекомендация, просьба, совет, а не приказ или команда. В этом случае уменьшается дистанция между адресантом и адресатом, в результате чего воздействие на последнего оказывается более действенным [1].

2. Обращение к цели слушателя или цели онлайн-курса (6 примеров).

При подготовке и записи рекламного видеоролика авторы особое внимание уделяют его целевой аудитории. Так, потенциальные слушатели обычно интересуются тем, что они могут получить от прохождения курса, или каких результатов они могут достичь. Н.Н. Кохтев отмечает, что эффективность речи возрастает, если она предназначена не аудитории вообще, а определенным группам людей, которые имеют свои интересы, цели [5]. При четком представлении целей курса его создатели могут привлечь слушателей с теми же запросами.

Мы выделяем **индивидуальные и общие цели онлайн-курсов**. Индивидуальная цель — это то, чего слушатель желает достичь в процессе изучения данного курса (целью может быть подготовка к экзамену, обучение определенным навыкам, умениям и др.):

У вас возникает желание попробовать сделать что-то сногшибательное, невероятное, неожиданное для самого себя? Снимите свой документальный фильм! [8].

После изучения нашего курса Ваши знания о литературе станут много упорядоченнее. Будьте с нами! Используйте свой шанс сдать экзамен успешно [8].

Под общей целью понимается четкое изложение автором курса его содержания и результатов после прохождения:

Мы назвали наш курс «Русский язык на отлично», потому что уверены, что иностранные

студенты, прошедшие наше обучение, будут **успешно** учиться в российских вузах на русском языке [\[8\]](#).

Необходимо отметить и языковые средства, используемые ораторами для повышения мотивации к прохождению курса у возможных обучающихся. Они выражаются при помощи повторов слов с семантикой результативности, тем самым формируя в сознании слушателя позитивную модель успешности:

*«Если вы интересуетесь журналистикой, **если хотите знать**, что это такое за профессия и подходит ли эта профессия лично вам – тогда добро пожаловать, наш курс как раз об этом»* [\[8\]](#).

Как индивидуальные цели, которых слушатель может достичь лично, так и общие цели являются важным фактором при выборе слушателем определенного курса. Цель курса, представленная в рекламном видеоролике, также является тем, что отличает его от рекламы на других носителях: так, в рекламном видеоролике цель его создания транслируется напрямую, открыто.

3. Обращение к цитатам (7 примеров).

В рекламном видеоролике оратор цитирует стихотворение или чье-то высказывание, с их помощью обосновывая необходимость прохождения курса; цитата также является одним из способов эффективного окончания текста:

Гениальный Альберт Эйнштейн говорил, что психология сложнее, чем физика [\[8\]](#).

Ещё хочу напомнить слова банкира Ротшильда, он сказал примерно лет 200 назад, что «те, кто владеют информацией, владеют миром» [\[8\]](#).

Николай Бердяев говорил: «...пусть я не знаю смысла жизни, но искание смысла уже даёт смысл жизни». И отец Павел Флоренский: «если истину можно искать, значит, она есть» [\[8\]](#).

Этот прием основан на положении о массовом адресате рекламного текста: предполагается, что использование известных цитат в рекламных видеороликах к онлайн-курсам может повысить авторитет курса и его узнаваемость у адресатов.

4. Обобщающий вывод (13 примеров).

Конечная часть большинства рассмотренных рекламных видеороликов завершается выводом, который может быть представлен в различных формах: так, в зависимости от темы, это могут быть обращения, вводные слова и т.д.:

Таким образом, лермонтовский текст, ориентированный на фольклорные традиции, формирует особого рода эстетическую рефлексию в поэмной истории [\[8\]](#).

Ну, и наконец, и наконец, последнее, самое последнее, я считаю, это самое важное. Весь мир, конечно, должен объединиться, чтобы сохранить тот дом, в котором мы живем [\[8\]](#).

Группа модальных глаголов также обладает высокой частотностью в рекламных видеороликах к онлайн-курсам:

Надеюсь, что примеры и приёмы, которые я вам покажу, будут интересны для вас [\[8\]](#).

И мы **надеемся**, что это будет вам интересно [\[8\]](#).

Желаем вам успешного обучения! [\[8\]](#)

В рекламных текстах также активно используется речевой жанр пожелания. В приведенных примерах глаголы *надеяться* и *желать* являются главными членами в сложноподчиненном предложении и выражают пожелания говорящего.

5. Юмористическая концовка (2 примера).

Юмор помогает сделать речь запоминающейся и может быть представлен с помощью различных способов: например, оратор может играть словами. Цель юмора также состоит в том, чтобы расположить к себе слушателей. Однако использование юмора – рискованный подход, и он может быть успешным только в том случае, если соответствует теме. Кроме того, при использовании юмора необходимо учитывать специфику межкультурного взаимодействия. Так, существующие межкультурные различия заключаются в том, что люди из разных культур могут воспринимать юмор иначе. Приведем следующие примеры использования юмористических средств в рекламных видеороликах:

Если дипломат говорит «да» – это означает «может быть», если дипломат говорит «может быть» – это означает «нет», если дипломат говорит «нет» – то это не дипломат [\[8\]](#).

Говорят, знаменитая фраза Остапа Бендера «командовать парадом буду я» стала настолько афористично комической, что в уставе вооружённых сил её даже пришлось заменить на «командовать парадом поручено мне» [\[8\]](#).

Подобные примеры способствуют тому, чтобы сделать курс более интересным и увлекательным для аудитории. Вместе с тем эти примеры не всегда могут быть поняты слушателями: так, например, представители иностранной аудитории могут не знать определенные культурные реалии, будь то музыкальные композиции или художественные произведения, кинофильмы и их персонажи.

6. Советы для слушателей, содержащие призыв к действию (5 примеров).

Интерес аудитории во многом зависит от того, какое отношение имеет излагаемая информация лично к слушателям, поэтому для поддержания интереса потенциальных обучающихся информация должна отвечать ряду требований, в частности, она должна быть своевременной (может быть использована сразу в практической деятельности), близкой (касаться личного пространства человека, его «территории», поэтому лучше использовать примеры из жизни коллектива, к которому принадлежит аудитория, или из сферы деятельности слушателей) [\[7, с. 4\]](#). Таким образом, оратор будет давать конкретные советы, которые имеют отношение к жизни слушателей и, в зависимости от содержания курса, к сферам их интересов:

Каждый день попробуйте хотя бы один раз приостановить бег своих мыслей [\[8\]](#).

Оператор должен любить свою камеру, относиться к ней бережно, и тогда она нарисует ту самую картину, которой будут восхищаться миллионы зрителей по всему миру [\[8\]](#).

Пишите свои сказки, и вы обретёте неоценимый дар рассказчика, рассказывать сказки всем, всегда и по любому поводу [\[8\]](#).

Смотрите почаще в небо, и если будет возможность, поднимайтесь взором все выше и выше [8].

В приведенных примерах активно используются глаголы, принадлежащие речевому жанру «Совета», иногда выраженные в форме повелительного наклонения: *попробуйте, пишите, смотрите, поднимайтесь*. В них также заключена информация, репрезентирующая последствия выполнения этих советов: *пишите сказки, и вы обретете дар рассказчика; если оператор будет любить свою камеру и относиться к ней бережно, то она нарисует картину, которой будут восхищаться миллионы*.

7. Прощание (1 пример).

Еще одним возможным вариантом заключения в рекламном видеоролике является прощание. Вместо того чтобы прямо попрощаться, говорящий может использовать фразу «до скорой встречи», чтобы выразить уверенность в том, что все слушатели придут на курс:

До скорой встречи на курсе «Цифровая лингводидактика в свете развития технологий искусственного интеллекта» [8].

Несмотря на то, что в риторике элемент прощания является одним из основных структурных компонентов, в проанализированных видеороликах на платформе «Образование на русском» примеры с его использованием встречаются только один раз среди рассмотренных 117 видеозаписей.

Приемы речевого воздействия в конечной части в рекламных видеороликах	Пример
Приглашение слушателя на курс	8
Обращение к цели слушателя или цели онлайн-курса	6
Обращение к цитатам	7
Обобщающий вывод	13
Юмористическая концовка	2
Советы для слушателей, содержащие призыв к действию	5
Прощание	1

Заключение

Рекламный видеоролик является самостоятельным речевым жанром, имеет устойчивую композицию и определенное содержание, набор специфических языковых особенностей.

В рекламных видеороликах используются различные языковые средства и приемы речевой выразительности для передачи сообщения и привлечения внимания аудитории, побуждения потенциальных слушателей записаться на курс.

Все структурные компоненты рекламного видеоролика могут содержать речевое воздействие. Вместе с тем, в конце рекламного видеоролика (заключении) оратор использует приемы речевого воздействия более часто, тем самым мотивируя аудиторию к записи на курс.

Среди приемов заключения, которые встречаются в рассмотренных рекламных видеороликах к онлайн-курсам, выделены: 1) приглашение слушателя на курс; 2) обращение к цели слушателя или цели онлайн-курса; 3) обращение к цитатам; 4) обобщающий вывод; 5) юмористическая концовка; 6) советы для слушателей,

содержащие призыв к действию; 7) прощание.

Наиболее употребительным приемом в заключительной части рекламного видеоролика к онлайн-курсам является обобщающий вывод.

К языковым средствам реализации описываемых приемов были отнесены:

глаголы, выражающие призыв к действию, используемые в форме первого лица ед. или мн. числа настоящего времени; глаголы в повелительном наклонении; модальные глаголы.

Кроме того, в заключительной части встречаются и элементы разных речевых жанров: совета (выражены в форме глаголов, иногда представленных в повелительном наклонении; зачастую в высказываниях оратора заключена информация, репрезентирующая последствия выполнения этих советов). Пожелания (представлены в форме глаголов, выражающих пожелания оратора).

В перспективе данного исследования находится: 1) изучение речевого воздействия в начальной и основной части рекламного видеоролика; 2) рассмотрение и сравнение реализации речевого воздействия в рекламных видеороликах к онлайн-курсам по различным дисциплинам.

Библиография

1. Болотина М.А., Волкова И.С. Императив как средство воздействия в текстах социальной рекламы (на материале русского и английского языков) // Вестн. Балтийского гос. ун-та им. И. Канта. 2012. Вып. 2. С. 7–12.
2. Власян Г.Р. Природа речевого воздействия // Вестник ЧелГУ. 2007. № 20. С. 31–34.
3. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2004. 44 с.
4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. / О.С. Иссерс. – 8-е изд., испр. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 308 с.
5. Кохтев Н.Н. Основы ораторской речи: учеб. пособие / Н.Н. Кохтев. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 328 с.
6. Куликова Е.В. Рекламный текст: лингвистические приемы выразительности // Вестник ННГУ. 2009. № 6–2. С. 276–282.
7. Левчаева Н.В. Публичное выступление как эффективное средство повышения качества обучения студентов // Мир науки и образования. 2015. № 1. С. 9.
8. Платформа «Образование на русском». [Электронный ресурс]. – URL: <https://pushkininstitute.ru> (дата обращения: 16.03.2024).
9. Салынова О.В. Морфологические особенности рекламного текста: сравнительный аспект // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2017. – № 38. – С. 122–126.
10. Седова М.И. Рекламный видеоролик // Наука и школа. 2014. № 2. С. 64–67.
11. Сердобинцева Е.Н. Структура и язык рекламных текстов : учеб. пособие. / Е.Н. Сердобинцева. – 4-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 160 с.
12. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. / Е.В. Шелестюк. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 344 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Приемы речевого воздействия в конечной части рекламного видеоролика к онлайн-курсам», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, в которой автор обращается к изучению манипулятивных рекламных стратегий.

В рецензируемой статье рассматривается рекламный видеоролик, выступающий средством ознакомления слушателя с массовым открытым онлайн-курсом и являющийся одним из видов рекламы, способным оказывать речевое воздействие.

В результате проведенного анализа были выделены следующие приемы речевого воздействия в рекламных видеороликах к онлайн-курсам, встречающиеся в заключительной части текста.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике как в отечественном языкознании, так и в зарубежном. Таким образом, статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В качестве методологии применены специфические методы лингвистического анализа, в том числе сравнительно- сопоставительный концептуальный анализ, семантический анализ и контент- анализ, а также методология корпусного исследования.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Библиография статьи насчитывает 12 источников, изданных на русском языке. Считаем, что обращение, в том числе, к работам зарубежных исследователей, несомненно, могло бы усилить теоретическую составляющую работу, в том числе, в русле зарубежных научных школ. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. БОльшее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/ или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории дискурса, а также курсам по манипулятивным языковым стратегиям, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Приемы речевого воздействия в конечной части рекламного видеоролика к онлайн-курсам» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Цуй Ю. Рецепция пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» в Китае // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70300 EDN: PITXCJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70300

Рецепция пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» в Китае

Цуй Юньюнь

кандидат филологических наук

аспирант, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 17

✉ 1042205286@pfur.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.4.70300

EDN:

PITXCJ

Дата направления статьи в редакцию:

30-03-2024

Аннотация: Антон Павлович Чехов – выдающийся русский писатель и драматург XIX века. Еще в начале XX века китайская интеллигенция начала переводить образцы творчества писателя-классика на китайский язык, что послужило началом знакомства китайских читателей с русской литературой. А. П. Чехова можно считать одним из первых русских мастеров, рассказы которого попали в поле зрения китайцев (в 1907 г. был опубликован рассказ «Черный монах», переведенный на китайский язык), драматургические произведения автора заняли фокус внимания переводчиков несколько позднее. В данной статье объектом исследования является перевод и изучение пьесы «Дядя Ваня» в Китае. В работе рассматриваются несколько важных переводов пьесы с момента первого появления пьесы в Китае в 1930 г. и до сегодняшнего дня, а также исследования и анализ пьесы китайскими учеными. В качестве ведущих методов исследования автором используются сравнительно-типологический, сравнительно-исторический, интерпретационный. Посредством сравнительно-исторического метода устанавливается зависимость между социокультурными условиями жизни государства и особенностями рецепции произведения. Разница в точках зрения литературоведов и критиков на поэтику и образный строй пьесы эксплицируется автором работы через использование

сравнительно-типологического метода. Актуальность настоящего исследования детерминирована тем, что произведения А. П. Чехова остаются достаточно популярными среди китайских читателей, его рассказы вызывают у них неподдельный интерес. Кроме того, произведения названного автора активно переводятся на китайский язык, позволяя исследователям из Китая создавать статьи и книги о творчестве русского писателя-классика. Научная новизна исследования заключается в том, что в исследовательский оборот впервые включаются некоторые статьи и книги китайских критиков и литературоведов, рассматривающих особенности образного строя и идейного содержания пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня», позволяющие установить зависимость восприятия произведения китайскими читателями от социокультурных условий страны. В результате автором работы показано, что восприятие «Дяди Вани» в Китае тесно связано с социальными и политическими факторами страны, меняющимися с течением времени. Исследование показало, что в XXI веке все больше внимания уделяется художественным и литературным аспектам произведения.

Ключевые слова:

рецепция, восприятие, перевод, Дядя Ваня, художественный текст, пьеса, Чехов, Чеховедение, Китай, литературоведение

В 1920 г. в журнале «Освобождение и творчество» (том 2, № 12) был опубликован перевод одноактной пьесы Чехова «Предложение», выполненный китайским переводчиком Гэн Цзичжи. Это самый ранний перевод произведения Чехова, который обнаруживается в Китае [\[1, 37\]](#). С тех пор пьесы Чехова переводились постоянно. «Дядя Ваня» – одно из лучших театральных произведений Чехова, также быстро попало в Китай.

В 1921 г. народное научное учреждение «Открытое научное общество» составило сборник переводов «Серия русской литературы», в которой в разделе «Коллекция русских драм» была помещена пьеса «Дядя Ваня», переведенная непосредственно с русского известным переводчиком Гэн Шичжи (младший брат Гэн Цзичжи). Это был первый перевод данной пьесы в Китае.

В 1930 г. Чжу Жанчэн (театральный деятель и один из основоположников современной китайской драматургии) перевел «Дядю Ваню», взяв за основу китайский перевод Гэн Шичжи и английский перевод Констанс Гарнетт. Стоит отметить, что в том же году Чжу и его драматический клуб «Синью» поставили эту пьесу, что стало премьерой многоактной драмы Чехова в Китае. Чтобы облегчить понимание китайской аудитории, Чжу «изменил русские имена в пьесе на привычные китайцам» [\[2, 21\]](#).

К сожалению, китайские зрители не были достаточно увлечены сюжетом. В основном потому, что в пьесах Чехова практически нет событий и очевидных внешних конфликтов, только течение жизни. По собственному выражению драматурга, «в жизни люди не каждую минуту стреляются, вешаются, объясняются в любви... Они больше едят, пьют, волочатся, говорят глупости. И вот надо, чтобы это было видно на сцене» [\[3\]](#). Это нарушало практически все театральные традиции того времени, и бросало своеобразный вызов устоявшимся привычкам зрителей.

Переводы этой пьесы не прекращались и во время войны с Японией. В июле 1940 г. Шанхайское всемирное книжное издательство опубликовало перевод «Дяди Вани»,

выполненный драматургом и переводчиком Фан Синем. Пьеса также была переведена Лини (писатель и переводчик) и опубликована издательством «Культура и жизнь Чунцина» в сентябре 1944 г. Впоследствии эта же пьеса повторно вышла в свет в ноябре 1946 г. и переиздана в феврале 1949 г. в шанхайском издательстве «Культура и жизнь».

В 1950-е годы переводы пьес Чехова почти всегда были перепечатками или сопроводительными изданиями предыдущих версий. В 1950 г. книжный магазин «Хайянь» переиздал версию «Дяди Вани» Фан Сини. В ноябре 1954 г. перевод Лини «Дядя Ваня» был отобран в «Драматический сборник Чехова», изданный издательством «Народная литература».

В этот период Цзяо Цзюинь (китайский драматург и переводчик, один из основателей Пекинского народного художественного театра) внес важный вклад в распространение театральных произведений Чехова в Китае. Он перевел несколько знаменитых пьес Чехова: «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад», которые были опубликованы в 1954 г. под названием «Сборник пьес Чехова». Он был вновь опубликован издательством «Новая литература и искусство» в январе 1955 г. и переиздан в 1956 г.

В июле 1957 г. пекинское издательство «Чжунлю» выпустило в одном томе перевод Цзяо. Переводы Цзяо отличаются высоким качеством и подходят для сценических постановок, поскольку соответствуют общим требованиям к театральному языку, что детерминирует их востребованность режиссерами и на сегодняшний день. В доказательство можно привести тот факт, что знаменитый китайский писатель Ба Цзинь просматривал перевод Цзяо, когда смотрел «Дядю Ваню» во МХТ в 1954 г. Благодаря этому китайский зритель очень хорошо понял сюжет и смог воспринимать звучащие со сцены слова [\[4, 38\]](#).

В 1960-1970-е годы из-за политических факторов (Культурная революция) перевод и изучение произведений Чехова прервались, а после реформ и открытости в 1980-е годы постепенно восстановились и достигли новых успехов. В новый период пьеса «Дядя Ваня» была переведена двумя новыми переводчиками в дополнение к тем, кто уже работал над ней: переводчиком Жу Луном и переводчиком и театральным критиком Тун Даомином.

Жу Лун начал переводить произведения Чехова с 1950-х гг., и к 1973 г. уже перевел шесть миллионов слов, что составляет девять десятых от общего количества произведений Чехова. Вначале он переводил в основном рассказы, но позже он также перевел пьесы и письма Чехова на китайский язык. С 1980 по 1999 гг. Шанхайское издательство переводов опубликовало «Собрание сочинений Чехова» в 16 томах в переводе Жу Луна, из которых 11 и 12 тома – театральные произведения, а «Дядя Ваня» вошел в 12-й том. Также в 1998 г. литературное издательство Аньхоя опубликовало «Пьесы Чехова», в который вошли пять драматических произведений, в том числе «Дядя Ваня». Перевод Жу глубоко любим читателями. Так как «язык перевода плавный, доступный и художественный, хорошо передает стиль оригинального произведения. Читать его интересно и никогда не надоедает» [\[5, 364\]](#).

Тун Даомин – авторитетный исследователь и переводчик произведений Чехова, внесший особый вклад в развитие восприятия и понимания чеховских пьес в Китае. Он не только переводил и изучал произведения Чехова, связанные с Чеховым работы, но и сам написал несколько пьес на тему личности и творчества русского классика. В 2004 г. при поддержке своего друга Ли Люйи (известный режиссер, в 2015 г. ставил драму «Дядя

Ваня») Тун перевел произведение «Дядя Ваня», которое вошло в книгу «Три пьесы», выпущенную Китайской федерацией издателей литературы и искусства. Этот опыт перевода побудил его написать эссе под названием «Иметь дух – значит быть богатым». Туну очень понравились слова врача Астрова, произнесенные героем в первом действии: «когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти, и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я» [6, 73]. Тун отмечал, что в этом выражении человек преодолевает самость, трансформирует эго в высшее «я» и уверенно вписывает свое собственное существование и творение во время и пространство истории. Это можно рассматривать как возвышенную «третью духовную сферу» человека [7, 3-4].

Хотя пьесы Чехова появились в Китае с 1920-х годов, долгое время было очень мало исследований, посвященных этим произведениям. Причина этого, помимо лирико-психологических особенностей чеховских пьес, затруднявших их понимание зрителями и драматургами, заключается и в том, что драматургия – новая для Китая форма искусства. В конце XIX – начале XX века в Китай хлынул западный театр. Эта форма искусства постоянно поглощалась, заимствовалась и адаптировалась китайцами, в итоге сформировав театральную форму с китайской спецификой, которая по-китайски называется хуацзюй.

В период зарождения хуацзюй в 1920-х гг. на драматургов оказала большое влияние социально-реалистическая драма норвежского драматурга Генрика Ибсена. До 1930-1940-х гг. жестокая и мрачная социальная реальность заставляла большинство драматургов уделять больше внимания внешнему миру и реальным проблемам. В пьесах Чехова китайские ученые видели борьбу с мрачной действительностью и стремление к новой жизни, поэтому уделяли ей больше внимания [1, 67-68].

В 1954 г. в Китае отмечалось 50-летие со дня смерти Чехова. Помимо многочисленных опубликованных в газетах и журналах рецензий и памятных статей, переиздания переводов Чехова, китайский молодежный художественный театр под руководством советских специалистов провел трехмесячную репетицию и, опираясь на оригинальный текст и два китайских перевода (в переводах Лини и Фан Сини соответственно), поставил спектакль «Дядя Ваня» с Сунь Вэйши в качестве режиссера и Цзинь Шанем в главной роли. Это повысило интерес ученых того времени к пьесе, появилось несколько исследований. Но под влиянием режиссерского понимания пьесы как конфликта и борьбы между рабочим народом и гедонистической буржуазией эти эссе также носили ярко выраженный социалистический идеологический характер и в основном состояли из размышлений о пьесе, репетиционном процессе и анализе игры актеров, например «О репетиции спектакля "Дядя Ваня"» (1955), «Не забывайте проявлять эмоции» (1978). Одно из наиболее типичных исследований – статья «Очарование образа дяди Вани» (1955), автором которой является Ван Ифан, эксперт в области драматургических исследований. В статье исследователь не только рассказал об особенностях чеховской драматургии, но и подробно проанализировал образ персонажа дяди Вани и идею произведения.

Во-первых, Ван Ифан рассказал о том, что «Дядя Ваня» полон лирических черт в соответствии с чеховским стилем, а также о том, как трудно интерпретировать многочисленные паузы и подтексты в пьесе: «Пьеса "Дядя Ваня" состоит из больших монологов и длинных статичных сцен, как же трудно было выразить такое богатство между ними! Актер Цзинь Шань глубоко исследует значение огромного количества

подтекста, характерного для пьесы Чехова, чтобы внутренняя деятельность персонажей была представлена отчетливо и обоснованно» [8, 17].

Во-вторых, исследователь верит, что дядя Ваня – добрый и жизнелюбивый человек, который не является декадентом и мизантропом и хочет сделать что-то значимое. И хотя в конце концов дядя Ваня оказывается на прежнем месте и жизнь продолжается как обычно, на самом деле характер его изменился. Теперь он обременен тяжелыми трудностями и работает униженно, не для профессора, а для чего-то другого – «для Сони, для счастливых людей будущего» [8, 19]. Ван Ифан увидел в пьесе острые социальные конфликты жизни: как прекрасные, но страдающие люди недовольны злой социальной системой, как они страстно жаждут и стремятся к новой жизни. По его мнению, именно в этом «суть образа, в котором раскрывается чеховская фантазия и его оптимизм» [8, 14]. В конце концов, Ван отмечает, что социальным корнем трагедии дяди Вани была эксплуатация и обман правителей, которые разрушили красоту, созданную интеллектуалами.

Значение «Дяди Вани» в Китае того времени заключалось в том, что сегодня, когда мы «своими руками строим лучшее социалистическое и коммунистическое общество для человечества» [8, 19], у нас уже нет сожаления о том, что стремление Вани использовать свой труд на благо всего человечества невозможно, что новая реальность, о которой он мечтает, недостижима, и поэтому мы должны «еще больше любить нашу новую жизнь и еще усерднее прилагать все свои таланты к делу социалистического строительства» [8, 19]. Отсюда видно, что данная интерпретация наполнена отпечатком времени и несет в себе определенное идеологическое значение.

После «реформ и открытости» (1978) в Китае в идеологической сфере произошло движение идеологического освобождения, распространившееся с политического уровня на культурный. Спрос на театр переместился с катарсиса политических чувств на удовлетворение художественных потребностей. Начиная с 1982 г., изучение драматургии Чехова постепенно углублялось, все больше ценились и привлекали внимание ее уникальная художественно-эстетическая ценность и современное понимание. Отдельные исследования, посвященные «Дяде Ване», стали множиться.

В 1987 г. вышел первый сборник статей китайских ученых «Изучение Чехова». Книга состоит из четырех частей, в которых подробно представлены рассказы, пьесы, эстетические идеи и другие ценные материалы, связанные с Чеховым. В разделе о драматургии Чехова есть статья Лай Чуна «О психологической драме Чехова “Дядя Ваня”», в которой подробно рассказывается о художественных особенностях данного произведения.

Лай Чунь отметил, что Чехов унаследовал традицию русской психологической драмы и использовал принцип психологического портрета для изображения сознания простых интеллигентов, угнетенных чудовищным обществом и пытающихся восстать против него, что «придало пьесе глубоко психологический художественный характер» [9, 214]. Далее автор высказывал свое мнение о концовке пьесы: «Эта концовка по форме кажется кольцевой, но на самом деле является открытой» [9, 216]. Дядя Ваня надеется на лучшую жизнь, но может идти только на компромисс с реальностью жизни, что заставляет нас почувствовать остроту противоречия между социально ограниченным человеком и социальной средой. Кажется, что все возвращается к прежней жизни, но «неопределенная, предвидимая большая трагедия главного героя уже раскрылась» [9,

[217\]](#). Дядя Ваня – центральный персонаж, также важную роль играет врач Астров, в котором воплощены эстетические принципы Чехова. «У Чехова, – пишет интерпретатор, – тема эстетики, прежде всего, нравственная, и в то же время социальная» [\[9, 218\]](#).

Ученый также проанализировал чеховский принцип творчества – диалектику характера, т. е. «не вывел ни одного злодея, ни одного ангела» [\[10, 138\]](#). Таким образом, Чехов использовал промежуточные цвета для изображения персонажей, объективно передавая внутреннюю изменчивость их личностей. В конце автор указывал на чеховские приемы показа внутреннего сюжета пьесы, такие как паузы и различные звуки, используемые для передачи или дополнения внутреннего переживания персонажей и «случайных» действий [\[9, 222\]](#), т. е. не связанных между собой реплик или поступков, которые показывают психологические особенности героев.

Можно сказать, что работа Лай Чуня представляет собой академический уровень китайского чеховедения и исследований о «Дяде Ване» в 1980-е годы.

Следует отметить и работу «Перечитывая "Дядю Ваню" – о театральной эстетике Чехова» (Ли Чэньминь, 1998). В статье глубоко анализируются образы героев. В образе Вани, по мнению литературоведа, воплощена проблема кризиса веры интеллигенции. Пережив духовные потери и тщетное сопротивление, он вынужден был столкнуться с абсурдной реальностью. Профессор Серебряков фактически не образован, и его отношения с дядей Ваней отражают интригующий социальный феномен, существовавший в России того времени: вопрос о том, кто кого поддерживает. Таким образом, Серебряков – образ символический и эпохальный. Астрова можно считать самым вдумчивым, динамичным образом в пьесе. В отношении Елены автор приходит к выводу, что она несчастная женщина со своими обидами и недугами. Что касается Сони, то исследователь не соглашается с чрезмерным возвышением ее образа, и, по его мнению, «вера Сони в жизнь не потому, что она понимает истинный смысл жизни, а потому, что она религиозно вынослива» [\[11, 28\]](#).

Кроме того, цитируя комментарий Л. Н. Толстого к пьесе Чехова «в чем она, пьеса топчется на одном месте...» [\[12, 873\]](#), китайский ученый отметил «круговую структуру» пьесы. Конечно, хотя сюжет финала не сильно изменился по сравнению с началом, на самом деле он другой. Вторая структурная особенность – полифоническая структура, в которой сюжет лишен связности, а отдельные люди размышляют о своих личных заботах. В то же время, пока персонажи издают звуки, на сцене и за сценой раздаются другие звуки, сопровождающие их.

Далее автор объяснял пьесу с точки зрения ее комических и трагических элементов и приходил к выводу, что «Дядя Ваня» – это не трагедия и не комедия, а «философская пьеса» [\[11, 30\]](#), полная жизненных истин.

Это исследование помогает китайскому читателю глубже понять характеры героев пьесы, а представленный в нем анализ драматических и эстетических характеристик Чехова имеет большое значение для понимания драматической сути пьесы.

В связи с постановкой пьесы появились рецензии и анализы театральных постановок, среди которых относительно ценными являются, например, «Неровная пекинская народная художественная версия "Дяди Вани"» (Сюй Шипи, 2015) и «Эмоциональное содержание, которое нельзя потерять – рецензия на драму "Дядя Ваня"» (Цао Сюэмэн, 2015).

Существуют также статьи, в которых для анализа этого произведения используются различные литературные теории. Статья «Экологическая ответственность и моральная миссия: новая интерпретация «Дяди Вани» [\[13\]](#) начинается с постановки позиции экокритического видения, предполагает наличие в тексте богатых природных метафор и экологических ценностей, раскрывает проблему критики разрушения природы человеком и лежащего в ее основе социально-экологического дисбаланса, а также анализирует с точки зрения экологии проблему духовности человека, всегда существовавшую в драмах Чехова.

В работе «Окно, лес, городские и сельские впечатления: интерпретация пространственной поэтики «Дяди Вани» [\[14\]](#) на основе теории пространственной поэтики анализируется метафорическое значение окна, леса, городской и сельской местности в пьесе, расшифровывается напряженность пространства в драме и одновременно раскрываются забота Чехова и размышления о пространстве человеческой судьбы.

Пьеса «Дядя Ваня» существует в китайском контексте уже сто лет. В отношениях между переводом и ее изучением после 1980-х гг. основное внимание уделялось исследованиям, а до этого – переводу. Данную пьесу перевели по меньшей мере восемь китайских ученых, из которых переводы Цзяо Цзюйина и Тун Даоминя часто перепечатывались или цитировались для исследований.

Что касается исследований произведений, то здесь наблюдается расцвет различных направлений: от просто базовых исследований, посвященных обсуждению драматической комедии и трагедии, способов передачи пауз и стилистики произведения, до комплексных исследований, анализирующих произведение с разных точек зрения, изучающих богатейший подтекст и ценности пьесы с применением различных теорий литературы и искусства и интерпретирующих образец творчества Чехова в свете современных представлений.

Однако и перевод, и изучение пьесы неотделимы от конкретного контекста времени и тесно связаны с политической и социальной средой Китая. Когда китайские исследователи интерпретируют «Дядю Ваню», они обязательно учитывают свою собственную социальную и культурную психологию и эстетические интересы, благодаря чему пьеса в их понимании приобретает более разнообразные смыслы.

Библиография

1. Лю Янь. Чехов и современная китайская литература: дис. ... канд. филол. Наук. Северо-восточный педагогический университет, 2003.
2. Ма Цзюньшань. Об уникальном вкладе Чжу Жанчэна в искусство китайской драматической режиссуры // Драматический сериал Нанкинского университета. 2015. № 11 (2), 2 с.
3. Городецкий Д.М. Между «Медведем» и «Лешим». Из воспоминаний о Чехове // Биржевые ведомости. 1904. № 364.
4. Ба Цзинь. Простота, соединенная с гением – Ба Цзинь о Чехове. Пекин.: Изд-во Восток, 2009. 38 с.
5. Чэнь Юган. История китайской переводческой литературы. Пекин: корпорация перевода и издания Китая, 1989. 364 с.
6. Чехов.А. П. «Дядя Ваня» // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Том 13. Пьесы 1895-1904. М.: Наука, 1986. 73 с.
7. Тун Даомин, Чехов.А. П. О любви – Чехов и Мизинова. Пекин.: Изд-во Китайского народного университета, 2014. С. 3-4.

8. Ван Ифан. Очарование образа дяди Вани // Драматическая газета. 1955. № 2. С. 14-19.
9. Лай Чунь. О психологической драме Чехова «Дядя Ваня» // Изучение Чехова. Чжэнчжоу.: Изд-во Хэнаньского университета, 1987. С. 214-226.
10. Чехов А. П. Письмо Чехову Ал. П., 24 октября 1887 г. Москва // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 20. Письма, 1887 – сентябрь 1888. М.: Наука, 1975. 138 с.
11. Ли Чэньминь. Перечитывая «Дядю Ваню» – театральная эстетика Чехова // Русская литература. 1998. № 4(25). С. 25-30, 71.
12. Анисимов. И. И. [и др]. Литературное наследство. Т. 68 – Чехов. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 873 с.
13. Кан Цзяньбин. Экологическая ответственность и моральная миссия: новая интерпретация «Дяди Вани» // Вестник Гуанчжоуского университета. 2011. Т. 10, № 6. С. 65-70.
14. Му Гуолун. Окно, лес, городские и сельские впечатления: интерпретация пространственной поэтики «Дяди Вани» // Молодые литераторы. 2020. № 9. С. 148-149.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Рецепция пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» в Китае», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения творчества одного из известных российских писателей 19 века А. П. Чехова. Кроме того, актуальность обуславливается возрастающим интересом к изучению китайского языка и культуры в нашей стране, а также сравнительно- сопоставительными исследованиями литератур двух стран.

Материалом для исследования переводы пьесы Чехова на китайский язык, выполненные в разные периоды китайскими переводчиками, а именно их рецепции в культуру Китая. К сожалению, в работе автор не указывает объем практического материала отобранного для проведения исследования.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: биографический, герменевтический, диалектический.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Библиография статьи насчитывает 14 источников, среди которых представлены труды как отечественных автор, так и китайских лингвистов и литературоведов.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. БОльшее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские

и/ или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по истории отечественной и зарубежной литературы, теории литературы и текстологии. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Рецепция пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» в Китае» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лянь Х. Национальная идентичность в контексте исторической травмы в рассказах Василия Шукшина // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70348 EDN: PQVDZC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70348

Национальная идентичность в контексте исторической травмы в рассказах Василия Шукшина

Лянь Хайбо

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра зарубежной литературы, Минский государственный лингвистический университет

220034, Беларусь, Минск область, г. Минск, ул. Захарова, 21

✉ lhb1020425313@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70348

EDN:

PQVDZC

Дата направления статьи в редакцию:

03-04-2024

Аннотация: В контексте глобализации и культурного взаимодействия темы национальной идентичности и исторической травмы становятся актуальными в литературе. Творчество Василия Шукшина является ярким примером понимания этих вопросов на фоне русской деревни и жизни простого человека. Василий Шукшин, выдающийся русский писатель и режиссёр, известен своим уникальным вкладом в изучение национальной идентичности и исторической травмы на фоне жизни простого человека в русской деревне. Его произведения отражают глубокое понимание культурного взаимодействия и глобализации, исследуя влияние этих факторов на личность и общество. Шукшин исследует сложные вопросы человеческого существования, включая поиск смысла, борьбу за сохранение традиций и сопротивление культурной ассимиляции. Его творчество предоставляет ценные инсайты в контексте современных глобальных вызовов, делая его актуальным и важным для изучения в литературе. Таким образом, данная статья основана на литературном анализе, дополненном контекстным анализом с учетом исторических и культурных особенностей России, и проводит глубокое исследование рассказов Василия Макаровича Шукшина,

особенно влияния тем национальной идентичности и исторической травмы на сюжеты и персонажей. Новизна исследования заключается в интеграции тем национальной идентичности и исторической травмы для глубокого анализа взаимосвязи и влияния этих аспектов на формирование образов персонажей и сюжетных линий; а также в акценте на значении творчества Шукшина в контексте русской литературы и его вкладе в понимание русской национальной идентичности и исторической памяти. В результате исследования было установлено, что национальная идентичность в произведениях Шукшина тесно связана с культурой и традициями русской деревни, а историческая травма отражает влияние крупных событий на жизнь и сознание людей. Взаимодействие этих тем формирует уникальные жизненные истории персонажей и позволяет лучше понять внутренний мир русского человека и его отношение к прошлому.

Ключевые слова:

Василий Шукшин, национальная идентичность, историческая травма, русская деревня, литературный анализ, русская литература, культурное наследие, Самоопределение, Коллективная память, Личностная драма

1. Введение

В современном мире, где глобализация и культурное взаимодействие играют все более значимую роль, вопросы национальной идентичности становятся особенно актуальными. Сохранение культурного наследия, самоопределение и поиск национального единства в условиях многообразия и изменчивости стали ключевыми вызовами современного общества. Исторические травмы, такие как войны, колониализм, репрессии и социальные катаклизмы, оставили глубокий след в коллективной памяти народов, формируя их самосознание и восприятие собственной идентичности. ^[9]

В этом контексте литература становится мощным средством исследования и выражения национальной идентичности и исторической памяти. ^[8] Через художественные образы и сюжеты писатели затрагивают глубинные вопросы человеческого существования, исторического опыта и культурного разнообразия. Творчество Василия Шукшина является ярким примером того, как литература может служить зеркалом национальной души, отражая переживания, стремления и надежды простого человека в контексте исторических событий и социальных перемен. ^[2]

Анализ темы национальной идентичности и исторической травмы в произведениях Шукшина позволяет не только глубже понять его творчество, но и осмыслить более широкие культурные и исторические процессы, происходящие в русской и мировой литературе XX века. Это исследование призвано внести вклад в понимание того, как литература отражает и формирует национальную идентичность в условиях исторических вызовов и общественных изменений.

2. Содержание и методология исследования

Объект исследования: Объектом данного исследования являются рассказы Василия Макаровича Шукшина, выдающегося русского писателя XX века. Его творчество представляет собой уникальное сочетание глубокого психологизма, народной мудрости и искренней эмоциональности, отражающее жизнь русской деревни и судьбы простых людей.

Содержание исследования: Центральной темой исследования является анализ национальной идентичности и исторической травмы в рассказах Шукшина. Особое внимание уделяется тому, как данные темы влияют на самоидентификацию персонажей и их внутренний мир, а также на описание жизни в русской деревне.

Методология исследования: Основным методом является литературный анализ, включающий детальное изучение текстов рассказов, сюжетных линий и характеристик персонажей. Применяется контекстуальный подход для анализа произведений в свете исторических событий и культурных традиций России.

Инновационные аспекты исследования:

Интеграция анализа тем национальной идентичности и исторической травмы обеспечивает комплексный подход к изучению произведений Шукшина, позволяя глубже понять их взаимосвязь и влияние на формирование образов персонажей и сюжетных линий.

Глубокое исследование психологии персонажей и социальных связей в русской деревне открывает новые перспективы для понимания русской культуры и традиций, а также способствует более тонкому осмыслению литературных образов.

Акцент на значении творчества Шукшина в контексте русской литературы и его вкладе в осмысление национальной идентичности и исторической памяти России способствует расширению понимания культурного наследия страны и вносит вклад в академический дискурс.

3. Национальная идентичность в рассказах Василия Шукшина

В русской литературе понятие национальной идентичности охватывает культурные, исторические, языковые и другие аспекты, объединяющие людей в нацию.^[3] В творчестве Василия Шукшина это понятие находит свое выражение через образы простых русских людей, живущих в гармонии с природой и традициями. Особенно ярко тема национальной идентичности проявляется в рассказе "Калина красная".

В "Калине красной" Шукшин исследует процесс поиска национальной идентичности через героя Ёгова, который стремится к внутреннему очищению и самопознанию после освобождения из тюрьмы. Ёгов символизирует человека, потерявшего связь с национальными корнями, и ищущего путь к духовному возрождению через возвращение к традициям и ценностям русской деревни. Образ калины красной становится символом красоты родной природы и глубоких национальных ценностей. Шукшин показывает, как Ёгов через взаимодействие с деревенской средой, её жителями и традициями постепенно обретает смысл жизни и чувство принадлежности к нации.^[11]

Русская деревня в творчестве Шукшина является символом устойчивых национальных ценностей, образа жизни и культурного наследия. Деревенская среда, её обычаи, язык и межличностные отношения играют ключевую роль в формировании национальной идентичности.^[7; 6] Шукшин подчёркивает связь между человеком и природой, значение традиций и семейных устоев. В его произведениях деревня становится местом, где прошлое и настоящее, личное и коллективное переплетаются, создавая уникальный образ русской национальной идентичности.

Таким образом, Через анализ рассказа "Калина красная" и других произведений Василия Шукшина становится очевидным, что тема национальной идентичности играет

важную роль в его творчестве. Шукшин исследует эту тему через образы русской деревни и простых людей, стремящихся к гармонии с природой и традициями. Таким образом, его рассказы не только раскрывают глубинные аспекты русской культуры и самосознания, но и подчеркивают значение сохранения национальных ценностей и культурного наследия.

4. Историческая травма в творчестве Шукшина

Историческая травма является ключевой темой в творчестве Василия Шукшина, отражаясь в рассказах о войне, коллективизации и репрессиях. Эти события оставили глубокий след в сознании народа и личной жизни отдельных людей.

В рассказе "Срезал" Шукшин рассматривает тему военной травмы через персонажа военнопленного, вернувшегося домой. Герой сталкивается с непониманием и отчуждением со стороны общества, что символизирует глубину психологической раны, нанесённой войной. Шукшин показывает, как историческая травма влияет не только на коллективное сознание, но и на индивидуальную жизнь человека, оставляя неразрешимые конфликты и вопросы о смысле существования. [\[12; 11\]](#)

В "Калине красной" историческая травма проявляется через образ Ёгова, освободившегося из тюрьмы. Его попытки найти своё место в мире и примириться с прошлым отражают влияние репрессий на личную судьбу. Через внутренние переживания Ёгова Шукшин исследует, как исторические события формируют личностную драму и определяют поступки героя. [\[11\]](#)

Историческая травма в творчестве Шукшина тесно связана с личностной драмой персонажей. [\[10\]](#) Писатель раскрывает, как герои сталкиваются с дилеммой выбора между личными устремлениями и общественными ожиданиями. Этот конфликт отражает более широкий противостояние между индивидуальной идентичностью и коллективной памятью о травматичном прошлом.

Таким образом, Историческая травма является неотъемлемой частью личностной драмы в творчестве Шукшина. Через образы персонажей, сталкивающихся с последствиями войн, репрессий и коллективизации, писатель показывает, как исторические события влияют на индивидуальное сознание и судьбы людей. Анализ этих произведений позволяет глубже понять взаимосвязь между исторической травмой и формированием личности в контексте русской литературы и культуры.

5. Взаимодействие национальной идентичности и исторической травмы

В рассказах Шукшина темы национальной идентичности и исторической травмы тесно переплетены, отражая сложные процессы самоопределения персонажей в контексте исторических событий. Эти темы взаимодействуют друг с другом, формируя уникальный литературный пейзаж, который исследует глубинные аспекты русской души и культуры.

На примере рассказа "Калина красная" видно, как персонаж Ёгов, сталкиваясь с исторической травмой своего прошлого и общественных катаклизмов, стремится к внутреннему преображению. Его путь к самопознанию и очищению проходит через возвращение к национальным корням и ценностям, которые символизируются русской деревней. Этот процесс не только отражает личную историю героя, но и затрагивает более широкие темы национального самосознания и культурной памяти.

Восприятие исторических событий в творчестве Шукшина характеризуется диалектикой

боли и преодоления. Персонажи часто оказываются в эпицентре исторических потрясений, что становится источником глубоких переживаний и травм. Однако именно эти испытания стимулируют их к поиску собственного пути и укреплению национального духа. Так, персонажи обращаются к прошлому своего народа не только как к источнику боли, но и как к фундаменту для построения своей идентичности в настоящем.

Историческая память в произведениях Шукшина выступает как ключевой элемент национальной идентичности.^[4] Через рассказы старших поколений, обрывки воспоминаний и личные переживания персонажей складывается мозаика исторического опыта, который формирует их взгляды, ценности и самосознание. Эта память помогает персонажам находить прочность и уверенность в себе, сохраняя связь с национальной культурой и традициями даже в условиях современных вызовов и перемен.^[5]

Таким образом, в рассказах Шукшина национальная идентичность и историческая травма взаимосвязаны и взаимовлияют друг на друга, создавая сложную ткань человеческих судеб и культурных традиций. Исследование этих тем позволяет не только глубже понять литературное наследие Шукшина, но и осмыслить более широкие процессы формирования национальной идентичности в русской культуре.

6. Заключение

Исследование тем национальной идентичности и исторической травмы в рассказах Василия Шукшина позволило выявить следующие ключевые аспекты:

Национальная идентичность в творчестве Шукшина тесно связана с культурой и традициями русской деревни, а также с моральными ценностями русского народа. Персонажи Шукшина ищут свою идентичность через взаимодействие с природой, народными обычаями и личными переживаниями.

Историческая травма проявляется в произведениях Шукшина через отражение влияния крупных событий, таких как война, коллективизация и репрессии, на жизнь и сознание людей. Эти травмы оставляют глубокий след в душах персонажей и формируют их внутренний мир.

Взаимодействие национальной идентичности и исторической травмы демонстрирует сложное переплетение личных и коллективных переживаний, формирующих уникальные жизненные истории героев.

Это исследование подчеркивает важность изучения данных тем для понимания русской литературы и культуры, поскольку они позволяют глубже осмыслить внутренний мир русского человека, его ценности и отношение к прошлому. Таким образом, темы национальной идентичности и исторической травмы являются ключевыми для осмысления исторического опыта и культурного наследия России, открывая новые горизонты для исследований в области литературоведения и культурологии.

Библиография

1. Аникин Д А. Проблематизация исторической ответственности в современном российском обществе: основные тенденции // Полилог. – 2020. – №4(4). – С. 8-8.
2. Богумил Т А, Куляпин А И, Худенко Е А. Геопозэтика ВМ Шукшина. Барнаул: АлтГПУ, 2017.
3. Велилаева Л Р, Абдуллаева Н Р. Понятие «национальной идентичности»: теоретико-литературный аспект исследования // Universum: филология и искусствоведение. – 2020. – №6 (73). – С. 26-28.

4. Гончарова А В. Историко-культурная память как условие сохранения национальной идентичности // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2022. – №8(1). – С. 134-141.
5. Дутова Д В. Проблема нации и национальной идентичности в социально-политической мысли // Соотношение конфессиональной, этнической, региональной и гражданской общероссийской идентичности в общественной и политической среде Республики Башкортостан. – 2020. – С. 171-178.
6. Жеребенко А В. Культурная идентичность как основа территориального бренда региона // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. – 2020. – №23. – С. 86-90.
7. Колесникова Е И. Международная научная конференция "Запечатленная победа: ключевые образы, концепты, идеологемы" // Русская литература. – 2016 . – №1. – С. 247-255.
8. Михайленок О. М., Митрофанова А. В., Богатова О. А., et al. Прошлое, которое не уходит: культурная травма, историческая память и идентичность. 2023.
9. Самсонова Н Н. Механизмы преодоления исторической травмы: основные исследовательские подходы // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2021. – №3. – С. 69-77.
10. Цветова Н С. «Василий Шукшин – актуальный классик?»(итоги круглого стола в рамках Санкт-Петербургского международного культурного форума) // Филологический класс. – 2020. – № 25(1). – С. 214-219.
11. Шукшин В. Калина красная. М.: Litres, 2022.
12. Шукшин В. Срезал. М.: Litres, 2022.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Проза В.М. Шукшина реалистична, откровенна, чувственна, эмоциональна. Анализ текстов автора обычно дается именно через эти приметы, что и вполне верно. Рецензируемый труд касается вопроса национальной идентичности в контексте исторической травмы в рассказах Василия М. Шукшина. Думаю, что подобный ракурс достаточно интересен, нов, нетривиален. Как отмечает вначале работы автор, «творчество Василия Шукшина является примером того, как литература может служить зеркалом национальной души, отражая переживания, стремления и надежды простого человека в контексте исторических событий и социальных перемен», «анализ темы национальной идентичности и исторической травмы в произведениях Шукшина позволяет не только глубже понять его творчество, но и осмыслить более широкие культурные и исторические процессы, происходящие в русской и мировой литературе XX века. Это исследование призвано внести вклад в понимание того, как литература отражает и формирует национальную идентичность в условиях исторических вызовов и общественных изменений». Статья имеет законченный вид, она самостоятельна, содержательный уровень информативен. Суждения по ходу исследования объективны: например, «в современном мире, где глобализация и культурное взаимодействие играют все более значимую роль, вопросы национальной идентичности становятся особенно актуальными. Сохранение культурного наследия, самоопределение и поиск национального единства в условиях многообразия и изменчивости стали ключевыми вызовами современного общества. Исторические травмы, такие как войны, колониализм, репрессии и социальные катаклизмы, оставили глубокий след в коллективной памяти

народов, формируя их самосознание и восприятие собственной идентичности», или «русская деревня в творчестве Шукшина является символом устойчивых национальных ценностей, образа жизни и культурного наследия. Деревенская среда, её обычаи, язык и межличностные отношения играют ключевую роль в формировании национальной идентичности. Шукшин подчёркивает связь между человеком и природой, значение традиций и семейных устоев. В его произведениях деревня становится местом, где прошлое и настоящее, личное и коллективное переплетаются, создавая уникальный образ русской национальной идентичности» и т.д. Вариант рассмотрения выбранной для анализа темы фактически точен. Основным методом, который манифестируется исследователем, является «литературный анализ, включающий детальное изучение текстов рассказов, сюжетных линий и характеристик персонажей. Применяется контекстуальный подход для анализа произведений в свете исторических событий и культурных традиций России». Считаю, что проблема «исторической травмы» раскрывается в работе ступенчато, последовательно, планомерно; фактические недочёты в тексте отсутствуют; стиль сочинения тяготеет к научному типу, но в ряде мест язык «хотелось бы подкорректировать», он несколько прост, «открыт», «буквален». В целом же языковые номинации вычитаны: «восприятие исторических событий в творчестве Шукшина характеризуется диалектикой боли и преодоления. Персонажи часто оказываются в эпицентре исторических потрясений, что становится источником глубоких переживаний и травм. Однако именно эти испытания стимулируют их к поиску собственного пути и укреплению национального духа. Так, персонажи обращаются к прошлому своего народа не только как к источнику боли, но и как к фундаменту для построения своей идентичности в настоящем», или «через рассказы старших поколений, обрывки воспоминаний и личные переживания персонажей складывается мозаика исторического опыта, который формирует их взгляды, ценности и самосознание. Эта память помогает персонажам находить прочность и уверенность в себе, сохраняя связь с национальной культурой и традициями даже в условиях современных вызовов и перемен». Материал можно использовать при изучении творчества В.М. Шукшина. Актуальность проблемы в тексте манифестирована достаточно объёмно, в связи с этим хочу обозначить, что вектор изучения т.н. «исторической памяти» в прозе В.М. Шукшина полноценен, он нуждается в определенной корректировке далее. Выводы созвучны основной части, отмечено, что «историческая травма проявляется в произведениях Шукшина через отражение влияния крупных событий, таких как война, коллективизация и репрессии, на жизнь и сознание людей. Эти травмы оставляют глубокий след в душах персонажей и формируют их внутренний мир. Взаимодействие национальной идентичности и исторической травмы демонстрирует сложное переплетение личных и коллективных переживаний, формирующих уникальные жизненные истории героев». Отчасти автор направляет читателей / исследователей на новые т.н. «аналитические открытия». Формальные требования издания учтены, однако, список источников нужно унифицировать! Цель исследования достигнута, вопрос, который выбран в качестве основного, рассмотрен. Статью «Национальная идентичность в контексте исторической травмы в рассказах Василия Шукшина» можно рекомендовать к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Садовникова Ю.М. Новый исторический роман: традиции, эволюция и специфика жанра на примере романа Барри Ансуорта «Моралите» // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70314 EDN: POSDZI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70314

Новый исторический роман: традиции, эволюция и специфика жанра на примере романа Барри Ансуорта «Моралите»

Садовникова Юлия Михайловна

ORCID: 0000-0003-4788-0490

аспирант кафедры литературы Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

248000, Россия, Калужская область, г. Калуга, пер. Воскресенский, 4

✉ OrangeLioness@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70314

EDN:

POSDZI

Дата направления статьи в редакцию:

01-04-2024

Аннотация: Несмотря на большое количество написанных литературоведческих работ, до сих пор ведутся споры в определении жанровой структуры исторического романа, особенностей его поэтики. Это, по-видимому, связано с тем, что для большинства экспертов в центре внимания традиционно должна находиться именно история, а не теория жанра. Авторы исторических романов помогают воссоздать исторические образы прошлого, позволяя читателям увидеть мир глазами людей, живших в другие эпохи. Исторический роман может быть как развлекательным жанром, так и инструментом для изучения истории, стимулируя интерес к прошлому и поднимая важные вопросы о том, как жили и действовали люди в разные времена. Различные точки зрения позволяют лучше понять многогранность жанра и его влияние как на литературу, так и на понимание истории и жизни. Автором был использован прием литературы «нового историзма». Наряду с канонами исторического романа XIX столетия, Б. Ансуорт прибегает к традиционным приемам историографического метаромана эпохи постмодернизма. Этот роман представляет собой новый подход к жанру исторической

беллетристики, отличный от традиционного вальтерскоттовского. Новый исторический роман и метафизический детектив можно рассматривать через призму нового исторического романа, который фокусируется на исторических аспектах повествования, точно воссоздавая обстановку определенной эпохи с каждым вымышленным персонажем и событием, и возвращая читателя в реальность XIV века. Расследование убийства – важный элемент сюжета романа, но имеет смысл только в том случае, если воссоздана обстановка эпохи, в которой всё происходит. Средневековая драма играет здесь важную роль, особенно авторская трансформация от религиозной к светской драме. Трансформация жанровой формы – характерная черта современной литературы. Романы Барри Ансворта интересны тем, что синтезируют несколько жанровых комбинаций и в то же время воспроизводят аспекты формирования нового для своего времени жанра – моралите.

Ключевые слова:

Барри Ансуорт, Моралите, Вальтер Скотт, роман, историзм, жанр, трансформация, традиция, постмодернизм, прошлое

Исторический роман сегодня принадлежит к числу наиболее популярных литературных жанров. Само понятие «исторический роман» хорошо знакомо литературоведам с XIX века.

Несмотря на большое количество литературоведческих работ, до сих пор существуют спорные моменты в определении жанровой структуры исторического романа, особенностей его поэтики. Это связано с тем, что для большинства ученых в центре внимания находится история, а не теория жанра. Точки зрения литературоведов и критиков на исторический роман можно разделить в зависимости от оценки того или иного критерия. Так, одна группа исследователей (Пауткин 1983, Щедрина 1997, Дронова 1999 и др.) считает определяющими чертами исторического романа реальное, с опорой на документы, зафиксированное в истории существование лиц и событий, которые изображены в романе. Другая часть исследователей (Кожин 1996, Тмарченко 1999 и др.) рассматривают определяющим не сам исторический материал, а отношение к нему автора. Следуя данной логике, роман является историческим, если он раскрывает закономерности общественной жизни и создает неповторимый образ эпохи. Часть ученых (Ленобль 1977, Оскоцкий 1980, Петров 1984 и др.) полагает, что решающей является сознательная установка автора на соблюдение дистанции между современностью и описываемой эпохой.

Первоосновой исторического романа является правда истории. Это понятие включает в себя определяющие историческую эпоху компоненты: общественные закономерности, тенденции социального развития, место и роль народа на историческом этапе. И художественная правда, представленная в авторской интерпретации, не должна противоречить исторической правде.

Литература, как известно, отражает реальность. Что же является объектом отражения в историческом романе? История, т. е. исторические события, описанные историками и интерпретируемые автором исторического романа.

Через чтение исторического романа мы знакомимся с историей прошлого, с событиями давно минувших дней. В художественной картине прошлого, прежде всего, отражается

духовный опыт, нравственный потенциал современника. Писатель, исследуя историю, отталкивается от проблем нынешнего дня и пытается найти более оптимальные пути их решения. Этим и объясняется постоянный интерес к жанру исторического романа.

«Художественная правда как эстетическая категория появляется в искусстве по-особенному, в зависимости от метода направления и жанра произведения» [6: 45]. Нам думается, что ее трудно решить и методом призывов к безбрежия вымысла и ограничению пределов документализма. Ее решение может быть подвластно таким принципам исследования, которые, с одной стороны, способны в огромном многообразии выявить сходные формы, с другой – обнаружить закономерности тех или иных проявлений художественной правды в этих формах. И. Варфоломеев называет эти сходные формы «типовыми устойчивостями» и считает, что «устойчивое проявление художественной правды может выступать и своеобразным элементом подтверждения закономерности конкретной типовой устойчивости в жанровой природе исторической романистики» [3: 24].

Исторический роман, по мнению Ю.С. Райнеке, «стал гибридным жанром, соединив в себе два начала – литературу и историю. То есть автор исторического романа создает вымышленный мир, опираясь на реальные исторические свидетельства» [8: 26].

Основная часть

Проскурнин Б.М. утверждает, что «под историческим романом вальтерскоттовского типа подразумевается произведение, в котором доминирует словесно-образное осмысление исторических тенденций (закономерностей), соединяющих прошлое и настоящее в единый поток времени, определяющих судьбу и внутренний мир героя, то есть человека реконструируемой писателем эпохи и неизбежно включающих его в процесс созидания истории» [7: 23].

Исторический роман Скотта органично соединил в себе исторический факт и вымысел. Скотт считал, что вымысел является сознательным приемом романиста, а задачи писателя схожи с задачами историка. Романист-историк, по мнению Скотта, возводит роман на новую высокую ступень и приравнивает его к историческим трудам. В рецензии на «Хроники Сида» Скотт писал: «Независимо от того, правдива или вымышлена история Сида, она представляет большую ценность как своеобразная картина нравов». В романах Скотта переплетаются действительные и вымышленные события, реальные исторические персонажи описаны наряду с вымышленными героями. Восстанавливаются не только исторические события (задача историка), но и мысли и чувства людей (романная техника). Поэтому исторический роман претендует на большую правдивость, чем историческая наука.

Вопрос об обязательном присутствии в романе о прошлом реального исторического персонажа является спорным. В начале XX века советские исторические романисты стали изображать образы исторических деятелей, и этим объяснялось главное требование романа о прошлом – наличие реальной исторической личности. Одни ученые, например, С. Петров, Л. Александрова, считают главным признаком исторического романа создание образа реальной личности, представителя исторической эпохи. Другие исследователи игнорируют важность присутствия в романе о прошлом реальных деятелей: «наличие в нем исторических персонажей, географически точно зафиксированного места действия, документально точное воспроизведение реалий эпохи являются второстепенными» [5: 14].

Б. М. Проскурнин в своей статье «Современный английский исторический роман:

традиция и диалог с нею» дает проблемный обзор динамики национальной английской традиции жанра исторического романа от момента ее окончательного оформления в начале XIX в. до современного этапа развития жанровой парадигмы и настаивает, что «в современный (то есть постпостмодернистский) британский исторический роман «вернулась» традиция реконструкции истории в ее целостности, доминирует внедрение «тотальности» в подходе к воспроизведению прошлого, акцент делается не только на социально-политических и хронологических («датных») скрепах истории, но и на других, особенно культурологических скрепах, т. е. на культурах, маркирующих историческое время (бытовых, артефактных, материальных, духовных, нравственных, масс-медийных, интерьерных, устройства жилища и быта, одежды, пищи, досуга, круга чтения и пр.). В новейших исторических романах постпостмодернистского этапа уменьшилась, а то и вовсе исчезла игра с историческими временами, когда повествовательно (и/или сюжетно) нарочито обнажался временной плюсквамперфект (присутствие прошлого в настоящем из желания акцентировать историю как континуум); на новый уровень вышла традиция, начатая В. Скоттом, «сюжетного пропуска» исторического процесса через внутренний мир героя, не обязательно героя в прямом смысле слова, но непременно «помещенного» в плотное и по возможности целостное «тело» истории [7: 8].

Роман Барри Ансуорта "Morality Play" (Моралите), опубликованный в 1995 году, погружает нас в мрачное Средневековье. Перед нами предстает Англия конца XIV века – не самое лучшее время, охваченное голодом и мором. Главные герои романа – странствующая труппа из шести комедиантов – театр на четырех колесах. Актеры этого театра – нищие, вечно голодные энтузиасты, которые вкладывают в свою работу всю душу. Театр той далекой эпохи заметно отличался от того, что мы видим на сцене сегодня. Актеры брали на себя роли персонажей, импровизировали, меняя по ходу пьесы и состав героев, но никогда не отклоняясь слишком далеко от традиционной сюжетной линии. Их лица были скрыты под масками аллегорических персонажей, олицетворяющих пороки или добродетели.

Жанр моралите следует четкой схеме вознаграждений и наказаний, но пьеса, которую придумывают герои, основанная на реальных вещах, оказывается импровизацией, которая неизвестно чем закончится. Придумывая сценарий, реплики, актеры действуют в рамках привычного моралите:

«Сыграть ее мы решили в форме моралите, используя некоторые готовые речи, которые комедианты выучили давно, каждый в своей роли, однако больше полагаясь на жесты и пантомиму, перемежая их тут же сочиненными словами» [1: 61].

В произведениях Барри Ансуорта прошлое фигурирует как нечто гораздо более значимое, чем плод тщательного исследования и костюмированной постановки. Его романы глубоко эмоциональны и чувства героев – безразличие и безумие, страх и отвага, радость и гнев – живы и реальны. При всем этом исторические персонажи остаются людьми своей эпохи, с собственным мировоззрением и системой ценностей, а также подвергаются испытаниям собственными страхами, недостатками и слабостями. Для исторических персонажей автор часто выбирает образ маргиналов и неудачников, так как он считает их более искренними, а их жизнь приближенной к реальности и настоящей [4: 89].

В романе продемонстрирован новый подход к жанру исторического романа, отличный от традиционного вальтерскоттовского. Новый исторический роман и метафизический детектив можно рассматривать через призму новой исторической беллетристики, которая фокусируется на исторических аспектах повествования, точно воссоздавая историческую

обстановку с каждым вымышленным персонажем и событием, и приглашая читателя в реальность XIV века. Расследование убийства – ключевой элемент сюжета романа, но он является значимым только благодаря воссозданной исторической обстановке, в которой оно происходит. Средневековая драма играет здесь важную роль, особенно авторская версия превращения религиозной драмы в светскую.

Трансформация жанровых форм характерна для современной литературы. Роман Барри Ансуорта представляет особенный интерес, потому что синтезирует в себе совокупность нескольких жанров и одновременно воссоздает картину становления нового для той эпохи жанра – моралите.

В романе автор показывает, что каждый человек играет в жизни свою роль, как и бедный комедиант, и богатый господин в пьесе. Независимо от социального положения или статуса, люди всю жизнь играют роли и носят маски. Автор приравнивает рыцарей, лордов и судей к комедиантам, выступающим на показ, показывая, что все люди изначально равны и, в принципе, ничем не отличаются друг от друга. Все люди равны, даже перед лицом смерти. Кем бы вы ни были – благодетелем, дворянином, судьей или нищим, неважно, какую роль мы играем в жизни – однажды мы все сыграем свою последнюю роль, и зрителями станет смерть. «Теперь он покидал место Игры, лишенный всех ролей, кроме этой последней – умирания, – которая ожидает нас всех». [1: 90]. Таким образом, автор подчеркивает истинно христианские идеи, такие как примат души, духовный путь, необходимость аскетизма для заботы о внутреннем мире, бессмысленность жадности, похоти и накопительства, а также врожденное природное равенство человека перед Богом и смертью.

Заключение

Автор использует прием литературы «нового историзма». Наряду с канонами исторического романа XIX столетия Б. Ансуорт прибегает к традиционным приемам историографического метаромана эпохи постмодернизма.

В романе Б. Ансуорта «Моралите» смешиваются жизнь и искусство, зрители и актеры, реальное и ирреальное, что, с одной стороны, демонстрирует специфику средневековой ментальности, не проводящей границы между сакральным и профанным, а с другой – реализует постмодернистский взгляд писателя на мир вне границ и систем. Подобное переплетение планов оказывается возможным за счет жанровой генерализации. При помощи этого приема автор избегает статуса «массовости» своего романа, ориентируясь на культурно развитую аудиторию. Барри Ансуорту в «Моралите» удается соответствовать современным запросам общества, не игнорируя при этом устоявшиеся каноны каждого из используемых жанров.

«До Вальтера Скотта не было истинного романа... Романы восемнадцатого века... изображали не общество, не людей, не действительность, а признаки больного или праздного воображения. Вальтер Скотт первый показал, чем должен быть роман» [2: 278]. Со времен В. Скотта роман претерпел ряд изменений, споры вокруг этого жанра литературы продолжаются и по сегодняшний день, его жизнеспособность и значимость волнуют писателей и литературоведов во всех странах.

Разнообразие точек зрения позволяет лучше понять многогранный характер этого жанра и его влияние как на литературу, так и на понимание истории. Авторы исторических романов помогают воссоздавать историческую картину прошлого и позволяют читателям увидеть мир глазами тех, кто жил в другие времена. Исторический роман может быть не только развлекательным жанром, но и инструментом для изучения истории, вызывая

интерес к прошлому и поднимая важные вопросы о том, как живут и действуют люди в разные времена.

Библиография

1. Ансуорт, Б. Моралите / Пер. с англ. И.Г. Гуровой. М.: Транзиткнига / АСТ, 2004. – 240 с.
2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. М. 1955. Т. VI. – 799 с.
3. Варфоломеев И. Советская историческая романистика: проблемы типологии и поэтики. – Т. 1984. – 111 с.
4. Жанрово-стилистическая специфика дискурса: монография / Под общ. ред. Е. В. Вохрышевой. – Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2022. – 128 с.
5. Комаровская Т.Е. Исторический роман США XX века: монография. Минск: БГПУ, 2019. – 238 с.
6. Новиков В. Художественная правда и диалектика творчества М., 1974. – 520 с.
7. Проскурнин, Б.М. Современный английский исторический роман: традиция и диалог с нею // Мировая литература в контексте культуры. 2023. № 16 (22). С. 23-32.
8. Райнеке Ю.С. Исторический роман постмодернизма и традиции жанра (Великобритания, Германия, Австрия). Дисс. ... канд. филол. наук. М. 2002. 211 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Новый исторический роман: традиции, эволюция и специфика жанра на примере романа Барри Ансуорта «Моралите», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения структуры романа, который незаслуженно «выпал» из сферы интересов исследователей. Действительно, творчеству Барри Ансуорта не уделяется должного внимания как в отечественном литературоведении, так и зарубежом.

Отметим, что исторический роман сегодня принадлежит к числу наиболее популярных литературных жанров. Однако, несмотря на большое количество литературоведческих работ, до сих пор существуют спорные моменты в определении жанровой структуры исторического романа, особенностей его поэтики.

Практическим материалом исследования явился роман Барри Ансуорта “Morality Play” (Моралите), опубликованный в 1995 году, который погружает читателя в атмосферу средневековой Англии.

Статья является новаторской, одной из первых в российском литературоведении, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Так, методологической основой исследования явились описательно-сопоставительные, контекстуальные и ситуативно-интерпретационные методы исследования, а также методы герменевтики. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Автор подробно описывает ход исследования. Приведенные данные вполне

репрезентативны. Отметим, что вводная часть не содержит конкретной исторической справки по изучению данного вопроса как в общем, так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников.

Библиография статьи насчитывает 8 источников, среди которых теоретические работы исключительно на русском языке. Считаем, что при рассмотрении подобной тематики важно обращаться к работам зарубежных исследователей на языке оригинала.

Библиография оформлена в соответствии с требованиями ГОСТа. В общем и целом отметим, что работа написана простым, понятным для читателя языком, в ней поднимается актуальная исследовательская проблема. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы и зарубежной филологии. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Новый исторический роман: традиции, эволюция и специфика жанра на примере романа Барри Ансуорта «Моралите» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Петров Д.В. Терминология на границе лингвистики и психологии: к проблеме строгих определений // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.40719 EDN: PTJQMN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40719

Терминология на границе лингвистики и психологии: к проблеме строгих определений

Петров Дмитрий Владимирович

ORCID: 0000-0002-1046-3522

аспирант, кафедра современного русского языка и общего языкознания, Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

✉ dv95@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.40719

EDN:

PTJQMN

Дата направления статьи в редакцию:

11-05-2023

Аннотация: Статья посвящена аналитическому обзору неоднозначно толкуемых терминов и общеупотребительных лексических единиц, связанных с психической сферой, которыми в той или иной мере оперируют лингвисты. В статье подробно раскрывается проблема важности как можно более строгих толкований для такой лексики при ее использовании как в лингвистических текстах, так и вообще в текстах гуманитарных исследований. С целью точного формулирования толкований для двадцати лексических единиц, перечисленных во введении, в основной части статьи проводится самостоятельный анализ базовых психологических и семиотических понятий с опорой на актуальные антропологические знания. Для каждой из двадцати лексических единиц самостоятельно формулируется строгое толкование. В ряде случаев даются подробные комментарии о предполагаемой степени точности толкования, о недостатках возможных альтернативных толкований, о многозначности лексемы и др. В дополнение к самостоятельным толкованиям некоторых лексических единиц приводятся уже существующие в научном обороте толкования, оцениваемые в статье как удачные. В

конце аналитического обзора в виде схемы формулируется модель речевой коммуникации, опирающаяся на сделанные в обзоре выводы. Практическая направленность обзора – подготовка фундаментальной теоретической базы для кандидатского исследования, посвященного составлению оригинального лексического тезауруса для машинного сентимент-анализа.

Ключевые слова:

теория языка, психолингвистика, базовая терминология, психика, образ, понятие, знак, слово, значение, речевая коммуникация

Введение

Фактически текст является не более чем набором письменных знаков, имитирующим речь. Следует понимать, что в силу этого разговоры о «содержании» текста всегда условны.

Мышление человека приспособлено под символьное восприятие [\[1, с. 231\]](#), и владеющий речью человек обычно сразу воспринимает слово как его значение, а фразу – как ее смысл, по возможности игнорируя опорную оболочку. В воображении человека неизбежным образом происходит в некоторой степени отождествление знака и объекта, условным эквивалентом которого выступает знак.

В силу того, что это произвольное смешение не рефлексивируется, дети часто наделяют слова свойствами объектов, обозначаемых этими словами [\[2, с. 131\]](#), а носители малоразвитых культур часто воспринимают языковые метафоры буквально и в том числе под давлением традиции верят в странную мифическую реальность, противоречащую тому, что они наблюдают непосредственно [\[3, с. 189\]](#).

Возможно, из такого же искажения восприятия произошло и, на наш взгляд, ошибочное традиционное определение текста (как и слова) как некоего двустороннего феномена, существующего по собственной логике (см., напр.: [\[4, с. 8; 5, с. 90\]](#)).

Так, словосочетание *двусторонний языковой знак*, традиционно использующееся в лингвистических работах, мы считаем логически некорректным. Что бы ни подразумевалось под «двусторонностью» какого-либо знака, эта характеристика заведомо бессмысленна. Любой объект может выступать в качестве знака, и количество каких-либо «измерений» этого объекта не принципиально. Важно исключительно то, что объект выполняет роль знака, которой его наделяет субъект, и никакие физические и любые иные параметры объекта при этом не важны.

Если же под «второй стороной» языкового знака подразумевается его значение, это просто логически ложно. Если мы условились воспринимать предмет *N* в качестве предмета *M*, т.е. условились обозначать предметом *N* предмет *M*, т.е. условились, что предмет *N* – это знак предмета *M*, а предмет *M* – это значение предмета *N*, из этого, очевидно, не следует, что предмет *M* – это вторая сторона предмета *N*.

«Двусторонней», что также очевидно, является только пара «значение – знак», каким бы термином мы ее ни назвали.

Тем более очевидна нелогичность характеристики «двусторонний» для слова (языкового знака), когда им обозначается сугубо ментальный объект. Первичный языковой знак

(звучащее слово) – это колебания воздуха. Значение этого знака (при обозначении сугубо ментального объекта) – это какой-то образ или набор образов, некие элементы памяти. Колебания воздуха и образы объектов существуют в разных «мирах», и одно в принципе не может быть стороной другого, если воспринимать выражение буквально.

Принимать же значение знака за вторую сторону знака в качестве теоретической условности – на наш взгляд, бессмысленное, избыточное усложнение.

По аналогии с термином *двусторонний языковой знак* мы считаем несостоятельными традиционные термины *план выражения слова (текста)* и *план содержания слова (текста)*.

План выражения – это и есть знак (знаки), а *план содержания* – это уже не знак (не знаки).

Избыточным усложнением нам также кажется концепция отдельного нейropsychического уровня языковых значений, «лингвосемантического» уровня психики. То есть: неправдоподобным нам кажется представление о том, что в неокортексе для (или – вследствие) словесного обозначения объектов реальности из образов этих объектов формируются дополнительные «усеченные лексические образы», которые уже ассоциируются в памяти со словами и становятся «лексическими значениями» как таковыми.

Такая система кажется нам неправдоподобной именно с биологической точки зрения. Экономия – базовый биологический принцип, и головной мозг любого организма экономит свой ресурс при первой возможности – на всем, на чем возможно (см., напр.: [\[6, 164–172\]](#)). Как мы уверены, крайне неэкономным с точки зрения морфологии мозга было бы формирование в системе памяти промежуточного звена между ментальными соответствиями знаков и образами обозначаемых ими объектов, когда возможно ассоциировать «знаки» и «образы» напрямую (разумеется, при возможности ослабления и устранения каких-то связей при их не востребованности).

Иными словами, мы предполагаем, что если провести эксперимент с использованием фМРТ (или иного подходящего метода), где испытуемого будут просить обозначить один и тот же хорошо известный ему объект с помощью разных знаков – не только словом, но и жестами, рисунком и т.д., то с большой вероятностью в мозге испытуемого будет активизироваться (среди прочих) один и тот же участок неокортекса, отвечающий за память об этом объекте. И то же самое, соответственно, будет происходить, не только когда испытуемый будет слышать известное ему слово, обозначающее известный ему объект, но и когда он будет распознавать этот объект в рисунке, в изображении жестами и т.д.

То есть, обобщая, вербальный язык как приспособление функционирует за счет той же нейробиологической основы, что и другие знаковые системы и в целом мышление, не формируя в мозге некий дополнительный физический слой.

Вышесказанным мы хотели как можно четче проиллюстрировать, что не существует значения как некоей универсальной, способной существовать где-либо, кроме как в памяти субъекта, сущности, которая может иметь раз и навсегда данную единственно верную интерпретацию. *Лексическое значение слова* – это только абстрактное наименование всего, что может быть ассоциировано в сознании говорящего с конкретным словом (то есть набором речевых звуков, а вернее, впечатлением о нем) – в конкретном контексте (ситуации), более или менее индивидуально и произвольно, более

или менее тесно. Толкования же значений в словарях – только обобщения, сформулированные с прицелом на общедоступность (в той или иной степени).

Очевидно, что в силу речевого опыта существенная часть слов стойко связывается в памяти человека с конкретными образами. Но если бы слово и значение в памяти человека представляли собой одну сущность, неразрывное единство, люди, например, не могли бы воспринимать слова и выражения в переносных смыслах, иронически, а также просто использовать слова в разных значениях. Под сомнением было бы существование местоимений, по определению не предназначенных иметь тесной привязки к объектам обозначения. Также людям было бы существенно труднее осваивать другие языки, переключаться с языка на язык, так как любой привычный образ рефлекторно «отзывался» бы в сознании говорящего словом из родного лексикона, мешая обозначить себя иноязычным словом. По той же причине было бы затруднительно «переучивать» любое слово, если ранее человек толковал его ложно, что в принципе ставило бы под вопрос адекватное освоение речи детьми.

Кроме того, если бы слова в памяти человека четко ассоциировались с конкретными образами, не возникало бы многих типичных помех в коммуникации (неважно, бытовой или научной), происходящих, когда одни и те же слова вызывают в сознании людей неодинаковую реакцию. К слову, недопонимание между людьми обычно возникает из-за того, что:

а) конкретное слово недостаточно привычно для человека, и он не успевает вспомнить его значение, воспринимая поток речи;

б) человек слабо представляет себе значение слова, поэтому в речи слово также «теряется», воспринимаясь просто как невнятный или случайный образ;

в) человек не всегда воспринимает многозначное слово в значении, адекватном контексту;

г) человек понимает слово ложно, «по-своему»;

д) человеку просто неизвестно значение слова, и смысл фразы для него также размывается.

В целом же человек не всегда мотивирован говорить точно и четко, просто потому что и без этого может достигать желаемого. Исключительно в конкретных нуждах говорящий – не обязательно по правилам грамматики – обозначает с помощью слов конкретные образы в своем сознании, а слушающий с опорой на произносимое представляет себе по возможности подобные образы и делает по возможности точные выводы о переживаниях говорящего – его желаниях, мыслях и т.д. Обозначаемые образы, конечно же, никогда не покидают сознание говорящего и пишущего, никак не взаимодействуют с сознанием слушающего и читающего и уж тем более никак не могут быть распознаны в наборах звуков и букв машиной, если в ее базе данных нет какого-то подобия этих образов.

Тем более мы не видим смысла говорить о некоей самодостаточной лексико-семантической плоскости, некоей сети семантических отношений слов в словаре языка, которую можно было бы выявить статистически.

Для вычислительной машины значение каждого набора символов – это неизвестная, переменная. Оперируя «цифровым» словом как набором символов, машина не может распознать значение слова, просто потому что не может обладать субъективным опытом, не способна наблюдать действительность, как сложный организм.

Ни один алгоритм не позволит выявить какую-либо «глубинную» схему семантических отношений слов, сколь бы обширной ни была база текстов, на которой обучается алгоритм, – просто в силу того, что в современном компьютере не может как-либо быть представлено значение хотя бы одной из тысяч переменных (слов), которые анализируются алгоритмом. С помощью алгоритма возможно только выявлять частотность и среднюю отдаленность соположения слов в тексте, закономерности соположения отдельных слов. Но люди усваивают значения слов, опираясь не на эти показатели, а на ситуации и контексты, уже имея при этом представление о значениях какого-то множества «переменных», хотя бы самых базовых.

Значение слова – это просто объект (вернее, его образ в памяти), который обозначен словом в конкретном контексте (ситуации). Этот объект может относиться к какой угодно предметной сфере – бытовой, профессиональной, общенаучной, специальной научной и т.д., и фактически вопрос определения значения слова – это вопрос владения конкретной темой. Откуда, к слову, очевидно, что лексикография – сфера принципиально метанаучная, междисциплинарная, энциклопедическая.

Подробные рассуждения выше мы привели в обоснование достаточно тривиальной, но принципиальной в контексте статьи мысли, что вся «содержательная» сторона текста, как и в целом речи, существует исключительно в подготовленном для этого *сознании* (которым ни одна машина в настоящее время не обладает).

Эта мысль, в свою очередь, призвана подтвердить, что, говоря о «содержательной стороне текста», мы говорим исключительно о явлениях психики и что для анализа «содержания текста», тем более машинного анализа, необходимо иметь хотя бы и общее, но однозначное представление об аспектах психики человека, связанных с тем, что мы называем значениями и смыслами. Такой подход нам необходим в первую очередь для более точного разграничения процессов в рамках сентимент-анализа, которые *возможно* автоматизировать и которые *не могут* осуществляться без участия субъекта.

Вслед за Б.Н. Головиным (см., напр.: [7]), мы считаем принципиальным оговаривать, как мы понимаем используемые нами слова с неочевидными, спорными толкованиями. Поэтому, предваряя наши последующие тексты исследований, мы хотели бы четко определить, что мы понимаем под такими словами, как *сознание, субъект, объект, реальность, впечатление, ощущение, чувство, эмоция, мысли, мысль, образ, признак, абстрактный, абстрактное мышление, понятие, знак, слово, значение слова, фраза, смысл фразы*.

Кроме того, пространство исследования, на наш взгляд, должно очерчиваться в границах, адекватных исследуемой предметной области, и описываться по возможности исчерпывающе. Только в этом случае возможно иметь *уверенность* в делаемых выводах, а выводы могут иметь не просто ориентировочный характер. Только так исследование будет интуитивно и логически ассоциировано с уже имеющимся у исследователя опытом, в том числе бытовым, переживаемым непосредственно, а не только абстрактным, и не будет замкнуто на себе и изолировано от всех иных накопленных знаний. К тому же, чем более подробно излагается ход мысли, тем очевиднее слабые места исследования и тем оно доступнее для критики.

Тем более это важно, когда рассуждения касаются сферы сознания, которая предельно неудобна для рефлексии и исследования которой до сих пор не дали ответов на вопросы, волновавшие и Л.С. Выготского, и Р. Декарта, и Платона (см., напр., обзорное исследование о «трудной проблеме сознания»: [8]).

Несмотря на то, что современные специалисты обладают действительно серьезными и подробными сведениями об устройстве и функционировании мозга, с опорой на эти сведения формулируют вполне убедительные объяснения различных субъективных процессов, данная сфера знания все еще слабо популяризована. По нашему впечатлению, в массовом сознании психика человека как феномен все еще мало отрефлексирована и обычно является чем-то слабо связанным с физиологией человека. Психические состояния, будь то эмоциональная усталость или счастье, люди часто объясняют себе с помощью морали, эзотерики, мистической философии, фольклорно-мифологических стереотипов и заметно устаревших мифопоэтических теорий об эросе, танатосе и т.п., а не сугубо биологически, – причем исключением здесь не являются ученые и даже врачи.

Так или иначе, степень развития современной антропологии и доступность ее достижений позволяют нам давать более углубленные толкования для вышеперечисленных слов и словосочетаний, чем это было возможно даже четверть века назад.

Приступая к терминологическому анализу, хотим отметить, что на наше понимание вопросов мозга и психики повлияли тексты и публичные выступления таких авторов, как: К.В. Анохин, С.В. Дробышевский, В.А. Дубынин, А.В. Курпатов, А.В. Марков, С.В. Савельев, А. Сет, Е.В. Тимонова, Т.А. Черниговская, С.А. Шумский и нек. др.

Аналитический обзор

Ставя вопрос о природе сознания, мыслители и исследователи разных веков, как мы понимаем, рассуждали в сущности о том, чем физически являются наши ощущения, каков их «материал» и почему сложный организм не может жить своей обычной жизнью, не имея сознания, то есть – через те же каналы получая информацию, обрабатывая ее и действуя в соответствии с ней, но не чувствуя что-либо.

Наиболее глубокое из известных нам современных определений сознания выглядит примерно так: *управляемая (в норме) галлюцинация, в которую оформляются наиболее вероятные для мозга его предположения о важных для самосохранения аспектах его собственного состояния, состояния организма, которым он управляет, и среды, в которой находится организм* [\[9; см. также: 10\]](#).

Само собой, приведенное определение объясняет функциональный смысл и – до какой-то степени – природу сознания, но все еще не объясняет сущность субъективного восприятия, то, почему специфические электрохимические процессы в моем мозге здесь и сейчас создают «меня», почему «я» исчезаю, когда мозг начинает работать в другом режиме, и каково принципиальное структурное отличие живого тела от куска камня, в котором, что кажется естественным, никакого подобия «я» возникнуть не может.

Сознанием, равно как **реальностью**, мы будем называть все, что субъект ощущает в настоящем моменте. И первое, и второе, на наш взгляд, буквально одна сущность, просто обозначаемая через разные аспекты.

Понятие *объективной реальности (действительности)*, вслед за мыслителями прошлого (см., напр.: [\[11\]](#)), мы считаем исключительно теоретической условностью, продуктом интеллектуальной культуры. Поэтому в выражении *субъективная реальность* мы видим своего рода смысловую избыточность.

Мы не можем наблюдать «общую реальность» даже в границах человечества, поскольку,

имея возможность примерно идентичным с другими людьми образом наблюдать общий для всех *предметный мир*, человек способен наблюдать исключительно свой *психологический мир*, а об остальных может только судить. При этом суждения даже обо всеми наблюдаемом предметном мире у людей практически никогда не совпадают полностью, не говоря о том, что в каждый момент времени люди наблюдают предметный мир из разных точек пространства. В итоге у каждого человека реальность (кроме которой у него ничего и нет) индивидуальна почти во всех аспектах. «Общая действительность» остается для человека образом, который он может более или менее адекватно для себя формировать. Мы не отрицаем, что «все, как оно есть на самом деле», существует, но о нем нет смысла высказываться как о чем-то, что нам доступно, и само использование выражений типа *объективный мир*, *подлинная действительность*, *настоящая реальность* мы считаем претенциозным, голословным. Поэтому мы в принципе не видим смысла использовать такие выражения вне узких философских рассуждений.

Субъектом мы – предельно обобщенно – будем называть объект, обладающий сознанием. **Объектом**, также в широком смысле, – то, на что направлено внимание субъекта; то, что внимание субъекта выделило как целое, самостоятельную единицу. Т.е. словосочетание *объект внимания* мы считаем полным синонимом слова *объект*.

Заметим, что термин *объект* мы используем как родовой в принципе для любого термина и вообще слова. То есть объектом может стать что угодно, поскольку попросту что угодно может оказаться в поле внимания субъекта: не только предмет, но и, скажем, случайный участок стены, движение воды в реке, ощущение холода, желание присесть, абстрактное представление о кварке и т.д. – совершенно любая конкретная и абстрактная сущность. На неочевидность такого восприятия помимо прочего, возможно, влияет структурное сходство слова *объект* со словом *предмет*.

Для того чтобы охватить все непосредственно переживаемые, необобщенные проявления сознания, мы могли бы выделить десять видов субъективных процессов:

- 1) **рецепторное ощущение** – как переживание, формирующееся за счет клеточных рецепторов (напр., слуховое, мышечно-суставное, термическое, физической боли);
- 2) **фоновое чувство** – как фоновое переживание, выражающее какую-л. сторону общего состояния организма и формирующееся преимущественно в головном мозге (напр., голод, скука, удовлетворенность, усталость);
- 3) **эмоция** – как чаще всего кратковременное переживание, являющееся реакцией на что-л., чаще всего оценочной, и формирующееся исключительно в головном мозге (напр., раздражение, отвращение, смущение, удивление);
- 4) мотивация – как ощущение нацеленности на обладание каким-л. объектом, на осуществление какого-л. действия, воздействия, на переживание какого-л. состояния; ощущение в принципе заинтересованности в каком-л. изменении в наблюдаемой реальности (напр., интерес, желание, идея, намерение);
- 5) ощущение провоцирования собственного физического действия;
- 6) ощущение контроля над чем-л.;
- 7) ощущение концентрации на чем-л.;
- 8) ощущение собственного волевого усилия;
- 9) **мысли** – как синтетические переживания, формирующиеся на основе уже

имеющегося опыта исключительно в головном мозге, чаще всего направленные на пассивное проживание каких-л. сценариев (прошлых, ожидаемых, желаемых и т.д.), решение каких-л. задач, понимание чего-л. и в принципе реализацию актуальных мотиваций (в основном это ретроспекция, фантазирование, планирование, рефлексия, анализ, моделирование);

10) комплексное переживание (напр., влюбленность как сочетание фоновых чувств, мотиваций и мыслей).

Заметим, что для п. 1 мы не стали использовать просто слово *ощущение*, т.к. в обычном употреблении этим словом может быть названо вообще все из списка. По той же причине для п. 2 мы не использовали слово *чувство*.

Также мы понимаем, что какими-то словами могут называться и фоновые чувства, и эмоции. Например, отвращением, стрессом, тревогой, страхом в зависимости от того, насколько долгим и интенсивным для субъекта является переживание, могут называть как сконцентрированную реакцию, так и длящееся состояние, хотя по природе это будут несколько разные явления.

Выстраивать перечисленные проявления сознания в какую-то иерархию мы не видим смысла, т.к. в любом случае каждый из пунктов – это только искусственно вычленяемые элементы одного недискретного потока. Кроме того, мы придерживаемся точки зрения, что у всех животных, обладающих сознанием, есть все вышеперечисленные виды переживаний, за исключением, возможно, предпоследнего пункта. То есть назвать какие-то виды переживаний эволюционно более сложными, чтобы, опять же, расположить их в какой-то логически строгой схеме, мы не можем.

В отдельную категорию мы не выделяли **впечатление**, т.к. в принципе память является психической функцией, общей для всех перечисленных переживаний. Кроме того, субъективно, не в психоаналитическом обобщении, любые воспоминания буквально являются теми же переживаниями, которые они более или менее точно дублируют, просто заново воспроизводимыми и ослабленными. То есть любое впечатление, воспоминание всегда можно отнести к одному из десяти пунктов списка.

Вспоминание, произвольное или непроизвольное, субъект также ощущает как один элемент или комплекс элементов из списка выше. Например: сочетание концентрации на чем-л., собственного волевого усилия и рецепторного ощущения, когда субъект нацелен вспомнить, каким был предмет на ощупь, – либо просто рецепторное ощущение, когда субъект вспоминает это непроизвольно. И *вспоминание*, и *память* – умозрительные сущности: мы можем представить их, но никогда не наблюдаем сами по себе.

Подобную разницу мы видим между словами **мысли** (в значении *pluralia tantum*) и **мысль**. Если первым словом обозначают психологическое явление, то вторым – уже культурное. Даже простая мысль, выраженная словами *я хочу домой*, – это не просто желание или какое-то сочетание переживаний, а осмысленно составленная конструкция, чем и является любой объект культуры. В данном случае конструкция намеренно составлена из мысленных объектов, поочередно оказывающихся в фокусе внимания: собственного субъекта, собственной мотивации, пространственного образа. Уже эти объекты, для субъекта представляющие собой значимое единство, обозначаются словами.

Для ясности, такой ряд, как мы уверены, не может возникнуть в сознании собаки: в ее жизни не возникает необходимости мысленно выстраивать такие ряды, хотя это, конечно

же, не исключает того, что собака может хотеть домой и как-то выражать это желание. Тем не менее у нее нет возможности повлиять на реализацию своего желания, усилиями воли или в силу навыка выстроив в своем сознании такой ряд. Собака не может озвучить этот ряд, и, соответственно, ей нет смысла его выстраивать. Иными словами, *мысль* как феномен, на наш взгляд, появилась благодаря развитию речи.

Мысли как переживание – это процесс, любое членение которого условно по умолчанию. При этом дискретность, почти предметность отдельной мысли (даже формально выраженные в единственном числе существительного *мысль*) – сами по себе говорят об иной, искусственной природе того, что обычно называют мыслью. Кроме того, *мысль* как объект нельзя естественным образом представить ни во внешнем, объемном, мире (как предметы), ни во внутреннем мире чувств (как *мысли*), принципиально не геометричном, – она существует в своем отдельно воображаемом линейном пространстве, где один за другим располагаются ее элементы.

Описанное свойство мысли мы не хотели бы обозначать как **абстрактность**. Под *абстрактностью*, для большей четкости и однозначности, мы хотели бы понимать исключительно обобщенный характер чего-либо.

Так, под **образом** (объекта) мы понимаем усредненное впечатление, обобщение некоего множества подобных впечатлений об объекте или ряде подобных объектов (или уже обобщение образов, если речь идет о сложных образах). Иначе говоря, образ – это то, что остается после усечения всех несущественных фрагментов условно «накладываемых» друг на друга подобных впечатлений (или более простых образов), усечения всех несущественных различий между объектами при сравнении.

Существует ли образ как психологическая сущность в данном нами определении, существует ли эта сущность как нечто иной природы, существует ли в принципе эта сущность в действительности, а не только как теоретическое умопостроение, утверждать однозначно мы не можем.

Опять же, очевидно, что в бытовом и вообще в нестрогом употреблении под образами часто понимают просто впечатления или вообще все, что может возникать в сознании, уже – в воображении.

Для уточнения данного нами определения стоит заметить, что, насколько мы можем судить, какого-то единичного образа, скажем, груши в памяти человека нет. Думая об одном и том же, в разное время человек, скорее всего, будет представлять себе разное, и, конечно же, при вспоминании воображение будет творчески преобразовывать ранее воспринятое.

Обсуждая же что-либо с другим человеком, мы всегда имеем ложную уверенность, что одно и то же слово отзывается в наших умах идентичными впечатлениями, даже зная, что это не так. В силу постоянного речевого общения мы вынужденно принимаем как данность, что существуют некие общие *тепло, голос, часы*, тем не менее никогда внятно не представляя себе эти обобщенные сущности. И их мы также называем образами, хотя и в несколько ином, уже не психическом, а культурном смысле.

В связи с этим отметим, что использование речи, на наш взгляд, больше, чем любой другой фактор, создавало для людей необходимость выделять образы как дискретные, единичные сущности.

Также важно сказать, что мы видим смысл различать образ единичного объекта и образ

класса объектов, синтезируемый из впечатлений о подобных друг другу объектах (или уже из более простых образов). Отметим сразу, что образ класса объектов – это, на наш взгляд, еще не понятие.

В рамках такого разграничения *впечатления* и *образа* использование термина *концепт* в лингвистических контекстах мы считаем избыточным. То, что разные впечатления и представления могут обобщаться и индивидуально, и культурно специфично, – полностью естественно. Поэтому выражения *образ дома* и *понятие дружбы* у автора *N* или в культуре *M* кажутся нам равнозначными таким же выражениям со словом *концепт*.

Другого рода абстракцией, как мы себе представляем, является *признак* объекта. Кажется бесспорным, что **признак** – это часть, сторона, свойство объекта, отличающие его от объектов, с которыми происходит сравнение. Иначе говоря, это фрагменты, элементы, «не совпадающие» при условном наложении друг на друга впечатлений об объекте и неких других объектах (или уже при наложении образов).

При выделении признака как фрагмента объекта усекается все за пределами этого фрагмента – все, что при наложении *совпадает*. В этом состоит абстрактность, обобщенная природа признака: для его выделения как единицы необходимо рассмотреть множество объектов (аналогично с выделением образа).

Когда мы мысленно выделяем признак объекта, наше внимание сфокусировано на части, стороне, аспекте объекта, отличающих его от каких-то других объектов, и, соответственно, *отвлечено* от объекта как целого. Поэтому любой признак мы переносно называем *отвлеченной* сущностью, или абстрактной, что этимологически то же самое.

В обоих случаях (образа объекта и признака объекта) абстракция является результатом взаимоналожения некоего множества впечатлений (образов) и усечения чего-то, что выделяется при наложении. Более обобщенно: абстракция является результатом сравнения некоего множества объектов и исключения того, что либо совпадает, либо отличается. Так мы представляем себе механизм, конкретную реализацию обобщения, абстрагирования.

В этом свете мы солидарны с определением *абстрагирования* как приема мышления, который заключается в отвлечении от ряда свойств и отношений изучаемого явления с одновременным выделением интересующих исследователя свойств и отношений [\[12\]](#).

Абстрактным мышлением мы назвали бы мышление, в процессе которого субъект, отстраняясь (*отвлекаясь*) от внешнего мира, затормаживая свое непосредственное восприятие, на основе уже накопленного опыта целенаправленно формирует в воображении сложные обобщения: понятия, концепции, модели, сценарии, теории и т.д.

Речевой опыт не позволяет нам сказать *понятие часов* или *понятие птицы* вне специального контекста, хотя и первое, и второе существительное могут обозначать класс объектов. **Понятие** как абстракцию мы не можем определить просто как категориально обобщенный объект.

Более того, вообще не всякую сложную, многоуровневую абстракцию (где выделяются признаки образов, признаки признаков, несколько образов обобщаются в один более сложный и т.д.) возможно назвать понятием. Например, словом *нонсенс* называют характеристику, которая могла быть придумана только в культуре с развитой концепцией логики. И все же в обычном употреблении *нонсенсом* называют просто что-то противоречивое, и вряд ли при этом можно говорить о *понятии нонсенса*. Хотя очевидно,

что во многих специфических употреблениях (этнически, индивидуально-авторски, по сфере употребления) это слово будет называть именно понятие.

Заметим, что, на наш взгляд, натянуто звучит утверждение о том, что в психике подопытных животных в процессе экспериментов может формироваться *понятие* квадрата или подобной по сложности геометрической фигуры. В зрительной коре мозга любого высшего животного есть участки, отвечающие за различение таких элементарных свойств объектов, как цвет, размер, ориентация в пространстве и в том числе форма [\[13, 14, 15\]](#). Кажется естественной мысль, что крыса или осьминог, понимая, что к пище их приведет дорожка, отмеченная чем-то треугольным или овалоподобным, различают эти фигуры, не осмысляя их как что-то специфическое, – так же, как это делают дети, еще не освоившие не только основы геометрии, но и речь.

Отличительным признаком понятия нередко называется то, что его нельзя нарисовать, изобразить обычным способом. Вместе с тем нельзя прямо проиллюстрировать и такие слова, как, например, *боль*, *зуд*, которые обозначают хотя и ментальные сущности, но предельно необобщенные, элементарные. Более того, мы не можем однозначно проиллюстрировать с помощью цельного рисунка, а не условно-графически большинство элементарных признаков, таких как «большой», «светлый», «вытянутый» и т.д. При этом, что кажется очевидным, было бы странно считать признаки понятиями.

Т.к. признак выделяется при сравнении, изобразить его возможно только с помощью пары (или большего числа) объектов, причем субъект, даже если это будет просто, все равно должен догадаться, какое отличие между объектами подразумевается на схеме. Необходимость толкования говорит уже не об образной, а о знаковой природе такого изображения.

Таким образом, нарисовать мы не можем не только понятие, но вообще любой объект, который невозможно определить в достаточной мере без слов, с помощью только указания на него.

Далее, мы не можем сделать вывод о том, что такое понятие, опираясь на структурную специфику определений слов и словосочетаний, обозначающих понятия. Можно заметить, что фундаментальное определение любой такой единицы выглядит как существительное, местоимение или набор тематически связанных существительных, как-либо распространяемые. То есть понятие в словесном определении всегда представлено как обобщенный объект или некое множество объектов, конкретизируемые набором признаков. Например, так выглядит толкование слова *гипотеза* в Большом толковом словаре: «*научное предположение, выдвигаемое для объяснения каких-л. явлений и требующее проверки, подтверждения опытным путем*» [\[16; форматирование – Д.П.\]](#). Пример определения с местоимениями: *величина* (матем.) – это «*все то, что можно измерить и исчислить*» [там же; аналогично].

На наш взгляд, мы сформулировали предельно конкретную смысловую структуру понятия, которую возможно выделить с опорой на структуру определений. Но очевидно, что она все еще слишком обща и идентичную смысловую структуру можно выделить у большинства объектов, которым даются определения как в специальных, так и в общих словарях. В целом данный и подобные ему формальные подходы к определению сущности понятия кажутся нам бесперспективными. Так, например, неудачным нам кажется структурный анализ, приведенный в статье «Понятие» в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» [\[17\]](#).

Развитость значения слова, которым названа сущность, мы также не считаем специфическим признаком понятия. Например, слово *источник*, согласно Большому толковому словарю [16], имеет четыре значения, три из которых сформировались на основе предыдущих: *водный источник* – *источник чего угодно* – *источник сведений* – *научный источник*. Но на наш взгляд, даже в последнем значении слово *источник*, употребленное не в словосочетании *научный источник*, называет просто более сложный образ, чем в предыдущих трех значениях. При этом даже если всегда воспринимать слово *источник* в четвертом значении как обозначение понятия, остается неясной граница между развитием значения достаточным и недостаточным для того, чтобы считать обозначенную сущность понятием. В любом случае количественный критерий здесь был бы явно некорректным.

В конечном счете единственный подход к определению термина *понятие*, который кажется нам адекватным, состоит в следующем: *понятие* – это только статус образа, так же как *термин* – только статус слова. Если конкретный объект рассматривается в контексте какой-л. теоретической системы, его возможно считать и называть понятием, а слово, которым он назван, – считать и называть термином. Иными словами, термин – это специальное слово, а понятие – специальный образ.

Например, для нас не является понятием то, что мы в бытовом употреблении называем *точкой*. Это элементарный бытовой образ, который можно проиллюстрировать даже без словесного описания.

При этом в контексте математики или лингвистики объяснить, что такое точка, просто показав на нее, уже нельзя: мы должны также как-то указать на признаки *точки*, существенные для определения ее места в системе, где она существует. Именно нахождение в такой теоретической системе – неважно, в рамках науки или какой-то профессиональной, художественной, религиозной и т.д. сферы, – всегда позволяет назвать сущность понятием.

Вне теоретизирующих контекстов мы не можем сказать *понятие качества*, *понятие величины*, *понятие источника*, *понятие аналога*. Для каждого из выражений напрашивается продолжение в *(какой-то сфере, теме)*. Вне целенаправленно выстраиваемых систем качество, аналог и т.д. будут все еще только сложными образами. Так, представление человека о себе – это очень сложная абстракция, но мы скорее скажем «образ себя», чем «понятие себя». С другой стороны, имеет смысл говорить о понятии «Я» в психологии.

Итак, образ становится понятием, когда становится элементом теоретической системы. Данная характеристика по общему счету неформализуема, и именно поэтому свойство «быть понятием» мы определяем как возможный статус образа, а не какое-то полноценное постоянное свойство, воплощенное в некоей самостоятельной сущности «понятие».

В связи с вышесказанным встает вопрос о том, имеют ли смысл такие выражения, как *образ арбитража*, *образ контаминации*, *образ углового момента*.

Несмотря на явную неестественность звучания этих выражений, логических противоречий «внутри» них мы не видим. Все три термина, к которым приставлено слово *образ*, обозначают объекты, каждый из которых можно представить как абстракцию более простых образов. Все три выражения прозвучат естественнее, если прибавить к ним, например, слово *комплексный*.

При этом заметим, что выражения *образ бессмыслицы*, *образ вознаграждения*, *образ добавки* также не звучат естественно, хотя слова, к которым здесь приставлено слово *образ*, вне специальных контекстов не являются терминами и обозначают сущности, которые вряд ли можно считать понятиями.

Восприятие понятия как разновидности образа неочевидно в силу того, что мы привыкли представлять *понятие* как что-то бестелесное, оторванное от предметного мира, исключительно умозрительное, в то время как *образ* в нашем представлении – это как раз нечто имеющее конкретное воплощение. Возможно, на это влияет и грамматика: в отличие от слова *образ*, слово *понятие* имеет средний род. В любом случае описанное нами представление – только стереотип, от которого имеет смысл отстраняться: выше мы привели примеры образов, таких же «бестелесных», как сущности, которые мы привыкли называть понятиями.

Отдельно отметим, что идея специального однословного термина для «комплексных образов» кажется нам неудачной ввиду ее поспешности. Возможность однозначно разграничить *впечатление* и *образ* как психические сущности в рабочих определениях мы еще имеем, но, как мы уверены, в настоящее время невозможно обосновать строго структуру образов внутри конкретного «комплексного образа» (разумеется, индивидуальную структуру, как-либо наблюдаемую из структуры или функционирования неокортекста конкретного человека) и какие-либо критерии определения места отдельного образа в этой структуре.

Каждое конкретно рассматриваемое *впечатление*, как отпечаток ощущения, мы наблюдаем непосредственно, но *образ* мы определили как неким неочевидным для нас образом обработанные впечатления – условную, гипотетическую абстракцию условного множества впечатлений. Даже если наша концепция образа адекватна действительности, при современных технических и методологических возможностях мы не сможем проверить наши модели «комплексных образов». Тем более ясно, что мало смысла строить гипотезы внутри гипотезы.

В связи с этим заметим, что любые схемы образов – общепсихических, общечеловеческих, культурных, индивидуально-авторских и т.д., дающиеся сегодня в психологии, когнитивистике, литературоведении и других гуманитарных и культурологических дисциплинах, мы считаем заведомо произвольными, условными, а их строгое обоснование, соответственно, – заведомо невозможным.

Далее нам кажется закономерным рассмотреть понятие **знака**.

Нам близок подход Ю.М. Лотмана, определявшего знак как «материально выраженную замену предметов, явлений, понятий в процессе обмена информацией в коллективе» [\[18: форматирование и склонение – Д.П.\]](#).

Мы определили бы *знак* как в большинстве случаев материальный объект (предмет, материальный процесс, искусственную конструкцию), который субъект воспринимает как эквивалент какого-л. объекта.

Чтобы конкретизировать определение, приведем примеры того, что мы считаем корректным называть знаками.

Не вызывает сомнения, что знаками являются жесты (материальные процессы), денежные монеты (предметы), иероглифы (искусственные конструкции). Менее очевидно то, что выражение эмоции с помощью голосовых связок (материальный процесс) –

неважно, человеком, шимпанзе, пумой или чайкой, – также является знаком. Непроизвольный крик боли, само собой, является просто реакцией, но, когда в голосовом сигнале выражается отношение к чему-либо (недовольство чем-то или, наоборот, радость), очевидно, что этот сигнал, обязательно направленный на кого-то, является условным эквивалентом эмоции, не являясь, конечно же, ни самой этой эмоцией, ни ее обязательным следствием. При этом второй субъект, пускай часто это и несложно, должен догадываться, что хотел выразить первый субъект, издавший рык, вой, визг, щебет, – и учится этому с детства. Как мы уже писали выше, рассуждая о характере графического изображения признака, необходимость интерпретации – свидетельство знаковой природы объекта.

Также неочевидным нам кажется то, что иероглиф, обозначая, как правило, слово (звучащее, непосредственную единицу речи), – является знаком знака.

Слово (не служебное) мы определяем исключительно как артикуляционный звук или сочетание таких звуков, которые субъект воспринимает как эквивалент какого-л. объекта (так или иначе представленного в памяти субъекта).

Следовательно, **значение слова** (не служебного) мы определяем как объект (так или иначе представленный в памяти субъекта), эквивалентом которого субъект воспринимает слово.

В современных языках много вспомогательных слов, не обозначающих что-либо, но влияющих на то, что обозначают другие слова во фразе. Мы не считаем принципиальным учитывать в данных выше определениях несамостоятельные слова, хотя формулировки можно было и усложнить. Система языка с развитой грамматикой, очевидно, вторична по отношению к изначальным системам, где, как мы уверены, любая фраза состояла только из знаменательных слов, часть которых только со временем эволюционировала в служебные. Важно то, что грамматическое усложнение, на наш взгляд, не меняет изначальной сути языка (но, нужно заметить, отвлекает от нее).

Выделение же *десигната, денотата, коннотата, референта, интерпретанты, сигнификата* и т.д. внутри просто *обозначаемого* (в рамках именно семиотики, а не, например, теории речевых актов) кажется нам если не ложным, то пустым – излишним и запутывающим. Во-первых, все эти разграничения произвольны и недоступны обоснованию, что уже делает их схоластичными, учитывая, насколько серьезно и подробно они подаются. Во-вторых, знаками мы в любом случае обозначаем не «вещи сами по себе», а наши, говоря нестрого, впечатления о них, которые формируются из ощущения их, а не из них самих. Разграничение «настоящего» объекта и «представления» о нем в семиотике, а не в философии только отвлекает от сути. Ни в коммуникации, ни вообще в жизни человек не сталкивается ни с чем, кроме «представлений», которые он при желании может как-то обозначать. Поэтому мы видим смысл в простом разделении: *знак* и *обозначаемое*.

В частности, как уже было сказано во введении, мы, с одной стороны, не разделяем точку зрения, что *языковой знак* является «двусторонним», что бы под этим ни понималось, а с другой, не видим смысла в качественном разделении *языковых значений* и любых других. То есть: «первичные» знаки языка – такие же материальные объекты, как и любые другие знаки, и при коммуникации они, как мы уверены, отсылают к тем же «элементам памяти», что и любые другие знаки с аналогичными значениями.

Фразу мы определяем как набор слов, обозначающий мысль, реже – просто выражающий эмоциональную реакцию.

Мысль в данном контексте мы определим уже более точно как линейную мысленную конструкцию из образов, предназначенную для обозначения словами и сообщения с ее помощью чего-либо кому-либо.

Заметим, что мысль в нашем определении также является знаком (искусственной конструкцией, если говорить о разновидности), поскольку выстраиваемый в ней набор образов, опять же, не сообщает о чем-либо сам по себе, а требует интерпретации (понимания того, что субъект хочет выразить этим набором образов), которая возможна исключительно за счет биологического подобия субъектов, общающихся на вербальном языке.

Понятно, что *мыслью* обычно называют само сообщаемое, а не линейную конструкцию из образов, с помощью которой оно обозначается в речи.

Смысл фразы мы называем то, что субъект хочет сообщить кому-либо с помощью фразы (и соответственно, с помощью обозначенной фразой мысли), либо то, как субъект понял, что другой субъект хотел сообщить с помощью фразы (и обозначенной фразой мысли).

Просто *смыслами*, как нам кажется, обычно называют «сообщения» субъектов в любых знаках или «сообщения», которые субъект видит во всем, что воспринимает в качестве знаков. Очевидным нам кажется, что понятие *смысла* стало применяться не только к фразам, но и к текстам, жестам, изображениям, кинофильмам и проч. объектам культуры уже по аналогии с вербальными фразами.

Понятно, что под *смыслом* также часто имеют в виду цель, назначение действия (шире – процесса), его полезность. С другой стороны, в широком понимании *смысл фразы* – это как раз то, ради чего она произносится, цель, с которой субъект произносит фразу.

Так мы, учитывая все вышесказанное, изобразили бы нашу модель речевой коммуникации в виде схемы (см. Рисунок 1).

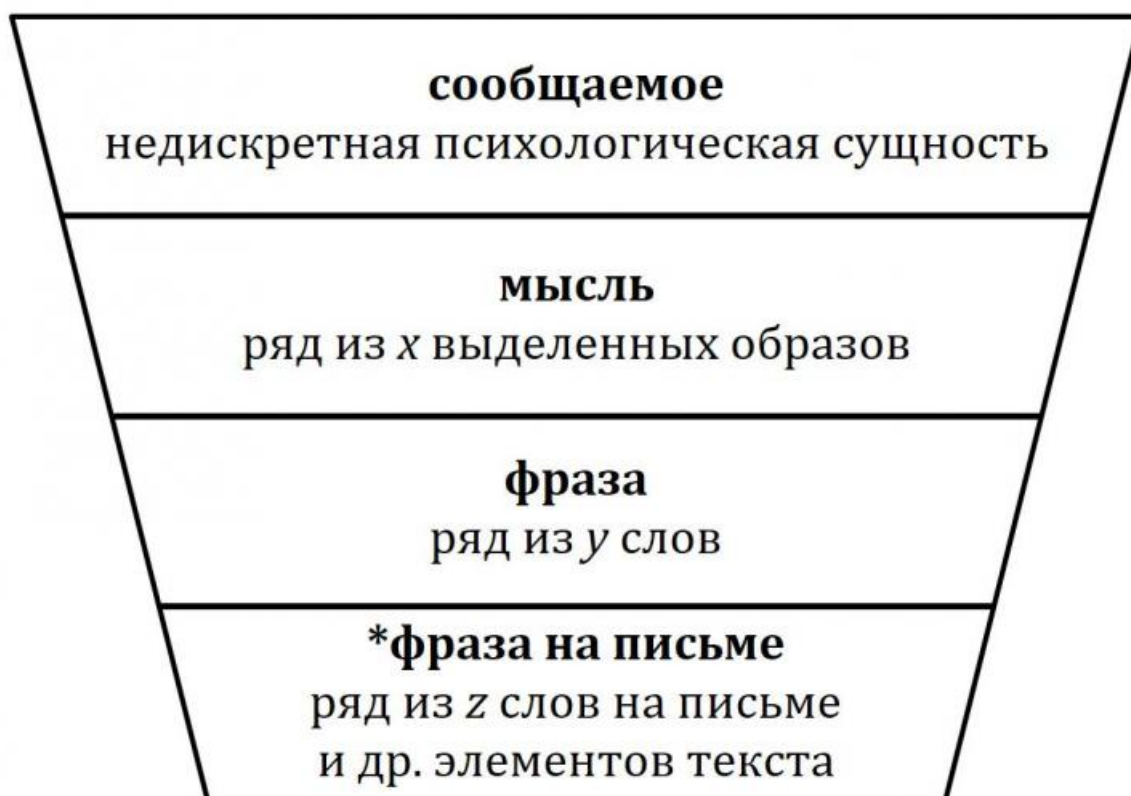

Рисунок 1. Схема речевой коммуникации**Заключение**

Представленный выше материал мы планируем использовать в русле кандидатского исследования, посвященного составлению оригинального лексического тезауруса для машинного сентимент-анализа. В рамках этого исследования мы планируем также:

- 1) рассмотреть вопрос об исторических взаимосвязях мышления, речи, абстрактного мышления и интеллектуальной культуры;
- 2) сделать аналитический обзор актуальной терминологии сентимент-анализа;
- 3) провести анализ теоретических основ составления лексических тезаурусов для машинного сентимент-анализа;
- 4) представить оригинальные идеи и решения в контексте составления лексических тезаурусов для машинного сентимент-анализа;
- 5) представить оригинальный лексический тезаурус для машинного сентимент-анализа.

Библиография

1. Шумский С.А. Символьное мышление роботов // Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях – 2019: труды VI Всероссийской конференции. Нижний Новгород: ИПФ РАН, 2019. С. 230–232.
2. Шахнарович А.М. Мотивированность знаков языка в онтогенезе речевой деятельности // Вопросы семантики: межвуз. сб. Калининград: Калинингр. ун-т, 1978. С. 130–134.
3. Трофимов С.В. Эмиль Дюркгейм о роли религии в общественной жизни. Обоснование выбора элементарной религии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. №3. С. 193–197.
4. Токарев Г.В. Формирование квазисимволов на базе коннотаций значений вербальных единиц // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2020. №3. С. 5–13.
5. Барабаш О.В. Подходы к пониманию феномена полисемии // Вестник ПензГУ. 2015. №1 (9). С. 88–92.
6. Савельев С.В. Морфология сознания: В 2 т. – 2-е изд., испр. и доп. М.: ВЕДИ, 2020. Т. 1. 224 с.
7. Головин Б.Н. Проблема предметной и понятийной отнесенности лингвистических терминов (на материале терминов синтаксиса) // Термины в языке и речи: межвуз. сб. Горький: Изд. ГГУ, 1985. С. 3–13.
8. Лимитовский А.М. «Трудная проблема сознания» как философская проблема и теоретический конфликт // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2019. №3. С. 34–50.
9. Seth A. Осознанная реальность – это галлюцинации нашего мозга [Видеозапись с расшифровкой] // TED2017. – Ванкувер, 2017. – Режим доступа: https://www.ted.com/talks/anil_seth_your_brain_hallucinates_your_conscious_reality/transcript?language=ru (дата обращения: 11.03.2023)
10. Seth A. Being You: A New Science of Consciousness. N.Y.: Dutton, 2021. 352 p.
11. Warburton N. A little history of philosophy. New Haven: Yale University Press, 2011. 272 p.
12. Современный образовательный процесс: основные понятия и термины / Авт.-сост. Олешков М.Ю., Уваров В.М. – М.: Компания Спутник+, 2006. 191 с.
13. Anzai A., Peng X., Van Essen D.C. Neurons in monkey visual area V2 encode

- combinations of orientations // Nature Neuroscience. 2007. Vol. 10. No. 10. Pp. 1313–1321.
14. Hegdé J., Van Essen D.C. Selectivity for Complex Shapes in Primate Visual Area V2 // The Journal of Neuroscience. 2000. Vol. 20. Pp. 1–6.
15. Hegdé J., Van Essen D.C. Temporal dynamics of shape analysis in Macaque visual area V2 // Journal of Psychology. 2004. Vol. 92. No. 5. Pp. 3030–3042.
16. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2008. 1534 с.
17. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Гл. ред. И.Т. Касавин. – М: «Канон +», ООО «Реабилитация», 2009. 1247 с.
18. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. 135 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Терминология на границе лингвистики и психологии: к проблеме строгих определений», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения терминологии междисциплинарных исследований, а именно в области соотношения лингвистики и психологии.

Данный феномен изучается на протяжении последних десятилетий в языкознании, однако существуют неисследованные лакуны. Статья является новаторской, одной из первых в российской науке, посвященной исследованию подобной проблематики. В работе автор пытается систематизировать различные научные точки зрения на исследуемую проблему как в российском, существующих так и зарубежном языкознании, а также провести классификацию.

Практическим материалом для осмысления вопросов мозга и психики явились тексты и публичные выступления таких авторов, как: К.В. Анохин, С.В. Дробышевский, В.А. Дубынин, А.В. Курпатов, А.В. Марков, С.В. Савельев, А. Сет, Е.В. Тимонова, Т.А. Черниговская, С.А. Шумский и нек. др.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: структурно-системный подход, функциональный подход, семиотический подход и др. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Библиография статьи насчитывает 18 источников, среди которых представлены научные труды как на русском, так и на иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Автор не обращается к русскоязычным источникам и традициям отечественной научной школы. В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, в части несоблюдения общепринятого алфавитного выстраивания цитируемых трудов. Считаем, что список использованной литературы достаточен и авторитетен. Автор также обращается к традициям отечественной научной школы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для

читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по контитивной лингвистике, психолонгвистике и теории языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Терминология на границе лингвистики и психологии: к проблеме строгих определений» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ма Л. Сравнительный анализ структуры простых предложений в русских и китайских дипломатических документах // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70547 EDN: MTCRDC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70547

Сравнительный анализ структуры простых предложений в русских и китайских дипломатических документах

Ма Линин

аспирант, кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания, Московский
Государственный Университет

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ mlmdiana@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70547

EDN:

MTCRDC

Дата направления статьи в редакцию:

22-04-2024

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию сложных структур простых предложений в русских и китайских дипломатических документах конца XX - начала XXI века с целью выявления сходств и различий. Основная цель работы заключается в том, чтобы выявить сходства и различия в сложной структуре простых предложений в русском и китайском языках, а также проанализировать причины их возникновения. В статье проведен анализ различных структур простых предложений в русском и китайском языках, выявлены различия и сходства в сложной структуре простых предложений в дипломатических документах обеих стран. Также были определены факторы, влияющие на формирование этих структур. Особое внимание уделяется не только стилю документов, но и специфике самого языка. Материалом исследования послужили двуязычные документы периода с 1994 по 2023 год, собранные с сайтов министерств иностранных дел России и Китая. При анализе материала уместены трансформационный, структурный и компаративный методы. Новизна исследования заключается в первоначальном сопоставительном анализе структуры простых предложений в дипломатических документах двух стран с учетом лингвистических особенностей

русского и китайского языков. Результаты исследования показали, что хотя сложные структуры простых предложений широко распространены в дипломатических документах обеих стран, результаты исследования показали, что сами структуры и факторы их образования различаются. Сравнительный анализ позволяет лучше понять уникальные черты и особенности языков каждой культурной традиции, что может быть полезным для различных областей, связанных с межкультурным взаимодействием и дипломатической коммуникацией. Полученные результаты могут быть применимы в лингвистике, переводоведении, межкультурной коммуникации и дипломатии для более глубокого понимания языковой выразительности и коммуникативных стратегий в дипломатической практике.

Ключевые слова:

дипломатические документы, документация, русский язык, китайский язык, структуры простых предложений, синтаксические особенности, сопоставительный анализ, лингвистические особенности, дипломатический подстиль, функциональная стилистика

С расширением процессов глобализации, которое обострило взаимодействие между странами на различных уровнях, включая политические, экономические и культурные аспекты, роль дипломатии стала неотъемлемой. Под дипломатией понимается как принципиальная деятельность глав государств, правительств и специальных органов внешних сношений по осуществлению целей и задач внешней политики государства, а также по защите прав и интересов государства за границей [\[3, с. 330\]](#). Эффективность данной деятельности часто зависит от использования языка, который функционирует преимущественно в рамках дипломатического дискурса, относящегося к институциональному обмену сообщениями [\[4, с. 255\]](#).

В контексте стиля языка дипломатии и его значимости в дипломатическом обмене, необходимо учитывать многообразие культурных и исторических факторов, влияющих на дипломатические документы. Язык, в свою очередь, является сочетанием универсальных и локальных элементов, имеющих корни в истории и культуре страны, и демонстрирующим особый национальный стиль. В дипломатических документах данная обусловленность проявляется наиболее ярко, поскольку его язык «включает в себя особенности как языка, так и дипломатии» [\[10, с. 98\]](#). С одной стороны, в официально-деловом стиле тексты часто содержат большой объем информации и предназначены для повторного прочтения. Такое изложение требует высокой детализации, что приводит к длинным предложениям. Как отмечает М.Н. Кожина, количество слов в предложении может достигать 500-600 единиц [\[2, с. 56-57\]](#); с другой стороны, синтаксические особенности дипломатического подстиля сформированы под влиянием образовательного уровня людей, занимающихся дипломатией. Это всегда выдающиеся личности своего времени, прекрасно владеющие языком и способные без труда создавать сложные и утонченные предложения. Также на формирование синтаксиса влиял преимущественно письменный характер коммуникации: в письменном тексте проще составлять и воспринимать длинные и сложные по структуре предложения, и при необходимости можно вернуться и перечитать предложение. К тому же, в дипломатических документах также необходим «учет национальных и религиозных традиций каждой из контактирующих стран» [\[8, с. 9\]](#), знание менталитета и обычаев адресатов.

Ученый отмечает, что в деловом стиле письменной речи присутствуют определенные

синтаксические особенности. Одной из них является наличие синтаксического параллелизма, а также использование сложных синтаксических конструкций. [\[9, с. 177\]](#). Сложная структура простых предложений в дипломатических документах на китайском и русском языках обусловлена множеством факторов, включая особенности языка и культурные традиции. Это означает, что даже в сравнении одного и того же документа на разных языках могут проявляться уникальные лингвистические особенности.

В русском языке построение сложных структур в простых предложениях часто сопровождается многочисленными грамматическими изменениями, спряжениями глаголов и сложными грамматическими конструкциями, которые встраиваются одна в другую, создавая интригующую многослойную структуру предложений. Эти конструкции занимают важное место, дополняя, ограничивая, определяя или разъясняя значение основного предложения. Такая сложная структура помогает избежать двусмысленности и неправильного толкования, что особенно важно в дипломатических документах, ориентированных на дипломатию и политически чувствительные ситуации.

1)Предложная конструкция

В русских дипломатических документах предложные конструкции используются разнообразно для выражения оснований, целей, условий, добродетелей и других аспектов ситуации. Широкое применение этих конструкций связано с принципом языковой экономии, обеспечивающим компактность предложений при передаче различных отношений. В современных стилях текстов также наблюдается распространение определенных предлогов и выражений для передачи тех же значений. Среди них: «в деле чего», «по линии чего», «за счет чего», «в части чего», «в пользу чего», «в благосостоянии чего», «в этом смысле чего», «со стороны чего», «в сопровождении чего» и другие [\[7, с. 119\]](#).

В дипломатических документах часто используется предложной конструкции «путем чего» для обозначения способа достижения определенной цели, например: *Стороны выступают за решение **путем** диалога и равноправных переговоров иранской ядерной проблемы, вопросов восстановления Ирака и Афганистана...*

Безусловно, в дипломатических текстах чаще всего встречаются сложные предложные конструкции. Например: *Стороны **в духе** партнерских отношений будут прилагать усилия для содействия развитию многополярного мира и установлению нового международного порядка.*

Существует также часть предложных конструкций, которые могут использоваться для обозначения цели. Например, «в интересах чего», «во имя чего», «на благо чего» и т.д. Можно сравнить следующие два предложения:

*-Они одобряют проведение необходимой и рациональной реформы ООН **в целях** повышения авторитета и эффективности этой организации, усиления ее потенциала реагирования на новые вызовы и угрозы.*

*-Они одобряют проведение необходимой и рациональной реформы ООН **в целях того, чтобы** повысить авторитета и эффективности этой организации, усилить ее потенциала реагирования на новые вызовы и угрозы.*

Как видно из примеров, простое предложение, образованное с помощью предложной конструкции «в целях чего», более лаконично и в большей степени соответствует требованиям, предъявляемым к дипломатическому подстилю. Эта структура не только

ясно и лаконично выражает сложные понятия и отношения, но и усиливает компактность и объективность предложения, делая текст более соответствующим языковому стилю дипломатической деятельности.

2) Причастные и деепричастные обороты

В дипломатическом стиле русского языка также характерно использование обособленных членов в простых предложениях, таких как причастные и деепричастные обороты. Обособленные члены выполняют функцию придаточных предложений и в основном выступают в роли определений и обстоятельств в простых предложениях. Как правило, причастные и деепричастные обороты располагаются после определяемого слова. Типичным примером может служить предложение следующее: *Россия и Китай, **являющиеся** постоянными членами Совета Безопасности ООН, **придерживаясь** принципов партнерства, добрососедства и дружбы, равноправия и доверия, взаимовыгодного сотрудничества и совместного развития, строго **соблюдая** принципы международного права, утверждают долговременные межгосударственные отношения нового типа, не направленные против третьих стран.* Это простое предложение, однако оно содержит как причастные, так и деепричастные обороты, что делает его структуру довольно сложной. В отличие от причастных оборотов, позиция деепричастных оборотов, выступающих в роли обстоятельства, более свободна, например: ***Оказывая** содействие снижению напряжённости в международных отношениях и созданию условий для стабильности, безопасности и взаимного доверия между странами, ДНЯО вносит важный вклад в ядерное разоружение.*

3) Однородные члены

В простых предложениях сложная структура может проявиться в употреблении однородных членов, которые могут выступать в качестве подлежащего, сказуемого, определения, обстоятельства, дополнения и других ролей. Между однородными членами могут быть выражены отношения соединения, отличия, различия, сравнения и другие с помощью соответствующих союзов, таких как «и», «или», «либо», «но», «а также».

*Договаривающиеся Стороны прилагают совместные усилия по поддержанию глобального стратегического баланса и стабильности, **а также** всемерно способствуют неукоснительному соблюдению основополагающих договоренностей, обеспечивающих поддержание стратегической стабильности.*

*Стороны подчеркивают необходимость в полной мере уважать **и** учитывать интересы **и** озабоченности соответствующих государств.*

В некоторых случаях эти отношения также могут быть выражены без использования союзов; данные однородные члены соединяются с помощью пунктуации.

Стороны намерены:

– руководствуясь договоренностями, достигнутыми между главами государств, неизменно обеспечивать верный курс развития двусторонних отношений;

– оказывать решительную взаимную поддержку в вопросах защиты коренных интересов друг друга, прежде всего суверенитета, территориальной целостности, безопасности и развития;

...

В отличие от русского языка, китайский грамматически более сжат и ясен, и в нем почти

полностью отсутствует флексия. Китайский язык, однако, известен своими уникальными типами предложений, в китайском дипломатическом подстиле, подобно русскому языку, простые предложения также характеризуются сложной структурой. Это проявляется в использовании разнообразных лингвистических механизмов, которые призваны обеспечить точность и выразительность высказываний. В китайских дипломатических документах сложность структуры простых предложений в значительной мере обусловлена применением различных языковых приемов, включая однородные члены, сложные детерминативы и модификаторы, а также различные типы предложений.

1) Предложная конструкция

Предложная конструкция, подобно ее использованию в русском языке, широко распространена и в китайских дипломатических документах. В китайском языке такая конструкция известна как предложное дополнение. Это сочетание предлога с его объектом используется для указания различных аспектов, таких как место, направление, время и состояние действия или объекта. Предлоги в китайском языке играют ключевую роль в расширении предиката и указании различных параметров, таких как время, место, способ, причина, цель, субъект и объект действия, а также другие аспекты, связанные с действиями и характеристиками [\[6, с. 28\]](#).

В основном предлог «就jiù» используется в более официальной письменной речи [\[5, с. 104\]](#). Этот предлог может усиливать высказывание, придавая ему более формальный и авторитетный характер. В дипломатических текстах и других официальных документах его употребление может быть особенно уместным для точного и весомого выражения мыслей.

Например: 中俄两国外交部(以下称“双方”)就朝鲜半岛问题声明如下:(в русском: министерства иностранных дел России и Китая (далее – «Стороны») заявляют **по** проблемам Корейского полуострова следующее:)

В китайском языке также существует класс предложных конструкций со структурой «以.....为.....» (используя что в качестве чего)», которые используются достаточно гибко и часто встречаются в дипломатических документах, «以.....为核心» (используя что в качестве ядра), «以.....为基础» (используя что в качестве основы), «以.....为借口» (используя что в качестве предлога) и т.д. Например:

双方以中方关于朝鲜暂停核导活动和美韩暂停大规模联合军演“双暂停”倡议、实现朝鲜半岛无核化和建立半岛和平机制“双轨并行”思路以及俄方解决朝鲜半岛问题分步走设想为基础, 提出共同倡议。(Стороны выдвигают совместную инициативу, **основанную на** предложенных китайской стороной идеях «двойного замораживания» (ракетно-ядерной деятельности КНДР и крупномасштабных совместных учений США и Республики Корея) и «параллельного продвижения» к денуклеаризации Корейского полуострова и формированию на полуострове механизма мира, а также на российском поэтапном плане корейского урегулирования.)

В этом примере “以中方关于朝鲜暂停核导活动和美韩暂停大规模联合军演“双暂停”倡议、实现朝鲜半岛无核化和建立半岛和平机制“双轨并行”思路以及俄方解决朝鲜半岛问题分步走设想为基础” служит предложной конструкцией предложения, которая понимается как **используя** предложенные китайской стороной идеи «двойного замораживания» (ракетно-ядерной деятельности КНДР и крупномасштабные совместные учения США и Республики Корея) и «параллельного продвижения» к денуклеаризации Корейского полуострова и формированию на полуострове механизма мира, а также на российском поэтапном плане корейского урегулирования **в качестве основы**. Такая сложная структура в значительной степени усугубляет сложность простого предложения, придавая всему

Слово «与yǔ» обладает книжным оттенком и обычно встречается в письменной речи, особенно в формальных текстах, таких как дипломатические документы, академические статьи и официальные документы.

50年后的今天, 我们庆祝这份具有里程碑意义的条约为促进各国及全球人民的安全与繁荣做出的巨大贡献。(Сегодня, спустя 50 лет, мы отмечаем неоценимый вклад этого исторического договора в обеспечение безопасности и процветания всех стран и народов мира.)

В китайских дипломатических документах после перечисления однородных членов часто используется слово «等děng» со значением обобщения. Его применение указывает на то, что после перечисленных элементов следует еще несколько аналогичных или связанных с ними, но не упомянутых в списке. Например:

我们还要庆祝和平利用原子能在电力、医药、农业、工业等领域带来的种种惊人效益。

(Мы также отдаём должное поражающим воображение разнообразным преимуществам мирного использования атомной энергии, применяемой в энергетических, медицинских, сельскохозяйственных и промышленных целях.)

缔约双方将根据本国法律和各自承担的国际义务, 在打击恐怖主义、分裂主义和极端主义, 以及打击有组织犯罪和非法贩运毒品、精神药品、武器等犯罪活动方面进行积极合作。

(Договаривающиеся Стороны в соответствии со своим национальным законодательством и международными обязательствами каждой из них активно сотрудничают в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также в области борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, оружия и другой преступной деятельностью.)

4) Объемлющее предложение

Китайский ученый Ань Лихун отмечает в своей статье, что количество слогов в китайских словах значительно меньше, чем в других языках, таких как русский. Это может быть причиной того, что разнообразие сложных предложений в простом и лаконичном китайском языке гораздо меньше, чем в русском. Во многих случаях смысл, который необходимо выразить в сложном предложении на русском языке, может быть выражен в простом предложении на китайском. В китайском языке отсутствуют пояснительные и определительные придаточные предложения, однако существует особый вид предложения - 包孕句, или объемлющее предложение, в котором основная субъектно-предикатная структура содержит другие субъектно-предикатные структуры. В таких предложениях субъектно-предикатная структура может выражать значение русских пояснительных и определительных придаточных предложений. [\[1, с. 48\]](#)

Предложения данного типа часто содержат подчинительную конструкцию в качестве объекта, особенно после глаголов «知道» (знать), «重申» (подтверждать), «指出» (отмечать), «强调» (подчеркивать) и других. Такие предложения могут выражать значение пояснительных предложений в русском языке, например:

双方重申, 《不扩散核武器条约》是国际核裁军与核不扩散体系的基石。2023 (Стороны подтверждают, что Договор о нераспространении ядерного оружия является краеугольным камнем международных механизмов ядерного разоружения и международного режима нераспространения ядерного оружия.)

В данном предложении, фраза «《不扩散核武器条约》是国际核裁军与核不扩散体系的基石» выступает в качестве объекта сказуемого «重申» основного предложения.

В одном объемлющем предложении возможно одновременное наличие нескольких форм подчинительного предложения в качестве члены предложения главного предложения. Например *俄方承认, 世界上只有一个中国, 中华人民共和国政府是代表全中国的唯一合法政府, 台湾是中国不可分割的一部分。* (Российская Сторона признает, что **в мире существует только один Китай, Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань является неотъемлемой частью Китая. Российская Сторона выступает против независимости Тайваня в какой бы то ни было форме.**) В данном предложении всего три дополнения: 1) *世界上只有一个中国* в мире существует только один Китай; 2) *中华人民共和国政府是代表全中国的唯一合法政府* Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай; 3) *台湾是中国不可分割的一部分* Тайвань является неотъемлемой частью Китая. Российская Сторона выступает против независимости Тайваня в какой бы то ни было форме.

Подводя итог, можно отметить, что как в китайских, так и в русских дипломатических документах широко используются простые предложения с сложной структурой. Это не только придает текстам информативность, но и делает их более компактными, что соответствует требованиям к дипломатическим документам. Особенно заметна сложная структура в китайских и русских дипломатических документах, особенно в предложениях, содержащих предложные конструкции и однородные члены. Однако из-за различий в особенностях китайского и русского языков каждый из них имеет свои особенности. Например, в русских дипломатических документах для построения сложных структур предложений используется большое количество причастных и деепричастных оборотов, в то время как в китайских дипломатических документах, помимо использования сложных детерминативов и модификаторов для усиления выразительности предложения, часто используется объемлющее предложение. Эти различия не только отражают разные подходы китайцев и русских к написанию дипломатических документов, но и показывают уникальные особенности обоих языков в выражении сложных идей и мнений.

Библиография

1. Ань Лихун. Исследование соответствия между различными типами предложений и компонентами предложения в русском и китайском языках[J]. Языковое образование, 2022(3), 47-59. (安利红. 俄汉语不同句子类型及句子成分对应转换关系研究. 语言教育). 2022(3), 47-59.
2. Воронцова Т.А. Элементарная стилистика: учеб. – метод. пособие / УдГУ. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2008. – С. 13.
3. Дипломатический словарь: в 3 томах / гл. ред. А. А. Громыко и др. – 4-е перераб. и доп. изд. – Москва: Наука, 1984-1986. Т. 1: А-И. Т. 1. – 1984. – 330 с.
4. Кожетева А.С. Языковая объективация адресанта и адресата в дипломатическом дискурсе // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. С. 255-258.
5. Словарь по использованию предлогов в современном китайском языке / Фан Цинмин. – Пекин: Издательство «Шаньгу», 2017. – С. 104. (现代汉语介词用法词典/方清明编著). 北京: 商务印书馆, 2017 с. 104.
6. Современный китайский язык. 2-ой том / Под редакцией Хуан Борун и Ляо Сюдун. – 4-е издание. – Пекин: Издательство высшего образования, 2007. – С. 28. (现代汉语.下册/黄伯荣、廖序东主编. 4版.)北京: 高等教育出版社2007. С. 28.
7. Стилистика русского языка: учебное пособие / под редак. Н. М. Шанский. – 2-е изд. – Ленинград: Просвещение, 1989. – 223 с.
8. Трабелси Х. Лингвокоммуникативный анализ дипломатического дискурса: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2013. – 23 с.
9. Чепель Н.П. Синтаксические особенности дипломатического текста с позиции

эквивалентности в переводе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10-2 (76). – С. 176-179.

10. Чурсина О.В., Султыева Л.Р. Морфологические особенности дипломатического языка // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 3 (79). – С. 96-99.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема представленной к публикации статьи достаточно актуальна. Автор осуществляет сравнительный анализ структуры простых предложений в русских и китайских дипломатических документах. Стоит отметить, что работа имеет конструктивный характер, она достаточно самостоятельна, оригинальна. Суждения по ходу текста объективны / точны: например, «с расширением процессов глобализации, которое обострило взаимодействие между странами на различных уровнях, включая политические, экономические и культурные аспекты, роль дипломатии стала неотъемлемой. Под дипломатией понимается как принципиальная деятельность глав государств, правительств и специальных органов внешних сношений по осуществлению целей и задач внешней политики государства, а также по защите прав и интересов государства за границей...», или «в русских дипломатических документах предложны конструкции используются разнообразно для выражения оснований, целей, условий, добродетелей и других аспектов ситуации. Широкое применение этих конструкций связано с принципом языковой экономии, обеспечивающим компактность предложений при передаче различных отношений. В современных стилях текстов также наблюдается распространение определенных предлогов и выражений для передачи тех же значений» и т.д. Методология анализа соотносится с рядом современных принципов, серьезных фактических недочетов не выявлено. Новизна данного исследования заключается в сопоставлении разных по языковому строю систем, однако, целевой вектор выдержан, автору удается решить поставленный блок задач. Стоит отметить, что материал практически значим, его уместно использовать при изучении как русского, так и китайского языков. Не помешает, на мой взгляд, точечная вычитка текста, ибо целесообразно внести правку в следующие фрагменты: например, «С одной стоный, в официально-деловом стиле...», «среди них:« в деле чнго», или «используя что в качестве чего», или «служит предложной конструкцией предложения, котоая понимается как» и т.д. В целом же стиль работы соотносится с научным типом, основные требования учтены: например, «в русском языке построение сложных структур в простых предложениях часто сопровождается многочисленными грамматическими изменениями, спряжениями глаголов и сложными грамматическими конструкциями, которые встраиваются одна в другую, создавая интригующую многослойную структуру предложений. Эти конструкции занимают важное место, дополняя, ограничивая, определяя или разъясняя значение основного предложения. Такая сложная структура помогает избежать двусмысленности и неправильного толкования, что особенно важно в дипломатических документах, ориентированных на дипломатию и политически чувствительные ситуации». Замечу, что аналитическая составляющая наблюдается на протяжении всего текста работы, аргументация выверена, налична: например, «в отличие от русского языка, китайский грамматически более сжат и ясен, и в нем почти полностью отсутствует флексия. Китайский язык, однако, известен своими уникальными типами предложений, в китайском дипломатическом подстиле, подобно русскому языку, простые предложения также характеризуются сложной структурой. Это проявляется в

использовании разнообразных лингвистических механизмов, которые призваны обеспечить точность и выразительность высказываний. В китайских дипломатических документах сложность структуры простых предложений в значительной мере обусловлена применением различных языковых приемов, включая однородные члены, сложные детерминативы и модификаторы, а также различные типы предложений». Примеров по ходу работы достаточно: «В китайских дипломатических документах также широко используется структура «在……上/下/中/内» (гл.-предлог со значением "быть" в+существительные-директивы). Эта группа предложных конструкций довольно распространена и богата по смыслу. Как «在……背景下» (В контексте), «在……前提下» (Под предпосылкой), «在……监督下» (Под контролем), «在……基础上» (На основе), «在……问题上» (По вопросам), «在……框架内» (В рамках), «在……进程中» (В процессе)», или «В китайских дипломатических документах часто встречаются однородные члены. Они могут образовывать словосочетания, компоненты которых соединяются союзами «和 hé», «与 yǔ», «及 jí», «以及 yǐjí», «或者 huòzhě». 今天,我们承诺坚定致力于后代维护和加强这一条约。(Сегодня мы обязуемся сохранить и укрепить это наследие для будущих поколений) и т.д. Выводы по тексту соотносятся с основной частью; автор отмечает, что «как в китайских, так и в русских дипломатических документах широко используются простые предложения с сложной структурой. Это не только придает текстам информативность, но и делает их более компактными, что соответствует требованиям к дипломатическим документам. Особенно заметна сложная структура в китайских и русских дипломатических документах, особенно в предложениях, содержащих предложные конструкции и однородные члены. Однако из-за различий в особенностях китайского и русского языков каждый из них имеет свои особенности». Тема работы раскрыта, предметная область соотносится с одной из рубрик издания. Рекомендую статью «Сравнительный анализ структуры простых предложений в русских и китайских дипломатических документах» к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Полянская А.И. Образ матери в фэнтези-романе Дж. Мартина «Игра Престолов» // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.69862 EDN: MVJNQT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69862

Образ матери в фэнтези-романе Дж. Мартина «Игра Престолов»

Полянская Арина Игоревна

ORCID: 0000-0001-5291-4531

аспирант, кафедра английской филологии, Московский Городской Педагогический Университет,
Институт Иностранных Языков

105064, Россия, г. Москва, ул. Малый Казенный, 5Б

✉ arina.safronova.mgpu.mka@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературный герой"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.69862

EDN:

MVJNQT

Дата направления статьи в редакцию:

15-02-2024

Аннотация: Образ матери является своеобразной константой мировой художественной культуры, в связи с чем его можно обнаружить практически в любой национальной литературе. Материалом исследования послужили работы известного американского фэнтези-писателя Дж. Мартина (G. Martin). Объектом изучения является художественный образ матери в его романе «Игра Престолов» («A Game of Thrones») из цикла «Песнь Льда и Огня» («A Song of Ice and Fire»). Данная серия была положительно оценена критиками и тепло встречена читателями. В статье автор обращается к образу матери и на основе теоретической научно-исследовательской базы проводит практический анализ женских персонажей, представленных в романе. Всего были рассмотрены три ключевых персонажа, которые представляют вышеуказанный литературный образ в нарративе писателя. Основным методом является сравнительно-сопоставительный анализ. Отобранные автором образы героинь изучаются на предмет выявления основополагающих характеристик, значимых для образа матери в творчестве Дж. Мартина. Ключевым выводом проведенного исследования является определение наличия специфического подхода писателя к созданию образа матери в фэнтези-

нарративе. Прозаик стремится создать многогранные персонажи, которые являются уникальными личностями. При этом каждый конкретный протагонист обладает амбивалентностью и двойственностью. Данные, полученные в результате анализа, позволяют в дальнейшем провести более расширенное исследование с целью изучения других литературных образов, представленных в произведениях американского романиста, поскольку фэнтези как литературное явление сталкивается со все возрастающим научным интересом. Научная новизна работы объясняется низким уровнем изученности образа матери в фэнтези-произведениях, в частности, в творчестве Дж. Мартина. Результаты данного исследования могут использоваться в дальнейшем как учеными, так и читательским сообществом для более детального понимания образа матери в литературе и фэнтези-творчестве.

Ключевые слова:

литература народов мира, американская литература, литературный образ, образ матери, женский образ, фэнтези, Джордж Мартин, амбивалентность, двойственность, Игра Престолов

В произведениях мировой художественной литературы встречаются различные повторяющиеся образы, однако образ матери является одним из наиболее знаковых. Как известно, литература является отражением культурного и исторического опыта народа [\[1-2\]](#), а образ матери представляет собой важнейшую составляющую картины мира практически любой страны, которую показывает тот или иной автор [\[3\]](#). Помимо культурно специфических особенностей этого образа, нельзя обойти вниманием и каноническую фигуру Девы Марии или Богородицы, которая, возможно, является главной матерью в европейской и американской культурах и воспринимается как часть религиозного сознания. При этом подчеркнем, что почитание святой сливается с языческими верованиями и образом Матери-Земли в дохристианских культурах [\[4, с. 223\]](#). Мать в контексте культурного восприятия и мировоззренческих установок играет ключевую роль. Иными словами, индивид может не найти себе пару, не оставить потомства, однако родители, в частности мать, у него есть всегда.

Образ матери неизменно ассоциируется с определенными характеристиками, набор которых может незначительно варьироваться в зависимости от контекста, а изучение культурных кодов играет значительную роль в современном литературоведении [\[5\]](#). При этом «человек <...> всегда занимает место между действительностью <...> и языком» [\[6, с. 9\]](#). Попытка обобщения подобных составляющих была предпринята, например, швейцарским психологом и психиатром К. Юнгом (C. Jung, 1875-1961гг.), который выделил следующие особенности, присущие анализируемому образу: забота, эмпатия, мудрость, плодородие, магическое воскрешение, тайное, темное, загадочное [\[7\]](#). Уточним, что в работах ученого используется термин «архетип». В данном контексте имеет смысл рассмотреть его толкование, предложенное психологом, поскольку он вбирает в себя доминантные признаки того или иного концепта. В христианской культуре к перечисленным выше характеристикам могут также присоединяться эпитеты «чистая» или «безгрешная», часто используемые по отношению к Деве Марии.

Необходимо отметить, что образ матери обладает определенной амбивалентностью. В нем сочетаются как очевидно положительные черты, так и нечто мистическое.

Последнее, вероятно, сохранилось от языческих верований, в котором культ Матери-земли ассоциировался с плодородием, но одновременно и со сверхъестественными, потусторонними силами. Оставшиеся элементы подобных религиозных толкований сохранились как в культурном наследии, так и в языке многих народов [\[8\]](#), а дуализм в языческих верованиях характерен для многих культур [\[9\]](#).

В данной статье будет рассмотрен образ матери в творчестве американского писателя Дж. Мартина (G. Martin, 1948 – по н.в.), а именно в его романе «Игра Престолов» ("A Game of Thrones", 1996) из цикла «Песнь Льда и Огня» (A Song of Ice and Fire, 1996). Данный прозаик является популярным автором, работающим в жанре фэнтези. Его произведения отмечены несколькими влиятельными литературными премиями, в том числе Hugo и Nebula, которые вручаются за достижения в области фантастической и фэнтезийной литературы. Важно подчеркнуть специфику нарративов исследуемой серии произведений. Американский романист придерживается манеры повествования от третьего лица, однако каждая глава рассматриваемого сочинения посвящена конкретному персонажу. Кроме того, роман «Игра Престолов» характерен тем, что в нем демонстрируются «радикальные формы человеческого поведения» [\[10, с. 194\]](#). Действие произведения разворачивается в псевдосредневековой реальности, причем автор уделяет особое внимание реалистичности повествования и даже его натуралистичности. В тексте можно обнаружить как красочное изображение сцен пиров, так и достоверное описание казни через отсечение головы [\[11, с. 192\]](#).

Не игнорирует прозаик и политические особенности вымышленного мира. Так, например, структура управления в государстве Семь Королевств (Seven Kingdoms) напоминает классическую феодальную систему Средневековья [\[12, с. 120\]](#). Эти особенности оказывают определенное влияние на мировоззрение и поведение самих персонажей. В некоторых случаях поступки протагонистов могут вызвать недоумение у современного читателя, однако при должной осведомленности о реалиях конкретного культурного периода у реципиента не возникает трудностей в правильной интерпретации первопричины того или иного сюжетного поворота. Кроме того, автор создает персонажей, которые, в отличие от многих протагонистов других произведений-фэнтези, не являются однозначно «добрыми» или «злыми». Каждый из действующих лиц изучаемого романа поступает соответственно своему кодексу чести или своду понятий о добре и зле, которые, как и в нашей действительности, не совпадают у разных людей и зависят от множества условий.

Действие первого романа из цикла «Песнь Льда и Огня» разворачивается в вымышленном королевстве, разделенном на семь областей, во главе которых находятся Великие Дома (Great Houses), подвластные королю. В центре сюжета находятся Дом Старков (House of Stark), Дом Ланнистеров (House of Lannister), Дом Баратеонов (House of Baratheon) и свергнутая королевская династия Таргариенов (Targaryens). Большинство глав романа написано от лица представителей Старков, что обуславливает большую симпатию к ним со стороны читателей.

Анализируемый образ матери можно усмотреть в трех героинях романа, две из которых являются POV-персонажами (от англ. point of view), то есть от их лица ведется повествование. Это Кейтилин Старк (Catelyn Stark), Дейнерис Таргариен (Daenerys Targaryen) и Серсея Ланнистер-Баратеон (Cersei Lannister-Baratheon). Поясним особенность написания родового имени Серсеи. Она является королевой государства, будучи замужем за правителем из рода Баратеон, однако все персонажи книги упоминают ее по имени Дома, которому она принадлежит по рождению: «Cersei Lannister

entered behind him, a jeweled tiara in her hair» [\[13, p. 290\]](#). Практически во всех эпизодах женщина фигурирует именно как Серсея Ланнистер.

Кратко охарактеризуем каждую из героинь, упомянув также их предысторию. Особенность анализируемого романа заключается в том, что важнейшие события, повлиявшие на текущее положение дел каждого ключевого персонажа, произошли около тринадцати лет назад. Во время восстания Роберта Баратеона (Robert Baratheon), которое положило конец почти трехсотлетнему правлению Таргариенов, были разрушены судьбы многих персонажей: Серсея должна была выйти замуж за принца Таргариена, нынешний король – взять в жены сестру Эддарда Старка (Eddard Stark), а Кейтилин – сочетаться браком с его старшим братом. Однако все эти персонажи, только вскользь упоминаемые на страницах романа, погибли в ходе тех событий.

Кейтилин Старк, предназначенная погибшему Брандону (Brandon), старшему сыну и наследнику, безропотно приняла волю отца и вышла замуж за Эддарда, сразу же после этого ушедшего на войну и оставившего ей новорожденного младенца. Женщина, с самого начала супружества разлученная со своим мужем, направила всю свою любовь на сына: «Her thoughts were more of Robb, the infant at her breast, than of the husband she scarcely knew» [\[13, p. 44\]](#). Впоследствии она смогла понять и полюбить, фактически, навязанного ей лорда Старка, однако именно ее любовь к детям всегда была константой ее существования. Кейтилин Старк на протяжении всей жизни оставалась верна девизу своего родного Дома – «Семья, долг, честь». Уже являясь матерью пятерых детей, она продолжала стремиться к выполнению задачи, продиктованной ее социальным положением, а именно деторождению: «She [Catelyn] was not too old. She could give him another son» [\[13, p. 40\]](#). Иными словами, она стремилась подарить Эдварду еще одного ребенка.

Все персонажи отмечают великолепие Серсеи: «She was as beautiful as men said. A jeweled tiara gleamed amidst her long golden hair, its emeralds a perfect match for the green of her eyes» [\[13, p. 34\]](#). В самых различных эпизодах романа автор уделяет внимание ее красоте: «"Cersei is lovely to look at, truly"» [\[13, p. 210\]](#). После рождения ребенка, королева сумела сохранить внешнюю привлекательность. Именно чувственность и красота, сексуальность и физическая привлекательность, являются доминантными в образе Серсеи. Она мать, как и Кейтилин, но привыкла, что дети подчиняются ей. Это, безусловно, относится к поведению младших. Кроме того, женщина, вероятно, не уделяет слишком большого внимания их личностному развитию.

Взаимоотношения со старшим сыном Джоффри (Joffrey) у королевы совершенно другие. Мальчик унаследовал красоту матери, однако под маской привлекательности скрывается его патологическая склонность к жестокости и, возможно, психопатия. В связи с этим Серсея не может подавлять старшего сына, доказательством чего является его поведение по отношению к Эддарду Старку. Вместо обещанного помилования молодой человек приказывает палачу казнить лорда. В последующих книгах серии Серсея признается своему брату, что ничего не могла поделать, хотя понимала, что такой поступок сына приведет к междоусобной войне.

Порочность Серсеи определяется еще и тем, что все ее дети являются плодом инцеста с братом-близнецом: «"Your brother?" Ned said. "Or your lover?" "Both." She did not flinch from the truth. "Since we were children together. And why not?"» [\[13, p. 331\]](#). Прелюбодеяние и кровосмешение порицаются в описываемом обществе. Королева же ставит свои взаимоотношения с братом выше собственной безопасности и благополучия

детей. Она готова рисковать своей жизнью ради удовлетворения похоти: именно за этим преступным деянием близнецов застаёт средний сын Кейтилин, Бран (Bran). Брат королевы выталкивает мальчика из окна, в результате чего он получает тяжелые травмы и долго остается без сознания. Кейтилин выхаживает сына, проведя несколько суток без сна: «"You haven't left this room since Bran was hurt" <...> "I can't leave him, even for a moment, not when any moment could be his last"» [\[13, p. 89\]](#). Она очень боится потерять его. Даже когда две ее дочери покидают родной дом, сопровождая отца и короля, Кейтилин не провожает их, уделяя все свое внимание покалеченному мальчику. Когда на жизнь Брана совершается покушение, леди Старк не раздумывая пытается остановить убийцу голыми руками. Образ самоотверженной, любящей, преданной и честной матери контрастирует с образом похотливой, лживой и лицемерной королевы.

Однако насколько различны героини, настолько они и похожи. Когда Эддард Старк открывает тайну происхождения детей королевы, она начинает плести против него интриги, ибо готова защищать права (пусть и незаконные) своего сына на престол: «Cersei did not look away. <...> "You love your children, do you not?" "With all my heart." "No less do I love mine"» [\[13, p. 332\]](#). Сама она относится к применению силы одобрительно, однако малейшее насилие по отношению к своим детям не приемлет.

Интересно, что восприятие этого персонажа читателями достаточно спорное. Поскольку повествование ведется от лица представителей клана Старков, неудивительно, что реципиенты, читающие текст, начинают проникаться к ним большой симпатией. Если же взглянуть на ситуацию с точки зрения королевы, то можно увидеть, что Эддард Старк своим предположением угрожает, как ее благополучию, так жизни и здоровью ее детей. Такие самовлюбленные и эгоистичные люди, как Серсея, практически не способны признать свою вину, а, по ее мнению, пока романтические отношения с близнецом остаются тайными, ничего предосудительного не происходит. При этом, как мать, Серсея, также, как и Кейтилин, готова на любые аморальные поступки для защиты своей плоти и крови.

Порочный образ, описанный выше, дополняется благородным стремлением защитить свое потомство. Как яростная львица бросается на обидчика своих львят, так и Серсея готова даже на детоубийство, чтобы упрочить права детей. Когда ее люди обнаруживают бастардов короля, Ланнистер без раздумий приказывает им убить младенца: «"I've also heard whispers that Robert got a pair of twins on a serving wench at Casterly Rock, three years ago when he went west for Lord Tywin's tourney. Cersei had the babes killed, and sold the mother to a passing slaver"» [\[13, p. 258\]](#). Удивительным образом подобная жестокость объясняется исключительно стремлением оградить собственных детей от возможных конкурентов.

Леди Старк, в свою очередь, тоже имеет свою темную сторону. Прекрасная жена и мать, она не может принять и полюбить бастарда мужа Джона (Jon), которого Эддард Старк привез с собой после окончания войны. Дж. Мартин крайне внимательно относится к достоверному изображению псевдосредневековых реалий, в связи с чем внебрачные дети также не являются чем-то необычным. Исследователи подтверждают, что измена в подлинном средневековом обществе хотя и порицалась церковью, присутствовала на всех социальных уровнях. Более того, незаконнорожденные люди благородного происхождения получали определенные привилегии [\[14, с. 73\]](#). Аналогичным образом обстоят дела и в вымышленном мире романиста.

Кейтилин обожает своих детей, но не готова принять и полюбить сироту Джона, мать

которого скончалась. Она ревнует пасынка к мужу из-за их внешнего сходства – законные дети значительно меньше похожи на своего отца. Женщина также опасается возможной угрозы своему старшему сыну со стороны Джона в вопросах передачи власти. Более того перед тем, как покинуть замок навеки, бастард заходит попрощаться со своим единокровным братом, пребывающим в забвении из-за падения. Кейтилин стремится прогнать Джона, а в конце разговора заявляет, что на месте ее страдающего сына должен был бы оказаться он: «*"It should have been you," she told him. Then she turned back to Bran and began to weep, her whole body shaking with the sobs*» [13, p. 66]. Такая откровенная ненависть к ни в чем не повинному ребенку показывает, что и Кейтилин не идеальна: она не смогла дать сироте ни капли материнской заботы.

Проведенный выше анализ позволяет увидеть, что в творчестве Дж. Мартина образ матери характеризуется крайней амбивалентностью, причем не только в отношении разных героинь. И Кейтилин, и Серсея несут в себе и светлое, и темное начала. К первому можно отнести безусловную любовь к своим родным детям, стремление защитить их от любой потенциальной угрозы. Это общепринятые характеристики образа хорошей матери, заботливой и преданной натуры. Действительно, воспринимаемая читателями как отрицательный персонаж, Серсея обладает исключительной преданностью по отношению к своим детям. Темное начало, не характерное для обобщенного образа матери, но присущее персонажам в нарративе Дж. Мартина, облекается в форму агрессии по отношению к тем, кто каким-либо образом угрожает детям матерей.

В случае Кейтилин это отказ понимать то, что Джон чтит правила передачи власти и не станет препятствовать законному наследнику, выросшему с ним вместе, так как пасынок был воспитан лордом Старком честным и благородным человеком. Более того, юношей связывают братские чувства, и каждый понимает и принимает свое место в жизни. Жестокость леди Старк к бастарду объясняется именно амбивалентностью образа матери, которую решил подчеркнуть автор. Серсея, вовлеченная по доброй воле в кровосмесительные отношения, представлена как олицетворение похоти. Однако ее безусловная любовь к детям, даже к старшему сыну-садисту, и безоговорочное стремление защитить их любыми способами показывают ее светлую сторону как матери. Интересно отметить, что читатель может оправдывать одного персонажа и обличать другого за совершенно идентичные мотивы поведения. Как уже было отмечено выше, это связано с манерой повествования автора и его стратегией описания героев в нарративе.

Дейнерис отличается от рассмотренных выше персонажей. Необходимо отметить, что на начало повествования ей всего тринадцать лет, она находится под контролем своего деспотичного брата. Девочке не хватает силы духа противиться его решениям. Он, фактически, продает ее вождю кочевников в обмен на военную поддержку. Будучи невинной и неопытной, она вступает в брак и подчиняется кхалу Дрого (khal Drogo). Ее первая беременность наступает всего в возрасте четырнадцати лет, когда она сама, по сути, является еще ребенком. Постепенно Дейнерис начинает испытывать привязанность к своему мужу – это закономерная психологическая реакция, так называемый стокгольмский синдром, в рамках которого жена оправдывает поведение супруга, навязанного ей [15, с. 42]. Цепочка трагических событий приводит к тяжелому ранению Дрого. Колдунья из захваченного кочевниками племени соглашается помочь ему с условием, что в жертву будет принесен нерожденный ребенок. Она намеренно проводит обряд так, что Дрого излечивается физически, но навсегда остается в вегетативном состоянии, а ребенок рождается мертвым. Героиня принимает решение отомстить колдунье.

Одним из свадебных подарков Дейнерис были три окаменевших драконьих яйца. Таргариены были выходцами из Древней Валирии (Old Valyria), страны повелителей драконов. Предки молодой женщины захватили и объединили Семь Королевств именно благодаря этим крылатым существам. К началу повествования они считаются вымершими, однако Дейнерис сразу начинает испытывать к драконьим яйцам странную привязанность, ощущая исходящее от них тепло. Когда приходит время вершить месть, она приказывает сложить погребальный костер для своего мужа, привязывает к нему колдунью и, взяв драконьи яйца, заходит туда сама. Случается чудо: Дейнерис остается невредима, а ее драконы вылупляются.

Фактически, героиня так и не становится матерью для человеческого ребенка, однако его заменяют три сверхъестественных существа: «The cream-and-gold dragon was suckling at her left breast, the green-and-bronze at the right. Her arms cradled them close. The black-and-scarlet beast was draped across her shoulders, its long sinuous neck coiled under her chin» [\[13, p. 552\]](#). В последующих произведениях Дейнерис принимает титул *Матерь драконов* (Mother of Dragons) и называет их своими детьми, потому что уверена, что других у нее не будет. Особая связь между ней и ее своеобразными детьми, опасными огнедышащими монстрами, о которых она, тем не менее, заботится, позволяет усмотреть в этом образе олицетворение таинственных и мистических характеристик матери.

Типичная для творческого стиля автора амбивалентность образов, в особенности образа матери, обнаруживается и в случае с персонажем Дейнерис. С одной стороны, она является невинным, непорочным ребенком, так и не ставшим реальной матерью. Замужество, несомненно, заставляет ее повзрослеть, однако ее мировоззрение остается наивным и в некотором смысле детским. Это становится очевидным, если вспомнить просьбу о помощи колдуньи, чей народ жестоко пострадал от рук кхала. С другой стороны, в образе Дейнерис явственно обнаруживаются мистические элементы, сохранившиеся со времен язычества. В этих верованиях мать – одновременно мудрая и всесильная богиня. Именно могущество получает героиня с возрождением драконов, символов ее власти.

Таким образом, следует отметить, что в творчестве фэнтези-писателя Дж. Мартина образ матери представлен весьма неоднозначно. С одной стороны, священность материнства прослеживается в каждой из героинь, однако, как и большинство людей, они обладают своими недостатками и пороками. Амбивалентность образов является характерной особенностью творчества писателя. Полярность образа матери прослеживается не только в отношении разных персонажей, ее можно усмотреть реально в каждой героине. Все они, обладая, казалось бы, противоположными характеристиками, тем не менее, составляют весьма похожие и целостные образы. Более того, и Кейтилин, и Серсея руководствуются одинаковыми мотивами в отношении своих детей, однако особенности повествования и представления персонажей читателю оказывают значительное влияние на восприятие их поступков. Образ Дейнерис как матери несколько отличается от того, что характерно для двух других героинь. В первую очередь, это связано с сюжетной удаленностью их друг от друга, но также обусловлено и различными характеристиками, которые писатель вложил в эти образы. Дейнерис – мистическая мать, она больше напоминает языческих богинь с их темным началом. Дж. Мартин подчеркивает таинственную связь драконов и наследницы Таргариенов.

Подводя итог, отметим, что в анализируемом произведении были выявлены и описаны крайне разнообразные и противоречивые образы матерей, которые, тем не менее, имеют

между собой определенное сходство. Это позволяет сделать вывод о том, что в некоторых фэнтези-произведениях традиционный образ матери подвергается существенной трансформации, что связано с условностями сюжета и творческой индивидуальностью автора.

Библиография

1. Баранова, К. М. Образ Нового Адама в американской колониальной литературе XVII века / К. М. Баранова, О. В. Афанасьева // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 3. С. 8-17.
2. Зинченко, В.Г. Литература и методы ее изучения. Системно-синергетический подход / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. – М.: Флинта, 2011. – 280 с.
3. Жернова Н.С. Образ женщины в произведениях А.М. Ремизова: к проблеме типологии, дисс. канд. фил. наук 10.01.01 / Жернова Наталья Сергеевна [Место защиты: ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»], 2018. – 201 с.
4. Тёмкин В.А., Подольская И.А. Образы Девы Марии в романском искусстве Западной Европы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. №8. С. 222-240.
5. Дуктова Л.Г. Репрезентация культурных смыслов при использовании национальных культурных кодов в художественной литературе // Litera. 2023. № 12. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43969 (дата обращения: 12.01.2024).
6. Баранова, К. М. Диахронический взгляд на константы в американской языковой картине мира / К. М. Баранова, О. Г. Чупрына // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 6. – С. 8-15.
7. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. – М.: Совершенство, 1997. – 384 с.
8. Мошина Е. А. Культ предков и образ земли-матери в русской лингвокультуре (на материале пословиц, поговорок, загадок) // Вестник СВФУ. 2020. №3. С. 96-104.
9. Anisimova O.V., Makarova I. Mythopoetic Images of Irish Mythology in American Fantasy (the Case of Roger Zelazny's "Chronicles of Amber"-Corwin Cycle) // Litera. 2023. № 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39999 (дата обращения: 01.02.2024).
10. Пискунова Л., Янков И. Структура повествования и постклассическая реальность в фэнтези-сэге Дж. Р. Р. Мартина «Песнь льда и пламени» и киносериале «Игра престолов» // Социологическое обозрение. 2020. № 1. С. 193-208.
11. Полянская, А. И. Проблема классификации фэнтези-произведений. Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2023. №2. С. 185-194.
12. Larsson S., Lundström M. Anarchy in the Game of Thrones // Neohelicon. 2020. № 47. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11059-020-00522-5> (дата обращения: 03.02.2024).
13. Martin, G. A Game of Thrones. – L. : Harper Voyager, 2011. – 552 p.
14. Пастуро М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола // Пер. М. О. Гончар. М.: Молодая гвардия, 2001. 83 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Образ матери в фэнтези-романе Дж. Мартина «Игра Престолов», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения одного из культовых произведений нашего времени, а именно репрезентацию образа матери.

В творчестве Дж. Мартина образ матери характеризуется крайней амбивалентностью, причем не только в отношении разных героинь, которых рассматривает автор, а именно Серсею, Кейтилин, Дейнерис.

В данной статье будет рассмотрен образ матери в творчестве американского писателя Дж. Мартина (G. Martin, 1948 – по н.в.), а именно в его романе «Игра Престолов» sic! (опечатка в англоязычной версии названия текста, допущенная автором статьи) ("A Game of Thrones", 1996) из цикла «Песнь Льда и Огня» (A Song of Ice and Fire, 1996).

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Методы исследования включают в себя анализ научной литературы по теме исследования, критический анализ текстов, сравнительный анализ и обобщение полученных данных.

Практическим материалом исследования явились произведения Дж. Мартина, а именно «Игра Престолов» (1996) из цикла «Песнь Льда и Огня». Автор обращается к оригиналу (англоязычной версии), примерами на английском языке проиллюстрированы

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Библиография статьи насчитывает 14 источников, среди которых представлены исключительно труды отечественных исследователей, не считая одной англоязычной работы. Считаю, что, изучая популярное во всем мире англоязычное произведение, которое было экранизировано, обращение к работам зарубежных исследователей на английском языке, несомненно, обогатило бы рецензируемую статью.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Полученные результаты могут быть использованы при разработке курсов по теории литературы, теории текста. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Образ матери в фэнтези-романе Дж. Мартина «Игра Престолов» положительное, она может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Скрыпник Е.Р. Невербальные компоненты общения в диалогах как маркер отношений персонажей в повести А.П. Чехова «Три года» // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70515 EDN: MVUWGO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70515

Невербальные компоненты общения в диалогах как маркер отношений персонажей в повести А.П. Чехова «Три года»

Скрыпник Елизавета Романовна

магистр; Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации; Южный Федеральный Университет

344006, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, пер. Университетский, 93

✉ elskrypnik@sfedu.ru

[Статья из рубрики "Литературный герой"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70515

EDN:

MVUWGO

Дата направления статьи в редакцию:

20-04-2024

Аннотация: Общение, являющееся неотъемлемой частью жизни человека, находит отражение в художественном произведении в основном в форме диалога. С помощью диалога автор развивает события, формирует образы персонажей, транслирует идею произведения. Общение персонажей в художественном произведении выстраивается писателем с ориентацией на действительность. Автору важно не только реалистично описать событие и его контекст, но и сделать естественной звучащую речь. Для того чтобы диалог в художественном тексте был приближен к диалогу реальному, используются дополнительные средства коммуникации. Предметом данного исследования являются невербальные компоненты общения, включенные в ремарки к репликам Алексея Лаптева, главного персонажа повести А. П. Чехова «Три года». Цель работы – определить способы введения невербальных компонентов в авторские комментарии, сопровождающие речь Лаптева в общении с Белавиной, описать ремарочные части с точки зрения структуры и семантики и проследить, каким образом невербальные компоненты отражают изменения отношений персонажей. В процессе

проведения исследования использовались метод контекстного анализа фрагмента текста, семантический и структурный анализ языковых единиц. Актуальность исследования обусловлена тем, что работ по изучению содержания и структуры ремарок к репликам Алексея Лаптева и семантического анализа включенных в ремарки языковых единиц, представляющих невербальные компоненты, не так много. В ходе работы были получены следующие результаты: 1) проанализированы способы введения невербальных компонентов общения и средства их выражения, 2) определена постоянная неязыковая характеристика коммуникативного поведения Алексея Лаптева – изменение громкости голоса и четкости произношения, 3) выявлено положение ремарок по отношению к реплике персонажа – чаще всего авторские комментарии являются препозитивными и интерпозитивными, 4) проанализирован ряд глаголов, фиксирующий изменения во внутреннем мире Лаптева и, как следствие, трансформацию его отношения к супруге.

Ключевые слова:

ремарка, реплика, невербальный компонент, авторский комментарий, диалог, голос, общение, речевое поведение, Алексей Лаптев, Юлия Белавина

Введение

Действительность, в которую погружен человек, детерминирует ряд определенных действий, составляющих основу существования и развития личности. Прежде всего, такой основой является социальное взаимодействие или межличностное общение. Основным средством передачи информации является язык, понимаемый как «естественно возникшая и закономерно развивающаяся семиотическая система, обладающая свойством социальной предназначенности» [\[6\]](#). С помощью языка становится возможным формировать объективированные сведения о реальности, сохранять, передавать и получать знания об окружающем мире.

Речевое взаимодействие людей реализуется, как правило, вербально – в форме диалога. Посредством артикуляционно-акустического канала речевое высказывание транслируется и принимается собеседником. Однако в процессе живого общения важным является не только обмен мыслями, но и дополнительные каналы получения информации, которыми сопровождается звуковое сообщение. Во время общения задействован также визуальный канал, распознающий жесты, мимику и телодвижения, которые дополняют вербальное общение.

Художественное произведение является особого рода воспроизведением действительности, это «повторенный, как бы вновь созданный мир» [\[1, с. 361\]](#). Переложение реальных событий и жизненных процессов в письменную форму невозможно без фиксации общения – основной формы взаимодействия человека с обществом и внутри него.

Речевое поведение персонажей в пространстве текста может быть представлено внешними и внутренними формами общения. Диалог – речевая структура, которая «характеризуется сменой высказываний двух говорящих» [\[10, с. 130\]](#) – не исчерпывает способы языкового «отражения» персонажной коммуникации. Эта внешняя форма общения, помещенная в текст, соответствует тому, как люди взаимодействуют в жизни, поэтому нетрудно представить реальные диалогические ситуации и сопоставить их с

воссозданными в пространстве художественного произведения. Тем не менее, живое общение, как отмечалось ранее, включает не только слова, но и жесты, т.н. «немой язык» [2, с. 145], который транслируется симультанно с речью. В художественном произведении жесты, мимика, телодвижения, именуемые «невербальными компонентами», фиксируются словом. [3, с. 4] Они, как правило, помещены в диалогическое общение и закреплены в сопровождающих реплики персонажей авторских комментариях — ремарках. М. К. Милых определяет ремарку как слова автора, «непосредственно вводящие и комментирующие прямую речь» [7, с. 58]. Минимальная структура ремарки представлена двумя элементами — глаголом говорения и существительным или местоимением, определяющим говорящего. Авторский комментарий может иметь расширенную структуру, т.е. состоять более чем из двух слов. Невербальные компоненты, помещенные в ремарку, дополняют вербальное общение, расширяют представление о процессе коммуникации и позволяют читателю сформировать целостный образ персонажа. Цель исследования — определить способы введения невербальных компонентов общения в авторские комментарии, сопровождающие речь Лаптева в диалогах с Белавиной в повести А. П. Чехова «Три года», описать ремарочные части с точки зрения структуры и семантики и проследить, как они представляют перемену отношения Алексея к Юлии.

Описание исследования

В повести А. П. Чехова «Три года» вербальное общение между Алексеем Лаптевым и Юлией Белавиной сопровождается неязыковыми средствами. Диалоги чеховских персонажей двуплановы. Реплики представлены как произнесенные, звучащие, но вместе с тем развивается другой диалог — жестовый, зрительный.

В центре сюжета произведения — история непростых семейных отношений Алексея Лаптева и Юлии Белавиной, «трансформации начального чувства в дальнейшие бытовые реалии» [8, с. 145]. Изменчивость чувства, угасание любви у Алексея и ее развитие у Юлии, прослеживается по общению персонажей.

Постоянная невербальная характеристика коммуникативного поведения Лаптева, его невербальная константа — изменение четкости и звучности голоса. Это указывает на неуверенность персонажа в себе и подчеркивает нестабильность его эмоционального состояния: Алексей часто неспокоен, взволнован.

Речь Лаптева сопровождается ремарками, в которые включены как глаголы нейтрального значения («сказать», «спросить», «ответить» и др.), так и глаголы, содержащие паралингвистическую характеристику («шептать», «кричать», «бормотать» и др.). Причин, по которым голос персонажа изменчив, несколько: звучность и громкость произношения зависит от собеседника Алексея, переживаемого Лаптевым события и, как следствие, его внутреннего состояния. При общении с Юлией в начале повести Лаптев, увлеченный любовным чувством, сдержан. Авторские комментарии, сопровождающие реплики персонажа, имеют простую структуру, т.к. состоят из двух обязательных компонентов — глагола говорения и местоимения: «сказал он» [11, с. 7], «спросил он» [11, с. 9]. Однако до наступления общения состояние Алексея другое: он сильно взволнован, что фиксируется вербально и проявляется невербально. Ожидая после всенощной Юлию, Лаптев обеспокоен их грядущей встречей. Переживания Алексея транслируются взглядом («с напряжением всматривался» [11, с. 7]), мимикой («им овладело отчаяние» [11, с. 7]) и голосом («шептал он» [11, с. 8]). Волнение становится

невыносимым и выражается вербально: «Это ужасно, ужасно! — шептал он, ревнуя ее. — Это ужасно!» [11, с. 8]. Тройной повтор наречия «ужасно» в едва звучащей речи обнажает глубину переживаний Лаптева. Стоит подчеркнуть, что графически реплика оформлена в тексте как часть внутренней речи — она помещена в кавычки. Слова Лаптева являются простым внутренним реплицированием, которое представлено отдельным, кратким и несоотносимым с речевым планом высказыванием. Реплика представляет эмоциональную оценку персонажем события, фиксирует вырвавшуюся мысль.

В описание общения в следующие встречи Лаптева и Белавиной также включены невербальные компоненты. В репликах Алексея не отмечается начальной сдержанности. По отношению к Юлии Лаптевым «движут эмоции, что в большей степени свойственно женщинам» [9, с. 116]. Во время первого объяснения и предложения Юлии стать его женой описание голоса персонажа содержит сложные по структуре ремарки. Кроме обязательных элементов, авторский комментарий включает наречия («страстно», «неудержимо» [11, с. 19]), а также развернутую конструкцию, представленную деепричастным оборотом («...он прижал его к груди и проговорил страстно, неудержимо, отдаваясь опять сладкому восторгу, какой он испытал вчера ночью, сидя под зонтиком» [11, с. 19]). Громкость голоса в процессе общения меняется, иная характеристика также представлена довольно развернуто: «Он опять прижал к груди зонтик и сказал тихо, неожиданно для самого себя, не узнавая своего голоса» [11, с. 19]. Указание на звучность и громкость голоса Лаптева помещается в препозитивную ремарку, непосредственно вводя последующую реплику персонажа. Эмоции Алексея и его отношение к Юлии передаются не только в голосе, но и с помощью взглядов («смотрел на нее с упоением, молча» [11, с. 19], «любясь ее молодостью» [11, с. 19]), телодвижений («Она протянула руку, чтобы взять зонтик, но он прижал его к груди» [11, с. 19]).

После объяснения Юлия принимает предложение Лаптева не сразу, но все же дает согласие. Ответная реакция Алексея представлена неязыковыми средствами. Свои эмоции, ощущение удовлетворения согласием Юлии Лаптев выражает тактильными движениями («Он <...> поцеловал ей руку» [11, с. 26], «Он <...> обнял ее страстно, прижал к груди и, бормоча какие-то слова, называя ее *ты*, поцеловал ее в шею, потом в щеку, в голову...» [11, с. 26]), сокращением дистанции («он нагнулся» [11, с. 26], «...обнял ее страстно, прижал к груди» [11, с. 26]). Слова персонажа представлены несобственно-прямой формой речи. Алексей «лишен» вербальной реплики, воссоздание его мыслей и чувств дается в пересказе повествователя. Тем не менее персонаж выражает свои мысли о случившемся внутренней репликой: «Зачем это произошло?» [11, с. 30]. Лаптев обращается к себе с вопросом, таким образом диалогизируя внутреннюю речь. Размышление о произошедшем, звучащее про себя, представляет сложный внутренний психологический процесс, который отражает «различные душевные состояния персонажей, их неуверенность в себе, неудовлетворенность какими-то обстоятельствами жизни, несогласие с самим собой» [5, с. 210].

Этой репликой обращается к себе и Юлия: «...и оба в смущении спрашивали себя: "Зачем это произошло?"» [11, с. 30]. Слова приписываются «обоим персонажам одновременно, что усиливает представление о сложности их взаимоотношений» [4, с. 122]. Внутренняя реплика коррелирует с звучащей речью и внешними невербальными проявлениями коммуникативного поведения Белавиной: она «сжимает руки» себе [11, с. 30].

26], «наильно улыбаётся» [11, с. 27], что указывает на нежелание Юлии вступить в брак.

В мыслях и действиях Лаптева отмечается, наоборот, слабая конгруэнтность. Внешние проявления, т.е. мимика, телодвижения, жесты, не совсем соответствуют его мыслям и ощущениям. Алексей выражает радость от полученного согласия, но вместе с тем у него появляются сомнения. Различие в соотношении внешней и внутренней сторон общения указывает на разную степень осознания грядущего события – заключения брака.

Решающим моментом, устанавливающим новый «порядок» отношений супругов, становится ссора, затеянная Алексеем. Прежнее трепетное чувство, выражаемое «сладким восторгом», сменяется резким тоном («сказал резко» [11, с. 59]), молчанием («он уже не мог выговорить ни одного слова, а стоял перед ней и молчал» [11, с. 59]), криком («крикнул он» [11, с. 60]). Реплики Лаптева в эпизоде выяснения отношений сопровождаются глаголами, которые выстраиваются в градации: «сказал» – «продолжал с отчаянием» – «продолжал, задыхаясь» – «крикнул». Постепенное изменение громкости голоса указывает на критическое эмоциональное состояние персонажа – он теряет над собой контроль из-за сложностей в семейной жизни. Крик Алексея сменяется бормотанием («Довольно, довольно, – бормотал он. Оскорбил я тебя, потому что люблю безумно, – он вдруг поцеловал ее в ногу и страстно обнял. – Хоть искру любви! – бормотал он. – Ну, солги мне! Солги! Не говори, что это ошибка!..» [11, с. 60]). В авторском комментарии, сопровождающем речь персонажа, содержится глагол, указывающий на тихое, невнятное произношение. Однако внешняя, «звучащая», сторона подчеркивает громкость высказывания, что формально представлено восклицательными знаками.

С течением времени меняется не только порядок в семейных отношениях, но и порядок в жизни. Алексей обретает «истинные гендерные функции», становится хозяином амбара на Пятницкой, наводит порядок в делах [8, с. 149]. Чувства Лаптева к супруге ослабевают. Это прослеживается и в невербальном коммуникативном поведении персонажа. Ремарок к репликам Алексея становится меньше. Если они представлены, то глаголом и местоимением или глагольными формами, содержательно определяющими положение Лаптева в пространстве («спросил, обернувшись к жене» [11, с. 86], «сказал он, глядя на улицу» [11, с. 86]). Супруги меняются местами: Юлия становится инициатором общения, Алексей продолжателем беседы.

Результаты исследования

Начало и конец повести представляют человека, объясняющегося в любви – сначала это Алексей, потом Юлия. Супруги меняются местами, и эта перемена определяется отношением Лаптева к Белавиной, представленная как звучащей речью, так и невербальными компонентами общения. Неязыковые средства, сопровождающие реплики персонажа, помещены в ремарки. Они могут характеризовать звучность и громкость голоса, мимику, телодвижения, жестовое поведение. Было выявлено, что наиболее частотными являются паралингвистические описания, которые включены чаще всего в препозитивные ремарки, вводящие речь персонажа. В авторских комментариях к репликам Алексея представлены и другие невербальные компоненты – телодвижения, мимика, жесты. Как правило, они помещаются в интерпозитивные ремарки, разрывающие речь персонажа. Способы представления невербальных компонентов в авторском комментарии различны: они могут быть выражены простой структурой, т.е. глаголом говорения нейтрального значения или глаголом, содержащим в семантике

паралингвистическую характеристику, и сложной, расширенной структурой, т.е. деепричастиями, глагольными и именными словосочетаниями, предложениями. Анализ основных эпизодов взаимоотношений Алексея и Юлии позволяет представить «прямую» глаголов, фиксирующих и отражающих внутреннее состояние Лаптева: *«проговорил страстно»* – *«проговорил, отдаваясь сладкому восторгу»* – *«прижал, бормоча»* – *«спросил, подходя к ней»* – *«сказал резко»* – *«крикнул»* – *«бормотал»* – *«сказал он, глядя на улицу»* – *«спросил, обернувшись к жене»*. Представленные слова и словосочетания были взяты из авторских комментариев, сопровождающих речь Лаптева при общении с Юлией и содержащих в значении паралингвистические характеристики, т.е. тембр, тон голоса, громкость и четкость произношения. По этой прямой видно, что чувства Алексея постепенно ослабевают, персонаж разочаровывается в любви.

Библиография

1. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 Собр. соч. в 9 т. Т. 8. М., 2002.
2. Верещагин Е. М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного // Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров / М.: Русский язык, 1976.
3. Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
4. Изотова Н. В. Прямое и не прямое общение в повести А. П. Чехова "Три года": к диалектике взаимоотношений главных персонажей // Научная мысль Кавказа. 2020. № 4 (104). С. 119-125.
5. Изотова Н. В. Диалогическая коммуникация в языке художественной прозы А. П. Чехова. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2006.
6. Кибрик А. Е. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. [Электронный ресурс]. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (Дата обращения: 06.04.2024)
7. Милых М. К. Прямая речь в художественной прозе. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1958.
8. Собенников А. С. Повесть А. П. Чехова «Три года»: интуиция художника, гендерная психология, «грамматика текста» // А. С. Собенников, Н. В. Перепелицына / Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 144-151.
9. Собенников А. С. Творчество А. П. Чехова: пол, гендер, экзистенция. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021.
10. Солганик Г.Я. Стилистика текста. М.: Наука, 1997.
11. Чехов А. П. Три года / Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 9, 1894-1897. – М.: Наука, 1977. – С. 7-91.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Безусловно, «основным средством передачи информации является язык, понимаемый как «естественно возникшая и закономерно развивающаяся семиотическая система, обладающая свойством социальной предназначенности». Обозначено, что «с помощью языка становится возможным формировать объективированные сведения о реальности, сохранять, передавать и получать знания об окружающем мире», выходить на версию объективации мира, пространства. Помимо словесного / вербального типа, активным является и т.н. невербальный, который дополняет коммуникацию, делает ее более действенной, продуктивной. В рецензируемой статье автор обращается к анализу невербальных компонентов общения в диалогах на примере отношений персонажей

повести А.П. Чехова «Три года». Думается, что подобный извод вполне возможен, ибо указанный ракурс еще не был представлен в массе критических источников. Работа имеет законченный вид, она вполне самостоятельна, точка зрения автора манифестирована полновесно. Суждения по ходу работы объективны: например, «в повести А. П. Чехова «Три года» вербальное общение между Алексеем Лаптевым и Юлией Белавиной сопровождается неязыковыми средствами. Диалоги чеховских персонажей двуплановы. Реплики представлены как произнесенные, звучащие, но вместе с тем развивается другой диалог – жестовый, зрительный», или «Речь Лаптева сопровождается ремарками, в которые включены как глаголы нейтрального значения («сказать», «спросить», «ответить» и др.), так и глаголы, содержащие паралингвистическую характеристику («шептать», «кричать», «бормотать» и др.). Причин, по которым голос персонажа изменчив, несколько: звучность и громкость произношения зависит от собеседника Алексея, переживаемого Лаптевым события и, как следствие, его внутреннего состояния», или «в мыслях и действиях Лаптева отмечается, наоборот, слабая конгруэнтность. Внешние проявления, т.е. мимика, телодвижения, жесты, не совсем соответствуют его мыслям и ощущениям. Алексей выражает радость от полученного согласия, но вместе с тем у него появляются сомнения. Различие в соотношении внешней и внутренней сторон общения указывает на разную степень осознания грядущего события – заключения брака» и т.д. Вариант аналитики в статье поддерживается особым вниманием к проблеме, оценка «невербальных компонентов» достоверна, должный фактор цитаций введен правильно. Считаю, что стиль в большинстве своем соотносится с собственно научным типом: «Начало и конец повести представляют человека, объясняющегося в любви — сначала это Алексей, потом Юлия. Супруги меняются местами, и эта перемена определяется отношением Лаптева к Белавиной, представленная как звучащей речью, так и невербальными компонентами общения. Неязыковые средства, сопровождающие реплики персонажа, помещены в ремарки. Они могут характеризовать звучность и громкость голоса, мимику, телодвижения, жестовое поведение. Было выявлено, что наиболее частотными являются паралингвистические описания, которые включены чаще всего в препозитивные ремарки, вводящие речь персонажа. В авторских комментариях к репликам Алексея представлены и другие невербальные компоненты — телодвижения, мимика, жесты. Как правило, они помещаются в интерпозитивные ремарки, разрывающие речь персонажа». Понятия / термины используются в режиме унификации. Текст дробится на части, но итоговый блок нужно прописать; выводы по тексту есть и финал анализа, и оценка дальнейшего продвижения вопроса. Желательно список источников также привести в должный вид, стандарт издания регламентирован. С учетом небольшой правки статья «Невербальные компоненты общения в диалогах как маркер отношений персонажей в повести А.П. Чехова «Три года» может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Хаджи Мусаи С.А., Мадаени Аввал А. Выражение эмоционального состояния человека при помощи фразеологических единиц с цветовым компонентом в русском и персидском языках // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70011 EDN: MWBZFU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70011

Выражение эмоционального состояния человека при помощи фразеологических единиц с цветовым компонентом в русском и персидском языках

Хаджи Мусаи Светлана Александровна

аспирант, кафедра русского языка и литературы, Тегеранский университет

1439813164, Иран, г. Тегеран, ул. Каргар-Е-Шомали, 15

✉ shsveta21@mail.ru

Мадаени Аввал Али

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка и литературы, Тегеранский университет

1439813164, Иран, г. Тегеран, ул. Каргар Шомали, 16

✉ amadayen@ut.ac.ir

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70011

EDN:

MWBZFU

Дата направления статьи в редакцию:

29-02-2024

Аннотация: Данная статья посвящена сопоставительному анализу фразеологических единиц с цветовым компонентом в русской и персидской лингвокультурах, выражающих эмоциональное состояние человека. Цвет является неотъемлемой частью восприятия окружающей нас действительности, с его помощью мы можем осознанно или неосознанно передавать наше настроение, внутреннее состояние, отношение ко всему окружающему. Отмечено, что восприятие цвета в разных культурах может отличаться вследствие историко-культурных, социальных, религиозных и природных условий

развития данного народа. Фразеологизмы, являясь устойчивым сочетанием, придают речи эмоциональную окраску, образно характеризуют то или иное состояние. Объектом исследования являются фразеологические единицы русского и персидского языков, содержащие в своем составе колоративный компонент, отобранные методом сплошной выборки из толковых, фразеологических, этимологических и энциклопедических словарей и других литературных источников русского и персидского языков. Основным методом исследования, применяемым в данной работе, является сопоставительный метод и аксиологический анализ фразеологических единиц русского и персидского языков, содержащих в своем составе цветовой компонент. Отметим, что работы по сопоставительному анализу различных лексических единиц проводятся в настоящее время довольно активно, но исследования в области сопоставления фразеологических единиц с цветовым компонентом русского и персидского языков немногочисленны. Научная новизна работы состоит в изучении и понимании информации об эмоциональном состоянии человека, которую передают фразеологизмы русского и персидского языков, содержащие в своем составе цветовой компонент. По результатам проведенного исследования был определен символизм и ассоциативное восприятие, свойственное представителям русской и персидской культуры, а также были определены колоративы, входящие в состав фразеологических единиц, характеризующих эмоциональное состояние человека, а также указано субъективное оценочное отношение человека к существующим или возможным ситуациям и объективному миру, передаваемое ими.

Ключевые слова:

цветовая картина мира, языковая картина мира, фразеологизм, колоратив, эмоциональное состояние, сопоставление, белый, зеленый, русский язык, персидский язык

Цвет является одной из категорий познаний мира, а совокупность представлений и знаний о цвете составляют цветовую картину мира народа, находящую свое отражение в языковой картине мира того или иного народа. Языковая картина мира - исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ восприятия и устройства мира, концептуализации действительности, возникающая как в рамках повседневной жизни, так и в ходе духовной деятельности человеческих сообществ. В каждом цвете заключен символизм и ассоциативное восприятие его может быть отличным в различных культурах. В своей работе по изучению цвета в лингвистических исследования Т.В. Сластникова и Е.И. Черкашина отмечают, что в у людей различных национальностей природное ассоциативное восприятие схоже, а символическая нагрузка цвета выполняет функцию упорядочивания объектов и явлений окружающего мира [\[1, с.9\]](#). Таким образом, для каждой культуры цвет является неординарным понятием, оставаясь при этом универсальной категорией. Одно и то же цветообозначение может обладать разной символической нагрузкой и вызывать разные ассоциации у представителей разных культур [\[2\]](#).

В персидском языке русское слово «белый» синонимично таким словам как «сефид» (سفید) и «сепид» (سپید) и в сопоставляемых языковых картинах мира ассоциируется с чем-то светлым, чистым, божественным: в христианстве и в исламе белый цвет является знаком света и божественным символом, выражает чистоту и духовность, в сознании

людей он воспринимается как символ прозрачности и святости.

Черный цвет как в русской так и в персидской культуре является «основным» цветом, который несет смысловое значение. В персидском языке русское слово «черный» синонимично таким словам как «сиах»* (سیاه) и «мешки» (مشکی). Негативные, мрачные эмоции, несчастье, трудности видятся русскому человеку в черном цвете [3, с.123]. Такое же мировоззрение свойственно и для иранцев. В знак траура над мечетями в Иране может быть поднят черный флаг и при описании данного события в персидском языке используются два выражения *парчам-э мешки* или *парчам-э сиах* (پرچم مشکی یا پرچم سیاه), а людей одетых в черные траурные одежды могут быть охарактеризованы при помощи фразеологизма *сиах пуш* (سیاه پوش).

* Здесь и далее перевод и русская транскрипция из персидских источников выполнен авторами статьи

В русской цветовой картине мира красный цвет является значимым, уступая место только белому и черному, которые входят в так называемую символическую триаду цветов [4, с.159]. Русское слово «красный» как полная форма прилагательного возникло в общеславянский период от праславянского существительного «краса» со значением «красота, прелесть, стройность, изящество, украшение и т. д.» [5, с.196]. Красный цвет в персидском языке представлен двумя словами *соркх* (سرخ) и *гермез* (قرمز). В Исламе красный цвет символизируется как символ жертвы на пути религиозной веры. В иранской культуре к красному цвету сейчас двойное отношение. Данный цвет символизирует как радость, счастье, так и кровь, агрессию, гнев.

Зеленый цвет как в русском, так и *сāбз* (سبز) в персидском языках указывает на связь с природой. Но в персидской культуре зеленый цвет - это еще и символ очищения, зелени и плодородия, новой жизни, умеренности, баланса и сочувствия. В Коране зеленый цвет, в отличие от черного и желтого, воспринимается только с позитивной точки зрения: «Именно им уготованы сады Эдема, в которых текут реки. Они будут украшены золотыми браслетами и облачены в зелёные одеяния из атласа и парчи» (Аль-Кахф, 31).

Цветообозначение «желтый» в русском языке и «*зāрд*» (زرد) в персидском языке ассоциируется в первую очередь с солнцем и воспринимается как светлый и легкий, сияющий и возбуждающий, сияющий и согревающий [6, с.36]. Данное восприятие желтого цвета справедливо только для чисто желтого цвета, а именно цвета солнца, цвета золота. Французский историк М. Пастуро при описании желтого цвета высказал свое мнение о том, что «желтый воспринимают позитивно только в одном случае — когда уподобляют его золотому; желтый как таковой, сам по себе, всегда расценивается негативно» [7, с.49].

Синий и голубой цвета часто встречаются в природе, напоминая обо всем небесном, вследствие чего он является признаком мира и чистоты. Голубой цвет в христианстве считается цветом Христа, умиротворения и невинности, а в Коране во многих случаях упоминается вода (море, реки и др.), необходимая для существования жизни на Земле, которая тоже, как известно, обладает большим числом голубых и синих оттенков. Поэтому все оттенки «водных» тонов издавна ассоциировались у людей с благами, которые дарует вода, а упоминание ее в самой главной священной Книге ислама наделило сакральностью не только ее саму, но также присущие ей оттенки. В персидском языке русское слово «голубой» синонимично такому слову как «*аби*» (آبی), а «синий» - «*кабуд*» (کبود). Стоит отметить, что написание и произношение персидского слова «аби»

(آبی) совпадает со всем тем, что связано с водой, т.е. водный [8, с.11].

В современных условиях активного взаимодействия языков и культур сопоставительные исследования представляются чрезвычайно перспективными и позволяют выявить сходства и различия изучаемых языковых единиц, отражающих специфику восприятия действительности представителей того или иного народа. Особенно это представляется интересным и актуальным при сопоставлении фразеологических единиц в различных языках, т. к. именно фразеология «выразительно и ярко отражает специфику и своеобразие языка, культуры, уклада, традиции, истории и менталитета людей, а символика цветообозначений позволяет увидеть картину мира, преломленную в сознании того или иного этноса его глазами» [9, с.179]. В разных культурах и в разных языках один и тот же цвет может символизировать различные явления [10, с.8]. Природа цвета остается неизменной, «однако в сознании людей и в языковом выражении цвета отображаются по-разному» [11, с.262].

Фразеологизмы с компонентом цвет, как и в любых других фразеологизмах имеет переносное значение. Следовательно, такие прилагательные уже не просто называют определенный признак предмета, они обозначают отвлеченное понятие, имеют образность. Тот или иной цвет представляет собой некий символ. Во фразеологии разных народов много общего, так как фразеологизмы отражают общечеловеческие понятия и взгляды на мир. Но большинство фразеологизмов каждого языка отличаются своим национальным колоритом. В данном исследовании мы рассмотрим фразеологические единицы с колоративным компонентом в русском и персидском языках, а также определим какое эмоциональное состояние человека они характеризуют:

- подавленность. Для выражения гнетущего тягостного чувства, душевного томления от безделья, отсутствия интереса к окружающему, невыносимой скуки в русском языке существует выражение *тоска зелёная* [12, с.553]. Говоря о состоянии безысходности, угнетенности, нахождении в безвыходном положении либо когда ничто и никто не радует настолько, что жить не хочется, используют выражение *белый свет не мил* [13, с.597]. Также на состояние отсутствия счастья указывает персидский фразеологизм *сиах бāхт* (*سیاه بخت*), дословно переводимый как «чёрная удача» [14, с.76]. Персидское образное выражение *сиах шодāн* (*سیاه شدن*), буквально переводимое как «стать черным», указывает на то, что человек к которому обращено данное выражение, находится в безрадостном, мрачном состоянии, стал несчастным [14, с.76]. Находиться (быть) в подавленном, угнетённом состоянии в следствии большой занятости, не имея покоя и отдыха, характеризует фразеологизм *света белого не видеть* [13, с.598]. Русский фразеологизм *видеть (смотреть) в черном свете (цвете)* характеризует пессимистичное состояние, где все представляется хуже, чем есть на самом деле:

— Ты, крестный, видишь все в черном цвете.

Гейнце Н. Э. «Тайна высокого дома (1898)

Болезненное состояние, выражаемое в тоске без основательной причины, мрачном взгляде на жизнь, можно описать русским фразеологизмом *черная меланхолия* [15, с.320]. Думы человека, вызванные различными факторами, такими как стресс, тревога, неудачи, плохое самочувствие, низкое самооценки и т.п. в русском языке получили образное выражение *черные мысли*:

— Ты — ешь, ешь больше! — внушала она. — И не хочется, а — ешь. *Черные мысли* у тебя оттого, что ты плохо питаешься. Самгин старший, как это по-латыни? Слышишь? В здоровом теле — дух здоровый...

Горький Максим «Жизнь Клима Самгина» (1936)

Русские фразеологизмы *чернее ночи* и *чернее тучи* служат отражением состояния человека, сообщая о том, что человек находится в очень угрюмом, мрачном, хмуром или плохом настроении, погружённый в тяжёлое раздумье [16, с.742].

- **раздражение.** Фразеологизм *довести (доходить) до белого каления* указывает на то, что человек доведен до крайней степени раздражения, лишаясь самообладания и самоконтроля, испытывая злость и ярость [17, с.21]. У данного выражения есть и персидский эквивалент: *аз куре дār rāftān* (از کوره در رفتن), что буквально означает «выйти за края» или *асбаб-е mān хурд кārди* (اسباب من هرد کردی), в дословном переводе «ты измельчил мои нервы». Фразеологизм *зārдаб рихтāн* (زرداب ریختن), дословно переводимое как «лить жёлтую воду», указывает на то, что тот, к кому обращено данное выражение, находится в плохом, злобном, раздражительном настроении и данный фразеологизм близок к русскому: метать гром и молнии [18, с.759]. Находясь под властью эмоций происходит изменение цвета лица на красный и персидский фразеологизм *соркх (ва зārд) шодāн* (سرخ (و زرد) شدن), буквально означающий «стать красным (и жёлтым)» описывает данное изменение цвета лица, которое наступает вследствие смущения или раздражения. Также данное выражение может быть употреблено, когда человек бледнеет либо конфузится. Данный фразеологизм соответствует русскому: измениться в лице [19, с.325]. Фразеологизм *как красная тряпка для быка* (как бык на красную тряпку) [20, с.356] возник как ассоциация с испанской корридой, где матадор, чтобы привлечь внимание быка к себе и разозлить его, размахивает перед ним красной тряпкой. В русском языке данный фразеологизм имеет следующее значение: вызванное кем-то или чем-то состояние крайнего раздражения, недовольства и т.п.

- **бесцельность.** Неодобрительным разговорным выражением в русском языке служит фразеологизм *коптить белый свет*, характеризующий человека, который бесцельно проживает свою жизнь, не принося никому и ничему пользы [13, с.596].

- **паника.** Персидский фразеологизм *сефид чешм шодāн* (سفیدچشم شدن), буквально означающее «сделать белые глаза», служит образным выражением для состояния паники или боязни.

- **угнетение, притеснение.** Персидское выражение *сепид кари* (سپید کاری), дословно переводимое как «белая работа», характеризует человека как угнетенного, терпящего притеснения [21, с.945]:

ولیک خوش نبود کز سپید کاری خویش || ز ظلم سپیدم بخلق بنمائی

مجید بیلقانی

Но ты *притесняешь* меня // Показываешь всем мои седые волосы.

Маджид Билгани

Сурово, строго обращаться с кем-либо (плохо кормить и одевать), притеснять кого-либо характеризует русский фразеологизм *держат в черном теле* [22, с.349].

- **благодарность.** Благодарность гостя за оказанное гостеприимство можно выразить при помощи персидского фразеологизма *сири шома ру сефиди маст* (سیری شما رو سفیدی ماست), которое дословно можно перевести как «сытость ваша – белое лицо наше» [23, с.128].

- **удовлетворение.** Персидское выражение *руе кәси ра сефид кәрдән* (روی کسی را سفید کردن), которое на русский язык можно перевести как «сделать чье-то лицо белым», применяется как разговорное и означает оправдание чьего-то доверия или надежды [18, с.735]. Персидский фразеологизм *ру сефид шодән (дәр амәдән) пиш-е кәси* (روسفید شدن (در آمدن) پیش کسی), буквально переводимый как «сделать лицо белым перед кем-то/предстать с белым лицом перед кем-то», имеет следующие значения: 1) обелить себя в чьих-то глазах; 2) оправдаться перед кем-либо; 3) восстановить свою репутацию [19, с.290]. Образным выражением при намерении восстановить чью-то репутацию либо обелить, оправдать кого-либо является фразеологизм *ру сефид кардән кәси ра* (رو سفید کردن کسی را), буквально переводимый как «сделать чье-то лицо белым» [19, с.290]. Устаревшее значение, означающее не платить налогов, податей, выражает русский фразеологизм *жить на белой земле*. В настоящее время данное выражение употребляют говоря о благополучной и спокойной жизни [24, с.251]. Комфортные условия жизни или работы, без трудностей и забот характеризует фразеологизм *как белые люди* (как белый человек):

Ну, Катюха, заживём мы теперь с тобой, как белые люди, – радостно воскликнул муж, потеревив супругу за худенькие плечи.

Ольга Вольная «Три звезды» (2019)

Персидское выражение *сефид бәхт* (سفیدبخت), буквально означающее «белая удача», характеризует человека как счастливого, которому благоприятствует удача и успех [14, с.47].

Крылатым стало после выхода романа И.Ильфа и Е.Петрова «Золотой теленок» выражение *на блюдечке с голубой каёмочкой (подать, принести, получить)*, которое означает получение чего-то желаемого легко, без собственных усилий и забот, в готовом виде [24, с.44]. Данное выражение может употребляться как с чувством гордости в легкости получения желаемого, так и с осуждением, укором, а порой и с обидой, что кто-то получает желаемое без приложения каких-либо усилий.

- **защита.** Персидская поговорка *аге пиш хәме шәрмәндзам пиш габл кар ру сефидәм* (اگه پیش همه شرمند ام پیش فاعل کار رو سفیدم), буквально переводимое как «если перед всеми мне будет стыдно, перед этой работой я чист», говорит в защиту себя тот, кто защищается от нападков в обвинении в неблаговидном деле, которое он не совершал [25, с.23].

- **недоверие.** Ложь – фундаментальный фактор социальных и личностных отношений, она неизбежно присутствует во всех формах деятельности коллективных, институциональных и индивидуальных субъектов [26, с.78]. Но если от кого-то слышат неоднократно неправду, то осуждение этого можно выразить персидской пословицей *агәх беге маст сефиде, мән мигәм – сияхе!* (اگه بگه ماست سفیده، من میگم سیاهه!), которую буквально можно перевести «если он говорит что йогурт белый, я скажу что чёрный» [25, с.23].

[с.23\]](#).

- **презрение.** Выражение презрения, ненависти к кому-либо может быть выражено при помощи фразеологизма *видал в гробу в белых тапочках*, закрепившегося в языке после выхода художественного фильма «Брильянтовая рука» [\[16, с.74\]](#).

- **беззлобность.** Разговорное, шутливо-одобрительное выражение *белая зависть* служит названием беззлобного желания иметь то, что есть у другого человека, не сопровождающееся злобой, досадой и чувством несправедливости [\[24, с.238\]](#).

- **смущение, волнение.** Выражение *rāng zārди кешидāн* ([с.598\]](#), [\[27\]](#) *رنگ زردی کشیدن*), буквально перевести который можно как «рисовать жёлтой краской», означает испытывать смущение, стеснение (букв. «рисовать жёлтой краской») и соответствует русскому: краснеть. Персидский фразеологизм *му-е сефид месле дāндан* (*مو سفید مثل دندان*) указывает на то, что человек находится в состоянии волнения. У человека, испытывающего сильное волнение из-за переполняемых чувств, наблюдается прилив крови к лицу, вследствие чего его лицо краснеет и в таких случаях используются такие выражения как *краснеть как рак (помидор)*, *краснеть до корней волос (до ушей)* ([\[15, с.121\]](#)).

— Дарья Александровна, — сказал он, *краснея до корней волос*, — я удивляюсь даже, что вы, с вашей добротой, не чувствуете этого. Как вам просто не жалко меня, когда вы знаете...

Толстой Л. Н. «Анна Каренина» (1877)

- **триумф.** С давних времен *белый конь* ассоциировался с победой и триумфом. Исходя из этой ассоциации в русском языке закрепилось выражение *войти (въехать) на белом коне*, имеющее значения: управлять положением, быть значимым человеком, войти триумфально, победителем.

- **утешение.** Трудности, которые преследуют долгое время отрицательно сказываются на психоэмоциональном состоянии человека и он постоянно находится в ожидании, что что-то опять плохое может произойти. Персидская поговорка *руз хае сия кута аст* (*روز های سیاه کوتاه است*) ([с.214\]](#), [\[28\]](#)), дословно переводимая как «черные дни короткие», служит утешением и напоминанием о том, что все плохое скоро закончиться. То же значение имеет и выражение *пайане шāб-е сиях сефид аст* (*پایان شب سیاه سفید است*) ([с.148\]](#), [\[28\]](#)), буквально означающее «конец чёрной ночи всегда белый», подразумевая к тому же, что после плохого всегда будет хорошее. Для того чтобы человека обнадежить и сказать что-то в утешение в персидском языке используют фразеологизм *бāлатār аз сияхи рāнги нист* (*بالا تر از سیاهی رنگی نیست*), дословно переводимый как «выше черного другого цвета нет», говоря тем самым, что хуже того, что уже случилось, не будет. Такое же значение имеет и персидская поговорка *нā афтаб аз ин гāрмтār ми шāвād вā нā гколам аз ин сиатар* (*نه آفتاب از این گرم تر می شود نه غلام از این سیاه تر*), буквально переводимая как «ни солнце не может быть горячее этого, ни раб чернее» [\[19, с.339\]](#). У данных фразеологизмов имеются и русские эквиваленты: где наша не пропадала, ничего не может быть хуже или ниже земли не упадёшь.

- **неоправдание надежд.** Персидское выражение *руе кāси ра сиях кārдāн* (*روی کسی را سیاه کردن*), которое на русский язык можно перевести как «сделать чье-то лицо черным», применяется как разговорное и означает не оправдание чьего-то доверия или надежды

[18, с.735]. Также данный фразеологизм, но в немного измененном варианте, а именно *ру сиях кардāн кāси ра* (¹⁹) (*رو سیاه کردن کسی را*, с.290], имеет значение «опозорить, запятнать, очернить кого-то». Персидская пословица *земестан тāмам шод, ру сияхи бэ зокгаль манд* (²⁸) (*زمستان تمام شد روسیاهی به ذغال ماند*, с.218], дословно переводимая как «зима закончилась, а лицо осталось черным как уголь», содержит осуждение и обращена к тем, кто мог, но не оказал помощь в трудное, сложное время. Не оправдать надежд или оказаться в глупом положении – данные состояния характеризует персидский фразеологизм *то зāрд дāравордāн* (*توزرد درآوردن*), буквально означающий «ты принес желтое»), который соответствует русскому: *сесть в калошу* [19, с. 301].

- **уверенность в своих поступках, действиях.** Защищая свою свободу, сохраняя свою гордость и независимость в персидском языке используют фразеологизм *мерг сирх бе аз* (*مرگ سرخ به از*) (*زندگی ننگین* (*mākgе sorкx, бе аз зендеги nāngин*)) [29, с.139], который соответствует русскому: *лучше умереть стоя, чем жить на коленях*, сообщаящий о том, что ни в каких ситуациях человек не должен терять собственное достоинство. Буквально перевести данный фразеологизм можно как «красная смерть от позорной жизни». Также данное выражение может быть призывом к активным гражданским действиям в борьбе за свободу и независимость. Фразеологизм *хāрфэ кход ра сāбз кāрдāн* (*حرف خود را سبز کردن*), буквально означающий «сделать свой разговор зелёным», означает то, что человек придерживается собственной точки зрения, т.е. настаивает на своем, или доказывает свою точку зрения [19, с. 169]. Отстаивание собственной точки зрения, настаивание на своем характеризует выражение *сāбз кāрдāн* (*سبز کردن*), которое дословно переводится как «делать зеленым» [14, с. 17]. Выразить уверенность в своих силах, можно при помощи персидского фразеологизма *туе āлāфе сāбз нāшодэим* (*توی علف سبز نشده ایم*), которое означает «мы не стали зелеными сидя в траве» [14, с. 189, 209].

- **недовольство.** Фразеологизм *гори всё синим пламенем* употребляется для выражения недовольства кем-либо или чем-либо, а также в ситуациях, когда говорящий оказывается в трудном, незавидном положении, испытывая большие неприятности или находиться под угрозой срыва [24, с. 502].

- **гнев.** В персидской культуре человека, испытывающего гнев или крайнюю степень раздражения, вследствие каких-либо событий, могут характеризовать такие персидские фразеологизмы как *чешм соркх кāрдāн* (*چشم سرخ کردن*), *гермез сухте* (*قرمز سوخته*) и *соркх ру* (*سرخ رو*), которые буквально переводятся как «сделать глаза красными», «сгоревший красный» и «красное лицо» соответственно. Такое же значение имеет и фразеологизм *месле атāш соркх шодāн* (*مثل آتش سرخ شدن*), который буквально означает «становиться красным как огонь» [30, с. 253]. Образное выражение, с помощью которого оцениваются ситуации совершения человеком зла, коварства в ответ на добро характеризует русский фразеологизм *чёрная неблагодарность*:

— Да, я это давно знала, но забыла, что, кроме низости, обмана, зависти, интриг, кроме неблагодарности самой чёрной неблагодарности, я ничего не могла ожидать в этом доме...

Толстой Л. Н. «Война и мир» Том первый. (1873)

- **злость.** Доведение эмоционального состояния человека до степени сильного раздражения, недовольства и т.п. можно охарактеризовать русским фразеологизмом *позеленеть от злости* [12, с. 552].

- **сомнение.** Выражение сомнения в возможности исполнения чего-либо передает персидский фразеологизм *кашки ра каштāнд, сāбз нāшод* (کاشکی را کاشتند، سبز نشد), который буквально означает «посадили "если бы" - зелёным оно не стало» [29, с. 88]. В адрес того, кто питает несбыточные надежды и часто привык повторять "если бы" применяют персидский фразеологизм *дерāхт "агār" rā каштāнд сāбз нāшод* (درخت "اگر", کاشتند سبز نشد), который дословно переводится как «посадили дерево "если бы" - оно не выросло» [19, с. 219]. Данные фразеологизмы имеют русский аналог: если бы да кабы, да во рту росли грибы, был бы не рот, а огород.

- **готовность к действию.** Фразеологизм *пироханэ сāбз ра пушиде башād* (پیراهن سبز را پوشیده باشد), которое буквально означает «надеть зелёную рубашку», выражает готовность к действию, переменам.

- **усталость.** Пословица *гхām бинāвāян рокхām зāрд кāрд* (غم بینوایان رخم زرد کرد) [с. 182], буквально означающая «печаль бедных сделала мое лицо желтым», говорит о том, что человек чувствует усталость не от работы, а от беспокойства и соответствует русскому: не работа сушит, а забота.

- **стыд.** Персидские фразеологизмы *зāрд рох* (زرد رخ) и *зāрд ру* (زرد رو), буквально означающие «жёлтое лицо», характеризуют состояние человека как пристыженного от страха или стыда или побледневшего в следствии смущения, сконфуженного.

- **грусть.** Фразеологизм *зāрд кāрдāн* (زرد کردن), дословно переводимый как «стать жёлтым», говорит о том, что человек в отношении которого применяют данное выражение испытывает грусть от печали или любви и близок по значению русскому выражению потерять себя:

من از بی نوائی نیم روی زرد || غم بی نوایان رخم زرد کرد

(سعدي)

У меня от беспомощности пол-лица побледнело || Горе бедняков вызывает на лице моем грусть.

(Саади)

Для исследования были отобраны 23 фразеологические единицы русского языка и 40 фразеологических единиц персидского языка, содержащие в своем составе цветообозначение и образно передающих эмоциональное состояние человека. В ходе проведенного исследования установлено, что во фразеологических единицах персидского языка, характеризующих эмоциональное состояние человека, в качестве цветообозначения применялись такие колоративы как белый, черный, красный, зеленый и желтый, а в русском языке, помимо перечисленных выше колоративов, присутствуют также синий и голубой. Проведенный анализ показывает, что фразеологизмы, имеющие в своем составе колоратив «белый» и «красный», могут выражать и в русском и в персидском языках как позитивные, так и негативные эмоциональные состояния. Устойчивые сочетания, содержащие в своем составе колоратив «черный» в русском языке выражает только негативные эмоциональные состояния. В персидском языке цветообозначение «черный» может характеризовать не только негативные эмоциональные состояния, но и позитивные, которые служат напоминанием о том, что все плохое рано или поздно закончиться. А такое эмоциональное состояние как недоверие характеризует фразеологизм, в состав которого входит колоративы «белый» и «черный». Фразеологизмы с цветообозначением «зеленый» в персидском языке в

основе своей характеризуют положительные, а колоротив «желтый» - отрицательные эмоциональные состояния. В русском языке устойчивые выражения с колоративом «зеленый» и «синий» передают негативное состояние человека, а цветообозначение «голубой», в зависимости от ситуации, может характеризовать и положительное и отрицательное эмоциональное состояние.

Библиография

1. Сластникова Т.В. Черкашина Т.В. Цвет и цветообозначение в лингвистических исследованиях: монография. М.: Языки народов мира. 2021. 240 с.
2. Большова А.В. Понятие «цвет» в современной отечественной и зарубежной лингвистике. М.: Наука в мегаполисе. Исследования молодых ученых. 2022. №5(40). Порядковый номер: 10.
3. Шевчук-Черногогорова М.А. Отражение цветовой картины мира во французской и русской фразеологии. М.: Культура народов Причерноморья. 2005. № 66. С. 122-127.
4. Завьялова Н.А. Фразеологические единицы с колоративным компонентом как составляющая дискурса повседневности Японии, Великобритании и России. Екатеринбург. Издательство Уральского университета. 2011. 321 с.
5. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. Киев.: Рад. шк. 1989. 511 с.
6. Иванова Д. Тайный язык цвета. М.: Журнал факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова. №80. 2021. С. 35-40.
7. Пастуро М. Желтый. История цвета. М.: Новое литературное обозрение. 2022. 124 с.
8. Моин Мохаммад Словарь Моин (персидский). Иран. Тегеран.: Рефа. 2007. 1816 с.
9. Матвеева Л. А. Фразеологизмы с цветовым компонентом в английском и русском языках. М.: Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2014. Вып. 29. С. 178-182.
10. Болотина М. А., Шабашева Е. А. Символика цвета в русском и английском языках. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Филология, педагогика, психология». 2011. Вып. 2. С. 7-12.
11. Куличенко Ю. Н., Королевская Е. М. Символика зеленого цвета во фразеологической картине мира: сопоставительный аспект. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 262-264.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство "Азъ". 1992. 2314 с.
13. Мокиенко В.М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Медиагрупп Алма. 2007. 785 с.
14. Рубинчик Ю.А. Персидско-русский словарь: в 2 томах. 3-е издание. Стереотип. М.: Русский язык. Т. 2. 1985. 864 с.
15. Фразеологический словарь русского языка. под ред. А.Н. Тихонова. сост. А. Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Ломова Л.А. М.: «Русский язык-Медиа». 2007. 340 с.
16. Федоров А.И. Фразеологический словарь современного русского языка. 3-е изд. М.: Артель: АСТ, 2008. 878 с.
17. Словарь русского языка. под ред. А. П. Евгеньевой: В 4-х т. РАН, Ин-т лингвистич. Исследований. 3-е изд. М.: Русский язык. Том 2. 1988. 736 с.
18. Рубинчик Ю.А. Персидско-русский словарь: в 2 томах. 3-е издание. Стереотип. М.: Русский язык, Т.1. 1985. 800 с.
19. Голева Г.С. Фарси-русский фразеологический словарь. М.: Грааль, 2000. 555 с.
20. Толковый словарь русского языка под ред. Дмитриева Д. В. М.: Астрель, 2003. 1582 с.
21. Декххода Али-Акбар Толковый словарь персидского языка: в 4 томах. 6-е изд. Т. 2. Иран. Тегеран: Сепāхр, 1994. 1175 с.

22. Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой: В 4-х т. РАН, Ин-т лингвистич. Исследований. 3-е изд. М.: Русский язык. Том 4. 1988. 797 с.
23. Мохаммад Садеги Сиар Красивейшие персидские пословицы и поговорки. Иран. Тегеран. Энтешарате сафир-е галам. 2022. 200 с.
24. Большой словарь русских поговорок под. Ред. Мокиенко. М.: Олма Медиа групп, 2007. 785 с.
25. Сохейли Мехди Знаменитые иранские пословицы. Иран, Тегеран. Голь Ара. 2005. 215 с.
26. Чахоян А.С. Понятие лжи: дифференциальная диагностика. М.: Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 2. С. 74-79.
27. Декххода Али-Акбар Толковый словарь персидского языка. Иран, Тегеран: Рузана. 1994. 2455 с.
28. Курагали Халег Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова. Иран. Тегеран: Изд. «Ки» 1992. 625 с.
29. Фарсадманеш Сафар-Али, Ежова Л. Русско-персидский словарь пословиц и поговорок. Иран: Тегеранский университет. 2005. 320 с.
30. Рубинчик Ю. А. Основы фразеологии персидского языка. М.: Наука, 1981. 276 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Актуальность рецензируемой статьи заключается в частности рассмотрения вопроса: автор касается проблемы выражения эмоционального состояния человека при помощи фразеологических единиц с цветовым компонентом. Данный ракурс, несомненно, интересен, конструктивен, концептуален. Как отмечено в начале исследования, «цвет является одной из категорий познаний мира, а совокупность представлений и знаний о цвете составляют цветовую картину мира народа, находящую свое отражение в языковой картине мира того или иного народа. Языковая картина мира - исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ восприятия и устройства мира, концептуализации действительности, возникающая как в рамках повседневной жизни, так и в ходе духовной деятельности человеческих сообществ». Должный формат научного исследования выдержан в пределах темы, автор обозначает, что «В персидском языке русское слово «белый» синонимично таким словам как «сефид» (سفید) и «сепид» (سپید) и в сопоставляемых языковых картинах мира ассоциируется с чем-то светлым, чистым, божественным: в христианстве и в исламе белый цвет является знаком света и божественным символом, выражает чистоту и духовность, в сознании людей он воспринимается как символ прозрачности и святости», «черный цвет как в русской так и в персидской культуре является «основным» цветом, который несет смысловое значение. В персидском языке русское слово «черный» синонимично таким словам как «сиах»* (سیاه) и «мешки» (مشکی). Негативные, мрачные эмоции, несчастье, трудности видятся русскому человеку в черном цвете». Фактические составляющие верифицированы, серьезных разночтений не выявлено. Объективный ценз касается тематических крайностей. Например, «Фразеологизмы с компонентом цвет, как и в любых других фразеологизмах имеет переносное значение. Следовательно, такие прилагательные уже не просто называют определенный признак предмета, они обозначают отвлеченное понятие, имеют образность. Тот или иной цвет представляет собой некий символ. Во фразеологии разных народов много общего, так

как фразеологизмы отражают общечеловеческие понятия и взгляды на мир», или «болезненное состояние, выражаемое в тоске без основательной причины, мрачном взгляде на жизнь, можно описать русским фразеологизмом черная меланхолия. Думы человека, вызванные различными факторами, такими как стресс, тревога, неудачи, плохое самочувствие, низкое самооценки и т.п. в русском языке получили образное выражение черные мысли: — Ты — ешь, ешь больше! — внушала она. — И не хочется, а — ешь. Черные мысли у тебя оттого, что ты плохо питаешься. Самгин старший, как это по-латыни? Слышишь? В здоровом теле — дух здоровый...» и т.д. Цитатный план полновесен, сложен, функционален. Примеры даны в режиме синтеза, что важно для данного исследования: « - защита. Персидская поговорка *аге пиш хāме шāрмāндэам пиш габл кар ру сефидāм* (اگه پيش همه شرمند ام پيش فاعل کار رو سفیدم), буквально переводимое как «если перед всеми мне будет стыдно, перед этой работой я чист», говорит в защиту себя тот, кто защищается от нападков в обвинении в неблаговидном деле, которое он не совершал. - недоверие. Ложь – фундаментальный фактор социальных и личностных отношений, она неизбежно присутствует во всех формах деятельности коллективных, институциональных и индивидуальных субъектов. Но если от кого-то слышат неоднократно неправду, то осуждение этого можно выразить персидской пословицей *агāх беге маст сефиде, мāн мигām – сияхе!* (اگه بگه ماست سفیده، من میگم!) (سیاهه), которую буквально можно перевести «если он говорит что йогурт белый, я скажу что чёрный» и т.д. Таким образом подтверждается конфигурация смыслов и оценок исследуемой проблемы. Работы финально завершена, ее вид вполне выверен, концепция прозрачна и точна. Итоговый блок вмещает данные, что «эмоциональное состояние как недоверие характеризует фразеологизм, в состав которого входит колоративы «белый» и «черный». Фразеологизмы с цветообозначением «зеленый» в персидском языке в основе своей характеризуют положительные, а колоротив «желтый» - отрицательные эмоциональные состояния. В русском языке устойчивые выражения с колоративом «зеленый» и «синий» передают негативное состояние человека, а цветообозначение «голубой», в зависимости от ситуации, может характеризовать и положительное и отрицательное эмоциональное состояние». Считаю, что материал практически оправдан, его можно использовать в вузовской практике. Рекомендую статью «Выражение эмоционального состояния человека при помощи фразеологических единиц с цветовым компонентом в русском и персидском языках» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ло С. Частотность употребления слова «Тибет» в русскоязычном дискурсе 18-20 вв. // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70249 EDN: NLAVHV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70249

Частотность употребления слова «Тибет» в русскоязычном дискурсе 18-20 вв.

Ло Сюе

аспирант, кафедра русского языка, Московский Государственный университет имени М.В. Ломоносова

119415, Россия, г. Москва, ул. Кравченко, 7

✉ syue.lo@yandex.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70249

EDN:

NLAVHV

Дата направления статьи в редакцию:

26-03-2024

Аннотация: Научная статья посвящена анализу причин появления «трёх пиков» употребления слова "Тибет" с 18 века по сегодняшний день в национальном корпусе русского языка с помощью рассмотрения сочетаемости со словом "Тибет" в текстовых материалах, что позволяет сделать выводы о динамическом восприятии образа Тибета носителями русского языка. В статье был исследован образ Тибета по материалам из НКРЯ. Автор выделяет такие характеристики образа Тибета, как сложность расположения, трудность пути, связь с религиозно-мистическим мировосприятием, таинственность и т.д. Анализ процесса оформления образа Тибета отражает развитие отношений между Китаем и Россией. Мы использовали основной корпус НКРЯ для анализа употреблений слова "Тибет" с 18 века по сегодняшний день. Количество словоупотреблений показывает три так называемых «пика», приходящихся на 1740–2000г. Метод и методология исследования. Исследования базируется на таких методах исследования, как частотный и описательный. Частотный метод помогает определить количество словоупотреблений в разные годы и выделить три "пика" употребления слова "Тибет". Описательный метод позволяет проследить особенности употребления слова "Тибет" в данный момент. Было выявлено, что первый пик употребления слова

Тибет – конец 19-ого века. В конце 19-ого века Тибет является неизвестным для русских регионом. Оформлению образа Тибета помогает текстовая информация, исходящая из научных и торговых экспедиций. Большинство слов, сочетающихся со словом Тибет, задают вектор движения в новую для россиян страну. Второй пик словоупотребления приходится на 1926 г. В это время знание русских людей о Тибете стало более глубоким в аспектах религии и туризма, описание Тибета становится более детальным. Во время третьего пика словоупотребления (2009 г.) с непрерывным развитием и популяризацией тибетской культуры в России всё больше внимания уделяется описанию образа Тибета, и работ, посвященных Тибету, рекламы тибетских клиник, текстов тревел-блогов о Тибете становится всё больше. Таким образом, изучение образа Тибета является актуальным для современной лингвистики. Материалы статьи могут быть использованы для разработки учебных материалов, а также будут полезны при изучении динамического аспекта картины мира.

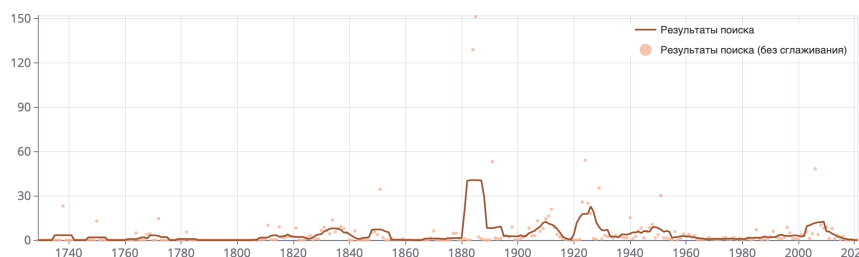
Ключевые слова:

частотность, языковая картина мира, Тибет, образ Тибета, сочетаемость, образ, имагология, метафора, корпусные исследования, национальный корпус РЯ

С непрерывным развитием и популяризацией тибетской культуры в России всё больше внимания уделяется описанию образа Тибета, и работ, посвященных Тибету, рекламы тибетских клиник, текстов блогов о Тибете становится всё больше. Эти тексты, являющиеся основными источниками знания о Тибете в русском языке, сыграли важную роль в процессе создания образа Тибета. Образ представляет собой объект изучения нескольких наук: философии, психологии и филологии [1-5]. Г. В. Ф. Гегель отмечает: «Образ оказывается как бы посередине между непосредственной чувственностью и принадлежащей области идеальной мыслью и представляет в одной и той же целостности как понятие предмета, так и его внешнее бытие» [3]. В. А. Канке указывает, что «любое конкретно-научное рассмотрение не будет достаточно эффективным без философского анализа, поскольку в этом случае оно лишается своей необходимой основы» [6]. Изучение образа чужой страны, другого народа является сферой исследования такой молодой отрасли науки, как имагология. А.Р. Ощепков определяет имагологию как «сферу исследований в разных гуманитарных дисциплинах, занимающуюся изучением образа «чужого» (чужой страны, народа и т.д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи» [7]. Имагология в книге «Сравнительное литературоведение» обозначается французским исследователем И. Шеврелем как актуальный вектор современной компаративистики, системно изучающий представления одного народа о другом [8].

«В понятийном аппарате имагологии понятие образ имеет и широкое, обобщающее значение, и более узкое, конкретное, в качестве одного из «инструментов» (или «механизмов») рецепции и репрезентации», - отмечает В.Б. Земсков [9]. Образ страны и ее жителей воплощается главным образом в сочетаемости слова – названия страны – и в тех метафорах, с помощью которых ее описывают. В данной статье мы сосредоточимся на сочетаемости слова.

В национальном корпусе русского языка (НКРЯ) слово "Тибет" упоминается в 521 текстах. С 1762 г. до 2021 г. мы можем увидеть три пика употребления слова "Тибет".

Цель статьи – проанализировать частотность употребления слова «Тибет» и причины появления трёх "пиков".

Представления о Тибете начали формироваться в русской языковой картине мира начиная с середины 18 века. Первоначально Тибет воспринимался сквозь призму пейзажных и этнографических описаний. Их появление было связано с тем, что с середины – конца 18 века Российская империя активно осваивала новые пути торговли в восточном направлении.

С конца XIX по начало XX века Тибет начал испытывать давление со стороны двух новых сил, возникших в Азии: Британия, управлявшая Индией, с 1833 года методично распространяла свое влияние на север в сторону Гималаев, тем временем Россия поглощала земли центральной Азии, расширяя свою империю на востоке. Империалисты усилили агрессию против Китая, а Тибет, расположенный на юго-западной границе, стал важным объектом для России, Англии и других стран. Являясь авангардом агрессии против Китая, царская Россия направила целых 13 отделений экспедиций. В это время встречается много упоминаний о Тибете в различных источниках.

Большинство текстов о Тибете рассказывает о путешествии в этот неизвестный ранее регион. В контекстах частотны такие глаголы, как *идти*, *пойти*, *сходить*, *двинуться*, *отправиться*, *махнуть*, *ехать*, *проехать*, которые задают вектор движения в новую для россиян страну:

*Первоначальный план заключался в том, чтобы сходить на Лоб-нор, обследовать, насколько возможно, это озеро и его окрестности, а затем вернуться в Кульджу, сдать здесь собранные коллекции и, забрав остальные запасы, **двинуться в Тибет**.* [13]

*Через Лоб-нор в **Тибет** нельзя **итти**: 1) нет верблюдов, 2) дурная дорога, 3) нет проводников, 4) не хватит сил вновь испытать все гадости.* [13]

*Сегодня я решил, если не поправлюсь к 2 декабря, то пойду обратно в Зайсанский пост, чтобы вылечиться в госпитале и здоровым **пойти** опять к Гучену и в **Тибет**.* [13]

*Больной теперь, я почти наверное не мог бы **сходить в Тибет**.* [13]

*Будем лечиться, а затем в половине февраля опять **махнём в Тибет**.* [13]

*Богдыхан велел его арестовать, но Кутухта ушел из-под ареста и **отправился в Тибет**.* [13]

*— Ну, это мудрено, — сердито усмехнулся я, — **ехать в Тибет** мне далеко не по средствам.* [13]

*Он **проехал** из Пекина через **Тибет**, прибыв в Дарджилинг в то время, когда мы там были в 1891 году, и, по словам нашего нового знакомого, вернувшегося лишь несколько*

недель тому назад оттуда, по сих пор еще живет в Дарджилинге, так как китайское и английское правительства не успели за все эти года прийти к соглашению. [\[13\]](#)

Трудность путешествия описывается с помощью глагола *пробраться*:

Пржевальский выступил из Калгана с намерением **пробраться** в **Тибет** и дойти до Хлассы. [\[13\]](#).

Непростое путешествие требует серьезной подготовки, о которой говорят глагол *снаряжаться* и отглагольное существительное *снаряжение*:

Отправивши все эти коллекции, Николай Михайлович начал **снаряжаться** в **Тибет**. [\[13\]](#)

Глава IV **Снаряжение** в Тибет. — Из Кульджи в Гучен. [\[13\]](#).

Тибет как важное направление актуализируется в сочетании с такими существительными, как *путь*, *путешествие*, *экспедиция*:

По совету своего сослуживца по Генеральному Штабу, Певцова, путешествовавшего по Китаю, он избрал **путь в Тибет** через города Гучен и Хами, а оттуда в Цайдам, на верховья Голубой реки и наконец в Хлассу, заветную цель стремлений. [\[13\]](#)

Впрочем, туча эта уже миновала; прояснило немного и наше небо, но на горизонте стоят новые, быть может, более грозные тучи, — это предстоящее **путешествие в Тибет**. [\[13\]](#)

Как ни тяжело мне, но нужно покориться необходимости — и отложить **экспедицию в Тибет** до более благоприятных обстоятельств. [\[13\]](#)

Тибет – страна пока неизвестная. Это качество Тибета выражается в сочетании с прилагательным *неведомый*, причастием *нетронутый*:

Мы идем исследовать **неведомый Тибет**, сделать его достоянием науки. [\[13\]](#)

Теперь дело сделано лишь наполовину: Лоб-нор исследован, но **Тибет остаётся еще нетронутым**. [\[13\]](#).

Об этом регионе ходит много слухов, что подкрепляется вводным словом *говорят*, глаголом *мечтать*, существительным *воображение*. Будущие выгоды от освоения Тибета поддерживаются такими выражениями, как *богатства Тибета*, *выгоды эксплуатации*, *возможность протектората*:

Говорят, что **Тибет** богат минералами, но это пока мало доказано, и вообще «**богатства Тибета**» и выгоды эксплуатации их проблематичны, так что, повторяю, воображение тех, кто мечтает о **возможности протектората** России над Тибетом, заходит дальше вероятного. [\[13\]](#)

Тибет находится на юго-западе тибетского плато, граничит с несколькими странами, такими как Бирма, Индия, Бутан, Непал и т.д. В некоторых контекстах упоминаются особенности этих стран, например, *монгольский язык*.

Начать с того, что, двинувшись из Кяхты, мы направлялись до самого Тибета знакомым, дважды, местами даже трижды, нами пройденным путем, следовательно, в крайнем случае могли обойтись и без вожakov; затем до самой Гань-су нигде не встречали китайцев, с деморализованными солдатами которых легко могли бы иметь столкновение,

следуя по Восточному Туркестану; далее, мы приобретали в Северной Монголии наилучших, приученных к постоянным караванным движениям, верблюдов; в Забайкалье можно было лично выбрать конвойных казаков, из которых многие знают **монгольский язык, употребляемый и в Тибете**; наконец, следуя из Кяхты, мы меньше возбуждали подозрений в китайских властях, даже в Пекине, чем **направляясь в Тибет** с ближайших к нему местностей нашей границы по враждебному китайцам магометанскому населению Кашгарии. [\[13\]](#)

Во многих контекстах описываются особенности маршрута в Тибет: через пустыни, лесистые горы, истоки Желтой реки. В нелегком путешествии помогают проводники: пундиты и гыгены.

Этот путь лежал поперек пустыни, имеющей 120 в. в поперечнике до оазиса Са-Чжеу, за которым стояли лесистые горы Гань-су; далее находился Цайдам и **северный Тибет**. [\[13\]](#)

Наконец, недавно, именно в 1881 г., через истоки Желтой реки прошел один из пундитов (обученный съемке индус), которых по временам секретно **снаряжает в Тибет** Ост-Индское геодезическое бюро. [\[13\]](#)

Из Зайсана через Хами в **Тибет** и на верховья Желтой реки [\[13\]](#)

Затем отыскал в Монголии таким же способом другого гыгена-мальчика и, держа его на руках, **повез в Тибет**. [\[13\]](#)

Тибетская местность обладает сложным рельефом, она очень многообразна. Средняя высота Тибета над уровнем моря составляет 4000 метров. В тибетской области более 50 вершин на высоте 7000 метров, из которых 11 вершин – на высоте 8000 метров. В контекстах для описания Тибета используются существительные *гора, долина, топь* и прилагательные *горный, высокий, непроходимый, негостеприимный*.

Тибет — негостеприимная страна и в том еще смысле, что средний уровень высоты ее над уровнем моря можно считать в 14 000 — 15 000 футов; есть, конечно, места более низкие, но в общем, с вершинами этого **высочайшего в свете горного узла**, средняя цифра высоты всего плато весьма высока. [\[13\]](#)

Проводники наши, не один десяток раз охотившиеся на той стороне описываемых **гор**, сообщили нам, что если идти к югу по старой дороге, которую прежде (до дунганского восстания) калмыки ходили в **Тибет**, то тотчас же за Алтын-тагом расстилается высокая **равнина**, шириною вёрст пятьдесят. [\[13\]](#)

Кроме охотничьих тропинок, в описываемых **горах** существуют две дороги: одна ведёт от Лоб-нора в **Тибет**, другая — в город Ша-чжеу [видимо, Су-чжоу]. [\[13\]](#)

В начале прошлого столетия китайский император Кан-си послал своего дядю с конвоем солдат в **Тибет**, чтобы **описать** эту страну. [\[13\]](#)

Обилие последней было так велико, что весь Северо-восточный **Тибет**, не только в долинах, но даже и на горах, часто представлял **непроходимые топи**. [\[13\]](#)

Косолапый зверь объедается этими ягодами в продолжение двух осенних месяцев и затем возвращается на зимнюю спячку в **Тибет**; вероятно, также залегает и в окрестностях Цайдаму тибетских гор. [\[13\]](#)

Тибет популярен как место летнего отдыха короля и ламы, о чем говорит словосочетание *летняя дача*:

*Через хребет, загораживавший дорогу со стороны Томлонги, король Сиккима, его приближенные и сам купген-лама ежегодно перебираются в **Тибет, как на летнюю дачу**, и мне, признаюсь, очень хотелось заглянуть туда: до Лассы там всего несколько небольших переходов.* [\[13\]](#)

Кроме того, Тибет известен как родина особой породы собак:

Родиной щетинистых брудастых собак надо считать средне азиатские горные возвышенности Тибет и Гималай. [\[13\]](#)

Освоение Тибета может способствовать развитию торговли, про которую говорят слова *товары, чай, монета, подать, торговля, торговец*, названия тканей *ямба, бязь*:

*Между тем на этот край ежегодно отпускалось китайским правительством несколько миллионов на жалованье войскам и чиновникам, которые нуждались не в продуктах кочевого народа; этим-то и воспользовались наши русские торговцы, впереди которых шли татары; они стали, так-сказать, нанимать султанов, чтоб они их выдавали за своих посланцев, и таким образом в Россию, которая в торговле со всеми другими странами всегда доплачивала звонкою монетой, только из одного этого края стали вывозиться знаменитые ямбы (юаньбао) и дешевые бязи, которыми туркестанцы уплачивали китайцам свои подати; **русские же товары проникали** отсюда даже во внутренний Китай и **Тибет**.* [\[13\]](#)

*Китайцы также фабрикуют кирпичный **чай, идущий** главным образом в **Тибет** и Монголию.* [\[13\]](#)

Путешествие в Тибет способствовало культурному обмену, в конце 19 века россияне начали узнавать религию Тибета, об этом говорят в текстах слова *лама, далай-лама, батырь-лама, буддизм, гыген*, которые характерны для тибетской религии:

*Когда наступает подобный торжественный день, **ламы**, с разными приличными случаю церемониями, отправляются в **Тибет**, отыскивают там какое-нибудь богатое благочестивое семейство и объявляют ему, что Хутухта, как видно из священных тибетских книг, переселился в душу их сына.* [\[13\]](#)

*Этому **ламе** платятся и подати, часть которых, однажды в три года, отсылается в **Тибет**.* [\[13\]](#)

*Много лет тому назад **далай-лама** послал своего батырь-ламу (богатырь-лама) на север разыскать двух гыгенов (воплощенное божество) и оставить одного из них в Богдо-курени (Урге), другого же привезти в **Тибет**.* [\[13\]](#)

*Тогда **батырь-лама** отсек саблей верхнюю половину туловища и **повез** ее с собой в **Тибет**.* [\[13\]](#)

Главным центром северного буддизма является **Тибет**, а затем Китай, Япония, Непал, Монголия, а также он распространен среди бурят и калмыков. [\[13\]](#)

Буддизм, как незнакомая русским людям религия, часто воспринимается как мистическое откровение, а сам Тибет – как священная земля, полная чудес.

Он не был в состоянии ни сделать ее призрак постоянным явлением, ни одухотворить его: для этого ему нужен был Огненный Цвет. Он отправился в Тибет. Опоздав к цветению Огненного Цвета на месте, он выкопал несколько кустов драгоценного папоротника и с величайшими предосторожностями перевез их в Россию, надеясь, через семилетний срок, овладеть цветом без новых трудов и испытаний. [13]

Второй пик употребления слова «Тибет» можно связать с экспедицией Николая Рериха в Тибет в 1924 г. Одной из её целей было установление дружеских отношений с Далай-ламой и Таши-ламой. Н. К. Рерих подробно описывает местные условия и нравы в Тибете в форме дневников. Результатом становится книга «Сердце Азии». [10]. События первой Центральноазиатской экспедиции нашли отражение в дневниках Н. К. Рериха «Алтай-Гималаи» и Ю. Н. Рериха «По тропам Срединной Азии». В 1990-е годы были опубликованы дневники других участников Тибетского путешествия, в которых обращено внимание на особую «буддийскую миссию» экспедиции в Лхасу (Рябинин, Портнягин, Кордашевский). Предыстория образа Тибета, описанного в романе «Сердце Азии», такова, что во время экономического кризиса после Первой мировой войны жители Запада в целом чувствовали себя подавленно, а развитие западной культуры находилось в периоде колебаний. В такой турбулентной социальной среде «духовная святая земля», подобная китайскому Тибету, предстала перед жителями Запада, тем самым пробудив бесконечную тоску западных людей по Китаю [11].

Во время второго пика словоупотребления (около 1926г.) россияне постоянно путешествуют в Тибет, об этом говорят существительные *поход*, *полет* и глаголы *приходить*, *отправляться*, *слетать*:

*Последний был очень известный борец за красношапочное учение и действовал энергично не только в Халхе или вообще в Монголии, но даже совершал **походы** на Куку-нор и в **Тибет** и всюду защищал свою старую веру от быстро распространявшейся новой, желтошапочной секты Цзонхавы.* [13]

*Ведь теперь все мировые рекорды в этом отношении: и через моря и океаны, и по сушам осуществлены, остается один на долю нашу — это **полет в Тибет!*** [13]

*Прокладка маршрута по диагонали Урга-Лхаса, СВ-ЮЗ, через Чацеринг-худук, Сого-нор, Су-чжоу, Аньси, Цайдам, Мур-усу и т.д. Вслед за летчиками **приходил** полпред в **Тибет** (бурят), с которым я долго-долго беседовал по поводу его миссии.* [13]

*И если бы только было возможно **слетать** на аэроплане в умственные центры родной страны месяца на три, пожить там, сдать научный материал, пообщаться с друзьями науки, со специалистами, поделиться сведениями с широкой публикой с кафедр больших аудиторий, написать хотя бы краткий отчет и затем, после нежной ласки исключительно родных друзей, вновь **отправиться в заоблачный Тибет**, к фокусу сил буддизма.* [13]

В указанном контексте упоминается прилагательное *заоблачный*, сочетающееся со словом *Тибет*, которое говорит о восприятии этой страны как высокогорной, скрывающейся за облаками. В других контекстах впечатление о Тибете выражается с помощью прилагательных *суровый*, *очаровательный*, *оригинальный*, *своеобразный* и предложно-падежной конструкции с удовольствием:

*Любил и люблю я **суровый Тибет**, люблю и его **оригинальную** природу и **своеобразного** человека.* [13]

Сколько прошло времени с тех пор, когда я впервые увидел Гань-су с Тэтунгом у Чортэнтона и **очаровательный** Кам или Восточный **Тибет**? [\[13\]](#)

С большим бы удовольствием я уступил бы вам Монголию за **Тибет**! [\[13\]](#)

Тибет как новая территория очень интересует русских, это доказывают существительные внимание и популярность:

Моя последняя и предпоследняя («Хара-хото» и **«Тибет»**) книги пользуются большим **вниманием и популярностью**. [\[13\]](#)

Существительные мечта, грёза говорят о восприятии Тибета как сказочной страны, куда стремятся попасть многие:

Всегда, сидя дома, на родине, я **мечтою и грезой уношусь в Тибет — к природе и культуре Тибета**. [\[13\]](#)

Описания Тибета в это время больше не являются простым перечислением фактов, а поражают детальным описанием.

Подобно Н. М. Пржевальскому, я восхищаюсь Гань-су, но более того можно восхищаться **дивной красотой ущелий с гремучими, быстрыми речками, их водопадами, их лужайками, лесом**, под сенью которого разгуливают **белые ушастые фазаны, зеленые всэре, куланы**, где раздаются голоса всевозможных **небольших и мелких птиц** — это все Восточный **Тибет**, или Кам, о котором, как равно и о Сычуане, всегда мечтал мой незабвенный учитель, глубоко любивший и глубоко понимавший красоту и жизнь дикой, девственной природы Центральной Азии и далекого Тибета. [\[13\]](#)

Тем не менее одним из самых частотных эпитетов к слову «Тибет» остается прилагательное далёкий:

Жизнь дикой, девственной природы Центральной Азии и **далекого Тибета**. [\[13\]](#)

Он лучше всех знает не только нашу Монголию, но и Западный Китай, Восточный Туркестан и **далекий Тибет**. [\[13\]](#)

Как во время первого пика, во время второго пика тоже частотны слова лама, далай-лама, показывающие интерес к религии Тибета:

Лама с женщиной оказались симпатичными людьми, вежливо, с тактом держали себя и проявили огромный интерес к моей книге **«Тибет и Далай-лама»**; от начала до конца просмотрели, прося объяснений к рисункам. [\[13\]](#)

Узнав, что со мною книга **«Тибет и Далай-лама»**, попросил показать ее ему. [\[13\]](#)

Он быстро взял **«Тибет и Далай-лама»** и начал ее с жаром осматривать. [\[13\]](#)

Кроме того, в текстах Тибет называют фокусом сил буддизма:

И если бы только было возможно **слетать** на аэроплане в умственные центры родной страны месяца на три, пожить там, сдать научный материал, пообщаться с друзьями науки, со специалистами, поделиться сведениями с широкой публикой с кафедр больших аудиторий, написать хотя бы краткий отчет и затем, после нежной ласки исключительно родных друзей, вновь **отправиться в заоблачный Тибет**, к фокусу сил буддизма. [\[13\]](#)

Тибет является регионом Китая с многочисленными землетрясениями, характеризующимся большой интенсивностью и широким распределением. В начале 21-ого века в центральной части Тибета и на восточной окраине произошла серия сильнейших землетрясений, ряд которых был произошёл на периферии литосферного блока Баян-Хара. В это время появился третий пик употребления слова "Тибет".

Во время третьего пика (2009 года) русские продолжают выбирать путь в неизвестный Тибет как свой маршрут путешествия, что показано глаголами *отправляться*, *переселиться*, *пройти* и *снаряжать*:

*Склонный к меланхолии рассказчик берет в банке кредит и **отправляется** в кругосветное путешествие — Петербург, Египет, Европа, Южная Америка, Океания, Китай, **Тибет**, Индия, Тува и Хакасия; транзит через четырнадцать стран.* [\[13\]](#)

*Деньги им, естественно, нужны, чтобы однажды дружно **переселиться** в Индию или в **Тибет** (хотя там тоже социализм, еще более глубинный).* [\[13\]](#)

*Арии, санскрит, Священные Законы, по которым нужно заставить жить человечество, святыни, благодаря которым можно получить власть над людьми, а может быть, и над временем, телепатия и гипноз — вот приманки, которые позже заставляли НКВД и Гитлера **снаряжать экспедиции в Тибет.*** [\[13\]](#)

*Экспедицию Барченко в Шамбалу утвердили, она должна была **отправиться** на **Тибет** в 1925 году; для её финансирования выделялась гигантская сумма в 600 тысяч долларов.* [\[13\]](#)

*В сентябре 1925 года он догнал экспедицию Н. К. Рериха и **прошёл** с ней весь **Тибет** и Западный Китай.* [\[13\]](#)

Как и во время первого пика и второго, в 2009 году (во время третьего пика) в национальном корпусе русского языка упомянуто слово *лама*.

*В последний момент Барченко в организации экспедиции отказали, и за тайнами Шамбалы под видом **ламы** на **Тибет** отправился проверенный большевистский кадр — Яков Блюмкин (тот самый, который в 1918 году убил германского посла в России графа Мирбаха).* [\[13\]](#)

О большем понимании тибетской религии говорит использование слова *святыня*, словосочетания *Священные Законы*. О важности буддизма как нового для западной культуры течения религиозной мысли говорят такие сочетания слов, как *власть над людьми* и *временем*, существительные *телепатия*, *гипноз*, *приманка* говорят о том, на что готовы пойти люди ради обладания секретным мистическим знанием.

*Арии, санскрит, **Священные Законы**, по которым нужно заставить жить человечество, **святыни**, благодаря которым можно получить **власть над людьми**, а может быть, и над **временем**, **телепатия** и **гипноз** — вот **приманки**, которые позже заставляли НКВД и Гитлера снаряжать экспедиции в Тибет.* [\[13\]](#)

Понимание русских о Тибете в данное время можно увидеть в текстах с такими выражениями, как *высшая правда*, *сладострастная неизвестность*:

Кумир и покровитель Абиха — Блюмкин, страшный человек, любовник революции, еретик, исполненный брутальной похоти и самозванства — наравне с яростным

стремленьем к **высшей правде, сладострастная неизвестность** которой привела его и на **Тибет**, и к исмаэлитам, и в Палестину... [\[13\]](#)

Немецкий учёный Хуго Дизеринк в работе «Компаративистская имагология. О политической значимости литературоведения в Европе» (1988) развивает идею, что имагология играет важную роль в развитии гуманитарной науки, т.е. стимулирует узнаванию народами друг друга [\[12\]](#). Во время третьего «пика» в Тибет путешествует миссия с политической целью, об этом свидетельствуют существительное миссия, причастия *посетивший, объединяющий*, кроме этого, слово Тибет постоянно сочетается с названиями разных стран, например, *Уйгурия, Англия, Китай* и т.д.:

Уфимский офтальмолог Э. Мулдашев, **посетивший** в наши дни **Тибет** несколько раз, решил порадовать мир своими небылицами о Шамбале. [\[13\]](#)

Только после этого **миссия** пошла дальше через **Тибет** и Уйгурию в Россию. [\[13\]](#)

О том, какие сведения добыла эта **миссия**, можно судить по заголовкам отчёта Хомутникова в НКВД: **«Далай-лама и его настроения»**, **«министры далай-ламы»**, **«Тибет и Англия»**, **«Тибети Китай»**, **«Тибетская армия»** и так далее. [\[13\]](#)

Целей у экспедиции, а правильнее сказать, у дипломатической миссии Н. Рериха было две: явная — достижение столицы Тибета Лхасы и провозглашение Н.К. Рериха главой Западных буддистов, воплощением Ригдан-Джано (так именовал Н. Рерих 25-го властелина Шамбалы), и тайная — объединить буддийские народы Азии именем будущего будды Майтреи и создать «Новую страну», **объединяющую** Сибирь, Монголию, **Тибет** и даже Калмыкию. [\[13\]](#)

Кроме того, причиной увеличения количества упоминаний о Тибете могли послужить широкомасштабные волнения весной 2008 г. (свидетельство очередного кризиса в китайско-тибетском конфликте) [\[13\]](#).

Тибет становится центром внимания мировых СМИ. В статье «Олимпиада вне опасности» упоминается: *Многие средства массовой информации уверенно заявляют, что никакой опасности срыва Олимпиады в Пекине нет и быть не может, с какими бы **протестами** ни выступал **Тибет**, его сторонники, борцы за права человека* [\[13\]](#).

Отношения между Тибетом и Россией имеют долгую историю, и эти дружественные отношения отражаются не только в культурной, но и в экономической и политической сферах. Три пика употребления слова "Тибет" четко показывают динамическое изменение образа Тибета в русской языковой картине мира.

Библиография

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. / Аристотель. Ред. В. Ф. Асмус. – Москва: Мысль, 1976. – Т 1. – 550 с.
2. Гальперин П. Я. Общий взгляд на учение о так называемом поэтапном формировании умственных действий, представлений и понятий / П. Я. Гальперин // Вестник Московского университета. Сер.14: Психология. – 1998. – № 2. – С. 3–8.
3. Гегель Г. В. Ф. Эстетика : в 4 томах / Г. В. Ф. Гегель ; перевод. Б. Г. Столпнер и др. – Москва: Искусство, 1968. – Т. 1. – 385 с.
4. Солсо Роберт Л. Когнитивная психология / Солсо Роберт Л. ; пер. с англ. С. Комаров. – Москва: Питер, 2006. – 6-е изд. – 588 с.

5. Храпченко М. Б. Горизонты художественного образа / М. Б. Храпченко. – Москва: Художественная литература, 1982. – 332 с.
6. Канке В. А. Формы времени / В. А. Канке. – Москва: Едиториал УРСС, 2002. – 230 с.
7. Ощепков А.Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. №1. С. 251-253. С. 251.
8. Chevrel I. La litterature comparee. Paris. 2006.
9. Земсков В.Б. Россия на «переломе» // На переломе: образ России прошлой и современной в культуре и литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI вв.). Отв. ред. В.Б. Земсков. М.: Новый хронограф, 2011. С. 4-26. – С. 7.
10. Рерих Н. К. Сердце Азии. – Нью-Йорк: Алатас, 1929.
11. Росова В. А. Автореферат докторской диссертации «Русско-американские экспедиции Н. К. Рериха в Центральную Азию (1920-е и 1930-е годы)». С. 6.
12. Dyserinck H. Komparatistische Imagologie. Zur politischen Tragweite einer europäischen Wissenschaft von der Literatur // Europa und das nationale Selbstverständnis: Imagologische Probleme in Literatur, Kunst und Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts. Bonn, 1988. S. 13–33.
13. Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тибет уже не является буквальной экзотикой для современного общества, но требует изучения, рассмотрения, исследования. Как отмечает автор статьи, «с непрерывным развитием и популяризацией тибетской культуры в России всё больше внимания уделяется описанию образа Тибета, и работ, посвященных Тибету, реклам тибетских клиник, текстов блогов о Тибете становится всё больше. Эти тексты, являющиеся основными источниками знания о Тибете в русском языке, сыграли важную роль в процессе создания образа Тибета». Образ складывается ввиду разных факторов, собственно языковая наиболее важная. Именно на русскоязычный дискурс направлено исследование, автор выявляет частность употребления слова «ТИБЕТ» в рамках XVIII-XIX веков. «В понятийном аппарате имагологии понятие образ имеет и широкое, обобщающее значение, и более узкое, конкретное, в качестве одного из «инструментов» (или «механизмов») рецепции и репрезентации», - отмечает В.Б. Земсков. Образ страны и ее жителей воплощается главным образом в сочетаемости слова – названия страны – и в тех метафорах, с помощью которых ее описывают». В рецензируемом труде автор сосредоточен на сочетаемости слова, при этом контекстуальное значение важно и ситуативно оправдано. Предмет исследования, на мой взгляд, продуман, он соотносится с одной из рубрик издания, факторы лингвокультурологического анализа в работе также присутствуют. Например, «Тибет находится на юго-западе тибетского плато, граничит с несколькими странами, такими как Бирма, Индия, Бутан, Непал и т.д. В некоторых контекстах упоминаются особенности этих стран, например, монгольский язык», или «Тибет является регионом Китая с многочисленными землетрясениями, характеризующимся большой интенсивностью и широким распределением. В начале 21-ого века в центральной части Тибета и на восточной окраине произошла серия сильнейших землетрясений, ряд которых был произошёл на периферии литосферного блока Баян-Хара. В это время появился третий пик употребления слова "Тибет"» и т.д. Налицо в работе и объемный ряд фоновых / текстовых примеров: «Начать с того, что, двинувшись из Кяхты, мы направлялись до

самого Тибета знакомым, дважды, местами даже трижды, нами пройденным путем, следовательно, в крайнем случае могли обойтись и без вожаков; затем до самой Гань-су нигде не встречали китайцев, с деморализованными солдатами которых легко могли бы иметь столкновение, следуя по Восточному Туркестану; далее, мы приобретали в Северной Монголии наилучших, приученных к постоянным караванным движениям, верблюдов; в Забайкалье можно было лично выбрать конвойных казаков, из которых многие знают монгольский язык, употребляемый и в Тибете; наконец, следуя из Кяхты, мы меньше возбуждали подозрений в китайских властях, даже в Пекине, чем направляясь в Тибет с ближайших к нему местностей нашей границы по враждебному китайцам магометанскому населению Кашгарии». Автор вводит и статистические данные, собственно от них он и отталкивается, что вполне верно: «в национальном корпусе русского языка (НКРЯ) слово "Тибет" упоминается в 521 текстах. С 1762 г. до 2021 г. мы можем увидеть три пика употребления слова "Тибет"». Должный аналитический комментарий наличен по всей работе: например, «представления о Тибете начали формироваться в русской языковой картине мира начиная с середины 18 века. Первоначально Тибет воспринимался сквозь призму пейзажных и этнографических описаний. Их появление было связано с тем, что с середины – конца 18 века Российская империя активно осваивала новые пути торговли в восточном направлении», или «путешествие в Тибет способствовало культурному обмену, в конце 19 века россияне начали узнавать религию Тибета, об этом говорят в текстах слова лама, далай-лама, батырь-лама, буддизм, гыген, которые характерны для тибетской религии: Когда наступает подобный торжественный день, ламы, с разными приличными случаю церемониями, отправляются в Тибет, отыскивают там какое-нибудь богатое благочестивое семейство и объявляют ему, что Хутухта, как видно из священных тибетских книг, переселился в душу их сына». Концепция работы выстроена правильно, точка зрения автора на вероятную возможность частотного использования номинации «ТИБЕТ» также объективна. Считаю, что материал самостоятелен, в должной степени научен, выверен; его можно использовать в рамках изучения широкого спектра гуманитарных дисциплин. Стиль соотносится с собственно научным типом: например, «В указанном контексте упоминается прилагательное заоблачный, сочетающееся со словом Тибет, которое говорит о восприятии этой страны как высокогорной, скрывающейся за облаками. В других контекстах впечатление о Тибете выражается с помощью прилагательных суровый, очаровательный, оригинальный, своеобразный и предложно-падежной конструкции с удовольствием...» и т.д. Ссылки даются в режиме унификации: «Второй пик употребления слова «Тибет» можно связать с экспедицией Николая Рериха в Тибет в 1924 г. Одной из её целей было установление дружеских отношений с Далай-ламой и Таши-ламой. Н. К. Рерих подробно описывает местные условия и нравы в Тибете в форме дневников. Результатом становится книга «Сердце Азии». [10]. События первой Центральноазиатской экспедиции нашли отражение в дневниках Н. К. Рериха «Алтай-Гималаи» и Ю. Н. Рериха «По тропам Срединной Азии». В 1990-е годы были опубликованы дневники других участников Тибетского путешествия, в которых обращено внимание на особую «буддийскую миссию» экспедиции в Лхасу (Рябинин, Портнягин, Кордашевский)». Считаю, что выводы по работе могли быть более сложными, несколько формален автор в данной части: «Отношения между Тибетом и Россией имеют долгую историю, и эти дружественные отношения отражаются не только в культурной, но и в экономической и политической сферах. Три пика употребления слова "Тибет" четко показывают динамическое изменение образа Тибета в русской языковой картине мира». Но это рекомендация; цель работы, так или иначе, достигнута, задачи – решены. Думаю, что уместно в заголовке века прописать римскими цифрами, а не арабскими. Рекомендую статью «Частотность употребления слова «Тибет» в русскоязычном дискурсе

18-20 вв.» к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Фэн В. Способы перевода медицинских терминов на китайский язык // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70335 EDN: NPKNCT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70335

Способы перевода медицинских терминов на китайский язык

Фэн Вэнь

ORCID: 0000-0002-5206-9822

аспирант, кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 15к1, кв. 80а

✉ 1042228133@pfur.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70335

EDN:

NPKNCT

Дата направления статьи в редакцию:

02-04-2024

Аннотация: В статье анализируются пять наиболее часто используемых способов перевода: транскрипция, смешанный способ (транскрипция и семантический способ), семантический способ, семантический способ с дополнением значений и семантический способ с сокращениями. Предметом статьи является перевод названий иностранных медицинских препаратов в рекламе на китайский язык. Цель работы статьи состоит в анализе стратегий перевода названий медицинских препаратов на китайский язык в рекламе, а также выявление наиболее частотных и популярных методов перевода. В статье анализируются названия иностранных медицинских препаратов (70 наименований медицинских препаратов) и их перевод на китайский язык. Путем сравнения частоты использования каждого из способов выявляется самый популярный способ при переводе иностранных названий препаратов на китайский язык. В ходе исследования были использованы: описательный метод, метод анализа теоретической литературы, а также приемы систематизации и классификации материала. Новизна исследования заключается в том, что до настоящего времени еще не был рассмотрен перевод названий медицинских терминов в рамках теории переводческой эквивалентности.

Практическая значимость данной статьи заключается в том, что результаты исследования могут способствовать дальнейшему укреплению и развитию торговли и международной коммуникации. В статье приводятся примеры, иллюстрирующие способы перевода названий препаратов на китайский язык. В ходе исследования было выявлено, что при переводе медицинских терминов с иностранных языков на китайский самыми частотными методами являются транскрипция и семантический способ. В то же время процент использования семантического и смешанного способов (которые включают транскрипцию и семантический способ) тоже высок. Процент распространенности использования семантического способа с дополнением значений и сокращениями значительно ниже.

Ключевые слова:

перевод, медицинские термины, заимствование, транскрипция, смешанный способ, семантический способ, дополнение значений, сокращения, китайский язык, переводческая эквивалентность

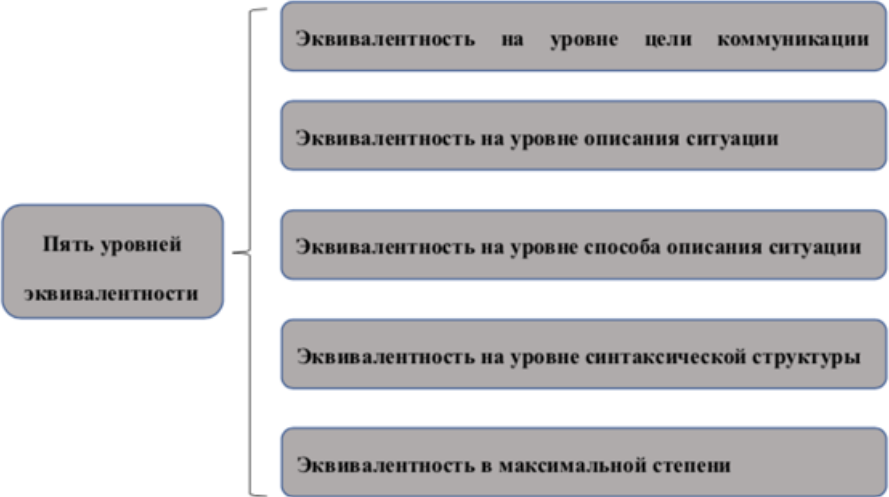
В последнее время в связи с всколыхнувшей мир пандемией коронавируса сотрудничество между странами в области медицины стало укрепляться, в результате чего в рекламе медицинских препаратов в Китае с каждым годом появляется все больше заимствований из других языков, в частности, английского. В связи с этим, для создателей рекламы остро встал вопрос о правильном переводе названий препаратов, которые должны не только точно отражать действие медикамента, но также производить эффект на покупателя для увеличения объема продаж [\[7, с. 268\]](#).

Новизна статьи заключается в том, что до настоящего времени данная теория не была широко использована при переводе названий лекарственных препаратов на китайский язык. На основании исследования были выдвинуты пять способов перевода названий лекарственных препаратов в рекламе. Актуальность обусловлена расширением международных контактов, включая сотрудничество и торговлю в сфере медицины, которая требует корректного представления медицинских препаратов и услуг в рекламных текстах.

1. Теория переводческой эквивалентности

Считается, что термин «эквивалент» в переводоведении впервые использовал Р. Якобсон в статье «О лингвистических аспектах перевода» (1959). В 1990 году известный советский лингвист В.Н. Комиссаров в книге «Теория перевода (лингвистические аспекты)» сформулировал теорию уровней эквивалентности, согласно которой в процессе перевода устанавливаются отношения эквивалентности между соответствующими уровнями оригинала и перевода. В.Н. Комиссаров в своей книге «Современное переводоведение» дает определение перевода: «Перевод – это сложный и многогранный процесс, в котором происходит не просто замена одного языка другим, но и сталкиваются различные культуры, разные личности, разные складывания мышления, разные традиции и установки» [\[2, с. 30\]](#). В.Н. Комиссаров ввёл следующие пять уровней эквивалентности:

Таблица 1. Пять уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова

Переводоведение в Китае также имеет долгую историю. С древних времен китайские переводчики исследовали сущность перевода и критерии его оценки. Известный лингвист Ло Синьчжан считает, что развитие теории перевода в Китае – это, главным образом, постепенное развитие четырех концепций, таких как ориентация на исходный текст, стремление к верности, сходству по духу и сублимации. но эти четыре концепции в основном, рассматриваются с точки зрения перевода литературных текстов. При переводе других типов текста в рамках этой концепции существуют большие ограничения [\[4, с. 25\]](#). Таким образом, учитывая особенности медицинской терминологии, автор не использует традиционную китайскую теорию перевода в качестве основы, а выбирает переводческой эквивалентности В.Н. Комиссарова.

2. Типология медицинских терминов, используемых в Китае.

Хорошо знакомые нам сейчас медицинские манипуляции пришли из древней Греции. В связи с этим использование европейских медицинских терминов привело к унификации медицинского языка в Китае [\[1, с. 3\]](#). Исследования показали, что медицинские понятие, использующиеся в китайском языке, можно разделить на пять видов: термины, связанные с физиологией, болезнью, её клиническими проявлениями и симптомами, медицинские методы, а также лекарственные препараты [\[6, с. 91\]](#). В данной статье будут исследоваться способы перевода названий лекарств.

Таблица 2. Группы медицинских терминов в китайском языке

Физиология	Медицинские термины, имеющие отношение к жизнедеятельности организма.
Болезнь	Какие-либо отклонения, изменения, мутации в организме, обмене веществ, а также морфологической структуре.
Клинические проявления болезни и её симптомы	Признаки проявления заболевания.
Лечебные способы	Медицинское вмешательство и лечение пациентов.
Лекарственные препараты	Названия препаратов.

3. Способы перевода названий медицинских препаратов

Н.В. Перфильева и Ху Пэйпэй в статье «Способы ассимиляции английских заимствований в китайский язык» пишут о том, что при переводе заимствованных слов используется 4 способа перевода: фонетический, семантический, смешанный и графический способы [3, с. 289]. Все эти способы не были описаны в сфере медицинской терминологии. Таким образом, для того чтобы расширить область употребления этих методов, автор использовал их в медицинской терминологии. Учитывая особенности рассматриваемого материала, автор использовал в данной работе только три из названных способов и добавил два новых. Цель перевода названий медицинских препаратов с английского языка на китайский состоит в том, чтобы китайские потребители смогли понять функции предлагаемого им продукта. Перевод должен выполнять коммуникативную и побудительную функции [10, с. 39]. В данной статье наибольшее внимание уделяется рассмотрению эквивалентности на уровне цели коммуникации и на уровне описания ситуации. Для достижения данных уровней эквивалентности, переводчик должен учитывать различия в названиях лекарственных средств в разных языках и вносить изменения, согласно культурным особенностям. При работе над данным исследованием были использованы следующие методы: транскрипция, смешанный способ (транскрипция и семантический способ), семантический способ, семантический способ с дополнением значений и семантический способ с сокращениями.

3.1 Транскрипция

В ходе анализа материала было выявлено, что для перевода названий медицинских препаратов на китайский язык чаще других используются два способа: транскрипция и смешанный способ (включающий транскрипцию и семантический способ). Суть метода транскрипции заключается в том, что при переводе употребляются китайские иероглифы, произношение которых полностью или частично совпадает со звучанием заимствуемой единицы. При использовании этого способа китайские иероглифы передают лишь звуковое сходство, теряя свое первоначальное значение.

Рассмотрим некоторые примеры:

Таблица 3. Перевод названий медицинских препаратов на китайский язык методом транскрипции

Названия препаратов	Китайские эквиваленты	Значения иероглифов	Функция препаратов
Morphine	吗啡 [mafei]	吗 'конечная частица вопросительных предложений' 啡 'кофе'	Наркотическое обезболивающее
Fentanyl	芬太尼 [fentaini]	芬 'аромат' 太 'очень' 尼 'монахиня'	Обезболивающее лекарство
Codeine	可待因 [kedaiyin]	可 'можно' 待 'ждать' 因 'причина'	Антидепрессивные препараты
Dolantin	杜冷丁	杜 'лв (фамилия)'	Лекарство от боли

	[dulengding]	冷 'холодный' 丁 'дин (фамилия)'	在胃中 в желудке
Imodium	易蒙停 [yimengting]	易 'легко' 蒙 'покрывать' 停 'прекращаться'	Противодиарейные препараты
Atropine	阿托品 [atuopin]	阿 'открыть' 托 'пульс' 品 'бесперебойный'	Наркотический препарат

Процент использования метода транскрипции для перевода медицинских препаратов в собранном материале (70 слов) составляет 26% (19 единиц).

3.2 Смешанный способ

Смешанный способ также нередко используется при переводе названий медицинских препаратов. Он позволяет читателям лучше понять функцию каждого препарата. При использовании смешанного способа название лекарственного средства на языке перевода не только сохраняет исходное звучание, но также содержит сведения об эффективности продукта.

Рассмотрим некоторые примеры:

Таблица 4. Перевод названий медицинских препаратов на китайский язык смешанным способом

Названия препаратов	Перевод смешанным способом	Значения иероглифов	Функция препаратов
Capoton	开博通 [kaibotong]	开 'открыть' 博 'пульс' 通 'бесперебойный'	Антигипертензивные препараты
Aprovel	安博维 [anbowei]	安 'успокаивать' 博 'пульс' 维 'защищать'	Антигипертензивные препараты
Librium	利眠宁 [limianning]	利 'польза' 眠 'сон' 宁 'покой'	Лекарство от бессонницы
hereptin	贺癌平 [heaiping]	贺 'поздравить' 癌 'рак' 平 'утихнуть'	Противоопухолевые препараты

Pentazocine	镇痛新 [zhentongxin]	镇痛 'утолять боль' 新 'новый'	Хирургические анестетики

Проанализируем один из приведенных примеров:

安博维— 专治高血压 Апровель – специализируется на лечении высокого кровяного давления (安博维 [anbowei] от латинского aprovel). Проанализируем значение каждого иероглифа. 安 'утихомиривать, успокаивать'; 博 'пульс'; 维 'защищать'. Название данного препарата в переводе на китайский язык буквально означает поддержание стабильности частоты пульса. Данный вариант перевода не только соответствует теории переводческой эквивалентности, но и позволяет потребителям сделать вывод о свойствах предлагаемого товара.

利眠宁 — 让我们帮您找回健康舒适的睡眠状态 Либриум – мы поможем вам вернуться к здоровому и комфортному сну. 利眠宁 [limianning] от латинского Librium. Рассмотрим значение каждого иероглифа. 利 'польза'; 眠 'сон'; 宁 'покой'. В китайском языке данное название дословно означает полезно для сна.

Процент использования смешанного метода для перевода медицинских препаратов в собранном материале (70 слов) составляет 22 % (15 единиц).

3.3 Семантический способ

Для достижения эквивалентность на уровне цели коммуникации необходимо использовать семантический способ. Данный способ может не только сообщить потребителям о терапевтическом эффекте препарата, но и подчеркнуть его преимущества, что также может поспособствовать увеличению объема продаж.

Таблица 5. Перевод медицинских терминов на китайский язык семантическим способом

Названия препаратов	Перевод на китайский язык	Значения иероглифов	Функция препаратов
Yellow fever vaccine	黄热病疫苗 [huangrebingyimiao]	黄热病 'жёлтая лихорадка' 疫苗 'вакцина'	Вакцина против желтой лихорадки
Benactyzine	胃复康 [weifukang]	胃 'желудок' 复 'восстановление' 康 'здоровье'	Лекарство от боли в желудке
Tamiflu	克流感 [keliugan]	克 'противодействие' 流感 'гриппа'	Противоопухолевые препараты
Thrombosin	凝血酶 [ningxuemei]	凝血 'Кровоостанавливающий' 酶 'фермент'	Кровоостанавливающее средство
valium	安定 [anding]	安定 'покой'	Успокаивающее лекарство

Проанализируем один из примеров:

胃复康 — 治疗老胃病,止痛更治痛 **Бенактизин** — Лечить серьезные проблемы с желудком, облегчить боль и излечить болевые ощущения.胃复康 [weifukang] 'Бенактизин' от латинского Benactyzine. Если перевести название этого препарата с помощью метода транскрипции, то получится 苯那辛 [bennaxin] 'Бенактизин'.Однако данный вариант названия не будет понятен для китайского потребителя, так как он не достигает эквивалентности на уровне коммуникации. Поэтому при работе с названием данного препарата целесообразнее будет использовать семантический способ, который позволит отразить в наименовании лекарства его свойства. Проанализируем значение каждого иероглифа: 胃 'желудок'; 复 'восстановление'; 康 'здоровье'. В переводе на китайский язык это сочетание буквально означает восстановление здоровья желудка.

Процент использования семантического метода для перевода медицинских препаратов в собранном материале (70 слов) составляет 22 % (15 единиц).

3.4 Перевод названий медицинских препаратов на китайский язык с помощью семантического способа.

3.4.1 Семантический способ с дополнением значений

Этот метод заключается в добавлении и объяснении пропущенных или двусмысленных частей исходного текста. Поскольку китайский и английский языки относятся к двум разным языковым семьям, существуют огромные различия в их лексике и синтаксисе. Следовательно, принимая во внимание влияние таких факторов, как языковые привычки, особенности выражения и значение оригинального текста на языке перевода, наиболее эффективным будет использование методов семантического способа с добавлениями значения и сокращениями, позволяющие компенсировать трудности в понимании [\[9, с. 113\]](#).

В рамках данного метода для облегчения понимания потребителями некоторых аспектов оригинального текста при переводе вводятся дополнительные пояснения [\[8, с. 51\]](#).

Таблица 6. Перевод названий медицинских препаратов на китайский язык с помощью семантического способа с дополнением значений

Названия препаратов	Перевод на китайский язык	Значения иероглифов	Функция препаратов
Pepsin	胃蛋白酶 [weidanbaimei]	胃 'желудок' 蛋白 'белок' 酶 'фермент'	Помощь пищеварению
Sinemet CR	息宁控释片 [xiningkongshipian]	息 'успокаивать' 宁 'покой' 控释 'полный ответ' 片 'таблетка'	Лекарство от фибрилляции и паралича
Tale	滑石粉 [haushifen]	滑石 'тальк' 粉 'порошок'	Отвод тепла и сброс перегрева

Проанализируем один из вышеуказанных примеров:

帕金森患者刚需药物—**息宁控释片**！ Пациентам с болезнью Паркинсона просто нужны – Синемет CP **息宁控释片** [xiningkongshipian] 'Синемет CP' от английского слова 'Sinemet CR'. Sinemet – **息宁**[xining] 'Синемет', CR – сокращенное название 'complete response'. Проанализируем значение каждого иероглифа: **息** 'успокаивать'; **宁** 'покой'; **控释** 'полный ответ'; **片** 'таблетка'. Для облегчения понимания свойств препарата при переводе был использован семантический способ с дополнением значений.

Процент использования семантического метода для перевода медицинских препаратов с дополнением значений в собранном материале (70 слов) составляет 13% (9 единиц).

3.4.2 Семантический способ с сокращениями

Семантический способ с сокращениями заключается в удалении сложного, повторяющегося или неважного содержимого из исходного текста [\[5, с. 61\]](#).

Таблица 7. Перевод названий медицинских препаратов на китайский язык с помощью семантического способа с сокращениями

Названия препаратов	Перевод на китайский язык	Функция препаратов
Hydrogen permanganate	双氧水 [shaungyagnshui]	Дезинфицирующее средство
Chlofenamic acid	氯灭酸[lvmiesuan]	Противовоспалительное и обезболивающее средство
Carboplatin	卡铂 [kabo]	Для лечения запущенных форм рака
Chloroquine	氯喹 [lvkui]	Противомалярийные препараты

Проанализируем вышеуказанный пример:

利尔康**3%双氧水**,伤口清洁必选**神器** Lierkang (бренд данного препарата) 3% перекись водорода – незаменимое средство для очистки ран. **双氧水** [shuangyagnshui] 'перекись водорода' от английского слова Hydrogen permanganate. При использовании семантического способа название препарата могло бы быть: '过氧化氢的水溶液' (Водный раствор перекиси водорода). Оно является слишком длинным для китайского потребителя и слишком трудно для запоминания. Вследствие этого, при переводе названия данного лекарственного средства используется семантический способ с сокращением. Стоит отметить, что обычно этот метод используется в случаях, когда оригинальное название содержит химический состав препарата.

Процент использования семантического метода для перевода медицинских препаратов с сокращением в собранном материале (70 слов) составляет 17% (12 единиц).

Таким образом, для достижения переводческой эквивалентности были предложены несколько способов перевода в соответствии с теорией В.Н. Комиссарова. Стоит отметить, что выбор переводческих стратегий и методов должен основываться на поставленной цели. При переводе медицинских терминов с иностранных языков на китайский, самым частотным способом остается транскрипция, которая составляет 26% от всех собранных материалов. В то же время процент использования семантического и

смешанного способов (которые включают транскрипцию и семантический способ) тоже высок. Вышеописанные три способа способствуют наиболее точной передаче смысла заимствованных из других языков слов, а также ведут к достижению прагматического эффекта. Процент распространенности использования семантического способа с дополнением значений (13%) и сокращениями значительно ниже (17%), поскольку китайский язык имеет свой вид письменности, который ограничивает возможность более точно передать и интерпретировать информацию.

Библиография

1. Жэнь Хуэйлин и др, Исследование пути и практики создания клинической медицинской терминологической системы в Китае. Журнал медицинской информатики (任慧玲. 我国临床医学术语体系建设路径与实践探索.//医学信息学杂志) 2002. – 3 с.
2. Комиссаров В.Н, Современное переводоведение. Р. Валент. 2011. – 30 с.
3. Перфильева Н. В., Ху Пэйпэй. Способы ассимиляции английских заимствований в китайский язык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 2. С. 287-296. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-287-301
4. Jeremy Munday. Introduction to Translation: Theory and Application. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2014. – 25 с.
5. Не Юйсинь. Применение амплификации и компрессии в практике перевода новостей на русский язык // Разговор о языке. (聂雨鑫, 增译法和减译法在俄语新闻翻译实践中的应用 // 说语言). 2023. – 61 с.
6. Ци Чанг. Лингвистический анализ обобщения медицинских терминов в новостных репортажах. // Знаменитые шедевры. (齐畅. 新闻报道医学术语泛化语言学分析 // 名家名作). 2023. – 91 с.
7. Чай Чжи. Обзор методов перевода названий лекарств. Пекинский объединенный университет, Вертикальные и горизонтальные социальные науки. (柴智. 药品名称翻译方法概述 // 社科纵横). 2009 – 268 с.
8. Чжан Цзянь. Предварительный анализ китайского перевода английских заголовков новостей. Иностранные языки Фуцзяня. (张健. 英语新闻标题汉译初析. // 福建外语). 1996 – С. 51-52.
9. Чэнь Хуэймэй, Цзи Цзяньян. Исследование по переводу коммерческой рекламы на английский язык на основе теории скопоса // Изучение языка. (陈惠梅, 吉剑阳. 目的论指导下的商业广告语英译研究 // 语言研究). 2002. – 113 с.
10. Чжоу Сяочэн. Структура главы и языковые особенности российской рекламы. Преподавание русского языка в Китае. (周小成. 俄语广告的篇章结构和语言特点.// 中国俄语教学). 1996 – С. 39-44.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Способы перевода медицинских терминов на китайский язык», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению профессионально ориентированного языка специальности.

Новизна статьи заключается в том, что до настоящего времени данная теория не была широко использована при переводе названий лекарственных препаратов на китайский язык. Актуальность обусловлена расширением международных контактов, включая

сотрудничество и торговлю в сфере медицины, которая требует корректного представления медицинских препаратов и услуг в рекламных текстах.

В статье автор предлагает пять способов перевода названий лекарственных препаратов в рекламе.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики. Автор иллюстрирует классификацию языковыми примерами на китайском языке и русским переводом.

Отметим, что в исследовании автор рассматривает как теоретическую основу затрагиваемого проблемного поля, так и практическую проблематику.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается в том числе к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

Структурно отметим, что данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Библиография статьи насчитывает 10 источников, среди которых представлены труды как на русском языке, так и на китайском. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Автор прибегает к таблицам и статистическим данным для наглядности. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по лексикологии и лексикографии китайского языка, особенностям перевода медицинских терминов с китайского языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Способы перевода медицинских терминов на китайский язык» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Лобанова Т.Н., Дубяга А.М. Репрезентация и стереотипизация женского образа в современных масс-медиа (на материале глянцевого журнала) // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70344 EDN: OIMVZM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70344

Репрезентация и стереотипизация женского образа в современных масс-медиа (на материале глянцевого журнала)

Лобанова Татьяна Николаевна

ORCID: 0000-0003-4901-3251

доктор филологических наук

профессор, Государственный университет просвещения

141031, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Малая Бородинская, 1, кв. 1

✉ lobanovaty@mail.ru

Дубяга Анастасия Михайловна

ORCID: 0009-0002-1743-4377

преподаватель, кафедра иностранных языков, ГБОУ №1367

115547, Россия, г. Москва область, г. Москва, ул. Ул Бирюлёвская, д 58 к 1, оф. 90

✉ anastasiya.dubyaga.96@mail.ru

[Статья из рубрики "Массовая литература"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70344

EDN:

OIMVZM

Дата направления статьи в редакцию:

03-04-2024

Аннотация: В XXI веке потребность в развитии глянцевого сектора возрастает с каждым днем. Медиаиздания стараются отбирать фотографии, визуальный контент и иллюстративный материал, где главным критерием выступает визуальная и языковая репрезентация концепции и ценностей редакции и учредителей издания (журнала). Особо остро стоит вопрос о развитии модных СМИ в России в санкционное время в связи

с падением спроса на данные виды услуг. Основным объектом исследования образ женской красоты в современных глянцевах журналах, предметом исследования выступает формирование стереотипного представления о красоте в современных масс-медиа. Целью данной статьи является анализ языковой и визуальной репрезентации женщины в современных масс-медиа (на материале глянцевах журналов), а также особенностей лингвистического (языкового и визуального) конструирования образа женщины в современной дискурсивной лингвистике. При проведении данного исследования применяются не только общенаучные методы, такие как описание, классификация, сопоставление, интерпретации, анализ, классификация, систематизация, но и специальные лингвистические методы анализа лексико-семантических групп: контекстный и стилистический анализ семантики, метод психолингвистического моделирования, метод комплексного анализа. Научная новизна исследования обусловлена предметом исследования и отсутствием современных сопоставительных исследований в сфере специфики репрезентации образа красоты в медиа (в глянцевах журналах) для молодых женщин. В ходе исследования изучены особенности современной визуальной культуры и продукты масс-медиа, лингвистическое описание женских образов и стандартов красоты; проанализированы методики применения различной методологии к визуальному контенту глянцевах журналов и цифровых аналогов, частично описана аксиологическая картина мира в разных культурах и социальные гендерные стереотипы, отображенные в языке; проанализированы репрезентация и стереотипизация красоты женского образа в современных масс-медиа (на материале глянцевах журналов) и вычленены способы стереотипизации красоты в глянцевах журналах, в том числе особенности визуального конструирования и пропаганды женских образов в современном глянцевом медиасегменте.

Ключевые слова:

дискурсивная лингвистика, гендер, стандарт красоты, глянцевый журнал, гендерные стереотипы, визуальный контент, репрезентация красоты, визуализация красоты, стереотипизация красоты, образ женской красоты

Введение

Исследование женских образов в русле дискурсивной лингвистики предполагает изучение языковой и визуальной репрезентации женщины на конкретном материале и в определенный период времени. Глянцевая пресса как жанр современных масс-медиа – это некое зеркало, в котором отражаются идеологическая направленность и «тональность» государства и нации, понимаемые как один из способов интерпретировать информацию в контексте отношений общества и государства. Данные факторы обуславливают динамику стереотипизации образа женской красоты в медиа и обществе. Современный российский медиасектор находится в центре гуманитарной антропологической парадигматики не только для журналистики, но и для современной дискурсивной лингвистики и медиалингвистики, поскольку актуализирует вопросы теории языка в целом, и, в частности, вопросы количественного обоснования различных «знаков» и сущностей. [\[5\]](#)

Кроме того, при проведении данного исследования применяются не только общенаучные методы, такие как описание, классификация, сопоставление, интерпретации, анализ, классификация, систематизация, но и специальные лингвистические методы анализа

лексико-семантических групп: контекстный и стилистический анализ семантики, метод психолингвистического моделирования, метод комплексного анализа. Именно совокупность общенаучных и специальных методов позволяет выполнить цели данного исследования.

Целью данной статьи является анализ языковой и визуальной репрезентации женщины в современных масс-медиа (на материале глянцевого журнала), а также особенностей лингвистического (языкового и визуального) конструирования образа женщины в современной дискурсивной лингвистике.

Репрезентация и стереотипизация женского образа

в современных масс-медиа (на материале глянцевого журнала)

Особенности визуальной красоты в масс-медиа и ее репрезентация зависят от политики медиа-издания, общественных настроений, взаимопонимания между обществом и государством.

Каждое исследование имеет смысл предварить анализом базовых понятий, которыми приходится оперировать в процессе изучения вопроса, так как от четкого понимания научных понятий и терминов в значительной мере зависит его эффективность.

Под визуальной культурой мы понимаем сферу интеллектуальных ценностей в области визуальных медиа. Под продуктами масс-медиа – создаваемые посредством социальных институтов (полиграфо-издательские дома или типографии, социальные медиа, нейросети) итоговые тексты – линейные и визуальные, печатные и цифровые – потенциально имеющие медиа-эффекты на читателя. Жанр «глянцевый журнал» не является новым, однако в условиях нейросетей он становится управляемым медиа-продуктом и уже менее привязан к человеческому фактору и природной красоте человека». Понятие «язык» в исследовании тесно связано с понятиями визуальной культуры и репрезентации.

Научную базу данного исследования составили теоретические положения, как отечественных ученых, так и зарубежных в различных междисциплинарных сферах. Таким образом, выводы, отраженных в данной статье, опираются на блок работ в следующих областях:

1. Исследования, занимающиеся проблемами онлайн журналистики: С. С. Бодреновой (2015), Е. Вартаковой (2018), А. А. Тертычного (2013), Я. Н. Засурского (2011), В. В. Кихтан (2004), А. А. Градюшко (2019), Н. А. Ахреновой (2018), Т. Н. Лобановой (2020);
2. Исследования по медиа, журналистскому дискурсу, психолингвистике рекламного текста и ТВ-текстов, PR-дискурсу: А. А. Леонтьев (2016), Е. Ю. Коломийцева (2008), О. В. Соколова (2014), Л. Манович (2018), Д. С. Храмченко (2017);
3. Исследования по методологии дискурсивных исследований (А. А. Баркович, Э. В. Будаев, А. П. Чудинов, М. Мейер, Н. Фэркло, Р. Водак, М. В. Йоргенсен, М. Титчер) (2009, 2013, 2017)
4. Исследования, отображающие теоретический статус гендера и концепцию его восприятия (А. В. Кирилина, О. А. Колосова, Е. И. Горошко);
5. Исследования, целью которых является анализирующие гендера по психо- и социолингвистическому и коммуникативно-дискурсивному методу анализа (Е. А. Земская,

М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова; А. В. Кирилина, А. Н. Еремина; V. Bergvall; M. Meyerhoff; M. Bucholtz);

6. Исследования по проблематике глянцевого журналов, стереотипов, образов в прессе и медиа (А. А. Баркович, О. В. Ромаха, А. А. Слепцовой (2009), Коломийцевой (2008), Ж.В. Черновой (2014), Yorgos C. Zotos, Eirini Tsichla (2015), Fang Pan (2024);

7. Исследования, вывод которых базируется на изучении гендера в прагматическом аспекте языка (Т. А. Трипольской, Е. Ю. Булыгина; D. Tannen; A. Weatherall).

На рубеже XIX-XX веков социальная роль женщины изменилась полностью. Изменения произошли не только в вопросе смены социальных ролей и стандартов внешности и понимания красоты, но психологическая и моральная единицы, взятые в совокупности представления современной женщины также претерпели серьезные изменения. И это неразрывно связано с глобализацией и непрерывным развитием системы массовой коммуникации.

Разделение по типу в контексте культурного дискурса играют важнейшую роль. Так как мы исследуем женский образ, то мы можем «проследить динамику развития ретрансляции различных типов женских образов в транснациональной медиа-культуре: Мерлин Монро (1950-е), Одри Хепберн (1960-е), Мадонна (1980-е), Кейт Мосс (1990-е), Анджелина Джоли (2000-е)» [\[4, с. 271\]](#).

Голливудские образы из мира моды и киноиндустрии (Наоми Кэмпбэлл, Кристи Эвангелиста, Кейт Мосс, Синди Кроуфорд и т.д.) можно отнести к прообразами красоты и стиля для вдохновения и подражания в современной мировой транснациональной медиа-культуре. Несомненно, каждое новое десятилетие несет в себе новый образ. Так, например, Мадонна – это икона стиля 1990-е XX в., тогда как Марко Робби – это символ 2010-2020-е XXI в. Но, не стоит забывать и особенности национальных типов женских образов: где-то между Мадонной и Марго Робби можно вспомнить австралийскую актрису Николь Кидман. Российские женские образы красоты среднестатистический житель в России ассоциирует с именами Аллы Пугачевой, Людмилы Гурченко, Людмилы Зыкиной и других актрис, и певиц советского и российского кино и шоу бизнеса.

Визуальная культура в современном лингвистическом дискурсе широко направлена на «женскую аудиторию как носителя культурной семантики». Некое отсутствие ранее писателей и исследователей, поднимающих данную проблему постепенно заставило людей «маргинализировать или игнорировать данный вопрос» [\[9\]](#).

Считается, что именно женщины способны и должны изменять реальность в аспекте внешних факторов. Современные масс-медиа лишь способствуют этому процессу и передают основные концепции гендерной культуры общества. В свою очередь такие концепции формируют в подсознании людей определенные эталоны и стереотипы о виде и позиции современной женщины в обществе.

Для достижения этого понимания у людей применяется один из наиболее эффективных механизмов создания «правильных образов». Этот способ включает в себя выпуск глянцевого журналов, помогающие определить в подсознании читателя определенные стереотипы, формирующие «персистентные образы благополучных и красивых молодых женщин конкретного временного этапа». [\[1, с. 8\]](#)

Язык в данном вопросе играет ключевую роль в построении и социализации гендерных ролей. Это область, в которой издания из любой страны мира могут внести свой вклад

как в межкультурном отношении в растущее количество литературы по этой теме, так и в междисциплинарной сфере в более широкие гендерные вопросы. [\[10, с. 46\]](#)

Авторы глянцевого издания рассказывают и показывают, как должна выглядеть успешная женщина и в чем заключается успех: это своего рода энциклопедии счастливой жизни». Как и любые другие продукты масс медиа, глянцевые издания и их цифровые аналоги формируют эстетические идеалы и вкусы аудитории, оказывают медиа-эффекты: параллельно осуществляют продажи иной продукции, размещенной и рекламируемой на страницах журнала или издания.

В середине XVII века французское издание «Journal des savants» открывает историю мирового глянца. С того времени появилось много журналов для женщин по всему миру. Говоря о России, еще до революционного времени, выходил журнал «Нива». Отчасти его можно считать приближенным к глянцевому, но всё еще он оставался «литературным».

В Советском Союзе публиковались журналы «Крестьянка» и «Работница». Но ограниченность и скудость тематического и визуального контента, «тяжеловесность» идеологически-ориентированных текстов советского направления не позволили в полной мере раскрыть потенциал «глянца». [\[3, с. 67\]](#)

Прослеживая историю глянца в Европе, то к концу XX в. одним из самых популярных стал так называемый «Elle», издаваемый Элен Гордон Лазаревф во Франции с 1945 года. Другой глянцевый журнал под названием «Harper's Bazaar» вышел в свет впервые в 1867г. в Америке и до сих пор не сдает лидирующих позиций. Вместе с ним уже долгое время конкурирует за лидерство иной журнал «Vogue» 1892 г. Так же основное место в исследуемом сегменте занимают не менее популярные издания как: «Marie-Claire», «Vanity Fair», «L'Officiel de la couture» и «Esquire», первый глянцевый журнал для мужской аудитории. Именно эти издания уже более века указывают на модные тенденции и по большей мере влияют на развитие глобальной «транснациональной медиакультуры в аспекте медиафеномена «красота женского образа» [\[2, с. 151\]](#).

Стоит отметить, что современные российские женщины до сих пор находятся в легкой растерянности в вопросах статусно-ролевых позиций в обществе: западные глянцевые продукты медиарынка не находят отклика в сердцах советских-российских женщин в силу этнопсихологических различий между Россией и Западом.

Медиакультура, создавая «транснациональный образ эталонной молодой женщины» и внушая подобный образ, намеренно прибегают к стандартизированным женским изображениям, которые часто пагубно влияют для психологическое состояние читателей-женщин. Если раскрыть данный «стереотипизированный и эталонный образ», то такая девушка высокого роста, анорексичного тела сложения, обладающая модельной внешностью и источающая сексуальность на снимке. Но вместе со всем вышеупомянутым американские журналы последнее время намеренно отходят от привычных стандартов в сторону новых веяний, таких как боди-позитив, стандарта «антиэйдж» и выступают за индивидуализацию каждого женского образа [\[3, с. 67\]](#).

Большинство исследований, проводимых в области гендерных стереотипов, прибегают к количественному контент-анализу с целью выявления конкретных типов стереотипных изображений. Контент-анализ выбран для данного рода исследований, поскольку он представляет собой обобщающий, «количественный анализ сообщений, который опирается на научный метод, включая внимание к объективности/интерсубъективности, априорному дизайну, надежности, валидности, обобщаемости, воспроизводимости и

проверке гипотез». [6] Такой тип исследований актуален в данном контексте, поскольку предоставляет исследователям в области гендера набор полезных инструментов для изучения сообщений, содержащих информацию о поле и гендерных ролях. Полезный инструмент для исследования стереотипов о женских ролях должен отражать разнообразие женских ролей. Такой инструмент основан на категориях, предложенных и принятых в результате многочисленных исследований в этой области. [8, с. 447].

Ниже обратимся к примерам из глянцевого журналов, которые в своем визуальном компоненте имеют ядро репрезентации и стереотипизации женского образа. Стоит отметить, что выборка примеров сплошная, случайная и осуществлена без применения инструментов искусственного интеллекта (ИИ).

Рис. 1 – ПенелопаКрусвобразах Christian Dior Haute Couture авторства Джона Гальяно для испанского Vogue, 2000

На рисунке 1 известная актриса Пенелопа Крус из Испании предстала в стилизованном образе 20-30-х гг. XX века. В данном образе мы видим сочетание таких качеств, как феминность, ощущение кинодивы, стиль и мода 30-х гг. Данный эстетический образ является комплексным и не представляет стереотипизированный образ молодой испанки 2000-х гг. XXI века. Предлагаемый на рисунке 4 образ актуализирует понятие «ретро-сексизм», нередко эксплуатируемый медиа и к которому апеллируют зарубежные ученые: «it is interesting to observe that modern media seem to portray female bodies through the use of “retro-sexist” imagery of women in advertising» [8].

Рис. 2 – Кейт Мосс на обложке российского Vogue, 2013

На рисунке 2 изображена супермодель Кейт Мосс 1990-х гг.. Известность данной модели продемонстрирована на весь выпуск журнала, обеспечивая коммерческий успех всех продуктов, рекламируемых в данном выпуске издания.

Рис. 3 – «Natalia Vodianova Wears Louis Vuitton on Vogue Paris September 2014 Cover»/ Наталья Водянова на обложке журнала Vogue, 2014 (Digital)

Как видно из рисунка 3 у глянцевого журнала “Vogue” есть свой «цифровой аналог».

Именно медиа создавали и продолжают создавать процесс изменений репрезентации женщин, а также трансформации образов и представлений о красоте во всем мире. Так,

глянцевый журнал Vogue позволяет проследить интерпретацию красоты женских образов (обложка – как инструмент популяризации и стереотипизации образа красоты конкретного времени).

Рис. 4 – Марго Робби на обложке глянцевого журнала Vogue, 2021 (слева) и нового американского печатного глянцевого журнала Vogue, 2024 (справа)

На рисунке 4 продемонстрировано, что американская модель-актриса Марго Робби уверенно удерживает позиции эталонной молодой женщины 20+ в американском обществе в аспекте внешних данных на протяжении последних лет и является востребованным, культовым и публикуемым женским образом на обложках современных глянцевых журналов.

Рис. 5 – Американская певица Бейонсе в обнаженном виде, «транслирующая» боди-позитив и каноны красоты (для обложки нового альбома Cowboy Carter, март 2024)

На рисунке 5 видно, что 42-летняя певица позирует без одежды, но прикрываясь лентой и руками, при этом, транслируя ценности американского общества в аспекте внешности женщины и ее поведения. Так, подчеркивается, что в контексте культуры и социально-политических событий или даже вооруженных конфликтов разных стран женский образ и «красота женского образа» будут представлены по-разному.

Рис. 6 – Сара Полсон для The New York Post

Как видно из рисунка 6 современные американские тренды в вопросах красоты и женского образа связывают с явлениями боди-позитива и положительного отношения к возрастным женщинам 45+ (anti-

age движение).

Рис. 7 – Образ Анастасии Ивлеевой (популярной ведущей и блогера) 2020-х гг. на обложке Cosmopolitan

На рисунке 7 изображена популярная телеведущая и блогер Анастасия Ивлеева. Ее образ является типичным образом молодой красивой женщины в России. Следует отметить, что для российского медиасферы «глянца» внешние данные и женские образы далеки от совершенства; вместе с тем именно фактор медийности и известности обеспечивает популяризацию и тиражируемость этих женских образов в современном российском обществе.

Ниже обратимся к примерам из гляцевых журналов, которые в своем языковом компоненте имеют ядро репрезентации и стереотипизации женского образа. Также обращаем внимание на то, что выборка примеров сплошная, случайная и осуществлена без применения инструментов искусственного интеллекта (ИИ).

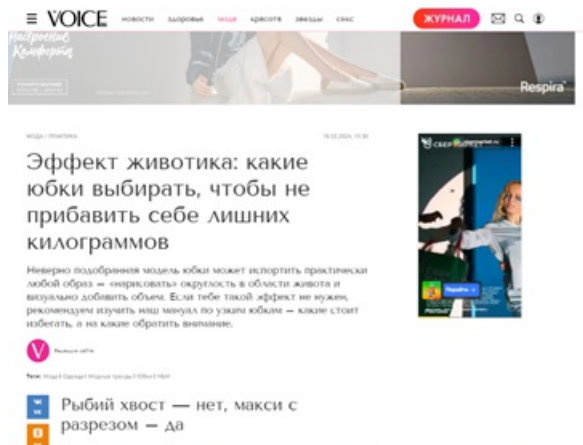

Рис. 8 – Статья, изданная в «Voice», объясняющая молодым женщинам, какую юбку выбрать для стильного образа

(https://www.thevoicemag.ru/fashion/how_to/effekt-zhivotika-kakie-yubki-vybirat-chtoby-ne-pribavit-sebe-lishnie-kilogrammy/)

«Эффект животика: какие юбки выбирать, чтобы не прибавить себе лишних килограммов». В данной статье с языковой точки зрения будет интересна лексическая единица «животик». В лексике гендерной лингвистики уменьшительно-ласкательные суффиксы передают эмоциональную окраску существительному. Стоит отметить, что окраска может быть, как положительная, так и отрицательная. Суффикс «ик» в данном примере показывает отрицательное значение. Автор данной статьи намеренно употребляет данный оборот для привлечения внимания читателя.

От тропической экзотики до сладкой нежнатины: 5 весенних идей маникюра с роскошными цветами

Впускаем весну в свое сердце с красивым нейл-артом в флористической тематике.

Тег: Маникюр | Идеи маникюра | Маникюр для длинных ногтей | Nail-тренды | Маникюр на коротких ногтях

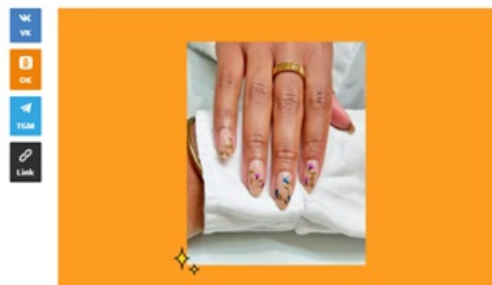

Рис. 9 – Статья, изданная в «Voice», объясняющая молодым женщинам популярные тренды в маникюре весной 2024 года

(<https://www.thevoicemag.ru/beauty/nails/ot-tropicheskoi-ekzotiki-do-sladkoi-nejnyatiny-5-vesennih-idei-manikyura-s-roskoshnymi-cvetami/>)

В данной статье с языковой точки зрения будет интересна лексическая синтагма «нежнятина». Русский язык, будучи флективным языком, часто изобилирует добавлением различных суффиксов, которые передают слово эмоциональную окраску. В данном примере синтагма «нежнятина» является своеобразным сравнением к оттенкам, используемых женщинами в маникюре. Автор намеренно употребляет сленговую единицу в заголовке статьи, тем самым показывая не только наивысшую степень нежности в выборе оттенков.

3 Jewellery Trends Set To Dominate 2024

The new pieces you need and how to style them.

Brought to you by Pandora

Profile Erin Cook

Facebook X Email Print

PRINT

Рис. 10 – Статья, изданная в «Elle», объясняющая молодым женщинам 3 популярных тренда при выборе украшений в 2024

(<https://www.elle.com.au/fashion/3-jewellery-trends-set-to-dominate-2024/>)

В данной статье с языковой точки зрения будет интересна лексическая синтагма «dominate». Автор намеренно ее использует для того, чтобы определить три превосходства заданных трендов в 2024 году над остальными. Анализируя данное слово с точки зрения гендерной лингвистики, то

можно прийти к выводу, что это своеобразная отсылка к феминистическим движениям в современном мире.

**Рис. 11 – Обложка китайского журнала
«Vogue». Апрель 2024
(<https://yaoshihui.vip/99799.html>)**

Издания, издающиеся не только на русском и английском языках, но и на других языках мира представляют огромный интерес для современных исследований. Необходимо отметить, что в силу языковых и культурных различий, средства и особенности выражения гендерно окрашенной лексики может быть различной. На рисунке 11 представлена обложка китайского журнала «Vogue», вышедшего в апреле 2024 года. В названии “服饰与美容” (Красота и простота в моде) можно выявить несколько гендерно окрашенных лексических единиц. Так, комбинация

иероглифов 美 (красота, красивый) и 容 (простота, простой) используется издателями для показания читателям главных модных трендов 2024 года в Китае.

Таким образом, проанализировав вышерассмотренные примеры, абсолютно четко прослеживается, что современные гляцевые журналы отражают современный уровень развития общества и языка синхронно. Виртуально-визуальные образы и языковая репрезентация в журналах – это своего рода информационная и текстовая компрессия. Степень компрессии статьи может определяться поставленной дискурсивной задачей.

Заключение

В настоящее время многие СМИ из традиционных форматов (печатные, гляцевые как дорогие продукты) переходят на цифровые платформы и аналоги; «активы» для продвижения своего контента и реализации новых общественно-значимых проектов (с участием телеведущих, топовых актрис и моделей). Онлайн-медиа становятся социальным институтом с еще большими полномочиями, чем в традиционных форматах, так как тиражируемость «цифры» высока; ответственность учредителей, медиа-издателей и журналистов выше. Так современные не только гляцевые издания, но и другие печатные издания выступают своего рода трендсеттером: они определяют тренды визуализации и языковой репрезентации в медиаиндустрии, киноиндустрии и fashion-журналистики в России и за рубежом. Для современной лингвистики такой тренд является источником новых исследований не только на языковом уровне, но и на междисциплинарном.

Весь спектр задействованных научных работ и источников необходимо считать крайне важным с научно-теоретической и научно-практической точки зрения, поскольку результаты теоретического анализа позволили вычлени методологию анализа и интерпретации визуальных текстов гляцевых журналов, в том числе в аспекте изучения визуальной культуры национальных медиасистем. «Новый язык медиакультуры», транслируемый через официальные и социальные медиа, предоставляет лингвистам и филологам инструменты визуализации женских образов посредством фотографий и иных средств визуализации, в том числе виртуализации при помощи нейросетей с гораздо более высокой степенью медиа-эффектов.

Современные медиатексты исследуются уже специальными методиками (н-р, методика

мультимодального анализа текстов), которые «оценивают» именно визуальную, графическую и языковую составляющие цифрового медиатекста. Современные «глянцевые» медиа (печатные и цифровые) – отдельный социальный институт. Авторы глянцевых изданий демонстрируют кейсы успешности молодых женщин, транслируя миру женские образы для подражания, формируют в обществах стереотипы красоты. Как и любые другие продукты масс-медиа, глянцевые издания и их цифровые аналоги формируют эстетические идеалы и вкусы национальных аудиторий, оказывают медиа-эффекты. Визуальные образы в современных изданиях – это своего рода информационная и текстовая компрессия, степень которой зависит от поставленной дискурсивной задачи, например, рассчитанными на аудиторию медиа-эффектами, и далее может быть различной: от незначительного сокращения до сжатия в одно предложение заголовков или одно изображение (карикатуру, мем, инфографику, карту), выражающее либо главную мысль публикации, либо отвлекающее от основного текста.

Анализ визуализации «глянцевых» медиа свидетельствует о том, что для них «характерна определенная идеологическая «тональность» или «интонация», понимаемая как способ интерпретации информации, которая отражает определенную систему ценностей общества и государства». Анализ языковой репрезентации показал, что компрессия и выбор гендерно окрашенной лексики имеет ключевое значение для воспроизведения женского образа. Стоит указать, что современные издания в большинстве случаев стремятся совместить как визуальную, так и языковую репрезентацию в одном продукте. Жанр «глянцевый журнал» не является новым, однако в условиях российских санкций он становится дополнительным маркетинговым инструментом у брендов, а с использованием нейросетей глянец становится быстро развивающейся отраслью, которая медиаэкспертами относится к новейшим информационным технологиям во всем мире.

Библиография

1. Ажгихина Н.И. Гендерные стереотипы в современных масс-медиа // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 8.
2. Багиев Г. Л. Экономика маркетинга: Учебное пособие. – СПб.: Издво СПбГУЭФ, 2016. 151 с.
3. Коломийцева Е. Ю. Формирование женского универсального журнала в отечественной журналистике XVIII–XX веков: история развития и типологические особенности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. №6. С. 67.
4. Леонтьев А. А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. Москва: Смысл, 2016. 2-е изд. 271 с.
5. Лобанова Т. Н. Языковые средства выражения коммуникативных стратегий в некооперативном дискурсе (на материале англоязычных ток-шоу) // Филология: научные исследования. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69507 EDN: EOFVYE [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69507 (дата обращения: 24.03.2024).
6. Song Suhong, Zhu Yaqi. A study on the relationship between social media use and negative body imagery of women // Contemporary Communication. 2019. №6. Pp. 29-38.
7. Wu Linan. The dilemma of female portrayal in "female-oriented" online novels // Writers' World. 2021. №8. Pp. 10-13.
8. Yorgos C. Zotos, Eirini Tsihla. Social and Behavioral Sciences. NJ: Procedia, 2014.
9. Zhao, Hongxia. Research on Chinese feminist literary criticism since 1980s. NJ: Northeast Normal University, 2018.
10. Zhu, Mei-Ming. An analysis of the changing female characters in the development of online romance novels // Young Literati. 2021. №5. Pp. 45-46.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Репрезентация и стереотипизация женского образа в современных масс-медиа (на материале глянцевого журнала)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду того, что тематика женского образа в современных СМИ не являлась предметом масштабных научных изысканий.

Так, исследование женских образов в русле дискурсивной лингвистики предполагает изучение языковой и визуальной репрезентации женщины на конкретном материале и в определенный период времени. Именно в данном ракурсе автор проводит свое исследование.

Целью данной статьи является анализ языковой и визуальной репрезентации образа женщины в современных масс-медиа (на материале глянцевого журнала), а также особенностей лингвистического (языкового и визуального) конструирования образа женщины в современной дискурсивной лингвистике.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в литературоведении. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Статья является новаторской, одной из первых в российском литературоведении, посвященной исследованию подобной тематики.

Методология исследования адекватна поставленным задачам. При проведении данного исследования применяются не только общенаучные методы, такие как описание, классификация, сопоставление, интерпретации, анализ, классификация, систематизация, но и специальные лингвистические методы анализа лексико-семантических групп: контекстный и стилистический анализ семантики, метод психолингвистического моделирования, метод комплексного анализа.

Автор применял сплошную, случайную выборку примеров без применения инструментов искусственного интеллекта. Однако непонятен объем языкового материала, на котором зиждется исследование. Насколько велик текстовый корпус и из каких источников он был получен?

Структурно отметим, что данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования.

Библиография статьи насчитывает 10 источников, среди которых представлены труды как на русском языке, так и на иностранном.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Считаем, что для проведения исследования подобной темы библиография должна быть больше. Кроме того, в отечественном литературоведении есть достаточное количество работ, посвященных теории образа.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

Высказанные замечания не являются критическими. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь

логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по литературоведению и дискурсивной лингвистике. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Репрезентация и стереотипизация женского образа в современных масс-медиа (на материале глянцевого журнала)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Садовникова Ю.М. Реализация концепции особенностей исторического романа Вальтера Скотта на примере романа Барри Ансуорта «Моралите» // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70179 EDN: OTFTRF
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70179

Реализация концепции особенностей исторического романа Вальтера Скотта на примере романа Барри Ансуорта «Моралите»

Садовникова Юлия Михайловна

ORCID: 0000-0003-4788-0490

аспирант кафедры литературы Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

248000, Россия, Калужская область, г. Калуга, пер. Воскресенский, 4

✉ OrangeLioness@yandex.ru[Статья из рубрики "Постмодернизм"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.4.70179

EDN:

OTFTRF

Дата направления статьи в редакцию:

20-03-2024

Аннотация: В статье рассматриваются особенности концепции исторического романа Вальтера Скотта на примере романа Барри Ансуорта "Моралите" (Unsworth "Morality Play"). Цель настоящей статьи заключается в выявлении особенностей и принципов исторического метода. Великая заслуга выдающегося шотландского писателя Вальтера Скотта (1771-1832) состояла в том, что он внес в литературу принцип историзма, написал целый ряд блестящих исторических романов. В них перед читателями предстает картина борьбы противоречивых и сложных интересов различных социальных групп, партий, религиозных сект. Его исторические романы позволяли лучше понять современные проблемы. Он соединил историческую правду с вымыслом, пояснив правомочность такого соединения тем, что "важнейшие человеческие страсти во всех своих проявлениях, а также и источники, которые их питают, общие для всех сословий, состояний, стран и эпох; отсюда с неизменностью следует, что хотя данное состояние общества влияет на мнения, образ мыслей и поступки людей, эти последние по самому своему существу чрезвычайно сходны между собой. Вальтер Скотт был

родоначальником исторического романа в его современном понимании. Им в XIX веке были выработаны принципы исторического метода, позволявшего создавать увлекательные, освобожденные от чрезмерной архаизации языка и вместе с тем сполна передающие своеобразие и узнаваемый отпечаток описываемой эпохи, романы. В XIX веке, наряду с традицией, восходящей к Вальтеру Скотту, заявила о себе и иная форма эстетического проникновения в прошлое. Реальные исторические персонажи в таких произведениях необязательны, хотя их присутствие не исключается. "Героем" для писателя служит не историческое событие, а "эпоха". Автор такого произведения создает свой самодостаточный мир, достигает убедительности не более или менее точным следованием историческому материалу, а реальностью психологического переживания героев, реальностью (нередко иллюзорной) быта. Роман «Моралите» («Morality Play») – историко-детективный роман британского писателя Барри Ансуорта, был опубликован в 1995 году, а впервые на русском языке был издан в 2005 году. Роман и является примером плодотворного сочетания двух обновленных жанров: новой исторической фантастики и метафизического детектива.

Ключевые слова:

Ансуорт, Моралите, постмодернизм, Скотт, историзм, роман, правосудие, власть, расследование, детектив

Исторический роман – это роман, воссоздающий в художественной форме конкретную историческую эпоху. История в историческом романе соединяется с частной жизнью, поэтому выбор героя и особенность организации времени являются важными критериями для выявления жанровых признаков исторического романа и дальнейших путей развития жанра. Исторический роман возникает на рубеже XVIII–XIX веков. Принято считать, что жанр исторического романа создан Вальтером Скоттом, таким образом, в британской литературе сложилась «классическая модель, парадигма жанра».

Задача исторического романа – дать художественными средствами свидетельство о том, что определенные исторические (обстоятельства и люди действительно существовали и были именно (такими, как их рисует писатель. Как отмечал Лукач Г. «историческому роману до Вальтера Скотта не хватает именно исторического мышления, другими словами, понимания того, что особенности характера людей вытекают из исторического своеобразия их времени» [\[3\]](#).

Проскурнин утверждает, что «под историческим романом вальтерскоттовского типа подразумевается произведение, в котором доминирует словесно-образное осмысление исторических тенденций (закономерностей), соединяющих прошлое и настоящее в единый поток времени, определяющих судьбу и внутренний мир героя, то есть человека реконструируемой писателем эпохи и неизбежно включающих его в процесс созидания истории». [4: 23]

В историческом романе время изображенной эпохи и время автора определяются исторической дистанцией между ними. Образ эпохи воссоздается автором за счет включения в повествовательную структуру фольклорных элементов, эпиграфов, символов, образов пространства, описаний быта, пейзажей и интерьера. Время автора, которое всегда связано с его концепцией истории, часто выражается в авторских отступлениях, где даются исторические справки или рассуждения о роли исторического события и исторических личностей в истории. И художественное время, и герой в

историческом романе, с одной стороны, определяются исторической концепцией автора, с другой стороны, образы героя и времени раскрывают образ изображенной эпохи.

Вальтер Скотт дошел до исторического романа, подробно обдумав его эстетику, оттолкнулся от хорошо известных и популярных в то время готического и антикварного романов. Готический роман воспитывал у читателя интерес к месту действия, а следовательно, научил художника соотносить события с конкретной национальной основой. В готическом романе усиленный драматизм сюжета, характер получил право на самостоятельность поведения и раздумье, потому что он тоже содержал в себе часть драматизма исторического времени. Антикварный роман научил Вальтера Скотта внимательно относиться к местному колориту, реконструировать прошлое профессионально и без ошибок, воспроизводящие и не только правдивость материального мира эпохи, но, главным образом, своеобразие духовного обличия.

Особенности исторического романа В Скотта:

1. Сочетание правдивого изображения прошлой жизни и интересной динамической интриги, движущими силами которой были большие человеческие страсти: зависть, ревность, мстительность, жадность и любовь к своему краю, роду, семье.

2. Описание, рассказ, диалог - 3 компонента романа, которые в своеобразном соотношении соединены в единое целое.

Описания Вальтера Скотта выполняли роль не только экспозиции, но и исторического комментария к событиям персонажей. Повествовательная линия в романах создала историческую перспективу развития событий, писатель призывал своего читателя к новой роли - не только участника событий, но и постороннего человека, который на все смотрел со стороны. Диалоги отличались историзмом, особенностями поэтики. Отстранение автора от рассказа дало возможность персонажу самостоятельно передвигаться, мыслить и говорить.

3. В романах Вальтера Скота сочетаются романтические приключения, высокие чувства и низость отдельных героев, которые руководствовались в своих поступках часто противоположными мотивами.

4. Все герои разделены на несколько групп:

-реальные исторические персонажи - не стояли в центре повествования;

-люди из народа - активно участвовали в развертывании сюжета, создавали обобщающий образ - народ, который включил в себя различные социальные группы;

-молодой человек - с ним связана фабула - не было слишком выразительных индивидуальных черт, но отмечался порядочностью, честностью, смелостью и здравым смыслом.

5. Воспитание героя путем тяжелых переживаний, страданий, проверки на мужество в приключениях и путешествиях, полных испытаний и угроз.

6. В романе ощутима тесная связь исторической жизни с личным, исторического события с судьбой героя. Но центральное место в произведении занимает изображение истории, её движение и развитие, понимание писателем исторического процесса.

7. Писатель далек от иллюзий.

Современный исторический роман по-новому решает проблемы воссоздания событий прошлого, поиска исторической правды, связи прошлого и настоящего, а также экзистенциальные проблемы обретения человеком своей индивидуальности и своего места в мире. Этот жанр в полной мере воплощает поэтику постмодернизма, для которой характерен синтез литературы и истории, двойное кодирование, использование комплекса разного рода нарративов. Он также позволяет сделать читателя сотрудником автора в процессе исторической реконструкции эпох и событий.

Конец 1970-х–начало 1980-х гг. – период, когда в британскую литературу (да и культуру в целом) начинается вторжение ключевое философско-эстетическое явление рубежа XX–XXI вв. – постмодернизм, которому, правда, не удалось «подмять» под себя крепкую, идущую еще от Дж. Чосера, реалистическую, а точнее, реалистико-психологическую традицию в английской литературе. Но есть один момент, особо отличающий постмодернистские литературные практики в литературе Великобритании рубежа XX–XXI вв.; имеется в виду то, что критики единодушно называли «постмодернистским бумом» исторических повествований, когда исторический роман, по меркам британских исследователей, субжанр социального романа, «обрастает» значительным разнообразием поджанров.

Это время в истории британской литературы называют временем «одержимости историей» у большинства британских писателей, которые, подчеркнем, вовсе не обязательно истово исповедовали постмодернистскую философско-эстетическую идеологию, а прибегали к использованию открытий постмодернистской поэтики, особенно новаций У. Эко, а также вдруг актуализировавшегося магического реализма в духе Г. Г. Маркеса и Г. Грасса. При этом многие делали это вовсе не для того, чтобы постмодернистски показать релятивность истории, смешение и неразличимость времён, в том числе и при помощи саморефлексирующей, нарочито обнажающей свою литературность историографической метапрозы,

эпатирующего разрушения «реалистической иллюзии» и тотального осмеяния мимесиса. Читая и размышляя над названными выше романами, а также историческими повествованиями Дж. Барнса, М. Брэбери, Гр. Свифта, А. Торпа, А. Картер, Д. Митчелла, Р. Тримейн, Х. Мантел (перечисляем здесь и выше весьма разных по подходу к реконструкции прошлого писателей), особенно в аспекте этапных сдвигов в исторической прозе Британии последних полутора десятилетий XX в., приходишь к выводу, что время собственно «постмодернистской концепции истории, проблематизирующей понятие памяти, нарратива, доступности знания о прошлом», время господства «конвенций историографической метафизики» весьма быстро прошло в британской литературе [2: 325–326].

Основная часть

В представленной работе будет рассмотрена реализация концепции особенностей исторического романа Вальтера Скотта на примере романа Барри Ансуорта «Моралите».

Действие романа происходит в четырнадцатом веке в средневековой Англии. Группа странствующих комедиантов отправляется в город Дарем. В стране «Праздник Смерти», двенадцать лет спустя вернулась чума. Похороны члена труппы и смерть двенадцатилетнего мальчика Томаса Уэллса заставляет комедиантов сделать остановку в маленьком городке по пути. По подозрению в убийстве в тюрьме находится дочь ткача и ожидает смертной казни: «Правосудие в этом городе вершится быстро, — сказал Соломинка. — Всего два дня, как его нашли на дороге, а женщину уже судили и

приговорили». [1: 18]

Интрига романа заключается в том, что год назад до короля стали доходить слухи о пропаже детей: «бездомных детях в городе, детях-сиротах, приходивших просить милостыню к воротам замка. Всегда только мальчики». [1: 96] Нищий утверждает, что пропавшие дети стали ангелами: «Его (*прим. Томаса Уэллса*) они нашли раньше ангелов, — сказал он. — Рано поутру они принесли его домой. А сыночка Роберта Мура и младшенького Саймона, кузнеца, и мальчика, который пас овец, Джона Гуди, их ангелы нашли первыми.

— О чем ты говоришь? — сказал Мартин. — Были и другие? Кто его нашел? Кто нашел Томаса Уэллса?

— Джек Флинт его нашел. — Глаза дурачка ярко сверкали. Его рот был омутом слюны. — Грехи, как камни, — сказал он. — Но дети легонькие, они могут летать. Своими глазами я видел их. — Он поднял руку ладонью наружу, растопылив пальцы, и подержал ее перед улыбающимся лицом, будто заслоняя глаза от слепящих лучей и в то же время стараясь увидеть в просветы дивное зрелище. — Я увидел над домами, — сказал он. — Они пели, когда уносили их. От света у меня заболели глаза. Я сказал Джейн Гуди: твое дитя с ангелами на Небесах, но она не утешилась. И искала его повсюду». [1: 37]

Таким образом, смерть двенадцатилетнего мальчика не является единственной. Отличие от других смертей в том, что тело Томаса Уэллса было обнаружено. И это не случайность, а, как выяснится в ходе расследования, спланированная акция монаха Симона Дамиана, духовника сына лорда де Гиза.

Движущими силами романа являются жадность, мстительность, злоупотребление властью и как ни странно, любовь к ближнему. Правосудие в городе лорд де Гиз вершит мгновенно. По его приказу повешен монах. Судья, приехавший в город, вершит Королевское правосудие.

ЖАДНОСТЬ: Лорд де Гиз «держит под оружием больше людей, чем надобно, и они непокорны, буйны и угрожают миру в королевстве, подати — прерогатива короля — идут на уплату им. Он объединяется с другими такими же, чтобы отстаивать право лордов как пэров королевства выносить приговоры равным себе, таким образом опровергая право короля судить их. Он берет закон в свои руки. Только королевским судьям дано судить за тяжкие преступления в графствах, и все штрафы и конфискации должны поступать в королевскую казну, однако этот лорд присваивает право разбирать подобные дела суду своего шерифа, и все деньги поступают в его сундуки». [1: 95]

Судья с уверенностью заявляет, что теперь лорд станет послушнее: «Есть смертные грехи и смертные грехи. Некоторые из них могут прибавить блеска его гордости. Но не содомский грех. Нет, я поговорю с ним, и он прислушается, и будет продолжать прислушиваться до конца своих дней». [1: 96]

МСТИТЕЛЬНОСТЬ: Монах, духовник сына лорда, намеренно оговорил немощную глухонемую дочь ткача. Целью был ее отец, потому что он обличает монахов и их ордена, «а особенно бенедиктинцев, самых ленивых и распутных из всех. Сей Симон Дамиан — посланец Ада, он прислуживает лорду и помогает ему жить в роскоши нашими трудами, нашим добром. Мы голодаем, а они пируют, мы стонем, а они пляшут». [1:60] Монах осознанно пришел со слугой лорда, чтобы найти кошелек с деньгами и нашел, но просчитался с подозреваемым.

«— Правосудие пока еще не свершилось, добрые люди. Почему был Монах повешен? Когда мы узнаем почему, мы узнаем и кто. Все возвращается к находке мальчика убитым. Томас Уэллс был пятым. Тем, кого нашли. Если Монах увел с собой Томаса Уэллса, не он ли уводил всех остальных? Но покарали его только за того, кто был найден. Не потому ли, что он подстроил, чтобы его нашли?» [1:77]

За свою мстительность Симон Дамиан расплатился собственной жизнью

СТРАСТЬ: Сын лорда не смог усмирить свою похоть, апогеем стало то, что в процессе насильственного акта содомии он душил мальчика и одним движением сломал ему шею.

ЛЮБОВЬ К БЛИЗНЕМУ: Комедианты планировали похоронить своего друга в освященной земле, поэтому решили продолжить путешествие с покойником в своей повозке во время чумы.

Расследуя убийство двенадцатилетнего мальчика, руководитель труппы влюбился в девушку, которую хотели казнить и «хотел, чтобы мы помогли ему спасти девушку. И сила его желания воздействовала на нас, как и извращенность желания, которое он испытывал к ней, которое овладело им, будто недуг». [1:67]

В романе «Моралите» повествование ведется от первого лица. Никлас Барбер, беглый священник, ведет ретроспективный рассказ и является непосредственным участником событий.

Игры о Томасе Уэллсе, которые комедианты показывают – это импровизация, основанная на рассказах жителей города. Комедианты предлагают зрителям стать участниками представления. Разыгрывая пьесы, они на ходу меняют слова и движения, основываясь на вопросах и комментариях зрителей, что каждый раз приводит комедиантов к незапланированному финалу.

Всего труппа успевает показать три игры о Томасе Уэллсе, однако все эти представления отличаются друг от друга не только содержанием, но и степенью переплетения с жизнью. Каждое следующее представление все теснее граничит с жизнью, в какой-то момент становясь с ней единым целым, и в конце концов полностью стирая грань между жизнью города и спектаклем комедиантов.

Накануне последнего представления труппы во дворе замка в ристалище происходит рыцарский турнир. Размышления Никласа о турнирах дают понять, что турниры являются теми же играми, однако не несут в себе никакого смысла: «Наряжаются, чтобы убивать в игре» [1:38]. Вдобавок, рыцарские поединки уже давно превратились в зрелище, ведь даже рыцарские копыта должны быть затупленными: «Сражаться разрешалось только затупленными копытами или с защитными коронками на остриях. Если в поединке рыцарь получал удар в голову или в грудь, он считался проигравшим» [1:80]. Более того, подобно странствующим комедиантам, зазывающим всеми возможными способами зрителей на свои представления, рыцари, собирающиеся на турнир, делают то же самое: «два всадника, а с ними огромный черный зверь, чья голова поднималась над ними, и глаза у него были красные, а поверх головы вместе с ним двигалось нечто багровое, темно-багровое в белизне снега, и я понял, что это пламя дыхания Зверя» [1:31]. Именно поэтому в наводящем непонимании и ужасе появлении рыцаря, направляющегося на шестидневный турнир в замок, комедианты узнают самих себя: «У них вся жизнь в том, чтобы выставлять напоказ свои наряды и доспехи. (...) Они такие же, как мы, странствующие комедианты. (...) Все, что им требуется, они возят с собой, совсем как мы» [1:32].

Турнир происходит под пристальным взглядом комедиантов, наблюдающих за рыцарями сверху из своего плена: «Теперь мы, в свою очередь, были зрителями, а они – комедиантами, играющими Гордость и Доблесть» [1:80]. Однако зрелище заканчивается трагедией, которая в очередной раз нарушает условные границы между театром и жизнью: «Роджер Ярм (...) в желании славы или наживы днем он снова выехал на ристалище и был поставлен против рыцаря старше него, (...) Копье старшего рыцаря было отражено, но не полностью, острое скользнуло вверх по щиту противника и задралось к его голове. (...) он получил скользящий удар ото лба к затылку и тяжело упал боком с коня на землю, где остался лежать без движения» [1:82]. При всей своей подлинности эта трагедия театральна, потому что также произошла на сцене, и тоже стала частью Игры о Томасе Уэлсе.

В романе Барри Ансуорта, так же, как и в романах Вальтера Скотта сочетаются романтические приключения, высокие чувства и низость отдельных героев, которые руководствовались в своих поступках часто противоположными мотивами.

Роман начинается и заканчивается смертью, точнее перерождением беглого священника Никласа Барбера, который принял решение стать комедиантом.

Ансуорт показывает, как труппа комедиантов решила перейти от религиозной драмы к светской. Барри Ансуорт по-своему переосмыслил переход от религиозных сюжетов мистических и нравственных пьес к событию из реальной жизни – убийству маленького мальчика.

Заключение

Как и Вальтер Скотт Барри Ансуорт далек от иллюзий. Автор заинтересован не в том, чтобы заставить нас пытаться угадать правду, а в том, чтобы показать, что происходит с теми, кто говорит правду власти. Комедианты в поисках правды рискуют собственными жизнями и в финале не ясно сохранили ли им их. Барри Ансуорт не пытается имитировать средневековый склад ума. То, что он ищет, – это способы сказать что-то о нашем собственном времени - или о любом другом времени - используя возможности труппы. «Истина» - один из архетипов, который появляется в более поздних постановках пьесы, а «власть» - один из аспектов мира, который, как он рассказывает зрителям, он стремится подвергнуть сомнению.

Никлас Барбер приходит к выводу, что переписывание манускриптов никогда не было для него чем-то святым, а просто той ролью, которая, как он думал, была возложена на него. Он говорит королевскому судье, что будет придерживаться единственной жизни, которая позволит ему переходить от части к части по желанию. Это финальная последняя шутка Ансуорта. На протяжении всего романа, и особенно в концах глав, Николас предсказывает грядущие ужасы и кошмары. Но они не наступают. Комедианты сказали правду власти и им это сошло с рук.

Библиография

1. Ансворт, Б. Моралите / Барри Ансворт. Пер. с англ. И.Г. Гуровой. М.: Транзиткнига / АСТ, 2004. – 240 с.
2. Кабанова, И.В. "Чистое сияние прошлого": исторический роман Хилари Мантел// Два века английского романа. Коллективная монография. К 70-летию профессора Б.М. Проскурнина. С.-Петербург: изд-во "Маматов", 2021. С. 325-347.
3. Лукач, Г. Исторический роман / Г. Лукач. – Текст: электронный // Литературный критик. – 1937, – № 7, 9, 12; 1938, № 3, 7, 8, 12. –

URL: https://royallib.com/read/lukach_georg/istoricheskiy_roman.html#0

4. Проскурнин, Б.М. Современный английский исторический роман: традиция и диалог с нею // Мировая литература в контексте культуры. 2023. № 16 (22). С. 23-32.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Изучение исторического романа процесс весьма непростой, если не сказать, сложный и трудоемкий. Для исследователей данного направления необходимо учитывать множественность параметров создания этого жанрового конструкта. Исторический роман синтезирует как собственно реальный пласт, так и предусматривает трансформационное преобразование фактического материала. Следовательно, заявленная в статье проблема интересна, актуальна, по-своему продуктивна. Автор обращается к вопросу реализации концепции особенностей исторического романа Вальтера Скотта на примере романа Барри Ансуорта «Моралите». Как отмечается в начале труда, «исторический роман – это роман, воссоздающий в художественной форме конкретную историческую эпоху. История в историческом романе соединяется с частной жизнью, поэтому выбор героя и особенность организации времени являются важными критериями для выявления жанровых признаков исторического романа и дальнейших путей развития жанра», «задача исторического романа - дать художественными средствами свидетельство о том, что определенные исторические (обстоятельства и люди действительно существовали и были именно (такими, как их рисует писатель)», «В историческом романе время изображенной эпохи и время автора определяются исторической дистанцией между ними. Образ эпохи воссоздается автором за счет включения в повествовательную структуру фольклорных элементов, эпитафий, символов, образов пространства, описаний быта, пейзажей и интерьера» и т.д. Методология работы, на мой взгляд, соотносится с принципами компаративистики, сопоставительный формат в данном случае наиболее уместен. Стоит отметить, что работа имеет выверенный, конструктивный характер; должная ссылочная, цитатная база конкретизирована. Например, «Проскурнин утверждает, что «под историческим романом вальтерскоттовского типа подразумевается произведение, в котором доминирует словесно-образное осмысление исторических тенденций (закономерностей), соединяющих прошлое и настоящее в единый поток времени, определяющих судьбу и внутренний мир героя, то есть человека реконструируемой писателем эпохи и неизбежно включающих его в процесс созидания истории» и т.д. Суждения по ходу работы объективны, точны, фактические нарушения не выявлены. Привлекает в текста статьи умение автора сформировать диалог с потенциальным читателем, при этом обозначив главные аспекты, ориентированные на манифестацию собственной точки зрения. Например, «современный исторический роман по-новому решает проблемы воссоздания событий прошлого, поиска исторической правды, связи прошлого и настоящего, а также экзистенциальные проблемы обретения человеком своей индивидуальности и своего места в мире. Этот жанр в полной мере воплощает поэтику постмодернизма, для которой характерен синтез литературы и истории, двойное кодирование, использование комплекса разного рода нарративов. Он также позволяет сделать читателя сотрудником автора в процессе исторической реконструкции эпох и событий» и т.д. Анализ романа Барри Ансуорта «Моралите» дается в режиме разверстки всех основных уровней: «Действие романа происходит в четырнадцатом веке в средневековой Англии. Группа странствующих комедиантов отправляется в город Дарем. В стране «Праздник Смерти»,

двенадцать лет спустя вернулась чума. Похороны члена труппы и смерть двенадцатилетнего мальчика Томаса Уэллса заставляет комедиантов сделать остановку в маленьком городке по пути. По подозрению в убийстве в тюрьме находится дочь ткача и ожидает смертной казни: «Правосудие в этом городе вершится быстро, — сказал Соломинка. — Всего два дня, как его нашли на дороге, а женщину уже судили и приговорили», или «Движущими силами романа являются жадность, мстительность, злоупотребление властью и как ни странно, любовь к ближнему. Правосудие в городе лорд де Гиз вершит мгновенно. По его приказу повешен монах. Судья, приехавший в город, вершит Королевское правосудие» и т.д. Ведущие составляющие / сцепки текста А. Ансуорта с историческим романом Ватера Скотта сводятся к таким номинациям как «жадность», «мстительность», «страсть», «любовь к ближнему». Необходимый иллюстративный фон введен правильно. Смежность также проговаривается достаточно точно: «в романе Барри Ансуорта, так же, как и в романах Вальтера Скотта сочетаются романтические приключения, высокие чувства и низость отдельных героев, которые руководствовались в своих поступках часто противоположными мотивами. Роман начинается и заканчивается смертью, точнее перерождением беглого священника Никласа Барбера, который принял решение стать комедиантом». Считаю, что основная цель работы достигнута, поставленный вектор задач решен, главное, что тема раскрыта. Автор приходит к следующим выводам: «как и Вальтер Скотт Барри Ансуорт далек от иллюзий. Автор заинтересован не в том, чтобы заставить нас пытаться угадать правду, а в том, чтобы показать, что происходит с теми, кто говорит правду власти. Комедианты в поисках правды рискуют собственными жизнями и в финале не ясно сохранили ли им их. Барри Ансуорт не пытается имитировать средневековый склад ума. То, что он ищет, — это способы сказать что-то о нашем собственном времени - или о любом другом времени - используя возможности труппы. «Истина» - один из архетипов, который появляется в более поздних постановках пьесы, а «власть» - один из аспектов мира, который, как он рассказывает зрителям, он стремится подвергнуть сомнению...». Работа обладает должной научной новизной, она интересна, материал может быть использован при изучении истории зарубежной литературы, а также теории литературы. Основные требования издания учтены, формальная правка текста излишня. Рекомендую статью «Реализация концепции особенностей исторического романа Вальтера Скотта на примере романа Барри Ансуорта «Моралите» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Хуан И. Метафорика стыда в китайском и русском языках // Litera. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.4.70486 EDN: NVALIE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70486

Метафорика стыда в китайском и русском языках

Хуан Ифань

ORCID: 0000-0002-2346-9237

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра теории и практики иностранных языков, Российский университет дружбы народов

119526, Россия, г. москва, ул. 26 Бакинских Комиссаров, 10, кв. 32

✉ huangyifan_2021@163.com

[Статья из рубрики "Сравнительно-историческое литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.4.70486

EDN:

NVALIE

Дата направления статьи в редакцию:

17-04-2024

Аннотация: В статье представлен сопоставительный анализ метафор, отражающих эмоцию стыда в русском и китайском языках. Методы концептуального анализа, сопоставительного анализа, метафорического моделирования и корпусного исследования метафорических единиц применяются на материале китайских корпусов ВСС и ССЛ и русского корпуса НКРЯ. Цель работы - изучить эмоциональные метафоры стыда в русском и китайском языках и выявить сходства и различия в концептуализации стыда в двух лингвокультурах. Методологической основой исследования является теория когнитивных метафор Дж. Лакоффа. Согласно этой теории, метафоры стыда в русском и китайском языках были разделены на пять типов: физический, природный, онтологический, поведенческий и сенсорный. В результате исследования выяснилось, что в разных культурах существует сходство в использовании метафор для выражения стыда, что может свидетельствовать об универсальной биологической основе этой эмоции. Однако тенденции и различия в когнитивных процессах приводят к значительным различиям между русскими и китайцами в том, как метафоры используются для выражения стыда. Исследование метафор стыда в русском и

китайском языках представляет собой важную тему для сопоставительного анализа языковых особенностей, который способствует более глубокому пониманию культурных особенностей и эмоциональных проявлений в различных культурных контекстах. В результате исследования выяснилось, что в разных культурах существует сходство в использовании метафор для выражения стыда, что может свидетельствовать об универсальной биологической основе этой эмоции. Однако тенденции и различия в когнитивных процессах приводят к значительным различиям между русскими и китайцами в том, как метафоры используются для выражения стыда. Исследование метафор стыда в русском и китайском языках представляет собой важную тему для сопоставительного анализа языковых особенностей, который способствует более глубокому пониманию культурных особенностей и эмоциональных проявлений в различных культурных контекстах.

Ключевые слова:

стыд, эмоции и чувства, русский язык, китайский язык, теория метафорического моделирования, метофара, типы эмоциональных метафор, когнитивные метафоры, метафорическая единица, эмоциональные метафоры

В современной когнитивной лингвистике метафорическое мышление играет не менее важную роль, чем мышление рациональное: «Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет»^[7]. В случае с новым, сложным объектом, который еще не до конца понятен, человек использует элементы из другой, более знакомой и понятной области, чтобы понять его смысл, - метафорическая проекция из одной концептуальной категории (сферы-источника) в другую (сферу-мишень). В сознании носителей языка связь между более близкими концептуальными категориями существует в виде метафорической модели, которая представляет собой схему того, как человек мыслит и действует. «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична»^[6].

Метафора - это троп, в основе которого лежит сопоставление сходства предметов, явлений, поведения и признаков. Она образно представляет сходство одного объекта с определенными чертами другого через называние последнего^[5]. В современной науке наблюдается заметный рост интереса к теории метафорического моделирования. Этот интерес, в значительной степени, связан с монографией «Метафоры, которыми мы живем», авторами которой являются Дж. Лакофф и М. Джонсон. В их работе акцентируется внимание на том, что метафора не ограничивается лишь языковой областью, но также охватывает сферы действия и мышления.

Эмоции как явление психики имеют чрезвычайно сложную концептуальную структуру. «Особенностью эмоциональных феноменов является то, что они недоступны для непосредственного наблюдения и могут быть исследованы главным образом с помощью языковых репрезентаций, среди которых основное место занимают метафорические единицы»^[3]. Эмоции выражаются двумя способами: напрямую, то есть с помощью невербальных и паравербальных средств, и косвенно, то есть путем сначала концептуализации эмоции, а затем ее выражения в языке (Foolen 1997: 21)^[9]. В случае исследуемой в настоящей работе эмоции стыда, метафоры представляют собой когнитивную модель данного эмоционального состояния, непрототипическое выражение

внутреннего мира стыдящегося человека в русском и китайском языках.

В данной работе используются такие методы исследования, как концептуальный анализ, сопоставительный анализ, метафорическое моделирование и корпусное исследование. Цель исследования - изучить эмоциональные метафоры стыда в русском и китайском языках и выявить сходства и различия в концептуализации стыда в двух языковых культурах. Материалом для исследования послужили результаты анализа 24 метафорических единиц в китайских корпусах ВСС и ССЛ и 29 метафорических единиц в русском корпусе НКРЯ. Методологической основой исследования является теория когнитивных метафор Дж. Лакоффа. Согласно этой теории позволил выделить пять типов метафор стыда: 1) физический, 2) природный 3) онтологический 4) поведенческий 5) сенсорный.

1. Физический тип эмоциональных метафор

Эмоция есть переживание физиологических изменений в организме, следующих за восприятием объекта (стимула)^[4]. Внешние стимулы инициируют физиологические реакции в организме человека, которые, в свою очередь, порождают эмоциональные реакции, подчеркивая тем самым, что эмоции представляют собой осознание изменений в теле. Другими словами, эмоции тесно связаны с физиологическими изменениями в органах и частях человеческого тела, таких как органы чувств, конечности, кожа, мышцы, внутренние органы, кости и прочее. Из всех этих изменений особенно заметна и прямая связь между эмоциями и выражением лица.

Когда человек испытывает стыд, его щеки и всё лицо краснеют. Этот физиологический симптом находит отражение в языке, в способах языкового описания стыда: *ря: Она сильно покраснела, как умеют краснеть белые блондинки. Стыд парализовал ее. (Владимир Дудинцев);* *кя: "骂自己不脸红", 并非可耻的事, 问题在于我是不是在讲真话。(巴金/随想录) (перевод: Не стыдно « себя обругать, не краснея»; вопрос в том, говорю ли я правду.)* В китайском языке стыд может быть выражен неявно, не как прямое покраснение лица, а скорее как «изменение цвета лица»: *我们有时也变色, 害怕、愤怒、羞耻和其他情欲改变我们的脸色。(蒙田) (перевод: Иногда мы меняем свой цвет лица, страх, гнев, стыд и другие страсти меняют наш цвет лица.)* Однако у некоторых людей сужены кровеносные сосуды и снижен кровоток. Такие люди бледнеют в стрессовых ситуациях, включая ситуации стыда, например: *Если б я имел перо ваше, с какою бы живостию изобразил я, как, пораженный сим нечаянным ударом, бессовестный судья бледнеет.* (Д. И. Фонвизин. К г. Сочинителю). В русском и китайском языках «лицо» рассматривается как «контейнер эмоций» или «зеркало эмоций» для выражения чувств: *ря: На лице его было написано страдание и какой-то стыд... (Л. А. Данилкин);* *кя: 似乎有很大的耻辱贴在我的脸上。(舒群) (перевод: На моем лице, казалось, застыла огромная гримаса стыда.)*

Люди воспринимают окружающий мир посредством зрения и могут выражать свои внутренние состояния с помощью движений глазных мышц, что обуславливает метафору «глаза как окна души». Глаза являются ключевым инструментом эмоциональной коммуникации в силу их выразительности. В соответствии с теорией Ч. Дарвина^[8], глаза являются одним из первичных способов выражения стыда: они могут быть опущены или «бегать из стороны в сторону», веки прикрыты, а иногда глаза полностью закрыты: *ря: Зулейха, краснея от невыносимого стыда, опускает глаза и высказывает в сени. (Гузель Яхина);* *кя: 金凤姐觉得脸上一阵热, 连忙低了眼。(茅盾) (перевод: Сестра Цзинь Фэн почувствовала жар на лице и поспешно опустила глаза.)* В русском языке глаза могут слезиться и/или светиться от стыда: *...слезящихся глазах ее засветился стыд... (Р. И. Фраерман).* Глаза, в целом, рассматриваются как вместилище эмоций, включая стыд,

например: *ря: я прочел в его глазах самые разнообразные чувства: и сожаление, и стыд, и страх* (А. Н. Апухтин.); *кя: 笛子里发出的像一声叹息, 眼睛里充满了羞愧。(贾平凹)(перевод: Из флейты вырвался вздох, а глаза были полны стыда.)*. В русском языке стыд может иметь серьезные последствия для точности физического восприятия окружающего мира: русская метафора «стыд ест глаза» указывает на то, что чувство стыда иногда может привести к такому сильному психологическому дискомфорту, что человек может начать избегать контакта глазами с другими людьми или даже скрывать свой взгляд, например: *была срамота трезвая и стыд реально ел глаза.* (А. Ю. Колобродов)

Сердце как ментально-психологическая сущность вербализовано в двух когнитивных плоскостях: 1) сердце, которое затрагивают эмоции (сердце – вместилище эмоций и переживаний); 2) сердце, для которого характерны речемыслительные действия. Эмоции обычно концептуализируются как носители в человеческом теле или органах тела, а «сердце» часто рассматривается как эмоциональный контейнер или эмоциональный носитель для выражения эмоций, например: *ря:...и в сердце бьет стыд, тяжелый, как гиря...* (Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер); *кя: 顿时, 屈辱羞惭的感觉涌上心头, 冒囊的脸又红了。(刘斯奋) (перевод: Внезапно в его сердце нахлынуло чувство унижения и стыда...)*

По мнению китайского лингвиста Юань Юлиня (袁毓林), языковые выражения, связанные с «满» (полный), основаны на метафорах вместилища^[10]. Например, ханьцы рассматривают «сердце», «грудь» и «живот» как вместилища для эмоций, поэтому в китайском языке существует метафора вместилища «вся грудь полна стыда», например: *她肚子里带着一个人的娃娃, 就去跟另外一个人同床共枕。他满怀羞耻。(老舍)(перевод: Она носит в своем чреве ребенка от одного мужчины, а ложится в постель с другим. Вся его грудь была полна стыда.)*

Голова - это центр обработки информации. Голова является не только центром разума, но и «аналогом сердца», то есть так же, как и сердце, выступает вместилищем души, центром чувств, например: *ря: Стыд и позор на мою голову!* (В. П. Правдухин); *кя: 难洗涤的羞愧和悔恨压在他的头上、身上、心上。(巴金/秋) (перевод: Неизгладимый стыд и угрызения совести тяготили его голову, тело и сердце.)* Когда человек испытывает стыд, он нередко опускает голову. Движения его тела и головы выражают желание сделаться менее заметным, чем он есть на самом деле. Возникает стремление «сбежать с места преступления», спрятаться и стать незаметным, например: *ря: Он подался к ней, она смущенно опустила голову.* (Сергей Шикера); *кя: 别人因我而羞耻, 我只好低头再低头, 差点夹到胯底下去了。(流沙河) (перевод: Другие стыдились меня, и мне приходилось поднимать голову и снова опускать ее...)*

В русской лингвокультуре для описания выражения стыда используются различные части тела, такие как руки, губы, голова, сердце, грудь, горло, чело и пр, например: **ГУБЫ:** *Стыд свел ее губы в подобие фальшивой улыбки* (А. С. Грин); **РУКИ:** *Держал в руках стыд?* (А. С. Грин); **ЯЗЫК:** *Стыд, позор... От стыда даже язык онемел, кончик.* (Василий Шукшин); **ГОРЛО:** *Стыд и злость сжали мне горло.* (Юлия Друнина); **ГРУДЬ:** *...простой стыд не произрастали в груди Фердинанда* (А. К. Джигелегов); **ЧЕЛО:** *Не все ли узрят стыд на челе твоём?* (Д. И. Фонвизин).

В метафорах, связанных с человеческим телом, русский язык богаче и разнообразнее по сравнению с китайским. В культуре предков русского и китайского народов особое значение придавалось лицу, сердцу, груди, глазам, голове и другим частям тела и внутренним органам, связанным с мыслями и чувствами, при этом мозг как центральный отдел нервной системы не всегда получал должное внимание. Этот неправильный взгляд на функционирование человеческого организма сказался на формировании сходных

метафор в русском и китайском языках. Многие части человеческого тела играют важную роль в выражении эмоций и чувств. Например, когда человек стыдится, его лицо может краснеть, что становится своего рода физическим проявлением внутреннего состояния. Глаза же считаются «окнами души» - через них проявляются наши чувства и внутренние переживания, они могут быть ярким отражением нашего эмоционального состояния. В русском языке существует множество метафор, которые связывают эти части тела с эмоциями и чувствами. Сердце является одной из самых распространенных метафор внутренних органов в русском языке. В китайской же культуре сердце занимает особое место: оно - первый из пяти самых важных органов человеческого тела, а выражение "心主神" означает, что сердце контролирует человеческие мысли и умственную деятельность. Поэтому сердце часто ассоциируется с вместилищем эмоций. Интересно отметить, что русский язык богаче китайского в этом аспекте: множество выражений и оборотов призваны передать сложные эмоциональные состояния через изображение различных частей тела.

2. Природный тип эмоциональных метафор

Природная метафора - это метафора, в которой эмоции концептуализируются как природные явления, такие как изменение погоды и стихийные бедствия, и перед лицом природной непреодолимой силы субъект лишь пассивно находится во власти эмоций. Метафора природной неодолимости подчеркивает пассивность эмоционального субъекта, занятого эмоцией.

СТЫД — ОГОНЬ

Концепт огня вошел в когнитивный арсенал человечества, что позволило людям обобщать и анализировать абстрактные явления вокруг себя. Используя этот концепт, люди постепенно начали приписывать абстрактным понятиям образы и символику, связанные с огнем. Например, когда человек испытывает стыд, температура его тела повышается, вызывая покраснение кожи. Ассоциация с огнем, его теплом и красным цветом, побудила людей использовать метафору огня для выражения этого эмоционального состояния, например: *ря: Завелся такой пошиб в жизни, отчего не стало на земле положений, где бы мог человек согреть душу огнем стыда.* (Б. Л. Пастернак); *к я : 一种难言的羞愧像火一般烫着我的心, 同时也为自己的灵魂还没有在现在彻底堕落而庆幸。(路遥)* (перевод: *Невыразимый стыд жжет мое сердце, как огонь....*). В то же время огонь при горении выделяет много тепла, и горящее пламя может «жечь» людей, например: *ря: Не ударишь, и стыд будет жечь тебя до скончания дней* (С. А. Самсонов); *кя: 耻辱的感觉烧红了她整个脸 (琼瑶)* (перевод: *Чувство стыда жгло ей все лицо...*).

СТЫД — ЖИДКОСТЬ

Концептуализация эмоций через водную стихию является мощным и всепроникающим способом описания человеческих чувств во многих культурах. Вода, с её глубиной, подвижностью, прозрачностью и способностью к преобразованию, предоставляет богатую метафорическую основу для описания эмоционального опыта. «Говоря в целом об эмоциях и эмоциональных состояниях, следует, по-видимому, считать доминирующим представлением о них как о жидком теле, наполняющем человека, его душу, сердце, принимающих 'форму' сосуда»^[1]. Эмоции наполняют человека, принимая форму его внутреннего мира, подобно тому, как жидкость принимает форму сосуда. Эмоции часто описываются как волны, накатывающие на человека или как потоки, которые его переполняют. Такие метафоры отражают мощь и непредсказуемость чувств, их способность подавлять рациональное мышление и контроль над собой. В русском языке

часто встречаются описания «волн» стыда: *Крылова душил волнами поднимавшийся стыд, точно его нагревали и посыпали сахаром.* (О. А. Славникова); в китайском языке стыд концептуализируется как «приливная волна» «潮» (прилив): *姣娘听了, 只羞得脸晕红潮。* (徐哲身) (перевод: Услышав это, Цзяо Пуинь так застеснялась, что ее лицо пошло красными приливами.)

Эмоция стыда не является эпифеноменом, т.е. явлением, возникающим в ответ на физические или психические процессы, но не оказывающим на эти процессы влияния, и её репрезентация в языке часто базируется на конкретных образах природы, таких как огонь и жидкость. В русском и китайском языках существует множество сходств в использовании природных метафор для описания стыда, что связано с общими биологическими основами восприятия и понимания эмоций. В то же время, внутриязыковые различия и культурные особенности, влияющие на восприятие мира, приводят к тому, что каждый язык формирует свою уникальную картину мира. Язык выражения эмоций не исключение, он также отражает национальные особенности восприятия эмоций. Именно поэтому между русским и китайским языками существуют значительные различия в использовании природных метафор для выражения стыда.

3. Онтологический тип эмоциональных метафор

Онтологическая метафора является способом понимания и описания абстрактных эмоциональных концептов через более конкретные, физически ощутимые или визуально представимые объекты, явления или процессы. В основе онтологических метафор лежит процесс концептуализации, который позволяет человеку приписывать свойства и качества физического мира абстрактным понятиям, например, эмоциям. Делая неосознаваемое осознанным, абстракция приобретает конкретные черты, оформляя эмоциональный опыт как сущность и формируя концептуальную метафору эмоции как сущности. В китайском и русском языках имеется множество подобных примеров.

СТЫД — ПИЩА

Эмоции могут быть концептуализированы как пища, при этом человек, испытывающий эмоции, выступает в роли потребителя этой пищи. Такой подход к эмоциям представляет собой развитие метафоры контейнера, где человеческое тело является сосудом, а эмоции — содержимым, которое этот сосуд заполняет. В русской культуре стыд иногда используют как образ, связанный с питанием. Например, П. И. Мельников-Печерский писал о чувстве стыда, сравнивая его с неловкостью при покупке еды: *за стыд считал мирской захребетник покупать что-нибудь из съестного.* (П. И. Мельников-Печерский.) В то же время в китайской традиции стыд не ассоциируется с конкретным видом пищи, но выражается через такие действия, как «吞» (поглощать) и «咽» (проглотить), например: *他把辱耻、人情, 全咽了下去。* (老舍) (перевод: Он проглотил стыд, житейскую мудрость, все до единого) Подобное сравнение пищи с духовными аспектами жизни человека подчеркивает глубокую связь между физическим и духовным, где эмоциональное благополучие рассматривается как неотъемлемая часть полноценной жизни и внутреннего мира человека, насыщающего и обогащающего его душу.

СТЫД – ОДЕЖДА

Метафора одежды иллюстрирует суть стыда. Одежда выполняет две функции: она скрывает части тела, не предназначенные для посторонних глаз, но в то же время делает человека заметным и выделяет его из толпы. Аналогично, стыд имеет двойственную природу: он заставляет чувствовать себя уязвимым и обнаженным в глазах других, когда тайные или неодобрительные аспекты нашего поведения или

характера становятся известными, например: *ря: Дядя Сандро считал, что стыд — это самое нарядное платье из всех, которые украшают женщину.* (Фазиль Искандер); *кя: 遮羞布一旦被撕下, 羞耻的部分就暴露在光天化日之下。(让·热内)* (перевод: Как только ткань срывается, стыд выставляется на всеобщее обозрение). В данных примерах стыд сравнивается с нарядным платьем, которое одновременно красит и выставляет напоказ, и с тканью, скрывающей то, что должно оставаться скрытым, но когда она срывается, все тайное становится явным. Таким образом, стыд в этих метафорах — это сила, обнажающая наше истинное «я» перед собой и другими, напоминающая о важности социальных норм и личной ответственности.

СТЫД – ЖИВОТНОЕ

Стыд является фундаментальной человеческой эмоцией, отличающей нас от животных. Однако, когда люди действуют без стыда, их часто сравнивают с животными, что подчеркивает потерю человеческого достоинства и моральных ориентиров. В русском и китайском языках существуют метафоры, где бесстыдное поведение людей приравнивается к поведению животных, таких как змеи, волки, собаки, мухи и крысы. Эти сравнения не случайны: каждое из этих животных несет в себе культурно обусловленную символику.

Змея, например, ассоциируется с хитростью и обманом, образ, заложенный еще в библейских текстах с историей о соблазне Адама и Евы. В русском культурном контексте змея может символизировать внутренний конфликт и стыд, воплощенный в метафорическом сравнении «стыд, как змеи, сплелись в один отвратительный клубок» (Ф. Е. Зарин-Несвицкий). В китайской культуре волки часто упоминаются как символы жадности и похоти, собаки — предательства и нелояльности, мухи и крысы — назойливости и низости: **ВОЛК:** *生活中的桂秉权是条荒淫无耻的色狼。* (1994年报刊精选) (перевод: В жизни Гуй Бинцюань - бесстыдный, похотливый волк.) **СОБАКА:** *证明你们是一伙走狗, 给国家与人民带来了耻辱。* (宋氏家族全传) (перевод: Доказательство того, что вы - гончая собака, позорящая страну и ее народ.) **МУХА:** *韩愈认为“蝇营狗苟; 驱去复来”, 无耻之极。* (1994年人民日报) (перевод: По мнению Хань Юя, "мухи и лживые собаки; их прогоняют и они возвращаются снова", что является бесстыдством.) **КРЫСА:** *同时, 也应知耻, 知辱, 知失败之教训, 知积贫累弱之缘由, 知封建政治的腐败, 知宵小鼠辈之嘴脸。* (1995年人民日报) (перевод: В то же время нужно знать стыд, <... > знать лицо тех, кто подобен крысам.)

Таким образом, метафорическое сравнение людей, лишенных стыда, с животными подчеркивает деградацию моральных качеств, ведущую к потере человечности и общественного уважения.

Исследуя онтологические типы эмоциональных метафор, мы видим, что в различные подходы к концептуализации стыда в русской и китайской лингвокультурах. В китайском языке стыд часто ассоциируется с пищей: его можно «съесть», то есть пережить или ассимилировать опыт. Также существует понятие «遮羞布» (Ткань для прикрытия стыда), что делает стыд похожим на одежду, некий покров или маску, скрывающую наши слабости или недостатки.

В русской лингвокультуре стыд также может быть представлен через метафору пищи, но здесь акцент делается на скрытии эмоций, на возможности «спрятать» стыд. Это отражает различия в восприятии и выражении эмоциональных состояний в двух культурах.

Особое внимание в китайской лингвокультуре уделяется метафорам стыда, связанным с животными. Эти различия в концептуализации стыда подчеркивают уникальные

культурные особенности и подходы к представлению эмоционального опыта в русской и китайской лингвокультурах.

4. Поведенческий тип эмоциональных метафор

Поведенческие метафоры - это метафоры, которые позволяют людям осознать постыдные чувства через воздействие на вещи, в том числе метафоры войны (врага) и метафоры болезни. Этот метафорический концепт существует как в русском, так и в китайском языках.

СТЫД – ВРАГ

В данной метафоре стыд сравнивается с врагом, с которым ведется борьба, в которой используются различные тактики: от нападения до отступления. Это показывает, что стыд — это не просто внутреннее чувство, но и внешнее противостояние, которое может оказывать сильное влияние на человека и даже угрожать его жизни.

Сильный стыд может быть настолько мощным, что «убивает» людей эмоционально или социально, подобно тому как враг убивает людей на войне. Люди пытаются избавиться от стыда, а стыд стремится контролировать их, создавая конфликт, схожий с военным противостоянием. Метафоры, используемые в русском и китайском языках, подчеркивают эту динамику, показывая стыд как внешнее нападение, которому индивид должен противостоять или от которого ему приходится защищаться: *ря: по-видимому, стыд перед этим часто почти парализует меня в моем письме. (Андрей Битов) кя: 一股强烈的耻辱感袭击着他们。(柳残阳) (перевод: На них нападало сильное чувство стыда.)* Сильный стыд представляет серьезную угрозу для жизни и здоровья человека: *Стыд, горечь и гнев по очереди душили меня. (Василий Белов).* Стыд может сделать человека беспомощным, *н а п р и м е р : 章如月一旦受了因自己的鲜谦寡耻而带来的感情的打击而倒下了, 自己也活不长。(凌非) (перевод: Если бы Чжан Жу Юэ провалился сквозь землю из-за своего бесстыдства, она бы долго не прожила.)*

СТЫД – БОЛЕЗНЬ

Некоторые концептуальные метафоры помогают людям понять эмоции через физические ощущения, а именно через ассоциации с физической болезнью или пыткой. Было отмечено, что дискомфортные физические ощущения могут быть вызваны эмоциональным или внутренним вредом, который причиняют другие люди. Важно отметить, что этот процесс представляет собой переход от физического сенсорного пространства к психологическому, что можно рассматривать как эволюцию от «физической силы» к «психологической силе» в метафорическом понимании эмоций.

В русском языке стыд может вызывать «душевную боль», которая почти как физическая боль, а в китайском языке ассоциируется с «дрожанием», указывая на физическое напряжение и дискомфорт, связанные с этой эмоцией: *ру: я вдруг почувствовал стыд и такую душевную боль, что едва не застонал. (В. П. Катаев)* В китайском языке стыд приводит к «дрожанию» и «сердцебиению»: *对羞耻的恐惧使他颤抖不止。(陈忠实) (перевод: Страх позора заставлял его дрожать.)*

Таким образом, эмоция стыда, подобно другим эмоциям, может описываться через болезненные физические ощущения, что является частью метафорического механизма лингвистического описания эмоций.

5. Сенсорный тип эмоциональных метафор

Эмоции – это внутренние психологические реакции, которые, хоть и сопровождаются физиологическими изменениями, отличаются от внешних ощущений, таких как осязание, температура, вкус, слух, зрение. Эти внешние ощущения приводят к определенным физиологическим реакциям на стимулы извне, в то время как эмоции формируют внутренний психологический отклик. Интересно, что конкретные сенсорные переживания, например, ощущение тепла или холода, могут ассоциироваться с внутренними эмоциональными состояниями, создавая тем самым метафорические связи между конкретным и абстрактным.

Эмоциональные состояния, такие как стыд, волнение, нервозность или гнев, могут вызывать заметные физиологические изменения: учащение сердцебиения, покраснение лица, ускорение обмена веществ, повышение температуры тела. Эти изменения и служат основой для метафорических ассоциаций между эмоциями и ощущениями температуры, например, метафоры «стыд – жара»: *ря: Горячий вихрь поднимался в ней — стыд, и радость стыда, и гордость, и удивление, и восторг.* (В. Ф. Панова) *кя: 老实说, 我的惭愧是由衷而真切的, 我的羞作是痛苦而灼热的.* (1996年人民日报) (перевод: ...Мой стыд мучителен и жгуч.)

В китайском и русском языках также используются цветовые и вкусовые метафоры для описания эмоции стыда. В обоих языках красный цвет ассоциируется со стыдом, что отражается в литературных примерах, где упоминается краснеющее от стыда или счастья лицо: *ря: По лицу пополз багровый стыд.* (Антон Зорский) *кя: 他亲切地看了她一眼, 她羞得满脸通红甚至或者是幸福得红云爬上了她的双颊.* (莫言) (перевод: ...по ее щекам поползло красное облачко счастья.) В русском языке также используется черный цвет для выражения глубокого чувства стыда: *Из сердца выну черный стыд.* (В. В. Виноградов)

Кроме того, в обоих лингвокультурах для описания стыда используется вкусовая метафора, особенно метафора стыда как горечи – «苦心» (*горькое сердце*). Горький вкус, будучи физически неприятным ощущением, метафорически переносится на психологическое переживание стыда. В следующем примере горечь связывается со стыдом, демонстрируя, как ощущение вкуса может служить сферой-источником для описания эмоциональных состояний: *ря: и самая сладкая ягода не смогла бы уничтожить горечь и стыд от случившегося.* (Юрий Рытхэу) *кя: 但我们也吞下了含有羞耻味道的苦果.* (2003年人民日报) (перевод: ...Но мы также проглотили горький плод со вкусом позора.)

Заключение

Эмоции играют ключевую роль в психической жизни человека, тесно переплетаясь с процессами познания. Язык, которым мы ежедневно описываем свои эмоции, является важным инструментом для понимания их сути. Изучение эмоциональных выражений в различных языках позволяет обнаружить общие черты и культурные различия в эмоциональном опыте представителей разных лингвокультур.

Когда мы выражаем эмоции, это не только отражение нашего личного, физиологического опыта (то есть то, что происходит в нашем теле), но и результат влияния культуры, в которой мы живем. Культурные взгляды и ценности формируют, какие эмоции мы чувствуем, как мы их интерпретируем и как о них говорим.

Таким образом, когда речь идет о концептуальных метафорах в контексте эмоций, они служат мостом, соединяющим наш личный опыт (что мы физически чувствуем, когда испытываем эмоции) с культурными концептами (как мы понимаем и выражаем эти эмоции в соответствии с нормами и ценностями нашего общества). Эти метафоры одновременно отражают универсальные человеческие ощущения, общие для всех людей, и специфические культурные особенности, характерные только для определенных

сообществ.

В настоящем исследовании был проведен анализ метафорической репрезентации стыда в русском и китайском языках. Были рассмотрены сходства и различия в концептуальных метафорах стыда, их глубинные причины, что позволило более полно понять специфику выражения данной эмоции в двух лингвокультурах.

Результаты исследования показывают, что в разных культурах существуют сходства в способах описания стыда с помощью метафор, что может указывать на универсальные биологические основы этой эмоции. Когда люди испытывают стыд, в китайском и русском языках стыд концептуализируется как «сосуд», «вода», «огонь», «болезнь», «враг», «пища», «одежда», «животные» и т. д. Стыд горячий, красноватого цвета и горький на вкус. каждый язык уникален, и в каждом языке заложена своя так называемая картина мира — культурноспецифическая модель^[2]. Язык выражения эмоций не исключение, он также отражает национальные особенности восприятия эмоций. Это объясняет, почему в русском и китайском языках наблюдаются существенные различия в способах выражения стыда с использованием метафор. Хотя восприятие эмоций универсально, когнитивный процесс также демонстрирует тенденции или уникальность представляемой культуры. Русский язык богаче китайского на органы для выражения эмоций. В китайском языке гораздо больше животных метафор, выражающих стыд, чем в русском.

Библиография

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. С. 98.
2. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. – М., 1993.
3. Гусейн-Заде И.А. Метафорические образы эмоциональных состояний в русской языковой картине мира: модели движения и воздействия. URL : <http://www.lib.tsu.ru>.
4. Джемс, У. Психология / У. Джемс // Серия «Классики мировой психологии» / под ред. Л. А. Петровской. – М.: Педагогика, 1991. – 368 с.
5. Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка [Учебник для бакалавров] / Н. А. Купина, Т. В. Матвеева. – Москва, 2013. – 415 с.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.
7. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
8. Darwin C. R. The expression of emotions in man and animals. – London, John Murray, 1872/ Chicago, University of Chicago Press, 1965.
9. Foolen, A. The Expressive Function of Language: Towards a Cognitive Semantic Approach [Text] / A. Foolen // The language of emotions. Conceptualization, Expression and Theoretical Foundations / ed. by S. Niemeier, R. Dirven. Amsterdam : John Benjamin's Publishing Co., 1997. P. 15-29.
10. 吴为善(2001), 认知语言学与汉语研究, 复旦大学出版社, 48页。

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Метафорика стыда в китайском и русском языках», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка и культуры как

в нашей стране, так и в мире в целом. Работа зиждется на языковом материале двух языков – русского и китайского.

Цель исследования - изучить эмоциональные метафоры стыда в русском и китайском языках и выявить сходства и различия в концептуализации стыда в двух языковых культурах.

В данной статье анализируются эмоции стыда, а именно метафоры, которые представляют собой когнитивную модель данного эмоционального состояния, а также непрототипическое выражение внутреннего мира стыдящегося человека в русском и китайском языках.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу. Практическим материалом явились результаты анализа 24 метафорических единиц в китайских корпусах ВСС и CCL и 29 метафорических единиц в русском корпусе НКРЯ. Методологической основой исследования является теория когнитивных метафор Дж. Лакоффа.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В данной работе используются такие методы исследования, как концептуальный анализ, сопоставительный анализ, метафорическое моделирование и корпусное исследование.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Библиография статьи насчитывает 10 источников, среди которых представлены труды как на русском, так и на китайском и английском языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации. Считаем, что большее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения данных статьи в курсах по лингвокультурологии, теоретической грамматики, стилистики и лексикологии. Статья «Метафорика стыда в китайском и русском языках» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Англоязычные метаданные

Phraseological units with the semantics of "human appearance" in Russian and Chinese

Wang Jing

Senior Lecturer, Department of the Russian Language, School of Foreign Languages, Hulunbuir University (China); Postgraduate Student, Department of the Russian Language and Methods of its Teaching, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 10, 2, office. Department of the Russian Academy of Sciences

✉ jing-wang@mail.ru

Abstract. Language is one of the main tools for communication between people, allowing to express our thoughts and feelings, as well as describe the world around us. Phraseology, as an integral part of any language, plays an important role in the transmission of cultural values and traditions of the people. One of the key groups of phraseological units are phraseological units with the semantic field "human appearance", which reflect ideas about beauty, ugliness, age and other characteristics of appearance.

In this article, we will consider phraseological units with the semantics of "human appearance" using the example of Russian and Chinese languages. The relevance of this topic is due to the need to study and analyze phraseology as a means of expressing culture, mentality and national characteristics of peoples. In addition, the study of phraseological units in different languages allows to identify similarities and differences in the perception of certain concepts, as well as the peculiarities of translating these units into other languages.

The subject of the study: phraseological units with the semantics of "human appearance" in Russian and Chinese. Methods:

1. analysis of scientific literature on the phraseology of the Russian and Chinese languages;
2. comparative analysis of phraseological units with the semantics of "human appearance" in Russian and Chinese;
3. study of examples of phraseological units and their translation into another language;
4. identification of similarities and differences between phraseological units in Russian and Chinese. Scientific novelty: for the first time, a comparative analysis of phraseological units with the semantics of "human appearance" in Russian and Chinese is carried out. The article identifies similarities and differences between these units, as well as examines the features of their translation from one language to another.

Conclusions:

1. In Russian and Chinese, there are phraseological units with the meaning "human appearance", which play an important role in communicating and describing people.
2. Despite some similarities, phraseological units in the two languages have their own peculiarities in terms of structure, semantics and pragmatics.
3. The translation of phraseological units requires taking into account their connotations, cultural characteristics and historical context.
4. Phraseological units can serve as a source for studying cultural differences and interaction between peoples.

Keywords: common expressions, translation, cultural differences, Chinese language, Russian, semantics of appearance, idiomatic expressions, historical contexts, phraseology, language comparison

References (transliterated)

1. Shanskii N.M. Uchebnik dlya studentov ped.institutov. – M.: Prosveshchenie, 1987. – 192 c.
2. Van Sin'tszyui. Frazeologizmy, kharakterizuyushchie povedenie cheloveka, v russkom i kitaiskom yazykakh // Vestnik Bashkirskogo universiteta, T. 22, – 2017. – №4. S. 1159-1164.
3. Grischechkina A.M. Frazeologizm kak smysloobrazuyushchii fenomen yazykovoi sistemy i ego viyanie na yazykovuyu kartinu strany (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov) // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta – 2013. – №2. S. 284-290.
4. Vinogradov, V.V. Voprosy izucheniya slovosochetanii [Tekst] / V. V. Vinogradov // Issledovaniya po russkoi grammatike, M., 1975.
5. Zhukov A.V. Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Izdatel'stvo «FLINTA», 2017. – 758 s.
6. Gotlib O.M. Kitaisko-russkii frazeologicheskii slovar'. Okolo 3500 vyrazhenii / O. M. Gotlib, Mu Khuain. – 2-e izd., stereotip. – Irkutsk : Izd-vo IGU, 2019. – 596 s.
7. Slovar' kitaiskikh idiom, 2-e izdanie, sodержit 10 000 idiom. Izdatel'skii tsentr slovarei byuro Chongwen Bureau, 2018. – 960 s.
8. Slovar' sovremennogo kitaiskogo yazyka, pererabotannyy (3-e izdanie). Izdatel'stvo po prepodavaniiyu i issledovaniyam inostrannykh yazykov (kitaisko-angliiskoe dvuyazychnoe izdanie, 2002 g.), 2016. – 1894 s.
9. Long Tsinran. Analiz simmetrichnoi struktury kitaiskikh idiom // Akademiya Shaoyan. 2003. Nomer stranitsy literatury: 64-67 URL: <https://www.relun.com/qikan/d4219445c3b63dde5f068399bd50d94d.html>
10. Li Desyan. Kratkoe obsuzhdenie rossiiskoi tsifrovoy kul'tury – sravnenie rossiiskoi i kitaiskoi tsifrovoy kul'tury // Zhurnal Instituta inostrannykh yazykov Narodno-osvoboditel'noi armii Kitaya, №2, 54-58. 2003.
11. Verenich, T.K., Eremina, E.V. K voprosu o vyrazhenii vremeni v russkoi i kitaiskoi idiomatike (lingvokul'turologicheskii aspekt) // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, – 2012. – №2 (33). – S. 253-257.
12. Dai Sin'. Sravnenie kitaiskoi i russkoi leksiki [D]. Kheiluntszyanskii universitet, 2002.
13. Shen' Tsyasyuan'. Smes' kitaiskogo i angliiskogo // Vsemirnoe obuchenie kitaiskomu yazyku, 2006. – S. 44.
14. Shi I. K sravnitel'no-sopostavitel'nomu analizu frazeologizmov russkogo i kitaiskogo yazykov i ikh perevodu russkogo yazyka na kitaiskii yazyk // Rusistika. – M., 1999. – S. 281-286.
15. Bol'shoi frazeologicheskii slovar' kitaiskogo yazyka / Van' Sen, Shen Yan'lin, Lu Shupin. – Pekin.: 2013.
16. Go Sin'-i. Telesnyi kod v kitaiskoi frazeologii i ego russkoe sootvetstvie : dis. ... kand. filol. nauk / Go Sin'-i. – M., 2004. 187 s.
17. Sya Syu. Issledovanie po izucheniiyu idiom pri prepodavanii kitaiskogo yazyka kak inostrannogo // Zarubezhnoe kitaiskoe obrazovanie – 2009. – № 3 (vsego № 52), 12-18.
18. Fokina, A.A. Sopostavitel'noe izuchenie semantiki frazeologizmov, nominiruyushchikh kharakteristik deyatel'nosti cheloveka (na materiale russkogo, mariiskogo i angliiskogo yazykov) // Vestnik Chuvashskogo universiteta. – 2015. – № 2. S. 237-242.
19. Li Yu. O roli kul'turnogo komponenta v sopostavitel'noi frazeologii: na materiale

russko-kitaiskikh i kitaisko-russkikh slovarei // Filol. zap. – Voronezh. – 1988. – Vyp. 10. – S. 153-158.

20. Lyu Yan. Kommentarii k kognitivnomu issledovaniyu kitaiskikh idiom // Zhurnal An'tsinskogo pedagogicheskogo universiteta (izdanie po sotsial'nym naukam) – 2018.

Transformation of the media system of Afghanistan in the context of the formation of statehood

Vostrikova Anna Olegovna

Graduate student, Department of International Journalism, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7/9

 asya-vostrikova@mail.ru

Nikonov Sergey Borisovich

Doctor of Politics

Professor of the Department of International Journalism, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7/9, 707

 NikonovS@mail.ru

Shafir Timur Vladimirovich

Lecturer at the Department of Communication Technologies, Moscow State Linguistic University

38 Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russia

 tim.shafir@yandex.ru

Baichik Anna Vitalievna

Doctor of Politics

Professor, Department of International Journalism, St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya str., 7/9

 annabaichik@gmail.com

Abstract. The object of the study is the media of Afghanistan. The subject of the study is the genesis of methods for regulating the media system in Afghanistan. The article pays special attention to the formation of the media system of the modern period, which the authors have been defining since the end of 2021. Since the beginning of the 20th century, the media system of Afghanistan has been formed under the influence of the International Security Assistance Force (ISAF, acted in accordance with resolution No. 1386[39] The UN Security Council of December 20, 2001) and the desire to create a liberal democratic state in the understanding of the ISAF leadership. Freedom of speech, expression and the media, which were achieved during this period, has been under the control of the Interim Government of Afghanistan since August 2021. This article defines the methods used by the current government of Afghanistan to regulate the media system. The main method of research is the content analysis of documents and information on the practice of law enforcement, compliance with current legislation. Naturally, he could not be divorced from the method of systematization of information - the study of information objects. For the first time in the scientific literature, an empirical study is presented, which represents important material on the history of the media system of Afghanistan, its current state, and the analysis of legislative changes. The study seems to be significant and expands knowledge about the media in this region. For 20 years, the media system of Afghanistan has been formed under

the influence of an international coalition led by the United States, which tried to create a liberal democratic state. It was based on a compromise of Western "democratic" and Islamic values, more pluralistic and free than before and after this period. In August 2021, another political force came to power, forming a state based on other principles, which began to exercise control over all spheres, including the media, taking Sharia norms as a basis. One of the conclusions of the study was the strengthening of the traditional identity of the state by the new political power, which was "shaken" by Western reforms.

After coming to power, the interim Government of Afghanistan repealed the 2004 Constitution and the 2009 Media Law. The Law on Access to Information in 2019 has not been officially repealed, but it is not respected in the country. Thus, the transformation of the state's media system has begun in the country.

Keywords: political management, media, international journalism, Afghanistan, Afghan media, journalism, Afghanistan media system, media capture, Voice of Sharia, mediocracy

References (transliterated)

1. Bodrunova S.S. Mediakratiya: SMI i vlast' v sovremennykh demokraticeskikh obshchestvakh : avtoreferat dis. ... doktora politicheskikh nauk : 10.01.10 / Bodrunova Svetlana Sergeevna ; [Mesto zashchity: S.-Peterb. gos. un-t]. – Sankt-Peterburg, 2015. – 47 s.
2. Vartanova E. L. Mediasistema v natsional'nom kontekste: v prodolzhenie akademicheskoi diskussii (na primere mediasistem stran BRIKS) // Medi@l'manakh. 2020. №4 (99).
3. Vartanova, E. L. Mediasistema Rossii : uchebnik / E. L. Vartanova, A. V. Vyrkovskii, T. E. Grinberg ; pod redaktsiei E. L. Vartanovoi. – 2-e izd., ispr. – Moskva : Aspekt Press, 2021. – 424 s.
4. Gavra D.P., Naumenko K.A. Kontsept «mediasistema» v sovremennoi teorii massovykh kommunikatsii // Mediaskop. 2020. Vyp. 1. DOI: 10.30547/mediascope.1.2020.5
5. Novikova Ol'ga Nikolaevna Afganistan ot «demokraticeskogo avtoritarizma k avtoritarizmu PER SE // APE. 2023. №1 (117), 223-242.
6. Nechai Valerii Vladimirovich / Valerii Vladimirovich Ne propagandoi edinoi: kak SMI pomogayut avtokratam vyzhivat' / not just single propaganda: how the media help Autocrats to survive // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya. 2019. №1. 83-89.
7. McQuail, D. (2005). McQuail's Mass Communication Theory. 5th Edition, Sage Publications Ltd., London.
8. Hardy J. (2012). Comparing Media Systems. In: Esser F., Hanitzsch T. (eds.) Handbook of Comparative Communication Research. London: Routledge, pp. 185-206.
9. Flew T., Waisbord S. (2015). The Ongoing Significance of National Media Systems in the Context of Media Globalization. Media, Culture & Society 37(4), 620–636.
10. Lorentzen, P. (2014). 'China's Strategic Censorship: CHINA'S STRATEGIC CENSORSHIP'. American Journal of Political Science, 58, pp. 402-414. Available at: <https://doi.org/10.1111/ajps.12065>.
11. Marquez, X. (2016). Non-Democratic Politics: Authoritarianism, Dictatorship and Democratization. Macmillan International Higher Education.
12. Mungiu-Pippidi, A. (2013). Controlling Corruption Through Collective Action. *Journal of Democracy*, 101-115. doi:<https://doi.org/10.1353/jod.2013.0020>

Magomed Akhmedov's Artistic Reflections on Russian Poetry (on the Development of Dagestan-Russian Literary Relations)

Gadzhilova Shanisat Magomedovna

PhD in Philology

Senior Scientific Associate, Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Research Center of the Russian Academy of Sciences

367000, Russia, respublika Dagestan, g. Makhachkala, ul. Askerkhanova, 18, of. B

 shanisat05@yandex.ru

Abstract. The subject of this research is M. Akhmedov's literary reflections and his poetic works dedicated to Russian writers and Russian poetry. The purpose of this article is to present a picture of the development of artistic reflections on Russian poetry in the works of M. Akhmedov. The concept of the article is based on the material of works related to Russian literature and Dagestan-Russian literary relations.

Introducing into the study a part of artistic reflections related to Russian poetry, we set ourselves the task of defining and identifying the principles and techniques of artistic expressiveness and figurativeness of M. Akhmedov, serving to embody the national and international character of his artistic thinking. The methodological basis of this research is based on the analysis of artistic works and is designed to determine the following research methods: comparative-historical, through which the nature of M. Akhmedov's literary connections is interpreted as an artistic phenomenon that has passed certain historical stages and is developing to the modern stage; comparative, which allowed to compare the ideological and artistic significance of Russian writers in the person of his predecessors and like-minded people; a method of holistic analysis of a literary work, which made it possible to determine the specifics of the evolution of M. Akhmedov's artistic thinking and its connection with the history of national and Russian literature.

The results of the study can serve as a promising support for further study of Dagestan-Russian literary relations, as well as M. Akhmedov's artistic creativity in the context of the national and international literary process. Russian poetry and poets The scientific novelty of the study is due to the fact that the analysis of the works of M. Akhmedov devoted to Russian poetry and Russian poets was undertaken for the first time. The obtained results have shown that M. Akhmedov's artistic reflections on Russian poetry make it possible to highlight the role and significance of Dagestan-Russian literary ties.

Keywords: russian poetry, national culture, artistic reflections, boldinskaya autumn, genre system, literary connections, avar poetry, sketches, sonnets, poetic worldview

References (transliterated)

1. Akhmedov M. Granitsa stoletii. – Makhachkala, 2015. – 496 s.
2. Akhmedov M. Klassicheskie zvezdy. – Makhachkala, 2008. – 478 s.
3. Gadzhilova Sh. M. Sistema obrazov i obraz poeta v poemakh M. Akhmedova // Litera. – 2022. – № 7. – S. 152-163. – DOI: 10.25136/2409-8698.2022.7.35192
4. Gadzhilova Sh. M. Poeticheskaya kontseptsiya prostranstva i vremeni M. Akhmedova // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – Gorno-Altaysk, 2020. – №5 (84) – S. 360-361 DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00991
5. Gamzatov G. G. Dagestanskii fenomen vrozhdeniya. – Makhachkala, 2000. – 324 s.

6. Gamzatov G. G. Khudozhestvennoe nasledie v kaleidoskope pamyati. – M., 1996. – 653 s.
7. Gamzatov R. Vernost' talantu. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1970. – 256 s.
8. Zhul'kova K. A. Esenin bez granits: retseptsiya tvorchestva S. A. Esenina v mirovom literaturnom protsesse // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7. Literaturovedenie. – №3. – M, 2019. – 143-150.
9. Kantor V. K. «Kerenskii kak fantom russkikh revolyutsii 1917 goda. Glazami russkikh poetov i pisatelei» // Voprosy literatury. – M., 2018. Mai-iyun'. – 170-198. (413 s.)
10. Kapiyeva N. «Razmyshlenie nad ontologiei dagestanskoi poeziei». Literatura Dagestana i zhizn' / Stat'i i vystupleniya. – Makhachkala, 1985. – S. 159, 154-162.
11. Lapteva M. L. Stikhiya sveta v obraznom mirovidenii slavyan // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina. – 2022. – № 2 (75). – S. 138-148. – DOI: 10.37724/RSU.2022.75.2.014.
12. Rasulov G. Natsional'noe i internatsional'noe v poezii R. Gamzatova. //Literatura Dagestana i zhizn'. – Makhachkala, 1985. – S. 113-137. – 199 s.
13. Fedoseeva T. V. O pravoslavnykh aspektakh etnopoetiki S. A. Esenina 1910-kh godov // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina. – 2021. – № 1 (70). – S. 103-116. – DOI: 10.37724/RSU.2021.70.1.011
14. Khazueva B. A. Khudozhestvennoe osmyslenie kategorii vremeni v lirike Shaikhi Arsanukaeva // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya i iskusstvovedenie. 2022. Vyp.1 (292). S. 108-113. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-1-292-108-113
15. Yusupova Ch. S. Makhmud iz Kakhab-Roso. Vysshii dukhovnyi podvig. – Makhachkala, 2003. – 256 s.

State-supported language strategies in Azerbaijan: promotion of Azerbaijani and multilingual initiatives.

Abdullayev Ramil Sahib

Postgraduate student, Department of General and Russian Linguistics, People's University of Friendship of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

 abdullayevram@gmail.com

Abstract. The wealth of every independent and sovereign country is the abundance of language on its territory, in which the nationalities living there can freely use their languages. In addition to the State language, there are more than 15 languages spoken by ethnic minorities in the Republic of Azerbaijan. In addition to the languages of ethnic minorities, the population of the country uses other foreign languages, which are included in the group of world languages. The objects of research in this article are foreign languages and their relationship to the state language. The legislative acts adopted to regulate the language vector in the country are the subject of research. The author describes in detail and highlights the legislative bodies and government structures that play a crucial role in the development of language policy in the country. In the course of studying language policy, one cannot do without considering the following two main sociolinguistic terms: language regulation and language planning, which are of the nature of state or social impact on the functioning or development of languages in the state. The author mainly used the theoretical method in the study of the article, and also conducted a general analysis of the data. The conclusions are

based on legal methods, as well as sociolinguistic methods (statistical and expert assessments). The necessary information in the field of the current language policy in the country was obtained during the analysis of legal documents. Foreign languages of global importance are in great demand among young people, increasingly studying these languages, they delve into the origins of this language, study the history of this country and through this prism the phenomenon of acculturation through language is observed. The author considers in more detail the status of the state language both de jure and de facto, and also considers in detail the position of the most widespread foreign languages in the republic.

The language reforms carried out in the Republic of Azerbaijan mainly serve to strengthen the role of the Azerbaijani language as the state language and have the character of linguistic purism. Despite the ongoing reforms in the field of strengthening the state language, we are also considering a balanced language policy with regard to other languages existing on the territory of the Republic of Azerbaijan, the purpose of which is to preserve linguistic pluralism.

Keywords: language pluralism, language situation, language legislation, language policy, language planning, language regulation, foreign language, multilingualism, Azerbaijani language, language purism

References (transliterated)

1. Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov. M., 2006. 312 s.
2. Alpatov V. M. Yazykovaya politika v Rossii i mire. S. 11-24. // Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire: Mezhdunarodnaya konferentsiya (Moskva, 16-19 sentyabrya 2014): Doklady i soobshcheniya / Otv. red. A.N.Bitkeeva, V.Yu. Mikhail'chenko; Institut yazykoznaniya RAN, Nauchno-issledovatel'skii tsentr po natsional'no-yazykovym otnosheniyam. – M., 2014. – 637 s.
3. Garibova D. Russkii yazyk v Azerbaidzhane: menyayushchiesya praktiki i formiruyushchiesya paradigmy. V A. Mustaioki, E., 2019.
4. Moskvicheva S., Abdullaev R. Vektory i klyuchevye faktory dinamiki yazykov v sisteme srednego obrazovaniya Azerbaidzhanskoi Respubliki v 1990-2020 gg. // Mezhdunarodnyi elektronnyi zhurnal dostizhenii v oblasti obrazovaniya, Cilt 6, 18 sentyabrya 2020 g., 365-372 <https://doi.org/10.18768/ijaedu.819371>
5. Isakhanli G.: "vy ne uvidite dvukh gruzin, govoryashchikh po-russki, a azerbaidzhantsev..." // Kaspiiskie novosti, № 366, 2017, str. 22-25 (azerb. yaz.)
6. Bell, R.T. Sotsiolingvistika : Tseli, metody i probl. [Per. s angl.] / Rodzher T. Bell; [Predisl. A. D. Shveitsera, s. 5-22]. Moskva: Mezhdunar. otnosheniya, 1980. 318 s.
7. Gosudarstvennyi komitet Azerbaidzhanskoi Respubliki po statistike [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.stat.gov.az/?lang=az> (data obrashcheniya: 20.03.2024)
8. Vikipediya. Khristianstvo v Azerbaidzhane [Elektronnyi resurs] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D0%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%B2_%D0%90%D0%B7%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D0%B5#cite_note-8 (data obrashcheniya: 20.03.2024)
9. Tollefson, Dzh.U. Yazyk planirovaniya, planirovaniya neravenstvo. London: Longman. 1991.
10. Istman, S. Yazykovoe planirovanie: Vvedenie. San-Frantsisko: Chandler & Sharp. 1983.
11. Rannut M. Posobie po yazykovoi politike. Tallin, 2004.
12. V Azerbaidzhane k natsional'nym i religioznym men'shinstvam otnosyatsya kak k ravnopravnym grazhdanam. Pravitel'stvo postoyanno aktsentiruet vnimanie na

- printsipakh "Evropeiskoi khartii regional'nykh yazykov ili yazykov men'shinstv" // parallel'. 2018. 3-5 marta. № 42. S. 10. [Elektronnyi resurs] URL: https://www.elibrary.az/docs/qazet/qzt2018_1124.htm (data obrashcheniya: 20.03.2024)
13. Suni, Ronal'd i drugie, "Armeniya, Azerbaidzhan i Gruzija". Izdatel'stvo "DIANA Publishing", 1996; S. 103 [Elektronnyi resurs] URL: http://tale.loc.gov/storage-services/master/ford/frd_cstdy/ar/armeniaazerbaija00curt/armeniaazerbaija00curt.pdf (data obrashcheniya 20.03.2024)
 14. Abdullaev R., Gasanov M. Yazykovaya nezashchishchennost' vypusknikov azerbaidzhanskikh shkol, prozhivayushchikh v Rossiiskoi Federatsii: metodologicheskie voprosy dlya obsuzhdeniya // Materialy EDULEARN21, 2021, str. 6086-6092.
 15. Kavkazskie issledovatel'skie resursnye tsentry. Znanie russkogo yazyka v Azerbaidzhane. 2014. [Elektronnyi resurs] URL: <http://crrc-Kavkaz.blogspot.com/2014/04/knowledge-of-russian-in-azerbaijan.html>. (data podachi zayavki: 20.03.2024)
 16. Iskanderova N. Vostrebovan, no ne khvataet kadrov: russkii yazyk v Azerbaidzhane 2023 [Elektronnyi resurs] URL: <https://az.sputniknews.ru/20230606/vostrebovan-no-ne-khvataet-kadrov-russkiy-yazyk-v-azerbaydzhan--455652643.html> (data obrashcheniya: 20.03.2024)
 17. Kyazimova S. Rukovoditel' predstavitel'stva Rossotrudnichestva v Azerbaidzhane Irek Zinnurov: V poslednee vremya v Rossii rastet interes k azerbaidzhanskomu yazyku 2022 [Elektronnyi resurs] URL: https://moscow-baku.ru/news/society/rukovoditel_predstavitelstva_rossotrudnichestva_v_azerbaydzhan_e_irek_zinnurov_v_poslednee_vremya_v_r/ (data obrashcheniya 20.03.2024)
 18. Margarita Rusetskaya: "V Azerbaidzhane russkii yazyk uverennee vsego seba chuvstvuet v sfere nauchnoi kommunikatsii" 2022 [Elektronnyi resurs] URL: <https://vestikavkaza.ru/interview/margarita-ruseckaa-v-azerbaydzhan-russkij-azyk-uverennee-vsego-seba-chuvstvuet-v-sfere-nauchnoy-kommunikatsii.html> (data obrashcheniya: 20.03.2024)
 19. Nazimkyzy G. Pochemu v Azerbaidzhane ne otkryvayutsya angloyazychnye shkoly? 2022 [Elektronnyi resurs] URL: <https://anews.az/az/azerbaycanda-niye-ingilis-dili-mektebler-acilmir-nazir-cavabladi/> (data obrashcheniya: 20.03.2024)
 20. Ramizgyzy L. Samye dorigie shkoly Baku: 61 000 AZN v god. 2019 [Elektronnyi resurs] URL: https://ru.baku.ws/hot_news/106628 (data obrashcheniya 20.03.2024)
 21. Bakinskii amerikanskii tsentr pristupil k deyatel'nosti posle remonta. 2014 [Elektronnyi resurs] URL: https://azertag.az/ru/xeber/Bakinskii_amerikanskii_centr_pristupil_k_deyatelnosti_posle_remonta-795789 (data obrashcheniya: 20.03.2024)
 22. "Frantsuzskii yazyk prepodaetsya v azerbaidzhanskikh shkolakh na vysokom urovne"- Oreliya Bushez. 2019 [Elektronnyi resurs] URL: <https://hafta.az/-azerbaycan-mekteblerinde-fransiz-dili-yukse-seviyyede-tedris-edilir--234140-xeber.html> (data obrashcheniya: 20.03.2024)
 23. K kakim inostrannym yazykam proyavlyayut interes azerbaidzhanskije shkoly? 2018 [Elektronnyi resurs] URL: <https://1news.az/news/20181113124603432-K-kakim-inostrannym-yazykam-proyavlyayut-interes-azerbaidzhanskije-shkoly> (data obrashcheniya: 20.03.2024)
 24. Safarova S. V Azerbaidzhanskom institute teologii proshel seminar, posvyashchennyi Mezhdunarodnomu dnyu arabskogo yazyka. 2019 [Elektronnyi resurs] URL:

<https://aztehsil.com/news/10105-a-de-beynelxalq-ereb-dili-gunune-hesr-olunmus-seminar-kecirilib.html> (data obrashcheniya: 20.03.2024)

25. Persidskii yazyk prepodaetsya v dvukh shkolakh Azerbaidzhana. 2023 [Elektronnyi resurs] URL: <https://modern.az/tehsil/400732/azerbaycandaki-iki-mektebde-fars-dili-tedrisolunur> (data obrashcheniya: 20.03.2024)

Changing the functioning of the article in the history of the German language

Dolgopola Liliya Anatol'evna

Doctor of Philology

Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

295044, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Bastionnaya str., 41, of. --

 lilian2000@mail.ru

Mustafaeva Alie Haidedinovna

Senior Lecturer, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

295015, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, lane Educational, 8, of. --

 alie_mail@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the historical changes in the syntactic structure of the German language; the object of the study is articles. The authors consider in detail the use of definite, indefinite and null articles based on the material of a fragment of the Gospel of Luke, which were published in various periods of the German language: the text of Tatiana, translated by Martin Luther, made in 1545; an adapted version of Luther's translation, published in 2017 and a lightweight electronic version created as a result of deviation from the canonical translation. Particular attention is paid to the frequency of use of articles, the reasons for the increase or decrease in their use, as well as other means of determination. It is established that modern electronic text shows a tendency to decrease nominal groups, which, accordingly, leads to a decrease in articles. The tendency to decrease the zero article is manifested by the early Upper German period; in modern German, there is a displacement of the definite article. The methodological basis is based on a systematic approach to the interpretation of the phenomena of linguistic ontology in diachrony. The research methods are comparative historical analysis, the method of distributive analysis, quantitative analysis, methods of N. Chomsky's theory of control and binding. The main conclusions of the proposed study are the revealed historical processes in the system of articles of the German language. It was found that at an early stage of language development, the zero article dominated in texts, which significantly narrowed the manifestation of determination. The main burden during this period fell on possessive nominal groups, which primarily included proper names. The definite article was used much less frequently. In nominal groups that are part of the prepositional group, the zero article was mainly used, which eventually led to the creation of stable prepositional constructions with a zero article. The largest number of all types of articles falls on Luther's translation adapted to the modern grammatical structure of the German language, which is associated with the maximum use of nominal groups. What is new is the establishment in modern German of a tendency to reduce the zero and definite articles.

Keywords: Old High German, Bible, infinitive dative, preposition phrase, noun phrase,

indefinite article, definite article, null article, category definiteness, category indefiniteness

References (transliterated)

1. Averina A. V. Aspektual'nyi potentsial artiklya i padezhnykh form v nemetskom yazyke // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2022. № 2. S. 17-29.
2. Admoni V. G. Istoricheskii sintaksis nemetskogo yazyka. Biblioteka filologa. M.: Vyssh. shkola, 1963. 336 s.
3. Dolgina E. K. O roli kognitivnogo napravleniya v sovremennykh issledovaniyakh angliiskogo artiklya // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2008. № 4. S. 25-32.
4. Egorova O.S. Artikl' kak sredstvo aktualizatsii kommunikativnoi struktury predlozheniya // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2019. № 1. C. 131-137.
5. Zhavoronkova R. N. Tekstoobrazuyushchie funktsii artiklya v angliiskom yazyke // Vestnik MGUL. Lesnoi vestnik. 2003. № 4. S. 32-35.
6. Zhirmunskii V. M. Istoriya nemetskogo yazyka. Seriya Istoriya yazykov narodov mira. M.: URSS. 2023. 408 s.
7. Katsitadze I. M. Funktsional'no-semanticheskii analiz opredelennogo artiklya na stranitsakh elektronnykh versii sovremennykh germanskikh pechatnykh SMI // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 11 (77). Ch. 3. S. 117-119.
8. Muryasov R. Z. Kategoriya neopredelennosti sushchestvitel'nykh v raznostrukturnykh yazykakh // Vestnik Bashkirs. un-ta. 2016. № 3. C. 662-667.
9. Novyi zavet. Sinodal'nyi perevod. URL: http://www.my-bible.info/biblio/biblija/ev_luka.html
10. Paramonova M. G. Rol' artiklya i ego emotsional'no-vydelitel'naya funktsiya v diskurse reklamy (na materiale angliiskogo i nemetskogo yazykov // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya i iskusstvovedenie. 2016. № 1 (172). S. 73-77.
11. Sibgatullina A. A. Sposoby vyrazheniya kategorii «opredelennost'/neopredelennost'» v russkom, tatarskom i nemetskom yazykakh // Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve. 2021. № 13. C. 66-75.
12. Timoshenko I. V. Opyt analiza funktsionirovaniya artiklei v angliiskom yazyke (na materiale parallel'nykh tekstov) // Uchenye zapiski OGU. Seriya : Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2015. № 2. C. 162-165.
13. Bammesberger, A. Untersuchungen zur vergleichenden Grammatik der germanischen Sprachen. Die Morphologie des urgermanischen Nomens (1986). Heidelberg: Carl Winter. 2. Band (1990). Heidelberg : Carl Winter. 290 s.
14. Biblegateway. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Lukas%201%2Cot%20Luki%201%2Ckl%201&version=HOF;NRT;CARST>
15. Vibleserver. Lutherbibel 2017. Luki 1: 1-45. URL: <https://www.bibleserver.com/LUT/Lukas1>
16. Grammis. Grammatisches Informationssystem. Artikel. URL: <https://grammis.ids-mannheim.de/systematische-grammatik/275>
17. Germanic Lexicon Project. Texts. URL: http://lexicon.ff.cuni.cz/texts/ohg_sievers_tatian_about.htm
18. Konopka M., Fuß E., Genitiv im Korpus. Untersuchungen zur starken Flexion des Nomens im Deutschen (2016). Tübingen: Narr Francke Attempo Verlag GmbH + Co. KG. 283 s.

19. Lang Ch., Schneider R. Schwinn H., Suchowolec K., Wöllstein A. (Hrsg.) Grammatik und Terminologie. (2020). Tübingen: Narr Francke Attempo Verlag GmbH + Co. KG. 256 s.
20. Witwicka-Iwanowska M. Artikelgebrauch im Deutschen. Eine Analyse aus der Perspektive des Polnischen (2012). Tübingen: Narr Francke Attempo Verlag GmbH + Co. KG. 230 s.
21. Zeno.org. Meine Bibliothek. URL:
<http://www.zeno.org/Literatur/M/Luther,+Martin/Luther-Bibel+1545/Das+Neue+Testament/Das+Lukasevangelium/Lukas+1>

Verbal vocabulary as a means of expressing interpersonal relations in Russian and Chinese

Li Xiuyu

Postgraduate student, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukh-Maklaya str., 6

 lixiuyu0525@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the semantic and functional features of the lexico-semantic group of verbs denoting interpersonal relations in the Russian and Chinese languages. The verbal vocabulary representing the category of relationship describes the relationships that arise between people in the form of feelings, judgments and appeals to each other in the course of everyday life. The purpose of the proposed article is to identify the semantic and functional features of the verbs of the lexico-semantic group of interpersonal relations in the system of Russian and Chinese languages. The study revealed similarities and differences in the meaning of these verbs. As the analysis showed, some Chinese verbs do not match the meaning of the verbs of the Russian language. This article also examines the types of semantic changes in the semantic structure of the verbal word form functioning in the context. The main method of studying this group of verbs in Russian and Chinese is the comparative method. The descriptive method and the functional-semantic method, as well as the method of component analysis, were used in the selection and use of linguistic material. The scientific novelty of the study lies in the fact that the verbs of interpersonal relations are still insufficiently studied on the materials of the Russian and Chinese languages. The results of the research can be used in the practice of teaching university courses in such disciplines as cognitive linguistics, linguoculturology, and intercultural communication. The study allows us to conclude that the verbs of interpersonal relationships are quite often used in both languages. The meanings of Chinese and Russian verbs are not always equivalent. Their semantic structures may also differ. The analysis of interlanguage gaps reveals the presence of incomplete lexical correspondence to a foreign word. Some verbal lexicons express interpersonal relationships in their direct meanings, while others develop this ability as a result of semantic modulation and semantic derivation. Interpersonal relationships can be expressed by verbs from other lexico-semantic groups, acquiring the semantics of interpersonal relationships in the context. In conclusion, we note that expressions of interpersonal relationships can also be verb-noun combinations, which, when analyzing various specifiers in the context, indicate the reasons for a positive or negative attitude towards a person.

Keywords: Russian language, verbs of contact, external manifestation of attitude, emotional-evaluative attitude, verb-name combinations, semantic structure, interpersonal relations, verb, lexicon, Chinese language

References (transliterated)

1. Shvedova N. Yu. Glagol kak dominanta russkoi leksiki // Filologicheskii sbornik: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akad. V.V. Vinogradova. M.: IRYa, 1995. S. 409-414.
2. Russkaya glagol'naya leksika: peresekaemost' paradigm: Pamyati Ery Vasil'evny Kuznetsovoi / Pod obshch. red. L.G. Babenko. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1997.
3. Vinogradov V.V. Russkii yazyk. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5310&0a0=15>. Data obrashcheniya: 01.04.2024.
4. Kostitsina R.V. Novyi proekt semanticheskoi klassifikatsii glagol'noi leksiki russkogo yazyka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. № 8. S. 2592-2599.
5. Belova E.E., Belyaeva A.A. Osobennosti obucheniya starsheklassnikov glagol'noi sinonimii // Gaudeamus. 2021. № 3 (49). S. 41-46.
6. Akimova T. P. Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti glagolov mezhlichnostnykh otnoshenii. Dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2003.
7. Tolkovyi slovar' russkikh glagolov. Ideograficheskoe opisanie. Angliiskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy / pod red. L.G. Babenko. M.: «AST – PRESS», 1999.
8. Frolova M.V. Funktsional'no-semanticheskie osobennosti glagolov so znacheniem mezhlichnostnykh otnoshenii (na materiale povesti A. Platonova «Kotlovan») // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2007. № 4. S. 74-79.
9. Starodubtseva N.A., Kharchenko S.Yu. Spetsifika funktsionirovaniya glagolov mezhlichnostnykh otnoshenii v proze A.P. Chekhova // Izvestiya VGPU. 2022. № 1 (164). S. 229-234.
10. Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka. M., 1974.
11. Mineeva Z.I., Nikolaev A.A. Novye predikativy: obrazovanie, semantika, upotreblenie // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 3. S. 14-20.
12. Frolova M. V. Funktsionirovanie glagolov mezhlichnostnykh i sotsial'nykh otnoshenii v proizvedeniyakh russkoi literatury 20-kh godov KhKh veka (na materiale tekstov A. P. Platonova i M. A. Bulgakova). Dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2008.
13. Russkaya grammatika: [v 2 t.] / Akad. nauk SSSR, In-t rus. yaz.; gl. red. N.Yu. Shvedova. Moskva: Nauka, 1980.

Decoding Iran's meme culture and implications in journalism

Tabatabai Sara

Postgraduate student, Department of Mass Communications, RUDN University named after Patrice Lumumba

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ saratabatabayee@gmail.com

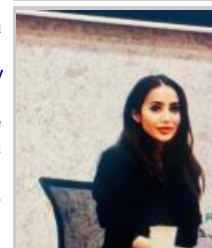
Bulgarova Bella Akhmedovna

PhD in Philology

Associate professor of the Department of Mass Communications, RUDN University named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str.6.

✉ bulgarova-ba@rudn.ru

Kotecha Ketan

PhD in Technical Science

Professor of Computer Science & Engineering, Head of the Symbiosis Centre for Applied Artificial Intelligence (SCAAI); Dean, Faculty of Engineering, Symbiosis International, Director of the Symbiosis Institute of Technology

412115, India, Lavale region, Pune, Lavale, 1, office 1

▫ director@sitpune.edu.in

Patil Shruti

PhD in Technical Science

Professor, Artificial Intelligence & Machine Learning Department, Symbiosis Institute of Technology

412115, India, Lavale region, Pune, Lavale str., 1, office 1

▫ shruti.patil@sitpune.edu.in

Abstract. The study of digital humour and meme culture as a complex phenomenon, given the growing consumption and popularity of memes, especially among digital technology speakers, coupled with the scarcity of scholarly attention and research on this topic in Iran, has become increasingly relevant. This article focuses on the complex interplay between memes, culture and technology. By analysing the integral role of humour in Iranian digital culture, the study aims to explore the nature and functions of Iranian meme culture. The analysis shows that Iranian digital humour and meme culture function as a platform for equal opportunities to laugh, challenge established cultural norms and question prevailing ideologies. The research methodology is based on the reproduction of gender conventions and power hierarchies in Iran through internet memes. The methods applied are: content analysis, distributive and comparative. The study also builds on Bakhtin's concept of "chronotope" in multimodal analysis of memes common among Iranian immigrants. The novelty of the study lies in the fact that it makes a valuable contribution to the field of journalism and media studies, highlighting the importance of understanding the role of humour and memes in shaping public perception and navigating complex ideological landscapes, as well as the ways in which memes can be used to disrupt or alter these dynamics. The results of the analysis of Iranian digital humour and memes show that meme culture functions as a means to combat inequalities in power and status. In addition, the study demonstrated the Iranian population's reinterpretation of the immigrant experience, thereby reaffirming and refining their hybrid identity as transnational Iranians. This process unfolds through the recreation of different spatio-temporal configurations within the meme.

Keywords: society, transformation, technology, journalism, culture, Iranian, digital humor, meme culture, digital natives, meme

References (transliterated)

1. Lopukhov S.V. Smekhovye Internet-zhanry v sovremennom kommunikativnom prostranstve // Nauchnyi zhurnal. – 2023. – S. 129.
2. Forgani M.M., Abdi S.E. Reprezentatsiya zhenshchin v gendernykh shutkakh. Kriticheskii diskursivnyi analiz gendernykh shutok o zhenshchinakh // Zhurnal issledovaniy kul'tury i kommunikatsii. – 2016. – № 17 (33). S. 31-52.
3. Talebi M.A., Mirzai Kh., Makhdavi S.M.S. Osobennosti gendernoi reprezentatsii v persidskikh shutkakh Telegram // Nauchnyi ezhekvartal'nyi zhurnal issledovaniy kommunikativnoi kul'tury. – 2018. – № 50. – S. 95-117.
4. Abedinifard M. Persidskie shutki «Rashti»: sovremennye iranskie palimpsesty

- muzhestvennosti, osnovannoi na geirate // Britanskii zhurnal blizhnevostochnykh issledovaniy. – 2019. – T. 46. № 4. – S. 564-582.
5. Talebi M.A., Mirzai Kh., Makhdavi S.M.S. Diversifikatsiya atmosfery shutok v persidskom Telegram do i posle ogranicheniya ispol'zovaniya etogo messendzhera v Irane // Ezhekvartal'nye issledovaniya novykh media. – 2019. № 21. – S. 213-246.
 6. Razipur P., Torkaman F., Rakhmani A. Sotsiologicheskoe issledovanie shutok, svyazannykh s otnosheniyami mezhdru sotsial'nymi gruppami v Irane (s aktsentom na shutki v Telegram v 2018 godu) // Zhurnal sotsial'nykh nauk ATU. – 2018. – T. 27. № 89. – S. 201-232.
 7. Safiri Kh., Shakhrazad Z. Tematicheskii analiz shutok, kotorymi obmenivayutsya v programme «Komnata shutok» // Ezhekvartal'nyi zhurnal izucheniya kul'tury obshcheniya. – 2016. – № 39. – S. 81-108.
 8. Molaasgari F. Issledovanie gendernogo nasiliya v kiberprostranstve: masterskaya dissertatsiya po sotsiologii. – Universitet Pa'am Nur, Tsentr Parand, 2018. – 173 s.
 9. Tabatabai S. Gendernaya reprezentatsiya v internet-memakh kak tsifrovoy yumor // Yazyk i rech' v internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura. Sbornik statei VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2-kh tomakh. – M.: RUDN, 2022. – T. 2. – S. 354-361.
 10. Kanei R., Seied M.A. Upadok patriarkhata, raspad sem'i ili vozniknovenie grazhdanskogo obshchestva? Tegeran: Kul'turnoe obozrenie, 2017. – 268 s.
 11. Ezazi Sh. Sotsiologiya sem'i s aktsentom na rol', strukturu i funktsii sem'i v sovremennuyu epokhu. Tegeran: Roshangan i zhenskie issledovaniya, 2008. – 234 s.
 12. Tabatabai S. Internet-memy kak emotsional'nyi diskursivnyi instrument novogo pokoleniya // Yazyk i rech' v internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura. Sbornik statei VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2-kh tomakh. – M.: RUDN, 2023. – T. 2. – S. 372-379.
 13. Kemper T.D. Vlast' i status i vlastno-statusnaya teoriya emotsii. Spravochnik po sotsiologii emotsii // Boston, MA: Springer US. – 2006. – S. 87-113.
 14. Ekert P. Yazyk i podrostkovye gruppy sverstnikov // Zhurnal yazyka i sotsial'noi psikhologii. – T. 22. – № 1. – S. 112-118.
 15. Torbati S., Makhdavi A. Kriticheskii diskurs-analiz shutok o yadernoi sdelke; reprezentatsiya yadernogo soglasheniya v persidskikh shutkakh // Kvartal'nye issledovaniya novykh media. – T. 15. – № 1. – S. 111-146.
 16. Tavakoli S., Mansurel'-Korzh. Vliyanie sotsial'nykh setei na izmenenie lichnostnykh kharakteristik studentov Islamskogo universiteta Azad, Zapadnyi filial Tegerana // Upravlenie obrazovaniem i perspektivy. – 2019. – T. 2. – № 1. – S. 35-48.

Semantics and structure of the concept of "Bogatyrstvo" in epics and modern linguistic consciousness

Dmitrieva Natalya Mihailovna

Doctor of Philology

Associate Professor at Department of Russian Philology and the Russian language Teaching methods,
Orenburg State University.

460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Pobedy Avenue, 13

 dmitrieva1977@yandex.ru

Korobeynikova Anna Alexandrovna

PhD in Philology

Associate Professor of the Russian Philology and Russian Language Teaching Methods Department, Orenburg State University

460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Prospekt Pobedy str., 13

✉ SSSR2004@yandex.ru

Malahova Olga Mikhailovna

Lecturer, Orenburg State Medical University

460000, Russia, Orenburg region, Orenburg, Sovetskaya str., 6

✉ o1gamalahova@mail.ru

Polovnikova Anastasiya Yurievna

Lecturer, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ polovnikova_ayu@pfur.ru

Abstract. The subject of the study is the concept of "Bogatyrstvo" and its structural and semantic features. Bogatyrstvo is inextricably linked with the hero and with the plot of epics. In epics, it is perceived as a concept-script, that is, it is formed in the process of the entire narrative. However, the original structure of the concept is presented as a conceptual field of meanings inscribed in a more complex structural formation – the ethical concept of "Courage". The relevance of the research is dictated by the high precedent of the name of the concept and its dominant verbalizers. The semantic field of the concept is explored in etymological, historical and topical layers. The main semantic load of the etymological layer of the concept is formed in the Church Slavonic language. The historical layer is vividly represented in the dictionaries of the XIX and XX centuries, the latter captures the limitation of the "existence" of the concept by the genre of epic. The actual layer is revealed in the process of studying the consciousness of modern students.

The purpose of the article is to identify the reference points (slots) that formed the basis of the concept. A special contribution of the authors and the novelty of the study is the conduct of a semantic experiment, which established that in the minds of modern native speakers, the concept Bogatyrstvo, for which analysis methods were used (analysis of dictionary definitions and contextual analysis of epics), semantic analysis (the "supporting" semantic shares of the concept of "Bogatyrstvo" were identified, their key verbalizers were highlighted) and the method of semantic experiment to identify the modern perception of the concept. The main conclusions of the study: 1) the concept of "Bogatyrstvo" has a static frame structure and a field structure, including slots "spiritual strength" and "physical strength". Spiritual strength lies in the constant readiness to stand up for the motherland as a manifestation of true courage and heroism; in the fate of the hero-defender, ordained from above; in the Christian faith. The physical strength of the hero is, as it were, the personification of the whole strength of the Russian people, given by God. 2) These slots are present in the epics in the dynamic structure of the script: the slot "physical force" unfolds to the whole epic action; the slot "spiritual force" is expressed through the entire epic narrative – this is the very motivation for action. A special contribution of the authors and the novelty of the study is the conduct of a semantic experiment, which established that in the minds of modern native speakers, the concept of "Bogatyrstvo" is presented statically and includes both slots, with the predominance of the slot "spiritual power".

Keywords: concept field, Russian epic poems, script concept, slot, bogatyrstvo, frame,

bogatyr, linguistic picture of the world, ethical concept, concept

References (transliterated)

1. D'yachenko G. Polnyi tserkovno-slavyanskii slovar' / G. D'yachenko. M.: Otchii dom, 2001. 720 s.
2. Dmitrieva N. M. Semiotika kontseptov «Muzhestvo» i «Bogatyrstvo» v russkoi yazykovoi kartine mira // N.M. Dmitrieva / Yazyk kak iskusstvo: funktsional'naya semantika i poetika: sb. Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. M. : RUDN, 2022. S. 59–66.
3. Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4 t. T. 1 A-Z. 6-e izd. M., 2011. 699 s.
4. Dmitrieva N. M. Moral'no-nravstvennye kontsepty v eticheskoi kontseptosfere russkoi yazykovoi kartiny mira / N.M. Dmitrieva. Orenburg: OGU, 2017. 196 s.
5. Ushakov D. N. Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka / D. N. Ushakov. M.: Dom. XXI vek, 2010. 512 s.
6. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka: Ok. 80 000 slov. 4-e izd., dopolnennoe / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. M.: «Azbukovnik», 2003. 944 s.
7. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / AN SSSR, In-t rus. yaz.; pod red. A. P. Evgen'evoi. 3-e izdanie. T.1. M.: Russkii yazyk, 1985. 696 s.
8. Efremova T. F. Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 3 t. T. 1. M.: AST, Astrel', Kharvest, Lingua, 2005. 1168 s.
9. Minskii, M. Freimy dlya predstavleniya znaniy: [per. s angl.] / M. Minskii. M.: Energiya, 1979. 152 s.
10. Dmitrieva N. M. Eticheskaya sostavlyayushchaya kontsepta «Bogatyrstvo» v russkoi yazykovoi kartine mira (na primere tvorchestva F. M. Dostoevskogo) // N. M. Dmitrieva, A. Yu. Polovnikova / Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo v kontekste mirovoi kul'tury: sbornik M. Yu. Elepova. Arkhangel'sk: ID SAFU, 2022. S. 114–119.
11. Volosukhina, N.V. K voprosu o traktovke ponyatii «kontsept» i «freim» v sovremennoi lingvistike // N.V. Volosukhina / Universitetskie chteniya. 2020. T. 2010. S. 41–45.
12. Byliny / vstup. stat'ya, podgotovka teksta i primech. B.N. Putilova. L.: Sovetskii pisatel' [Leningr. otделение], 1957. 486 s.
13. Kolesov, V. Drevnerusskaya tsivilizatsiya. Nasledie v slove / V. Kolesov. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2014. 1120 s.

Optimization of traditional methods for determining the similarity of project names and purchases using large language models

Golikov Aleksei Aleksandrovich

Postgraduate student, Department of Philology and Literature, Department of Russian Language and Literature,
Kazan (Volga Region) Federal University (Yelabuga Institute)

109316, Russia, Moscow, Volgogradsky Ave., 42

 ag@mastercr.ru

Akimov Dmitrii Andreevich

PhD in Technical Science

Analyst, LLC "Digital solutions workshop"

109316, Russia, Moscow, Volgogradsky ave., 42

✉ akimovdmitry1@mail.ru

Danilova Yuliya ✉

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Yelabuga Institute (branch) of Kazan Federal University

89 Kazanskaya str., Yelabuga, Republic of Tatarstan, 423604, Russia

✉ danilovaespu@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the analysis and improvement of methods for determining the relevance of project names to the information content of purchases using large language models. The object of the study is a database containing the names of projects and purchases in the field of electric power industry, collected from open sources. The author examines in detail such aspects of the topic as the use of TF-IDF and cosine similarity metrics for primary data filtering, and also describes in detail the integration and evaluation of the effectiveness of large language models such as GigaChat, GPT-3.5, and GPT-4 in text data matching tasks. Special attention is paid to the methods of clarifying the similarity of names based on reflection introduced into the prompt of large language models, which makes it possible to increase the accuracy of data comparison. The study uses TF-IDF and cosine similarity methods for primary data analysis, as well as large GigaChat, GPT-3.5 and GPT-4 language models for detailed verification of the relevance of project names and purchases, including reflection in model prompt to improve the accuracy of results. The novelty of the research lies in the development of a combined approach to determining the relevance of project names and purchases, combining traditional methods of processing text information (TF-IDF, cosine similarity) with the capabilities of large language models. A special contribution of the author to the research of the topic is the proposed methodology for improving the accuracy of data comparison by clarifying the results of primary selection using GPT-3.5 and GPT-4 models with optimized prompt, including reflection. The main conclusions of the study are confirmation of the prospects of using the developed approach in the tasks of information support for procurement processes and project implementation, as well as the possibility of using the results obtained for the development of text data mining systems in various sectors of the economy. The study showed that the use of language models makes it possible to improve the value of the F2 measure to 0.65, which indicates a significant improvement in the quality of data comparison compared with basic methods.

Keywords: business process optimization, projects and procurement, relevance determination, reflexion in prompts, textual data analysis, GPT-4, GigaChat, large language models, cosine similarity, TF-IDF

References (transliterated)

1. Os'kina K. A. Optimizatsiya metoda klassifikatsii tekstov, osnovannogo na tf-idf, za schet vvedeniya dopolnitel'nykh koeffitsientov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. – 2016. – №. 15 (754). – S. 175-187.

2. Murugesan M. et al. Efficient privacy-preserving similar document detection // The VLDB Journal. – 2010. – Vol. 19. – №. 4. – Pp. 457-475.
3. Znamenskii S. V. Model' i aksiomy metrik skhodstva // Programmnye sistemy: teoriya i prilozheniya. – 2017. – T. 8. – №. 4 (35). – S. 347-357.
4. Gaidamakin N. A. Mera skhodstva posledovatel'nostei odinakovoi razmernosti // Matematicheskie struktury i modelirovanie. – 2016. – №. 4 (40). – S. 511-6.
5. Lychenko N. M., Sorokovaya A. V. Sravnenie effektivnosti metodov vektornogo predstavleniya slov dlya opredeleniya tonal'nosti tekstov // Matematicheskie struktury i modelirovanie. – 2019. – №. 4 (52). – S. 97-110.
6. Jurgens D. Learning about word vector representations and deep learning through implementing word2vec // Proceedings of the Fifth Workshop on Teaching NLP. – 2021. – Pp. 108-111.
7. Salyp B. Yu., Smirnov A. A. Analiz modeli BERT kak instrumenta opredeleniya smyslovoi blizosti predlozhenii estestvennogo yazyka // StudNet. – 2022. – T. 5. – №. 5. – S. 3509-3518.
8. Savenkov P. A., Ivutin A. N. Metody analiza estestvennogo yazyka v zadachakh detektirovaniya povedencheskikh anomalii // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Tekhnicheskie nauki. – 2022. – №. 3. – S. 358-366.
9. Valiev A. I., Lysenkova S. A. Primenenie metodov mashinnogo obucheniya dlya avtomatizatsii protsessa analiza sodержaniya teksta // Vestnik kibernetiki. – 2021. – №. 4 (44). – S. 12-15.
10. Shinn N. et al. Reflexion: Language agents with verbal reinforcement learning // Advances in Neural Information Processing Systems. – 2024. – Vol. 36.
11. Stepanov A. S., Stepanov S. M. O smysle oshibok pervogo i vtorogo roda // Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики. – 2010. – T. 1. – №. 6. – S. 239-241.
12. Savinov A. N. i dr. Analiz resheniya problem vozniknoveniya oshibok pervogo i vtorogo roda v sistemakh raspoznavaniya klaviaturnogo pocherka // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. – 2011. – №. 18. – S. 120-125.
13. Zaikin D. A. Podkhod k ranzhirovaniyu rezul'tatov dlya terminologicheskogo poiska // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Fiziko-matematicheskie nauki. – 2014. – T. 156. – №. 1. – S. 12-21.
14. Wang R., Li J. Bayes test of precision, recall, and F1 measure for comparison of two natural language processing models // Proceedings of the 57th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. – 2019. – Pp. 4135-4145.
15. Bystrov I. S., Kotenko I. V. Pokazateli dlya otsenki rezul'tatov mashinnogo obucheniya primenitel'no k zadache obnaruzheniya kiber-insaiderov // Regional'naya informatika (RI-2022). – 2022. – S. 140-141.

The system of images in A. Varlamov's novel "The Mental Wolf"

Niu Yueqiu

Postgraduate student, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University

690922, Russia, Vladivostok, Ajax str., 101007

 nyu.yu@dvfu.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the images of the main characters of the

novel, representing the author's complex view of the pre-Soviet period of Russian history, the First World War and the Revolution. Each character is characterized by his own system of ideological coordinates that form the picture of the world in the novel, expressing the national and cultural consciousness of the era. The character's deep characterization is based on a value paradigm, the constituent elements of which are attitude to nature, religion, homeland, and war. It is considered how these value characteristics are reflected in the life position of each character represented in the novel. The purpose of the article is to consider the system of images in A. Varlamov's novel "The Mental Wolf". The need to consider this problem is determined by the general literary position that the author's idea of life is expressed through a system of characters. The author uses the following research methods: comparative, hermeneutical and comparative typological. With the help of a systematic approach, an analytical study of images is provided. The analysis of the image system in the novel allowed us to correlate the images with the compositional structure of the work, to consider their position in the chronotope, to determine the characterological conflict in the novel. As the analysis made it possible to determine, the characters of Varlamov's novel form a system. Its main feature is the complex connections between the characters. The system of images in the novel is based on the idea of their attraction – repulsion. Relevance is seen in addressing one of the key problems of literary criticism based on the work of a modern author. It is established that complex connections of attraction, repulsion and pair interaction are established between the characters of the novel, which ultimately allows us to talk about a complex ideological concept of the novel depicting a person and his spiritual world in an era of changing social, cultural and political paradigms.

Keywords: prototype, duality, author's modality, antinomies, characterological conflict, image system, novel, The Mental Wolf, Varlamov Alexey Nikolaevich, modern Russian prose

References (transliterated)

1. Klabukova Yu. V. Istoricheskoe proshloe Rossii v khudozhestvenno-filosofskom osmyslenii A. Varlamova v romane «Myslennyi volk» // Uspekhi sovremennoi nauki. – 2016. – T. 3, № 5. – S. 82-85.
2. Erkina V. I. Obrazy poetov «Serebryanogo» veka v romane A. Varlamova «Myslennyi volk» i ikh kharakteristika v kontekste nitssheanskoi filosofii // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2019. – № 2(75). – S. 357-358.
3. Soldatkina Ya. V. Motivy i syuzhety prozy A. P. Platonova v russkoi romanistike 2010-kh godov (A. N. Varlamov, E. G. Vodolazkin) // Andrei Platonov i khudozhestvennyye iskaniya XX veka: problemy retseptsii: Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 120-letiyu pisatelya A. Platonova, Voronezh, 26–28 sentyabrya 2019 goda. – Voronezh: NAUKA-YuNIPRESS, 2019. – S. 249-255.
4. Soldatkina Ya. V. Tvorcheskoe nasledie A. P. Platonova i semantiko-esteticheskie poiski v sovremennoi russkoi proze (A. N. Varlamov «Myslennyi volk», A. V. Ivanov «Nenast'e») // Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. 2016. №1. S. 45-54.
5. Meskin V. A. «Myslennyi volk» Aleksey Varlamova kak opyt simvolistskogo romana // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. – 2017. – T. 22, № 1. – S. 55-65.
6. Krotova D. V. Obraz revolyutsii v romane A. N. Varlamova «Myslennyi volk» // Literatura i revolyutsiya vek dvadtsatyi / Pechataetsya po postanovleniyu redaktsionno-izdatel'skogo soveta filologicheskogo fakul'teta MGU imeni M. V. Lomonosova. – Moskva : LITFAKT, 2018. – S. 159-167.
7. Tsyplenkova A. V. Osobennosti izobrazheniya istoricheskikh lichnostei v romane A.

- Varlamova «Myslennyi volk» // Neofit : sbornik statei po materialam nauchno-prakticheskikh konferentsii aspirantov, magistrantov, studentov, Nizhnii Novgorod, 01–30 aprelya 2021 goda. Tom vypusk 18. – Nizhnii Novgorod: federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Nizhegorodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni Koz'my Minina», 2021. – S. 57-62.
8. Latynina A. Kto upravlyaet istoriei: Zametki o romane Aleksey Varlamova «Myslennyi volk» // Novyi mir, 2014. №9. S. 180-188.
 9. 于明清. 俄罗斯生态文学发展态势及其三维构成[J]. 河北学刊, 2019, 39(06):100-104. Yui Mintsin. Tendentsii razvitiya russkoi ekologicheskoi literatury i ee struktury. // Khebeiskii akademicheskii zhurnal. 2019, 39(№06). S. 100-104.
 10. Maglii A. D. Pobedil li myslennyi volk? // Voprosy literatury. – 2016. – № 5. – S. 139-150.
 11. Ishimbaeva G. G. Funktsii prirody v romane A. Varlamova «Myslennyi volk» // Priroda i chelovek v prostranstve kul'tury: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi Godu ekologii v RF (kafedra etiki, kul'turologii i svyazei s obshchestvennost'yu fakul'teta filosofii i sotsiologii Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta), Ufa, 27 aprelya 2017 goda. Tom Chast' 1. – Ufa: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet, 2017. – S. 191-193.
 12. 裴曼芳. 阿列克谢·瓦尔拉莫夫的长篇小说《臆想之狼》的创作研究[D]. 辽宁: 辽宁师范大学, 2022. 35. Pei Man'fan. Issledovanie tvorchestva romana Aleksey Varlamova «Myslennyi volk». // Lyaonin: Lyaoninskii pedagogicheskii universitet, 2022, 35 s.
 13. Varlamov A.N. Myslennyi volk: roman.-Moskva: Izdatel'stvo AST: Reaktsiya Eleny Shubinnoi, 2022. 508 c.
 14. Gidrovich N.V. Priroda v metaforicheskom predstavlenii M.M. Prishvina // Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya. 2015. №3. S. 20-23.
 15. Nasr M.T. Obrazy russkoi prirody v evolyutsii khudozhestvennoi filosofii Mikhaila Prishvina // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. 2020. №3. S. 172-181.
 16. Turanina N.A. Slovar' metaforicheskikh obrazov M. Prishvina: opyt sozdaniya // Filologos. – 2007. – № 1-2(3). – S. 103-104.
 17. Ivanov N.N. Filosofiya, estetika i poetika tvorchestva Mikhaila Prishvina: monografiya. – Yaroslavl': RIO YaGPU, 2020. – 175 s.
 18. 李勇. 普里什文作品中的生态文学思想及其浪漫主义气质[J]. 江苏社会科学, 2013, (04):149-154. Li Yun. Ekologicheskaya literaturnaya mysl' i romanticheskii temperament v proizvedeniyakh Prishvina. // Sotsial'nye nauki provintsii Tszyansu, 2013, (№04): 149-154.
 19. Prishvin M.M. Dnevnik. M.: «Pravda», 1990. 482 s.
 20. Shpachekova Z.S. Alekseem Varlamovym ne tol'ko o russkoi literature // Russkii yazyk v tsentre Evropy. – 2021. – № 1(21). – S. 41-51.

Mechanisms of metaphorical formation and interpretation of zoosemisms in Russian dictionaries

Li Yimo

PhD in Philology

Lecturer, Philological Faculty, Shenzhen MSU-BIT University.

Abstract. The subject of the study is the lexical and semantic features of Russian zoosemisms characterizing the internal signs of a person. The object of the study is Russian zoosemisms, that is, secondary names of persons motivated by animal names (zoonyms). The paper examines the relationship between the primary meanings of animals and their metaphorical zoosemic meanings; the interaction of metaphorical connections and cultural representations in language; and the potential for the development of zoosemisms in the Russian language. The author examines in detail such aspects of the topic as zoosemisms reflecting the internal characteristics of a person and directly related to the zoonyms motivating them; zoosemisms reflecting the internal features of a person and indirectly related to the zoonyms motivating them. Special attention is paid to the analysis of possible sources of zoosemisms, which are indirectly related to the zoonyms motivating them, as well as their stability in the psychological state of native Russian speakers. The following methods are used in the study: descriptive, component analysis, comparative analysis, as well as the method of continuous sampling of material. The novelty of this work lies in an in-depth analysis of a specific subgroup of zoosemisms; identification of various connections between zoonyms and zoosemisms motivated by them; as well as in highlighting the special role of zoosemisms in the linguistic picture of the world of Russian speakers. The results of the study confirm the complexity and diversity of the connections between zoonyms and the zoosemisms motivated by them, many of which are directly related to the cultural, historical and phraseological aspects of the Russian language. The zoosemisms ram, gad, beetle, fox, turkey exist as stronger cultural elements, and are steadily present in the minds of native speakers of the Russian language. The zoosemisms sparrow, goose, animal, dog, creature, chicken are in the status of dynamic development. The source of zoosemisms can be phraseologically related meanings of the corresponding animal (zoosemisms goat, sheep, donkey, rooster); metaphorical meanings of the corresponding masculine animal (zoosemisms gadina, fox/fox, donkey/donkey, bitch); metaphorical meanings associated with the species or family of the corresponding animal (zoosemisms barbosa, tigress, shiloh tail). This analysis enriches the understanding of the mechanisms of metaphor formation in the Russian language and can serve as a basis for further linguistic research, as well as methods of teaching Russian to foreign students.

Keywords: Russian explanatory dictionaries, lexicography, psycholinguistics, animal names, zoonyms, zoosemisms, Russian associative dictionary, secondary naming of persons, lexico-semantic groups, lexicology

References (transliterated)

1. Patyukova R. V. Zoosemicheskie komponenty ustoichivyykh edinit: opyt slovarya (na materiale angliiskogo i russkogo yazykov). Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2008.
2. Sharova A. A. Gendernyi aspekt zoomorfnykh obrazov (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov): Avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Yaroslavl', 2010.
3. Gavril'yuk M. A. Zoomorfizmy kitaiskogo yazyka kak sredstvo aksiologicheskoi kharakteristiki cheloveka // Vestnik TPGU. 2013. №10. С. 136–140.
4. Vas'kova O. A. Gender kak predmet leksikograficheskogo opisaniya (na materiale frazeologii): Avtoref. dis. kand. filol. nauk. M., 2006.
5. Safaraliev G. M. Zoomorfnyaya metafora kak sposob obraznoi kharakteristiki cheloveka

- (na materiale russkogo i azerbaidzhanskogo yazykov) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda. 2013, № 3. C. 121–128.
6. Salim Akhmed Ibragim. Zoomorfnye obrazy v russkikh i arabskikh paremiyakh // Molodoi uchenyi. 2018. № 11. S. 281–283.
 7. Kipriyanova A. A. Ob assotsiativnoi semanticheskoi nagruzke zoosemizmov // Semantika yazykovykh edinit. Doklady VI Mezhdunarodnoi konferentsii. M., 1998. S. 330–332.
 8. Tsai Syao-lin. Zoonimy i zoosemizmy v otnoshenii k rodu i biologicheskomu polu // Problemy izucheniya i prepodavaniya russkogo yazyka i literatury: Vestnik fakul'teta russkogo yazyka i literatury. Vyp. 9. S. 84–93. Taibei, 2006.
 9. Shul'ga M. V. Grammaticheskie oppozitsii v istorii morfologii imeni. M.: Indrik, 2017.
 10. Li Imo. Leksikograficheskii aspekt differentsiatsii metaforicheskikh i frazeologicheskikh svyazannykh znachenii zoonimov (na materiale russko-kitaiskogo dvuyazychnogo slovary). Slavyanskii chteniya, 2021; № 18. S. 72–86.
 11. Sklyarevskaya G. N. Metafora v sisteme yazyka. Sankt-Peterburg: Nauka. 1993.
 12. Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii / Pod obshchei red. Shvedovoi N. Yu. M.: «AZBUKOVNIK», 2000. T. I.
 13. Dulichenko L. V. Slovar' obidnykh slov: naimenovaniya lits s negativnym znacheniem. Tartu: Tartuskii universitet, 2000.
 14. Entsiklopedicheskii slovar' (R) / pod red. Brokgauz F. A., Efron I. A. M.: «Russkoe slovo», 1996.
 15. Entsiklopedicheskii slovar' (S) / pod red. Brokgauz F. A., Efron I. A. M.: «Russkoe slovo», 1996.
 16. Entsiklopedicheskii slovar' (E-I) / pod red. Brokgauz F. A., Efron I. A. M.: «Russkoe slovo», 1996.
 17. Russkii regional'nyi assotsiativnyi slovar'-tezaurus EVRAS. T. 1. Ot stimula k reaktsii: [Elektronnyi resurs] / G.A. Cherkasova, N.V. Ufimtseva. M., 2014. URL: https://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf (data obrashcheniya: 10.04.2024).
 18. Psikholingvistika: [Elektronnyi resurs] / V.P. Belyanin. M. : FLINTA, 2016. URL: http://lib.y-su.am/disciplines_bk/e500b25109704ac96d0c0c6ce5f32c77.pdf (data obrashcheniya: 12.04.2024).
 19. Kozlova T. V. Ideograficheskii slovar' russkikh frazeologizmov s nazvaniyami zhivotnykh. M.: Izdatel'stvo "Delo i Servis", 2001.

Features of the implementation of speech strategies and tactics in the slogan of television food advertising

Hu Ziming

Graduate student, St Petersburg University

199397, Russia, Saint Petersburg, Novosmolenskaya str., 1B

 st082227@student.spbu.ru

Abstract. The article is devoted to the study of speech strategies and tactics in the slogan of television food advertising. The slogan as an element of the advertising text plays a significant role in influencing the consciousness and behavior of the addressee. Slogans implement various speech strategies and tactics to ensure the success of advertising communication. The difficulty of studying this phenomenon lies in a short formulation with

great strategic potential and its uncertain relationship with the main text of television advertising. The relevance of this study is related to the importance of the slogan in the advertising text and the prospects for studying speech strategies and tactics in the slogan of television food advertising. The article aims to identify the features of speech strategies and tactics in the slogan of television food advertising. The method of linguistic and pragmatic analysis was used in the work, which makes it possible to identify speech strategies and tactics in the slogan of television advertising of food products and describe the linguistic features of their implementation. The novelty of the research lies in a comprehensive examination of speech strategies and tactics in the slogan, taking into account the main advertising text. As a result of the analysis, corporate slogan, product slogan and festive slogan were highlighted in television advertising. The slogans of television food advertising highlight presentation strategy, convincing strategy, persuading strategy and reminiscent strategy, as well as tactics and techniques within the framework of relevant strategies. The linguistic means of verbalization of techniques used within the framework of appropriate speech strategies and tactics in television advertising of food are described. The correlation of their implementation with the main advertising text has been established. The slogan of a TV advertisement usually implements several strategies and tactics at the same time. The implementation of the convincing strategy in a product slogan is relevant to the main advertising text. The implementation of other strategies in the slogan is not related to the main advertising text.

Keywords: persuading strategy, convincing strategy, presentation strategy, slogan, language tools, techniques, television advertising, speech tactics, speech strategies, reminiscent strategy

References (transliterated)

1. Sovremennyyi ekonomicheskii slovar' Raizberg B. A., Lozovskii L. Sh., Starodubtseva E. B. – M.: INFRA-M, 1997. – 496 s.
2. Sovremennyyi tolkovyyi slovar' russkogo yazyka / pod red. S. A. Kuznetsova. SPb.: Norint, 2003. – 959 s.
3. Zirka V. V. Manipulyativnye igry v reklame: lingvisticheskii aspekt-Izd. stereotip. – M.: Knizhnyi dom «Librokom», 2014. – 260 s.
4. Gol'man I. A. Dobrobadenko N. S. Praktika reklamy: Desyat' urokov dlya sovremennogo biznesmena. Novosibirsk, 1991. – 142 s.
5. Smirnova Yu. V. Reklama na televidenii: razrabotka i tekhnologiya proizvodstva: ucheb.posobie – M.: Izdatel'stvo «Omega L», 2011. – 256 s.
6. Popova E. S. Struktura manipulyativnogo vozdeistviya v reklamnom tekste // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2002. № 24. S. 276-288.
7. Medvedeva E.V. Reklamnaya kommunikatsiya. – M.: Editorial URSS, 2003. – S. 278.
8. Romat E. V. Reklama: Uchebnik dlya vuzov. – SPb.: Piter, 2008. – 512 s.
9. Kaftandzhiev Kh. Teksty pechatnoi reklamy / per. s bolg.; pod red. M. Dymshits. – M.: Smysl, 1995. – 73 s.
10. Morozova, I. D. Slagaya slogany. – M.: RIP-kholding, 2004. – 172 s.
11. Feofanov, O. A. Reklama: novye tekhnologii v Rossii – SPb.: Piter, 2001. – 384 s.
12. Shaglanova E. A. Kompessiya teksta telereklamy: strategicheskii aspekt: dis. ... kan.f.nauk: 10.02.19 – Ulan-Ude, 2018. – 161 s.
13. Khu Ts. Rechevye strategii v televizionnoi kommercheskoi reklame // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya. 2023. T. №2. URL: <https://sfk->

mn.ru/PDF/13FLSK223.pdf

14. Khu Ts. Realizatsiya strategii ubezhdeniya i strategii ugovarivaniya v rossiiskoi televizionnoi reklame (na materiale videorolikov o produktakh pitaniya) // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya. – 2023. – T. 14. – № 4. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/28FLSK423.pdf>
15. Sendidzh Ch., Fraiburger V., Rottsohl K. Reklama. Teoriya i praktika. – M.: Progress, 1989. – 630 s.
16. Leont'ev A. A. Osnovy psikholingvistiki. – M.: Smysl, 1997. – 287 s.
17. Pirogova N. V., Yudina E.A. Motivy lichnosti i piramida potrebnosti: aktualizatsiya v turisticheskoi reklame // Agrarnyi vestnik Urala. 2016. № 5 (147) – S. 103-114.
18. Dubrovin I. A. Povedenie potrebitelei: Uchebnoe posobie. – M.: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K°», 2018. – 310 s.
19. Vol'f E. M. Funktsional'naya semantika otsenki / Otv. red. G. V. Stepanov. – M.: Nauka, 1985. – 228 s.
20. Miroshnichenko G. A. Kommunikativnaya strategiya verbal'nogo ubezhdeniya v rossiiskoi televizionnoi reklame // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. – 2018. –T. 23. – № 2. – С. 215-223.
21. Pirogova Yu. K. Implitsitnaya informatsiya kak sredstvo kommunikativnogo vozdeistviya i manipulirovaniya (na materiale reklamnykh i PR-soobshchenii) // Scripta linguisticae applicatae. Problemy prikladnoi lingvistiki. / otv. Red. Novikov A. I. – M: Azbukovnik, 2001. – S. 209-227.
22. Nazaikin A. N. Praktika reklamnogo teksta. – M.: Berator-Press, 2003. – 305 s.
23. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi. – M: LKI, 2008. – 288 s.
24. Pirogova Yu. K. Davlenie diskursa i vybor strategii vozdeistviya v marketingovykh kommunikatsiyakh // Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog-2007», – Bekasovo, – 2007. – S. 455-459.

Automatic classification of emotions in speech: methods and data

Lemaev Vladislav Igorevich

Postgraduate student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory, 1c51

 vladzhkv98@mail.ru

Lukashevich Natal'ya Valentinovna

Doctor of Technical Science

Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory, 1s51, room 953

 louk_nat@mai.ru

Abstract. The subject of this study is the data and methods used in the task of automatic recognition of emotions in spoken speech. This task has gained great popularity recently, primarily due to the emergence of large datasets of labeled data and the development of machine learning models. The classification of speech utterances is usually based on 6 archetypal emotions: anger, fear, surprise, joy, disgust and sadness. Most modern

classification methods are based on machine learning and transformer models using a self-learning approach, in particular, models such as Wav2vec 2.0, HuBERT and WavLM, which are considered in this paper. English and Russian datasets of emotional speech, in particular, the datasets Dusha and RESD, are analyzed as data. As a method, an experiment was conducted in the form of comparing the results of Wav2vec 2.0, HuBERT and WavLM models applied to the relatively recently collected Russian datasets of emotional speech Dusha and RESD. The main purpose of the work is to analyze the availability and applicability of available data and approaches to recognizing emotions in speech for the Russian language, for which relatively little research has been conducted up to this point. The best result was demonstrated by the WavLM model on the Dusha dataset - 0.8782 dataset according to the Accuracy metric. The WavLM model also received the best result on the RESD dataset, while preliminary training was conducted for it on the Dusha - 0.81 dataset using the Accuracy metric. High classification results, primarily due to the quality and size of the collected Dusha dataset, indicate the prospects for further development of this area for the Russian language.

Keywords: WavLM, HuBERT, Wav2vec, transformers, machine learning, emotion recognition, speech recognition, natural language processing, Dusha, RESD

References (transliterated)

1. Schneider, S., Alexei Baevski, Ronan Collobert, Auli, M. wav2vec: Unsupervised Pre-Training for Speech Recognition // ArXiv (Cornell University). 2019.
2. Cowie, R., Douglas-Cowie, E., Tsapatsoulis, N., Votsis, G., Kollias, S., Fellenz, W., Taylor, J. G. Emotion recognition in human-computer interaction // IEEE Signal Processing Magazine. 2001. V. 18. No. 1. Pp. 32–80.
3. Kondratenko, V., Sokolov, A., Karpov, N., Kutuzov, O., Savushkin, N., Minkin, F. Large Raw Emotional Dataset with Aggregation Mechanism // ArXiv (Cornell University). 2022.
4. Busso, C., Bulut, M., Lee, C.-C., Kazemzadeh, A., Mower, E., Kim, S., Chang, J. N., Lee, S., Narayanan, S. S. IEMOCAP: interactive emotional dyadic motion capture database // Language Resources and Evaluation. 2008. V. 42. No. 4, Pp. 335–359.
5. Wagner, J., Triantafyllopoulos, A., Wierstorf, H., Schmitt, M., Burkhardt, F., Eyben, F., Schuller, B. W. Dawn of the Transformer Era in Speech Emotion Recognition: Closing the Valence Gap // IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence. 2023. V. 45. No. 9. Pp. 10745–10759.
6. Kossaifi, J., Walecki, R., Panagakis, Y., Shen, J., Schmitt, M., Ringeval, F., Han, J., Pandit, V., Toisoul, A., Schuller, B., Star, K., Hajiyeve, E., Pantic, M. SEWA DB: A Rich Database for Audio-Visual Emotion and Sentiment Research in the Wild // IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence. 2021. V. 43. No. 3. Pp. 1022–1040.
7. Mohamad Nezami, O., Jamshid Lou, P., Karami, M. ShEMO: a large-scale validated database for Persian speech emotion detection // Language Resources and Evaluation. 2018. V. 53. No. 3. Pp. 1–16.
8. Inger Samsø Engberg, Anya Varnich Hansen, Ove Kjeld Andersen, Dalsgaard, P. Design, recording and verification of a danish emotional speech database // EUROSPEECH. 1997. V. 4. Pp. 1695–1698.
9. Hozjan, V., Kačič, Z. Context-Independent Multilingual Emotion Recognition from Speech Signals // International Journal of Speech Technology. 2003. V. 6. Pp. 311–320.
10. Lotfian, R., Busso, C. Building Naturalistic Emotionally Balanced Speech Corpus by

- Retrieving Emotional Speech from Existing Podcast Recordings // IEEE Transactions on Affective Computing. 2019. V. 10. No. 4. Pp. 471–483.
11. Grimm, M., Kroschel, K., Narayanan, S. The Vera am Mittag German audio-visual emotional speech database // International Conference on Multimedia and Expo. 2008. Pp. 865–868.
 12. Livingstone, S. R., Russo, F. A. The Ryerson Audio-Visual Database of Emotional Speech and Song (RAVDESS): A dynamic, multimodal set of facial and vocal expressions in North American English // PLOS ONE. 2018. V. 13. No. 5.
 13. Lubenets, I., Davidchuk, N., Amentes, A. Aniemore. GitHub. 2022. URL: <https://github.com/aniemore/Aniemore>
 14. Andrew, A. M. An Introduction to Support Vector Machines and Other Kernelbased Learning Methods // Kybernetes. 2001. V. 30. No. 1. Pp. 103–115.
 15. Ho, T. K. Random decision forests // Proceedings of 3rd international conference on document analysis and recognition. 1995. V. 1. Pp. 278–282.
 16. Ali, S., Tanweer, S., Khalid, S., Rao, N. Mel Frequency Cepstral Coefficient: A Review // ICIDSSD. 2021.
 17. Zheng, W. Q., Yu, J. S., Zou, Y. X. An experimental study of speech emotion recognition based on deep convolutional neural networks // 2015 International Conference on Affective Computing and Intelligent Interaction (ACII). 2015. Pp. 827–831.
 18. Hochreiter, S., Schmidhuber, J. Long short-term memory // Neural computation. 1997. V. 9. No. 8. Pp. 1735–1780.
 19. Vaswani, A., Shazeer, N., Parmar, N., Uszkoreit, J., Jones, L., Gomez, A. N., Kaiser, L., Polosukhin, I. Attention Is All You Need // ArXiv (Cornell University). 2017.
 20. Devlin, J., Chang, M. W., Lee, K., Toutanova, K. BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding // ArXiv (Cornell University). 2018.
 21. Baevski, A., Zhou, H., Mohamed, A., Auli, M. wav2vec 2.0: A Framework for Self-Supervised Learning of Speech Representations // ArXiv (Cornell University). 2020.
 22. Hsu, W.-N., Bolte, B., Tsai, Y.-H. H., Lakhota, K., Salakhutdinov, R., Mohamed, A. HuBERT: Self-Supervised Speech Representation Learning by Masked Prediction of Hidden Units // IEEE/ACM Transactions on Audio, Speech, and Language Processing. 2021. V. 29. Pp. 3451–3460.
 23. Chen, S., Wang, C., Chen, Z., Wu, Y., Liu, S., Chen, Z., Li, J., Kanda, N., Yoshioka, T., Xiao, X., Wu, J., Zhou, L., Ren, S., Qian, Y., Qian, Y., Wu, J., Zeng, M., Yu, X., Wei, F. WavLM: Large-Scale Self-Supervised Pre-Training for Full Stack Speech Processing // IEEE Journal of Selected Topics in Signal Processing. 2022. V. 16. No. 6. Pp. 1505–1518.
 24. Jang, E., Gu, S., Poole, B. Categorical Reparametrization with Gumbel-Softmax // ArXiv (Cornell University). 2016.
 25. Krizhevsky, A., Sutskever, I., Hinton, G. E. ImageNet Classification with Deep Convolutional Neural Networks // Communications of the ACM. 2012. V. 60. No.6. Pp. 84–90.
 26. Cho, K., van Merriënboer, B., Gulcehre, C., Bahdanau, D., Bougares, F., Schwenk, H., Bengio, Y. Learning Phrase Representations using RNN Encoder-Decoder for Statistical Machine Translation // ArXiv (Cornell University). 2014.
 27. Yang, S., Chi, P. H., Chuang, Y. S., Lai, C. I. J., Lakhota, K., Lin, Y. Y., Liu, A. T., Shi, J., Chang, X., Lin, G. T., Huang, T. H., Tseng, W. C., Lee, K., Liu, D. R., Huang, Z.,

- Dong, S., Li, S. W., Watanabe, S., Mohamed, A., Lee, H. SUPERB: Speech processing Universal PERformance Benchmark // ArXiv (Cornell University). 2021.
28. Chen, W., Xing, X., Xu, X., Pang, J., Du, L. SpeechFormer++: A Hierarchical Efficient Framework for Paralinguistic Speech Processing // IEEE/ACM Transactions on Audio, Speech, and Language Processing. 2023. V. 31. Pp. 775–788.

Media analysis of the text on the example of Chinese strategy of information warfare

Wang Zekai

Master of the Department of International Journalism of St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, nab. University, 7/9

 NikonovS@mail.ru

Mel'nik Galina Sergeevna

Doctor of Politics

Professor of the Department of Digital Media Communications of St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, nab. University, 7/9

 melnik.gs@gmail.com

Labush Nikolai Sergeevich

Doctor of Politics

Professor of the Department of International Journalism of St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, nab. University, 7/9

 ns_labush@mail.ru

Baichik Anna Vital'evna

Doctor of Politics

Professor of the Department of International Journalism of St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, nab. University, 7/9

 annabaichik@gmail.com

Abstract. The topic of media analysis of information wars in the context of the Chinese issue is of academic interest, both for understanding current events and for improving information analysis methods and media strategies. The article assesses the influence of media on China's behavior in the information war, characterizes the challenges associated with media analysis in China's information war, describes methods and metrics for analyzing media content about the information war in China. Information technologies at the current level of development create broad opportunities for managing political conflicts both on the scale of one state and at the regional level. These technologies, which are actively used in information wars, have a number of advantages over traditional means of struggle due to their massive impact on the moral and psychological state of the population of the enemy country or individual parties, movements and political associations. The article uses a discourse analysis of the media text, identifies expressive linguistic means, the semantic meaning of words and expressions, and the communicative orientation of the text. The empirical basis of the research is the article "Celestial Truth: who and why is waging an information war with the PRC". The main conclusion of the study is that modern technologies and social media have

become a powerful tool for influencing public opinion and shaping the perspective of events. The information war in China has a global impact, attracting the attention of the international community. Global media and international platforms actively monitor and cover events in the region, which can influence the perception of the conflict beyond its borders. The impact of the information war has a significant impact on public opinion. There is the use of various methods, including fake news, disinformation, to influence public sentiment and views. The Chinese concept of network warfare opens up further prospects and opportunities for the Chinese leadership and military specialists to work on the creation and implementation of the latest technology samples.

Keywords: strict censorship, challenges, protection, data analysis, fake news, China's reaction, information warfare, Journalism, manipulation, soft power

References (transliterated)

1. Mann S.R. (1997). The Reaction to Chaos. In: Complexity, Global Politics, and National Security / edited by David S. Alberts and Thomas J. Czerwinski. National Defense University, Washington, D. C.
2. Katkova E. Y., Yunoshkina A. S. Chinese Concepts and Capabilities in Information Warfare: Rivalry between the PRC and the United States in Cyberspace // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: General History. 2022. Vyp. 14. № 2. – S. 197-210.
3. Burda M. A., Poroshina A. S. Social network "ShTok" as a new tool of political communication in the youth environment. 2021. № 11. S. 21-30.
4. Wang Y., Gegelova N. S. Features of the development of mobile Internet media in China // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies, Journalism. – 2016. – № 4. – S. 119-126.
5. Vernik A. G. Censorship on the Internet: historical aspect, modern experience and prospects // Discussion. 2014. № 11. S. 174-180.
6. Zhuravleva L. A., Zarubina E. V., Ruchkin A. V. V., Simachkova N. N., Chupina I. P. Modern information war // Education and Law. – 2022. № 9. S. 18-26.
7. Goryacheva A. I., Machnev I. P. Information warfare as an element of hybrid warfare // Skif. Issues of Student Science. 2023. Vyp. 5 (81). S. 168-172.
8. Podnebesnaya pravda: kto i zachem vedet informatsionnyuyu voinu s KNR [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://iz.ru/947921/irena-shekoian/podnebesnaia-pravda-kto-i-zachem-vedet-informatcionnuu-voinu-s-kr> (data obrashcheniya 16.04.2024)
9. Mann S.R. (1997). The Reaction to Chaos. In: Complexity, Global Politics, and National Security / ed. by David S. Alberts and Thomas J. Czerwinski. National Defense University, Washington, D. C.

Self-mention in Chinese linguistic MA novices' and experts' academic writing: A corpus-driven investigation of 'we'

Han Hao

Postgraduate student

6 Mkiukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

 1042218192@rudn.ru

Dugalich Natalia Mikhailovna □

PhD in Philology

Head of foreign languages department of RUDN Institute of Medicine, Associate professor of RUDN Faculty of Philology

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

□ dugalich_nm@pfur.ru

Abstract. The research aims to conduct a comparative analysis of self-mention, particularly the usage of self-mention 'we', as a means of academic persuasion between Chinese linguistic MA novices and linguistic experts. Self-mentions serve various rhetorical functions in academic persuasion. However, for second language writers, mastering these rhetorical functions represents an advanced writing skill, which is contingent upon a proficient command of the structural aspects of self-mention phrases. In light of this issue, this study undertakes a collocation and chunk analysis. The objective is to analyze the collocation characteristics and chunk features of self-mention 'we' in international journal articles (ILJA_C) and Chinese MA theses (CLMA_C). This objective informs the choice of the research subject – identifying similarities and differences in the utilization of self-mention 'we' in two databases: ILJA_C and CLMA_C. This study's methodology utilizes a corpus-driven approach alongside comparative academic discourse analysis within academic writing. The novelty of this research lies in its investigation of the collocation characteristics and chunk features of self-mention 'we' in CLMA_C and ILJA_C. This study represents a substantial contribution to the fields of second language acquisition and comparative linguistics by enhancing our understanding of self-mention in academic persuasion. Findings reveal significant disparities in the usage of 'we' between Chinese MA novices and linguistic experts. Novices tend to focus on constructing discourse logic, whereas experts prioritize establishing academic positions. Analysis of chunk structures exposes varying approaches to discourse and interpersonal functions, underscoring the necessity for novices to emulate expert usage patterns.

Keywords: discourse analysis, academic text, comparative analysis, master thesis, academic writing, English as a foreign language, collocation characteristics, personal pronouns, self-mention, Chinese master students

References (transliterated)

1. Zueva V. V. Prosodicheskie osobennosti nauchnykh tekstov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 10–2 (76). С. 80–83.
2. Shchemeleva I. Yu. Mestoimeniya kak sredstvo peredachi avtorskoi pozitsii v angliiskom i russkom nauchnykh tekstakh // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. 2013. № (4). S. 143–153.
3. Bennett K. English academic style manuals: A survey // Journal of English for Academic Purposes. 2009. № 8 (1). P. 43–54.
4. Biber D., Johansson S., Leech G. N., Conrad S., Finegan E. Grammar of Spoken and Written English. Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 2021.
5. Brezina V., Weill-Tessier V., McEnery A. Lancsbox (6.0). 2020 [Software]. Rezhim dostupa: <http://corpora.lancs.ac.uk/lancsbox/> (data obrashcheniya: 5.12.2023).
6. Fløttum K. Language and Discipline Perspectives on Academic Discourse. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars, 2007.
7. Hyland K. Humble servants of the discipline? Self-mention in research articles // English for Specific Purposes. 2001. № 20 (3). P. 207–226.

8. Hyland K. Authority and invisibility: Authorial identity in academic writing // *Journal of Pragmatics*. 2002. № 8. P. 1091–1112.
9. Hyland K. As can be seen: Lexical bundles and disciplinary variation // *English for Specific Purposes*. 2008. № 27 (1). P. 4–21.
10. Hyland K., Jiang F. *Academic Discourse and Global Publishing: Disciplinary Persuasion in Changing Times*. London: Routledge, 2019.
11. Jiang F. Stance construction and interpersonal interaction of shell nouns // *Modern Foreign Languages*. 2016. № 4. P. 470–482+583.
12. Jiang F. Stance and voice in academic writing // *International Journal of Corpus Linguistics*. 2017. № 1. P. 85–106.
13. Jiang F. *Corpora and EAP studies*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2019.
14. Jiang F. A diachronic multi-dimensional investigation into the stylistic features in academic discourse // *Foreign Language Teaching and Research*. 2020. № 52 (5). P. 663–673+798.
15. Jiang F., Hyland K. Prescription and reality in advanced academic writing // *Ibérica*. 2020. № 39. P. 14–42.
16. Lou B. Exploration of Corpus Application in Teaching Academic English for Graduate Students // *Degree and Postgraduate Education*. 2020. № 7. P. 51–56.
17. Oakes M. P. *Statistics for Corpus Linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1998.
18. Sun L. A Study on the Use of Metadiscourse and Identity Construction Features in Chinese Master's Academic English Writing // *Journal of Xi'an International Studies University*. 2020. № 28 (4). P. 28–33.
19. Sun Y. An analysis of the genre structure patterns in the "Introduction" section of Chinese students' master's theses in English majors // *Foreign Languages in China*. 2010. № 7(6). P. 54–60+78.
20. Tang R., John S. The "I" in identity: Exploring writer identity in student academic writing through the first person pronoun // *English for Specific Purposes*. 1999. № 18. P. 23–39.
21. Walková M. A three-dimensional model of personal self-mention in research papers // *English for Specific Purposes*. 2019. № 53. P. 60–73.
22. Wang J., Jiang F. Stance construction in academic English writing by Chinese PhD students of science and engineering // *Foreign Language World*. 2019. № 3. P. 23–31.
23. Yang X. (Self-mention and authorial identity construction in second language academic writing // *Foreign Languages and Their Teaching*. 2015. № (4). P. 50–56.

Semantic word change as the main way to create a comic effect in the speech genres of Internet communication

Egorova Natalya Valentinovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian Philology and Methods of Teaching Russian, Orenburg State University

13 Pobedy Ave., Orenburg, Orenburg region, 460018, Russia

 stella-env@yandex.ru

Shchipanova Yulia Vladimirovna

PhD in Philology

Assistant Professor, Department of Russian Philology and Methods of Teaching Russian, Orenburg State University

13 Pobedy Ave., Orenburg, Orenburg region, 460018, Russia

✉ yuliya_yuliya_77@mail.ru

Goroshko Valentina Sergeevna

Teacher, MOAU 'Lyceum No. 1' of Orenburg

460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Kharkov str., 14

✉ valya03.03@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the semantic change of a word as a way to create a comic effect in the Internet communication. The object of the research in the article is Internet memes. Special attention is paid in the article to new ways of creating a comic effect, which the authors of memes find against the background of an increase in the level of intra-genre competition. Comic genres of Internet communication are becoming a kind of thesaurus reflecting the current state of the Russian language and the changes that have occurred in it. Nevertheless, the novelty and dynamic change of linguistic trends in the speech comic genres of Internet communication suggest an insufficient theoretical justification of the problem, which determines the relevance of this work.

To establish the methods used to create a comic effect, methods of analyzing dictionary definitions and contextual analysis of lexical units in the meme (including the influence of the non-verbal component) were applied.

The main conclusions of the study: 1) there are a number of ways to create a comic effect based on a semantic change of a word; 2) certain features (conditions) of using these methods increase their effectiveness: the ambiguity of lexemes, the assignment of an essential role to the non-verbal component of a meme, the colloquial or slang character of the actualized meaning, the presence of a token, the recognition of verbal and non-verbal components, intentional violation of spelling rules. A special contribution of the authors and the novelty of the research is the study of ways to create a comic effect (based on semantic word change) in the genre of an Internet meme, including a non-verbal component that has a special effect on the recipient's perception of information.

Keywords: speech genre, lexical meaning, precedent, polysemous word, Internet meme, creation of comic effect, occasionalism, pun, Internet communication, semantics

References (transliterated)

1. Batyreva N. A. Yazykovye sredstva sozdaniya komicheskogo / N. A. Batyreva // Idei. Poiski. Resheniya: sbornik statei i tezisov XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei, aspirantov, magistrantov, studentov. Minsk, 2021. S. 13-21.
2. Voronichev O. E. Kalambur kak fenomen russkoi ekspressivnoi rechi: avtoref. dis. ... dok. filol. nauk / O. E. Voronichev. M., 2014. 52 s.
3. Elistratov V. S. Slovar' russkogo argo [Elektronnyi resurs] – 2000. – Rezhim dostupa: https://gufo.me/dict/russian_argot/gruzit
4. Elistratov V. S. Slovar' russkogo argo [Elektronnyi resurs] – 2000. – Rezhim dostupa: https://russian_argo.academic.ru/7511/ne_fontan

5. Zheltukhina M. R. Komicheskoe v politicheskom diskurse (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20 / M. R. Zheltukhina. Volgograd, 2000. 230 s.
6. Kananshina S.V. Chto takoe internet-mem? / S. V. Kananshina // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya. 2017. 7 s.
7. Kryukova I. Okrainy moego detstva / I. Kryukova // Nauka i zhizn'. 2007. №5. S. 108-112.
8. Morkovkin V. V. Bol'shoi universal'nyi slovar' russkogo yazyka [Elektronnyi resurs] – 2018. – Rezhim dostupa: [https://gramota.ru/poisk?query=internet&mode=slovari&dicts\[\]=48](https://gramota.ru/poisk?query=internet&mode=slovari&dicts[]=48)
9. Morkovkin V. V. Bol'shoi universal'nyi slovar' russkogo yazyka [Elektronnyi resurs] – 2018. – Rezhim dostupa: [https://gramota.ru/poisk?query=svernut'&mode=slovari&dicts\[\]=48](https://gramota.ru/poisk?query=svernut'&mode=slovari&dicts[]=48)
10. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka / S. I. Ozhegov. M.: Azbukovnik, 1999. 940 s.
11. Prokhorov A. M. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' / A. M. Prokhorov. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1993. 1628 s.
12. Ukhova L. V. Zhanrovoe svoeobrazie kommunikativnogo prostranstva sotsial'nykh setei / L. V. Ukhova // Chelovek v informatsionnom prostranstve, sbornik nauchnykh trudov. – Yaroslavl': Yaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni K. D. Ushinskogo, 2014. S. 72-80.
13. Ushakov D. N. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka: sovremennaya redaktsiya / D. N. Ushakov. M.: Dom slavyanskoi knigi, 2008. 959 s.
14. Kholod A. L. Ponyatie internet-kommunikatsii / A. L. Kholod // Karpovskie nauchnye chteniya. Minsk, 2017. №11. S. 298-302.
15. Shokov N. N. Semanticheskii mekhanizm i priemy komicheskogo / N. N. Shokov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2017. №7. S. 170-173.

Once again about the translation principles of Epiphanius Slavinetsky and Euphemia Chudovsky (based on the material "Epitomy")

Ivanova Elizaveta Vyacheslavovna

Postgraduate student, Department of Russian Language, M.V. Lomonosov Moscow State University, Assistant of the Department of foreign languages of MREA- RTU

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, p. 51, room 950

 atonical@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the linguistic features of the Slavic translation of the Epitomies by Konstantin Armenopoul, performed by Epiphanius Slavinetsky. The object of study was the translation itself, presented in several major manuscripts. The work on the Epitomies belongs to one of the early works of Epiphanius in Moscow, since the Kiev scribe began it in 1652-1653. In the course of the analysis, we considered both the earliest discovered lists of "Epitomies" and the latest (up to the end of the XIX – beginning XX centuries), however, the most important textual and linguistic material is presented in the following lists: Usp. 91, GIM – a draft of the hand of Epiphany Slavinetsky; Und. 40, RGB – records of active editorial editing; Sin. 129, GIM – the final version, rewritten by Euphemia

Monstrosky. The work uses the linguotextological method, as well as methods of continuous sampling, analytical observation and comparison of the Slavic text with the original in Greek. The novelty of the study consists in the introduction into scientific circulation of lists that have not been studied by researchers in the linguistic aspect before. The analysis of the Epitomium material not only makes it possible to reconstruct the history of the text, but also has fundamental linguistic significance. It makes it possible to summarize the general and highlight the differences in the linguistic features of Epiphanius Slavnetsky and his pupil Euphemia Chudovsky. Thus, the author of the translation, Epiphany Slavnetsky, and the editor, Euphemia Chudovsky, have different linguistic orientations – the first relies more on Slavic grammars, and for the second it is important to convey the Greek original as accurately as possible, which also leads to the elimination of regionalisms characteristic of the Ukrainian-Belarusian translation of Church Slavonic, and the Grecization of the text.

Keywords: Euthymius Chudovsky, Epitome, Nikon's book reforms, Chudov's book school, translations from Greek, Old Church Slavonic Language, translation studies, Constantine Harmenopoulos, Epiphanius Slavnetsky, Canon law

References (transliterated)

1. Avdeeva D. B. Nekotorye sintaksicheskie osobennosti v tekste yuzhnoslavyanskogo perevoda Zhitiya Andreyu Yurodivogo. Veliko T'rnovo: T'rnovska knizhovna shkola, 2007. – T. 8. – S. 371–382.
2. Belyakova E. V., Moshkova L. V., Oparina T. A. Kormchaya kniga: ot rukopisnoi traditsii k pervomu pechatnomu izdaniyu. M.; SPb.: Institut rossiiskoi istorii RAN; Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov; Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017.
3. Verner I. V. Mestoimeniya toi, taya, toe v tserkovnoslavyanskom perevode Novogo Zaveta Epifaniya Slavnetskogo i Evfimiya Chudovskogo (1670–1680-e gody) // Slavyanovedenie. – M.: ISI RAN, 2023. – № 4. – S. 31–46.
4. Gritsenko. P. E. Pivdenno-zakhidne narichchya // Ukraïns'ka mova: Entsiklopediya. – Kiev: Ukraïns'ka entsiklopediya, 2000. Elektronnoe izdanie: <http://litopys.org.ua/ukrmova/um159.htm> (data obrashcheniya: 22.04.2024.)
5. Zaliznyak A. A. Drevnerusskie enklitiki. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008.
6. Isachenko T. A. Novyi Zavet v perevode ieromonakha Chudova monastyrya Epifaniya Slavnetskogo poslednei treti XVII v. (Osobennosti perevoda i yazyka) / M.: Voprosy yazykoznaniiya, 2002. – Vyp. 4. – S. 73–92.
7. Ivanova E. V. Orfograficheskie regionalizmy v perevode «Epitomii» Epifaniya Slavnetskogo // M.: Vestn. Mosk. un-ta. – Seriya 9. Filologiya, 2024. – № 2. – S. 87–96.
8. Istomin G. I. Opisanie rukopisei Uspenskogo sobora. M.: ChOIDR, 1895. – Kn. 3, otd. 2.
9. Pentkovskaya T. V., Babaeva E. E. Perevod Korana Petrovskoi epokhi. M.: MAKSS Press, 2022.
10. Protas'eva T. N. Opisanie rukopisei Sinodal'nogo sobraniya (ne voshedshikh v opisanie A. B. Gorskogo i K. I. Nevostueva). Ch. 1: № 557–819. M.: Gos. ist. muzei ; sostavila T. N. Protas'eva, 1970.
11. Remneva M. L., Nikolneikova N. V. Dvoistvennoe chislo v tserkovnoslavyanskikh tekstakh perekhodnogo zhanrovogo kharaktera (konets XVI–XVII vek) // M.: Vestn. Mosk. un-ta., 2015. – № 1. – S. 50–61.
12. Uspenskii B.A. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.). M.: Aspekt Press,

Contribution of Culture-loaded Loanwords to the Class of Etymological Doublets in the Contemporary English Language

Kuzina Marina Anatol'evna

Doctor of Philology

Associate Professor, Department of English Phonetics and Lexicology Named after V.D. Arakin, Moscow Pedagogical State University; Associate Professor, Department of English for Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation

88 Vernadsky Avenue, room 607, Moscow, 119571, Russia

 kouzina-marina@yandex.ru

Abstract. The article examines the loanwords from the autochthonous languages of South Asia and (or) regional variants of English into the Inner Circle English (according to Br. Kachru) – ayah, baboo / babu, baksheesh, feringhee / feringhi / ferinji / firanghi, gooroo / guru, maharaja / maharajah, maharani, maharishi, mahatma, mandarin, mantra, pagoda – and their role in expanding doublet pairs in contemporary English. The topicality of the study is due to the replenishment of the class of etymological doublets as a result of extensive borrowing process from the languages of the postcolonial space into pluricentric English due to increased population mobility, dispatiation, growing bilingualism, and expansion of global contacts. The scientific novelty is explained by the insufficiently studied subject of the research – the distinctive features of new doublets (native word vs. loanword, loanword vs. loanword) and the dynamics of their usage in contemporary English. The continuous sampling, statistical, descriptive methods are used in order to determine the role of culture-loaded loanwords in expansion of rows of etymological doublets. The major conclusions of the conducted research can be summed up as follows. The conditions for the formation of etymological doublets can be classified into mandatory (etymological similarity, i.e. relation to the same etymon: *awo-; *bhag-; *gwere-; *meg-; *men-; *pater-; *preg-, *pregn-; *ten-;) and additional (acceptable graphical, phonetic, morphological variation and semantic identity). The study of empirical material allows us to identify trends towards, firstly, maximum divergence of the components of etymological doublet pairs and, secondly, increased frequency of culture-loaded loanwords due to the development of polysemy, strengthening of word-formation potential, formation of syntagmatic connections and inclusion in paradigmatic relations. Using the example of etymological doublets, one can trace the formal (mainly phonetic) and functional (mainly semantic) evolution of prototype words in donor languages.

Keywords: phono-morphological differences, identity of semantic content, etymological quadroplet, etymological triplet, etymological doublet, autochthonous languages, pluricentric English, etymon, culture-loaded component of a meaning, loanword

References (transliterated)

1. Ivanov A. V. Metayazyk fonetiki i metriki. Arkhangel'sk : Gos. obrazovat. uchrezhdenie vyssh. prof. obrazovaniya "Pomor. gos. un-t im. M. V. Lomonosova", 2004. 339 s.
2. Nikitina M. O. Etimologicheskie dublety v istorii angliiskogo yazyka : k probleme tozhdestva slova : dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.02.04. – Moskva, 1985. 203 s.
3. Nikulina E. A., Soloshenko M. A. Frazelogicheskaya sinonimiya v sovremennom angliiskom yazyke (na materiale ustoichivyykh edinits *horse sense* i *common sense*) //

Prepodavatel' XXI vek. – 2022. – № 4-2. – S. 462-472.

4. Rastorgueva T. A. Ocherki po istoricheskoi grammatike angliiskogo yazyka. – Izd. 2-e, stereotip. – Moskva: URSS, 2022. 166 s.
5. Algeo J. The Origins and Development of the English Language. 7th ed. Boston: Wadsworth Publishing Company, 2014. 367 p.
6. Anttila R. Historical and comparative linguistics. 2nd ed. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1989. 465 p.
7. Denning K., Kessler B. & Leben W.R. English Vocabulary Elements. New York: Oxford University Press, 2007. 320 p.
8. Desai A. Baumgartner's Bombay. London: Penguin Random House, 1998. 231 p.
9. Doyle A. C. A Study in Scarlet and the Sign of Four. New York: Dover Publications, 2012. 253 p.
10. Kennedy A. G. Current English: A Study of Present-day Usages and Tendencies, Including Pronunciation, Spelling, Grammatical Practice, Word-coining, and the Shifting of Meanings. Boston: The Athenaeum Press, 1935. 737 p.
11. Merriam-Webster Dictionary. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (data obrashcheniya: 27.04.2024)
12. Nayar P. K. The British Raj: Keywords. London and New York: Routledge, 2019. 171 p.
13. Oxford English Dictionary. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.oed.com/> (data obrashcheniya: 27.04.2024)
14. People. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://people.com/> (data obrashcheniya: 27.04.2024)
15. Seven Best Short Stories: War. Ed. by August Nemo. São Paulo: Tacet Books, 2019. 93 p.
16. The Guardian. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.theguardian.com/> (data obrashcheniya: 27.04.2024)
17. The Independent. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.independent.co.uk/> (data obrashcheniya: 27.04.2024)
18. The USA Today. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.usatoday.com/> (data obrashcheniya: 27.04.2024)
19. The Washington Post. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.washingtonpost.com/> (data obrashcheniya: 27.04.2024)
20. Wright A. Baboo English as 'tis Writ: Being Curiosities of Indian Journalism. London: T.F. Unwin, 1891. 108 p.
21. Yule H., Burnell A. C. Hobson-Jobson: A Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases, and of Kindred Terms, Etymological, Historical, Geographical and Discursive. Oxford: Oxford University Press, 2013. 570 p.

Meta-genre formations in the poetry of Valery Bryusov

Kartasheva Anna Olegovna

Postgraduate, Moscow University named after A.S. Griboedov

21 Entuziastov str., Moscow, 111024, Russia

 Anna.kartasheva@internet.ru

Abstract. The subject of the article is the peculiarities in the formation of genre trends in the

work of Valery Bryusov. Author pays attention to Bryusov's appeal to supercycles-catalogs, which occur when the evolution or transformation of the genre is carried out in several collections. Among such genre supercycles-catalogs, the genre of the poem-"monument", or historical and mythological medallion, stands out. This genre can take different forms from Bryusov (lyrical ecphrasis, the poem -"glory", which combined various types of genres). In this context is also considered the issue of continuity and transformation of the lyrical genres of World and Russian literature in the Bryusov's work. In the proposed article, the author aims to identify the features and nature of the interaction of traditional and non-traditional genre formations in Bryusov's poetry. The author uses systematic-typological and structural-semiotic, as well as comparative-historical and cultural-historical methods and focuses on the works of M. L. Gasparov and L. G. Kikhney as a methodological base. The novelty of the research lies in the study of the genre in Bryusov's lyrics as a changeable category that undergoes changes and transformations in the poet's work. The article draws following conclusions: 1) the formation of sections of Bryusov's lyrics was carried out not only on the content side, but also on genre affiliation; 2) large-volume supercycles-catalogs created by Bryusov was almost a new phenomenon for the Russian literary tradition; 3) the poem-"monument" as a genre of the supercycle -catalog often takes different forms in Bryusov's work; 4) mythological and historical portraits reflected in the poems-"monuments" originate in sculptural images of great people; 5) poems-"glory", in turn, includes various genre types (for example, requiem and testament).

Keywords: The poetry of the Symbolists, poetry of the Silver Age, The poem-monument, supercycles-catalogs, Bryusov's genres, Valery Bryusov, transformation of genres, genre tradition, lyrical genres, Russian symbolism

References (transliterated)

1. Annaly Asarkhaddona. URL: <http://hworld.by.ru/text/assir/asarhadon.html> (data obrashcheniya: 18.04.2024).
2. Aston, V. G. Istoriya yaponskoi literatury. Perevod s angliiskogo V. Mendrina. Pod red. prof. E. Spal'vina. Vladivostok: Parovaya tipo.-lit. gaz. «Dal'nii Vostok», 1904. – 326 s.
3. Barakhanova, N. V. "Gorodskoi tekst" v tvorchestve Valeriya Bryusova / N. V. Barakhanova, S. V. Igonina, T. L. Pavlova // Kazanskaya nauka. 2019. № 12. S. 21-23.
4. Bedzhanyan, K.G., Nuralova, S.E. V. Ya. Bryusov – perevodchik angliiskoi poezii // Bryusovskie chteniya 2006 goda. Erevan. Lingva. 2007. S. 298-306.
5. Bryusov V. Ya. Sobranie sochinenii: V 7 t. T. 1. Stikhotvoreniya. Poemy. 1892 – 1909. M.: Khudozh. lit., 1973. – 672 s.
6. Bryusov, V. Ya. Sobranie sochinenii: V 7 t. T. 2. Stikhotvoreniya. 1909-1917. M.: Khudozh. lit., 1973. – 494 s.
7. Bryusov, V. Ya. Sobranie sochinenii: V 7 t. T. 3. Stikhotvoreniya. 1918-1924. M.: Khudozh. lit., 1974. – 694 s.
8. Bryusov, V. Ya. Stikhotvoreniya i poetry [Tekst] / Vstup. stat'ya i sost. D. E. Maksimova; Podgotovka teksta i primech. M. I. Dikman. Leningrad: Sov. pisatel', 1961. – 910 s.
9. Bryusov, V. Ya. Torzhestvennyi privet (Stikhi zarubezhnykh poetov v perevode Valeriya Bryusova). Sost. M. L. Gasparov. M.: Progress, 1977. – 279 s.
10. Gasparov, M. L. Sobranie sochinenii v shesti tomakh. T. III. Russkaya poeziya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. – 992 s.
11. Grishin, A.S. Ekfrazis v poezii starshikh simvolistov kak forma sotvorchestva // Vestnik

- Chelyabinskogo universiteta. Ser. 2. Filologiya. 2004. № 1. S. 14-33.
12. Davydova, L. P. Klassicheskie yaponskie tanka v russkoi poezii: osobennosti genezisa i funktsionirovaniya // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 2-2(32). S. 70-74.
 13. Davydova, L. P. Poeticheskie osobennosti i khudozhestvennoe znachenie khudozhestvennogo perevoda V. Bryusovym khaiku o Iyagushke Matsuo Base ("O, dremotnyi prud!") // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 5-1. S. 45-46.
 14. D'yakonova, E. M. "Ya videl son, chto kazhdyi tam poet...". Obrazy Yaponii v poezii Serebryanogo veka // Ezhegodnik Yaponiya. 2017. T. 46. S. 283-306.
 15. Dudko, A. E. Istoriya perevodov soneta P. B. Shelli "Ozymandias" na russkii yazyk v aspekte sravnitel'nogo stikhovedeniya. Stat'ya 2 // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 3(88). S. 41-45.
 16. Emel'yanov, V. V. Asarkhaddon v russkoi literature (V. Ya. Bryusov, L. N. Tolstoi // Tezisy dokladov XXV mezhdunarodnoi konferentsii «Istochnikovedenie i istoriografiya stran Azii i Afriki «Vostokovedenie i afrikanistika v dialoge tsivilizatsii» 22–24 aprelya 2009. SPbGU. Vostochnyi fakul'tet, 2009. S. 153–154.
 17. Zhilyakov, S. V. Zhanrovaya traditsiya stikhotvoreniya-"Pamyatnika" v russkoi poezii XVIII-XX vv.: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk. Elets, 2011. 22 s.
 18. Il'inskii, A. Gor'kii i Bryusov // Literaturnoe nasledstvo. M., 1937. T. 27–28. S. 639–660.
 19. Matveevskaya, N. G. Antinomiya "predelov" i "bespredel'nosti" v lirike V. Bryusova (k voprosu o strukture obraza liricheskogo sub'ekta) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2009. № 1. S. 255-259.
 20. Kartasheva, A. O. K versifikatsionnym eksperimentam V. Bryusova: rama teksta kak indikator zhanrovoy traditsii v knige stikhov «Vse napevy» // Kazanskaya nauka. 2023. № 7. S. 43-45.
 21. Mayakovskii, V. V. Polnoe sobranie sochinenii: V 13 t. / AN SSSR. In-t mirovoi lit. im. A. M. Gor'kogo. T. 1. M.: Khudozh. lit., 1955. – 463 s.
 22. Molodyakov, V. E. Valerii Bryusov. Bud' mramorom. M.: Molodaya gvardiya, 2020. – 543 s.
 23. Pumpyanskii, L. V. Pamyati Bryusova (1924) // Klassicheskaya traditsiya: sobranie tr. po istorii rus. literatury. M.: Yazyki rus. kul'tury, 2000. – 864 s.
 24. Purtova, T. O. Tanki i uty v poezii Valeriya Bryusova // Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka. 2019. №4. S. 103-111.
 25. Smagina, E. B. Manikheistvo: po rannim istochnikam. M.: Vostochnaya literatura, 2011. – 519 s.
 26. Chernenko, I. A. Kod masona: ritualy vol'nykh kamenshchikov v literature // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2009. №2 (58). S. 98-103.
 27. Filicheva, V. V. O parodii V. Ya. Bryusova na F. K. Sologuba / V. V. Filicheva // Russkaya literatura. – 2022. – № 4. – S. 277-279.
 28. Khosroev, A. L. Istoriya manikheistva (Prolegomena). SPb.: Filol. fak-t SPbGU, 2007. – 480 s.

"Russian-Ukrainian conflict" through the prism of users of the Chinese social network "Weibo"

LI XUAN

PhD in Philology

Postgraduate student, Department of Mass Communication, Russian University of People's Friendship

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 21, sq. 3

✉ 1042215326@pfur.ru

Baranova Ekaterina Andreevna

Doctor of Philology

Professor, Department of Communication Management, Russian State Social University

129226, Russia, Moscow, Wilhelm Peak str., 4, sq. 1

✉ kat-journ@yandex.ru

Abstract. The subject of this article is the views of Chinese netizens on the "Russian-Ukrainian conflict". The object of the study is posts about this topic on the Chinese social network "Weibo". The authors analyze the importance, functions of the Weibo in the production of public opinion and its main opinion leaders. Then the article examines the number of posts in month (15.02-15.03) compared to other international events and makes a content analysis of posts to find out the main topics and the attitude of users on the social network "Weibo" to the "Russian-Ukrainian conflict". At the end of the article, authors learn the relationship of the research results with stereotypes about the image of Russia in China. The results of the study show that Chinese Weibo users began to care about the event from the beginning of a special military operation, but interest faded with the first round of negotiations between Russia and Ukraine. Chinese Weibo users pay attention to the role of the United States in the conflict and Western sanctions against Russia. They mainly reflect support for the Russian economy and opposition to Western sanctions, which also affects the Chinese government's statement on this event. The article considers that such views are closely connected with stereotypes about the image of Russia in China. The results of the study show that in future international events, the peoples of Russia and China have more opportunities to reach agreement.

Keywords: western sanctions, special military operations, national image, stereotypes, content-analysis, Weibo, Chinese netizens, China, Russia, Russian-Ukrainian conflict

References (transliterated)

1. Zeittsoff T. Kak sotsial'nye seti menyayut konflikt // Zhurnal razresheniya konfliktov. – 2017. – №(61). – S. 1970-1991.
2. Makhortykh M., Sidorova M. Sotsial'nye seti i vizual'noe oformlenie konflikta na vostoke Ukrainy // Media, voina i konflikty. – 2017. – № 10(3). – S. 359-381.
3. Khirshberger, B. Vneshnyaya kommunikatsiya v sotsial'nykh setyakh vo vremya asimmetrichnykh konfliktov: teoreticheskaya model' i empiricheskii primer konflikta v Izraile i Palestine. Bilefel'd: stenogramma Verlag. 2021.
4. Saimon Kemp, DIGITAL 2021: CHINA, 09.02.2021 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-china> (Data obrashcheniya: 14.03.2022)
5. Tsentr obrabotki dannykh «Veibo», otchet o razvitii pol'zovatelei Veibo 2020 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://data.weibo.com/report/reportDetail?id=456&sudaref=www.google.com.hk> (Data dostupa: 14.03.2022)

6. Stendedzh, T. Nadpis' na stene: sotsial'nye seti, pervye 2000 let/ N'yu-Iork: Bloomsbury, 2013. – 365-366 s.
7. Yui Gomin, Tsennost' mikrobologa: osnovnye funktsii, rasshirennye funktsii i dopolnitel'nye funktsii // Novosti i napisanie. – 2010. – №309(03). – S. 61-63.
8. Tszinmin, Chzhu Yan'dan', Fen Sin'yao, Issledovanie modeli formirovaniya vliyaniya liderov mnenii Weibo // Universitet zhurnalistiki. – 2021. – №07. – S. 1-13+119.
9. Syui Syan, Lyu Tszyatsi i Tszin' Tszin , Issledovanie pol'zovatelei paradigmy mnenii i putei ikh deistvii v prostranstve mikroblogov. // Universitet zhurnalistiki. – 2021. – №07. – S. 14-32+119-120.
10. Kats R., Ogilvi S., Shou Dzh. i Vudkhed L. Pokolenie Z, Ob'yasnenie: iskusstvo zhizni v epokhu tsifrovyykh tekhnologii [M]. Chikago: Izdatel'stvo Chikagskogo universiteta. 2021, C. 191.

"Hello, girlfriend": an advertising narrative in the context of a visual turn (using the example of Wrigley's and Dirol brands)

Platitsyn Aleksandr Vladimirovich

Master's degree; Department of Journalism, Media Communications and Advertising; Griboyedov Moscow University

66A Zeleny Prospekt str., office 311, Moscow, 111396, Russia

 alexanderplatitsyn@gmail.com

Arepev Andrei Valentinovich

Senior Lecturer; Department of Translation, Translation Studies and Intercultural Communications; A.S. Griboyedov Moscow University

66A Zeleny Prospekt str., office 211, Moscow, 111396, Russia

 avarepev@yandex.ru

Golovanov Aleksandr Nikolaevich

Senior Lecturer; Department of Translation, Translation Studies and Intercultural Communications; A.S. Griboyedov Moscow University

66A Zeleny Prospekt str., office 311, Moscow, 111396, Russia

 headmanjr@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is the materials of advertising campaigns of brands-manufacturers of chewing gums Wrigley's (1930) and Dirol (2008). The object of the research is the specificity of the advertising narrative in the context of an appeal to the optical language of communication. The authors examines in detail such aspects of the topic as the narrative structure of the advertising text and visual means of presenting visual images. Special attention is paid to the dynamic context of the visual turn, as well as the main aesthetic characteristics of advertising materials at different historical stages. The subject of this article is considered from the point of view of changing the communicative paradigm, mixing verbal and optical on the screen plane. The main directions related to the new visual reality are noted, thanks to which the importance of aesthetics is determined, the degree of its influence on current media text formats. The research methodology is based on general scientific methods of working with media text, in particular on descriptive and contrastive methods. Also, within the framework of the subject analysis, a range of general philological methods is used, including transformational, contextual and semantic-stylistic methods. The novelty of the research lies in the articulation of the aesthetic components of the analysis of a

modern advertising product. The main conclusions of the study are the observation and interpretation of the motive of duality within the advertising narrative, as well as the syncretic nature of the iconic image and the subjective perception of the viewer. The media text appears as a means of releasing the image from the external field and integrating it into the aesthetic experience of the recipient. The authors' special contribution to the research of the topic is the generalization of two key dimensions of the advertising text (narrative, visual) and the formulation of objective criteria that allow us to detect patterns in advertising narratives (repeatability of the plot, variability of visual means, identity of advertising objects, the presence of sufficient historical distance). The possible directions of future research on visual turn in various industries, including television and cinema, are emphasized.

Keywords: cultural code, media text, television advertising, advertising poster, the motive of duality, visual turn, The advertising narrative, iconic, aesthetics, image

References (transliterated)

1. Maklyuen M. Ponimanie media. Vneshnie rasshireniya cheloveka. M.: Kuchkovo pole, 2023. 464 s.
2. Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010.
3. Savchuk V. V. Media vnutri nas // Zvezda. 2012. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2012/6/media-vnutri-nas.html>
4. Evdokimov V. A. Massmedia v sotsiokul'turnom prostranstve: Uchebnoe posobie. M.: NITs INFRA-M, 2024. 224 s.
5. Bednarek M. Language and Characterisation in Television Series: A corpus-informed approach to the construction of social identity in the media. Amsterdam: John Benjamins, 2023. 279 p.
6. Kittler F. Filosofiya literatury: Berlinskii lektsii 2002 / per. s nem. A. Belobratova. M.: Moskovskii mezhdunarodnyi universitet. Moskovskaya shkola novogo kino: Izdatel'stvo Des Esseintes Press, 2023. 352 s.
7. Sontag S. On Photography. New York: Farrar Straus and Giroux, 1977.
8. Nilogov A. Vyskal'zyvanie iz-pod vlasti slova // Nezavisimaya gazeta, 2009. URL: https://www.ng.ru/person/2009-05-14/2_martynov.html
9. Boehm G. Die Wiederkehr der Bilder // Was ist ein Bild? / Hrsg. von Gottfried Boehm. München: Wilhelm Fink Verlag, 1994. S. 13.
10. Polonnikov A. A. «Ikonicheskii povорот»: obrazovatel'nye strategii i al'ternativy // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2013. № 6. S. 127-136.
11. Peretyatko V. Kino, ne vyzyvayushchee emotsii, ne mozhет byt' massovym // Slon, 2014. URL: <http://slon.ru/calendar/event/1130932/>
12. Gornam B. US Television Households by Season // TV Ratings Reference. 2007. URL: <http://tvbythenumbers.zap2it.com/2007/08/28/us-television-households-by-season/273/>
13. Matthews G. P. Infotainment // Britannica. 2015. URL: <https://www.britannica.com/topic/infotainment>
14. Levinson A. Zametki po sotsiologii i antropologii reklamy... i literatura // Novoe literaturnoe obozrenie. 1997. № 22. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/1997/3/zametki-po-socziologii-antropologii-reklamy-i-literatura.html>

15. Seaver C. The Doublemint Twins: The Faces of Wrigley's Iconic Gum // History Defined. 2022. URL: <https://www.historydefined.net/doublemint-twins/>
16. Erdrich N. Les mêmes et les doubles: la tension entre l'imitation et la représentation ou les paradoxes de l'identité fictionnelle. Thèse soutenue à l'Université de Lorraine en novembre 2021, 676 p. URL: <https://www.theses.fr/2021LORR0260>
17. Merkel' E. V. K motivnoi strukture misticheskikh novell E. A. Po: motivy dvoinichestva i «pogrebeniya zazhivo» // Kul'tura i tsivilizatsiya. 2017. T. 7. № 4A. S. 292-303.
18. Kikhnei L. G., Temirshina O. R. «Poema bez geroya» Anny Akhmatovoi i poetika postmodernizma // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9, Filologiya. 2002. № 3. S. 53-64.
19. Krylova A. Opredelenie ponyatiya «dvoinichestva» v literature i filosofsko-esteticheskaya baza ego vozniknoveniya // Parus. 2014. № 34. URL: <https://litbook.ru/article/6964/>
20. Inishev I. «Ikonicheskii povorot» v naukakh o kul'ture i obshchestve // Filosofsko-literaturnyi zhurnal «Logos». 2012. № 1 (85). S. 184-211.

Techniques of speech influence in the final part of the promotional video for online courses

Ashan Laizina

PhD in Philology

Postgraduate student, Department of Russian language, Tomsk State University

36 Lenin Street, Tomsk, 634050, Russia

 1375486401@qq.com

Abstract. Due to the growing number of online courses, authors have to use more and more speech impact techniques in promotional videos to attract listeners and induce them to take action. Advertising video, being an independent speech genre, having a stable composition and certain content, as well as a set of specific linguistic features, requires special study. The aim of the study is to identify the optimal linguistic techniques of RW in the final part of the promotional video for online courses accompanying linguistic educational resources. 117 promotional videos for Massive Open Online Courses in Russian language posted on the open platform were used for the analysis. The main methods and techniques used are: the method of scientific description and stylistic and contextual analysis. The techniques used in the final part of the speech were singled out, their quantitative analysis was carried out: 1) invitation of the listener to the course, 2) appeal to the goal of the listener or the goal of the online course, 3) appeal to quotations, 4) generalizing conclusion, 5) humorous ending, 6) advice for listeners, 7) containing a call to action, 8) farewell. The scientific novelty of the study lies in the fact that 1) for the first time the promotional video for online courses is considered as a complex communicative discourse, i.e. the synthesis of advertising and educational discourse; 2) for the first time the methods of speech impact in promotional videos for online courses are studied. Promotional videos for online courses presented on the platform "Education in Russian" contain a certain set of RW techniques, mainly used in the final part of the video and characterized by a specific set of linguistic means (mainly verbs) that can be embodied in the speech genres of "Advice" and "Wishes".

Keywords: mass open online courses, speech genre of advertising video clip, speech genres, advertising discourse, educational discourse, speech impact techniques, speech impact, advertising text, online course, advertising video clip

References (transliterated)

1. Bolotina M.A., Volkova I.S. Imperativ kak sredstvo vozdeistviya v tekstakh sotsial'noi reklamy (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov) // Vestn. Baltiiskogo gos. un-ta im. I. Kanta. 2012. Vyp. 2. S. 7–12.
2. Vlasyan G.R. Priroda rechevogo vozdeistviya // Vestnik ChelGU. 2007. № 20. S. 31–34.
3. Zheltukhina M.R. Spetsifika rechevogo vozdeistviya tropov v yazyke SMI: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moskva, 2004. 44 s.
4. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi. / O.S. Issers. – 8-e izd., ispr. i dop. – M.: LENAND, 2017. – 308 s.
5. Kokhtev N.N. Osnovy oratorskoi rechi: ucheb. posobie / N.N. Kokhtev. – 2-e izd., ster. – M.: FLINTA, 2013. – 328 s.
6. Kulikova E.V. Reklamnyi tekst: lingvisticheskie priemy vyrazitel'nosti // Vestnik NNGU. 2009. № 6–2. S. 276–282.
7. Levchaeva N.V. Publichnoe vystuplenie kak effektivnoe sredstvo povysheniya kachestva obucheniya studentov // Mir nauki i obrazovaniya. 2015. № 1. S. 9.
8. Platforma «Obrazovanie na russkom». [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://pushkininstitute.ru> (data obrashcheniya: 16.03.2024).
9. Salynova O.V. Morfologicheskie osobennosti reklamnogo teksta: sravnitel'nyi aspekt // Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty. – 2017. – № 38. – S. 122–126.
10. Sedova M.I. Reklamnyi videorolik // Nauka i shkola. 2014. № 2. S. 64–67.
11. Serdobintseva E.N. Struktura i yazyk reklamnykh tekstov : ucheb. posobie. / E.N. Serdobintseva. – 4-e izd., ster. – M.: FLINTA, 2016. – 160 s.
12. Shelestyuk E.V. Rechevoe vozdeistvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya: monografiya. / E.V. Shelestyuk. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: FLINTA: Nauka, 2014. – 344 s.

Reception of Anton Chekhov's play "Uncle Vanya" in China

Cui Yunyun

PhD in Philology

Postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 17

 1042205286@pfur.ru

Abstract. This paper examines several important translations of the play from the play's first appearance in China in 1930 to the present day, as well as research and analyses of the play by Chinese scholars. The author uses comparative-typological, comparative-historical, and interpretive methods as the leading research methods. Through the comparative-historical method the dependence between the socio-cultural conditions of the state and the peculiarities of the work's reception is established. The difference in the viewpoints of literary scholars and critics on the poetics and imagery of the play is explicated by the author of the work through the use of comparative-typological method. The scientific novelty of the research lies in the fact that some articles and books by Chinese critics and literary critics considering the peculiarities of the figurative structure and ideological content of A. P. Chekhov's play "Uncle Vanya" are the first to be included in the research turnover, allowing to establish the

dependence of the perception of the work by Chinese readers on the socio-cultural conditions of the country. As a result, the author has shown that the perception of "Uncle Vanya" in China is closely connected with the social and political factors of the country, changing over time. The study showed that in the 21st century, more and more attention is paid to the artistic and literary aspects of the work.

Keywords: China, Chekhov, play, fiction text, translation, Chekhov Studies, Uncle Vanya, perception, reception, literary criticism

References (transliterated)

1. Lyu Yan'. Chekhov i sovremennaya kitaiskaya literatura: dis. ... kand. filol. Nauk. Severo-vostochnyi pedagogicheskii universitet, 2003.
2. Ma Tszyun'shan'. Ob unikal'nom vklade Chzhu Zhanchena v iskusstvo kitaiskoi dramaticheskoi rezhissury // Dramaticheskii serial Nankinskogo universiteta. 2015. № 11 (2), 2 s.
3. Gorodetskii D.M. Mezhdru «Medvedem» i «Leshim». Iz vospominanii o Chekhove // Birzhevye vedomosti. 1904. № 364.
4. Ba Tszin'. Prostota, soedinennaya s geniem – Ba Tszin' o Chekhove. Pekin.: Izd-vo Vostok, 2009. 38 s.
5. Chen' Yugan. Istoriya kitaiskoi perevodcheskoi literatury. Pekin: korporatsiya perevoda i izdaniya Kitaya, 1989. 364 s.
6. Chekhov.A. P. «Dyadya Vanya» // Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Tom 13. P'esy 1895-1904. M.: Nauka, 1986. 73 s.
7. Tun Daomin, Chekhov.A. P. O lyubvi – Chekhov i Mizinova. Pekin.: Izd-vo Kitaiskogo narodnogo universiteta, 2014. S. 3-4.
8. Van Ifan. Ocharovanie obraza dyadi Vani // Dramaticheskaya gazeta. 1955. № 2. S. 14-19.
9. Lai Chun'. O psikhologicheskoi drame Chekhova «Dyadya Vanya» // Izuchenie Chekhova. Chzhenchzhou.: Izd-vo Khenan'skogo universiteta, 1987. S. 214-226.
10. Chekhov A. P. Pis'mo Chekhovu Al. P., 24 oktyabrya 1887 g. Moskva // Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. T. 20. Pis'ma, 1887 – sentyabr' 1888. M.: Nauka, 1975. 138 s.
11. Li Chen'min'. Perechityvaya «Dyadyu Vanyu» – teatral'naya estetika Chekhova // Russkaya literatura. 1998. № 4(25). S. 25-30, 71.
12. Anisimov. I. I. [i dr]. Literaturnoe nasledstvo. T. 68 – Chekhov. M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. 873 s.
13. Kan Tszyan'bin. Ekologicheskaya otvetstvennost' i moral'naya missiya: novaya interpretatsiya «Dyadi Vani» // Vestnik Guanchzhouskogo universiteta. 2011. T. 10, № 6. S. 65-70.
14. Mu Guolun. Okno, les, gorodskie i sel'skie vpechatleniya: interpretatsiya prostranstvennoi poetiki «Dyadi Vani» // Molodye literatory. 2020. № 9. S. 148-149.

National identity in the context of historical trauma in the stories of Vasily Shukshin

Lian Haibo

PhD in Philology

Abstract. In the era of globalization and cultural interaction, the themes of national identity and historical trauma gain prominence in literature. Vasily Shukshin, an esteemed Russian writer and filmmaker, adeptly addresses these themes through his portrayal of the Russian countryside and the lives of ordinary people. His works provide a deep understanding of cultural interactions and the effects of globalization on individuals and society. Shukshin explores complex issues of human existence, such as the search for meaning, the struggle to preserve tradition, and resistance to cultural assimilation. His storytelling offers valuable insights into contemporary global challenges, making his work highly relevant for literary studies. This article presents a literary analysis of Vasily Shukshin's short stories, with a focus on how themes of national identity and historical trauma influence the narrative and character development. The research is innovative in its approach, intertwining these themes to assess their impact on character formation and plot progression. It highlights Shukshin's significant contributions to Russian literature and his role in elucidating Russian national identity and historical memory. The study finds that national identity in Shukshin's works is deeply intertwined with the culture and traditions of the Russian village, while historical trauma reflects the repercussions of significant events on individuals' lives and consciousness. The interaction of these themes forms unique life stories of the characters, allowing for a deeper understanding of the Russian psyche and its connection to the past. This analysis underscores the importance of Shukshin's works in the context of Russian literature and their contribution to the understanding of Russian national identity and historical memory.

Keywords: Personal drama, Collective memory, Self-determination, cultural heritage, Russian literature, literary analysis, Russian village, historical trauma, national identity, Vasily Shukshin

References (transliterated)

1. Anikin D A. Problematizatsiya istoricheskoi otvetstvennosti v sovremennom rossiiskom obshchestve: osnovnye tendentsii // Polilog. – 2020. – №4(4). – S. 8-8.
2. Bogumil T A, Kulyapin A I, Khudenko E A. Geopoetika VM Shukshina. Barnaul: AltGPU, 2017.
3. Velilaeva L R, Abdullaeva N R. Ponyatie «natsional'noi identichnosti»: teoretiko-literaturnyi aspekt issledovaniya // Universum: filologiya i iskusstvovedenie. – 2020. – №6 (73). – S. 26-28.
4. Goncharova A V. Istoriko-kul'turnaya pamyat' kak uslovie sokhraneniya natsional'noi identichnosti // Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya. – 2022. – №8(1). – S. 134-141.
5. Dutova D V. Problema natsii i natsional'noi identichnosti v sotsial'no-politicheskoi mysli // Sootnoshenie konfessional'noi, etnicheskoi, regional'noi i grazhdanskoi obshcherossiiskoi identichnosti v obshchestvennoi i politicheskoi srede Respubliki Bashkortostan. – 2020. – S. 171-178.
6. Zherebnenko A V. Kul'turnaya identichnost' kak osnova territorial'nogo brenda regiona // PR i reklama v izmenyayushchemsya mire: regional'nyi aspekt. – 2020. – №23. – S. 86-90.
7. Kolesnikova E I. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Zapechatlennaya pobeda:

- klyuchevye obrazy, kontsepty, ideologemy" // Russkaya literatura. – 2016 . – №1. – S. 247-255.
8. Mikhailenok O. M., Mitrofanova A. V., Bogatova O. A., et al. Proshloe, kotoroe ne ukhodit: kul'turnaya travma, istoricheskaya pamyat' i identichnost'. 2023.
 9. Samsonova N N. Mekhanizmy preodoleniya istoricheskoi travmy: osnovnye issledovatel'skie podkhody // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. – 2021. – №3. – S. 69-77.
 10. Tsvetova N S. «Vasilii Shukshin – aktual'nyi klassik?»(itogi kruglogo stola v ramkakh Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kul'turnogo foruma) // Filologicheskii klass. – 2020. – № 25(1). – S. 214-219.
 11. Shukshin V. Kalina krasnaya. M.: Litres, 2022.
 12. Shukshin V. Srezal. M.: Litres, 2022.

A New Historical novel: traditions, evolution and specifics of the genre by the example of Barry Unsworth's novel "Morality Play"

Sadovnikova Yuliya Mikhailovna

Postgraduate student of the Literature Department of Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

248000, Russia, Kaluga region, Kaluga, lane Voskresenskiy, 4

 OrangeLioness@yandex.ru

Abstract. Despite the large number of literary works written, there are still debates in determining the genre structure of the historical novel and the features of its poetics. This is apparently due to the fact that for most experts the focus should traditionally be on history, and not on genre theory. Authors of historical novels help recreate historical images of the past, allowing readers to see the world through the eyes of people who lived in other eras. The historical novel can be both an entertaining genre and a tool for the study of history, stimulating interest in the past and raising important questions about how people lived and acted in different times. Different points of view allow us to better understand the versatility of the genre and its influence both on literature and on the understanding of history and life. The author used the technique of "new historicism" literature. Along with the canons of the historical novel of the 19th century, B. Unsworth resorts to the traditional techniques of the historiographical meta-novel of the postmodern era. This novel represents a new approach to the genre of historical fiction, different from the traditional Walterscottian one. The new historical novel and metaphysical mystery can be viewed through the lens of the new historical novel, which focuses on the historical aspects of the story, accurately recreating the setting of a specific era with each fictional character and event, and taking the reader back to the reality of the 14th century. The murder investigation is an important element of the novel's plot, but it only makes sense if the setting of the era in which everything takes place is recreated. Medieval drama plays an important role here, especially the author's transformation from religious to secular drama. Transformation of genre form is a characteristic feature of modern literature. Barry Unsworth's novels are interesting in that they synthesize several genre combinations and at the same time reproduce aspects of the formation of a new genre for its time – morality tales.

Keywords: tradition, transformation, genre, historicism, novel, Walter Scott, Morality Play, Barry Unsworth, postmodernism, the past

References (transliterated)

1. Ansuort, B. Moralite / Per. s angl. I.G. Gurovoi. M.: Tranzitkniga / AST, 2004. – 240 s.
2. Belinskii V.G. Polnoe sobranie sochinenii. M. 1955. T. VI. – 799 s.
3. Varfolomeev I. Sovetskaya istoricheskaya romanistika: problemy tipologii i poetiki. – T. 1984. – 111 s.
4. Zhanrovo-stilisticheskaya spetsifika diskursa: monografiya / Pod obshch. red. E. V. Vokhryshevoi. – Samara: SF GAOU VO MGPU, 2022. – 128 s.
5. Komarovskaya T.E. Istoricheskii roman SShA KhKh veka: monografiya. Minsk: BGPU, 2019. – 238 s.
6. Novikov V. Khudozhestvennaya pravda i dialektika tvorchestva M., 1974. – 520 s.
7. Proskurnin, B.M. Sovremennyi angliiskii istoricheskii roman: traditsiya i dialog s neyu // Mirovaya literatura v kontekste kul'tury. 2023. № 16 (22). S. 23-32.
8. Raineke Yu.S. Istoricheskii roman postmodernizma i traditsii zhanra (Velikobritaniya, Germaniya, Avstriya). Diss. ... kand. filol. nauk. M. 2002. 211 s.

Terminology at the border of linguistics and psychology: to the problem of strict definitions

Petrov Dmitry Vladimirovich

Postgraduate Student, Department of Modern Russian Language and General Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

603022, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Gagarin Ave., 23

 dv.p.95@mail.ru

Abstract. The article is devoted to an analytical review of ambiguously defined terms and commonly used lexical units related to the mental sphere, which linguists use to some extent. The article reveals in detail the problem of the importance of the strictest possible definitions for such vocabulary when it is used both in linguistic texts and in general in the texts of humanitarian studies. In order to accurately formulate definitions for the twenty lexical units listed in the introduction, the main part of the article provides an independent analysis of basic psychological and semiotic concepts based on current anthropological knowledge. For each of the twenty lexical units, a strict definition is independently formulated. In a number of cases, detailed comments are given on the expected degree of accuracy of the definition, on the shortcomings of possible alternative definitions, on the ambiguity of the lexical unit, etc. In addition to independent definitions of some lexical units, definitions already existing in scientific circulation are given, which are evaluated in the article as successful. At the end of the analytical review, a model of speech communication is formulated in the form of a scheme, based on the conclusions made in the review. The practical orientation of the review is the preparation of a fundamental theoretical basis for a Ph.D. research devoted to the compilation of an original lexical thesaurus for machine sentiment analysis.

Keywords: meaning, word, sign, concept, image, psyche, basic terminology, psycholinguistics, theory of language, speech communication

References (transliterated)

1. Shumskii S.A. Simvol'noe myshlenie robotov // Nelineinaya dinamika v kognitivnykh

- issledovaniyakh – 2019: trudy VI Vserossiiskoi konferentsii. Nizhnii Novgorod: IPF RAN, 2019. S. 230–232.
2. Shakhnarovich A.M. Motivirovannost' znakov yazyka v ontogeneze rechevoi deyatel'nosti // Voprosy semantiki: mezhvuz. sb. Kalinigrad: Kaliningr. un-t, 1978. S. 130–134.
 3. Trofimov S.V. Emil' Dyurkgeim o roli religii v obshchestvennoi zhizni. Obosnovanie vybora elementarnoi religii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2019. №3. S. 193–197.
 4. Tokarev G.V. Formirovanie kvazisimvolov na baze konnotatsii znachenii verbal'nykh edinits // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya. 2020. №3. S. 5–13.
 5. Barabash O.V. Podkhody k ponimaniyu fenomena polisemii // Vestnik PenzGU. 2015. №1 (9). S. 88–92.
 6. Savel'ev S.V. Morfologiya soznaniya: V 2 t. – 2-e izd., ispr. i dop. M.: VEDI, 2020. T. 1. 224 s.
 7. Golovin B.N. Problema predmetnoi i ponyatiinoi otnesenosti lingvisticheskikh terminov (na materiale terminov sintaksisa) // Terminy v yazyke i rechi: mezhvuz. sb. Gor'kii: Izd. GGU, 1985. S. 3–13.
 8. Limitovskii A.M. «Trudnaya problema soznaniya» kak filosofskaya problema i teoreticheskii konflikt // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. 2019. №3. S. 34–50.
 9. Set A. Osoznannaya real'nost' – eto gallyutsinatsii nashego mozga [Videozapis' s rasshifrovkoi] // TED2017. – Vankuver, 2017. – Rezhim dostupa: https://www.ted.com/talks/anil_seth_your_brain_hallucinates_your_conscious_reality/transcript?language=ru (data obrashcheniya: 11.03.2023)
 10. Seth A. Being You: A New Science of Consciousness. N.Y.: Dutton, 2021. 352 p.
 11. Warburton N. A little history of philosophy. New Haven: Yale University Press, 2011. 272 p.
 12. Sovremennyyi obrazovatel'nyi protsess: osnovnye ponyatiya i terminy / Avt.-sost. Oleshkov M.Yu., Uvarov V.M. – M.: Kompaniya Sputnik+, 2006. 191 s.
 13. Anzai A., Peng X., Van Essen D.C. Neurons in monkey visual area V2 encode combinations of orientations // Nature Neuroscience. 2007. Vol. 10. No. 10. Pp. 1313–1321.
 14. Hegdé J., Van Essen D.C. Selectivity for Complex Shapes in Primate Visual Area V2 // The Journal of Neuroscience. 2000. Vol. 20. Pp. 1–6.
 15. Hegdé J., Van Essen D.C. Temporal dynamics of shape analysis in Macaque visual area V2 // Journal of Psychology. 2004. Vol. 92. No. 5. Pp. 3030–3042.
 16. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / Sost. i gl. red. S.A. Kuznetsov. – SPb.: Norint, 2008. 1534 s.
 17. Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki / Gl. red. I.T. Kasavin. – M: «Kanon +», ROOI «Reabilitatsiya», 2009. 1247 s.
 18. Lotman Yu.M. Semiotika kino i problemy kinoestetiki. Tallin: Eesti Raamat, 1973. 135 s.

Comparative analysis of the structure of simple sentences in Russian and Chinese diplomatic documents

Ma Liming

Postgraduate student, Department of General and Comparative-Historical Linguistics, Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ mlmdiana@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the study of complex structures of simple sentences in Russian and Chinese diplomatic documents of the late XX - early XXI century in order to identify similarities and differences. The main purpose of the work is to identify similarities and differences in the complex structure of simple sentences in Russian and Chinese, as well as to analyze the causes of their occurrence. The article analyzes the various structures of simple sentences in Russian and Chinese, identifies differences and similarities in the complex structure of simple sentences in diplomatic documents of both countries. The factors influencing the formation of these structures were also identified. Special attention is paid not only to the style of the documents, but also to the specifics of the language itself. The research material was bilingual documents from the period from 1994 to 2023, collected from the websites of the Ministries of Foreign Affairs of Russia and China. Transformational, structural and comparative methods are appropriate in the analysis of the material. The novelty of the research lies in the initial comparative analysis of the structure of simple sentences in diplomatic documents of the two countries, taking into account the linguistic features of the Russian and Chinese languages. The results of the study showed that although complex structures of simple sentences are widespread in diplomatic documents of both countries, the results of the study showed that the structures themselves and the factors of their formation differ. Comparative analysis allows for a better understanding of the unique features and peculiarities of the languages of each cultural tradition, which can be useful for various fields related to intercultural interaction and diplomatic communication. The results obtained can be applied in linguistics, translation studies, intercultural communication and diplomacy for a deeper understanding of linguistic expressiveness and communicative strategies in diplomatic practice.

Keywords: diplomatic style, linguistic features, comparative analysis, syntactic features, structures of simple sentences, Chinese language, Russian language, documentation, diplomatic documents, Functional stylistics

References (transliterated)

1. An' Likhun. Issledovanie sootvetstviya mezhdu razlichnymi tipami predlozhenii i komponentami predlozheniya v russkom i kitaiskom yazykakh[J]. Yazykovoe obrazovanie, 2022(3), 47-59. (安利红. 俄汉语不同句子类型及句子成分对应转换关系研究. 语言教育). 2022(3), 47-59.
2. Vorontsova T.A. Elementarnaya stilistika: ucheb. – metod. posobie / UdGU. – Izhevsk: Izd-vo «Udmurtskii universitet», 2008. – S. 13.
3. Diplomatskii slovar': v 3 tomakh / gl. red. A. A. Gromyko i dr. – 4-e pererab. i dop. izd. – Moskva: Nauka, 1984-1986. T. 1: A-I. T. 1. – 1984. – 330 s.
4. Kozheteva A.S. Yazykovaya ob'ektivatsiya adresanta i adresata v diplomatskom diskurse // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2012. № 1. S. 255-258.
5. Slovar' po ispol'zovaniyu predlogov v sovremennom kitaiskom yazyke / Fan Tsinmin. – Pekin: Izdatel'stvo «Shan'gu», 2017. – S. 104. (现代汉语介词用法词典/方清明编著). 北京: 商务印书馆, 2017 s. 104.
6. Sovremenniy kitaiskii yazyk. 2-oi tom / Pod redaktsiei Khuan Borun i Lyao Syudun. – 4-

- e izdanie. – Pekin: Izdatel'stvo vysshego obrazovaniya, 2007. – S. 28. (现代汉语.下册/黄伯荣、廖序东主编. 4版.)北京:高等教育出版社2007. S. 28.
7. Stilistika russkogo yazyka: uchebnoe posobie / pod redak. N. M. Shanskii. – 2-e izd. – Leningrad: Prosveshchenie, 1989. – 223 s.
 8. Trabelsi Kh. Lingvokommunikativnyi analiz diplomaticheskogo diskursa: avtoref. dis. kand. filol. nauk: 10.02.01. – M., 2013. – 23 s.
 9. Chepel' N.P. Sintaksicheskie osobennosti diplomaticheskogo teksta s pozitsii ekvivalentnosti v perevode // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2017. – № 10-2 (76). – S. 176-179.
 10. Chursina O.V., Sultyeva L.R. Morfologicheskie osobennosti diplomaticheskogo yazyka // Gumanitarnye issledovaniya. – 2021. – № 3 (79). – S. 96-99.

The Image of Mother in the fantasy novel "A Game of Thrones" by G. Martin.

Polyanskaya Arina Igorevna

Postgraduate student, Department of English Philology, Moscow City Pedagogical University, Institute of Foreign Languages

5B Maly Kazenny str., Moscow, 105064, Russia

 arina.safronova.mgpu.mka@yandex.ru

Abstract. The image of the mother is a constant of the world culture, and therefore it can be found in almost any national literature. The research material of this study is the work of the American fantasy writer George Martin. The object of the study is the image of the mother in the novel "A Game of Thrones" from the cycle "A Song of Ice and Fire". This series of novels has been positively reviewed by critics and warmly received by readers. In this study, the author refers to the image of the mother and conducts a practical analysis of the female characters represented in the novel. Three protagonists representing the above mentioned image of mother were analyzed. The novelist aims to create diverse characters who possess unique personalities. At the same time, each specific protagonist has ambivalence and duality. The primary method of research is a comparative analysis of the heroines selected by the author in order to identify the fundamental characteristics of the image of the mother in the work of George Martin. The principal conclusions of the study are: the presence of a specific writer's approach to the process of a mother image creation in a fantasy narrative, explained by his desire to create multifaceted characters with unique personalities, as well as the ambivalence and duality of one image in each particular protagonist. These conclusions make it possible to further conduct a more extensive study in order to investigate into other literary images presented in the works of the American writer, since fantasy, as a literary phenomenon, is experiencing increasing scientific interest. The scientific novelty is explained by a sufficient lack of conducted scientific research on the image of the mother in fantasy works, in particular, in the works of George Martin.

Keywords: duality, ambivalence, George Martin, Fantasy, female image, mother's image, literary image, American literature, world literature, A Game of Thrones

References (transliterated)

1. Baranova, K. M. Obraz Novogo Adama v amerikanskoi kolonial'noi literature XVII veka / K. M. Baranova, O. V. Afanas'eva // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka.

- Yazykovoe obrazovanie. 2014. № 3. S. 8-17.
2. Zinchenko, V.G. Literatura i metody ee izucheniya. Sistemno-sinergeticheskii podkhod / V.G. Zinchenko, V.G. Zusman, Z.I. Kirnoze. – M.: Flinta, 2011. – 280 s.
 3. Zhernova N.S. Obraz zhenshchiny v proizvedeniyakh A.M. Remizova: k probleme tipologii, diss. kand. fil. nauk 10.01.01 / Zhernova Natal'ya Sergeevna [Mesto zashchity: FGBOU VO «Vologodskii gosudarstvennyi universitet»], 2018. – 201 s.
 4. Temkin V.A., Podol'skaya I.A. Obrazy Devy Marii v romanskom iskusstve Zapadnoi Evropy // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2019. №8. S. 222-240.
 5. Duktova L.G. Reprezentatsiya kul'turnykh smyslov pri ispol'zovanii natsional'nykh kul'turnykh kodov v khudozhestvennoi literature // Litera. 2023. № 12. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43969 (data obrashcheniya: 12.01.2024).
 6. Baranova, K. M. Diakhronicheskii vzglyad na konstanty v amerikanskoj yazykovoi kartine mira / K. M. Baranova, O. G. Chupryna // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. – 2015. – № 6. – S. 8-15.
 7. Yung K. G. Dusha i mif: shest' arketipov. – M.: Sovershenstvo, 1997. – 384 s.
 8. Moshina E. A. Kul't predkov i obraz zemli-materi v russkoi lingvokul'ture (na materiale poslovits, pogovorok, zagadok) // Vestnik SVFU. 2020. №3. S. 96-104.
 9. Anisimova O.V., Makarova I. Mythopoetic Images of Irish Mythology in American Fantasy (the Case of Roger Zelazny's "Chronicles of Amber"-Corwin Cycle) // Litera. 2023. № 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39999 (data obrashcheniya: 01.02.2024).
 10. Piskunova L., Yankov I. Struktura povestvovaniya i postklassicheskaya real'nost' v fentezi-sage Dzh. R. R. Martina «Pesn' l'da i plameni» i kinoseriale «Igra prestolov» // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2020. № 1. S. 193-208.
 11. Polyanskaya, A. I. Problema klassifikatsii fentezi-proizvedenii. Vestnik MGPU. Seriya «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie». 2023. №2. S. 185-194.
 12. Larsson S., Lundström M. Anarchy in the Game of Thrones // Neohelicon. 2020. № 47. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11059-020-00522-5> (data obrashcheniya: 03.02.2024).
 13. Martin, G. A Game of Thrones. – L. : Harper Voyager, 2011. – 552 p.
 14. Pasturo M. Povsednevnyaya zhizn' Frantsii i Anglii vo vremena rytsarei Kruglogo stola // Per. M. O. Gonchar. M.: Molodaya gvardiya, 2001. 83 s.

Nonverbal components of communication in dialogues as a marker of character relationships in the work by A. P. Chekhov "Three Years"

Skrypnik Elizaveta Romanovna

Graduate student; Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication; Southern Federal University

344006, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, Lane University, 93

 elskrypnik@sfedu.ru

Abstract. Communication, which plays an integral role in human life, is reflected in a work of art mainly in the form of dialogue. With the help of dialogue, the author develops events,

forms images of characters, and conveys the idea of the work. The subject of this study is the non-verbal components of communication included in the remarks to the replicas of Alexei Laptev, a character in the story by A.P. Chekhov's "Three Years". The purpose of the work is to determine ways of introducing non-verbal components of communication into the author's comments accompanying Laptev's speech when communicating with Belavina, to describe the remarks from the point of view of structure and semantics and to trace how nonverbal components reflect changes in the characters' relationships. The relevance of the study is due to the fact that there are not many works on the study of the content and structure of remarks to Alexei Laptev's replicas and the semantic analysis of the linguistic units included in the remarks, representing non-verbal components. The following results were obtained: 1) the methods of introducing non-verbal components of communication and the means of their expression were analyzed, 2) a constant non-linguistic characteristic of Laptev's communicative behavior was determined – a change in voice volume and clarity of pronunciation, 3) the position of remarks in relation to the character's replicas was identified – the author's comments are prepositive and interpositive, 4) a number of verbs are proposed that capture changes in Laptev's inner world and, as a consequence, the transformation of his attitude towards his wife. In the process of conducting the study we used the method of contextual analysis of a text fragment, semantic and structural analysis of language units.

Keywords: speech behavior, communication, voice, dialogue, author's comment, nonverbal component, replica, remark, Alexey Laptev, Yulia Belavina

References (transliterated)

1. Belinskii V. G. Vzgl'yad na russkuyu literaturu 1847 Sobr. soch. v 9 t. T. 8. M., 2002.
2. Vereshchagin E. M. Yazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo // E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov / M.: Russkii yazyk, 1976.
3. Gorelov I. N. Neverbal'nye komponenty kommunikatsii. M.: Izd-vo LKI, 2007.
4. Izotova N. V. Pryamoe i nepryamoe obshchenie v povesti A. P. Chekhova "Tri goda": k dialektike vzaimootnoshenii glavnykh personazhei // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2020. № 4 (104). S. 119-125.
5. Izotova N. V. Dialogicheskaya kommunikatsiya v yazyke khudozhestvennoi prozy A. P. Chekhova. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo SKNTs VSh, 2006.
6. Kibrik A. E. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' / Gl. red. V. N. Yartseva. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (Data obrashcheniya: 06.04.2024)
7. Milykh M. K. Pryamaya rech' v khudozhestvennoi proze. Rostov-na-Donu: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958.
8. Sobennikov A. S. Povest' A. P. Chekhova «Tri goda»: intuitsiya khudozhnika, gendernaya psikhologiya, «grammatika teksta» // A. S. Sobennikov, N. V. Perepelitsyna / Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2014. № 4. S. 144-151.
9. Sobennikov A. S. Tvorchestvo A. P. Chekhova: pol, gender, ekzistentsiya. M.: Izdatel'skii Dom YaSK, 2021.
10. Solganik G.Ya. Stilistika teksta. M.: Nauka, 1997.
11. Chekhov A. P. Tri goda / Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. T. 9, 1894-1897. – M.: Nauka, 1977. – S. 7-91.

Expression of a person's emotional state using phraseological units with a color component in Russian and Persian languages

Haji Mousaei Svetlana Aleksandrovna

Postgraduate student, Department of Russian Language and Literature, University of Tehran

15 Kargar-E-Shomali str., Tehran, Iran, 1439813164

 shsveta21@mail.ru

Madaeni Awwal Ali

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian Language and Literature University of Tehran

16 Kargar Shomali str., Tehran, Iran, 1439813164

 amadayen@ut.ac.ir

Abstract. This article is devoted to a comparative analysis of phraseological units with a color component in Russian and Persian linguistic cultures, expressing the emotional state of a person. Color is an integral part of the perception of the reality around us; with its help, we can consciously or unconsciously convey our mood, inner state, and attitude towards everything around us. Phraseologisms, being a stable combination, give speech an emotional coloring and figuratively characterize a particular state. The object of the study is phraseological units of the Russian and Persian languages containing a colorative component, selected by a continuous sampling method from explanatory, phraseological, etymological and encyclopedic dictionaries and other literary sources of the Russian and Persian languages. The main research method used in this work is the comparative method and axiological analysis of phraseological units containing a color component in the Russian and Persian languages.

Let us note that work on the comparative analysis of various lexical units is currently being carried out quite actively, but research in the field of comparing phraseological units with the color component of the Russian and Persian languages is not numerous. The scientific novelty of the work lies in the study and understanding of information about the emotional state of a person, which is conveyed by phraseological units of the Russian and Persian languages, containing a color component. Based on the results of the study, the symbolism and associative perception characteristic of representatives of Russian and Persian culture were determined, and the colors included in the phraseological units characterizing the emotional state of a person were identified, and the subjective evaluative attitude of a person to existing or possible situations and the objective world was indicated, transmitted by them.

Keywords: emotional state, colorative, phraseological units, linguistic picture of the world, color picture of the world, comparison, white, green, Russian language, Persian language

References (transliterated)

1. Slastnikova T.V. Cherkashina T.V. Tsvet i tsvetooboznachenie v lingvisticheskikh issledovaniyakh: monografiya. M.: Yazyki narodov mira. 2021. 240 s.
2. Bol'shova A.V. Ponyatie «tsvet» v sovremennoi otechestvennoi i zarubezhnoi lingvistike. M.: Nauka v megapolise. Issledovaniya molodykh uchenykh. 2022. № 5(40). Poryadkovyi nomer: 10.

3. Shevchuk-Chernogorodova M.A. Otrazhenie tsvetovoi kartiny mira vo frantsuzskoi i russkoi frazeologii. M.: Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2005. № 66. S. 122-127.
4. Zav'yalova N.A. Frazeologicheskie edinit'sy s kolorativnym komponentom kak sostavlyayushchaya diskusa povsednevnosti Yaponii, Velikobritanii i Rossii. Ekaterinburg. Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 2011. 321 s.
5. Tsyganenko G.P. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Kiev.: Rad. shk. 1989. 511 c.
6. Ivanova D. Tainyi yazyk tsveta. M.: Zhurnal fakul'teta inostrannykh yazykov i regionovedeniya MGU im. M.V. Lomonosova. №80. 2021. S. 35-40.
7. Pasturo M. Zheltyi. Istoriya tsveta. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2022. 124 s.
8. Moin Mokhammad Slovar' Moin (persidskii). Iran. Tegeran.: Refa. 2007. 1816 s.
9. Matveeva L. A. Frazeologizmy s tsvetovym komponentom v angliiskom i russkom yazykakh. M.: Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty. 2014. Vyp. 29. S. 178-182.
10. Bolotina M. A., Shabasheva E. A. Simvolika tsveta v russkom i angliiskom yazykakh. Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya «Filologiya, pedagogika, psikhologiya». 2011. Vyp. 2. S. 7-12.
11. Kulichenko Yu. N., Korolevskaya E. M. Simvolika zelenogo tsveta vo frazeologicheskoi kartine mira: sopostavitel'nyi aspekt. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. Tom 13. Vypusk 8. S. 262-264.
12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovy slovar' russkogo yazyka. M.: Izdatel'stvo "Az"". 1992. 2314 s.
13. Mokienko V.M., Nikitina T. G. Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok. M.: Mediagrupp Alma. 2007. 785 s.
14. Rubinchik Yu.A. Persidsko-russkii slovar': v 2 tomakh. 3-e izdanie. Stereotip. M.: Russkii yazyk. T. 2. 1985. 864 s.
15. Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. pod red. A.N. Tikhonova. sost. A. N. Tikhonov, A.G. Lomov, Lomova L.A. M.: «Russkii yazyk-Media». 2007. 340 s.
16. Fedorov A.I. Frazeologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. 3-e izd. M.: Artel': AST, 2008. 878 s.
17. Slovar' russkogo yazyka. pod red. A. P. Evgen'evoi: V 4-kh t. RAN, In-t lingvistich. Issledovaniy. 3-e izd. M.: Russkii yazyk. Tom 2. 1988. 736 s.
18. Rubinchik Yu.A. Persidsko-russkii slovar': v 2 tomakh. 3-e izdanie. Stereotip. M.: Russkii yazyk, T.1. 1985. 800 s.
19. Goleva G.S. Farsi-russkii frazeologicheskii slovar'. M.: Graal', 2000. 555 c.
20. Tolkovy slovar' russkogo yazyka pod red. Dmitrieva D. V. M.: Astrel', 2003. 1582 s.
21. Dekkhhoda Ali-Akbar Tolkovy slovar' persidskogo yazyka: v 4 tomakh. 6-e izd. T. 2. Iran. Tegeran: Sepākhr, 1994. 1175 s.
22. Slovar' russkogo yazyka pod red. A. P. Evgen'evoi: V 4-kh t. RAN, In-t lingvistich. Issledovaniy. 3-e izd. M.: Russkii yazyk. Tom 4. 1988. 797 s.
23. Mokhammad Sadegi Siar Krasiveishie persidskie poslovitsy i pogovorki. Iran. Tegeran. Entesharate safir-e galam. 2022. 200 s.
24. Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok pod. Red. Mokienko. M.: Olma Media grupp, 2007. 785 s.
25. Sokheili Mekhdi Znamenit'ye iransk'ie poslovitsy. Iran, Tegeran. Gol' Ara. 2005. 215 s.
26. Chakhoyan A.S. Ponyatie Izhi: differentsial'naya diagnostika. M.: Teoreticheskaya i

- eksperimental'naya psikhologiya. 2015. T. 8. № 2. S. 74-79.
27. Dekkhhoda Ali-Akbar Tolkovi slovar' persidskogo yazyka. Iran, Tegeran: Ruzane. 1994. 2455 s.
28. Kuragali Khaleg Persidskie poslovitsy, pogovorki i krylatye slova. Iran. Tegeran: Izd. «Kia» 1992. 625 s.
29. Farsadmanesh Safar-Ali, Ezhova L. Russko-persidskii slovar' poslovits i pogovorok. Iran: Tegeranskii universitet. 2005. 320 s.
30. Rubinchik Yu. A. Osnovy frazeologii persidskogo yazyka. M.: Nauka, 1981. 276 s.

The frequency of the use of the word "Tibet" in the Russian-language discourse of the 18th and 20th centuries.

LUOXUE

Postgraduate student at Mbscow State University

7 Kravchenko str., Moscow, 119415, Russia

 syue.lo@yandex.ru

Abstract. The analysis of the reasons for the appearance of the "three peaks" of the use of the word "Tibet" from the 18th century to the present day in the national corpus of the Russian language is made in the article. Author, by considering the compatibility with the word "Tibet" in text materials, draws conclusions about the dynamic perception of the image of Tibet by native speakers of the Russian language. The article examined the image of Tibet based on materials from the NKRR. The author highlights such characteristics of the image of Tibet as the complexity of the location, the difficulty of the path, the connection with the religious and mystical worldview, mystery, etc. The analysis of the process of designing the image of Tibet reflects the development of relations between China and Russia. We used the main body of the NCR to analyze the uses of the word "Tibet" from the 18th century to the present day. The number of word usage shows three so-called "peaks" occurring in 1740-2000. The research is based on frequency and description. The frequency method helps to determine the number of word usage in different years and identify three "peaks" of the use of the word "Tibet". The descriptive method allows us to trace the peculiarities of the use of the word "Tibet" at the moment. It was revealed that the first peak of the use of the word Tibet was at the end of the 19th century. At the end of the 19th century, Tibet was an unknown region for Russians. The design of the image of Tibet is helped by textual information coming from scientific and trade expeditions. Most of the words combined with the word Tibet set the vector of movement to a new country for Russians. The second peak of word usage occurred in 1926. At this time, Russian people's knowledge of Tibet became deeper in the aspects of religion and tourism, and the description of Tibet became more detailed. During the third peak of word usage (2009), with the continuous development and popularization of Tibetan culture in Russia, more and more attention is paid to describing the image of Tibet, and there are more and more works dedicated to Tibet, advertisements for Tibetan clinics, travel blog texts about Tibet. Thus, the study of the image of Tibet is relevant for modern linguistics. The materials of the article can be used to develop educational materials, and will also be useful in studying the dynamic aspect of the worldview.

Keywords: case studies, metaphor, image, imagology, compatibility, The image of Tibet, Tibet, frequency, the linguistic picture of the world, The National Corps of the Russian language

References (transliterated)

1. Aristotel'. Sochineniya v chetyrekh tomakh. / Aristotel'. Red. V. F. Asmus. – Moskva: Mysl', 1976. – T 1. – 550 s.
2. Gal'perin P. Ya. Obshchii vzglyad na uchenie o tak nazyvaemom poetapnom formirovanii umstvennykh deistvii, predstavlenii i ponyatii / P. Ya. Gal'perin // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.14: Psikhologiya. – 1998. – № 2. – S. 3–8.
3. Gegel' G. V. F. Estetika : v 4 tomakh / G. V. F. Gegel' ; perevod. B. G. Stolpner i dr. – Moskva: Iskusstvo, 1968. – T. 1. – 385 s.
4. Solso Robert L. Kognitivnaya psikhologiya / Solso Robert L. ; per. s angl. S. Komarov. – Moskva: Piter, 2006. – 6-e izd. – 588 s.
5. Khrapchenko M. B. Gorizonty khudozhestvennogo obraza / M. B. Khrapchenko. – Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1982. – 332 s.
6. Kanke V. A. Formy vremeni / V. A. Kanke. – Moskva: Editorial URSS, 2002. – 230 s.
7. Oshchepkov A.R. Imagologiya // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2010. №1. S. 251-253. S. 251.
8. Chevrel I. La litterature comparee. Paris. 2006.
9. Zemskov V.B. Rossiya na «perelome» // Na perelome: obraz Rossii proshloi i sovremennoi v kul'ture i literature Evropy i Ameriki (konets XX – nachalo XXI vv.). Otv. red. V.B. Zemskov. M.: Novyi khronograf, 2011. S. 4-26. – S. 7.
10. Rerikh N. K. Serdtse Azii. – N'yu-Iork: Alatas, 1929.
11. Rosova V. A. Avtoreferat doktorskoj dissertatsii «Russko-amerikanskije ekspeditsii N. K. Rerikha v Tsentral'nuyu Aziyu (1920-e i 1930-e gody)». S. 6.
12. Dyserinck H. Komparatistische Imagologie. Zur politischen Tragweite einer europäischen Wissenschaft von der Literatur // Europa und das nationale Selbstverständnis: Imagologische Probleme in Literatur, Kunst und Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts. Bonn, 1988. S. 13–33.
13. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. <https://ruscorpora.ru/>

Ways to translate medical terms into Chinese

Feng Wen

Postgraduate student, Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 15k1, sq. 80a

 1042228133@pfur.ru

Abstract. The article analyzes the five most commonly used translation methods: transcription, mixed method (transcription and semantic method), semantic method, semantic method with addition of meanings and semantic method with abbreviations. The subject of the article is the translation of the names of foreign medicines in advertising into Chinese. The purpose of the article is to analyze strategies for translating the names of medicines into Chinese in advertising, as well as to identify the most frequent and popular translation methods. The article analyzes the names of foreign medicines (70 names of medicines) and their translation into Chinese. By comparing the frequency of use of each method, the most frequent method is identified when translating foreign drug names into Chinese. In the course of the research, the following methods were used: descriptive method, method of analysis of theoretical literature, as well as methods of systematization and classification of material.

The novelty of the study lies in the fact that, to date, the translation of the names of medical terms has not yet been considered within the framework of the theory of translation equivalence. The practical significance of this article lies in the fact that the results of the study can contribute to the further strengthening and development of trade and international communication.

The article provides examples illustrating ways to translate drug names into Chinese. During the study, it was revealed that when translating medical terms from foreign languages into Chinese, the most frequent methods are transcription and the semantic method. At the same time, the percentage of use of semantic and mixed methods (which include transcription and semantic method) is also high. The percentage of prevalence of using the semantic method with addition of meanings and abbreviations is significantly lower.

Keywords: abbreviations, addition of meanings, semantic method, mixed method, transcription, borrowing, medical terms, translation, Chinese, translation equivalence

References (transliterated)

1. Zhen' Khueilin i dr, Issledovanie puti i praktiki sozdaniya klinicheskoi meditsinskoi terminologicheskoi sistemy v Kitae. Zhurnal meditsinskoi informatiki (任慧玲. 我国临床医学术语体系建设路径与实践探索. // 医学信息学杂志) 2002. – 3 s.
2. Komissarov V.N, Sovremennoe perevodovedenie. R. Valent. 2011. – 30 s.
3. Perfil'eva N. V., Khu Peipei. Sposoby assimilyatsii angliiskikh zaimstvovaniy v kitaiskii yazyk // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2018. T. 9. № 2. C. 287-296. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-287-301
4. Jeremy Munday. Introduction to Translation: Theory and Application. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2014. – 25 s.
5. Ne Yuisin'. Primenenie amplifikatsiya i kompressii v praktike perevoda novostei na russkii yazyk // Razgovor o yazyke. (聂雨鑫, 增译法和减译法在俄语新闻翻译实践中的应用 // 说语言). 2023. – 61 s.
6. Tsi Chang. Lingvisticheskii analiz obobshcheniya meditsinskikh terminov v novostnykh reportazhakh. // Znamenitye shedevry. (齐畅. 新闻报道医学术语泛化语言学分析 // 名家名作). 2023. – 91 s.
7. Chai Chzhi. Obzor metodov perevoda nazvanii lekarstv. Pekinskii ob"edinennyi universitet, Vertikal'nye i gorizontal'nye sotsial'nye nauki. (柴智. 药品名称翻译方法概述 // 社科纵横). 2009 – 268 s.
8. Chzhan Tszyan'. Predvaritel'nyi analiz kitaiskogo perevoda angliiskikh zagolovkov novostei. Inostrannye yazyki Futszyanya. (张健. 英语新闻标题汉译初析. // 福建外语). 1996 – C. 51-52.
9. Chen' Khueimei, Tsi Tszyan'yan. Issledovanie po perevodu kommercheskoi reklamy na angliiskii yazyk na osnove teorii skoposa // Izuchenie yazyka. (陈惠梅, 吉剑阳. 目的论指导下的商业广告语英译研究 // 语言研究) . 2002. – 113 s.
10. Chzhou Syaochen. Struktura glavy i yazykovye osobennosti rossiiskoi reklamy. Prepodavanie russkogo yazyka v Kitae. (周小成. 俄语广告的篇章结构和语言特点. // 中国俄语教学). 1996 – C. 39-44.

Representation and stereotyping of the female image in modern mass media (based on glossy magazines)

Lobanova Tatiana Nikolaevna

Doctor of Philology

Professor, State University of Education

141031, Russia, Moscow region, Mytishchi, Malaya Borodinskaya str., 1, sq. 1

 lobanovaty@mail.ru

Dubyaga Anastasiya Mikhailovna

English and Chinese teacher at school №1367

115547, Russia, Moscow region, Moscow, ul. Biryulevskaya, d 58 k 1, office 90

 anastasiya.dubyaga.96@mail.ru

Abstract. In the 21st century, the need for the development of the glossy sector is increasing every day. The main object of the study is the image of female beauty in modern glossy magazines; the subject of the study is the formation of a stereotypical idea of beauty in modern mass media. The purpose of this article is to analyze the linguistic and visual representation of women in modern mass media (based on glossy magazines), as well as the features of the linguistic (linguistic and visual) construction of the image of a woman in modern discursive linguistics. In addition, when conducting this research, not only general scientific methods are used, such as comparison, description, classification, systematization, interpretation, analysis, classification, but also special linguistic methods for analyzing lexical-semantic groups: contextual and stylistic analysis of semantics, the method of psycholinguistic modeling, method of complex analysis. The scientific novelty of the study is due to the subject of the study and the lack of modern comparative studies in the field of the specific representation of the image of beauty in the media (in glossy magazines) for young women. During the study, the features of modern visual culture and mass media products were studied, the standards of beauty and the female image being a sociocultural phenomenon were described, the methods of applying various methodologies to the visual content of glossy magazines and digital analogues were analyzed, axiological pictures of the world in different cultures and social gender stereotypes were partially described, reflected in language, the representation and stereotyping of the beauty of the female image in modern mass media (based on glossy magazines) is analyzed and ways of stereotyping beauty in glossy magazines are identified, including the features of visual design and promotion of content personalization (recommendation technologies) in the modern glossy segment.

Keywords: glossy magazine, gender stereotypes, visual content, representation of beauty, visualization of beauty, stereotyping of beauty, image of female beauty, beauty standard, gender, discursive linguistics

References (transliterated)

1. Azhgikhina N.I. Gendernye stereotipy v sovremennykh mass-media // Gendernye issledovaniya. 2000. № 5. S. 8.
2. Bagiev G. L. Ekonomika marketinga: Uchebnoe posobie. – SPb.: Izdvo SPbGUEF, 2016. 151 s.
3. Kolomiitseva E. Yu. Formirovanie zhenskogo universal'nogo zhurnala v otechestvennoi zhurnalistike XVIII–XX vekov: istoriya razvitiya i tipologicheskie osobennosti // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2008. №6. S. 67.
4. Leont'ev A. A. Prikladnaya psikholingvistika rechevogo obshcheniya i massovoi

- kommunikatsii. Moskva: Smysl, 2016. 2-e izd. 271 s.
5. Lobanova T. N. Yazykovye sredstva vyrazheniya kommunikativnykh strategii v nekooperativnom disкурse (na materiale angloyazychnykh tok-shou) // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69507 EDN: EOFVYE [Elektronnyi resurs]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69507 (data obrashcheniya: 24.03.2024).
 6. Song Suhong, Zhu Yaqi. A study on the relationship between social media use and negative body imagery of women // Contemporary Communication. 2019. №6. Pp. 29-38.
 7. Wu Linan. The dilemma of female portrayal in "female-oriented" online novels // Writers' World. 2021. №8. Pp. 10-13.
 8. Yorgos C. Zotos, Eirini Tsichla. Social and Behavioral Sciences. NJ: Procedia, 2014.
 9. Zhao, Hongxia. Research on Chinese feminist literary criticism since 1980s. NJ: Northeast Normal University, 2018.
 10. Zhu, Mei-Ming. An analysis of the changing female characters in the development of online romance novels // Young Literati. 2021. №5. Pp. 45-46.

The realization of the concept of the features of the historical novel by Walter Scott on the example of Barry Unsworth's novel "Moralite"

Sadovnikova Yuliya Mikhailovna

Postgraduate student of the Literature Department of Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

248000, Russia, Kaluga region, Kaluga, lane Voskresenskiy, 4

 OrangeLioness@yandex.ru

Abstract. The article examines the features of the concept of the historical novel by Walter Scott on the example of Barry Unsworth's novel "Morality Play". The purpose of this article is to identify the features and principles of the historical method. The great merit of the outstanding Scottish writer Walter Scott (1771-1832) is that he introduced the principle of historicism into literature and wrote a number of brilliant historical novels. In them, readers see a picture of the struggle of contradictory and complex interests of various social groups, parties, and religious sects. His historical novels provided a better understanding of contemporary issues. He combined historical truth with fiction, explaining the validity of such a connection by saying that "the most important human passions in all their manifestations, as well as the sources that feed them, are common to all classes, states, countries and epochs; hence it invariably follows that although this state of society affects opinions, way of thinking and the actions of people, these latter are extremely similar in their very essence. Walter Scott was the founder of the historical novel in its modern sense. In the XIX century, he developed the principles of the historical method, which made it possible to create fascinating novels, freed from excessive archaization of language and at the same time fully conveying the originality and recognizable imprint of the described epoch. In the 19th century, along with the tradition dating back to Walter Scott, another form of aesthetic insight into the past also asserted itself. Real historical characters in such works are optional, although their presence is not excluded. The "hero" for the writer is not a historical event, but an "epoch". The author of such a work creates his own self-sufficient world, achieves credibility not by more or less accurately following historical material, but by the reality of the psychological experience of the characters, the reality (often illusory) of everyday life. The novel "Morality

"Play" is a historical detective novel by British writer Barry Unsworth, was published in 1995, and was first published in Russian in 2005. The novel is an example of a fruitful combination of two updated genres: new historical fiction and metaphysical detective.

Keywords: investigation, power, justice, novel, historicism, Scott, postmodernism, Moralize, Unsworth, detective

References (transliterated)

1. Ansvort, B. Moralite / Barri Ansvort. Per. s angl. I.G. Gurovoi. M.: Tranzitkniga / AST, 2004. – 240 s.
2. Kabanova, I.V. "Chistoe siyanie proshlogo": istoricheskii roman Khilari Mantel//Dva veka angliiskogo romana. Kollektivnaya monografiya. K 70-letiyu professora B.M. Proskurnina. S.-Peterburg: izd-vo "Mamatov", 2021. S. 325-347.
3. Lukach, G. Istoricheskii roman / G. Lukach. – Tekst: elektronnyi // Literaturnyi kritik. – 1937, – № 7, 9, 12; 1938, № 3, 7, 8, 12. –
URL:https://royallib.com/read/lukach_georg/istoricheskii_roman.html#0
4. Proskurnin, B.M. Sovremennyi angliiskii istoricheskii roman: traditsiya i dialog s neyu // Mirovaya literatura v kontekste kul'tury. 2023. № 16 (22). S. 23-32.

Metaphor of Shame in Chinese and Russian

HUANG YIFAN

PhD in Philology

Postgraduate student, Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia

119526, Russia, Moscow, 26 Bakinsky Komissarov str., 10, sq. 32

✉ huangyifan_2021@163.com

Abstract. The article presents a comparative analysis of metaphors reflecting the emotion of shame in Russian and Chinese. The methods of conceptual analysis, comparative analysis, metaphorical modeling and corpus research of metaphorical units are used on the material of the Chinese BCC and CCL buildings and the Russian NKRJ corps. The aim of the work is to study the emotional metaphors of shame in Russian and Chinese and to identify similarities and differences in the conceptualization of shame in the two linguistic cultures. The methodological basis of the research is the theory of cognitive metaphors by J. Lakoff. According to this theory, the metaphors of shame in Russian and Chinese were divided into five types: physical, natural, ontological, behavioral and sensory. As a result of the study, it turned out that in different cultures there are similarities in the use of metaphors to express shame, which may indicate a universal biological basis for this emotion. However, trends and differences in cognitive processes lead to significant differences between Russians and Chinese in how metaphors are used to express shame. The study of shame metaphors in Russian and Chinese is an important topic for comparative analysis of linguistic features, which contributes to a deeper understanding of cultural characteristics and emotional manifestations in various cultural contexts. As a result of the study, it turned out that in different cultures there are similarities in the use of metaphors to express shame, which may indicate a universal biological basis for this emotion. However, trends and differences in cognitive processes lead to significant differences between Russians and Chinese in how metaphors are used to express shame. The study of shame metaphors in Russian and Chinese

is an important topic for comparative analysis of linguistic features, which contributes to a deeper understanding of cultural characteristics and emotional manifestations in various cultural contexts.

Keywords: metofara, the theory of metaphorical modeling, Chinese language, Russian, emotions and feelings, shame, types of emotional metaphors, cognitive metaphors, a metaphorical unit, emotional metaphors

References (transliterated)

1. Arutyunova N.D. Predlozhenie i ego smysl. M.: Nauka, 1976. S. 98.
2. Vaisgerber L. Rodnoi yazyk i formirovanie dukha. – M., 1993.
3. Gusein-Zade I.A. Metaforicheskie obrazy emotsional'nykh sostoyanii v russkoi yazykovoi kartine mira: modeli dvizheniya i vozdeistviya. URL : <http://www.lib.tsu.ru>.
4. Dzheims, U. Psikhologiya / U. Dzheims // Seriya «Klassiki mirovoi psikhologii» / pod red. L. A. Petrovskoi. – M.: Pedagogika, 1991. – 368 s.
5. Kupina N. A., Matveeva T. V. Stilistika sovremennogo russkogo yazyka [Uchebnik dlya bakalavrov] / N. A. Kupina, T. V. Matveeva. – Moskva, 2013. – 415 s.
6. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem. M.: URSS Editorial, 2004. 256 s.
7. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991-2000). Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2001. 238 s.
8. Darwin C. R. The expression of emotions in man and animals. – London, John Murray, 1872/ Chicago, University of Chicago Press, 1965.
9. Foolen, A. The Expressive Function of Language: Towards a Cognitive Semantic Approach [Text] / A. Foolen // The language of emotions. Conceptualization, Expression and Theoretical Foundations / ed. by S. Niemeier, R. Dirven. Amsterdam : John Benjamin's Publishing Co., 1997. P. 15-29.
10. 吴为善(2001), 认知语言学与汉语研究, 复旦大学出版社, 48页。